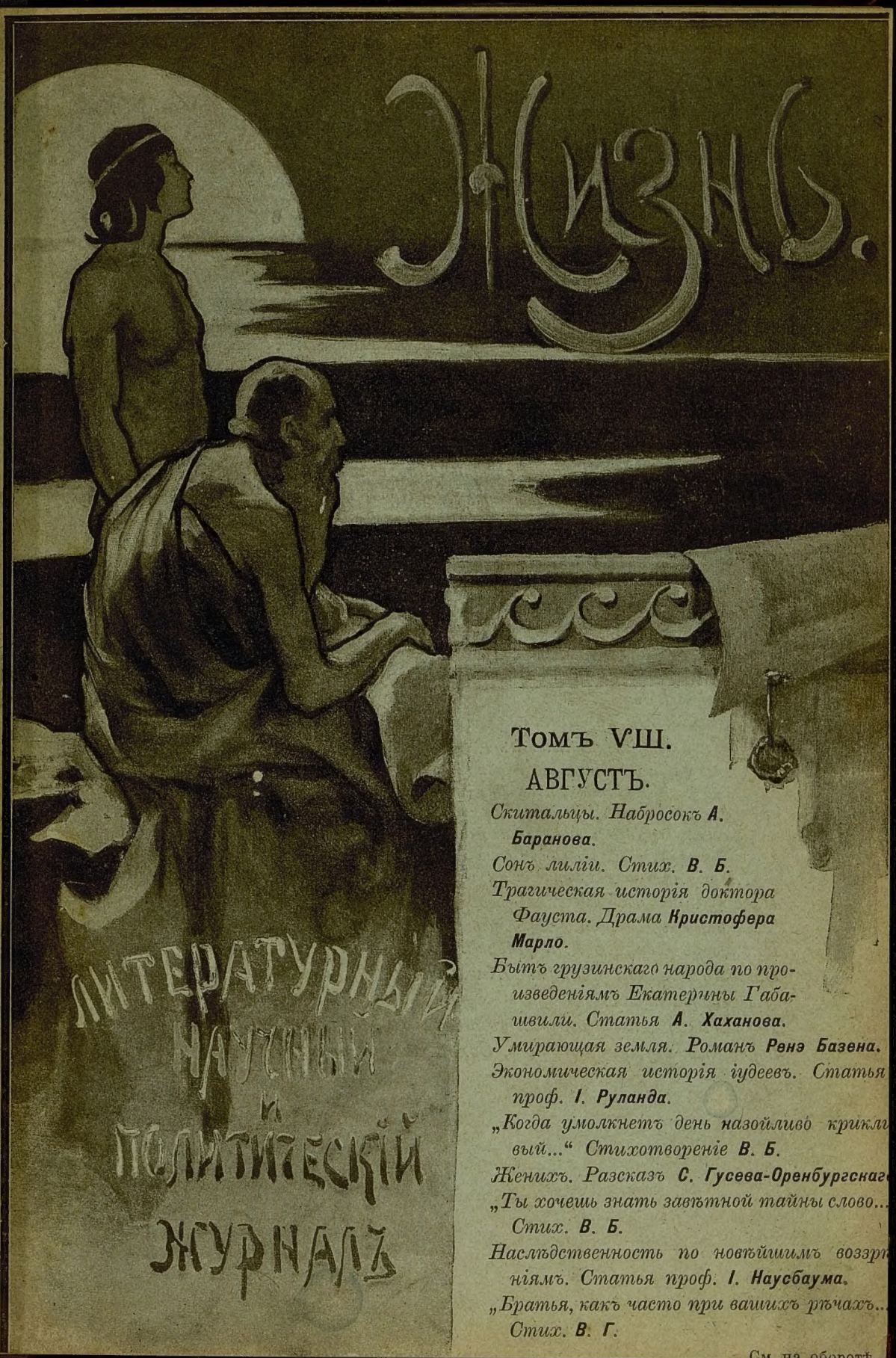


Томъ VIII.

АВГУСТЪ.

Скитальцы. Набросокъ **А. Баранова.**

Сонъ лиліи. Стих. **В. Б.**

Трагическая исторія доктора Фауста. Драма **Кристофера Марло.**

Бытъ грузинскаго народа по произведеніямъ Екатерины Габашвили. Статья **А. Хаханова.**

Умирающая земля. Романъ **Рене Базена.**

Экономическая исторія іудеевъ. Статья проф. **І. Руланда.**

„Когда умолкнетъ день назойливо крикливый...“ Стихотвореніе **В. Б.**

Женихъ. Разсказъ **С. Гусева-Оренбургскаго**

„Ты хочешь знать завѣтной тайны слово... Стих. **В. Б.**

Наслѣдственность по новѣйшимъ воззрѣніямъ. Статья проф. **І. Наусбаума.**

„Братья, какъ часто при вашихъ рѣчахъ... Стих. **В. Г.**

См. на оборотѣ

Настроеніе. Очеркъ **В. І-скаго.**

Индивидуумъ, группа и среда. Статья проф. **Л. Гумпловича.**

Ѳома Гордѣевъ. Повѣсть **М. Горькаго.**

Изъ полярныхъ картинъ: Лѣто. Стих. **В. Г.**

Художественныя журналы. Статья **П. Н. Ге.**

Дѣвушка. Стих. **В. Г.**

Объ англо-трансваальскомъ конфликтѣ. Статья **Д. Сатурина.**

Трудовая теорія цѣнности и законъ равной нормы прибыли. Статья третья **П. Нежданова.**

Къ мобилизаціи земель крестьянскихъ обществъ въ Екатеринославской губерніи. Статья **М. Гельрота.**

Семидесятые годы. Статья шестая: Роль личности въ исторіи.—Кающійся дворянинъ г. Михайловскаго **Е. А. Соловьева.**

Антонъ Павловичъ Чеховъ. Статья **Андреевича.**

Библіографія: Аполонъ Коринфскій. Бывальщины и картины Поволожья. Спб., 1899 г. **Андреевича.**—*Л. Майковъ. Пушкинъ. Спб., 1899 г.* **А—ча.** — *Д. С. Мережковскій. Вѣчные спутники. Спб., 1899 г.* **Д. Н. Овсянико - Куликовскаго.** — *Дж. Ст. Милль. Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми примѣчаніями къ общественной философіи. Кіевъ—Харьковъ, 1899 г.* **П. Берлина.** — *П. Кампфмееръ. Очерки изъ исторіи нѣмецкой культуры. Спб., 1898 г.* **В. Котовича.**—*К. Шраммъ. Основы экономической науки. Спб., 1899 г.* **Б. Авилова.** — *К. Головинъ. Наша финансовая политика и задачи будущаго. Спб., 1899 г.* **А. В.**

Изъ области знанія и жизни: Германскіе и швейцарскіе университеты.—Робертъ Бунзенъ **W. P.**

Провинціальныя картинки: Санитарныя условія г. Одессы **Ал. О. Недолина.**

Хроника внутренней жизни: I. Съѣздъ молочныхъ хозяевъ въ Ярославлѣ.—Спеціализація сѣверныхъ губерній на производствѣ и обработкѣ молочныхъ продуктовъ.—Артельныя мечтанія піонеровъ молочнаго дѣла и дѣйствительность.—II. Временныя правила объ отбываніи воинской повинности воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній за учиненіе скопомъ безпорядковъ.—Мнѣніе „Новаго Времени“.—III. По поводу дѣла Тальмы.—Признанія Old Gentleman'a.—Нѣчто о вѣяніяхъ и „беллетристической психологіи въ обвиненіи“.

Иностранное обозрѣніе: Распаденіе демократическихъ партій въ Бельгіи.—Человѣкъ, поборовшій смерть и безуміе.—Покушеніе на Лабори **Е. С.**

Письмо въ редакцію **А. Пругавина.**

Отчетъ конторы редакціи „Жизнь“ по сбору пожертвованій въ пользу голодающихъ.

Новыя книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

***Портреты:** Бунзена, Жореса, Золя, Лабори, Пикара, Чехова.*

19417
1922.

ЖИЗНЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ.

ТОМЪ VIII.

АВГУСТЪ

1899 г.

Библиотека Ленингр. Гос. Пед. Ин-та им. А. И. Герцена
15506
Пров. 50

Контора редакціи: Спб., Знаменская, 20
Телефонъ № 2782.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 августа 1899 г.

Типографія Спб. Акц. Общ. Печ. дѣла въ Россіи Е. Евдокимовъ. Троицкая, 18.

ТОМЪ VIII.

АВГУСТЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

СТРАН.

1) Скитальцы. Набросокъ **А. Баранова**. 1
2) Сонъ лиліи. Стихотвореніе **В. Б.** 10
3) Трагическая исторія доктора Фауста. Драма **Кристофера Марло**. 11
4) Бытъ грузинскаго народа по произведеніямъ Екатерины Габашвили. Статья **А. Хаханова**. 43
5) Умирающая земля. Романъ **Ренэ Базена**. 59
6) Экономическая исторія іудеевъ. Статья проф. **І. Руланда**. . . 113
7) „Когда умолкнетъ день назойливо крикливый...“ Стихотвореніе **В. Б.** 124
8) Женихъ. Разсказъ **С. Гусева-Оренбургскаго**. 125
9) „Ты хочешь знать завѣтной тайны слово...“ Стихотвореніе **В. Б.** 144
10) Наслѣдственность по новѣйшимъ воззрѣніямъ. Статья проф. **І. Наусбаума** 145
11) „Братья, какъ часто при вашихъ рѣчахъ...“ Стихотвореніе **В. Г.** 171
12) Настроеніе. Очеркъ **В. Г-скаго**. 173
13) Индивидуумъ, группа и среда. Статья проф. **Л. Гумпловича**. 181
14) Ѳома Гордѣевъ. Повѣсть **М. Горькаго**. 189
15) Изъ полярныхъ картинъ: Лѣто. Стихотвореніе **В. Г.** . . . 240
16) Художественныя журналы. Статья **П. Н. Ге**. 235
17) Дѣвушка. Стихотвореніе **В. Г.** 230
18) Объ англо-трансваальскомъ конфликтѣ. Статья **Д. Сатурина** 249
19) Трудовая теорія цѣнности и законъ равной нормы прибыли. Статья третья **П. Нежданова**. 263
20) Къ мобилизаціи земель крестьянскихъ обществъ Екатеринославской губерніи (1877—1897 г.) Статья **М. Гельрота**. . 283
21) Семидесятые годы. Статья шестая: Роль личности въ исторіи. Кающійся дворянинъ г. Михайловскаго. **Е. А. Соловьева**. . . . 302

СТРАН.

22) Библіографія: Апполонъ Коринфскій. Бывальщины и картины Поволожья. Спб., 1899 г. **Андреевича.**—Л. Майковъ. Пушкинъ. Спб., 1899 г. **А—ча.**—Д. С. Мережковскій. Вѣчные спутники. Спб., 1899 г., **Д. Н. Овсянико-Куликовскаго.**—Дж. Ст. Милль. Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми примѣчаніями къ общественной философіи. Кіевъ—Харьковъ, 1899 г. **П. Берлина.**—Фр. Ланге. Исторія матеріализма и критика его значенія въ настоящее время. Спб., 1899 г. **П. Берлина.**—П. Кампфмейеръ. Очерки изъ исторіи нѣмецкой культуры. Спб., 1899 г. **В. Котовича.**—К. Шраммъ. Основы экономической науки. Спб., 1899 г. **Б. Авилова.** — К. Головинъ. Наша финансовая политика и задачи будущаго. Спб., 1899 г. **А. В.** 364

23) Изъ области знанія и жизни: Германскіе и швейцарскіе университеты.—Робертъ Бунзенъ. **W. P.** 355

24) Провинціальныя картинки: Санитарныя условія г. Одессы **Ал. О. Недолина.** 359

25) Хроника внутренней жизни: I. Съѣздъ молочныхъ хозяевъ въ Ярославлѣ.—Спеціализація сѣверныхъ губерній на производствѣ и обработкѣ молочныхъ продуктовъ.—Артельныя мечтанія піонеровъ молочнаго дѣла и дѣйствительность. II. Временныя правила объ отбываніи воинской повинности воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній за учиненіе скопомъ безпорядковъ.—Мнѣніе „Новаго Времени". III. По дѣлу Тальмы. — Признанія Old Gentleman'a.—Нѣчто о вѣяніяхъ и „беллетристической психологіи въ обвиненіи". 370

26) Иностранное обозрѣніе: Распаденіе союза демократическихъ партій въ Бельгіи.—Человѣкъ, поборовшій смерть и безуміе.—Покушеніе на Лабори. **Е. С.** 387

27) Письмо въ редакцію **А. Пругавина.** 393

28) Отчетъ конторы редакціи журнала „Жизнь" по сбору пожертвованій въ пользу голодающихъ. 395

29) Новыя книги, поступившія въ редакцію для отзыва . . . 396

Портреты: Бунзена, Жореса, Э. Золя, Лабори, Пикара.

ЭМИЛЬ ЗОЛА.

Скитальцы.

НАБРОСОКЪ.

— А что, ваше благородіе, не пожелаете ли, вонче, значитъ, отправиться въ Дубовую-то Веретью на лодкѣ? — спросилъ меня „политичный“ староста, когда я кончилъ свое землемѣрское дѣло и складывалъ инструменты. За работой мы совсѣмъ и не замѣтили, какъ закатилось солнышко и весенніе сумерки все заткали своей сѣрой паутиной. Въ избѣ, гдѣ я былъ, у дверей, толпилось нѣсколько бородатыхъ мужиковъ.

— А лодка хорошая?

— Помилте! — воскликнулъ староста и даже приложилъ руку къ сердцу. — Будьте спокойны-съ: не лодка, а прямо сказать — корабь! Тридцать человѣкъ подыметъ. И не въ примѣръ способнѣе вамъ будетъ, чѣмъ на лошадяхъ трястись... Не услышите, какъ доѣдете. До рѣки вплоть,—можетъ, пожелаете пройтиться? А то и лошадку заложить можно. Инструментикъ же ребята наши донесутъ...

Я, не колеблясь, принялъ предложеніе, и мы двинулись. Слѣдомъ за нами изъ избы высыпали и всѣ мужики. Сумерки все сгущались. Провожавшіе насъ отставали одинъ за другимъ.

— Тятя! А тятя! Пойдемъ ужинать, мамка лапшу сварила... — плаксиво тянула какая-то бѣлокурая дѣвчонка, цѣпляясь за отца.— Пойдемъ, тятька!.. Пойдемъ скорѣ!..

— Ну, пойдемъ, пойдемъ... Одолѣла, стрекоза!—проворчалъ ласково тотъ и, попрощавшись съ нами, скрылся въ сгустившихся сумеркахъ; только вмѣстѣ съ его грузными шагами слышался топотъ босыхъ ножонокъ и оживленный дѣтскій лепетъ.

— Это землемѣръ, тятька? а?.. Онъ землю мѣряетъ? Зачѣмъ, тятька? а?.. А это что у него на ножкахъ-то такое? а?.. Блести-итъ!.. А цѣпь-то длинная кака! Съ полверсты!.. Лапшу-то мамка давно сварила... Сла-адкая, съ пѣнками! Пойдемъ, тятька, скорѣ, — мамка-то давно ждетъ...

Когда мы вышли за околицу деревни, насъ охватила чуткая вечерняя тишина. Скоро деревня казалась уже какой-то безразличной темной массой. Можно было лишь различить двѣ-три выдающіяся остроконечныя крыши... Въ крайнемъ домѣ мигалъ одинокій огонекъ, мигалъ такъ свѣтло, такъ ясно... Быть можетъ это въ той избѣ, гдѣ „мамка сварила лапшу", гдѣ бѣловолосая дѣвчонка лепечетъ теперь что-то бородатому отцу и весело-весело смѣется, размазывая по щекѣ эту вкусную лапшу... Тихо, уютно, свѣтло въ этой трудовой семьѣ... А мнѣ смотрѣла въ глаза темная, грустно-тихая ночь, предо мной сбѣгалъ внизъ крутой обрывъ, теряясь въ какой-то пропасти... мнѣ предстояла дальняя дорога, безконечное землемѣрское скитальчество...

— Теперь маненечко поосторожнѣе надо...—слышу я голосъ старосты.—Сичасъ, значитъ, спускъ самый... Вотъ, сюда, сюда пожалуйте! На меня держитесь... Ну, вотъ, слава Богу, и спустились вполнѣ даже благополучно...

Передъ нами безшумно, плавно неслась могучая громада разлившейся весенней воды. Саженяхъ въ десяти темно-свинцовая вода сливалась со мглой, и мощная ширина рѣки только чуялась въ окружающей тишинѣ.

— Эй, Митрей! Гдѣ вы?—окликнулъ староста.

— Здѣсь...—отозвался сиплый голосъ, и изъ мрака выступилъ человѣкъ. На водѣ вырисовался контуръ лодки.

— Пожалуйте, все готово... Нельзя ли только, ваше благородіе, намъ съ собой женщину одну прихватить? Къ мужу ей очинно надо, поспѣшаетъ... Она и грести поможетъ...

— Отчего же, пусть ѣдетъ.

— И пре-атлично! Садись, Маланья!

— Съ Богомъ! Счастливый путь, ваше благородіе!—напутствовалъ насъ староста, когда мы вошли въ лодку.—Дай вамъ Богъ благополучно...

Тихо, почти незамѣтно отдѣлилась лодка отъ земли. Берегъ и темная гора, заросшая лѣсомъ, стали отходить отъ насъ вмѣстѣ съ темными силуэтами провожавшихъ насъ мужиковъ. Мало-по-малу всѣ очертанія потонули во тьмѣ, и черная гора слилась съ ночнымъ небомъ и водой...

Мы выѣхали на середину рѣки и стали спускаться по теченію. Взмахи веселъ стали рѣже, лѣнивѣе.

— А тому старичку-то, ваше благородіе, что больше всѣхъ спорилъ,—вѣдь, за девяносто перевалило!—обратился ко мнѣ сиплый мужикъ.

Рѣчь шла о томъ старикѣ, который, тряся костылемъ и изжелта-сѣдой бородой, глухимъ, замогильнымъ голосомъ вмѣшивался въ мои переговоры съ мужиками, мѣшалъ работать и, ничего не разбирая, ничего не понимая, твердилъ одно:

— Мотри, ребята, не ошибись! Гляди въ оба!.. Главное дѣло, чтобы не было фальши... Стой на своемъ, на своемъ стой! Своихъ не выдавай! Чтобы было по-нашему... Не мало нашего брата надували... Упрись, говорю!.. Не прикладывай рукъ!.. Слушай стариковъ!.. и т. д.

Блѣдный, почти прозрачный, съ желтыми отъ старости волосами, весь скрюченный, трясущійся на невѣрныхъ, тонкихъ ногахъ, онъ, казалось, нарочно вылѣзъ изъ могилы, заслышавъ о мірскомъ дѣлѣ... И хотя слѣпы его глаза, хотя плохо понимаетъ онъ, въ чемъ собственно дѣло, но при словѣ „земля", „размежеваніе" онъ волнуется, какъ старый боевой конь...

— Было времячко тоже... послужилъ и я міру... — шамкаетъ онъ поучительно. — Пріѣхалъ, вотъ тоже этакъ, землемѣръ, — землю, значитъ, дѣлить... да, землю - матушку... Что только было-то! Не мало тогда нажился землемѣръ-то: и съ насъ бралъ, и съ починковцевъ... А въ сладкой водкѣ... кенерифъ што ли, звали, шутъ его знаетъ, такъ чуть не купался. Не приведи Богъ, какая смута была! Идешь это съ цѣпью-то... Всѣ съ гостинцемъ ходили... Епутатомъ тогда міръ - то меня выбралъ... Ну, и смотрю ужъ въ оба,—не выдамъ, молъ, послужу міру... Показалось мнѣ разъ, что какъ будто фальшивитъ цѣпь-то маненичко, примѣчаю, какъ будто не туда пошло... да, вижу, фальшивитъ... Стой! Не дамъ дальше! Не пущу!.. Бросился это на землю-то да на цѣпь-то грудью... Не дамъ! — кричу. — Неправильно! Мѣряй сызнова!.. Во-онъ на томъ клинчикѣ дѣло-то было... Меня землемѣръ стращаетъ, кричитъ, ногами топаетъ. А я свое: мірского не дамъ! Послужу міру!.. Вобьютъ это колъ-то—я его выдерну... да, не даю!.. Хотѣли меня связать: „подступись, молъ, только..." Ну, и постоялъ, перемѣрили... А не выстой бы, клинчика-то и не видать бы намъ, а теперича, эвона, какой клинчикъ славный... Главное дѣло, ребята, стой на своемъ! Упрись!..

— Зад-дорный старичокъ! — полунасмѣшливо, полуодобрительно замѣтилъ гребецъ.—А того не понимаетъ, что это нынче называется своевольство... Нынче, братъ, много не ускачешь: на всякое дѣло есть свое правило—законъ...

Наступила пауза. Я опрокинулся на подушку и растянулся

на постланной соломѣ. Вода тихо плескала отъ веселъ и мягко журчала подъ носомъ лодки.

— Э-эхъ! сколько изъ-за этой земли ссоръ, сколько раздору,— произнесъ задумчиво слабымъ теноромъ сидѣвшій на кормѣ.— Всѣ норовятъ урвать больше, а того не подумаютъ: умрутъ, такъ всего и земли-то три аршина надо...

Задушевная, мечтательная нотка звучала въ этомъ голосѣ. И хотя хриплый голосъ пробурчалъ положительно, что „живой о живомъ и заботится, а умретъ—дѣтямъ останется...“ но все-таки всѣ призамолкли.

— И вездѣ-то несогласіе да распри, да судьбища,—продолжалъ теноръ.—Кляузы развели: сосѣдъ съ сосѣдомъ, братъ съ братомъ судятся... Тягаются-тягаются да оба и разорятся... Истинно, что послѣднія времена приходятъ!

— У насъ этакъ-то,—замѣтилъ женскій голосъ,—тоже братъ съ братомъ дѣлиться стали, да изъ-за дуги и заспорили. Младшій-то возьми да и хвати дугой-то старшаго брата. Тотъ и не крикнулъ. Тутъ же душеньку Богу и отдалъ, въ одночасье...

— Это, значитъ, въ недобрый часъ пришлось...—прохрипѣлъ основательный голосъ.—У насъ этакъ-то мужикъ, пьяный, бабу свою поучилъ маненько, а она возьми и помри... Бивалъ, вѣдь, не разъ и допрежъ, не въ примѣръ тяжельше бивалъ... бывало, такихъ черныхъ печенокъ насадитъ, такъ изукраситъ—на диво— и ничего... А вотъ тутъ поди жъ ты...

— А ты зачѣмъ въ Дубовую-то Веретью? — спросилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія бабу.

— Къ хозяину ѣду. Оттуда мы. Зимой-то съ мужемъ на фабрикѣ работаемъ, а лѣтомъ-то около пашни...

— Хозяйство, значитъ, есть?

— Како хозяйство!—грустно отвѣтилъ женскій голосъ.—Нѣту ничего... Такъ—избешка одна. Ни скотины, ни телѣги... Въ чужія руки и землю-то сдаемъ...

— Ребятъ-то нѣтъ, што ли?

— Какъ нѣтъ! Два парнишка да дѣвчонка. На зиму-то и ихъ на фабрику беремъ.

— Хозяйства нѣтъ, такъ зачѣмъ и въ деревню ѣздите? Съ ребятами-то мыкаться туда-сюда, чай, не сладко!

— Коли сладко! Одна маята! Да что подѣлаешь?.. Тянетъ! Все думаешь, свое мѣсто, отцовское... Зимой еще ничего, за работой не такъ думается. А весной, какъ таять начнетъ, тогда просто тоска... И такъ все тебѣ опостылѣетъ, ни на что не смотрѣлъ бы... На фабрику идти просто душу воротитъ: копоть, чернота, шумъ... какъ въ аду! А на дворѣ-то солнышко играетъ, проталинки выгля-

дываютъ, ручейки... Вотъ, думаешь, теперь у насъ, въ деревнѣ, сохи налаживаютъ. Ведрышко простоитъ съ недѣльку—и за яровые примутся... сѣвъ начнется... Какъ раздумаешься такъ-то—еще хуже... Приступишь когда къ хозяину: Семенъ, молъ, тянетъ, молъ, меня въ деревню, что хошь... А чего, говоритъ, ты тамъ забыла? Выкинь, говоритъ, дурь-то изъ головы!.. А самъ-отъ черный весь да худой, да злой такой,—говоритъ все срыву... А по праздникамъ рабочіе въ кабакъ—и онъ съ ними; они женъ бить учнутъ—и онъ, глядя на нихъ, тоже на меня набросится... Посмотрю я это на него, посмотрю — да и заплачу: что, молъ, это за жизнь такая, Сема,—ровно мы рестанты въ казаматѣ: вставай по свистку, ѣшь по свистку, ложись по свистку. Хуже каторги... Поговорю этакъ-то, поплачу... Придетъ суббота, является мой хозяинъ веселешенекъ: ну, говоритъ, поворачивайся, сбирайся живѣе! Въ чистую расчитался. Ишь, говоритъ, тоже дурака нашли! Да я въ такое время у себя въ деревнѣ шесть-то гривенъ въ день на пашнѣ зароблю... А я и рада-радешенька! И ровно мы изъ кабалы вырвемся,—изъ казармъ-то выйдемъ... Разъ этакъ-то съ Завьяловскаго завода расчитались. Ѣхать-то вышло не съ чѣмъ, на билеты не хватаетъ. Вотъ, и купилъ хозяинъ каку-то лодченку бросовую, уконопатилъ ее, осмолилъ, ребятишкамъ положокъ сдѣлалъ... Поплыли... По Чусовой спускаться-то нужно было... Берега-то высокіе, лѣса-то дремучіе. Глушь, а все-таки сердце радуется: все не въ казармѣ вонючей сидѣть... А ночи пошли теплыя, весеннія, свѣтлыя... Плывемъ-плывемъ да и заснемъ. Лодку-то къ берегу прибьетъ... Ежели хозяинъ проснется—онъ оттолкнется. Я проснусь—я оттолкнусь... Плывемъ опять... А тамъ, смотришь, и зорюшка, и день опять, да такой-то ясный да теплый! И такъ я этотъ путь запомнила,—еще бы разочекъ такъ проплыла...

— Да... родина... Она тянетъ... — задумчиво проговорилъ теноръ.—Я, вотъ, тоже, гдѣ ни хожу, а къ веснѣ все въ свою деревню попадаю...

— А ты что же, странствуешь? Али работать не хочешь?—прохрипѣлъ гребецъ.

— Не могу. Одышка у меня... Лошадь у меня грудь разбила... Немощенъ я.

— Какъ же ты странствовать-то надумалъ?—спросила женщина.

— А такъ, видно, Богу угодно было... Родители, царство имъ небесное, были богобоязненные, привѣчали всякихъ странниковъ и богомольцевъ... Можетъ, черезъ это...

— Хорошо странныхъ людей слушать! Чего-чего не разскажутъ!..

— Когда не хорошо, особливо ежели человѣкъ дѣйствительно

праведной жизни... Бывало, хоть у насъ... Многіе насъ странники знали... Идутъ когда мимо нашей деревни—прямо къ намъ и заворачиваютъ. Придетъ такой странникъ въ избу, помолится... „Миръ дому сему",—скажетъ. „Милости просимъ,—родители отвѣчаютъ,—мы странному человѣку рады"... Сниметъ тогда странникъ сумочку, посошекъ свой въ уголъ поставитъ, умоется... Поставятъ передъ нимъ чашку со щами али съ чѣмъ. Потрапезуетъ, чѣмъ Богъ послалъ, и пойдутъ тогда разговоры: откуда Богъ несетъ, гдѣ былъ, куда пробирается... И начнетъ странникъ разсказывать про святыя обители, про ихъ благолѣпіе и красоту, про чудеса святыхъ угодниковъ... И про Кіевъ, про Соловецкій монастырь, про Симеона праведнаго, про святую гору Аѳонскую, про Ерусалимъ... Здѣсь у насъ заботы мірскія, грѣшныя, ссоры, раздоры, лихоимство, всякая скверна, а тамъ — все презрѣно, тамъ одна забота, одно попеченіе—душу спасти... Заслушаешься, бывало,—до вторыхъ пѣтуховъ уснуть не можешь. Чего-чего не передумаешь! Какъ въ явѣ видишь и тѣхъ святыхъ угодниковъ, кои подвизались въ лѣсахъ да пустынѣ, вдали отъ людскихъ соблазновъ... и чудныя мѣста святыя, и Діоклетіановъ нечестивыхъ, что за вѣру Христову преподобныхъ мучениковъ предавали лютой казни... И отъ думъ и самъ на подвиги распаляешься, и самому за вѣру Христову мученическій вѣнецъ пріять хочется... „не отрекусь, молъ, отъ Господа! Рѣжь на куски мое тѣло, нечестивый царь, жги на огнѣ!.." А кругомъ-то бѣднота деревенская, темнота, жизнь неурядковая... Уйду, молъ, отъ всего этого, уйду далеко-далеко, куда-нибудь въ пустыню дикую... Стану спасаться, какъ праведники дѣлали...

— Ну, и пошелъ?

— Да, видно, самъ Господь восхотѣлъ!.. На пятнадцатомъ году лошадь-то разбила,—вотъ, съ тѣхъ поръ и странствую, десятый ужъ годъ... Вездѣ побывалъ... Всякое и монашеское житье бываетъ, много и въ монастыряхъ соблазна и грѣха... Не нашелъ я тамъ утѣшенія... нѣтъ, не нашелъ... Теперь у меня одна дума на душѣ: если Господь сподобитъ,—на святой горѣ Аѳонской побывать да поклониться гробу Господню въ Ерусалимѣ...

— А что же въ пустынѣ-то не поселился?—насмѣшливо спросилъ хриплый голосъ.—Видно, на монастырскихъ-то харчахъ слаще? Тоже много вашего брата такъ-то шляется. Другой, какъ жеребецъ заводскій, а шатается, святымъ приставляется... лодырь народъ!

— Всякіе люди вездѣ есть. А что пустыня...Не найти ее нынче! Нѣтъ, какая нынче пустыня, коли по ней чугунка бѣгаетъ, коли землю-то скоро вершками мѣрять станутъ... Ужъ и теперь не земля, почитай, кормитъ, а больше заводы да фабрики; больше купецъ орудуетъ...

— Небось, ину пору около купца-то горячую денежку заробить можно. Прошлой весной мы у Синебрюхова баржу разгружали,— затонула она,—такъ по цалковому за часъ сорвали!..

— А что толку-то?.. Ну, получилъ ты цалковый. Гдѣ онъ у тебя? Въ хозяйствѣ?

— Гдѣ ужъ! како хозяйство...

— Въ кабакѣ, значитъ?

— Да оно ужъ извѣстно... Не иначе, какъ тамъ...

— То-то и есть. Раньше ты былъ самъ хозяинъ, а теперь сталъ у купца батракомъ. Къ чему же тебѣ горячія-то денежки?.. Только и есть, что пьянства больше. Тоже насмотрѣлся я въ большихъ-то городахъ, около фабрикъ-то: распутство, разгулъ, мерзость всякая... Какъ въ котлѣ кипятъ!.. А Богъ-отъ, а душа-то?—лучше и не спрашивай: все забыли, какъ ровно одичали всѣ!..

Теноръ печально умолкъ.

— А ты куда пробираешься?—спросилъ онъ гребца.

— Да оно тово... домой же норовлю, въ свою, значитъ, деревню...

— Зачѣмъ же, коли у тебя хозяйства нѣтъ?

— Гм!—крякнулъ хриплый голосъ, очевидно затрудняясь отвѣтить.—Зачѣмъ! Чай, своя деревня-то... Что ни на есть работать стану... Теперь, чай, пашня...

— Тоже, видно, соскучился?

— Гм! кака скука... О чемъ скучать-то? А такъ... все едино, гдѣ не работать...

— А вотъ у насъ одинъ мужикъ, Никифоромъ звать,—заговорила женщина,—въ Сибирь уѣхалъ, на добровольное поселеніе, значитъ... рѣка тамъ еще такая... какъ рѣку-то звать запамятовала, вотъ...

— Амуръ?

— Этакъ, этакъ! Амуръ, слышь... Такъ на эту самую рѣку. Мѣста, пишетъ, привольныя, баскія, земли много, и покосы и лѣса, а все, пишетъ, болитъ сердце по нашимъ мѣстамъ. Такъ бы, пишетъ, къ вамъ и улетѣлъ бы... Хошь бѣдна, говоритъ, наша жизнь была—да въ родимомъ гнѣздѣ. А какъ подумаю, говоритъ, что и схорониться придется на чужо-дальней сторонушкѣ,—такъ, говоритъ, слеза и прошибаетъ...

— Да... вотъ куда мечутся — на Амуръ! — словно отвѣчая на собственныя думы, тихо произнесъ мягкій голосъ... — Нѣтъ, уйду я, уйду! Что мнѣ въ міру-то? Какая радость?.. Придешь въ деревню-то—одна срамота смотрѣть. Совсѣмъ озвѣрѣлъ народъ, огалтѣлъ. Нѣтъ, не стану больше и думать! И не загляну больше сюда!... Уйду! Нѣтъ, говорятъ, святѣе мѣста на землѣ, чѣмъ гора Аѳонская...

— Уйти немудрено. Нѣтъ, ты вотъ съ нами помайся! — проворчалъ хриплый голосъ.

— Охъ, трудно, трудно жить! — закончила со вздохомъ женщина.

Тихо растаялъ въ ночной тишинѣ этотъ вздохъ — и на душѣ стало отъ него невыразимо грустно... Зачѣмъ, зачѣмъ вся эта нескладная жизнь? Зачѣмъ эти люди гонятся какимъ-то злымъ вѣтромъ неизвѣстно куда, оторванные отъ родныхъ мѣстъ?.. Зачѣмъ я самъ здѣсь, тоже далеко отъ родины, одинокій, за какимъ-то совершенно чуждымъ мнѣ дѣломъ?.. Зачѣмъ это вѣчное, унизительное рабство отъ денегъ, которыя такъ коверкаютъ человѣка и его жизнь?..

Мы плыли возлѣ затопленнаго лѣса. Въ чащѣ его было непроницаемо черно. И этотъ загадочный, притаившійся лѣсъ навѣвалъ какое-то неловкое, робкое чувство. Всѣ молчали. Всѣ невольно прислушивались къ едва уловимымъ звукамъ, рѣющимъ въ ночной тиши. Эти неопредѣленные звуки говорили о скрытой могучей жизни, шедшей безпрерывно и подъ нами, въ глубокой черной рѣкѣ, и въ молчаливомъ, застывшемъ лѣсѣ... Вотъ въ лѣсной чащѣ раздался трескъ сучка, какъ будто подъ чьей-то тяжелой ногой... гдѣ-то вблизи сильно всплеснула вода... Чуть замѣтное, теплое дыханіе ночи нагоняетъ на меня сладкую дремоту. Вѣки все больше тяжелѣютъ и опускаются... Полузакрытыми глазами смотрю я на мохнатыя вѣтви, которыя вытягиваются изъ мрака лѣсной чащи, облитыя бѣлымъ свѣтомъ луны, и какъ будто хотятъ кого-то схватить... полусонно слѣжу за переливами этого бѣлаго свѣта въ бѣгущихъ облакахъ... Глаза слипаются все пуще... Въ ушахъ еще слышится отзвукъ грудного женскаго голоса... Въ этомъ мягкомъ, чистомъ голосѣ звучитъ вѣрная привязанность, надежная преданность... Такая женщина пойдетъ за своимъ мужемъ всюду—и на фабрику, и въ ссылку, и въ Сибирь, не покинетъ въ опасности, въ бѣдѣ, въ нуждѣ... „Да развѣ я могу оставить тебя? Развѣ я могу забыть тебя?...“—шепчетъ уже мнѣ этотъ мягкій, въ душу западающій, голосъ... Что это? Гдѣ я слышалъ его раньше? Чьи это глаза озабоченно-ласково, любовно заглядываютъ мнѣ въ лицо?.. Неужели?!. „Да, это я, я...—шепчетъ нѣжный голосъ.—Теперь я съ тобой, теперь я не оставлю тебя никогда, никогда!..“ Мнѣ становится вдругъ такъ хорошо, тепло, радостно... Я не одинъ, я въ тепломъ углу, въ своемъ углу, гдѣ меня ждали, гдѣ меня любятъ... въ углу, котораго, скитаясь, я уже давно не имѣлъ... Да, я усталъ... Мнѣ было такъ холодно одному!.. „Приласкай же меня, отогрѣй мою душу, продрогшую отъ холода одиночества... Я плуталъ, не знаю гдѣ,—въ какой-то угрюмой тьмѣ, по какому-то безрадостному

пустырю... Путь былъ такъ утомителенъ, такъ безцѣленъ!.. О моя дорогая, зачѣмъ ты не пришла раньше! Ты смягчила бы много тяжелыхъ минутъ, ты поддержала бы мою усталую душу"... Но что-то враждебное, страшное врывается между нами... Какимъ-то ледянымъ холодомъ дохнуло вдругъ... Милое лицо потускло, потемнѣло, стало отходить все дальше, дальше... Я чувствовалъ только холодныя, тяжелыя слезы, которыя падали на мое лицо, леденили мою грудь... Блѣдныя руки со страшнымъ отчаяніемъ протягивались ко мнѣ... старались ухватиться за меня... цѣплялись за лодку... Я широко открылъ глаза... Нѣтъ!—это такъ показалось... это просто вѣтви деревьевъ, облитыя блѣднымъ свѣтомъ... Я очнулся совсѣмъ отъ рѣдкихъ холодныхъ брызгъ воды, которыми обдавалъ насъ поднявшійся сильный вѣтеръ. Кругомъ мрачно плескали волны, гребцы молча и усиленно работали веслами. Въ рѣдѣющемъ сумракѣ уже отчетливо рисовались ихъ фигуры, хотя лица были еще неясны... Скоро можно было различить приближающійся берегъ. Въ утреннемъ, разсѣянномъ полусвѣтѣ были видны связки плотовъ, опрокинутыя на землѣ лодки, кучи хвороста... Вотъ наша лодка зашуршала о песчаное дно и врѣзалась въ берегъ. Насъ всѣхъ качнуло впередъ.

Утро было холодное и предвѣщало сѣрый, пасмурный день. Тусклыя облака тяжело неслись надъ рѣкой. Свинцовыя волны съ глухимъ ропотомъ плескались и бились о берегъ.

А. Барановъ.

Сонъ лиліи.

Качая свой дѣвственный вѣнчикъ
Надъ тинистой грудью пруда,
Тамъ лилія дремлетъ, какъ птенчикъ
Въ объятьяхъ родного гнѣзда.
Ей снится, что чудная сила
Ее унесла въ высоту
И бѣлыя крылья развила
Подъ ней широко налету.
И трепетъ пронзительно знойный
Ей въ самое сердце проникъ,
И голосъ плѣнительно стройный
Изъ чаши беззвучной возникъ.
Въ воздушныхъ пространствахъ безбрежныхъ,
Подъ властью волшебнаго сна,
На крыльяхъ плыветъ бѣлоснѣжныхъ,
Какъ царственный лебедь, она.
И сладостью льется печальной
Предсмертная пѣсня ея,
И страстью трепещетъ прощальной
Чарующихъ звуковъ струя.
И крылья спускаются, вѣя
На мутное лоно пруда,
И звуки несутся, слабѣя,
И гаснутъ вдали безъ слѣда.
И звуки слабѣютъ и стонутъ,
И гаснутъ въ ночной тишинѣ,
И крылья безпомощно тонутъ
Въ лѣнивой и вялой волнѣ.

В. Б.

ТРАГИЧЕСКАЯ ИСТОРІЯ ДОКТОРА ФАУСТА.

Драма **Кристофера Марло.**

(1564—1593).

Переводъ съ англійскаго *К. Д. Бальмонта.*

(*Окончаніе*).

СЦЕНА 7-я.

(*Входятъ Фаустъ и Мефистофель*).

Фаустъ.

Ну вотъ, теперь, мой добрый Мефистофель,
Съ восторгомъ обозрѣвши городъ Триръ,
Верхами горъ воздушныхъ окруженный,
Стѣнами опоясанный изъ камня
И цѣпью рвовъ окопанный глубоко,—
Въ угрозу чужеземнымъ королямъ;
Затѣмъ Парижъ покинувши съ тобою
И обогнувши Францію по краю,—
Мы видѣли, какъ Майнъ впадаетъ въ Рейнъ,
Чьи берега обсажены роскошно
Садами виноградниковъ; потомъ
Въ богатую Кампанію, въ Неаполь
Направились, гдѣ пышные дома,
Роскошные для глазъ, и стройность улицъ,
И выстилка изъ тонкихъ кирпичей,
Весь городъ на четыре части дѣлятъ,
Между собою равныя; гробницу
Ученаго Маррона, золотую,
Мы осмотрѣли тамъ: проходъ средь скалъ,

На англійскую милю, путь, который
Въ теченіе одной онъ ночи сдѣлалъ *);
Венеціи и Падуи оттуда
Достигли мы, и прочихъ городовъ;
Въ одномъ изъ нихъ роскошный храмъ воздвигнутъ,
Своей вершиной звѣздамъ онъ грозитъ.
Такъ Фаустъ время проводилъ донынѣ.
Но гдѣ теперь устроимъ мы привалъ?
Скажи мнѣ, ты, согласно указанью,
Меня привелъ въ ограду Римскихъ стѣнъ?

Мефистофель.

Да, Фаустъ, и для бо́льшаго удобства я занялъ внутренніе покои его святѣйшества.

Фаустъ.

Надѣюсь, что его святѣйшество встрѣтитъ насъ радушно.

Мефистофель.

Какое, братецъ, до этого намъ дѣло, мы не будемъ отъ него дожидаться приглашеній.

Теперь же, Фаустъ, чтобы ты могъ увидѣть,
Чѣмъ можетъ Римъ порадовать тебя,
Узнай, что на семи холмахъ стоитъ онъ,
Они его основамъ — какъ твердыня;
Какъ разъ посерединѣ льется Тибръ
И городъ раздѣляетъ на двѣ части
Извивами зеленыхъ береговъ;
Черезъ рѣку идутъ четыре моста
И дѣлаютъ свободнымъ переходъ
Изъ каждой части города въ другую;
Одинъ зовется Ponte Angelo,—
На немъ могучій замокъ, а внутри,
Въ его стѣнахъ, такая масса пушекъ,
Двойныхъ, рѣзныхъ, что ихъ число равно
Со счетомъ дней законченнаго года;
А близъ воротъ громады пирамидъ **);
Изъ Африки привезъ ихъ Юлій Цезарь.

---

*) Въ средніе вѣка Виргилій считался магомъ.
**) Очевидно, здѣсь разумѣлись обелиски.

Фаустъ.

Клянусь же мощной властью адскихъ силъ,
Теченьемъ Ахерона, Стикса, влагой
Всегда горящей бездны Флегетона, —
Я жажду видѣть зданья и холмы
Блистательно-сіяющаго Рима.
Идемъ, скорѣй.

Мефистофель.

Нѣтъ, Фаустъ, подожди:
Ты будешь радъ, я знаю, видѣть Папу
И пышный праздникъ въ честь Петра Святого;
Передъ тобой предстанетъ цѣлый полкъ
Плѣшивыхъ, гладко-выбритыхъ монаховъ,
Чье summum bonum — брюхо усладить.

Фаустъ.

Я очень радъ потѣшиться надъ ними,
Заставить ихъ отъ страха ошалѣть.
Такъ зачаруй меня, мой Мефистофель,
Чтобъ я невидимъ былъ ни для кого,
Пока мы будемъ здѣсь, въ предѣлахъ Рима.
(*Мефистофель зачаровываетъ его*).

Мефистофель.

Ну, Фаустъ, что захочешь, то и дѣлай,—
Теперь тебя не различитъ никто.

(*Раздаются трубные звуки. Входятъ Папа и Кардиналъ Лотарингіи, направляясь къ пиршественной трапезѣ; ихъ сопровождаютъ монахи*).

Папа.

Владыко Лотарингіи, соблаговолите приблизиться.

Фаустъ.

Да, да, принимайтесь за дѣло, и удави васъ дьяволъ, если что-нибудь вамъ достанется.

Папа.

Что? Кто говорилъ? Братіе, оглядитесь кругомъ.

Первый монахъ.

Съ соизволенія вашего святѣйшества, здѣсь нѣтъ никого.

Папа.

Вотъ, владыко, превкусное блюдо, его послалъ мнѣ Епископъ Миланскій.

Фаустъ.

Покорнѣйше благодарю. (*Утаскиваетъ блюдо*).

Папа.

Это еще что? Кто утащилъ у меня блюдо? Нѣтъ никого? Владыко, это блюдо мнѣ послалъ кардиналъ флорентинскій.

Фаустъ.

Вѣрно. Попробую. (*Утаскиваетъ блюдо*).

Папа.

Какъ? Опять? Владыко, я выпью за здоровье вашей свѣтлости

Фаустъ.

Здоровье вашей свѣтлости!

(*Утаскиваетъ бокалъ*).

Кардиналъ Лотарингіи.

Владыко, это вѣрно какая-нибудь душа, только что ускользнувшая изъ чистилища, пришла просить отпущенія у вашего святѣйшества.

Папа.

Можетъ быть, можетъ быть. Братіе, отслужите панихиду, дабы укротить ярость этого духа. Владыко, приступимъ опять къ трапезѣ.

(*Папа крестится*).

Фаустъ.

Вы креститесь? Я вамъ рекомендую
Оставить эти шалости.

(*Папа снова крестится*).

Опять!
Остерегитесь въ третій разъ креститься.
Даю вамъ самый искренній совѣтъ.
(*Папа крестится, Фаустъ даетъ ему пощечину; всѣ разбѣгаются*).
Ну, Мефистофель, что жъ мы будемъ дѣлать?

Мефистофель.

Право, не знаю. Мы будемъ прокляты съ колокольнымъ звономъ, пѣніемъ и свѣчами.

Фаустъ.

Какъ? Колоколъ и пѣніе, и свѣчи!
Звонъ, пѣнье, и снова тѣ же рѣчи,—
Чтобы Фауста проклятьемъ въ адъ послать!
Итакъ, сейчасъ телецъ начнетъ мычать,
Захрюкаетъ свинья, оселъ застонетъ,
Со всѣхъ церковныхъ башенъ затрезвонятъ.
Сегодня день Петра.
Ну, ну! Скорѣй, пора!
(*Возвращаются монахи, чтобы отслужить панихиду*).

Первый монахъ.

Братіе, приступимъ съ благоговѣніемъ!
(*Поютъ*):
Будь проклятъ тотъ, кто со стола похитилъ яство его святѣйшества! Maledicat Dominus!
Будь проклятъ тотъ, кто по лицу ударилъ его святѣйшество! Maledicat Dominus!
Будь проклятъ тотъ, кѣмъ былъ по головѣ ударенъ братъ Сандело! Maledicat Dominus!
Будь проклятъ тотъ, кто нарушаетъ святость нашей панихиды! Maledicat Dominus!
Будь проклятъ тотъ, кто со стола унесъ вино его святѣйшества! Maledicat Dominus!
(*Мефистофель и Фаустъ бьютъ монаховъ, бросаютъ среди нихъ фейерверки и уходятъ*).

(*Входитъ хоръ*).

Хоръ.

Увидѣвъ много рѣдкостныхъ вещей
И посѣтивъ дворы владыкъ могучихъ,

Свои скитанья Фаустъ завершилъ.
И вотъ онъ дома; здѣсь, всѣ тѣ, которымъ
Отсутствіе его внушало скорбь,—
Товарищей его я разумѣю
И всѣхъ друзей,—привѣтствуютъ его
Словами дружбы, радуясь, что снова
Онъ—между ними цѣлъ и невредимъ.
Подробно обсуждая приключенья,
Что съ нимъ случились въ странствіяхъ его
По воздуху и въ мірѣ, съ любопытствомъ
Они ему вопросы предлагаютъ
Изъ сферы астрологіи, и онъ
Отвѣтилъ имъ съ ученостью такою,
Что изумились всѣ его уму.
По всѣмъ краямъ о немъ вѣщаетъ слава.
Среди другихъ, есть также императоръ,
Карлъ Пятый, въ чьемъ блистательномъ дворцѣ,
Средь знатныхъ, окруженъ вниманьемъ Фаустъ.
Что совершилъ онъ тамъ, чтобъ доказать имъ
Могущество искусства своего,
Объ этомъ ничего не говорю я,—
Пусть все увидитъ въ дѣйствіи вашъ взоръ.

(*Уходитъ*).

СЦЕНА 8-я.

(*Входитъ Робинъ, конюхъ постоялаго двора, съ книгой въ рукѣ*) *).

Робинъ.

Это изумительно! Я стянулъ одну изъ заклинательныхъ книгъ доктора Фауста, и ей-богу же я найду здѣсь какіе-нибудь круги для моей собственной надобности. Всѣхъ дѣвицъ нашего прихода я заставлю теперь плясать по моей дудкѣ, прямо нагишомъ; то-то я насмотрюсь всякой всячины, чего мнѣ и не снилось.

(*Входитъ Ральфъ и зоветъ Робина*).

Ральфъ.

Робинъ, прошу тебя, ступай отсюда: тамъ одинъ господинъ ждетъ своей лошади и требуетъ, чтобъ всѣ его вещи были вы-

---

*) Сцена происходитъ на дворѣ, у харчевни.

чищены; поднялъ изъ-за этого цѣлую свару съ моей женой; она меня послала за тобою; ступай, пожалуйста.

Робинъ.

Подальше, подальше, а не то вы взлетите на воздухъ, вы будете разорваны на куски, Ральфъ; подальше, говорю я,—я приготовляю чудовищную машину.

Ральфъ.

Ну, будетъ тебѣ. Что ты дѣлаешь съ этой книгой? Вѣдь ты не умѣешь читать.

Робинъ.

Умѣю. И мой хозяинъ, и моя хозяйка въ этомъ убѣдятся: онъ—пощупавъ свой лобъ, а она—въ своей укромной комнатѣ; ея природныя качества таковы, что она должна меня выдержать, а не то—пропадай мое искусство.

Ральфъ.

Робинъ, что это за книга?

Робинъ.

Что за книга? Пренесноснѣйшая изъ заклинательныхъ книгъ, какія когда-либо были выдуманы сѣрымъ дьяволомъ.

Ральфъ.

И ты можешь заклинать по ней?

Робинъ.

Все, что угодно, и съ легкостью необыкновенной; во-первыхъ, я могу сдѣлать такъ, что въ любомъ изъ кабаковъ всей Европы ты даромъ напьешься до-пьяна иппокрасомъ *),—вотъ одно изъ моихъ заклинательныхъ дѣяній.

Ральфъ.

Нашъ приходскій пасторъ говоритъ, что это пустяки.

---

*) Hippocrates—лѣкарственное питье, приготовляемое обыкновенно изъ краснаго вина, иногда изъ бѣлаго, съ прибавленіемъ сахара и пряностей.

Робинъ.

Вѣрно, Ральфъ; и еще больше; если у тебя есть какіе-нибудь планы касательно нашей судомойки Нанъ Спитъ, ты можешь, въ полночь, вертѣть ее и такъ, и сякъ, примѣнить ее для своего собственнаго употребленія.

Ральфъ.

О честный Робинъ, я буду имѣть Нанъ Спитъ, и для моего собственнаго употребленія? На такомъ условіи я буду безвозмездно цѣлую жизнь кормить твоего дьявола лошадинымъ хлѣбомъ *).

Робинъ.

Ни слова болѣе, мой милый Ральфъ,—пойдемъ и вычистимъ наши сапоги: они у насъ въ зубахъ навязли, а потомъ за дѣло, — къ нашимъ заклинаніямъ, во имя дьявола.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА 9-я.

(*Входятъ Робинъ и Ральфъ съ серебрянымъ кубкомъ*).

Робинъ.

Вотъ видишь, Ральфъ, не говорилъ ли я тебѣ, что съ этой книгой доктора Фауста наши дѣла разъ навсегда устроились. Ecce signum! Для конюховъ здѣсь прямо кладъ: лошади у насъ не будутъ ѣсть сѣна все время, пока это продолжается.

Ральфъ.

Но, Робинъ, смотри, къ намъ идетъ трактирщикъ.

Робинъ.

Тсс! я его надую самымъ сверхъестественнымъ образомъ.

(*Входитъ трактирщикъ.*)

Робинъ.

Человѣкъ, по счету, надѣюсь, все уплачено. Да сохранитъ васъ Богъ. Ральфъ, идемъ.

---

*) Въ старинной Англіи было распространеннымъ обычаемъ кормить лошадей хлѣбомъ.

Трактирщикъ.

Потише, господинъ. Мнѣ нужно сказать вамъ словечко. Прежде чѣмъ уйти, не угодно ли вамъ заплатить за кубокъ.

Робинъ.

Я? Кубокъ? Ральфъ! Я! Кубокъ! Презираю васъ, милостивый государь, вы не болѣе какъ... *). Я! Кубокъ! Обыщите меня.

Трактирщикъ.

Съ вашего позволенія, и очень охотно.

(*Обыскиваетъ его*).

Робинъ.

Ну-съ, что вы теперь скажете?

Трактирщикъ.

Я долженъ сказать два слова вашему товарищу. За вами очередь, сударь.

Ральфъ.

За мной, вы сказали! За мной, вы сказали! Ищите на здоровье. (*Трактирщикъ обыскиваетъ его*). Ну, сударь, теперь да будетъ вамъ стыдно, что вы обвиняете честныхъ людей въ подобныхъ вещахъ.

Трактирщикъ.

Какъ ни какъ, а это вѣрно, что кубокъ у одного изъ васъ.

Робинъ.

Человѣкъ, вы лжете, онъ не *у*, а *передъ*. (*Въ сторону*). — Ахъ, негодяй, я же васъ проучу! Обвинять честныхъ людей! Сейчасъ! Я васъ вышколю за этотъ кубокъ. Прочь отсюда, и подальше, приказываю вамъ во имя Вельзевула. — Береги кубокъ, Ральфъ.

(*Въ сторону къ Ральфу*).

Трактирщикъ.

Что это значитъ, любезнѣйшій?

---

*) Актеру предоставлялось сказать фразу по своему усмотрѣнію.

Робинъ.

Я вамъ сейчасъ скажу, что это значитъ. (*Читаетъ по книгѣ*). Sanctobulorum Periphrasticon. — Нѣтъ, вамъ сейчасъ будетъ щекотно, господинъ трактирщикъ. — Береги кубокъ, Ральфъ.

(*Въ сторону къ Ральфу*).

(*Читаетъ*). Polypragmos Belseborams framanto pacostiphos tostu, Mephistophilis, etc.

(*Входитъ Мефистофель, приставляетъ имъ шутихи къ спинамъ, и уходитъ. Они начинаютъ бѣгать*).

Ральфъ.

Peccatum peccatorum! Вотъ твой кубокъ, добрый трактирщикъ.

(*Отдаетъ кубокъ трактирщику, тотъ уходитъ*).

Робинъ.

Misericordia pro nolis! Что намъ дѣлать? Добрый Дьяволъ, прости меня, и я больше никогда не буду обкрадывать твою библіотеку.

(*Мефистофель возвращается*).

Мефистофель.

Властитель ада, я къ тебѣ взываю, —
Предъ чьимъ величьемъ чернымъ, полны страха,
Колѣнопреклоненныя, простерлись
Великія владычества, — на чьихъ
Могучихъ алтаряхъ лежатъ, какъ жертвы,
Безчисленные сонмы душъ, — зачѣмъ
Меня терзаютъ чары этихъ низкихъ?
Я былъ въ Константинополѣ, и вдругъ
По прихоти какихъ-то осужденныхъ,
Какихъ-то подло-рабскихъ душъ, — я здѣсь!

Робинъ.

Какъ, вы прямо изъ Константинополя? Хорошее путешествіе! Неугодно ли вамъ получить шесть пенсовъ, чтобы заплатить за вашъ ужинъ, и снова въ путь!

Мефистофелъ.

Хорошо же, мерзавцы, за вашу дерзость я васъ превращаю: тебя въ обезьяну, а тебя въ собаку, и — маршъ!

(*Уходитъ*).

Робинъ.

Какъ? Въ обезьяну? Это славно. То-то я позабавлюсь съ малолѣтними. Досыта поѣмъ и орѣховъ, и яблоковъ.

Ральфъ.

А мнѣ придется быть собакой.

Робинъ.

Да, надѣюсь, не оторвать тебѣ своей головы отъ суповой миски.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА 10-я.

(*Входятъ императоръ, Фаустъ и рыцарь, со свитой* *).

Императоръ.

Мейстеръ докторъ Фаустъ, я слышалъ странные разсказы о твоихъ познаніяхъ въ чернокнижіи, — говорятъ, что будто бы нѣтъ никого въ моей имперіи, ни даже въ цѣломъ мірѣ, кто могъ бы сравниться съ тобой по рѣдкостнымъ магическимъ дѣйствіямъ; говорятъ, что при тебѣ всегда состоитъ какой-то духъ, черезъ котораго ты можешь совершать все, что ни пожелаешь. Прошу тебя поэтому о слѣдующемъ: дай мнѣ увидѣть какое-нибудь доказательство твоего искусства, чтобы мои глаза могли подтвердить свидѣтельствомъ то, что уши мои слышали разсказаннымъ; и клянусь тебѣ здѣсь, честью моей императорской короны, что, что бы ты ни сдѣлалъ, это не послужитъ тебѣ ни въ ущербъ, ни въ осужденіе.

Рыцарь.

Что вѣрно, то вѣрно, по виду онъ настоящій заклинатель.

(*Въ сторону*).

Фаустъ.

Мой милостивый повелитель, хотя я долженъ признать себя менѣе сильнымъ, чѣмъ обо мнѣ возвѣщаютъ разсказы людей, и

---

*) Сцена происходитъ въ одномъ изъ покоевъ императорскаго дворца. Значительная часть текста этой сцены близко заимствована изъ прозаической *Исторіи д-ра Фауста*.

отнюдь не соотвѣтствующимъ чести вашего императорскаго величества, но такъ какъ любовь и долгъ обязываютъ меня, я буду радъ сдѣлать все, что ваше величество ни прикажетъ мнѣ.

Императоръ.

Тогда замѣть, что̀ я тебѣ скажу.
Нерѣдко, докторъ Фаустъ, какъ сижу я
Одинъ въ моемъ рабочемъ кабинетѣ,
Различныя меня волнуютъ мысли:
О чести предковъ, какъ они чрезъ доблесть
Свершили рядъ всѣхъ этихъ славныхъ дѣлъ,
Пріобрѣли подобныя богатства,
И покорили столько разныхъ царствъ,
Что мы, пріявъ все это по наслѣдству,
Иль тѣ, что намъ преемниками будутъ
И нашъ престолъ займутъ, боюсь, не смогутъ
Ужъ больше никогда достичь такого
Высокаго могущества и славы.
Межъ тѣхъ владыкъ былъ Александръ Великій,
Главнѣйшее изъ зрѣлищъ превосходства,
Чье свѣтлое сіянье славныхъ дѣлъ
Своими отраженными лучами
Блистаетъ міру такъ, что каждый разъ,
Когда о немъ лишь только упомянутъ,
Душа моя печалится глубоко,
Что никогда его, какъ человѣка,
Я не видалъ. И если, вправду, ты
Лукавствомъ своего искусства можешь
Содѣлать такъ, чтобъ этотъ мужъ возсталъ
Изъ темныхъ впалыхъ сводовъ подъ землею,
Гдѣ погребенъ завоеватель славный,
И вмѣстѣ съ нимъ воззвать одновременно
Прелестную любовницу его,
Обоихъ въ надлежащихъ имъ одеждахъ,
Въ томъ видѣ и съ движеньями такими,
Какъ было то во времена ихъ жизни, —
Достигнешь ты двоякаго: исполнишь
Законное желаніе мое,
И дашь возможность мнѣ, пока живу я,
Тебя хвалить высокою хвалой.

Фаустъ.

Милостивый мой повелитель, я готовъ исполнить ваше жела-

ніе, въ той мѣрѣ, насколько это позволятъ мнѣ мое искусство и сила подвластнаго мнѣ духа.

Рыцарь.

Это-то ужъ, по-истинѣ, ровно ничего не стоитъ. (*Въ сторону*).

Фаустъ.

Но, съ соизволенія вашей свѣтлости, не въ моей власти представить передъ вашими глазами эти двѣ усопшія царственныя особы въ ихъ дѣйствительной истинной тѣлесности, ибо онѣ давно уже превратились въ прахъ.

Рыцарь.

А, мейстеръ докторъ, вотъ, клянусь, подлинное свидѣтельство благодати, что вамъ угодно говорить правду. (*Въ сторону*)

Фаустъ.

Но такіе духи, которые будутъ, какъ двѣ капли воды, похожи на Александра Великаго и его возлюбленную, предстанутъ передъ вашей свѣтлостью, въ томъ видѣ, какъ они существовали въ дѣйствительности, въ самую цвѣтущую ихъ пору; и, смѣю думать что ваше императорское величество будетъ вполнѣ этимъ удовлетворено.

Императоръ.

Къ дѣлу, мейстеръ докторъ, дайте мнѣ ихъ увидѣть немедленно.

Рыцарь.

Вотъ какъ, мейстеръ докторъ! Вы вызовете Александра Великаго и его возлюбленную передъ императоромъ!

Фаустъ.

Отчего же нѣтъ?

Рыцарь.

Ну, это такъ же вѣрно, какъ то, что Діана обратила меня въ оленя!

Фаустъ

Не вполнѣ; но когда Актеонъ умеръ, онъ оставилъ вамъ рога. Мефистофель, маршъ!

(*Мефистофель уходитъ*).

Рыцарь.

Слуга покорный, если вы приступаете къ заклинаніямъ, я ухожу.

(*Уходитъ*).

Фаустъ.

Вы меня прерываете. Хорошо, я сейчасъ поквитаюсь съ вами. Вотъ они, мой милостивый повелитель.

(*Входитъ Мефистофель съ духами, имѣющими видъ Александра Великаго и его возлюбленной*).

Императоръ.

Мейстеръ докторъ, я слышалъ, что когда эта женщина жила, у нея на шеѣ была какая-то бородавка или родинка: какъ бы мнѣ узнать, такъ это или не такъ?

Фаустъ.

Ваше величество можетъ смѣло подойти и посмотрѣть.

Императоръ.

Готовъ поклясться, что это не духи, а настоящія, дѣйствительныя тѣла двухъ этихъ усопшихъ царственныхъ особъ.

(*Духи уходятъ*).

Фаустъ.

Не угодно ли теперь вашему величеству послать за рыцаремъ, который только что былъ со мной такъ любезенъ?

Императоръ.

Пусть одинъ изъ васъ позоветъ его!

(*Уходитъ одинъ изъ свиты*).

(*Входитъ рыцарь, на головѣ у него рога*).

Императоръ.

Это что такое, господинъ рыцарь? Я думалъ, что ты холостякъ, а теперь оказывается, что у тебя есть жена, которая не только наставляетъ тебѣ рога, но и заставляетъ тебя ихъ носить. Пощупай-ка свою голову.

Рыцарь.

Отверженецъ проклятый, мерзкій песъ,
Возросшій гдѣ-нибудь въ глухой пещерѣ

Какой-нибудь чудовищной скалы!
Надъ рыцаремъ ты смѣешь издѣваться?
Наглецъ! Чтобъ ты сейчасъ исправилъ все!

Фаустъ.

Потише, владѣтельный, потише; торопиться намъ некуда; быть можетъ, вы не забыли, любезнѣйшій, какъ вы впутались въ мою бесѣду съ императоромъ? Мнѣ кажется, мы теперь поквитались.

Императоръ.

Добрый мейстеръ докторъ, прошу васъ, освободите его: онъ потерпѣлъ достаточную кару.

Фаустъ.

Милостивый мой повелитель, не столько изъ-за оскорбленія, которое онъ мнѣ нанесъ въ вашемъ присутствіи, сколько съ цѣлью позабавить васъ чѣмъ-нибудь, Фаустъ достойнымъ образомъ поквитался съ этимъ заносчивымъ рыцаремъ: такъ какъ это — все, чего я желалъ, съ удовольствіемъ освобожу его отъ роговъ; и, господинъ рыцарь, впредь отзывайтесь объ ученыхъ почтительно. Мефистофель, превращеніе, живо! (*Мефистофель уничтожаетъ рога*). Теперь, мой добрый повелитель, исполнивъ свой долгъ, я почтительнѣйше прощаюсь съ вами.

Императоръ.

Прощайте, мейстеръ докторъ; до ухода,
Награды щедрой ждите отъ меня.
(*Уходятъ*).

СЦЕНА 11-я.

(*Входятъ Фаустъ и Мефистофель*) *).

Фаустъ.

Да, Мефистофель, неустанный бѣгъ,
Что время совершаетъ такъ спокойно,

*) Сцена представляетъ изъ себя „зеленую красивую лужайку“, какъ на это указываетъ самъ Фаустъ. Она смѣняется комнатой въ домѣ Фауста, гдѣ онъ засыпаетъ въ своемъ креслѣ.

Безмолвно, сокращая дни мои
И нить моей, еще цвѣтущей, жизни,
Зоветъ меня настойчиво къ расплатѣ
За этотъ рядъ моихъ послѣднихъ лѣтъ.
И потому, мой милый Мефистофель,
Спѣшимъ теперь скорѣе въ Виттенбергъ.

Мефистофель.

Какъ отправимся, на лошади или пѣшкомъ?

Фаустъ.

Нѣтъ, пока мы не пройдемъ эту красивую зеленую лужайку, я хочу идти пѣшкомъ.

(*Входитъ лошадиный барышникъ*).

Лошадиный барышникъ.

Вотъ уже цѣлый день, какъ я отыскиваю нѣкоего мейстера Фустіана: чортъ возьми, вотъ и онъ! Да благословитъ васъ Богъ, мейстеръ докторъ!

Фаустъ.

Какъ, лошадиный барышникъ! Добро пожаловать!

Лошадиный барышникъ.

Дѣло-то вотъ въ чемъ: я принесъ вамъ сорокъ долларовъ за вашу лошадь.

Фаустъ.

Нѣтъ, за эту цѣну я лошадь не продаю. Если дашь пятьдесятъ, тогда по рукамъ.

Лошадиный барышникъ.

Не знаю ужъ, какъ мнѣ быть: у меня денегъ больше нѣтъ.— Прошу васъ, поговорите за меня.

Мефистофель.

Прошу васъ, отдайте ему лошадь: это честный малый, и у него большіе расходы, нѣтъ ни жены, ни дѣтей.

Фаустъ.

Хорошо, давай деньги. (*Лошадиный барышникъ отдаетъ Фаусту деньги*). Мой слуга передастъ вамъ лошадь. Но я долженъ предупредить васъ объ одномъ: прежде чѣмъ вы ее получите, ни подъ какимъ видомъ не въѣзжайте на ней въ воду.

Лошадиный барышникъ.

Какъ, сударь, она не пьетъ воды?

Фаустъ.

Пить-то пьетъ, сколько угодно, но только не въѣзжайте на ней въ воду: скачите на ней черезъ заборы и черезъ рвы, словомъ, гдѣ и какъ вамъ угодно, но только не въѣзжайте въ воду.

Лошадиный барышникъ.

Слушаю, сударь. Ну, теперь я человѣкъ обезпеченный, и за восемьдесятъ долларовъ не продамъ я эту лошадь: если только у нея есть это, что называется — хэй-дингъ-дингъ, хэй-дингъ-дингъ,—славно я заживу на ней; задъ у нея гладкій, какъ уголь. (*Въ сторону*). — Да благословитъ васъ Богъ, сударь. Такъ пусть вашъ слуга передастъ мнѣ лошадь. Но только послушайте-ка, сударь. Если моя лошадь прихворнетъ или занеможетъ, вы мнѣ скажете, въ чемъ тутъ дѣло, когда я принесу вамъ ея мочу?

Фаустъ.

Ступай прочь, негодяй. Ты что, думаешь, что я коновалъ?
(*Лошадиный барышникъ уходитъ*).

Фаустъ.

О, что ты, Фаустъ? Бѣдный осужденный,
Къ которому уже подходитъ смерть!
Идетъ къ концу губительное время.
Отчаянье тревожитъ мысль мою
Сомнѣньемъ подозрительнымъ. Погасимъ
Всѣ эти страсти сномъ невозмутимымъ.
Ужъ на крестѣ разбойникъ распятъ былъ,—
Христосъ позвалъ его. Усни же, Фаустъ,
Не возмущай спокойствія души!
(*Засыпаетъ въ креслѣ*).

(*Вбѣгаетъ лошадиный барышникъ, весь мокрый, и кричитъ*).

Лошадиный барышникъ.

Ай, батюшки, ай-ай-ай! Докторъ Фустіанъ! Эй вы! Чортъ бы побралъ! Самъ докторъ Лопусъ *) никогда не былъ такимъ докторомъ: далъ мнѣ слабительное, и ослабилъ мою мошну на сорокъ долларовъ; только я ихъ и видѣлъ! Да и я-то былъ совсѣмъ осломъ, не хотѣлъ его послушаться,—онъ мнѣ не велѣлъ въѣзжать въ воду, а я думаю: нѣтъ, стой! вѣрно у моей лошади какое-нибудь рѣдкостное качество, которое онъ захотѣлъ отъ меня утаить, и, какъ какой-нибудь молокососъ, поскакалъ на лошади прямо на конецъ города въ глубокій прудъ; не успѣлъ доплыть и до середины, глядь, лошади нѣтъ какъ нѣтъ, а я сижу на связкѣ сѣна, и въ жизнь мою я никогда такъ не былъ близко отъ опасности стать утопленникомъ. Но я же отыщу моего доктора! Я его заставлю отдать мнѣ мои сорокъ долларовъ! А не то, ему дорого обойдется эта лошадь! — А, да вонъ тамъ и его приспѣшникъ!—Эй вы! Господинъ плутъ! Гдѣ вашъ хозяинъ?

Мефистофель.

Что вамъ угодно, сударь? Вамъ нельзя съ нимъ говорить.

Лошадиный барышникъ.

Но я хочу съ нимъ говорить!

Мефистофель.

Невозможно,—онъ спитъ, какъ убитый. Придите какъ-нибудь въ другой разъ.

Лошадиный барышникъ.

Я хочу говорить съ нимъ сейчасъ, или я у него окна разобью надъ самымъ ухомъ.

Мефистофель.

Говорю тебѣ, что онъ не спалъ цѣлую недѣлю.

Лошадиный барышникъ.

Да если бы онъ не спалъ цѣлыхъ восемь недѣль, я все-таки хочу говорить съ нимъ!

---

*) Вѣроятно, докторъ Лопесъ, который былъ обвиненъ въ желаніи отравить королеву Елизавету.

Мефистофель.

Вонъ смотри, видишь, какъ онъ спитъ.

Лошадиный барышникъ.

Такъ, такъ, это онъ! Да благословитъ васъ Богъ, мейстеръ докторъ, мейстеръ докторъ, мейстеръ докторъ Фустіанъ!—Сорокъ долларовъ, сорокъ долларовъ за связку сѣна!

Мефистофель.

Видишь, онъ тебя не слышитъ!

Лошадиный барышникъ.

Эй! го-го! Эй! го-го! (*Кричитъ ему въ ухо*). Какъ, вамъ не угодно проснуться? Такъ я же васъ разбужу, безъ того не уйду! (*Тащитъ Фауста за ногу и отрываетъ ее*). Батюшки мои, погибъ я теперь! Что мнѣ дѣлать?

Фаустъ.

О нога, нога! Помоги, Мефистофель! Позови скорѣе полицію! О нога, нога!

Мефистофель.

Ну, мошенникъ, идемъ теперь въ полицію!

Лошадиный барышникъ.

Ваша свѣтлость! Позвольте мнѣ уйти! Я вамъ дамъ еще сорокъ долларовъ.

Мефистофель.

Гдѣ они?

Лошадиный барышникъ.

Да они не при мнѣ. Пойдемте въ мою харчевню, я вамъ ихъ тамъ отдамъ.

Мефистофель.

Живо, маршъ!

(*Лошадиный барышникъ убѣгаетъ*).

Фаустъ.

Что, ушелъ? Прощай, любезнѣйшій! У Фауста нога опять на мѣстѣ, а лошадиному барышнику, такъ и быть, связка сѣна за хлопоты. Хорошо, за эту продѣлку онъ заплатитъ еще сорокъ долларовъ.

(*Входитъ Вагнеръ*).

Фаустъ.

Здравствуй, Вагнеръ, что новаго?

Вагнеръ.

Герцогъ Вангольтскій убѣдительно проситъ васъ не отказать ему въ вашемъ обществѣ.

Фаустъ.

Герцогъ Вангольтскій! Благородный и почтенный человѣкъ Съ нимъ я не буду скупиться на свои знанія. Идемъ къ нему, Мефистофель!

(*Уходятъ*).

СЦЕНА 12-я.

Входятъ герцогъ Вангольтскій, герцогиня, Фаустъ и Мефистофель) *)

Герцогъ.

Вѣрьте, мейстеръ докторъ, эта забава весьма мнѣ понравилась.

Фаустъ.

Милостивый мой повелитель, я очень радъ былъ доставить вамъ удовольствіе.—Но, быть можетъ, вамъ, моя повелительница это нисколько не понравилось? Я слышалъ, будто бы беременнымъ женщинамъ всегда хочется какихъ-нибудь лакомствъ, или чего-нибудь въ этомъ родѣ: чего бы вамъ хотѣлось, скажите мнѣ, и тотчасъ я вамъ это достану.

Герцогиня.

Благодарю васъ, добрый мейстеръ докторъ; и если ужъ дѣйствительно вы такъ любезны, что хотите доставить мнѣ удовольствіе, я не скрою отъ васъ, что очень мнѣ хочется одного,— будь это лѣтомъ, а не въ январѣ, какъ теперь, не въ эту глухую пору зимы, ничего бы я такъ не хотѣла, какъ нѣсколько кистей спѣлаго винограда.

Фаустъ.

О сударыня! Мнѣ просто жаль, что вы не хотите большаго: вѣдь это сущіе пустяки. Мефистофель, живо! (*Мефистофель ухо-*

---

*) Сцена происходитъ при дворѣ герцога Ангальтскаго.

дитъ). Если бы вы пожелали чего-нибудь другого, гораздо болѣе значительнаго, вы тотчасъ же получили бы все, что вамъ заблагоразсудится, лишь бы это доставило вамъ удовольствіе.

(*Входитъ Мефистофель съ виноградомъ*).

Фаустъ.

Вотъ вамъ и виноградъ, сударыня. Не угодно ли попробовать?

Герцогъ.

Повѣрьте мнѣ, мейстеръ докторъ, больше чѣмъ на все остальное, дивлюсь я на то, что въ такую глухую зимнюю пору, какъ мѣсяцъ январь, вы могли достать этотъ виноградъ.

Фаустъ.

Съ соизволенія вашей свѣтлости, въ предѣлахъ всего міра годъ раздѣленъ на два круга, такъ, что когда у насъ зима, у нихъ, въ противоположномъ кругѣ, лѣто: какъ, напримѣръ, въ Индіи, въ Савеѣ и въ болѣе далекихъ странахъ востока; и, какъ вы видите, я доставилъ вамъ этотъ виноградъ съ помощью быстраго духа.—Ну, какъ онъ вамъ нравится, сударыня?

Герцогиня.

Вѣрьте мнѣ, мейстеръ докторъ, такого вкуснаго винограда еще ни разу въ жизни не приходилось мнѣ пробовать.

Фаустъ.

Очень радъ, сударыня, что доставилъ вамъ удовольствіе.

Герцогъ.

Теперь, наша супруга, предлагаю вамъ войти во внутренніе покои, дабы достойнымъ образомъ наградить этого ученаго мужа за его великую къ вамъ доброту.

Герцогиня.

Да будетъ такъ, милостивый мой повелитель. Свидѣтельствую вамъ, что всю жизнь свою я буду вамъ признательна за эту любезность.

Фаустъ.

Почтительнѣйше благодарю вашу свѣтлость.

Герцогъ.

Пойдемте, мейстеръ докторъ, слѣдуйте за нами и получите ваше вознагражденіе.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА 13-я *).

(*Входитъ Вагнеръ*).

Вагнеръ.

Я думаю, что господинъ мой вскорѣ
Намѣренъ умереть: мнѣ отдалъ все онъ
Имущество свое; и въ то же время,
Мнѣ кажется, будь смерть къ нему близка,
Не сталъ бы онъ такъ шумно веселиться,
И на пиры студентовъ созывать.
Вотъ даже и сейчасъ они сидятъ тамъ,
За ужиномъ, и бражничаютъ такъ,
Какъ Вагнеру и видѣть не случалось.
Идутъ. Должно быть кончился ихъ пиръ.

СЦЕНА 14-я.

(*Входятъ Фаустъ, съ двумя или тремя студентами, и Мефистофель*).

Первый студентъ.

Мейстеръ докторъ Фаустъ, послѣ нашей бесѣды о красивыхъ женщинахъ и о томъ, какая была прекраснѣйшей въ цѣломъ мірѣ, мы рѣшили между собой, что Елена Греческая была восхитительнѣйшей женщиной, какая когда-либо жила, и потому, мейстеръ докторъ, если вы пожелаете оказать намъ такую милость, дайте намъ увидѣть эту несравненную женщину Эллады, великолѣпію которой дивится цѣлый міръ, и мы будемъ считать себя крайне обязанными.

Фаустъ.

Я знаю неподдѣльность вашей дружбы,
Друзья мои, и Фаустъ не имѣетъ
Привычки отвергать разумныхъ просьбъ—

---

*) Эта сцена, равно какъ слѣдующая, происходитъ въ домѣ Фауста.

Тѣхъ, кто къ нему относится сердечно,
И вы, сейчасъ же, видомъ насладитесь
Той несравненной женщины Эллады;
Она пройдетъ предъ вами не иначе,
Какъ въ той же красотѣ великолѣпной,
Какой она была, когда Парисъ
Съ ней пересѣкъ моря, везя добычу
Въ богатую Дарданію. Итакъ,
Теперь молчите, говорить опасно.

(*Звучитъ музыка, Елена проходитъ по сценѣ*).

Второй студентъ.

Я слишкомъ простъ, чтобъ той вознесть хвалы,
Чьей пышной красотѣ весь міръ дивится.

Третій студентъ.

И ничего нѣтъ дивнаго, что греки,
Охваченные гнѣвомъ, десять лѣтъ
Сражались за владычицу такую,
Чья красота—внѣ всякаго сравненья.

Первый студентъ.

Увидѣвъ гордость лучшую природы,
Гармоніи единственный примѣръ,
Идемъ теперь отсюда; и за это
Дѣяніе преславное да будетъ
Благословенъ, блаженъ навѣки Фаустъ!

Фаустъ.

Друзья мои, прощайте,—и того же,
Что вы мнѣ пожелали, вамъ желаю.

(*Студенты уходятъ*).

(*Входитъ старикъ*).

Старикъ.

О докторъ Фаустъ, если бы я могъ
Твои шаги вернуть къ дорогѣ жизни,
Гдѣ ты, идя по свѣтлому пути,
Достигъ бы до небеснаго покоя!
Пусть сердце разобьется у тебя,
Пусть льется кровь, смѣшай ее съ слезами
Тяжелаго раскаянья въ твоей

Нечистотѣ безбожной и гнуснѣйшей,
Чей смрадъ заполнилъ глубь твоей души,
Заразою грѣховъ такихъ смертельныхъ,
Такихъ противно-мерзкихъ преступленій,
Что въ мірѣ нѣтъ такого состраданья,
Чтобъ ихъ прогнать,—о Фаустъ, ничего нѣтъ,
Какъ только милосердіе Христа,
Чья кровь одна твою виновность смоетъ.

Фаустъ.

О Фаустъ, гдѣ ты? Фаустъ, что ты сдѣлалъ?
Ты осужденъ! Отчайся и умри!
Ты осужденъ! И адъ зоветъ по праву!
Онъ съ воплемъ вторитъ: „Фаустъ, приходи,
Твой часъ уже приблизился!“ И Фаустъ
Теперь свершитъ, что совершить онъ долженъ.

(*Мефистофель даетъ ему кинжалъ*).

Старикъ.

Стой, Фаустъ, стой, свой безразсудный шагъ
Замедли! Надъ твоею головою,
Я вижу, ангелъ съ чашею паритъ,
Она полна безцѣнной благодати,
Въ твой темный духъ ее излить онъ хочетъ:
Взывай же къ милосердью, убѣгай
Отчаянья.

Фаустъ.

Мой добрый, добрый другъ,
Твои слова приносятъ облегченье
Моей изнемогающей душѣ.
Оставь меня покуда, чтобы могъ я
Подумать о грѣхахъ своихъ.

Старикъ.

О Фаустъ,
Я ухожу, но съ тяжестью на сердцѣ,
Мучительно тревожась за твою
Отчаяньемъ охваченную душу.

(*Уходитъ*).

Фаустъ.

Проклятый Фаустъ, гдѣ же ты найдешь
Прощеніе? Раскаяньемъ я полонъ,
И все жъ, еще сильнѣй меня томитъ
Отчаянье. Въ груди моей схватились
Въ борьбѣ жестокой адъ и благодать.
Такъ какъ же мнѣ избѣгнуть сѣти смертной?

Мефистофель.

А! Фаустъ! Ты—измѣнникъ. На твою
Предательскую душу налагаю
Арестъ за ослушанье моему
Верховному владыкѣ. Если только
Не возмутишься, разорву тебя.

Фаустъ.

Нѣтъ, милый Мефистофель, попроси лишь
Владыку своего, чтобъ онъ простилъ
Мою самонадѣянность слѣпую,
И вновь я подтвержу моею кровью
Предъ Люциферомъ прежній мой обѣтъ.

Мефистофель.

Такъ поскорѣй же, и чистосердечно,
Не то опасность ждетъ тебя большая.

Фаустъ.

Прошу, тебя, мой другъ, терзай и мучай
Страшнѣйшими мученьями, какія
Даетъ нашъ адъ, дряхлѣющаго старца,
Что съ Люциферомъ духъ мой разлучалъ.

Мефистофель.

Я не могу души его коснуться:
Онъ слишкомъ въ вѣрѣ твердъ, но все, что можно,
Хоть мало можно, сдѣлаю насчетъ
Терзаній тѣла.

Фаустъ.

Добрый мой слуга,
Лишь объ одномъ тебя еще прошу я,

Чтобы утишить пылъ сердца моего.
Пусть видѣнная мною такъ недавно,
Елена неземная станетъ мнѣ
Возлюбленной, чтобы ея объятья
Могли во мнѣ навѣки погасить
Своею нѣгой мысли тѣ, что стали
Помѣхой для обѣта моего,—
Чтобъ я сдержалъ предъ Люциферомъ клятву.

Мефистофель.

Какъ это, такъ и все другое, Фаустъ,
Лишь пожелай, и я исполню вмигъ.

(*Вновь появляется Елена*).

Фаустъ.

Такъ вотъ оно, то самое лицо,
Что бросило на путь скитаній сонмы
Морскихъ судовъ могучихъ *) и сожгло
Вознесшіяся башни Иліона?
Елена, поцѣлуй меня! О, дай
Безсмертье мнѣ единымъ поцѣлуемъ!

(*Цѣлуетъ ее*).

Моя душа исторгнута ея
Устами; вотъ она летитъ, смотрите!—
Верни мнѣ душу, о, верни, Елена.
Здѣсь жить хочу, въ устахъ твоихъ, въ нихъ Небо,
Все, что не есть Елена, сорный прахъ.
Парисомъ быть хочу, пусть вмѣсто Трои
Изъ-за любви къ тебѣ разграбленъ будетъ
Мой Виттенбергъ. Я кинусь въ грозный бой
Со слабымъ Менелаемъ, я украшу
Твоей цвѣтною лентою мой щитъ,
И Ахиллеса въ пятку поражу я,
И вновь къ тебѣ вернусь за поцѣлуемъ.
О, ты прекраснѣй, чѣмъ вечерній воздухъ,
Одѣтый въ красоту милльоновъ звѣздъ;

---

*) Шекспиръ, конечно, помнилъ эти слова, когда онъ писалъ объ Еленѣ въ *Троилъ и Крессидѣ*, а. II, сц. 2-я:

Жемчужина роскошная она,
Что бросила на путь скитаній сонмы
Морскихъ судовъ.

Свѣтлѣе, чѣмъ пылающій Юпитеръ,
Когда передъ Семелой онъ предсталъ;
Плѣнительнѣй, чѣмъ повелитель неба
Въ объятіяхъ лазурныхъ Аретузы.
Лишь ты одна возлюбленной мнѣ будешь!

(*Уходятъ*).

СЦЕНА 15-я.

(*Входитъ старикъ*) *).

Старикъ.

Проклятый Фаустъ, жалкій человѣкъ,
Бѣжавшій прочь отъ милосердья Неба,
Бѣжавшій прочь отъ Божьяго суда!

(*Входятъ дьяволы*).

Такъ, вижу. Сатана меня задумалъ
Завлечь своею гордостью. Пусть вѣру
Глубокую мою—въ такомъ горнилѣ
Пытуетъ Богъ. О подлый адъ, я знаю,
Она восторжествуетъ надъ тобой!
Завистливые демоны, смотрите,
Какъ Небо насмѣхается надъ вами,
Надъ жалкимъ пораженьемъ вашихъ ковъ!
Прочь, адъ! Отсюда прочь лечу я къ Богу!

(*Уходятъ,—дьяволы въ одну сторону, старикъ въ другую*).

СЦЕНА 16-я.

(*Входитъ Фаустъ со студентами*).

Фаустъ.

О друзья мои!

Первый студентъ.

Что съ тобой, Фаустъ?

---

*) Дайси предполагаетъ, что сцена происходитъ въ домѣ старика, Булленъ—въ домѣ Фауста.

Фаустъ

О милый товарищъ мой, если бъ я жилъ съ тобой неразлучно, я жилъ бы до сихъ поръ! А теперь я умираю навѣки. Посмотрите, онъ идетъ, онъ идетъ?

Второй студентъ.

Что Фаустъ хочетъ сказать?

Третій студентъ.

Вѣроятно онъ захворалъ оттого, что жилъ слишкомъ уединенно.

Первый студентъ.

О, если такъ, у насъ достаточно врачей, чтобы вылѣчить его. Это не что иное, какъ слѣдствіе пресыщенія. Побольше мужества.

Фаустъ.

Да, пресыщеніе смертными грѣхами, отравившими навѣки и тѣло, и душу.

Второй студентъ.

Ничего, Фаустъ. Устреми только взоръ на небеса: вспомни, Божье милосердіе безгранично.

Фаустъ.

Но преступленія Фауста никогда не могутъ быть прощены: змѣй, искусившій Еву, можетъ спастись, но не Фаустъ. О, выслушайте, выслушайте меня со вниманіемъ, и не трепещите при моихъ словахъ! Хотя мое сердце бьется и дрожитъ при одномъ воспоминаніи, что я занимался здѣсь науками эти тридцать лѣтъ, но насколько лучше было бы, если бы никогда я не видѣлъ Виттенберга, никогда не читалъ книгъ! И какія чудеса я совершилъ, объ этомъ вся Германія можетъ свидѣтельствовать,—что Германія,—весь міръ. Но за это Фаустъ лишился и Германіи, и міра, и даже самого неба, — неба, гдѣ возсѣдаетъ Богъ, гдѣ тронъ благословенныхъ, гдѣ царство радости; я долженъ навсегда остаться въ аду! А, въ аду, въ аду навсегда! Милые друзья мои, что же будетъ съ Фаустомъ, когда онъ будетъ навсегда въ аду?

Третій студентъ.

Взывай къ Богу, Фаустъ.

Фаустъ.

Къ Богу, отъ котораго Фаустъ отрекся! Къ Богу, предъ которымъ Фаустъ кощунствовалъ! О Господи, я хотѣлъ бы рыдать, но дьяволъ высушилъ мои слезы. Пусть брызнетъ кровь вмѣсто нихъ! Я готовъ отдать жизнь и душу! А онъ удерживаетъ языкъ мой! Я хотѣлъ бы воздѣть мои руки, но глядите глядите: они держатъ ихъ, они держатъ ихъ!

Всѣ.

Кто, Фаустъ?

Фаустъ

Люциферъ и Мефистофель. О, если бы вы только подозрѣвали: вѣдь я имъ отдалъ за мои знанія мою душу.

Всѣ.

Господи помилуй!

Фаустъ.

Господь запретилъ это; но Фаустъ это сдѣлалъ: за двадцать четыре года суетныхъ наслажденій Фаустъ потерялъ вѣчную радость и блаженство. Я написалъ имъ договоръ моею собственною кровью: срокъ исполнился, часъ придетъ, и онъ явится за мной.

Первый студентъ.

Зачѣмъ же, Фаустъ, не сказалъ намъ объ этомъ раньше, чтобы священники могли помолиться за тебя?

Фаустъ.

Я не разъ уже объ этомъ думалъ, но дьяволъ грозилъ, что разорветъ меня на куски, если я назову имя Бога; грозилъ, что явится за моимъ тѣломъ и за моей душой, если я хоть разъ склоню свой слухъ къ религіи, а теперь ужъ поздно. Друзья мои, уходите отъ меня, не то вы можете со мной погибнуть.

Второй студентъ.

Что бы намъ сдѣлать, чтобы спасти Фауста?

Фаустъ.

Не думайте обо мнѣ, спасите самихъ себя, и уходите.

Третій студентъ.

Богъ укрѣпитъ меня. Я хочу остаться съ Фаустомъ.

Первый студентъ.

Милый другъ, не искушай Бога; уйдемъ лучше въ сосѣднюю комнату и будемъ тамъ молиться за него.

Фаустъ.

О, помолитесь за меня, помолитесь за меня! Если вы услышите какой-нибудь шумъ, не приходите ко мнѣ, потому что ничто меня не можетъ спасти.

Второй студентъ.

Молись, Фаустъ, а мы попросимъ Бога, чтобы Онъ сжалился надъ тобой.

Фаустъ.

Прощайте, друзья мои. Если мнѣ суждено дожить до утра, я навѣщу васъ, если нѣтъ,—значитъ, Фаустъ въ аду.

Всѣ.

Фаустъ, прощай.

(*Студенты уходятъ.—Часы бьютъ одиннадцать*).

Фаустъ.

О Фаустъ,
Одинъ лишь часъ еще передъ тобою,—
И будешь ты навѣки осужденъ!
Молю, остановитесь, сферы неба,
Чтобъ время прекратилось, чтобы полночь
Не приходила больше никогда.
Лучистое природы око, вспыхни,
Зажгись опять и сдѣлай вѣчный день.
Или позволь, чтобъ этотъ часъ продлился
Годъ, мѣсяцъ, хоть недѣлю, день одинъ,
Чтобъ Фаустъ могъ раскаяться, и душу
Спасти свою!
O, lente, lente, currite noctis equi *)!
Часы бѣгутъ, впередъ несутся звѣзды,
Уходитъ время, должный часъ пробьетъ,
И дьяволъ явится, и Фаустъ будетъ
Навѣки осужденъ. О, если бъ могъ я
До Бога моего прыжкомъ достигнуть!

---

*) „О, тише, тише бѣгите, кони ночи!“ Овидій, *Amores*, I, 13.

Кто тащитъ внизъ меня? Вонъ, вонъ, смотрите,
По небосклону льется кровь Христа!
Достаточно мнѣ было бы хоть капли,—
Полъ-капли, — для спасенія души.
Христосъ! Христосъ! Не разрывайте сердца
За то, что я воскликнулъ: О Христосъ!
Скажу ему: О Люциферъ, пощады! —
Гдѣ жъ кровь Христа? Исчезла! Вижу только,
Какъ Богъ ко мнѣ протягиваетъ руку
И наклоняетъ гнѣвное чело!
Громады горъ, сюда, сюда, скорѣе,
Низриньтесь на меня, меня закройте
Отъ мщенія разгнѣваннаго Бога!
Нѣтъ! Нѣтъ!
Тогда скорѣе брошусь въ глубь земли.
Земля, разверзнись! Нѣтъ, она не хочетъ
Дать мнѣ пріютъ! Я къ вамъ взываю, звѣзды,
Вы, что моимъ рожденьемъ заправляли,
Вы, чье вліянье дало смерть и адъ,
Скорѣй умчите Фауста къ высотамъ,
Какъ дымный паръ, въ провалы облаковъ,
Растущихъ тамъ, чтобъ въ часъ, когда, созрѣвши,
Обрушатся они на сонный воздухъ,
Изъ пастей ихъ дымящихся мои
Низверглись члены мертвыми, и только бъ
Моя душа взошла на небеса!

(*Часы бьютъ половину*).

А! Полчаса прошло! Все вдругъ пройдетъ!
О Боже!
Пусть Ты простить души моей не хочешь,
Но ради крови, пролитой Христомъ,
Какъ выкупъ за меня, — молю, назначь мнѣ
Какой-нибудь конецъ для вѣчныхъ мукъ;
Пусть Фаустъ будетъ жить въ аду столѣтья,
Тысячелѣтья, сотни тысячъ лѣтъ, —
Но наконецъ — пусть наконецъ — спасется!
О, нѣтъ конца для осужденныхъ душъ!
Зачѣмъ ты не былъ между тѣхъ созданій,
Въ которыхъ нѣтъ души? Или зачѣмъ
Душа, въ тебѣ живущая, безсмертна?
Перевоплощенье Пиѳагора!
Когда бъ ты только истиною было,
Моя душа покинула бъ меня,

И я бы, превратившись, сталъ животнымъ,
Какимъ-нибудь скотомъ! Они счастливы:
Едва умрутъ,
Ихъ души тотчасъ таютъ въ элементахъ;
Моя душа должна навѣки жить,
Чтобъ быть въ аду и мучиться. Да будутъ
Тѣ прокляты, кѣмъ я рожденъ на свѣтъ!
Нѣтъ, Фаустъ, проклинай себя, пусть будетъ
Тобою проклятъ Люциферъ, который
Тебя лишилъ блаженства въ небесахъ!

(*Часы бьютъ двѣнадцать*).

А! Полночь! Полночь! Тѣло, превратись
Въ прозрачный воздухъ, или за тобою
Сейчасъ примчится Люциферъ изъ ада.

(*Громъ и молнія*).

Душа моя, будь каплями воды,
Сокройся въ океанъ, будь тамъ незримой.

(*Входятъ дьяволы*).

О Боже! Боже! Не смотри такъ страшно!
Ехидны, змѣи, дайте мнѣ пожить!
Ты, безобразный адъ, не разверзайся!
Не приходи за мною, Люциферъ!
Всѣ книги я сожгу! — А! Мефистофель!

(*Дьяволы уходятъ съ Фаустомъ*).

(*Входитъ хоръ*).

Хоръ.

Сломалась вѣтвь, которая могла бы
Достигнуть роста полнаго, сожженъ
Побѣгъ зеленый лавра Аполлона,
Что цвѣлъ порой въ ученомъ этомъ мужѣ.
Нѣтъ Фауста, погибъ. Замѣтьте нынѣ
Его паденье адское, чтобъ мудрый
Былъ предвѣщенъ сей демонской судьбой,
Тому чтобъ лишь дивился, что запретно
И что влечетъ своею глубиною
Такіе дерзновенные умы
Стремиться дальше, чѣмъ велитъ намъ Небо.

(*Уходитъ*).

Бытъ грузинскаго народа

по произведеніямъ Екатерины Габашвили.

Въ самомъ началѣ текущаго столѣтія, наканунѣ пробужденія и возрожденія европейскихъ княжествъ и національностей, Грузія, одна изъ древнихъ культурныхъ странъ, прожившая исторически болѣе 20 вѣковъ, на перепутьи съ запада на востокъ, добровольно отказалась отъ самостоятельнаго политическаго существованія, вручивъ свою судьбу русскому монарху. Манифестъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи, подписанный 12 января 1801 г. императоромъ Александромъ I и объявленный въ г. Тифлисѣ лишь 12 апрѣля 1802 г., хранитъ слѣдъ причинъ, скосившихъ державу грузинскихъ царей. „Сила обстоятельствъ и гласъ грузинскаго народа,—сказано въ манифестѣ,—преклонили насъ не оставить и не предать на жертву бѣдствія языкъ единовѣрный, вручившій жребій свой великой защитѣ Россіи“.

Со времени провозглашенія этихъ великодушныхъ словъ, Грузія, послужившая первой твердыней, укрѣпившей русское вліяніе на Кавказѣ, три четверти вѣка являлась предметомъ особыхъ попеченій русскаго правительства и пользовалась теплымъ участіемъ русскаго общества. Правительство широко открывало служебныя двери грузинскому дворянству, поощряло изученіе грузинскаго языка, покровительственно относилось къ развитію грузинской литературы. Представители русскаго общества, въ лицѣ писателей, восторженно отзывались о высокихъ нравственныхъ качествахъ грузинъ, поэты воспѣвали нѣжную красоту грузинокъ, посвящали вдохновенные стихи чарующимъ пейзажамъ Грузіи. Сравнивая отзывы русской прессы до восьмидесятыхъ годовъ съ настроеніемъ печати за послѣдніе два де-

сятка лѣтъ, легко замѣтить постепенное ослабленіе вниманія послѣдней къ Грузіи, игнорированіе ея существенныхъ интересовъ, подчасъ даже враждебное отношеніе со стороны нѣкоторыхъ періодическихъ изданій, усматривающихъ въ молодомъ поколѣніи quasi-сепаратистическія стремленія. Нѣтъ нужды доказывать, насколько эти мнимыя попытки къ отдѣленію Грузіи отъ Россіи были призрачны и опрометчивы, являясь плодомъ изобрѣтательности досужей фантазіи. Вопросъ же смѣны усиленнаго и заботливаго надзора за подъемомъ экономической и духовной жизни безучастнымъ созерцаніемъ естественно возбуждаетъ въ грузинахъ чувство оскорбленнаго самолюбія. Грузины по справедливости желаютъ обратить вниманіе русскаго общества,—съ цѣлью найти благой исходъ,—на двоякій процессъ, совершающійся въ ихъ внутренней жизни: съ одной стороны, на быстрое возрастаніе матеріальныхъ нуждъ и, съ другой стороны, на ростъ неудовлетворенныхъ потребностей въ сферѣ духовной жизни. Оба эти вопроса горячо обсуждаются и горячо разрабатываются въ грузинской литературѣ, слабые отголоски которой лишь изрѣдка проникаютъ въ русскую печать.

И справедливость, и гуманность по отношенію къ двухмилліонному населенію, имѣющему культурное наслѣдіе съ IV вѣка и съ упованіемъ пріютившемуся подъ могучее крыло Россіи, должно побуждать русскаго человѣка войти въ кругъ интересовъ этого народа, оказать ему нравственную поддержку, познать его умственные запросы, насколько они обнаруживаются подъ перомъ грузинскихъ писателей. Съ этою цѣлью мы останавливаемся на произведеніяхъ грузинской писательницы Ек. Р. Габашвили *), рисующей по преимуществу картины сельской жизни, хотя не слѣдуетъ думать, что г-жа Габашвили является лучшей выразительницей современнаго литературнаго теченія въ Грузіи и, тѣмъ болѣе, только выразительницей ея назрѣвшихъ нуждъ.

Грузинка-писательница! Какъ странно звучитъ для европейскаго слуха сочетаніе понятій о литературной дѣятельности съ

---

*) Род. 16 іюня 1851 г. въ Тифлисѣ. Дѣтскіе годы провела въ г. Гори „сердцѣ Картамагіи“, откуда была родомъ мать писательницы, урожденная княжна Багратіонъ-Давыдова, супруга кн. Тарханова. Училась въ модномъ пансіонѣ „Favre“, извѣстномъ въ Тифлисѣ въ теченіе шестидесятыхъ годовъ. Хотя здѣсь господствовалъ французскій духъ, однако новое движеніе въ грузинскомъ обществѣ, начавшееся около этого времени, отразилось и на Ек. Габашвили. На нее произвели, по ея словамъ, сильное впечатлѣніе „Письма туриста“ Ильи Чавчавадзе и воспитали ее въ возвышенномъ романтическомъ вкусѣ отецъ ея кн. Вахтангъ и племянница извѣстнаго грузинскаго общественнаго дѣятеля Дм. Кипіани,—гуманная дама Майко.

представленіемъ о восточной гаремной женщинѣ! Ошибочно, конечно, было бы распространять подобный взглядъ на грузинокъ, среди которыхъ красуется безсмертное имя Тамары, великой царицы XII вѣка. Ни въ дни самостоятельнаго существованія Грузіи, ни со времени водворенія на Кавказѣ владычества русскихъ грузинки не устранялись отъ общественной роли, выпадавшей на нихъ въ различныхъ сферахъ соціальнаго строя. Въ области литературы завоевали себѣ почетное положеніе княгиня Джорджадзе, Анастасія Т. Церетели, княжна Эристова, Гандешли (псевдонимъ), Елена Лоришкипамидзе, Нина Кипіани, но между ними и по таланту, и по плодовитости первое мѣсто занимаетъ Екатерина Ревазовна Габаева или Габашвили (урожденная княжна Тарханова). Она выступила на литературное поприще въ 1881 г. въ журналѣ „Иверія" и съ тѣхъ поръ она ежегодно даритъ публику задушевными разсказами и повѣстями, относящимися къ крестьянскому быту и дворянскому сословію. Близко зная деревню и ея злобу дня, Е. Габашвили считается несравнимой изобразительницей бытовыхъ чертъ грузинской провинціальной жизни. Согрѣвая свои эскизы теплымъ чувствомъ участія къ бѣдному сельскому люду, она раскрываетъ причины его умственнаго застоя, экономическаго упадка и невольныхъ проявленій преступныхъ замысловъ подъ гнетомъ окружающихъ условій. Контрастомъ между внѣшней холодной красотой природы и горькими внутренними размышленіями крестьянина писательница умѣетъ подчеркивать и усиливать драматизмъ положенія.

„Дѣло было въ исходѣ сентября, въ двѣнадцать часовъ ночи,—говоритъ она въ одномъ маленькомъ очеркѣ.—Полная луна свѣтила такъ ярко, словно желала пронизать и раскрыть всю тьму бѣдствій, таящихся на нашей планетѣ. Въ темно-лазоревой выси неба мерцали звѣзды. Я упивалась съ террасы дома прелестью открывшейся взору картины. Вотъ на холмикѣ пріютилась каменная лачуга. Тутъ же рядомъ съ одной стороны ея, журча и сверкая при лунномъ сіяніи, серебристой лентой сбѣгаетъ внизъ ручей; съ другой,—тянется обнесенный развалившимся плетнемъ виноградникъ, со своими исполинскими орѣховыми деревьями и совсѣмъ уже зрѣлымъ виноградомъ. Изъ каменной лачуги осторожнымъ шагомъ выходятъ двѣ, одѣтыя въ черное, женщины, и также украдкой входятъ въ садъ. Оттуда онѣ выносятъ наполненныя виноградомъ кошолки, опоражнивая ихъ въ одну большую корзину, стоящую тутъ же, возлѣ сада, въ болѣе укромномъ углу. У корзины сидитъ молодой крестьянинъ, задумчиво, пристально вперивъ взоры въ землю. Онъ глядитъ въ землю, а небо между тѣмъ блещетъ торжественно пышнымъ убранствомъ.

Красы небесъ лелѣютъ мечты сытаго люда, мрачныя же думы Павлика Квиникадзе такою горечью поятъ горемычнаго, что онъ можетъ повѣдать ихъ одной лишь матушкѣ-землѣ. Для него не свѣтитъ лучезарный мѣсяцъ: нѣтъ, онъ еще съ большей яркостью говоритъ ему о мрачной путаницѣ тѣхъ причинъ, благодаря которымъ онъ такъ воровски принужденъ собирать виноградъ съ своего крошечнаго собственнаго виноградника. Грузинъ любитъ весельемъ встрѣчать сборъ винограда... И нашъ Павликъ не изъ угрюмаго десятка, но нынче ему не до веселья. Въ нынѣшній годъ прожорливая саранча поѣла его ниву, и единственнымъ отвѣтчикомъ цѣлой тысячѣ неотступныхъ нуждъ остался этотъ крошка-виноградникъ... Онъ молча, не спѣша принялся снимать обувь. Жена той же тихой поступью принесла кувшинъ, налила мужу воды, обмыла ноги и поправила разостланную подъ корзиной воловью шкуру. Павликъ перекрестился и ступилъ на виноградъ. Долго, нахмуря лобъ, мялъ онъ виноградъ изо всей своей богатырской мочи... Тишину нарушалъ выжатый сокъ винограда, несясь непрерывнымъ ручьемъ въ „квеври", большой, зарытый въ грунтѣ глиняный сосудъ, который, долго пустуя въ теченіе года, жадно вбиралъ его теперь въ раскрытую пасть".

Въ этотъ самый моментъ, когда Павликъ принялся украдкой давить виноградъ, послышался конскій топотъ и показалась старуха, у которой онъ занялъ кукурузу, обѣщавъ за мѣру хлѣба выплатить двумя мѣрами вина. Старуха—мать сиротъ—разсвирѣпѣла, что онъ тишкомъ хотѣлъ выжать и нарушить „честный договоръ". Павликъ успокаиваетъ ее: „Я тебя никогда въ жизни не обману! Самъ принесъ бы на домъ вино... не тебя я хотѣлъ провести, а окаяннаго Никуа Галустьянца. Вчера онъ обошелъ садъ, оглядѣлъ виноградъ кулацкимъ взглядомъ и погрозилъ: приведу-де пристава, стану описывать... Я и призадумался и порѣшилъ такъ, чтобы по крайности передъ тобой не остаться въ обманщикахъ". Старуха смягчилась, понявъ, въ чемъ дѣло. Негодованіе свое она перенесла на Галустьянца, узнавъ, что Павликъ далъ ему вексель на 50 рублей да на столько же неустойки назначено, а за каждый день просрочки полтинникъ штрафу. Срокъ векселю, оказывается, минулъ, и старуха озабоченно спрашиваетъ: а ну какъ совсѣмъ заберетъ этотъ садикъ, да еще шкуру сдеретъ и продастъ этотъ кровопійца. Лучше съ голоду душу долой, а у нихъ не доведи Богъ занимать,—заключила старуха.

„Какъ же было не занять?—возражаетъ Павликъ.—Взрослаго брата-подмогу,—какъ косой снесло. Въ домѣ лежалъ покойникъ, не на что было хоронить; какъ не къ кулаку, некуда идти!" Не

успѣлъ докончить послѣднихъ словъ, какъ откуда не возьмись и самъ Галустьянцъ съ батраками, которые отнимали у женщинъ виноградъ, самого Павлика угостилъ заимодавецъ чувствительнымъ тумакомъ. Павлику стало не втерпежъ. Досада и горе душили бѣднягу. Онъ быстрымъ прыжкомъ соскочилъ съ корзины, въ которой давилъ виноградъ, и въ одно мгновеніе торгашъ очутился подъ нимъ. „Караулъ!"—жалостно вопилъ геройски отважный за минуту передъ тѣмъ Галустьянцъ. Началась драка. На шумъ проснулись сосѣди, прибѣжали съ огнемъ, и побоище съ большимъ трудомъ было прекращено. Окровавленый Галустьянцъ удралъ во-свояси. Жена Павлика съ заплаканными глазами заботливо принялась повязывать ему голову. „Да будетъ проклятъ день, когда они поселились въ нашу деревню",—жалобно произнесъ Павликъ.

Не останавливаясь на другихъ подробностяхъ этого эскиза Ел. Габашвили, читатели могутъ судить по приведеннымъ отрывкамъ о манерѣ писательницы и одномъ изъ излюбленныхъ сюжетовъ ея произведеній. Искренность и простота разсказа достаточно говорятъ за правдивость изложенной бытовой сцены. Она сосредоточивается на описательной сторонѣ, мало или лишь миходомъ анализируя внутренній міръ Павлика. Ставя своихъ героевъ въ драматическое положеніе, она представляетъ намъ свободный просторъ взвѣсить конфликтъ противоположныхъ теченій въ душѣ выведенныхъ персонажей и осмыслить степень испытываемыхъ ими волненій и страданій.

Въ другомъ разсказѣ—„На кукурузной уборкѣ" авторъ обращается къ романтической темѣ. Молодой парень Лексо и молодая дѣвушка Мата случайно во время работы сидятъ вмѣстѣ и, не участвуя въ общемъ пѣніи, наслаждаются своимъ положеніемъ и торопливо бросаютъ въ общую кучу очищенную отъ шелухи кукурузу. При бросаніи ея, когда ихъ руки нечаянно сталкивались, по тѣлу пробѣгала какая-то сладкая дрожь. Пѣніе окончилось. Рабочіе начали говорить стихи, стараясь перещеголять другъ друга... Всѣ присутствующіе забыли Лексо и Мату; послѣдніе, въ свою очередь, забыли всѣхъ. Они видѣли другъ друга, чувствовали взаимную близость, а остальной міръ отразился въ ихъ же свѣтлыхъ глазахъ.

Лексо и Мата, будучи близкими сосѣдями, не замѣчали другъ друга, но такое простое обстоятельство, какъ то, что имъ пришлось въ *лунную ночь* сидѣть рядомъ, рѣшило ихъ будущую судьбу. Въ продолженіе двухъ часовъ они пережили столько пріятныхъ минутъ, что повтореніе такой встрѣчи сдѣлалось для

нихъ завѣтной мечтой. Лексо, какъ тѣнь, всюду преслѣдовалъ Мату.

Такимъ образомъ авторъ зарожденіе взаимныхъ симпатій въ героѣ и героинѣ обусловливаетъ *романтической* обстановкой—въ *лунную ночь*. Этотъ мотивъ повторяется у грузинской писательницы въ нѣсколькихъ произведеніяхъ и свидѣтельствуетъ о сентиментальномъ настроеніи автора и тѣхъ отголоскахъ воспитанія, которое г-жа Габашвили получила во французскомъ пансіонѣ. Не только узелъ повѣсти романтическаго характера, но и конецъ согласуется съ обычной схемой романтическихъ произведеній. Лексо, не разсчитывая на согласіе родителей Маты выдать ее за него, бѣдняка, замужъ, отправляется куда-то на заработки, взявъ слово съ возлюбленной остаться ему вѣрной. Наступила вторая осень. Опять горячая кукурузная уборка. Лексо не является, а родители Маты, противъ ея воли и несмотря на ея заявленіе, что она дала Лексо клятву не выходить замужъ за другого, просватали ее, приготовили ей приданое и назначали день свадьбы. Въ ноябрѣ за день передъ постомъ пріѣхалъ женихъ съ товарищами, чтобы взять невѣсту къ себѣ. Отецъ Маты зарѣзалъ откормленную свинью и напоилъ гостей виномъ. „Далеко за полночь раздавалось веселое пѣніе. Женихъ сильно напился и расположился у столба избы, а черезъ часъ по всему дому только и было слышно храпѣніе пьяныхъ гостей. Мата встала и вышла на дворъ. Съ растерзаннымъ сердцемъ, со слезами на глазахъ, она дошла до того мѣста, гдѣ годъ тому назадъ она прощалась съ любимымъ человѣкомъ. Дрожа отъ волненія, она наклонилась къ землѣ и зарыдала громкимъ голосомъ: „Лексо, дорогой мой! Зачѣмъ ты измѣнилъ мнѣ“?... Въ это время, по странному покровительству судьбы, послышался топотъ лошадиныхъ копытъ. Двѣ минуты спустя Мата и Лексо горячо обнимали другъ друга. Влюбленные скоро опомнились и, не долго размышляя, бѣжали изъ деревни, а женихъ, не желая домой возвращаться безъ молодой жены, охотно согласился на предложеніе отца Маты взять его 14-лѣтнюю дочь Пеную.

Другой романъ г-жи Габашвили—„Орена и Куче“ также завязывается между неравными по состоянію героемъ и героиней: Орена („двуязычный“), залетѣвшій съ чужихъ краевъ батракъ—первый борецъ, хорошій игрокъ на свирѣли, затѣйникъ пляски и развлеченій, сталъ ухаживать за красавицей Куче, первой невѣстой въ деревнѣ, любимой и единственной дочерью Гогіа. Когда изъ-за горизонта медленно поднималась луна и своими робкими лучами освѣщала восхитительную картину, то начиналась въ Вардисубами веселая пляска, въ которой изящно одѣ-

тый, красиво-сложенный Тедо, прозванный за болтовню Орена, и Куче, высокая, стройная дѣвушка съ румяными, подобно распустившейся майской розѣ, щеками и губами, въ бѣломъ, чистомъ питцевомъ платьѣ и въ желтомъ платкѣ на головѣ, съ которой спускалось шесть толстыхъ косъ, шаловливо прыгавшихъ во время пляски на ея плечахъ,—очаровывали зрителей своей природной граціей. Писательница въ этомъ разсказѣ, подобно выше изложенному, ставитъ героя и героиню въ драматическое положеніе въ виду того, что „гордость богатаго крестьянина“ не позволила выдать Куче за Орена. Влюбленные, если не прибѣгнутъ къ бѣгству, то придется изыскать другой способъ удовлетворить взаимными симпатіями бьющіяся юныя сердца. Искренняя ихъ любовь не соображается съ матеріальными разсчетами, а отказъ Гогіа выдать за Орена свою дочь побуждаетъ героя бросить Куче послѣ таинственныхъ, не вполнѣ безупречныхъ свиданій съ возлюбленной въ глубокой чащѣ лѣса. Куче же приговорена къ ссылкѣ въ Сибирь за убійство своего незаконорожденнаго ребенка.

Одна черта г-жи Габашвили еще разъ должна быть отмѣчена: писательница любитъ романтическую обстановку, луна у нея играетъ роль посредника сближенія молодыхъ сердецъ, при робкихъ или блѣдныхъ ея лучахъ влюбленнымъ достаточно задѣть другъ друга слегка рукой, чтобы вспыхнуть огнемъ страсти.

Правда, романтическій элементъ не всегда гармонируетъ съ тѣмъ мрачнымъ фономъ разсказа, по которому яркими штрихами разрисовываются писательницей горькія бытовыя картины, однако любовная интрига неизбѣжно присутствуетъ въ каждой повѣсти, заслоняя и оттѣсняя существенные вопросы крестьянскаго быта, затронутые лишь вскользь, насколько они разъясняютъ романическій сюжетъ. Эта общая черта произведеній г-жи Габашвили проходитъ черезъ такую реальную повѣсть, какъ „Кона“, въ которой смрачныя сцены изъ горемычной жизни голодныхъ крестьянъ окрашиваются неумѣстнымъ сентиментальнымъ колоритомъ. Повѣсть открывается трогательнымъ дѣтскимъ возгласомъ: „Мама, хлѣба, хлѣба!“ — Такъ въ одно прекрасное майское утро четверо дѣтей слабымъ голосомъ и плача просили у своей матери дать имъ поѣсть.

— „Лучше бы умереть мнѣ, чѣмъ оставлять васъ голодными“,— пробормотала подъ носъ мать ихъ, Марта, жена Ахалкари.

Семья Ахалкари разорилась во время засухи въ Кизикіи (Сигнахскій уѣздъ Тифлис. губ.). „Въ продолженіе трехъ лѣтъ здѣсь не было совсѣмъ урожая; во всей мѣстности исчезъ всякій слѣдъ плодовъ; хорошо устроенныя семьи впали положительно въ нищенство; крестьяне, съ сумами черезъ плечо, сотнями бродили по

окрестнымъ селамъ и городамъ. Поля были наполнены женщинами, которыя вырывали корни травъ; эти корни, сваренные въ соленой водѣ, были единственной пищей для нихъ... Петре Ахалкари принадлежалъ къ хорошо устроенному и обезпеченному семейству: прекрасная каменная комната, каменный хлѣвъ, обширный дворъ и журчащій потокъ украшали его жилище. Очаровательный горный воздухъ и дивная природа хранили семейство Петре въ полномъ здоровьѣ. Но вотъ природа оказалась завистливой къ человѣку и въ продолженіе трехъ лѣтъ нѣкогда цвѣтущее семейство разорила она въ конецъ и пустила по міру... Петре до самой послѣдней возможности не покидалъ своего родного дома, гдѣ онъ выросъ и гдѣ были схоронены кости его предковъ. Но жажда и голодъ осилили его.“ Распрощавшись съ каждымъ угломъ своего дома, мужъ съ женой и съ дѣтьми, выпрашивая кусокъ хлѣба Христа ради, достигли Тифлиса. Страшно было смотрѣть на помертвѣлыя отъ голода лица несчастныхъ дѣтей. Съ ногъ отъ большой ходьбы текла кровь; лица и руки, какъ бы закоптѣлыя въ дыму, сожжены были жгучими лучами лѣтняго солнца. Городъ сжалился надъ голодающими. Свое семейство Петре укрылъ въ сѣняхъ одного домика. Днемъ они ходили просить подаянія, а ночью, уставшіе и изнеможенные, засыпали мертвецки на голой землѣ. Но подобное положеніе не могло долго длиться. Петре, не привыкшему кормиться безъ труда, нищенское выпрашиваніе милостыни казалось невыносимымъ стыдомъ. По совѣту сосѣдей онъ рѣшилъ отправиться на заработки въ Верхнюю Карталинію. Здѣсь, въ деревнѣ Арашенди, пріютилъ его одинъ изъ крестьянъ и далъ ему свой хуторъ.

Деревня Арашенди занимаетъ прекрасное мѣстоположеніе. Но, благодаря бездѣятельности помѣщика, князя Спиридона Тавбруадзе, хозяйство здѣсь запущено, домъ въ полуразвалинахъ, народъ тонетъ въ невѣжествѣ, питаясь лишь бранью княгини Варвары, дочери тифлисскаго мѣщанина. „У этой благословенной четы были дѣти: двѣнадцатилѣтній сынъ Леванъ отъ первой жены Спиридона и трое маленькихъ дочерей отъ Варвары.“ „Къ этому именно семейству и привела Марта, жена Ахалкари, свою старшую дочь Кону“. По условію Кона должна была прислуживать княгинѣ въ продолженіе десяти лѣтъ; княгиня же, со своей стороны, должна была учить ее рукодѣлью, азбукѣ и, по прошествіи десяти лѣтъ, съ порядочнымъ приданымъ выдать ее замужъ.

Съ того дня Кона сдѣлалась послушной рабой въ семействѣ князей Тавбруадзе. Присмотръ за ея поведеніемъ княгиня пору-

чила старой дѣвѣ, Исахарь, вѣчной ворчуньѣ и грозѣ княжеской челяди.

Громаднаго роста, съ порядочно выросшими усиками, съ ключами на поясѣ, съ страшнымъ голосомъ, похожимъ на ревъ, Исахарь казалась воплощеніемъ безчеловѣчности и безжалостности. При встрѣчѣ съ ней деревенскіе мальчики и дѣвочки прятались за заборъ отъ ея орлиныхъ взоровъ. Эта-то Исахарь стала строго наблюдать за Коной, запугивая ее своимъ грознымъ взглядомъ Босая, въ разорванномъ платьѣ, Кона должна была вставать рано утромъ, носить воду съ родника, убирать комнату и укачивать ребенка, не смѣя принимать участія въ играхъ прыгающихъ дѣтей. Если послѣднія мучили Кону, щипали ее, рвали ей волосы, то она не могла и не должна была плакать. Варвара и Исахарь удивились бы и отвѣтили бы на ея жалобы словами Простаковой, поощряя ихъ грубость съ несчастнымъ созданіемъ: „—Смотрите, пожалуйста, на эту избалованную дѣвчонку: дѣти даже не смѣютъ ее трогать! Развѣ ты не рада, дура, что эти дѣти съ тобою играютъ?!"—По капризному требованію восьмилѣтней княжны Кона должна была таскать ее на своихъ плечахъ, пока, изнуренная, она не падала лицомъ на полъ. „Бей ее,"—говорила тогда княгиня, со смѣхомъ обращаясь къ своему избалованному сыну, и тотъ начиналъ, какъ дикій звѣрекъ, всаживать кулачки въ нѣжныя дѣтскія бедра.

Къ обрисовкѣ этой жестокой, возмущающей душу, среды—г-жа Габашвили воспроизвела реальный типъ отжившей княжеской семьи. Писательница, побуждаемая нравственнымъ чувствомъ, не желаетъ оставить читателя при созерцаніи одной отрицательной картины и для его успокоенія она отыскиваетъ въ домѣ князя Тавбруадзе сына послѣдняго отъ первой жены, Левана, который, будучи самъ страдальцемъ-сиротой, естественно сочувствовалъ всей дѣтской искренней душой беззащитной маленькой Конѣ. Этихъ двухъ сиротъ, хотя не похожихъ по своему общественному положенію, соединяло ихъ общее горе. Насъ трогаетъ гоненіе, воздвигнутое мачехой на Левана, но симпатіи наши всецѣло на стѣсненной со всѣхъ сторонъ служанкѣ—Конѣ.

Писательница просто, незатѣйливо слѣдитъ, какъ Кона изъ рѣзвой, беззаботной дѣвочки становится не по лѣтамъ задумчивой, озлобленной. „Она всегда съ поникшей головой и съ печальнымъ лицомъ смотрѣла въ землю, точно желала узнать хоть отъ нея причину своего несчастнаго положенія. Въ тѣ немногія минуты покоя она вспоминала свою свободную жизнь у родныхъ, сладкія материнскія ласки, и несчастная Кона глубоко, всѣмъ

сердцемъ вздыхала. Очень часто, наклоняясь къ люлькѣ и закрывъ руками свои глаза, она тихо рыдала. И старъ, и младъ, и мужчина, и женщина, всякій колотитъ ее по головѣ. „Кона, воды! Кона, огня! Поди сюда, иди скорѣе туда!“ Эти возгласы вѣчно слышались во всемъ домѣ, начиная съ кухни и кончая господскими палатами. Вечеромъ непомѣрно усталая Кона засыпала гдѣ-нибудь въ углу комнаты и тутъ же на нее набрасывали разорванныя лохмотья отъ стараго, совсѣмъ разорваннаго одѣяла“. Вотъ неприглядная обстановка, въ которой растетъ несчастная Кона!

Прошло пять лѣтъ. Конѣ уже пятнадцать лѣтъ, а Левану восемнадцать. Послѣдній въ теченіе трехъ или четырехъ отрывочныхъ вакаціонныхъ занятій подъ руководствомъ пріѣзжавшаго въ деревню Арашенди дворянина Гограшвили выучился грамотѣ и усвоилъ „честное направленіе своего благороднаго воспитателя“. Взаимная привязанность обоихъ сиротъ окрѣпла и обратилась въ горячую дружбу. Оскорбленный мачехой, Леванъ за утѣшеніемъ обращается къ Конѣ. Когда ему приходитъ въ голову мысль положить конецъ несправедливымъ отношеніямъ княгини къ себѣ и своей подругѣ, Конѣ, то послѣдняя удерживаетъ его, рисуя мрачныя картины Сибири или же ужаснаго положенія на чужбинѣ. Безъ него она останется вполнѣ одинокой. „Кому же излить свои душевныя страданія, — говоритъ она ему на берегу ручья со слезами, — какъ не тебѣ? Предъ кѣмъ же мнѣ выплакать свою несчастную судьбу, какъ не передъ тобой? Потерпимъ еще, Леванъ, Богъ милостивъ, можетъ быть Онъ намъ поможетъ“. — Здѣсь уже вступили мы въ область сентиментальной части повѣсти. „Кона, не плачь, — отвѣчаетъ Леванъ, — твои слезы еще болѣе жгутъ мое изстрадавшееся серце. Къ моему несчастію присоединяется твое и тогда я еще нетерпѣливѣе рвусь отсюда куда-нибудь. Слушай, Кона, давай убѣжимъ вмѣстѣ. Поѣдемъ въ далекія страны, поступимъ вмѣстѣ въ прислуги, будемъ работать, соберемъ деньги, выстроимъ домъ и будемъ жить какъ братъ съ сестрой“.

Леванъ не успѣлъ еще познакомить ее съ дальнѣйшими подробностями своего фантастическаго проекта, какъ раздался пронзительный крикъ Исахарь:—„Кона, гдѣ ты, проклятая, ты уже забыла, что нужно тебѣ зайти домой“... Кона тяжело вздохнула, посмотрѣла на Ливана и побрела въ комнату. Леванъ же предался горестнымъ размышленіямъ. Онъ слышитъ брань, палочные удары, но таитъ отъ сердечныхъ мукъ при видѣ безхарактерности отца и жестокости его жены, переноситъ эти страданія безропотно, безмолвно. Для чего онъ тутъ остается?. „Неужели, — думалъ онъ, растянувшись на зеленой травѣ, — меня удерживаетъ Кона, кото-

рая безъ меня останется одинокой? Не знаю... но всякій разъ, когда намѣреваюсь отсюда бѣжать, я представляю себѣ ея печальное, полное внутренней тоски, лицо, и стыжусь измѣны, и нѣтъ желанія порвать съ нею пятилѣтнюю искреннюю дружбу. Бѣдная! вся жизнь ея проходитъ въ колотушкахъ... Кромѣ физической боли, несчастная Кона еще испытываетъ нравственныя муки, перенося столь сильныя униженія человѣческой личности. Вчера ее обвинили въ воровствѣ. Кона украла! Неужели она способна рѣшиться на воровство, но кто явится безпристрастнымъ судьей?

Такъ еще долго философствуетъ на чувствительныя темы Леванъ, который, изъ желанія помочь Конѣ, пишетъ своему бывшему учителю Гограшвили, прося у него совѣта. Сначала онъ описываетъ ему свое тяжелое семейное положеніе, потомъ вспоминаетъ его слова и рѣчи о томъ, „что значитъ *человѣкъ*, какія отношенія должны существовать между людьми и, находя, что онъ вмѣстѣ съ Коной погибаетъ въ кабалѣ, умоляетъ протянуть руку помощи. На это немножечко слащавое и ходульное письмо Гограшвили отвѣчаетъ, что онъ очень сожалѣетъ, что „пробудилъ въ немъ человѣческія достоинства“, не сообразуясь съ обстановкой, въ которой онъ оставилъ его съ такими мыслями. Распространившись насчетъ необходимости „быть волкомъ среди волковъ“, онъ предлагаетъ Левану бѣжать, обѣщавъ раскрыть ему двери своего дома. Этотъ отвѣтъ Леванъ поспѣшилъ сообщить Конѣ, которая послѣ продолжительныхъ колебаній согласилась бѣжать „въ полночь“, когда все успокоилось въ палатахъ князя Тавбруадзе.

Раннимъ утромъ Исахарь открыла исчезновеніе Коны и Левана. Поднялась страшная тревога. Княгиня считала себя опозоренной союзомъ ея пасынка со служанкой. Леванъ успѣлъ исчезнуть, бѣглянку же догнали близъ станціи желѣзной дороги, привели къ княгинѣ, которая, вскочивъ на беззащитную Кону своимъ тяжелымъ тѣломъ, стала топтать ее ногами. „Кона долго лежала въ постели безъ чувствъ. По цѣлымъ днямъ, мучимая жаждой, съ высохшимъ отъ сильнаго жара горломъ, устремивъ взоры въ одну точку, она призывала на помощь смерть. Предположеніе случайно понавѣдовшаго ее врача о томъ, что она съ трудомъ проживетъ одну недѣлю, не оправдалось. Кона пролежала всю зиму, но съ пробужденіемъ весенней природы она стала чувствовать себя лучше и въ одинъ прекрасный день встала съ постели“. Окаменѣлое во время крѣпостничества сердце Исахарь и безчеловѣчность тифлисской мѣщанки-княгини не замѣчали блѣднаго лица Коны и съ насмѣшкою встрѣтили ея появленіе. Исахарь и княгиня осыпали ее бранью за ея попытку

бѣжать и сдѣлаться „невѣстой“ князя Тавбруадзе. Кона, до этого времени терпѣливо переносившая и побои, и брань, запаслась въ теченіе продолжительной болѣзни силой и смѣлостью заявить княгинѣ, чтобы она ее пощадила, не взводила напраслины „—Долѣе терпѣть я не могу, и я человѣкъ, и въ моихъ жилахъ течетъ человѣческая кровь,—могу потерять самообладаніе и тогда...“ Кона сразу выпрямилась; лицо у нея зарумянилось, и эти слова она произнесла съ такой отвагою, что, не шутя, нагнала страхъ на своихъ враговъ; но, спустя минуту, онѣ еще съ бо́льшимъ бѣшенствомъ напали на нее.

— „Скажите, пожалуйста, какъ она языкъ удлинила! Быть можетъ, ты на самомъ дѣлѣ себя считаешь княгиней?.. Ты бы лучше замолчала, а то всѣ волосы съ тебя сдеру“,—угрожала ей почтенная княгиня. Несправедливо взведенная на Кону клевета совсѣмъ измѣнила ея скрытый и застѣнчивый характеръ. Теперь она не слѣпо подчинялась своей судьбѣ: въ ея сердцѣ зародилось глубокое чувство мести и каждодневныя ея заботы вертѣлись на вопросѣ, чѣмъ отплатить своимъ врагамъ... Разъ какъ-то она перебирала вещи въ сундукѣ и нашла перочинный ножикъ, подаренный ей Леваномъ. Кона внимательно его осмотрѣла и положила въ карманъ. Съ этого дня фигура ея значительно выпрямилась, глаза заблистали огнемъ, поблекшія щеки загорѣлись румянцемъ, въ движеніяхъ стали обнаруживаться нѣкоторая живость и быстрота. Она собрала всѣ свои уцѣлѣвшія силы и энергію для осуществленія своей завѣтной мести, и не долго ей пришлось ждать.

Случилось, что „Кона утюгомъ спалила дорогую шаль княгини“. Княгиня Варвара пришла въ остервенѣніе, схватила Кону, сорвала съ нея головной уборъ и начала безжалостно рвать волосы. На помощь княгинѣ прибѣжала Исахарь и онѣ вмѣстѣ стали довершать звѣрскую расправу. Кона пришла въ изступленіе, еще разъ употребила послѣднее усиліе и вырвалась изъ рукъ Варвары. Со рта у нея, какъ у бѣшеной, струилась пѣна, глаза страшно выкатились, въ горлѣ что-то ужасно душило; все закружилось передъ нею, и въ одно мгновеніе она вонзила ножикъ въ грудь княгини, но сама пошатнулась, схватилась рукой за бокъ и упала къ ея ногамъ бездыханной. Какъ разъ въ этотъ ужасный моментъ двери растворились и вошла мать Коны, Марта, съ переметной сумкой черезъ плечо. Она пришла съ подарками князьямъ для освобожденія своей дочери изъ неволи и увидѣла, что дочь уже обрѣла свободу ужасную, но зато истинную и вѣчную!..

Въ этой повѣсти, полной бытовыхъ картинъ, г-жа Габашвили явилась не только внимательной наблюдательницей взаимныхъ

отношеній дворянства и крестьянства, но сумѣла ихъ проанализировать, заглянуть въ душу простолюдиновъ и освѣтить ихъ въ моменты глубокой внутренней борьбы... Гуманное чувство, проходящее вообще черезъ всѣ ея произведенія, съ наибольшей яркостью выступаетъ въ описаніи злополучной судьбы Коны.

Проникнутая искренней любовью къ родинѣ и желаніемъ служить ея интересамъ, г-жа Габашвили не скрываетъ отрицательныхъ сторонъ своего народа, съ горечью указывая на язвы, его разъѣдающія. Усвоивъ пріемъ мышленія контрастами, она рисуетъ идеалъ дѣятеля, какъ учитель Гограшвили или Шромадзе, и рядомъ съ нимъ воспроизводитъ сцены уклоненій отъ этого идеала. Несоотвѣтствіе житейскихъ явленій высшему назначенію человѣка вноситъ въ ея разсказы значительную долю желчи и сарказма. Негодованіе ея получаетъ характеръ сатиры и ѣдкой насмѣшки надъ фальшью и общественной пустотой въ таковыхъ произведеніяхъ, какъ „Женскіе портреты“ („Грузинская библіотека“ 1889 г. № 6), „Лѣтнія картины“ и „Различные браки“ („Иверія“). Въ отрывочныхъ, но правдивыхъ и художественныхъ картинахъ писательница водитъ читателя по галлереѣ разнообразныхъ типовъ, окрашенныхъ довольно мрачнымъ колоритомъ. Безцѣльное прозябаніе княжны Какато, вырвавшейся изъ „тюрьмы“, т. е. института, бракъ по разсчету съ безрукимъ, но богатымъ полковникомъ, служитъ не исключительнымъ явленіемъ, а модой, распространившейся съ недавнихъ лѣтъ въ грузинскомъ обществѣ. У Какато есть подруга—генеральская дочь, Машо, безъ тѣни симпатіи къ жениху принимающая его предложеніе: она очарована его драгунскимъ мундиромъ, умѣньемъ „легко мазурку танцовать и изъясняться по-французски“. Отсутствіе духовной связи скоро обнаруживается: мужъ предается игрѣ въ карты, а жена пользуется свободною жизнью замужней женщины. „Развѣ я для того вышла замужъ,—говоритъ одна дама мужу,—чтобы ухаживать за своими дѣтьми и няньчиться съ ними. Для этого существуютъ гувернантки, бонны... Я желаю уѣхать за-границу: достаньте деньги, иначе я съ вами разведусь“. Такіе взгляды грузинокъ на бракъ и воспитаніе дѣтей составляютъ принадлежность молодого поколѣнія, получившаго образованіе въ институтахъ и гимназіяхъ. Къ сожалѣнію, представительницы прежняго поколѣнія отличались невѣжествомъ, но супружескую вѣрность чтили свято; юныя дамы, уродливо воспитавшись подъ вліяніемъ новаго теченія, пріобрѣвшія внѣшній лоскъ, утрачиваютъ нравственный устой. Грузинское общество переживаетъ переходную эпоху скрещенія старинныхъ національныхъ завѣтовъ и легкомысленныхъ нравовъ и понятій, прививающихся односторонними

вѣяніями европейской культуры черезъ призму русскаго вліянія.

Г-жа Габашвили не менѣе огорчена пустотой мужского общества. Князь Георгій Магаларовъ, драгунскій офицеръ, очаровывающій барышень своимъ мундиромъ и усиками; старый генералъ, любящій свою жену и содержащій любовницу; князь Дидебадзе, мужъ подъ башмакомъ жены; князекъ Заалъ, уволенный изъ гимназіи за лѣность, рано женившійся и все же продолжающій веселиться въ сомнительной компаніи,—вотъ люди, нравственно извращенные, эгоистическіе и умственно ограниченные. Характерно, что всѣ они представители „высшаго свѣта". Народъ же и средній классъ хранятъ здоровые задатки будущаго развитія: и по чистотѣ нравовъ, по цѣльности характеровъ, и по богатству энергіи они выше помѣщичьей среды.

Со времени основанія новаго журнала „Могмбе" Ек. Габашвили стала въ немъ принимать близкое участіе: здѣсь она напечатала „Утѣшеніе Тамары" (1894 г. III), „Торжествующій Нико" (1896 г. I, II, III) и „Птенчикъ" (1896 г. XII). Сущность первой повѣсти заключается въ томъ, что героиня ея, княжна Тамара Шалвашвили, основательница сельской школы и прозелитка идеи служенія народу, склоняетъ влюбленнаго въ нее состоятельнаго офицера Георгія Эдишерашвили оставить военную службу и заняться сельскимъ хозяйствомъ на благо крестьянъ. Здѣсь писательница рисуетъ уже типъ энергичной дѣвушки и мягкаго помѣщика, съ твердой вѣрой вознамѣрившагося поѣздкой за-границу возродиться къ цѣли иной жизни, составляющей святое назначеніе каждаго грузина,—поселиться въ деревнѣ и взяться за плугъ. Такимъ образомъ г-жа Габашвили во второмъ періодѣ своей дѣятельности отъ воспроизведенія отрицательныхъ картинъ переходитъ къ положительнымъ типамъ. Одинъ уголокъ общественнаго поприща, доступнаго въ Грузіи каждому интеллигенту, составляетъ сельская школа, и здѣсь-то мы видимъ у г-жи Габашвили первыхъ борцовъ за просвѣщеніе народа. Въ повѣсти „Торжествующій Нико" герой Нико Бершвили и героиня Лиза Кашкадзе выступаютъ въ качествѣ руководителей народнаго образованія. Если въ повѣсти „Утѣшеніе Тамары" героиня указываетъ герою истинный путь служенія родинѣ, то въ повѣсти „Торжествующій Нико" роли перемѣняются. Лиза вовсе не сочувствуетъ Нико, что „онъ цѣлый день проводитъ съ крестьянами". Она еще долго увлекается ухаживаніями развращенныхъ князей но впослѣдствіи, когда невзрачному на видъ сельскому учителю Нико удается спасти Лизу отъ угрожающей ей нравственной гибели, она связываетъ свою судьбу съ нимъ, принявшимъ санъ священника, въ виду клеветъ недовольныхъ князей, и вдвоемъ они

всецѣло отдаются интересамъ крестьянства: они устроили „общественный магазинъ хлѣба“, развели общественный садъ, шелководственную станцію, прекрасно обстановленную школу, завоевавъ горячія симпатіи народа. Если можно усмотрѣть въ этихъ типахъ идеализацію, не вполнѣ соотвѣтствующую дѣйствительности, то нужно во всякомъ случаѣ признать ихъ дидактическое значеніе: идеалъ, здѣсь нарисованный, близокъ къ осуществленію.

Въ 1897 году г-жа Габашвили выступила въ качествѣ драматурга и поставила пятиактную пьесу „Счастье измѣнчиво“, вызвавшую много противорѣчивыхъ толковъ въ грузинской печати. Сюжетъ ея заимствованъ изъ повѣсти беллетристки „Оръ-Хеви“. Къ пожилой женщинѣ Тасіи, сельской бабкѣ, обучающей дѣвочекъ грамотѣ, является неожиданно ея сынъ Павелъ. Тасія отпускаетъ своихъ ученицъ и оставляетъ для прислуживанія лишь одну красивую Марине, въ которую влюбляется Павелъ; но бракъ ихъ невозможенъ въ виду ихъ близкаго родства. Впрочемъ, священникъ обнадеживаетъ влюбленныхъ и соглашается на ихъ бракъ, но по проискамъ управляющаго имѣніемъ, имѣющаго виды на Марине, онъ потомъ не приходитъ на обрученіе. Послѣднее происходитъ безъ священника, и во время пира является управляющій безъ приглашенія и бросаетъ поднесенный ему рогъ вина. Оскорбленные и виновникъ раздора обнажаютъ кинжалы, но ихъ разводятъ. Невѣсту отправляютъ къ теткѣ въ другую деревню, а женихъ схватилъ горячку, которая повлекла за собою разстройство его умственныхъ способностей. Въ одинъ изъ острыхъ припадковъ помѣшательства, узнавъ, что его невѣста выходитъ за управляющаго, Павелъ убѣгаетъ изъ дома, летитъ въ другую деревню и закалываетъ свою невѣсту.

Авторъ называетъ свою пьесу „сценами въ пяти дѣйствіяхъ“, справедливо не причисляя ея ни къ драмамъ, ни къ комедіямъ. Изъ приведеннаго мною содержанія легко замѣтить, что дѣйствительно въ пьесѣ г-жи Габашвили есть дѣйствіе, есть борьба страстей, но пять актовъ не связаны живою нитью. Это не драма. а яркія картины съ умными діалогами. Съ этой точки зрѣнія „Счастье измѣнчиво“ имѣетъ свои прелести, такъ какъ большинство его картинъ взято съ натуры. (См. „Кавказъ“, январь 1897 г., „Изнобисъ-Пурцели“, того же мѣсяца и года).

Настоящій очеркъ, посвященный двадцатилѣтней литературной дѣятельности одной изъ выдающихся грузинскихъ писательницъ, конечно, отличается недостаточной полнотой и несоразмѣрностью въ распредѣленіи приведеннаго матеріала за первое и второе десятилѣтія ея творчества. Пришлось подробнѣе остановиться на первыхъ опытахъ ея пера потому, что они захватыва-

ютъ глубже, основательнѣе провинціальную жизнь—бытъ крестьянства и помѣщичьяго класса. Отрицательныя краски, по временамъ сгущаемыя въ нихъ, ближе къ дѣйствительности, чѣмъ идеальные типы, рисуемые въ позднѣйшихъ повѣстяхъ г-жи Габашвили. Зарожденіе въ Грузіи новаго класса благородныхъ ревнителей о народномъ благосостояніи и просвѣщеніи было отмѣчено еще нѣсколькими другими писателями, но истинное положеніе вещей склоняетъ насъ сказать, что въ произведеніяхъ г-жи Габашвили проникнутые сознаніемъ долга дѣятели отличаются слишкомъ безупречнымъ характеромъ, часто являются воплощеніемъ всѣхъ добродѣтелей, переходя иногда въ отвлеченныя, безжизненныя фигуры. Дѣленіе общества на ангеловъ и демоновъ, на безкорыстныхъ тружениковъ и безжалостныхъ эгоистовъ, проходящее черезъ всѣ ея произведенія, налагаетъ на послѣднихъ печать тенденціознаго творчества. Но мы не ставимъ въ упрекъ писательницѣ, что она создаетъ типъ не существующій, но желательный; чистотой помысловъ, преданностью интересамъ родины, гуманными чувствами она подкупаетъ читателя и воспитывающимъ образомъ вліяетъ на него. Помимо этого облагораживающаго элемента, произведенія г-жи Габашвили имѣютъ и внѣшнія крупныя достоинства: мягкій, колоритный языкъ, чистый литературный стиль безъ устарѣлыхъ выраженій, художественное чутье, подсказывающее ей мѣру въ характеристикѣ быта и людей. Въ общемъ тонѣ повѣстей г-жи Габашвили ясно проводится основная черта ея міровоззрѣнія: жизнь есть борьба; жизнь—это страданіе во имя свободы и любви. Хотя жизнь полна человѣконенавистничества, людской тупости и злобы, хотя на сторонѣ зла огромный перевѣсъ, однако сила свѣта должна восторжествовать. Писательница уповаетъ, что ночь не устоитъ передъ сіяніемъ истины, а даль грядущаго отрадна и ясна.

А. Хахановъ.

Умирающая земля.

(La Terre qui meurt).

РОМАНЪ.

Переводъ съ французскаго.

(Продолженіе).

VIII.

Саллертэнскіе новобранцы.

Въ это осеннее воскресенье стояла послѣ полудня еще болѣе глубокая тишина, чѣмъ какая обыкновенно стоитъ по воскресеньямъ въ это время года. Воздухъ былъ теплъ, свѣтъ мягокъ; вѣтеръ, поднявшійся вмѣстѣ съ моремъ и далеко на берегъ кидавшій свои воздушныя волны, пролеталъ по необъятной зеленой равнинѣ, нигдѣ не подхватывая ни шума крестьянскихъ работъ, ни жалобнаго визга телѣги, ни удара лопаты, молота или топора. Одни только колокола громко переговаривались между собою. Ихъ звонъ несся со всѣхъ сторонъ: изъ Саллертэна, Перье, Сенъ-Жерве, изъ Шаллана, гдѣ была новая, большая, какъ соборъ, церковь, и изъ Сулана, спрятавшагося въ зелени, покрывавшей холмы деревьевъ. Трезвонъ за обѣдней, гулъ Angelus'a, призывъ къ вечернѣ то тамъ, то сямъ нарушали царившую кругомъ тишину. Далеко вокругъ разбрасывали они все тѣ же столько разъ слышанныя и такъ давно понятыя слова: любовь къ Богу, отрѣшеніе ото всего земного, прощеніе обидъ, единеніе въ молитвѣ, равенство передъ Всевышнимъ; и слова эти улетали въ пространство и дрожали, и переплетались, словно праздничныя гирлянды, переброшенныя съ одной колокольни на другую. Среди пахарей, пастуховъ и сѣятелей немного было такихъ, что не повиновались имъ. И по пустымъ въ теченіе недѣли дорогамъ теперь скорымъ шагомъ шли тѣ, кто жилъ на концѣ прихода, и медленно, точно прогуливаясь, возвращались другіе, которымъ было ближе. По доводившему до самой церкви широкому

каналу, который служилъ портомъ Саллертэна, безпрестанно скользили ялики.

Къ вечеру шумъ колоколовъ прекратился. И даже любители выпить оставили трактиры и вернулись въ свои фермы, тихо дремавшія подъ блѣдными лучами заката. Деревня погружалась въ глубокій покой. Не слишкомъ шумная и въ рабочіе дни, она въ концѣ недѣли, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, становилась совершенно сосредоточенною и нѣмою. Эти часы благочестиваго отдохновенія имѣютъ въ деревнѣ свое огромное значеніе, потому что душа крестьянская отдыхаетъ тогда и возрождается къ новой трудовой жизни, и крестьянскія семьи, успокоенныя отдыхомъ, собираются вмѣстѣ, размышляютъ, бесѣдуютъ о своихъ живыхъ членахъ и дѣлятся воспоминаніями о тѣхъ, что уснули уже вѣчнымъ сномъ.

Но на этотъ разъ покой былъ недологъ. Матюрэнъ Люмино и Андрэ отдыхали, лежа у ведущей къ Фромантьеръ зеленой дороги, за высокими каменными воротами, подъ тѣнью вязовъ, служившихъ временнымъ пріютомъ для телѣжекъ и боронъ. Калѣка, свернувшись на одной изъ боронъ и накрывъ ноги старымъ плащемъ, отдыхалъ отъ усилій и волненія, пережитыхъ этимъ утромъ. Изъ дружбы къ нему, Андрэ не пошелъ назадъ въ мѣстечко вмѣстѣ съ отцомъ и теперь, растянувшись на травѣ, читалъ вслухъ газету. Время отъ времени онъ, повидавшій свѣтъ, пояснялъ читаемыя новости: онъ разсказывалъ, гдѣ находится Клермонъ-Ферранъ, Индія, Японія, Лилль во Фландріи; при этомъ онъ покручивалъ свой свѣтлый усъ, и вся его расцвѣтающая молодость и немного наивное самолюбіе освѣщали его открытое и оживленное лицо.

Около четырехъ часовъ на лѣвомъ берегу Саллертэна прозвучалъ рожокъ. Должно быть, это было на срединѣ между приходами Люмино и Сельеръ, въ самомъ центрѣ Марэ. Выведенный изъ дремотнаго состоянія, въ которое его повергло чтеніе, Матюрэнъ взглянулъ на Андрэ, который выронилъ газету при первыхъ же звукахъ и, поднявъ голову и навостривъ уши, улыбался этой музыкѣ.

— Это новобранцы, — сказалъ старшій. — Они скоро уйдутъ и дѣлаютъ теперь прощальные визиты.

— Это маршъ африканскихъ стрѣлковъ, — отвѣтилъ младшій, съ загорѣвшими глазами.—Я узнаю его. Значитъ, у насъ въ Марэ есть кто-то изъ служившихъ тамъ?

— Да, сынъ торговца скотомъ изъ Фьефъ. Онъ отбывалъ свой срокъ въ зуавахъ.

Наступило молчаніе, во время котораго братья прислушива-

лись къ игрѣ бывшаго зуава. Оба они были заняты своими мыслями. Въ воображеніи Андре, въ той далекой точкѣ Марэ, въ которую онъ уставился глазами, выросъ бѣлый городъ, узкія улицы и отрядъ кавалеристовъ, выступающихъ изъ-подъ зубчатыхъ воротъ, сводъ которыхъ откликался на ихъ шаги. Матюрэнъ же слѣдилъ за выраженіемъ лица своего брата и думалъ: „душою онъ еще тамъ, откуда вернулся". Его лобъ разгладился и зрачки расширились на одно мгновеніе, какъ у открывшаго свою добычу звѣря; потомъ онъ вернулся къ своему обычному раздумью.

— Дріо, — промолвилъ онъ, спустя нѣкоторое время, — тебѣ нравится эта музыка?

— Еще бы!

— Ты скучаешь по полку?

— Нѣтъ! Развѣ по немъ можно скучать?

— Въ такомъ случаѣ что же, именно, нравилось тебѣ тамъ?

Молодой человѣкъ бросилъ пытливый взглядъ на старшаго брата, какъ бы желая узнать: „зачѣмъ спрашиваетъ онъ меня объ этомъ?" Потомъ онъ отвѣтилъ:

— Самая мѣстность... Послушай-ка... Это охотничья пѣсня...

Мелкіе и быстрые звуки рожка скоро затихли. Пять или шесть сильныхъ, но плохо спѣвшихся голосовъ запѣли старую „Походную пѣсню". Нѣсколько словъ долетѣло до Фромантьеръ: „Умереть за родину... что можетъ быть достойнѣе... стремленія..." Другія слова затерялись въ пространствѣ. Но самый шумъ все приближался. А подъ сводомъ вязовъ братья, затаивъ дыханіе, душою унеслись туда, куда бросилъ каждаго изъ нихъ первый звукъ марша, и уже совершенно машинально прислушивались къ приближавшимся шагамъ рекрутовъ.

Прислушивался къ нимъ и Туссэнъ Люмино. Онъ медленно возвращался отъ вечерни вмѣстѣ со своимъ пріятелемъ Массоно— высокимъ худощавымъ фермеромъ, съ темною, какъ пшеничное зерно, кожей и выдавшимся впередъ, какъ куриная грудь, адамовымъ яблокомъ; его щеку постоянно подергивало, отъ чего онъ то и дѣло закидывалъ назадъ голову. Отсюда и пошло его прозвище „Гордецъ". Люмино и Гордецъ толковали о недавнихъ событіяхъ въ Фромантьеръ. И тотъ, и другой были въ Марэ представителями жизненнаго опыта и мудрости. Имъ были хорошо извѣстны имена, прозвища и прошлое не только тѣхъ, что сейчасъ жили въ Саллертэнѣ, но и, по меньшей мѣрѣ, двухъ уже исчезнувшихъ поколѣній. Поровнявшись съ послѣдними домами мѣстечка, стоявшими по ту сторону моста, они оба остановились подъ однимъ и тѣмъ же впечатлѣніемъ и стали прислушиваться.

— Слышишь, Гордецъ? — сказалъ Люмино. — Они играютъ, они поютъ, глупыя дѣти! А каково-то родителямъ тѣхъ, что уходятъ на службу?

— Да, — произнесъ Массоно, закидывая голову, — родителей жаль.

— Я могу ихъ всѣхъ назвать, стоитъ только прислушаться къ голосамъ ихъ сыновей, — продолжалъ Люмино. — Да, друзья мои изъ Боннелри и Гранъ-Пэйманъ, и Жюшъ-Пи, и вы тоже, изъ Линотьеръ и Бэллъ-Бланшъ, — я узнаю голоса вашихъ молодцовъ,—смотрите, чтобы не пошли они по той же дорогѣ, что мой Франсуа! Потому что тамъ-то, куда идутъ они, и произошла въ немъ перемѣна. Городъ отнялъ у меня сына.

— Какъ онъ отнялъ и у нашего пріятеля изъ Пенсоньеръ, — сказалъ Массоно.

— Изъ Леврель!

— И изъ Парэ-дю-Монъ!

Перечень могъ зятянуться. Массоно первый прервалъ его, потому что музыка, очевидно, приближалась къ окраинѣ Марэ.

— Они опять поютъ, — сказалъ онъ. — Они идутъ къ тебѣ, Люмино.

Саллертэнскіе рекруты дѣйствительно направлялись къ Фромантьеръ. Надъ молчаливымъ Марэ безпрерывно взлетали то живые звуки ихъ голосовъ, то металлическіе звуки рожка. Вѣтеръ подхватывалъ и разносилъ ихъ далеко, точно сѣмена горя, которымъ суждено повсюду взойти. И повсюду, хотя это и не было замѣтно, въ душахъ подымалась тревога, оживало старое горе, и скромные обитатели одинокихъ фермъ и деревушекъ съ замираніемъ сердца прислушивались къ проходу саллертэнскихъ рекрутовъ.

Они вскорѣ поровнялись съ лугомъ Фромантьеръ. Матюрэнъ, который уже давно прислушивался къ ихъ приближающимся шагамъ и съ развившейся въ немъ тонкой наблюдательностью слѣдилъ за ихъ постепенными остановками, сказалъ брату:

— Они уже побывали въ трехъ фермахъ. Они, вѣроятно, дѣлаютъ сборъ. При тебѣ этого не было? Всего два года, какъ они затѣяли ходить по домамъ, гдѣ есть дѣвушки-сверстницы и требовать у нихъ курицу въ видѣ выкупа отъ повинности. Розиль на очереди... Тебѣ нужно бы взять курицу и дать имъ, когда они пройдутъ здѣсь.

— Разумѣется! — сказалъ смѣясь Андрэ и въ одинъ мигъ очутился на ногахъ. — Бѣгу. А что дѣлаютъ они съ курицами?

— Ѣдятъ, надѣюсь! У нихъ бываетъ по три-четыре прощальныхъ обѣда. Скорѣе, они близко.

Андрэ исчезъ во дворѣ фермы. Вскорѣ послышался его ве-

селый смѣхъ, быстрые шаги за гумномъ и испуганное кудахтанье пойманной курицы. Нѣсколько мгновеній спустя, онъ вернулся, держа за ножки пойманную птицу, крылья которой, широкія, бѣлыя, съ сѣрыми пятнами, касались травы и поднимались при каждомъ шагѣ Андрэ.

Въ ту же минуту около оранжереи прозвучалъ рожокъ. Матюрэнъ наполовину поднялся на боронѣ и, упершись руками въ перекладину, вытянувъ свою лохматую голову, поджидалъ молодыхъ парней. Андрэ стоялъ рядомъ. Передъ ними, въ просвѣтѣ, открывавшемъ идущую въ Марэ дорогу, виднѣлось заходившее солнце. Громадный оранжевый отъ тумана шаръ заполнялъ собою все пространство между двумя выступами на вершинѣ голаго холма.

И вдругъ въ сіяніи заходившаго солнца показались три дѣвушки; средняя была выше другихъ; онѣ шли обнявшись, всѣ въ черномъ, съ кружевными уборами на головѣ. Унизывавшій ихъ бархатные платки бисеръ блестѣлъ на плечахъ. Онѣ шли чуть покачивая головами. Свѣтъ падалъ сзади, и никто не могъ бы ихъ узнать; только Матюрэнъ узналъ сразу Фелициту Говри въ средней дѣвушкѣ. Въ нѣсколькихъ шагахъ за ними шелъ трубачъ, потомъ знаменосецъ, а еще подальше двигались шеренгой пять молодыхъ людей; они держали — кто привязавъ на веревку, а кто подмышкой—курицъ, собранныхъ ими на фермахъ.

Отрядъ поднялся по дорогѣ, сдѣлалъ еще сотню шаговъ и остановился по срединѣ между вязами и полуразвалившейся стѣною Фромантьеръ.

— Здравствуйте, братья Люмино! — сказалъ чей-то голосъ.

Среди этой кучки, возбужденной ходьбой и выпитымъ на фермахъ виномъ, послышалось хихиканье. Калѣка припалъ на руки и взглянулъ въ сторону Андрэ.

Не покидая своихъ спутницъ, Фелицита Говри все же чуть выдвинулась впередъ и благосклонно разглядывала младшаго потомка Фромантьеръ, протягивавшаго ей сѣрую курицу.

— Значитъ, вы догадались, въ чемъ дѣло, Андрэ? — спросила она. — Что значитъ народъ сообразительный!.. Ну, Состэнъ Пажо, возьмите курицу Розиль.

Здоровый, рыжеватый парень, съ лицомъ отупѣвшимъ, какъ у человѣка, котораго уже стало разбирать вино, вышелъ изъ шеренги и взялъ птицу. По насмѣшливому выраженію Андрэ и по его молчанію, Фелицита сообразила, что онъ относится неодобрительно къ тому, что она находится въ подобной компаніи.

— Повѣрьте, что я не разгуливаю каждый день съ новобранцами по Марэ, — небрежно сказала она.—И если я согласилась на это сегодня, то только для того, чтобы оказать услугу. Эти двѣ

товарки, что со мной, принадлежатъ къ отряду: на нихъ палъ жребій дѣлать сборъ. Но онѣ не рѣшались идти однѣ, и если бы не я, дѣло могло бы разстроиться.

Она выражалась хорошо, съ нѣкоторою изысканностью, обнаруживавшею привычку къ чтенію.

— Было бы очень жаль! — отвѣтилъ молодой человѣкъ, но безъ особой увѣренности.

— Не правда ли? Тѣмъ болѣе, что я не часто бываю въ вашихъ краяхъ.

Она взглянула на окна Фромантьеръ, ея хлѣва и скирды сѣна, вздохнула и почти сейчасъ же весело замѣтила:

— Вы соберитесь къ намъ какъ-нибудь на-дняхъ на посидѣлки, Андрэ? Наши дѣвушки на васъ надѣются.

Со стороны ея спутницъ послышалось одобреніе.

— Можетъ быть,—сказалъ Андрэ.—Я такъ давно не плясалъ въ Саллертэнѣ; можетъ, опять захочется.

Она поблагодарила, слегка прищуривъ глаза. Только въ эту минуту, казалось, замѣтила она Матюрэна Люмино, который глядѣлъ на нее, несчастный, съ такою страстью и съ такимъ страданьемъ въ сердцѣ! Она заговорила съ нимъ съ выраженіемъ сожалѣнія къ нему и, вмѣстѣ, съ ощущеніемъ неловкости, въ которой было кое-что искреннее.

— Обращаясь къ одному, Матюрэнъ, я—понятно—обращаюсь ко всей семьѣ... Если это васъ не утомитъ?.. Я была рада увидѣть васъ сегодня за обѣдней... Это доказываетъ, что вамъ лучше...

Калѣка, не способный говорить съ ней о чемъ бы то ни было, кромѣ того, чѣмъ полна была его душа, пробормоталъ:

— Спасибо, Фелицита... вы хорошая дѣвушка, Фелицита...

Онъ произносилъ это имя—Фелицита—съ такимъ обожаніемъ, что оно, казалось, тронуло двухъ-трехъ уже охмѣлѣвшихъ новобранцевъ Саллертэна.

— Въ какомъ полку служилъ ты, Матюрэнъ? — спросилъ знаменосецъ.

— Въ третьемъ кирасирскомъ!

— Трубачъ! Маршъ кирасирскаго полка въ честь Матюрэна Люмино! Впередъ, маршъ!

Молодыя дѣвушки, трубачъ, знаменосецъ, а за ними и выстроившіеся въ рядъ новобранцы вышли изъ тѣни вязовъ и направились по дорогѣ къ Четыремъ Мельницамъ. Изъ-подъ ихъ ногъ поднялся столбъ пыли, весь пронизанный лучами свѣта.

Когда послѣдній кружевной чепецъ скрылся между вербами и дикимъ терновникомъ, Матюрэнъ обернулся къ брату, который опять принялся за газету и разсѣянно пробѣгалъ ее, и сказалъ:

— Повѣришь ли, Дріо, что за эти шесть лѣтъ она въ первый разъ приходитъ сюда?

Андрэ съ горячностью отозвался на его слова.

— Она уже разъ поломала тебѣ ноги, дружище! Берегись, чтобы она еще чего-нибудь не выкинула!

Матюрэнъ Люмино съ раздраженіемъ пробурчалъ что-то, подобралъ костыли, отошелъ на нѣсколько шаговъ и остановился у крайняго дерева. Братья уже больше не говорили другъ съ другомъ. Разсѣянно и инстинктивно смотрѣли они на Марэ, гдѣ потухали послѣдніе лучи свѣта. Солнце уже скрывалось за плоскогорье. Отъ краснаго шара оставался только изъѣденный тѣнями серпъ, на которомъ причудливыми зубцами вырисовывались и верба на горизонтѣ, и кустарникъ, и еще что-то темное, неясное. Солнце скрылось. По холмамъ пробѣжалъ свѣжій вѣтерокъ. Все удалявшіеся звуки трубы и голосовъ перестали нарушать деревенскій покой. Наступила глубокая тишина. Въ сѣрой дали то тамъ, то сямъ стали зажигаться огоньки. Снова воцарялся покой, и людскія заботы и страданія, одно за другимъ, утихали во снѣ или за вечерней молитвой.

Возвращавшійся изъ деревни старикъ Люмино узналъ своихъ сыновей въ стоявшихъ у придорожныхъ деревьевъ фигурахъ; замѣтивъ, какъ неподвижно созерцали они заснувшую землю, и не подозрѣвая занимавшихъ ихъ мыслей, онъ бодро произнесъ:

— Какъ хороша Марэ, не правда ли, дѣти? Ну идемъ къ себѣ: ужинъ навѣрное ждетъ насъ.

И потомъ, увидѣвъ Андрэ, который первымъ вышелъ изъ тѣни, онъ добавилъ:

— Какъ я радъ, что ты вернулся изъ полка, ты, мой Дріо!

IX.

Погибшій виноградникъ.

Пришла весна. Фромантьеръ, казалось, была покойна и счастлива. Стоило пройти по полямъ, посмотрѣть на работавшихъ здѣсь людей, чтобы оставить всякій страхъ за будущее фермы. Новый батракъ „не баловался“, какъ говорилъ Туссэнъ Люмино, т. е. работалъ подъ рядъ четырнадцать часовъ въ сутки, не произнося даже четырнадцати словъ за все время. Отецъ, который и самого себя не жалѣлъ, гордился и радовался, глядя на Андрэ. Хорошій пахарь и сѣятель, заботливо относившійся къ скоту и ко всему хозяйству, чуть свѣтъ подымался и принимался за работу съ

рвеніемъ и любовью, доказывавшими, что здѣсь было его настоящее мѣсто и что онъ твердо рѣшилъ остаться крестьяниномъ.

Но въ глубинѣ этой отзывчивой и мягкой души росло тоскливое чувство. Андрэ не могъ привыкнуть къ тому, что не увидитъ больше Франсуа; ему не хватало друга первыхъ двадцати лѣтъ его молодости, не хватало товарища, съ которымъ для него неизбѣжно связывалось самое представленіе о Фромантьеръ. Недѣлю спустя послѣ возвращенія домой онъ поѣхалъ въ Ларошъ повидаться съ братомъ и Элеонорой; они жили въ предмѣстьи, немного нуждались уже и жаловались — одинъ на строгость начальства, другая — на то, что дѣло не шло, но не жалѣли о сдѣланномъ: городская жизнь, безъ контроля, безъ заботы о будущемъ, уже втянула ихъ. Онъ вернулся отъ нихъ безъ малѣйшаго желанія послѣдовать ихъ примѣру, даже еще строже относясь ко всѣмъ, кто покидалъ землю; но зато мысль о Франсуа не оставляла его теперь: онъ искалъ его повсюду. Фромантьеръ, гдѣ его не было ужъ больше, казалась ему пустой и заброшенной. Онъ не могъ освободиться отъ этого чувства, отъ этой боли, о которой онъ не говорилъ никому; всякая мелочь могла вызвать ее снова. Арендаторъ, гнѣвъ котораго уже смягчился, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ, что дѣла его дѣтей въ городѣ идутъ неважно, охотно заговаривалъ о Франсуа, какъ бы желая незамѣтно напомнить о немъ и другимъ и склонить къ попыткѣ вернуть неблагодарныхъ. „Сегодня,—говорилъ онъ,—мы засѣваемъ Кольетри, гдѣ Франсуа провелъ только двѣ борозды“; или: „Сегодня спеки намъ каштановъ въ золѣ, Розиль, какъ ихъ любилъ Франсуа“. Онъ думалъ, что его образъ дѣйствій навѣрное окажетъ свое вліяніе и что, такимъ образомъ, ему удастся, можетъ быть, снова собрать дѣтей, которыхъ злая судьба разсѣяла въ разныя стороны. Розиль подражала въ этомъ отцу. Но еще чаще напоминали объ отсутствующемъ сынѣ какія-нибудь вилы, которыми онъ обыкновенно работалъ, какая-нибудь сплетенная имъ корзинка, веревка, которую его рука привязала къ столбу въ конюшнѣ, или кусокъ поля, или дорога, съ которой были связаны воспоминанія, дуплистый пень или кустъ,—однимъ словомъ, вся Марэ, гдѣ цѣлые годы неразлучно росли братья, почти однолѣтки, вмѣстѣ пасли коровъ, прыгали съ шестами черезъ канавы и охотились за птицами.

Даже легенда складывалась уже въ Фромантьеръ о бѣдномъ Франсуа, медленномъ на работу, мотоватомъ, охотникѣ до легкой жизни... Его мѣсто въ опустѣвшей семьѣ сохранялось, даже укрѣ-

пилось за нимъ, благодаря этимъ постояннымъ мягкимъ и трогательнымъ воспоминаніямъ.

Андрэ скучалъ. Радостныя мечты о возвращеніи обманули его, и онъ уже не любилъ новую Фромантьеръ, какъ любилъ старую.

Да и сколько въ ней было перемѣнъ! Когда-то ее оживлялъ шумный трудъ большой и дружной семьи; управлялъ ею человѣкъ, въ которомъ годы пощадили еще силу и даже веселость; ей служило больше рукъ, чѣмъ она этого требовала, слѣпо берегло и защищало ее, какъ гнѣздо, котораго еще ни разу не покидали. И онъ не узналъ ее, вернувшись со службы. Двое дѣтей бѣжали, покинувъ домъ, погруженный въ печаль, неутѣшнаго отца и трудъ, который сталъ слишкомъ не по силамъ оставшимся. Розиль выбивалась изъ силъ. Андрэ чувствовалъ, что его не хватитъ даже на поддержаніе фермы въ хорошемъ состояніи, не говоря ужъ объ улучшеніяхъ, о которыхъ онъ мечталъ такъ часто въ душныя африканскія ночи безъ сна, уносясь мыслями къ роднымъ вязамъ. Нужно было по меньшей мѣрѣ два человѣка, молодыхъ и сильныхъ, не считая батрака, — нуженъ былъ Франсуа рядомъ съ Андрэ!

Андрэ боролся съ малодушіемъ, которое овладѣвало имъ. Каждое утро онъ уходилъ въ поле съ твердымъ рѣшеніемъ работать такъ, чтобы не было никакой возможности думать о чемъ-нибудь другомъ. И онъ пахалъ, боронилъ, сѣялъ, рылъ канавы, сажалъ яблони, не отдыхая, собравъ все свое мужество и твердость. Но мысли о Франсуа постоянно возвращались къ нему, возвращались и мысли объ упадкѣ фермы. Дни тянулись долго, одиноко, особенно рядомъ съ равнодушнымъ батракомъ, котораго ничуть не интересовали ни планы, ни печали хозяйскаго сына. Кому было довѣриться, когда онъ вечеромъ возвращался домой? Кто утѣшитъ его? Матери больше не было; отцу и самому стоило слишкомъ большого труда сохранить столько вѣры и бодрости, чтобы не согнуться подъ бременемъ горя; Матюрэнъ былъ такъ ненадеженъ и такъ озлобленъ, что къ нему можно было питать состраданіе, а не истинную привязанность. Оставалась Розиль; но ей было семнадцать лѣтъ, когда ее оставилъ Андрэ; онъ продолжалъ относиться къ ней, какъ къ ребенку, и ничего ей не говорилъ. Впрочемъ, ее рѣдко удавалось видѣть, бѣдную дѣвочку: она всегда была озабочена, все бѣжала куда-то. Все было мрачно въ этомъ домѣ! И Андрэ тѣмъ тяжелѣе было въ немъ, что онъ только что покинулъ полкъ, гдѣ жизнь, хоть и была не изъ легкихъ, несомнѣнно, но, все же, была полна движенія и молодости.

Проходили недѣли, а тоска не проходила. Измученный сво-

ими думами, Андрэ понемногу сталъ уходить мысленно за предѣлъ того печальнаго міра, въ которомъ онъ напрасно старался признать міръ своей молодости. Онъ походилъ на тѣхъ безмолвныхъ тружениковъ — прибрежныхъ крестьянъ, что глядятъ съ тоской и тревогой изъ-за своихъ дюнъ на бушующее море. Грустный и разбитый горемъ, онъ невольно вспоминалъ то, что дало ему пребываніе въ полку вдали отъ родины: онъ сталъ задумываться надъ тѣмъ, что жизнь возможна и не въ одной только Фромантьеръ, гдѣ-то на краю вандейской Марэ.

Искушеніе становилось очень сильно. Прошло два мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ онъ поселился въ комнатѣ, въ которой они когда-то жили вмѣстѣ съ братомъ. Однажды вечеромъ, когда все уже уснуло на фермѣ, Андрэ сѣлъ писать къ одному солдатику иностраннаго легіона, котораго онъ знавалъ въ Африкѣ и тамъ оставилъ. „Я очень скучаю: братъ и сестра оставили домъ. Если ты знаешь подходящій случай выгодно помѣстить деньги въ землю, въ Алжирѣ или гдѣ-нибудь подальше, напиши мнѣ. Я не рѣшилъ еще, но я подумываю о томъ, чтобы уйти. Я совсѣмъ одинокъ дома“. И отвѣтъ не заставилъ себя ждать. Къ величайшему удивленію Туссэна Люмино, почтальонъ приносилъ въ Фромантьеръ брошюры, газеты, объявленія, толстые конверты, надъ которыми Андрэ совсѣмъ не смѣялся, подобно Розиль и Матюрэну. Отецъ, которому не приходило въ голову никакихъ подозрѣній противъ Андрэ, говорилъ ему смѣясь:

— Никогда не было столько бумаги въ Фромантьеръ, Дріо, какъ со времени твоего пріѣзда. Я ничего не говорю тебѣ: ты любишь читать; но моя голова устала бы...

Только по воскресеньямъ иногда ему бывало больно отъ этой слишкомъ ужъ сильной любви къ чтенію и письму. Въ эти дни, послѣ вечерни, онъ почти всегда возвращался къ себѣ съ нѣсколькими старыми друзьями—съ Гордецомъ изъ Терръ-Аймонъ или съ Пипе изъ Пенсоньеръ, и они шли вмѣстѣ посмотрѣть поля. Они подымались и спускались рука объ руку по заросшимъ травой межамъ, осматривая каждую мелочь, разговаривая движеніями плеча или вѣкъ, обмѣниваясь рѣдкими словами, которыя всѣ касались одной темы: будетъ ли хороша, или посредственна нынѣшняя или будущая жатва, что грозитъ ей, что спасетъ. Теперь была зима, и они обходили паровыя поля осматривая молодые всходы. И Туссэнъ Люмино, когда ему не удавалось захватить съ собой Андрэ, останавливался на углу какой-нибудь десятины и повѣрялъ арендатору Терръ-Аймонъ свои мысли.

— Видишь ли, мой сынъ Андрэ совсѣмъ изъ другой породы,

совсѣмъ не изъ нашей. Не то, чтобы онъ презиралъ землю,—наоборотъ, онъ любитъ ее; онъ безупречно работаетъ цѣлую недѣлю. Только съ тѣхъ поръ, какъ онъ пришелъ изъ полка, по воскресеньямъ его мысли въ книгахъ!

Розиль тоже нѣсколько разъ недоумѣвала. У нея было слишкомъ много работы по дому, чтобъ думать еще о томъ, какъ работаютъ или отдыхаютъ другіе. Занятая хозяйствомъ, погруженная въ тысячу мелкихъ заботъ, которыхъ требовала ферма, она видала Андрэ только за столомъ, при другихъ. Въ эти минуты Андрэ,—потому ли, что онъ дѣлалъ надъ собой усиліе, потому ли, что молодость брала въ немъ верхъ надъ тоской и требовала своего,—Андрэ былъ, по обыкновенію, веселъ и беззаботенъ. Онъ охотно шутилъ съ Розиль и старался ее разсмѣшить. Но она была женщина, она сама страдала, и потому она чутьемъ угадывала страданья другихъ. По самымъ ничтожнымъ признакамъ, по взгляду, случайно остановленному на высокихъ окнахъ, по двумъ-тремъ словамъ, которыя можно было истолковать разно, ея чуткая душа поняла, что Андрэ не совсѣмъ счастливъ. Она знала только это и жалѣла брата; но она была далека отъ того, чтобъ подозрѣвать, какой происходилъ въ немъ переворотъ и какіе обдумывалъ онъ планы.

Только одинъ свидѣтель жизни Андрэ проникъ въ его замыслы: это былъ Матюрэнъ. Онъ замѣтилъ все разраставшуюся тоску Андрэ, его напрасныя усилія найти прежнюю ровность настроенія, прежнюю спокойную увѣренность въ работѣ. Онъ слѣдилъ иногда за нимъ въ полѣ, поджидалъ дома приходъ почтальона и получалъ письма и бумаги, адресованныя брату. Малѣйшія подробности запечатлѣвались въ его памяти и въ одинъ прекрасный день вставали въ формѣ вопроса, который онъ задавалъ осторожно, съ притворнымъ равнодушіемъ. Онъ зналъ, напримѣръ, что на большей части писемъ Андрэ стоялъ штемпель Алжира, на другихъ же—антверпенскій; и такъ какъ послѣднее названіе ничего не говорило Матюрэну, то Андрэ объяснилъ ему:

— Это большой бельгійскій портъ, — больше Нанта, гдѣ ты разъ былъ.

— Откуда же у тебя знакомые тамъ, такъ далеко отъ насъ и отъ Алжира?

— Очень просто,—отвѣчалъ младшій:—мой лучшій другъ въ Алжирѣ, въ иностранномъ легіонѣ, былъ бельгіецъ; въ Антверпенѣ вся его семья. Иногда мнѣ пишетъ самъ Демольдеръ, иногда его родители даютъ мнѣ нужныя свѣдѣнія...

— О твоихъ пріятеляхъ, значитъ?

— Нѣтъ, обо всемъ, что меня интересуетъ: о путешествіяхъ,

о разныхъ странахъ... Одинъ изъ ихъ сыновей поселился за моремъ, въ Америкѣ. У него ферма съ цѣлый нашъ приходъ.

— Онъ былъ богатъ?

— Нѣтъ, разбогатѣлъ.

Матюрэнъ не настаивалъ, но продолжалъ наблюдать, прибавляя одно наблюденіе къ другому. Когда Андрэ случалось обронить какую-нибудь брошюру объ эмиграціи, какое-нибудь объявленіе о продажѣ или уступкѣ концессіи, Матюрэнъ подымалъ листокъ и старался угадать то мѣсто, при чтеніи котораго сдвигались брови брата или что-то въ родѣ улыбки, желанія или рѣшенія пробѣжало въ его глазахъ.

Нанизывая наблюденія одно за другимъ, онъ пришелъ, наконецъ, къ убѣжденію, что Дріо задумываетъ покинуть Фромантьеръ. Когда? На какую страну, гдѣ легко наживаются деньги, промѣняетъ онъ ее? — все это были невыясненные вопросы. Въ это время, въ декабрѣ, когда непогоды, снѣгъ или дождь, оставляли ихъ чаще съ глазу на глазъ съ Андрэ гдѣ-нибудь въ конюшнѣ или дома, Матюрэнъ говаривалъ коварно брату:

— Разскажи-ка мнѣ объ Африкѣ, Дріо, разскажи, какъ тамъ богатѣютъ люди,—ты такъ интересно разсказываешь объ этомъ.

Иной разъ онъ спрашивалъ:

— Фромантьеръ должна казаться тебѣ такой маленькой и бѣдной. О такихъ ли фермахъ читаешь ты въ книжкахъ? И дѣйствительно ли она даетъ куда меньше, чѣмъ прежде?

Для Матюрэна не было уже сомнѣній въ то время, какъ Андрэ еще колебался.

Такъ кончился годъ.

Наступилъ другой. Зима была дождливая, но подмораживало, все-таки, каждую ночь. Поутру на вспаханномъ полѣ паутины, протянутыя съ одной глыбы земли на другую, всѣ покрытыя бѣлымъ инеемъ, трепетали на вѣтрѣ, точно бѣлыя крылья; и когда земля начинала дымиться подъ лучами поздняго солнца, бѣлыя крылья становились сѣрыми. Большія полевыя работы были прерваны. Тамъ, гдѣ мѣстность была повыше, рубили какіе-нибудь пни, чинили заборы. Въ Марэ не дѣлали даже и этого. Вода переполняла канавы и рвы. Большая часть окруженныхъ водой, точно плававшихъ фермъ сообщались съ мѣстечкомъ или другъ съ другомъ только при помощи яликовъ, которые сновали во всѣхъ направленіяхъ по залитымъ водою лугамъ. Это было веселое время посидѣлокъ и охоты.

Земля, однако, замерзла не настолько, чтобъ ея нельзя было взять; и Туссэнъ Люмино рѣшилъ, по совѣту Матюрэна, выкор-

чевать опустошенный филоксерой виноградникъ, который принадлежалъ Фромантьеръ.

Арендаторъ и Андрэ дошли до голаго холма, перерѣзаннаго дорогой изъ Шаллана въ Фромантинъ, гдѣ на скатѣ, обращенномъ прямо на югъ, и былъ виноградникъ. Здѣсь передъ собой они видѣли только семь каменистыхъ полосъ погибшаго виноградника, окруженныхъ съ четырехъ сторонъ изгородью терновника, да вертѣвшіяся крылья двухъ мельницъ.

— Принимайся-ка за эту полосу,—сказалъ арендаторъ,—а я начну рядомъ.

Несмотря на холодъ, они сбросили куртки, потому что работа обѣщала быть трудной, и принялись выкорчевывать пеньки. Оба они старались быть веселыми, когда шли; но, принявшись за мотыки, они грустно замолкли, чтобъ не дѣлиться мыслями, которыя вызывали въ нихъ похороны погибшаго виноградника. Когда какой-нибудь пенекъ ужъ очень долго не поддавался, отецъ нѣсколько разъ пытался пошутить. „Вишь ты, хорошо было ему здѣсь, не хочется уходить!“ — говорилъ онъ. Но и это онъ скоро оставилъ. Ни изъ своей головы, ни изъ головы сына, работавшаго рядомъ, ему не удалось прогнать мысли о томъ времени, когда зеленѣлъ этотъ виноградникъ, когда онъ въ изобиліи давалъ бѣлое вино, чуть кисленькое и пѣнистое, которое пивали они когда-то въ свѣтлые, радостные праздники.

Сравненіе между ихъ скромнымъ состояніемъ теперь и прежнимъ богатствомъ подавляло старика. Но онъ не сомнѣвался, что на сына это дѣйствовало еще сильнѣе. Молча подымали и опускали они свои мотыки стараго образца, сдѣланныя точно для гигантовъ. Твердая земля летѣла кусками, пенекъ трещалъ. Нѣсколько свернувшихся сухихъ листьевъ, уцѣлѣвшихъ на лозѣ, падало съ трескомъ на землю и уносилось вѣтромъ. Пенекъ показывался цѣликомъ: тонкій, извивающійся винтомъ внизу, крѣпкій, безформенный вверху, весь покрытый зеленымъ мхомъ, въ которомъ много лѣтъ не высыхали капли дождя или росы. Не было счету рубцамъ отъ обрѣзанныхъ вѣтвей: виноградникъ былъ посаженъ такъ давно, что даже самъ старикъ не могъ бы сказать, когда именно. Каждый годъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ себя помнилъ, Дріо подрѣзалъ и обкапывалъ лозы, собиралъ виноградъ, пилъ вино—все изъ того же виноградника. И вотъ виноградникъ умеръ. Всякій разъ, какъ Андрэ наносилъ послѣдній ударъ какому-нибудь корню, обрывая его жизнь, ему становилось больно; всякій разъ, какъ онъ хваталъ никому уже не нужное растеніе за его два года нечесанныя кудри и бросалъ въ кучу другихъ, уже вырванныхъ, кустовъ,—онъ поводилъ плечами отъ

досады и злости. Вотъ, не бьются уже онѣ, чуть замѣтныя жилы, по которымъ поднималось когда-то молодое вино! Умерли эти плодоносныя вѣтви, гнувшіяся подъ тяжестью гроздьевъ, разбѣгавшіяся по землѣ во всѣ стороны, какъ шлейфъ золотого платья! Никогда ужъ больше не зацвѣтетъ виноградникъ блѣдными звѣздочками своихъ цвѣтовъ, не привлечетъ милліоновъ насѣкомыхъ, не разольетъ по всему полю, до самой Фромантьеръ, аромата резеды! Никогда больше дѣти съ фермы не будутъ просовывать рученокъ въ дыры изгороди, чтобъ рвать крайніе гроздья! Никогда ужъ женщины не понесутъ отсюда наполненныхъ до краю корзинъ! Долго еще вино на фермѣ будетъ рѣдкостью, не будетъ „своего вина". Что-то семейное, какое-то наслѣдственное и священное богатство гибло съ виноградникомъ, который долго и вѣрно служилъ всѣмъ Люмино.

Оба они такъ глубоко чувствовали эту потерю, что отецъ не могъ удержаться, чтобъ не сказать сыну, когда они уже стали собираться домой въ виду надвигавшейся ночи:

— Тяжелое дѣло мы дѣлали сегодня, Дріо!

Но между печалью отца и печалью сына была все же большая разница. Туссэнъ Люмино, вырывая лозы, думалъ уже о томъ днѣ, когда онъ посадитъ новыя; онъ видѣлъ въ мысляхъ, беззвучно и медленно проходившихъ въ его головѣ, какъ его наслѣдникъ въ Фромантьеръ собираетъ уже виноградъ и пьетъ мускатное съ новыхъ лозъ. Въ немъ была та прочная и испытанная любовь, которая возрождалась и надѣялась послѣ всякаго новаго удара судьбы. Въ Андрэ не говорила надежда, потому что ослабѣла любовь.

Ихъ темные силуэты двинулись въ сумеркахъ сначала вдоль межи, потомъ по скату поля, по направленію къ фермѣ. Усталые, нагнувшись впередъ, съ мотыками на плечахъ, они глядѣли оба на красный горизонтъ, подымавшійся надъ Марэ, на облака, которыя вѣтеръ гналъ вслѣдъ за убѣгавшимъ солнцемъ. Грустно было въ такой вечеръ! Кругомъ голыя поля, обнаженныя изгороди, деревья безъ листьевъ; мракъ и холодъ падали съ неба. Они сдѣлали добрыхъ двѣсти шаговъ, раньше чѣмъ сынъ рѣшился заговорить первый, точно отвѣтъ долженъ былъ быть очень тяжелъ отцу.

— Да,—сказалъ Дріо,—времена виноградниковъ прошли для нашихъ мѣстъ; а вотъ есть другія мѣста...

— Гдѣ же, родной?

Въ полумракѣ сынъ протянулъ свою свободную руку и указалъ поверхъ Фромантьеръ, которая утонула внизу въ темнотѣ. Но движеніе его руки показывало куда-то такъ далеко, за Марэ

и даже за Вандею, что Туссэну Люмино стало холодно подъ толстымъ шерстянымъ платьемъ.

— Другія мѣста... но что тебѣ до нихъ, Дріо, пока и въ своихъ жить можно?

Сынъ понялъ, сколько тревоги и нѣжности было въ этихъ словахъ.

— А то,—отвѣчалъ онъ,—что въ нашихъ все труднѣй и труднѣй становится жить.

Туссэнъ Люмино вспомнилъ, что почти тѣми же словами когда-то говорилъ Франсуа; онъ молчалъ и старался понять въ это время, какъ могъ говорить такія вещи Андрэ, который ни лѣнтяемъ не былъ, ни въ городъ не рвался.

Они спускались по краю бураго поля; Фромантьеръ со своими деревьями стала подыматься передъ ними темнымъ куполомъ, надъ которымъ зимняя ночь зажигала свои первыя звѣзды. Арендаторъ никогда не подходилъ безъ волненія къ родному гнѣзду; въ этотъ вечеръ больше, чѣмъ когда-либо, онъ почувствовалъ сладость возвращенія, точно въ эту минуту онъ давалъ новую клятву въ любви. Розиль, услышавъ приближавшіеся шаги, открыла дверь и вынесла лампу наружу, какъ сигнальный фонарь.

— Поздно пришли!—сказала она.

Они не успѣли еще отвѣтить, какъ гдѣ-то, изъ глубины Мар э далеко за Саллертэномъ, раздался протяжный, носовой звукъ рога.

— Это изъ Сельеръ!—раздался изъ глубины комнаты голосъ Матюрэна.

Отецъ съ сыномъ вошли въ теплую и свѣтлую комнату. Маленькая лампа была поставлена на столъ.

— Сегодня посидѣлки въ Сельеръ,—продолжалъ Матюрэнъ.— Хочешь пойти, Дріо?

Калѣка, опираясь руками о столъ, съ нервными подергиваніями, съ глазами, горѣвшими долго сдерживаемой и, наконецъ, прорвавшейся страстью, поднялся наполовину. На него было больно и страшно смотрѣть, какъ на человѣка, который начиналъ терять разсудокъ.

— У меня нѣтъ никакой охоты плясать,—отвѣтилъ небрежно Андрэ.—Но, быть можетъ, это мнѣ будетъ полезно сегодня...

Арендаторъ молча положилъ руку на плечо несчастнаго, и воспаленные глаза калѣки закрылись, и тѣло его покорно упало на скамью, какъ мѣшокъ пшеницы...

Мужчины ужинали торопливо. Къ концу ужина Туссэнъ Люмино, который опять сталъ раздумывать надъ словами сына, заговорилъ, будто призывая въ свидѣтели того изъ своихъ дѣтей,

который ни разу не измѣнилъ своей горячей любви къ Фромантьеръ.

— Какъ тебѣ кажется, Матюрэнъ, не заговаривается ли этотъ парень? Онъ вотъ думаетъ, что виноградникамъ конецъ у насъ, что въ другихъ мѣстахъ они куда лучше идутъ. Но, разводя виноградникъ, ты, вѣдь, думаешь же, что когда-нибудь ему придетъ конецъ?

— Много ихъ вымерло раньше нашего,—отвѣтилъ рѣзко калѣка.—Мы не несчастнѣе сосѣдей.

— Ну, да, я говорю то же самое,—отвѣтилъ Андрэ. Онъ поднялъ голову; его глаза блестѣли упорствомъ и тонкіе усы двигались, когда онъ говорилъ.—Не одинъ только виноградникъ не годится, а вся земля, и наша, и сосѣдская, и вся далеко кругомъ,—дальше, чѣмъ вы заходили когда-нибудь. Нужны новыя земли, чтобъ росло хорошо.

— О новыхъ земляхъ я не слыхалъ никогда въ нашихъ мѣстахъ,—отвѣчалъ отецъ:—здѣсь всѣ послужили уже.

— Нѣтъ, есть все-таки, есть и еще кое-гдѣ...

Онъ замялся немного и сталъ перечислять, какъ попало:

— Въ Америкѣ, на Капѣ, въ Австраліи, на островахъ, у англичанъ. Въ этихъ мѣстахъ все растетъ. Тамъ земли родятъ сами, а у насъ...

— Не говори о нихъ плохо, Андрэ: наши не уступятъ лучшимъ!

— Выпаханы, слишкомъ дороги!

— Слишкомъ дороги—да, немного. Но дай имъ удобренья—и ты увидишь!

— Что жъ, дайте! Только купить не на что!

— Пусть только выдастся хорошій годъ, ни слишкомъ сухой, ни слишкомъ мокрый,—посмотришь, мы разбогатѣемъ!

Арендаторъ выпрямился, точно его задѣли лично, и ждалъ, что отвѣтитъ Дріо. Андрэ съ горячностью поднялся. Всѣ на него смотрѣли, даже батракъ, который, уставивъ подбородокъ въ мозолистую руку, старался его понять. И всѣ они смутно чувствовали, по плавности его жестовъ, по легкости его рѣчи, что Дріо былъ не совсѣмъ такой, какъ они.

— Да,—заговорилъ Андрэ, довольный тѣмъ, что его слушали,—можетъ быть, и можно еще что-нибудь сдѣлать здѣсь, на старой землѣ. Но насъ не учатъ этому въ школахъ, потому что это слишкомъ ужъ было бы полезно. И потомъ налоги у насъ очень тяжелы, аренда слишкомъ высока. И вотъ, въ то время, какъ мы здѣсь только пробиваемся, у нихъ тамъ чудная жатва. Я каждый день читаю объ этомъ. Наши виноградники

вымираютъ, а у нихъ тамъ есть вино. У нихъ пшеница растетъ безъ удобренія, они посылаютъ къ намъ корабли съ хлѣбомъ такіе, какъ были когда-то, по вашимъ словамъ, амбары стараго замка...

— Чепуха! Ты это вычиталъ въ книгахъ!

— Кой-что, но я и самъ видѣлъ корабли въ портахъ, съ которыхъ мѣшки съ пшеницей текли, какъ вода въ канавахъ, по скатамъ. Если бы вы читали газеты, вы бы знали, что намъ все привозятъ изъ-за-границы: и хлѣбъ, и овесъ, и лошадей, и быковъ,—и все это дешевле, чѣмъ обходится намъ самимъ; вы бы знали, что вотъ сейчасъ съ нами соперничаютъ американцы, австралійцы, а скоро будутъ и японцы, и китайцы!..

Его собственныя слова опьяняли его. Это было отъ того, что онъ читалъ нѣсколько разъ или слышалъ, какъ говорили въ его присутствіи. Фромантьеръ внимала въ изумленіи. Китай, Японія, Америка—всѣ эти слова порхали въ комнатѣ, какъ какія-то невѣдомыя птицы, которыхъ буря пригнала изъ невѣдомыхъ странъ. Стѣны фермы слышали всѣ слова крестьянскаго языка, но никогда еще не дрожали онѣ отъ звуковъ этихъ чужеземныхъ словъ. Удивленіе было написано на всѣхъ лицахъ, освѣщенныхъ лампой и устремленныхъ къ Дріо, который между тѣмъ продолжалъ:

— Я узналъ-таки кое-что и узнаю каждый день. И, знаете, когда проведешь цѣлый день, какъ мы сегодня, надъ выкорчевываніемъ собственнаго виноградника, злость беретъ, какъ подумаешь, что есть мѣста, въ Америкѣ,—и я могу ихъ назвать,—куда можно поѣхать безъ гроша.

— Поди ты!—воскликнулъ батракъ.

— Да, правительство платитъ за проѣздъ; оно кормитъ переселенца по пріѣздѣ; оно даетъ ему тридцать гектаровъ земли на хозяйство...

На этотъ разъ отецъ покачалъ головой, пораженный очевидной нелѣпостью словъ сына, и съ презрѣніемъ замѣтилъ:

— Ты разсказываешь враки, мой милый. Тридцать гектаровъ—это шестьдесятъ морговъ. Правда, я читаю не часто, но я не позволю разсказывать себѣ всякія сказки, которымъ ты вѣришь, какъ Писанью. Шестьдесятъ морговъ! Да это правительство живо разорилось бы, если бъ дѣлало такіе подарки всякому, кто ни захочетъ. Перестань... Мнѣ горько слышать, какъ ты дурно говоришь о нашихъ земляхъ. Если ты хочешь пахать ее вмѣстѣ со мной, Дріо, дѣлай, какъ я: не говори о ней худого... Она насъ кормила всегда.

Наступило тяжелое молчаніе, которымъ воспользовался бат-

ракъ, чтобы пойти спать. Призывный рогъ изъ Сельеръ снова раздался въ ночной темнотѣ. Матюрэнъ не сказалъ ни слова, только взглянулъ на брата. Андрэ, недовольный, возбужденный только что происшедшимъ споромъ, понялъ его нѣмой вопросъ и отвѣтилъ быстро, чтобы показать, что его ничто не связываетъ:

— Ну, ладно, я иду.

— Я провожу тебя до ялика,—сказалъ калѣка.

Туссэнъ Люмино сразу замѣтилъ опасность.

— И того ужъ слишкомъ довольно, что твой братъ ѣдетъ въ Сельеръ,—сказалъ онъ.—А тебѣ, Матюрэнъ, никакъ не пристало идти туда на посидѣлки. Не ходи дальше, какъ до камышей, да возвращайся живѣе.

Онъ проводилъ глазами калѣку, который съ большой поспѣшностью, съ новой энергіей, которую возбуждало въ немъ волненіе, поднялся на своихъ костыляхъ, обогнулъ столъ, спустился по ступенькамъ и вслѣдъ за Андрэ скрылся въ темнотѣ.

Сыновья вышли. Леденящій вѣтеръ дулъ въ дверь, оставленную открытой. Ухъ, какъ тяжело становилось управлять домомъ! Сидя на скамьѣ, положивъ голову на локоть и глядя черезъ дверь въ темноту ночи, арендаторъ раздумывалъ обо всемъ, что слышалъ сегодня вечеромъ; думалъ о томъ, какъ ему было трудно, несмотря на мягкость и большую опытность, заставить слушаться себя, разъ только дѣло не касалось работы на фермѣ. Однако, онъ не долго сидѣлъ такъ; онъ позвалъ свою дочь, которая уже заперлась въ сосѣднемъ чуланѣ:

— Розиль?

Каждое слово раздавалось отчетливо въ пустыхъ комнатахъ.

Розиль открыла дверь и сдѣлала пару шаговъ, продолжая вытирать блюдо, которое держала въ рукахъ.

— Я боюсь, чтобы Матюрэнъ не пошелъ опять смотрѣть на нее...

— Нѣтъ, отецъ, онъ не сдѣлаетъ этого... Онъ даже вышелъ безъ сапогъ, а такъ онъ не посмѣетъ показаться въ Сельеръ...

Она нагнулась, заглянула подъ кровать Матюрэна, потомъ въ сундукъ и поднялась.

— Нѣтъ... они на немъ... Онъ ихъ вынулъ заранѣе... Первый разъ рогъ протрубилъ часовъ въ шесть...

Отецъ сталъ ходить большими шагами. Онъ останавливался и прислушивался отъ поры до времени съ безпокойствомъ, не стучатъ ли по камнямъ костыли Матюрэна.

X.

Посидѣлки въ Сельеръ.

Туссэнъ Люмино безпокоился не напрасно. Его сыновья спустились вмѣстѣ по лугу Фромантьеръ до той широкой части рва, гдѣ обыкновенно поили скотъ; здѣсь было привязано два принадлежащихъ фермѣ ялика. И Андрэ и не подумалъ возражать, когда Матюрэнъ ему сказалъ:

— Возьми меня съ собой. Я хочу видѣть Фелициту.

Охотникъ до приключеній, неосторожный, все еще солдатъ, насквозь пропитанный принципами казармы, онъ ограничился замѣчаніемъ:

— Это очень неблагоразумно, но разъ это доставляетъ тебѣ удовольствіе,—ѣдемъ.

Онъ помогъ калѣкѣ влѣзть въ лучшій яликъ и улечься спереди въ узкой части лодки. Самъ же всталъ позади, на четыреугольной, слегка наклонной площадкѣ и, взявъ длинный шестъ, началъ толкать яликъ впередъ, то погружая шестъ желѣзнымъ концомъ въ воду, то отталкиваясь отъ береговъ.

Они были уже далеко, въ центрѣ Марэ, среди холодной, безлунной ночи.

Тучи все бѣжали къ морю. Но тьма, все же, не была непроглядною. Тамъ, въ вышинѣ, на фонѣ сѣраго неба, вырисовывались блѣдныя полосы и свѣтлыя сѣти, отъ бѣга облаковъ безпрестанно разсыпавшіяся и мѣнявшія очертанія; ихъ отражала и поверхность воды въ каналахъ, и, вся залитая зимними дождями, скатерть луговъ, превратившихся въ озера, надъ гладью которыхъ чуть выступали круглыя верхушки пригорковъ. Каждый клочокъ свѣта отражался десятки разъ въ этихъ озерахъ, отбрасывавшихъ его потомъ тусклыми полосами въ самую глубь темноты. И это-то давало возможность Андрэ не сбиться съ пути. Яликъ плылъ по каналамъ, перерѣзывавшимъ другъ друга подъ прямымъ угломъ. Онъ подвигался медленно, задерживаемый ледяными иглами, которыя морозъ ткалъ и разбрасывалъ узорами вокругъ травы и прибрежныхъ камешковъ. Если не поднимется вѣтра, то вся Марэ замерзнетъ къ утру. Андрэ видѣлъ это и старался какъ можно скорѣе добраться до Сельеръ. Онъ понималъ, что поступилъ неосмотрительно, взявъ съ собою Матюрэна въ такую ночь и такъ далеко. Калѣка же не шевелился. Онъ молчалъ, чтобы не обращать на себя вниманія брата, боясь, какъ бы тотъ не повернулъ обратно. Но когда они были уже въ двухъ километрахъ отъ Сельеръ и Матюрэнъ почувствовалъ увѣренность, что доберется до той

фермы, гдѣ собрались на посидѣлки, онъ прервалъ молчаніе. Лежа на спинѣ, съ головой, скрытой бортомъ ялика, онъ заговорилъ:

— Дріо, когда ты сегодня вечеромъ разсказывалъ о земляхъ, которыя раздаются эмигрантамъ, это не было шуткой?

— Нисколько.

— Тебѣ предлагали такую землю?

Онъ безшумно поднялъ голову и, насторожив глаза и уши, выжидалъ отвѣта Андрэ. Отвѣта не послѣдовало. На безконечномъ пространствѣ залитыхъ луговъ слышалось только вздрагиванье раздвигаемой яликомъ воды, которая съ легкимъ шумомъ набѣгала на затвердѣвшую грязь береговъ. Калѣка продолжалъ:

— Тебѣ не хватаетъ Франсуа, не правда ли? Домъ не тотъ уже для тебя, когда, кромѣ меня, никого не осталось?

Молодой человѣкъ, который все время такъ твердо и прямо держался позади, вдругъ стремительно нагнулся.

— Берегись! — крикнулъ онъ. — Лежи, Матюрэнъ!

Ихъ окутала глубокая ночь. Они проѣзжали подъ однимъ изъ каменныхъ мостовъ, которые выступаютъ точно горбы, то тамъ, то сямъ въ Марэ. Когда они опять выпрямились, Матюрэнъ замѣтилъ, что Андрэ замедлилъ ходъ, какъ человѣкъ, занятый своими мыслями. Это придало ему смѣлости и, рѣшившись вывѣдать тайну, касавшуюся будущаго Фромантьеръ, онъ сталъ настойчивѣе.

— Здѣсь никого нѣтъ, кромѣ насъ двоихъ, Андрэ, отчего не сказать тебѣ того, что ты думаешь? Тебѣ хочется обрабатывать менѣе истощенную, чѣмъ наша, землю; и ты тоже хочешь уйти отсюда, но дальше, чѣмъ Франсуа, и для другихъ цѣлей?

Андрэ пересталъ править. Онъ стоялъ прямо, на днѣ лодки, а шестъ свободно болтался позади.

— Если уже ты догадался, Матюрэнъ, держи это про себя,— сказалъ онъ.—Это правда, мнѣ предлагали... Тамъ, за моремъ, я могъ бы имѣть цѣлую ферму и табунъ лошадей, въ собственность, за мои двѣ тысячи франковъ... Друзья хлопочутъ объ этомъ... Но я еще не рѣшился. Я не далъ еще отвѣта.

— Ты боишься отца?

— Я не хочу оставить его въ затруднительномъ положеніи. Если я уйду, кто будетъ управлять Фромантьеръ?.. Есть Розиль... которая могла бы выйти замужъ.

— Не за бокенца же? Намъ это не подходитъ! Да и отецъ отказалъ, а онъ не отступитъ отъ своего рѣшенія.

— Въ такомъ случаѣ я не вижу, кому же перейдетъ въ руки Фромантьеръ?

Твердый, повелительный голосъ, обнаруживавшій все волненіе калѣки, крикнулъ:

— Значитъ, я—больше не въ счетъ?

— Мой бѣдный Матюрэнъ...

— Мнѣ лучше; я выздоровѣю! — продолжалъ Матюрэнъ все тѣмъ же тономъ. — Когда придетъ мой чередъ владѣть, никто, кромѣ меня, не станетъ управлять Фромантьеръ,—слышишь!

Андрэ, не желая выводить его изъ себя, отвѣтилъ:

— Это было бы счастьемъ для всѣхъ, если бы ты выздоровѣлъ... Я надѣюсь на это, Матюрэнъ.

Но гнѣвъ калѣки не проходилъ ни такъ скоро, ни такъ легко. Порывисто выпрямившись и чуть не опрокинувъ при этомъ яликъ, онъ на колѣняхъ и на рукахъ дотащился до зада лодки и въ теченіе секунды боролся съ братомъ.

— Уступи мнѣ свое мѣсто, братъ, — ты долженъ видѣть, какъ я правлю!

Онъ овладѣлъ длиннымъ шестомъ и, усѣвшись на задней скамейкѣ ялика, сталъ толкать его съ изумительной силою и увѣренностью. Быстрота хода, несмотря на льдинки и траву, сдѣлалась такою, какой Андрэ не сумѣлъ бы придать даже лодкѣ, идущей прямо, безъ препятствій. Матюрэнъ занималъ все пространство между двумя бортами, и его громадное туловище нагибалось и выпрямлялось съ вполнѣ здоровою легкостью и упругостью. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше ускорялъ онъ движеніе рукъ и тѣмъ чаще становились удары крюка объ убѣгавшіе скаты береговъ. Скоро онъ свернулъ вправо, въ каналъ, по которому они проплыли нѣсколько сотъ метровъ. На поверхности воды показались лучи свѣта, сперва тусклые, а потомъ все ярче и ярче. Они вырывались изъ оконъ Сельеръ. Постройки фермы стали неясно вырисовываться въ темнотѣ. Послышался звукъ поющихъ голосовъ, смѣшанный съ топотомъ ударявшихъ о каменный полъ шаговъ. Потомъ, двумя ударами шеста, Матюрэнъ почти остановилъ свою лодку и провелъ ее между десяткомъ поставленныхъ одинъ подлѣ другого яликовъ. Прежде чѣмъ Андрэ успѣлъ ему помочь, онъ выкатился вмѣстѣ съ костылями на холмикъ, на которомъ стоялъ домъ, и поднялся безъ посторонней помощи.

— Ловко ты правилъ, Матюрэнъ!—сказалъ, выпрыгнувъ, младшій братъ.

Матюрэнъ, запыхавшись, красный, довольный, точно одержалъ побѣду, обернулся къ Андрэ.

— Видишь, можешь не безпокоиться! — сказалъ онъ. — Тотъ,

кто правитъ яликомъ, какъ я, сумѣетъ справиться и съ фермой!

И сильнымъ ударомъ плеча онъ почти выбилъ дверь.

Кто-то крикнулъ извнутри:

— Тише! Кто это высаживаетъ двери?

Дверь съ шумомъ отворилась, и на порогѣ, весь залитый яркимъ свѣтомъ лампъ, показался Матюрэнъ Люмино. Появленіе выходца съ того свѣта не произвело бы такого эффекта! Шумъ сразу смолкъ. Дѣвушки, совершенно перепуганныя, попятились и столпились кучками около стѣнъ; отъ изумленія нѣкоторые парни сняли шляпы, которыя были на нихъ надѣты во время танцевъ; фермерши приподнялись со своихъ стульевъ и устремили свои взоры на двери. Онѣ не рѣшались признать новаго гостя въ такой часъ и въ такомъ мѣстѣ. А онъ, отуманенный ударившимъ ему сразу въ лицо жаркимъ и душнымъ воздухомъ комнаты, усталый и красный, но гордый вызваннымъ во всѣхъ присутствовавшихъ удивленіемъ, держался прямо на своихъ костыляхъ и, смѣясь себѣ въ бороду, крикнулъ громкимъ голосомъ:

— Привѣтъ всѣмъ!

Потомъ, обратившись къ собравшимся въ кучки женщинамъ, тѣснившимся въ глубинѣ комнаты и уже занятымъ болтовней, добавилъ:

— Кто хочетъ сдѣлать туръ со мной, мои красотки?... Ну, чего вы такъ глядите на меня? Я не выходецъ съ того свѣта: я привелъ съ собою брата, красавца Дріо; онъ будетъ моимъ визави.

Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, и позади него показался младшій представитель Фромантьеръ, стройный и высокій, который, приложивъ руку ко лбу, здоровался по-военному. Тогда вся комната наполнилась смѣхомъ, вопросами, привѣтствіями. Дѣвушки бросились имъ навстрѣчу съ такой же быстротой, съ какою раньше отступили назадъ. Со всѣхъ сторонъ мужчины протягивали руки. И надо всѣми голосами раздавался звонкій голосъ старика Говри. Изъ глубины сосѣдней комнаты онъ кричалъ, уже слегка опьяненный виномъ:

— Первую красавицу, чтобы танцовать съ Матюрэномъ! Первую красавицу! Пусть она выйдетъ!

Фелицита Говри выступила впередъ. Не словамъ отца повиновалась она. Въ первый моментъ она растерялась отъ неожиданности появленія Матюрэна, но, замѣтивъ на себѣ взгляды мужчинъ и женщинъ, она поняла, что ей слѣдовало взять смѣлостью; она приближалась къ Матюрэну Люмино, глядя своими черными глазами прямо въ глаза калѣкѣ, и, обнявъ его за шею, поцѣловала его.

— Я обнимаю его,—сказала она,—потому что у него одного больше смѣлости, чѣмъ у цѣлой половины парней нашего прихода. Это я позвала его.

Ошеломленный, опьяненный проснувшимися въ немъ воспоминаніями, Матюрэнъ почувствовалъ еще разъ, что слабѣетъ. Всѣ видѣли, какъ онъ поблѣднѣлъ и, повернувшись на костыляхъ, сталъ пробираться сквозь стоявшую налѣво отъ него кучку мужчинъ, говоря:

— Дорогу, дорогу, молодцы, мнѣ нужно сѣсть!

Онъ усѣлся въ сосѣдней комнатѣ, рядомъ со стариками, въ числѣ которыхъ былъ и старый Говри; они посторонились и, въ знакъ привѣта пришедшему, налили ему полный стаканъ бѣлаго саллертэнскаго вина. Согласно обычаю, онъ поднялъ свой стаканъ и, все еще блѣдный, произнесъ:

— За васъ всѣхъ я пью душой и сердцемъ!

Скоро о немъ, повидимому, позабыли, и танцующія пары снова закружились по комнатѣ.

Ферма, въ которой собрались на посидѣлки, одна изъ самыхъ новыхъ въ Марэ, состояла изъ двухъ комнатъ неодинаковыхъ размѣровъ. Въ той, что была поменьше, нѣсколько мужчинъ, не принимавшихъ участія въ шумныхъ развлеченіяхъ и танцахъ, пили и играли въ карты съ хозяиномъ дома. Въ другой же, въ которую только что вошли Люмино, танцовали. Столы были поставлены вдоль стѣнъ, между кроватями, пологи которыхъ,—изъ опасенія, чтобы ихъ не оборвали,—были закинуты и положены поверхъ стеганыхъ одѣялъ. Полдюжины пришедшихъ съ дочерьми матерей стояли у камина, передъ горящимъ кизякомъ, которымъ топили въ этой безлѣсной странѣ; у каждой изъ нихъ, на выступѣ очага, стояло по чашкѣ, изъ которой онѣ пили небольшими глотками кофе съ фруктовой водкой. А позади, во всѣхъ углахъ, стояли керосиновыя лампы и освѣщали группы танцовавшихъ. Было тѣсно. Воздухъ былъ пропитанъ дымомъ, потомъ и виномъ. Въ дверную щель прорывался снизу холодный воздухъ со двора, и отъ поры до времени дрожь пробѣгала по тѣлу дѣвушекъ, одѣтыхъ въ тяжелыя шерстяныя платья. Но никто не обращалъ на это вниманія! Комната была полна смѣха, говора и движенія. Молодые люди и молодыя дѣвушки пришли сюда съ уединенныхъ фермъ, которыя періодическія наводненія отрѣзывали на время отъ всего міра; вынужденное бездѣйствіе и мечтательность уже пріѣлись имъ. И теперь, когда этимъ бѣднымъ узникамъ на мигъ удалось вырваться на свободу и повеселиться въ обществѣ другихъ людей, ихъ охватило лихорадочное веселье. Черезъ нѣсколько часовъ вся эта ликующая толпа снова раз-

сѣется въ необъятномъ нѣмомъ пространствѣ. Они знали это—и пользовались короткимъ моментомъ веселья.

Танцы продолжались. То шелъ мѣстный танецъ, нѣчто въ родѣ старинной буррэ: танцовало четверо, а окружающіе аккомпанировали имъ размѣреннымъ жужжаніемъ; то хороводы, причемъ запѣвалъ мужской или женскій голосъ, а остальные подхватывали, подъ аккомпаниментъ аккордеона, на которомъ игралъ горбатый и болѣзненный мальчикъ лѣтъ двѣнадцати; потомъ какой-нибудь современный танецъ, кадриль или полька, мотивъ для которыхъ былъ всегда одинъ и тотъ же, мѣнялся только тактъ.

Большинство дѣвушекъ танцовало хорошо, иныя даже строго придерживались такта и недурно держались. Тѣ, что были попредусмотрительнѣе и получше одѣты, повязали себѣ кругомъ пояса бѣлые платки, чтобы кавалеры не испачкали имъ платья въ тотъ моментъ, когда, послѣ каждаго припѣва, они приподнимали и подбрасывали какъ можно выше своихъ дамъ, чтобы показать, какъ легки дѣвушки и какъ сильны мужчины въ Марэ. Здѣсь встрѣчались лица одного прихода, изъ одного угла, продолжались завязанныя прошлою зимой связи, вырывались первыя признанія въ любви, назначались свиданія на Шалланской ярмаркѣ или на ближайшихъ посидѣлкахъ на другой фермѣ; здѣсь же разглядывали и новичковъ. Изъ числа послѣднихъ Андрэ Люмино особенно привлекалъ вниманіе: онъ былъ всѣхъ веселѣе и легче всѣхъ придумывалъ и разсказывалъ что-нибудь смѣшное.

Время шло. Уже раза два проходилъ отецъ Говри черезъ обѣ комнаты, открывалъ дверь и произносилъ:

— Луна всходитъ, скоро будетъ свѣтло; поднимается вѣтеръ и здорово морозитъ.

Потомъ онъ возвращался къ своему мѣсту у стола, стоявшаго между двухъ шкафовъ, гдѣ его ожидали игроки въ люэтъ. Матюрэнъ Люмино согласился принять участіе. Но онъ игралъ разсѣянно и смотрѣлъ меньше въ карты, чѣмъ на Фелициту Говри, ни одно появленіе, слово и движеніе которой не ускользало отъ него. Ужъ не разъ заходила эта красивая и ловкая дѣвушка со своимъ кавалеромъ во вторую комнату, чтобы переброситься нѣсколькими словами съ Матюрэномъ. Она сіяла торжествомъ. На ея смѣломъ, правильномъ лицѣ, выдававшемся среди массы головныхъ уборовъ, свѣтилась радость одержанной побѣды, потому что внушенная ею любовь не ослабла въ теченіе шести лѣтъ и теперь привела къ ней молодыхъ сыновей Фромантьеръ.

Было десять часовъ. Молоденькая дѣвушка, съ испещрен-

нымъ веснушками лицомъ, точно перья у дрозда, первая затянула въ хороводѣ:

„Когда жила я дома
Подросткомъ у отца,
Пошла я разъ къ фонтану
Крессону собирать.“

Десятка два молодыхъ мужскихъ и женскихъ голосовъ подхватило:

„Утки, утки, уточки,
Батюшкины уточки къ фонтану поплелись“.

И хороводъ прошелъ по обѣимъ комнатамъ. Въ это время Фелицита Говри, которая отказалась участвовать въ хороводѣ, подошла къ столу, около котораго сидѣлъ Матюрэнъ; тотъ тотчасъ же передалъ карты одному изъ сосѣдей и поднялся на костыляхъ.

— Сидите, Матюрэнъ,—замѣтила она.—Не безпокойтесь ради меня: я пришла посмотрѣть на танцующихъ.

Она придвинула стоявшій въ углу стулъ, помогла Матюрэну усѣсться и сама присѣла рядомъ. Они сидѣли въ падавшей отъ шкафа полу-тѣни. Ни калѣка не смотрѣлъ на Фелициту Говри и она на него не смотрѣла. Они сидѣли другъ подлѣ друга, впереди шкафа изъ вишневаго дерева, повидимому, поглощенные разсматриваніемъ постоянно мелькавшихъ въ комнатѣ танцоровъ. Но видѣли они совсѣмъ другое: передъ однимъ проходило его прошлое, любовныя свиданія, клятвы, которыми они обмѣнялись; потомъ возвращеніе въ телѣжкѣ изъ Шаллана, годы долгихъ ужасныхъ страданій и одиночества, которое переставало существовать съ этой самой минуты; передъ другой рисовалось возможное и, быть можетъ, близкое будущее, вставали тѣ самыя комнаты Фромантьеръ, въ которыхъ она будетъ распоряжаться, церковная скамья, на которой она будетъ царствовать по воскресеньямъ, поклоны, которые ей будутъ отдавать даже самыя гордыя дѣвушки мѣстечка, и, наконецъ, ея будущій мужъ, младшій изъ Люмино, Андрэ, тотъ самый, что теперь ведетъ хороводъ вмѣстѣ съ запѣвавшей пятнадцатилѣтней дѣвочкой.

Матюрэнъ говорилъ тихо и отрывисто, прерывающимся отъ волненія голосомъ; онъ былъ блѣденъ и боялся, что вотъ-вотъ и эта минута блаженства кончится. А сельерская красавица, сложивъ руки на передникѣ, серьезная и сдержанная, отвѣчала ему, не торопясь, слова, которыхъ никто не могъ разслышать. Не мало глазъ поворачивалось по направленію къ этой странной парѣ, которую составляли бывшіе женихъ и невѣста. Хороводъ шелъ. Звуки припѣва наполняли комнату.

Свѣтлый и смѣющійся голосокъ дѣвочки-подростка пѣлъ:

„Глубокъ былъ нашъ колодезь,
Упала я на дно.
Вотъ три барона ѣдутъ
На лошадяхъ верхомъ.

„Что дашь ты намъ, красотка,
Мы вытащимъ тебя?“
— Сперва меня спасите,—
Сторгуемся потомъ.

Спасли они красотку,
А та бѣгомъ домой,
Усѣлась подъ оконцемъ
И пѣсню спѣла имъ.

„Не пѣсенки мы ждали,
Красотка, отъ тебя:
Твою любовь и ласку
Въ награду подари“.

Танцы становились все оживленнѣе. Здоровые парни брали дѣвушекъ за талію и такъ высоко подбрасывали, что ихъ кисейныя наколки касались потолка. Кумушки допивали послѣднюю чашку кофе. Игравшіе въ карты смотрѣли, какъ, при неровномъ свѣтѣ дымящихся лампъ, поднимая пыль, веселилась молодежь. Матюрэнъ и Фелицита, еще тѣснѣе придвинувшись, продолжали разговаривать. Но въ рукахъ калѣки лежала рука дѣвушки, и обросшія волосами громадныя руки дрожали, тогда какъ небольшая бѣлая ручка, казалось, не чувствовала или не хотѣла отвѣчать.

Между тѣмъ пѣсня закончилась слѣдующимъ куплетомъ:

—Моя любовь и ласки
Не знатнымъ господамъ:
Я ихъ отдала Пьеру,
Что служитъ у отца“.

Фелицита въ первый разъ за весь вечеръ взглянула Матюрэну въ лицо и, смѣясь, вкрадчиво сказала:

— Это исторія Розиль—эта пѣсня!

— Знаете, что она задумала?—быстро подхватилъ Матюрэнъ:— выйти замужъ за слугу и стать хозяйкой Фроментьеръ. Но я былъ на-сторожѣ! Я настоялъ, чтобы Жана Несми прогнали. И— клянусь!—онъ не скоро появится въ нашемъ домѣ. А теперь...

Онъ понизилъ голосъ, нагнулся и его рыжіе волоса коснулись кончика бѣлаго чепца, который не шелохнулся.

— Теперь, если ты еще не забыла меня, Фелицита, ты, а не кто другой, будетъ госпожей въ Фромантьеръ!

Она не успѣла придумать отвѣта. Она быстро вскочила съ мѣста. Послѣдній куплетъ хоровода закончился какимъ-то шопотомъ удивленія. Вошелъ человѣкъ, дошелъ до середины первой комнаты и остановился. Его сѣдая голова выдавалась надо всѣми остальными; на немъ была шляпа, къ которой онъ даже не притронулся при входѣ. Его платье было покрыто инеемъ. На лѣвой рукѣ у него висѣлъ старый плащъ,—какія-то коричневыя лохмотья, которыя волочились по полу. Со строгимъ лицомъ и прищуря глаза отъ яркаго свѣта, онъ сталъ искать кого-то. Всѣ разступились передъ арендаторомъ Фромантьеръ.

— Мои молодцы здѣсь?—спросилъ онъ.

— Ну, да,—отвѣтилъ голосъ позади него.—Я здѣсь, отецъ!

— Хорошо, Дріо,—замѣтилъ старикъ, не оборачиваясь. — За тебя я не боюсь, хоть здѣсь и не мѣсто моимъ дѣтямъ. Но, право, морозъ такой, что того и гляди вся Марэ померзнетъ къ утру. И съ Матюрэномъ можетъ приключиться бѣда,—вѣдь онъ калѣка! Зачѣмъ ты его привелъ сюда?

Посреди общаго молчанія онъ окинулъ взглядомъ всю комнату. По движенію, которое сдѣлали нѣкоторые изъ присутствующихъ, онъ догадался, что Матюрэнъ находится въ глубинѣ второй комнаты. Отецъ увидѣлъ калѣку и, рядомъ съ нимъ, ту, которая была причиной столькихъ страданій и столькихъ слезъ.

— Распутница!—пробормоталъ онъ.—Она все еще завлекаетъ его!

Онъ прошелъ впередъ, властно раздвигая группы стоявшихъ, плечами отталкивая танцовавшихъ.

— Говри,—произнесъ онъ, кивая старику, который поднялся съ мѣста и, покачиваясь, шелъ ему навстрѣчу.—Говри, я вовсе не хочу тебя обидѣть. Но я увожу своихъ молодцовъ. Въ такую погоду смертью пахнетъ въ Марэ.

— Я не могъ помѣшать твоимъ дѣтямъ придти,—пробормоталъ Говри.—Увѣряю тебя, Туссэнъ Люмино...

Не слушая его, арендаторъ повысилъ голосъ:

— Ступай отсюда, Матюрэнъ! — сказалъ онъ. — На, возьми плащъ, который я принесъ для тебя!

Онъ бросилъ ему на плечи старый, поношенный плащъ, и калѣка поднялся, безъ возраженій, какъ ребенокъ, и послѣдовалъ за отцомъ. Присутствующіе—кто съ усмѣшкой, а кто съ волненіемъ—смотрѣли на этого старика, который прибрелъ черезъ всю Марэ, для того, чтобы вырвать своего сына съ посидѣлокъ въ Сельеръ. Дѣвушки перешептывались, говоря: „Хоть бы слово

сказалъ онъ Фелицитѣ"; другія говорили: „Должно быть, онъ былъ красавцемъ въ молодости". Одинъ голосъ, той самой дѣвочки, что пѣла въ хороводѣ, прошепталъ: „Андрэ—вылитый отецъ".

Ни Туссэнъ Люмино, ни его сыновья этого не слышали. Дверь Сельеръ закрылась вслѣдъ за ними. Они очутились сразу во тьмѣ, гдѣ ихъ охватилъ леденящій вѣтеръ. Тучи поднялись высоко. Быстро уносимыя вѣтромъ и слившись въ широкіе пласты, онѣ плыли темными, другъ за другомъ слѣдовавшими скатертями, на края которыхъ луна бросала серебряныя каймы. Холодъ проникалъ подъ платье и пронизывалъ тѣло. Смерть грозила всему слабому. Арендаторъ понималъ опасность и быстро отвязалъ свои ялики, привязанные, вмѣстѣ съ другими, у пристани Сельеръ. Онъ вошелъ въ первый изъ нихъ, велѣлъ Матюрэну лечь на дно и сталъ толкать изо всѣхъ силъ. Калѣка повиновался. Неподвижно свернувшись на днѣ лодки, покрытый шерстянымъ плащемъ, онъ походилъ на кусокъ кактуса. Потомъ, вытянувшись незамѣтно для отца, онъ повернулся въ сторону Сельеръ и, слегка приподнявъ покрывавшій его плащъ, устремилъ глаза на ферму. И пока онъ могъ различать выходившую изъ двери полосу свѣта, онъ не спускалъ глазъ съ этого блѣднѣвшаго луча, съ которымъ уже связано было для него еще одно воспоминаніе. Потомъ плащъ снова опустился и покрылъ лицо калѣки, радостное, съ глазами, полными слезъ. Андрэ слѣдовалъ за ними во второмъ яликѣ.

Они возвращались домой по тѣмъ же каналамъ, вдоль тѣхъ же луговъ, борясь съ бурными порывами вѣтра. Вѣтеръ все усиливался и не давалъ льду разрастаться. Уже отвыкшій править яликомъ, фермеръ подвигался впередъ очень медленно. Отъ времени до времени онъ спрашивалъ:

— Тебѣ не очень холодно, Матюрэнъ?

И потомъ, повысивъ голосъ, окликалъ:

— Ты здѣсь, Андрэ?

Сквозь журчанье струекъ воды за кормою откликался ему молодой голосъ:

— Идетъ!

Усталость отца была велика, но къ ней примѣшивалась радость, что онъ везетъ обратно своихъ сыновей. Безо всякой видимой причины и несмотря на то, что арендатору случалось по цѣлымъ недѣлямъ не вспоминать о женѣ, онъ въ эту минуту думалъ о покойной Люминихѣ. „Она, навѣрное, довольна мною,—думалъ онъ,—потому что я вырвалъ Матюрэна изъ Сельеръ." И минутами, на поворотѣ рва, ему мерещились глаза, такіе же го-

лубые, какъ у покойницы; они улыбались ему, потомъ опускались и склонялись къ ялику вмѣстѣ съ камышемъ. Тогда онъ утиралъ свои вѣки рукавомъ, встряхивался, чтобы сбросить охватывавшее его оцѣпенѣніе, и окликалъ одного изъ сыновей:

— Ты здѣсь?

Его младшему сыну было не до грезъ. Онъ размышлялъ о томъ, что видѣлъ и слышалъ только что,—о безумной страсти Матюрэна, о необузданности этого человѣка и о томъ, что жизнь въ Фромантьеръ станетъ невозможною, когда не станетъ отца. За этотъ вечеръ въ его безпокойной головѣ жажда новыхъ земель разгорѣлась еще больше.

Вскорѣ оба ялика достигли утиной лужайки.

XI.

Любовныя грезы Розиль.

Воскресные послѣобѣденные часы стали теперь для Розиль часами одиночества. Она могла уходить въ Саллертэнъ на вечерню лишь тогда, когда работникъ оставался дома. А работникъ выговорилъ себѣ право черезъ воскресенье уходить въ Сенъ-Жанъ-де-Монъ къ своей глухонѣмой сестрѣ Финеттъ. Матюрэнъ, который раньше неизмѣнно проводилъ въ Фромантьеръ всѣ дни своей печальной жизни, теперь не пропускалъ ни одной воскресной службы въ Саллертэнѣ, гдѣ онъ встрѣчалъ Фелициту Говри, кланялся ей, часто не произнося при этомъ ни одного слова, чтобы не причинить непріятности арендатору, провожалъ ее жадными глазами, пока она проходила черезъ церковную площадь, и потомъ тотчасъ же заходилъ въ какой-нибудь трактиръ, чтобы поиграть въ „люетъ.“ Что до Андрэ, то онъ, казалось, совсѣмъ пересталъ интересоваться Фромантьеръ и по воскресеньямъ, если только былъ свободенъ, уходилъ изъ дому и шатался по деревнямъ, на берегу моря, разыскивая преимущественно старыхъ моряковъ и путешественниковъ, разсказывавшихъ о далекихъ странахъ, въ которыхъ легко наживаются богатства.

Розиль не знала, что привлекало брата въ этихъ далекихъ прогулкахъ. Однажды она ласково пожаловалась ему, что ее совсѣмъ одну оставляютъ дома. Сперва онъ разсмѣялся, но сейчасъ же пересталъ и сказалъ:

— Не жалуйся, что я тебя покидаю, Розиль. Это, быть можетъ, принесетъ тебѣ пользу. Твой Андрэ знаетъ, что тебѣ нужно.

Въ четвертое воскресенье января въ Фромантьеръ оставалась, такимъ образомъ, одна лишь Розиль. Но она не скучала. Она

лежала позади фермы, на току, у большого стога, повернувъ лицо по направленію къ Марэ, которую можно было видѣть между двумя кустиками плетня. Съ сѣвера дулъ сильный вѣтеръ, и она бы, вѣроятно, смерзла, если бы солома, на которой она лежала, не окутывала ея, точно гнѣздо, сохранившейся въ ней теплотой. Розиль лежала спиной вверхъ, съ нѣсколько приподнятой головой, и руки ея, на которыя она опиралась, были погружены въ снопы, которые сбросили уже со стога, но не успѣли еще смолотить. Воздухъ былъ такъ прозраченъ, что она могла различить колокольню въ Перье, самыя отдаленныя фермы и даже красноватыя полосы (которыя лишь очень рѣдко можно видѣть изъ Фромантьеръ) лежавшихъ за три лье, усѣянныхъ соснами дюнъ. Она смотрѣла въ эту сторону, но мысль ея уходила дальше отцовскаго луга, дальше большой Марэ, дальше окружавшаго ее горизонта, — ибо Жанъ Несми написалъ ей письмо.

Это письмо лежало въ карманѣ, и она то и дѣло ощупывала его кончиками своихъ пальцевъ. Съ самаго утра она уже знала наизусть и декламировала себѣ самой письмо Жана Несми. Улыбка не сходила съ ея устъ, — развѣ только для того, чтобы заискриться въ ея глазахъ. Всякое безпокойство исчезло, все было забыто: онъ любитъ, любитъ свою Розиль. Каждое слово письма свидѣтельствовало объ этомъ. Оно говорило:

„Замокъ, приходъ Шателье, 25 января.
„Милый другъ,

„Мы всѣ, слава Богу, здоровы, и вы, надѣюсь, также, хотя развѣ можно быть увѣреннымъ въ чемъ-либо, когда находишься на такомъ далекомъ разстояніи другъ отъ друга? Я нанялся на одной фермѣ, расположенной на вершинѣ холма, на рубежѣ Нузильякской степи, о которой я вамъ разсказывалъ. Въ ясный день видно отъ насъ шесть колоколенъ, и я думаю, что если бы не гора Сенъ-Мишель, то можно было бы видѣть деревья Марэ, въ которой вы живете. Но, несмотря на это, я васъ всегда вижу предъ моими глазами. По субботамъ я обыкновенно прихожу къ старухѣ-матери, равно какъ и братъ мой, самый старшій послѣ меня, также нанявшійся на одной изъ фермъ Флосельеры. Мы бесѣдуемъ со старухой о васъ, и часто я говорю, что уже не такъ счастливъ, какъ былъ тогда, когда васъ не зналъ, или какъ бы я былъ, если бы всѣ въ нашемъ домѣ васъ знали. Всѣ они знаютъ васъ по имени, — еще бы! Даже самые маленькіе и сестра Ноеми, когда они по субботамъ выходятъ мнѣ навстрѣчу въ поле, кричатъ, чтобы развеселить меня: „Имѣешь ли какія-нибудь вѣсти отъ Розиль?“ Но старуха Несми не хочетъ вѣрить, что вы, дѣй-

ствительно, питаете ко мнѣ дружбу, потому что мы слишкомъ бѣдны. Если бы только она увидѣла васъ, она бы поняла, что это на всю жизнь. И я все свое свободное время по воскресеньямъ разсказываю ей о томъ, какъ мы жили въ Фромантьеръ.

Розиль, вотъ уже четыре мѣсяца, какъ я, по вашему приказанію, не видѣлъ васъ. Я слышалъ только на ярмаркѣ въ Пузожъ отъ одного крестьянина изъ Марэ, пріѣхавшаго купить дровъ, что вашъ братъ, Андрэ, вернулся и работаетъ такъ, какъ арендаторъ Фромантьеръ любитъ, чтобы у него работали; поэтому я въ скоромъ времени пойду къ вамъ. Я приду подъ вечеръ, когда мужчины будутъ еще на работѣ, а вы, быть можетъ, будете думать обо мнѣ, варя супъ въ большой комнатѣ. Я подойду къ дому со стороны гумна, и когда вы услышите или увидите меня, отворите окно, Розиль, и скажите мнѣ съ вашимъ милымъ, улыбающимся взглядомъ, скажите, что вы сохранили свою дружбу ко мнѣ. Тогда старуха Несми поѣдетъ къ вамъ, какъ полагается, и попроситъ васъ у вашего отца, и если онъ скажетъ: да,—клянусь св. крещеніемъ, что повезу васъ къ себѣ, чтобы вы были моей женой. Вы у меня въ крови, у меня нѣтъ другой мысли въ головѣ, нѣтъ другого милаго друга въ сердцѣ. Будьте здоровы. Привѣтствую васъ всѣмъ сердцемъ.

Жанъ Несми.“

Одна за другою, точно перебираемые шарики четокъ, сами идущіе подъ пальцы, фразы письма проходили въ памяти Маріи-Розы, и образъ Жана Несми стоялъ предъ ея взоромъ, широко устремившимся въ поле. Дѣвушка видѣла его въ застегнутой на роговыя пуговицы курткѣ, съ его широкимъ скуластымъ лицомъ и блестящими глазами, которые, бывало, смѣялись только ей, да еще хорошо сдѣланной работѣ, когда, бывало, на закатѣ дня онъ съ серпомъ въ рукѣ смотритъ на сжатый хлѣбъ, перевязанный соломою въ снопы. „Отецъ пересталъ его бранить,—думала она.— Онъ даже разъ защищалъ его предъ Матюрэномъ. Что до меня, то я не жаловалась, не отказывалась отъ работы, и ему, вѣроятно, очень нравится, что я старалась услуживать ему. Если бы Андрэ теперь рѣшилъ обзавестись семьею и привелъ въ Фромантьеръ другую женщину, отецъ, можетъ быть, не будетъ больше противиться моему браку. А Андрэ, должно быть, не безъ причины исчезаетъ по воскресеньямъ и слоняется по Сенъ-Жанъ, Перье, Сенъ-Жерве...“

Она улыбалась. Глаза ея окрасились въ цвѣтъ окружавшей ее свѣжей соломы.

Вдали, на луговой дорожкѣ, она увидѣла красиваго, хорошо сложеннаго парня, покачивавшагося на ходу, съ шестомъ на плечѣ,

чтобы перепрыгивать черезъ канавы. „Дріо! — проборматала она, — я сейчасъ высмѣю его за его воскресныя прогулки.“

Вскорѣ она увидѣла, какъ Андрэ пересѣкъ бесѣдку и пошелъ межъ двухъ плетней. Когда онъ былъ уже на недалекомъ разстояніи, она кашлянула, чтобы привлечь его вниманіе. Онъ поднялъ голову. Его лицо, до тѣхъ поръ мрачное и заботливое, слегка просвѣтлѣло. Вмѣсто того, чтобы продолжать свой путь черезъ дворъ, онъ перепрыгнулъ черезъ плетень, прошелъ мимо ряда спавшихъ своимъ зимнимъ сномъ ульевъ и остановился предъ Розиль, на току, опершись о свой шестъ. Онъ старался придать своему виду нѣсколько насмѣшливое и покровительственное выраженіе, которое у него было всегда, когда онъ разговаривалъ съ сестрой. Онъ всегда считалъ своей обязанностью шутить съ нею, какъ съ дѣтьми.

— Я тебя искалъ! — сказалъ онъ.

— О, ты меня очень плохо искалъ! Твоя голова была опущена внизъ. Мнѣ кажется, что ты думалъ скорѣе о другой, а не обо мнѣ.

— Вправду?

— Ну, да. Откуда ты теперь, съ шестомъ? Гдѣ шатался? Не съ вечерни же ты?

— Нѣтъ, изъ Сенъ-Жанъ. Вода поднялась и порядкомъ-таки холодна. За Перье все наводнено съ обѣихъ сторонъ дороги.

— Ты заходилъ на фермы, конечно? Былъ ты въ Сельеръ?

— Ты меня совсѣмъ не знаешь: неужто же я пойду противъ...

Онъ хотѣлъ сказать: „противъ интригъ Матюрэна, котораго опять захватила его любовная страсть“, — но удержался.

Но она не замѣтила даже, что онъ не докончилъ фразы, потому что въ душѣ ея былъ праздникъ, и продолжала:

— Ну, такъ ты былъ въ Леврель? Нѣтъ? Въ такомъ случаѣ ты заходилъ на мельницу въ Мокъ-Сури, гдѣ живетъ красавица Мари Дьедоннэ, самая красивая мельничиха, какую можно найти до самаго Бовуаръ?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ.

Она продолжала, стараясь быть серьезной, но, все же, не будучи въ силахъ скрыть свѣтившееся на всемъ ея лицѣ счастье:

— Видишь ли, Дріо, мнѣ очень хочется, чтобъ ты женился. И тебѣ это будетъ легко,—ты такъ красивъ... Нѣтъ, ты не знаешь, какъ я этого хочу!

На лицѣ Андрэ опять появилось заботливое выраженіе, которое омрачало его на дорогѣ, и онъ отвѣтилъ:

— Наоборотъ, я очень хорошо знаю...

— Нѣтъ, ты все думаешь, что я маленькая. Но мнѣ уже двадцать лѣтъ, Дріо! Я догадываюсь, когда близкіе люди стра-

даютъ, даже если они скрываютъ свои страданія. Ты, напримѣръ все еще не можешь примириться съ отъѣздомъ Франсуа. Онъ тебѣ нуженъ еще больше, чѣмъ отцу. Если ты женишься, ты его понемногу позабудешь. Когда ты будешь имѣть свою семью въ Фромантьеръ, и жена у тебя будетъ по душѣ, ты не станешь больше вспоминать прошлое, какъ теперь.

— А главное дѣло,—отвѣтилъ Андрэ,—въ домѣ будетъ хозяйка, и маленькая Розиль сможетъ выйти замужъ за своего милаго друга.

Гибкимъ, молодымъ движеніемъ плечъ, спины, рукъ и затылка оттолкнувшись отъ соломы впередъ, она стала на колѣни, чтобы легче было пошарить въ карманѣ. Она всѣмъ тѣломъ склонилась къ отверстію кармана, спрятавшемуся въ безконечныхъ складкахъ платья; рука ея нащупала письмо, и она протянула вчетверо сложенный листикъ бѣлой бумаги, нѣжно слѣдя за нимъ глазами, и подняла его до самой головы по направленію къ брату.

— Я покажу его только тебѣ, Андрэ... прочти мое письмо... Я хочу тебѣ показать, что довѣряю тебѣ... А затѣмъ ты поймешь, что такъ легко становится на сердцѣ, когда получаешь такое письмо, такъ легко, что даже не чувствуешь его больше... Тебѣ захочется тогда получать такія письма...

Онъ взялъ письмо, не обнаруживая никакого нетерпѣнія и даже не поблагодаривъ ея. Но по мѣрѣ того, какъ онъ читалъ, его охватывало волненіе, — не ревность, а жалость къ этой дѣвочкѣ, душа которой праздновала въ промежуткѣ между двумя ударами судьбы. Ибо сейчасъ только онъ рѣшилъ покинуть ферму и Вандею. Извѣстіе, которое онъ нѣсколько предвидѣлъ и котораго давно уже опасался, извѣстіе очень важное для Фромантьеръ, заставило его рѣшиться сегодня только, послѣ обѣда. Онъ возвращался домой съ помраченной душою, думая о горѣ, которое причинитъ своимъ близкимъ. И увидя счастье и надежды Розиль, ея глаза, такъ упорно радовавшіеся жизни, этотъ чистый цвѣтокъ близкой къ разоренію фермы, онъ почувствовалъ, что долженъ пощадить дѣвочку, по крайней мѣрѣ на этотъ день, и не говорить ей сейчасъ того, что онъ узналъ.

Кончивъ чтеніе, онъ медленно сложилъ письмо и передалъ его Розиль, которая, съ нетерпѣніемъ ожидая отвѣта, съ душою, цѣликомъ перешедшею въ устремленные на него глаза, съ уже вытянувшимися для улыбки устами, спросила:

— Думаешь ли ты, что отецъ дастъ свое согласіе, если ты женишься и замолвишь словечко за моего Жана?

— И ты уйдешь въ Бокажъ, Розиль?

— Что же подѣлаешь,—мнѣ нельзя остаться изъ-за Матюрэна, который никогда не примирится съ этимъ бракомъ.

Она удивилась тому, какъ посмотрѣлъ на нее Андрэ — такъ серьезно и, вмѣстѣ, такъ нѣжно. Онъ взялъ ея руку, въ которой лежало еще письмо, своими руками и сказалъ:

— Нѣтъ, моя маленькая Розиль, я не заступлюсь за тебя. Но скоро я сдѣлаю нѣчто другое, чего я не могу тебѣ еще сказать и что поможетъ твоему горю. Какъ только я это сдѣлаю, твой бракъ будетъ рѣшенымъ дѣломъ, если отецъ не захочетъ, чтобы все пошло прахомъ... И ты будешь жить не въ Бокажѣ, а въ Фромантьеръ, и ты займешь мѣсто матери Люмино, съ которой мы были такъ счастливы въ дни нашей юности. Вѣрь тому, что я тебѣ говорю, и не горюй изъ-за Матюрэна.

Онъ оставилъ ея руку, упавшую на платье, и прибавилъ:

— Кажется мнѣ, что хотя ты будешь счастлива изъ насъ всѣхъ, Розиль...

Она раскрыла ротъ, чтобы отвѣтить, но онъ знакомъ далъ ей знать, что не желаетъ больше говорить. Розиль, все же, торопливо спросила, видя, что онъ удаляется:

— Одно слово, Андрэ, скажи мнѣ одно только слово? Обѣщай мнѣ, что ты всегда будешь обрабатывать землю, потому что отецъ будетъ такъ страдать...

Андрэ отвѣтилъ:

— Обѣщаю.

Розиль проводила его глазами и видѣла, какъ онъ завернулъ за уголъ дома и проникъ во дворъ. Что съ нимъ? Что обозначаютъ эти таинственныя слова? Почему онъ произнесъ съ такой печалью въ голосѣ послѣднюю фразу? Одну минуту она старалась найти отвѣтъ на эти вопросы, но это безпокойство продолжалось недолго. Едва только она опять почувствовала себя въ одиночествѣ, какъ снова раздались пѣвучіе, нѣжные звуки любовнаго письма. Слова всплывали въ ея сердцѣ одно за другимъ, какъ прозрачныя волны, раскрывающіяся одна за другой и заливающія морской берегъ. „Его тайна, вѣроятно, не очень важна, — сказала она себѣ,—потому что онъ будетъ продолжать обрабатывать землю, и отецъ будетъ счастливъ, и я также буду счастлива!“

Она вспомнила улыбку, заигравшую на одну минуту на устахъ брата, и подумала: „это пустяки“. Въ ея душѣ опять воцарилось полное спокойствіе. И на рубежѣ саллертэнской Марэ, въ этотъ угасавшій день, была дѣвушка, которая въ теченіе цѣлаго часа еще вѣрила, что прошли тяжелые дни, и радовалась своему счастью.

Она еще разъ улыбнулась; она еще оставалась у стога на току, когда въ столовой Андрэ сказалъ вошедшему отцу:

— Положительно, отецъ, все поворачивается вверхъ дномъ.

Арендаторъ, полный еще удовлетворенія, испытаннаго послѣ осмотра полей, спокойно отвѣтилъ:

— Да нѣтъ же, всходы хороши; весенній овесъ прекрасенъ; что же худого?

— Я узналъ въ Сенъ-Жанъ-де-Монъ, что назначена распродажа съ молотка обстановки замка, отецъ!

Туссэнъ Люмино остановился, точно вкопанный, ничего не понимая.

— Ну да, вся мебель,—повторилъ Андрэ.—Въ газетахъ напечатано объявленіе. Смотрите, если не вѣрите, вотъ списокъ. Продается все!

Онъ вынулъ изъ кармана газету и указалъ пальцемъ объявленіе; отецъ съ трудомъ прочиталъ:

„Въ воскресенье, 20-го февраля, въ восемь часовъ утра, будетъ произведена мэромъ Улри, нотаріусомъ въ Шалланѣ, распродажа обстановки замка Фромантьеръ. Будутъ продаваться: мебель салона и столовой, старинные ковры, сундуки, кровати, картины, столы, посуда, кристальныя вещи, вина, охотничьи ружья, шкафы для платья, книги и пр.“

— Ну, что?—спросилъ Андрэ.

— О, кто бы сказалъ это тому восемь лѣтъ?—простоналъ отецъ.—Они, стало, обѣднѣли въ Парижѣ?

И онъ замолчалъ, не желая слишкомъ строго осуждать своего господина.

— Это разореніе!—сказалъ Андрэ.—Послѣ мебели они продадутъ землю—и насъ вмѣстѣ съ нею!

Хозяинъ Фромантьеръ, преемникъ столькихъ арендаторовъ, снимавшихъ землю у однихъ и тѣхъ же господъ, стоялъ посреди комнаты. Онъ поднялъ свои отяжелѣвшія вѣки, и глаза его увидѣли образъ небольшого мѣднаго распятія, прибитаго у изголовья кровати. Затѣмъ онъ опустилъ ихъ—въ знакъ примиренія съ совершившимся.

— Это будетъ огромное несчастье,—сказалъ онъ,—но это, все же, не помѣшаетъ продолжать работать.

И онъ вышелъ,—быть можетъ, для того, чтобы плакать.

XII.

Распродажа съ молотка.

Въ теченіе послѣдующихъ дней между мужчинами Фроментьеръ часто заходила рѣчь о предстоявшей распродажѣ обстановки маркиза. Андрэ открыто нападалъ на господъ.

— Они въ конецъ разорены,—говорилъ онъ,—всѣ дворяне одинаково исчезнутъ, потому что они ничего не дѣлаютъ,—тѣмъ хуже для нихъ!

— Тѣмъ хуже также для арендаторовъ,—отвѣчалъ отецъ:—перемѣна господъ не всегда приноситъ съ собою выгоду.

Туссэнъ Люмино былъ придавленъ подготовлявшимся событіемъ; въ немъ задѣта была не только глубокая и искренняя преданность къ господамъ, но и его крестьянское самолюбіе. Онъ чувствовалъ себя униженнымъ, когда при немъ говорили о паденіи этой семьи, съ которою долгая традиція связывала всѣхъ Люмино; онъ принималъ на свой счетъ часть осужденій, часть позора; онъ чувствовалъ себя отнынѣ безъ твердой почвы подъ ногами, сознавалъ, что отнынѣ онъ, какъ столько другихъ, можетъ стать тетивой всякихъ случайностей и превратностей судьбы, и онъ завидовалъ фермерамъ, живущимъ на свободной отъ ипотеки и принадлежащей богатымъ помѣщикамъ землѣ.

— Нѣтъ,—говорилъ онъ,—ты не долженъ ихъ такъ осуждать, Дріо! У нашихъ господъ могутъ быть всякія обстоятельства, которыхъ мы съ тобою не знаемъ. Можетъ быть, господинъ маркизъ выдаетъ замужъ свою дочь. Ему понадобились деньги. Вѣдь богатымъ, какъ и бѣднымъ, кое-чего да стоитъ устроить дѣтей.

— Если они только такимъ образомъ могутъ добыть денегъ,—возражалъ Андрэ,—плохи же ихъ дѣла! Какъ подумаю, что они продаютъ даже портреты въ золоченыхъ рамахъ, которые я видѣлъ, когда пошелъ однажды съ вами вносить арендныя деньги.

— Ба, эти портреты были, можетъ быть, не очень похожи! А затѣмъ маркизъ, вѣроятно, имѣетъ другіе. Развѣ мы съ тобою можемъ знать, что они имѣютъ—эти господа?

— Даже и тряпки, — развѣ же это продается? Да они потеряли всякій стыдъ, что позволяютъ продавать все, точно въ домѣ банкрота.

— Постой, я тебѣ скажу, Андрэ: по-моему, будетъ продано гораздо меньше вещей, чѣмъ указано въ афишахъ. Это только для того, чтобы привлечь побольше покупателей...

Но арендаторъ сознавалъ всю слабость объясненій, которыя

онъ старался найти изъ уваженія къ господамъ. И онъ старался прекратить разговоръ, то наскоро кончая обѣдъ, то ссылаясь на какую-нибудь спѣшную работу. Андрэ, тѣмъ не менѣе, не смягчалъ своихъ нападокъ, и его возбужденіе, казалось, даже возрастало по мѣрѣ того, какъ приближался назначенный для распродажи день: ему нужно было раззадоривать себя противъ чего-нибудь или кого-нибудь, чтобы дать себѣ силы на исполненіе задуманнаго рѣшенія. Онъ долженъ былъ покинуть Фромантьеръ 20-го февраля, за четыре дня до отхода парохода съ эмигрантами, съ которыми онъ долженъ былъ встрѣтиться въ Антверпенѣ. Его грубость внушалась ему не ненавистью, а горемъ, которымъ все болѣе проникалась его душа. Онъ старался изливать его въ своихъ нападкахъ на Фромантьеръ, потому что онъ собирался покинуть ее, между тѣмъ какъ все еще любилъ ее.

Такъ наступило воскресенье 20-го февраля.

Въ этотъ день замокъ Фромантьеръ вышелъ изъ сковывавшей его тишины,—но для какого шума и для какихъ разговоровъ! Онъ опять наполнился посѣтителями,—но какими! Собрался народъ изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей—торговцы рѣдкими вещами изъ Нанта, Ларошеля и изъ Парижа. Уже до восьми часовъ утра можно было видѣть на двойномъ крыльцѣ замка какихъ-то краснолицыхъ, короткихъ и тучныхъ людей, изъ которыхъ нѣкоторые выдавались своими рыжими бородами и хищными носами и которые таинственно шептались между собою, сидя на подлежавшихъ продажѣ стульяхъ, разставленныхъ на свободномъ пространствѣ, усыпанномъ крупнымъ пескомъ, который нѣкогда такъ красиво хрустѣлъ подъ колесами каретъ. На верхней ступенькѣ крыльца, превращеннаго теперь въ эстраду, стояли—нотаріусъ, мэтръ Улри, въ глазахъ котораго, скрытыхъ за стеклами очковъ, искрилась скрытая радость; его писарь, равнодушный, словно могильщикъ, ко всѣмъ этимъ реликвіямъ, которыя онъ сейчасъ будетъ выкрикивать и которыя будутъ унесены въ разные концы; извозчики съ засученными рукавами, безъ сюртуковъ, несмотря на стоявшій въ эту пору года холодъ. Обѣ каменныя лѣстницы, покрытыя грязью, забрызганныя до половины баллюстрадъ, свидѣтельствовали о толпѣ посѣтителей, допущенныхъ въ послѣдніе два дня къ осмотру замка. Нѣкоторые любопытные блуждали еще внутри замка, пользуясь первымъ случаемъ въ жизни видѣть господскій домъ. А между тѣмъ все тамъ было въ безпорядкѣ, поблекло, покрыто пылью и ржавчиной. Драпь, которою столько лѣтъ тому назадъ забили окна нижняго этажа, была сбита съ одной стороны и висѣла на открытыхъ настежъ ставняхъ. Столовая и слѣдовавшія другъ за дру-

гомъ обѣ гостиныя были завалены собранною почти изо всѣхъ комнатъ мебелью, кухонною утварью, посудою; картины заднею стороною были разставлены въ длину дивановъ и креселъ; на каминахъ стояли четыре пары висячихъ часовъ, внутри каминовъ канделябры, таганы на высокихъ рѣзныхъ столикахъ, библіотечныя полки на покрытомъ сукномъ билліардѣ, корзины съ тонкими винами въ вишневаго цвѣта будуарѣ старой вдовствующей маркизы, разныя мелкія вещи на кухонномъ столѣ. На стѣнахъ висѣли клочьями разорванныя обои, перерѣзанные шнурки гардинъ. Повсюду виденъ былъ безпорядокъ—точно части тѣла, расчлененнаго смертью. И посреди этихъ наваленныхъ вещей то и дѣло шмыгали дерзкія, грубыя существа, привыкшія ворочать всякое тряпье, старые расчитанные слуги Фромантьеръ, скупщики, трактирщики, съ какой-то страстью и завистью ощупывавшіе рѣзьбу на сундукахъ, царапавшіе рамы картинъ, чтобы убѣдиться, изъ какого матеріала онѣ сдѣланы, открывавшіе стѣнные шкафы и ящики и смѣявшіеся громкимъ, грубымъ смѣхомъ, показывая интимныя вещи, выброшенныя теперь предъ толпою по случаю распродажи и оскверненныя ею: фотографіи, письма, требники, четки, оставленные давно уснувшими послѣднимъ сномъ людей. На верхнихъ этажахъ парни въ деревянныхъ башмакахъ ходили изъ комнаты въ комнату, усаживались, спустивъ ноги наружу, на подоконники, ложились на матрацы, лежавшіе еще на деревянныхъ кроватяхъ.

Въ паркѣ, по мѣрѣ того, какъ запоздавшее февральское утро разсѣкало туманъ на части, которыя вѣтеръ поднималъ затѣмъ надъ высокими деревьями, устанавливали между тѣмъ кабріолеты, перевязанныя веревками викторіи, тильбюри, нѣсколько старинныхъ каретъ, нѣкогда отмѣченныхъ дворянскими коронами, а теперь осужденныхъ на то, чтобы сдаваться въ наемъ, нѣсколько изящныхъ колясокъ. Лошадей привязали къ дубамъ, подложивъ имъ по вязанкѣ сѣна; другія лошади паслись неподалеку. Тутъ же стояли одноколки и телѣги съ поднятыми на деревья дышлами. Замокъ походилъ на обширную ярмарку. Конюшни и сараи были переполнены покупателями. Тамъ стояли рабочія лошади, отъ времени до времени бросавшіяся другъ на друга. Кучера и конюхи изъ заѣзжихъ домовъ, одѣтые въ круглыя соломенныя шляпы, восхищались обширными служебными постройками и останавливались въ восторгѣ предъ стойлами, никеллированными запорами, точеными перегородками.

— Какъ это все было великолѣпно!—говорили они.

Они смутно дорисовывали въ воображеніи былое великолѣпіе этого княжескаго жилища. Одно лишь останавливало и смущало

ихъ: какимъ образомъ этотъ маркизъ могъ потерять такое состояніе? какъ это можно разориться, имѣя сотни тысячъ годового дохода? И, конечно, они выдумывали пороки, игравшіе лишь ничтожную роль въ крахѣ, и говорили, сплевывая на разрисованный четыреугольными клѣтками цементъ:

— У, кутилы!

Передъ крыльцомъ быстро разрасталась толпа покупателей и любопытныхъ. Триста человѣкъ, усѣвшихся на скамьи и стулья, образовывали компактную, круглую, неподвижную массу; но за ея предѣлами происходило, наоборотъ, постоянное движеніе взадъ и впередъ. За торговцами рѣдкостями и скупщиками, занимавшими первые ряды, была значительная толпа лавочниковъ, бывшихъ поставщиковъ маркиза, рантье изъ Шаллана съ ихъ женами, мѣщанки, разодѣтыя точно въ Пасху, громко и оживленно разговаривавшія между собою и прицѣпившія къ своимъ корсажамъ первые цвѣты Фромантьера, которые онѣ сами сорвали, тотчасъ же по приходѣ, въ покинутыхъ на произволъ судьбы оранжереяхъ. Онѣ перебрасывались шутками насчетъ безпорядка въ только что осмотрѣнныхъ ими аппартаментахъ, пыли на окнахъ, заросшихъ дикими травами аллей, прачешныхъ въ глухихъ углахъ парка. „У насъ гораздо чище, — говорили онѣ. — Слава Богу, мы больше дорожимъ своею честью, чѣмъ разорившіеся маркизы“. Онѣ вспоминали, дѣлая видъ, что знаютъ гораздо больше, чѣмъ разсказываютъ, прежнія празднества въ замкѣ. За ними толпились крестьяне изъ Сенъ-Жервэ, Суллана, Сентъ-Юрбена, но оттуда пришли лишь одни мужчины. Изъ самого прихода, къ которому принадлежала Фромантьеръ, пришло мало крестьянъ. Распродажа была не для нихъ. Что имъ тамъ было дѣлать? Многимъ изъ тѣхъ, что знали семью маркиза, казалось, что ихъ присутствіе на этомъ позорномъ зрѣлищѣ будетъ обидно для ихъ господина. Не болѣе десятка стариковъ изъ Саллертэна топтались въ заднихъ рядахъ. Они не дерзали присѣсть. Робкіе; словно бы владѣлецъ замка стоялъ передъ ними, опечаленные, послѣдовавъ за толпой главнымъ образомъ по воскресному бездѣлью, они припоминали добрыя слова „господина Анри“, его ласковые поклоны, милую, молодую улыбку мадемуазель Амбруазинъ. Увы, — отъ такой массы щедро раздававшихся денегъ, отъ столькихъ услугъ, отъ такой сердечности, вѣжливости, доброты, которыя маркизы Фромантьеръ обнаруживали цѣлыми вѣками, послѣ восьмилѣтняго отсутствія осталось одно лишь сожалѣніе, его можно было прочесть на изрѣзанныхъ морщинами лицахъ нѣкоторыхъ арендаторовъ!

Еще меньше было дворянъ. Явились лишь, — да и то скры-

вались теперь въ толпѣ, — баронъ де-ла-Овеллъ, который изъ-за своей маніи собирателя древностей забылъ долгъ солидарности; графъ де-Бюаръ, толстый, глупый и красный, позарившійся на тонкія вина Фромантьеръ; низенькій д'Эскаронъ, облюбовавшій одну кобылу. Но нотаріусъ получилъ много письменныхъ заявленій о покупкахъ, и, нѣсколько дней тому назадъ, до допущенія плебеевъ и публичной выставки, пріѣзжали въ замокъ сосѣднія помѣщицы, молодыя и старухи, друзья и постоянныя посѣтительницы Фромантьеръ, которыя, подъ руководствомъ сторожа, обошли комнаты и салоны и съ различными восклицаніями разворачивали бѣлье и обсуждали стоимость старинныхъ ковровъ.

Наконецъ, одинъ только членъ семьи Люмино присутствовалъ на распродажѣ—калѣка Матюрэнъ, который пользовался всякимъ новымъ зрѣлищемъ, даже и тяжелымъ, чтобы разсѣять свое горе и тоску. Когда онъ заявилъ, что пойдетъ въ замокъ, отецъ сказалъ:

— Что касается меня, то это испортило бы мнѣ слишкомъ много крови. Ступай, если тебѣ такъ хочется видѣть такія вещи, и когда дѣло дойдетъ до мелочей, дай мнѣ знать, потому что мнѣ хочется пріобрѣсти что-нибудь на память о господинѣ маркизѣ.

По лѣвую сторону крыльца, на довольно далекомъ разстояніи отъ толпы, Матюрэнъ Люмино присѣлъ у скучившейся группы деревьевъ. Завернутый въ свою шинель изъ темнаго сукна, еще болѣе молчаливый, болѣе мечтательный, чѣмъ обыкновенно, онъ почти спрятался за вѣтками двухъ елей, и оттуда, точно изъ охотничьей сторожки, прислушивался къ говору и смотрѣлъ своими голубыми глазами, въ которыхъ минутами загорался гнѣвъ, то на фасадъ замка, то на покупателей или прохожихъ.

Въ половинѣ девятаго началась продажа. Прислужникъ нотаріуса, желтый, безъ кровинки, человѣкъ, одаренный, однако, необычайно громкимъ голосомъ, выкрикивалъ съ высоты крыльца собравшейся толпѣ и животнымъ, и деревьямъ, которыя уже восемь лѣтъ не слышали человѣческаго голоса:

— Гостиная господина маркиза,—шесть креселъ, диванъ, четыре полукресла, обитые атласомъ цвѣта стариннаго золота, изъ чернаго дерева, стиль Louis XV, съ золочеными гвоздями,—за тысячу пятьсотъ франковъ! Чехлы въ прибавку! Тысячу пятьсотъ франковъ!

— Тысячу пятьсотъ двадцать,—прибавилъ онъ, обводя покупателей глазами,—тысячу пятьсотъ пятьдесятъ... тысячу шестьсотъ!

За тысячу шестьсотъ франковъ салонная мебель съ золотистымъ атласомъ была продана. И пока нотаріусъ пускалъ въ

продажу ридо, Матюрэнъ проводилъ своимъ взглядомъ кресла, полукресла и диванъ, которые онъ видѣлъ одинъ только разъ въ жизни, случайно, въ день платежа, и которые тотчасъ же были подхвачены перевозчиками и уложены въ повозку, увезшую эту первую добычу изъ замка. За салонной мебелью были проданы столы, шкафы, кровати, изъ-за которыхъ завязался болѣе ожесточенный торгъ, чѣмъ за все остальное, посуда, покрытая густымъ слоемъ пыли и выставленная горками на баллюстрадѣ крыльца, часы, билліардъ.

Распродажа продолжалась, съ перерывомъ отъ десяти до двѣнадцати часовъ, до самаго вечера. Голосъ выкрикивавшаго не обнаруживалъ никакихъ признаковъ утомленія. Свѣжіе притоки любопытныхъ смѣняли уходившихъ. При блѣдномъ свѣтѣ февральскаго солнца видна была пыль, выходившая столбами изъ нижнихъ оконъ. Внутри замка стояла безпрерывная толкотня. Многіе покупатели тутъ же лично упаковывали доставшіяся имъ вещи. Другіе, которые должны были позже ихъ взять, надписывали мѣломъ свои имена на боковыхъ сторонахъ сундуковъ изъ стараго дуба или на подоконникахъ салоновъ поверхъ сложенныхъ въ кучи различныхъ вещей. Снятыя съ карнизовъ вышитыя обои сползали по приставленнымъ къ стѣнкамъ лѣстницамъ и падали на полъ, поднимая облака пыли.

Однако, къ четыремъ часамъ число зрителей уменьшилось. Связанныхъ лошадей вывели изъ-за деревьевъ. Всевозможныхъ видовъ телѣги и коляски двинулись обратно въ Саллертэнъ и сосѣднія мѣстечки. Матюрэнъ все еще оставался на своемъ мѣстѣ возлѣ скучившейся группы елей. Онъ весь былъ охваченъ безпокойствомъ и подозрѣніемъ. Два раза уже ему казалось, что онъ узналъ вонъ тамъ, со стороны службъ, гибкій силуэтъ Жана Несми. Этотъ человѣкъ въ темной курткѣ, со шляпой, опущенною на глаза, видимо не желающій быть узнаннымъ, котораго Матюрэнъ замѣчалъ то здѣсь, то тамъ, среди деревьевъ по ту сторону площадки,—это могъ быть только расчитанный работникъ, возлюбленный Розиль. И Матюрэнъ поджидалъ отца, котораго одинъ парнишка пошелъ предупредить, что распродажа близится къ концу.

День угасалъ. На землю стали спускаться синеватыя сумерки. Тогда лишь появился съ правой стороны замка старый Люмино, за которымъ шла Розиль. Имъ было нѣсколько стыдно, и они старались держаться въ спускавшейся со всѣхъ сторонъ тѣни. Розиль не пошла далеко впередъ. Она остановилась въ ста шагахъ отъ фасада, у скамьи маркизы, и, вся охваченная ужасомъ, взирала на заканчившееся печальное торжище, между

тѣмъ какъ отецъ направился къ крыльцу, чтобы пріобрѣсти какую-нибудь вещицу на память о маркизѣ. Среди двухсотъ лицъ, толпившихся еще вокругъ каменной лѣстницы, виднѣлись преимущественно женщины. Онѣ остались, чтобы посмотрѣть „тряпье и туалетныя вещи“, которыя шалланскій нотаріусъ только что объявилъ къ продажѣ. И его возглашатель поднялъ надъ головою легкую кисейную матерію блѣдно-фіолетоваго цвѣта, которая развернулась, свѣсилась и смялась подъ вѣтромъ.

— Дѣвичье платье, шелковое, муароваго цвѣта, муслиновая косынка—десять франковъ!—крикнулъ онъ.

— Покажите, покажите! — раздались въ отвѣтъ женскіе голоса.

И Розиль видѣла, какъ на бѣломъ фонѣ крыльца спустилась почти живая вещица, шелковая косынка, забытая своей владѣтельницей и какъ бы сохранившая слѣды нѣжной граціи мадемуазель Амбруазинъ де-ла-Фромантьеръ. До ея ушей долетали слова, потокъ грубыхъ шутокъ, которыми обмѣнивались старьевщики, ощупывая эти реликвіи чистой юности.

— Какъ можно продавать такія вещи!—пробормотала она.

Эта профанація внушала ей ужасъ, и она уже хотѣла вернуться домой.

Но, въ то же время, два сильныхъ ощущенія, двѣ неожиданности приковали ее къ скамьѣ. Съ противоположной стороны площадки въ самомъ концѣ скучившейся группы елей, она узнала Матюрэна, который выдвинулся изъ скрывавшихъ его вѣтвей и уставился глазами въ скамью маркизы, показывая кулакъ. А позади себя, совсѣмъ близко, она слышала голосъ, говорившій:

— Розиль, Жанъ Несми пришелъ.

Она удержалась, не обернулась, не сдѣлала движенія, а, чувствуя на себѣ пытливый взглядъ брата, обнаружила все самообладаніе своихъ прародительницъ, которыхъ опасность всегда заставала готовыми къ борьбѣ. Она едва раскрыла уста и, какъ бы переводя дыханіе, чтобы облегчить сдавленную грудь, отвѣтила тому, кто раздвигалъ позади нея вѣтки:

— Берегитесь! Матюрэнъ слѣдитъ за нами!

— Я думаю даже, что онъ меня уже видѣлъ.

— Въ такомъ случаѣ уходите поскорѣе! Вы придете позже.

— Когда?

— Нынче ночью, на гумно, когда я поставлю свѣчу на маленькое окошко.

Матюрэнъ ползалъ на локтяхъ, чтобы приблизиться и удо-

стовѣриться, что человѣческая тѣнь, дѣйствительно, двигалась въ тѣни вѣтвей и стволовъ деревьевъ. Жанъ Несми скрылся въ вѣтвяхъ и спрыгнулъ по ту сторону деревьевъ. Вокругъ крыльца, уже погруженнаго въ тѣнь, раздавались восклицанія и смѣхъ порѣдѣвшей толпы.

— Я хочу эту вещь! Хочу ее на память!—говорилъ сильный голосъ Туссэна Люмино.

Возглашатель держалъ въ рукахъ палку и показывалъ ея роговую ручку съ золотымъ колечкомъ.

— Посмотримъ, милый человѣкъ,—отвѣтилъ онъ среди смѣха мѣщанъ и мѣщанокъ изъ Шаллана, — посмотримъ. На распродажахъ мало сказать: „хочу!“ Сколько даете?

— Два франка!—отвѣтилъ скупщикъ.

— Сто су!—перебилъ его арендаторъ.

Смѣхъ прекратился. Цѣна была необычайно высокая. Туссэнъ Люмино крикнулъ ее, главнымъ образомъ, чтобы сразу устранить соперниковъ, нѣсколько также и изъ хвастовства и чтобы показать, что арендаторъ еще не обнищалъ, какъ его господинъ. Онъ пробилъ передніе ряды, протянулъ, приподнявъ руку, монету, схватилъ палку и, не смѣя опереться на нее, положилъ ее подмышку.

И онъ вышелъ, раскачиваясь на ходу, изъ группы покупателей, продолжавшихъ торговаться изъ-за послѣднихъ остатковъ обстановки Фромантьеръ, послѣднихъ вещей, наскоро проданныхъ почти задаромъ. Онъ обошелъ эту скучившуюся группу и направился къ деревьямъ, гдѣ Матюрэнъ снова усѣлся въ ожиданіи отца.

— Домой!—сказалъ онъ.—Есть у меня память,—я пріобрѣлъ палку господина Анри!

— Вы слишкомъ дорого заплатили за нее,—отвѣтилъ калѣка.

— Сынъ мой, — сказалъ арендаторъ тономъ упрека, — онъ далъ бы мнѣ ее даромъ, если бы былъ здѣсь. Я далъ дорого, чтобы никто не выторговалъ ея... Вѣдь иначе всѣ эти купчишки смѣялись бы надо мною!

И онъ движеніемъ плечъ указалъ на нотаріуса, возглашателя, этихъ невидимыхъ представителей закона, которые, по его мысли должны были быть замѣшаны въ этой заканчивавшейся процедурѣ.

Умѣряя свой шагъ, чтобы не торопить Матюрэна, чьи костыли гулко ударялись о лежавшіе на аллеяхъ камни, арендаторъ пересѣкъ площадку, на которой сгущалась синеватая темнота. Слышны были удары кнута. Огни зажженныхъ фонарей перебѣгали подъ обнаженными деревьями. Спугнутыя птицы

перелетали съ мѣста на мѣсто. Маленькая Розиль смотрѣла, какъ приближался отецъ. Она оставалась на томъ же мѣстѣ, на скамьѣ, съ радостнымъ сердцемъ, слишкомъ обнаруживая свои счастливыя мечты въ блескѣ своихъ глазъ, такъ что отецъ строго спросилъ:

— Нынче вовсе не день радости, дочь моя! Что съ тобою?

— Ничего, отецъ!—сказала она поднимаясь.

— Ступай впередъ! — крикнулъ ей Матюрэнъ. — Ты можешь еще повстрѣчать кое-кого.

И она, дѣйствительно, ушла впередъ по аллеѣ, затѣмъ повернула на дорожку, вдоль обнаженныхъ плетней. Ея бѣлый головной уборъ не поворачивался ни вправо, ни влѣво. Но гордая, какъ тѣ, что борются за свою любовь, она шла своей ровною, смѣлою походкою и первая спустилась къ вязамъ фермы, а ея широко раскрытые глаза, устремленные въ темноту, эти глаза, въ которыхъ никто не могъ читать, скользили по окружающимъ предметамъ, не всматриваясь ни въ одинъ изъ нихъ, и наполнялись былой нѣжностью.

Она тотчасъ же принялась за дѣло и стала заниматься супомъ, вскипѣвшимъ въ ея отсутствіе. Мужчины остались на дворѣ и разговаривали.

Когда они вошли въ домъ, она догадалась, что Матюрэнъ еще разъ выдалъ ее и что отецъ настроенъ противъ нея.

Андрэ пришелъ послѣднимъ, около восьми часовъ. Арендаторъ рѣшилъ подождать его съ ужиномъ. Онъ присѣлъ съ Матюрэномъ у камина, чтобы согрѣться, и, передавая другъ другу палку господина Анри, играя ею, они обмѣнивались впечатлѣніями протекшаго печальнаго дня. Они говорили о присутствовавшихъ на распродажѣ жителяхъ Саллертэна, о рабочихъ, которые по окончаніи ея вновь забили дранью нижнія окна замка, и о свѣтѣ, который можно было видѣть въ окнахъ верхнихъ этажей, какъ въ былые дни, когда высокій бѣлый домъ былъ полонъ приглашенныхъ.

— Нѣтъ, наши господа не вернутся уже,—говорилъ Туссэнъ Люмино.—А я до сегодняшняго дня вѣрилъ. Все кончено!

— Да, все кончено! — повторилъ Андрэ, поднимаясь въ темнотѣ по ступенькамъ крыльца.—Какъ я доволенъ, что не видѣлъ этого!

У него былъ утомленный и взволнованный видъ. Его глаза свѣтились особымъ блескомъ, словно бы молодой, красивый крестьянинъ собирался заплакать. Туссэнъ Люмино подумалъ, что позоръ этой распродажи съ молотка, которымъ онъ самъ мучился

весь день, задѣлъ также и сердце его сына, и что это была единственная причина долгаго отсутствія Дріо.

— Садись къ столу, — сказалъ онъ, — ты, должно быть, голоденъ. Супъ готовъ.

— Нѣтъ, я не голоденъ,—отвѣтилъ Андрэ.

— Я также,—сказалъ отецъ.

Одинъ Матюрэнъ сѣлъ за столъ и налилъ себѣ тарелку супа, отецъ остался у огня, а Дріо, стоя возлѣ камина, опершись плечомъ объ острый уголъ стѣны, всматривался поочередно то въ старика, то въ брата.

— Гдѣ же ты провелъ весь день?—спросилъ арендаторъ.

Андрэ неопредѣленно повелъ руками.

— Такъ, шатался отъ одного къ другому; былъ и у вашего друга Герино въ Пенсоньеръ, и у мельника въ Мокъ-Сури, потомъ въ Леврель, о потомъ у Массоно...

— Хорошій человѣкъ этотъ Гордецъ, — прервалъ отецъ, — славная семья у него.

— Навѣстилъ я также и Риколло въ Малабри...

— О, такъ далеко!

— И Эртюса въ Парэ-дю-Монъ...

Туссэнъ Люмино посмотрѣлъ на сына, стараясь уловить выраженіе его глазъ.

— Да зачѣмъ тебѣ понадобилось сразу видѣть столько народу, сынъ мой?

— Такъ, захотѣлось...

Онъ не могъ долго выдержать пытливый взглядъ отца и сталъ смотрѣть въ уголъ, гдѣ стояла кровать.

— Такъ, захотѣлось... И, если бы можно было, я бы обошелъ рѣшительно всѣхъ и даже добрался бы до Ларошъ, чтобы повидать Франсуа.

— Франсуа? — спросилъ со вздохомъ арендаторъ. — Ты, стало быть, какъ и я, сынъ мой, часто думаешь о немъ?

Сынъ медленно опустилъ голову и отвѣтилъ:

— Да, и особенно сегодня вечеромъ, именно въ этотъ вечеръ больше, чѣмъ во всѣ другіе вечера моей жизни, я хотѣлъ, чтобъ онъ былъ со мною.

Андрэ сказалъ эти слова съ такимъ неудержимымъ волненіемъ, съ такой печальной торжественностью, что Матюрэнъ, не знавшій опредѣленнаго срока отъѣзда брата, понялъ, что этотъ срокъ наступилъ и что Андрэ оставалось жить въ Фромантьерѣ лишь нѣсколько минутъ. Кровь бросилась ему въ лицо, его ротъ нѣсколько раскрылся, дрожь прошла по всему тѣлу, а глаза, не моргая, вперились въ Андрэ. Они засвѣтились съ

необыкновенной силой, и въ этотъ рѣшительный часъ въ ихъ странномъ блескѣ искрилась и торжествующая гордость, и, въ то же время, нѣкоторая жалость, и любовь, и быть можетъ, угрызеніе совѣсти. Андрэ догадался, что эти глаза посылали ему прощальный привѣтъ.

Между тѣмъ отецъ придвинулъ свой стулъ къ столу и, поднявъ палку къ лампѣ въ горизонтальномъ положеніи, чтобы Андрэ легче замѣтилъ ее, сталъ чистить золотое кольцо своими пальцами, въ ногтяхъ которыхъ засохла земля. Онъ думалъ, что мысли сына уже вернулись къ настоящему или блуждали въ томъ же будущемъ, которымъ онъ самъ былъ занятъ.

— А я вотъ что купилъ на память о господинѣ Анри... Не мало разъ стучался онъ въ нашу дверь кончикомъ вотъ этой самой палки: „Панъ! панъ! панъ! Дома ли ты, другъ Люмино?“ Андрэ, когда ты станешь господиномъ въ Фромантьерѣ...

Молодой человѣкъ, стоявшій позади арендатора, почувствовалъ, что потерялъ все свое самообладаніе при этихъ словахъ. Онъ не могъ удержать нахлынувшихъ слезъ и, опасаясь, чтобъ отецъ не обернулся къ нему, молча отступилъ къ дверямъ.

Туссэнъ Люмино не слышалъ его шаговъ. Онъ продолжалъ:

— Когда ты станешь хозяиномъ въ Фромантьерѣ, ты никогда не увидишь нашихъ господъ. Я думалъ, что ферма не будетъ продана... Я и теперь еще не совсѣмъ потерялъ надежду, но наши маркизы не вернутся въ свой замокъ... Сынъ мой, время, въ которое ты будешь жить, не будетъ походить на то время, когда мнѣ пришлось жить и работать!

Дріо плакалъ, смотря на старыя стѣны большой комнаты, обтертыя плечами столькихъ Люмино.

— А впрочемъ, не горюй, сынокъ: если господа уходятъ, зато земля остается!

Дріо продолжалъ плакать, смотря теперь на четки покойной Люминихи, привѣшенныя надъ изголовьемъ кровати.

— Земля хороша, хотя ты и бранилъ ее. Ты это самъ признаешь потомъ.

А Дріо все плакалъ, устремивъ теперь прощальный взглядъ на Матюрэна.

— Ты приладишься къ ней, и она къ тебѣ приладится!

А слезы все лились изъ глазъ Андрэ, смотрѣвшаго теперь на отца, продолжавшаго играть палкою.

Андрэ опустилъ глаза и сталъ разсматривать при свѣтѣ лампы свои утомленныя, мозолистыя, усѣянныя занозами руки, на эти руки, которыя безъ устали работали на семью, чтобы помочь ей и поднять ее. И вдругъ, подталкиваемый уваженіемъ, а также и

горемъ, онъ сдѣлалъ нѣчто, чего уже не дѣлали больше въ Фромантьерѣ съ тѣхъ поръ, какъ подросли сыновья и умерла старуха-мать: онъ подошелъ сзади къ отцу, нагнулся впередъ и поцѣловалъ старика въ морщинистый лобъ.

— Какой же ты у меня славный!—сказалъ Туссэнъ Люмино, въ свою очередь цѣлуя его.

— Пойду лягу,—пробормоталъ Андрэ:—не могу больше!

Онъ пожалъ руку Матюрэну быстрымъ, крѣпкимъ пожатіемъ. Но медленно и съ трудомъ сдѣлалъ онъ десять шаговъ, отдѣлявшихъ его отъ двери, черезъ которую онъ долженъ былъ пройти въ комнату Розиль. Закрывая за собою дверь, онъ еще разъ посмотрѣлъ въ комнату черезъ все уменьшавшуюся щель. Потомъ слышно было, какъ онъ разговаривалъ съ сестрой. Затѣмъ все смолкло.

Ночь спустилась на ферму. И это была послѣдняя ночь, которую Андрэ долженъ былъ провести подъ крышей Фромантьеръ.

Часъ спустя, прохожіе, которымъ случилось бы пройти по дорогѣ, замѣтивъ эту неопредѣленную массу построекъ и растительности, болѣе мрачную, чѣмъ туманъ, и такую же молчаливую, какъ послѣдній, подумали бы навѣрное, что все спало на фермѣ. И, однако, всѣ жители ея, за исключеніемъ работника, бодрствовали.

Матюрэнъ, страшно взволнованный, не переставалъ двигаться и говорить. Когда свѣтъ былъ потушенъ, отецъ и сынъ, кровати которыхъ стояли другъ за другомъ вдоль стѣны, продолжали разговаривать. Не желая заговорить о бѣгствѣ Андрэ, образъ котораго постоянно стоялъ предъ нимъ съ упорствомъ и ужасомъ кошмара, калѣка переходилъ отъ одного предмета къ другому. Отецъ никакъ не могъ его успокоить.

— Увѣряю васъ, что я видѣлъ бокенца. Я былъ далеко отъ него, но я слишкомъ его ненавижу, чтобы ошибиться: онъ убѣгалъ и прятался, словно хорекъ; на немъ была черная одежда, а на шляпѣ его было что-то рыжеватое, похожее на дубовые листья.

— Спи, Матюрэнъ, тебѣ показалось.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, это навѣрное были дубовые листья. Когда онъ жилъ у насъ, онъ иногда прицѣплялъ ихъ къ своей шляпѣ, для хвастовства, чтобы показать, что ихъ мѣста лучше защищены, чѣмъ наши, и лѣсовъ тамъ больше. А, данніонъ! Если бъ я могъ побѣжать вслѣдъ за нимъ!

— Да ты бы его не нашелъ, сынъ мой! Онъ въ своемъ Бокажѣ теперь. Зачѣмъ бы онъ пришелъ на распродажу маркиза?

— Какъ зачѣмъ? Чтобы видѣть Розиль! Можетъ быть, онъ

даже говорилъ съ нею, но въ этомъ я не увѣренъ, потому что было уже темно.

Отецъ, лежа въ своей широкой кровати съ балдахиномъ, вздыхалъ и говорилъ:

— У тебя все на умѣ Розиль! Ты черезчуръ безпокоишься объ ней. Спи, Матюрэнъ: они не посмѣютъ разговаривать; они знаютъ, что не имѣть имъ моего согласія.

Калѣка умолкалъ на нѣсколько минутъ, затѣмъ опять заговаривалъ о распродажѣ, перечислялъ поздоровавшихся съ нимъ, разсказывалъ, что они говорили о возможности продажи Фромантьеръ; потомъ, возвращаясь къ своимъ постояннымъ думамъ, онъ говорилъ о будущихъ работахъ, которыя нужно будетъ предпринять для улучшенія фермы, и о новыхъ условіяхъ аренды, которыя слѣдовало бы выговорить у хозяевъ, или же спрашивалъ:

— Не правда ли, по-вашему, мнѣ гораздо лучше? Спина у меня выравнивается? Дыханіе не такое короткое, какъ прежде? Замѣтили ли вы сегодня вечеромъ, когда я возвращался домой, какъ я все время опирался на ноги?

И посреди фразы онъ нѣсколько разъ останавливался, чтобы прислушаться къ ночной тишинѣ; ему казалось, что онъ слышитъ то, что мысленно не переставалъ видѣть,—какъ Дріо вышелъ въ послѣдній разъ изъ комнаты въ самомъ концѣ дома; какъ онъ пересѣкъ дворъ, стараясь, чтобы изъ-подъ ногъ не покатился ни одинъ камешекъ; какъ онъ прошелъ мимо самой двери, совсѣмъ, совсѣмъ близко, и какъ онъ удалился навсегда.

Около одиннадцати часовъ Рыжикъ, который часто ворчалъ съ самаго наступленія ночи, вдругъ упорно сталъ лаять съ правой стороны двора.

— Что тамъ дѣлается?—спросилъ Туссэнъ Люмино.—Какъ будто кто-то ходитъ по нашей дорожкѣ?

Матюрэнъ молча приподнялся на локтяхъ и вдругъ почувствовалъ холодъ въ головѣ и рукахъ. Прошла цѣлая минута.

— Слышишь, какъ заливается наша собака?—еще разъ спросилъ арендаторъ.—Кто-нибудь да долженъ быть тутъ, неподалеку.

— Отецъ,—отвѣтилъ Матюрэнъ,—ты знаешь, что въ это время года онъ всегда словно бѣшеный.

Лай приближался, но не злой, а радостный, какъ лай собаки, отправляющейся съ хозяиномъ на прогулку. Потомъ ясно раздались шаги, потомъ собака зарычала.

— Въ Рыжика бросаютъ камнями!—крикнулъ арендаторъ.—Я иду!

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо! Я не хочу, чтобы вы пошли! Останьтесь, отецъ, останьтесь!

— Да почему?—спросилъ Туссэнъ Люмино.—Не разъ уже я это дѣлалъ, и однако со мною никогда ничего не случалось.

Спустивъ ноги на землю и сидя на своей постелѣ, старый крестьянинъ сталъ еще разъ прислушиваться, прежде чѣмъ надѣть панталоны и подбѣжать къ дверямъ. Въ головѣ Матюрэна быстро пробѣжала мысль: „Это братъ! Мнѣ стоитъ сказать слово— и отецъ настигнетъ его. Сказать?“

Шесть лѣтъ безпрерывныхъ мукъ, шесть лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ постоянно долженъ былъ уступать первое мѣсто младшимъ братьямъ, отвѣтили: „Нѣтъ!“ Онъ снова опустилъ голову на подушку и сказалъ, словно успокоенный:

— Не стоитъ,—видите, все затихаетъ.

Рыжикъ, повидимому, скакалъ по тропинкѣ и поднимался къ большой дорогѣ. Онъ лаялъ теперь слабѣе, преслѣдуя прохожаго до границъ фермы.

Отецъ легъ и, не слыша больше движеній Матюрэна, заснулъ. Было немного больше двѣнадцати часовъ.

Въ это время Розиль работала еще въ своей комнатѣ, заперевъ на засовъ двери и окна. Она ждала того, кто обѣщалъ придти. Мысль о томъ, что она его увидитъ, что она должна была ему сказать, а также и мысль объ опасности, которой подвергался Жанъ Несми, если будетъ пойманъ отцомъ, занимала ее въ продолженіе долгихъ часовъ, пока до ея ушей доносились еще отдаленные голоса разговаривавшихъ между собою арендатора и Матюрэна. „О чемъ они такъ долго разговариваютъ?“ — думала она. Она не забыла, конечно, закрыть ставни небольшаго узкаго окна, прорубленнаго въ толстой стѣнѣ и огражденнаго желѣзной рѣшеткой. Сидя на своей кровати, она обшивала рабочіе фартуки изъ грубой парусины. Стоявшая подлѣ нея свѣча освѣщала склонившееся лицо дѣвушки и, немного поодаль, дверцы пяти шкафовъ, вощеныя спинки кроватей и сундуки, отсвѣчивавшіе разными мягкими оттѣнками причудливаго цвѣта. Тутъ скрещивались и сплетались и фіолетовое отраженіе черешни, и темно-красный цвѣтъ вишни, и темно-золотистый блескъ орѣховаго дерева и дуба, и, наконецъ, блѣдное отраженіе шкафа, который одна нѣсколько странная прабабушка сдѣлала себѣ изъ прекраснаго свѣтлаго ясеня; въ комнатѣ стояла та же атмосфера, которая окружала столькихъ прабабушекъ, сидѣвшихъ за пряжей на томъ самомъ мѣстѣ, и которая ласкала теперь погруженную въ думы послѣднюю представительницу семьи Люмино. Розиль никогда не теряла времени понапрасну. И, однако, въ этотъ долгій вечеръ она часто оставалась неподвижной, съ иголкою въ рукѣ, или поднималась и подходила на

цыпочкахъ до дверей большой комнаты, откуда доносился разговоръ.

Когда не слышно стало ничего—ни лая собаки, ни глухого ропота голосовъ, доносившагося до нея сквозь дверныя щели, она стала прислушиваться и бросила работу. Она осмотрѣла комнату, какъ хозяйка, и подумала: „Найдетъ ли онъ все въ такомъ порядкѣ, какой онъ желалъ бы видѣть въ своемъ будущемъ хозяйствѣ?“ Она сняла съ шеи платокъ, который накинула отъ холода, и вздрогнула отъ пробѣжавшей въ головѣ мысли, что вдругъ появится отецъ. Лицо ея стало сосредоточеннымъ и серьезнымъ, какъ въ тѣ моменты, когда она боролась за свою любовь. Вся выпрямившись, она подошла къ окну, поставила свѣчу на подоконникъ и открыла ставни. Струя холоднаго тумана наклонила пламя, едва не погасивъ его. Стоя у окна, даже нѣсколько приподнявшись на носки, Розиль приставила руки къ вискамъ и стала всматриваться въ темноту, стараясь распознать, тамъ ли ея другъ. Она увидѣла лишь обнаженные кусты крыжовника, посаженные у самой стѣны. Не слышно было и приближающихся шаговъ, даже никакого сигнала. Она услышала лишь шумъ падавшихъ съ крыши капель. Прошла минута.

Вдругъ кусты раздвинулись и склонились къ землѣ; изъ ночной темноты показалась голова и вырисовалась въ свѣтѣ окна, между стѣною и желѣзною рѣшеткою. Она была блѣдна, но глаза смѣялись, сощуренные отъ внезапнаго перехода къ свѣту.

— Я думалъ,—сказалъ Жанъ Несми,—что вы не придете. Я продрогъ до костей; я хотѣлъ ужъ было уйти.

Онъ дышалъ такимъ счастьемъ, говоря эти слова! Его глаза открылись, обнаруживая бурную радость, клокотавшую въ его груди. Розиль, болѣе серьезная, потому что ея опасенія еще не разсѣялись, прервала его:

— Поговоримъ скорѣе! Отецъ только что заснулъ. Вдругъ онъ проснется и застанетъ насъ здѣсь!

Но онъ не обратилъ никакого вниманія на эти опасенія. Онъ даже не осматривалъ комнату, чтобы убѣдиться, что все въ порядкѣ. Онъ видѣлъ только лицо Розиль. Свѣча, стоявшая между ними, освѣщала ихъ глаза до самой глубины.

— Вы такая же милая!—отвѣтилъ парень.—И изъ болѣе далекихъ мѣстъ пріѣдешь, чтобы видѣть такую! Старуха-мать не хотѣла, чтобы я поѣхалъ, изъ-за расходовъ, но я ей сказалъ: „Да я лучше ѣсть не буду.“ И это правда, Розиль!

Она не могла удержаться отъ того, чтобы не разсмѣяться.

— Вы по-прежнему мастеръ говорить комплименты, Жанъ Несми, и, вправду, я не вижу въ васъ никакой перемѣны.

— Да и нѣтъ никакихъ перемѣнъ!—отвѣтилъ онъ, показывая свои бѣлые зубы.

И она тотчасъ же забыла про свое безпокойство. И имъ обоимъ показалось, что они вовсе не разлучались,—такъ легко шли въ голову мысли. Пламя свѣчи дрожало отъ ихъ пресѣкавшихся словъ.

— Скажите, Розиль, какъ наши дѣла? Счастливы ли вы?

— Не очень. У насъ въ Фромантьерѣ больше горя, нежели радости. Теперь, вотъ, какъ вы знаете, нашъ господинъ даже дошелъ до того, что его продаютъ съ молотка. Дѣла-то какія!

— Нѣтъ, у насъ, въ Бокажѣ, дворяне не допустили бы этого!

— Да и вобще, съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ Франсуа, все у насъ не ладится. Дріо не можетъ утѣшиться, что его здѣсь нѣтъ.

— Даже и теперь?

— Да, даже и теперь. Когда онъ пріѣхалъ, онъ казался бодрымъ и веселымъ. А, вотъ, сегодня вечеромъ плакалъ. Что съ нимъ? Боялся онъ, что насъ тоже продадутъ? Было ли причиною что-нибудь другое? У него развѣ узнаешь?

— Быть можетъ, у него въ мысляхъ какая-нибудь дѣвушка изъ вашихъ мѣстъ?

— Эхъ, какъ я этого желала бы, Жанъ, и для него, и для насъ! Вѣдь отъ его женитьбы зависитъ и наше счастье. Вся наша надежда, знайте это, на брата Андрэ. Не разъ думала я объ этомъ, да и вправду сказать, каждый день думала съ того самаго дня, какъ вы ушли: если Андрэ не женится, мой бѣдный Жанъ, я буду уже вся сѣдая, когда возвѣстятъ нашъ бракъ въ нашей и вашей церкви. Отецъ не отпуститъ меня, пока въ домѣ не будетъ другой хозяйки, которая могла бы меня замѣстить. А жить здѣсь съ Матюрэномъ... Онъ слишкомъ ненавидитъ насъ обоихъ. Въ Фромантьерѣ дѣло дойдетъ до дракъ. Отецъ не захочетъ поселить насъ вмѣстѣ съ Матюрэномъ.

— Говоритъ онъ временами обо мнѣ, когда работаетъ?—спросилъ Жанъ.

— Вы знаете, я въ поле на работы не хожу,—отвѣтила Розиль.—Но разъ вечеромъ я слышала, какъ онъ говорилъ Матюрэну: „Не брани ты бокенца, Люмино! Я не хотѣлъ отдать ему свою дочь—и хорошо поступилъ, но работалъ онъ славно и любилъ нашу землю“.

Лицо бывшаго работника покраснѣло отъ гордости.

— Я и вправду любилъ здѣсь все, потому что вы здѣсь, Розиль! Итакъ, вы говорите, что Андрэ не хочетъ жениться?

— Я этого не говорю. Сердце его не лежитъ еще къ этому. Но пройдетъ время, и печаль его разсѣется. О, Андрэ за насъ! Онъ очень хорошо говорилъ со мною въ тотъ день, когда я получила ваше письмо. Онъ обѣщалъ сдѣлать что-то для меня, но что именно—не сказалъ.

— Скоро ли?

— Мнѣ кажется, что да,—сказала Розиль,—потому что говорилъ рѣшительнымъ и увѣреннымъ тономъ.

Вдругъ она понизила голосъ.

— Слышали?—спросила она.

— Нѣтъ, ничего.

— Что-то задвигалось въ булочной...

— Да посмотрите на меня, Розиль, все тихо! — отвѣтилъ бокенецъ.

Послушная, поборовъ всякій страхъ изъ любви къ нему, она снова наклонилась къ окну и даже стала смѣяться, говоря:

— Вы никогда ничего не боитесь, я это знаю. Гдѣ вы спрятались, пока я открывала ставни?

— Въ соломѣ. Вѣтеръ былъ такой холодный, какъ въ самыя сѣверныя ночи, проведенныя мною на охотѣ. Онъ мнѣ сковалъ все тѣло, и такъ какъ я не видѣлъ свѣта, то немного прикурнулъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? А кто васъ разбудилъ?

— Рыжикъ, когда онъ проводилъ вашего работника.

— Какъ, проводилъ работника? — съ удивленіемъ спросила Розиль.—Я слышала, какъ лаяла собака, но думала, что на какого-нибудь бродягу, какіе шатаются здѣсь, или что онъ васъ узналъ...

— Вы же знаете, Розиль, что онъ никогда не лаетъ на меня, съ тѣхъ поръ, какъ мы вмѣстѣ охотились. Нѣтъ, я увѣренъ, что это вышелъ работникъ... Даже щеколда щелкнула... Потомъ раздалось нѣсколько шаговъ тамъ, съ той стороны дома, а потомъ шумъ покатившагося камня. Это былъ работникъ, говорю вамъ, или вашъ братъ... Я увѣренъ, что какой-то мужчина вышелъ изъ Фромантьера.

Она немного поблѣднѣла и выпрямилась.

— Да нѣтъ же!—сказала она.—Андрэ не охотится, какъ вы! Андрэ не уходитъ въ Шалланъ, какъ Франсуа... Можетъ быть, Матюрэнъ, пользуясь сномъ отца... поднялся, чтобы подстеречь насъ?.. Берегитесь, Жанъ Несми! Слушайте!..

Она схватила свѣчу съ подоконника и, протянувъ руку впередъ, всмотрѣлась въ глубину комнаты.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, что-то движется въ булочной,—сказалъ Жанъ Несми.

Кто-то слабо напиралъ на дверь, и желѣзный засовъ задвигался отъ напора.

Розиль вся побѣлѣла отъ волненія. Но въ ея венахъ текла кровь смѣлыхъ предковъ. Держа свѣчу возможно дальше отъ себя, она тихо прошла до другого конца комнаты, осторожно отодвинула засовъ и сразу открыла дверь.

Какая-то тѣнь прошмыгнула въ комнату, обошла ее и вернулась къ Розиль, она узнала Рыжика.

— Что ты тутъ дѣлаешь?—спросила Розиль.—Какъ ты пробрался въ домъ?

Вѣтеръ съ шумомъ врывался изъ сосѣдней комнаты.

— Развѣ входная дверь не заперта?

Дѣвушка обернулась къ окну и увидѣла лицо Жана Несми. Потомъ она направилась въ булочную. Соломенныя корзинки, квашня, лѣстница, ведшая на чердакъ, дрова для слѣдующей топки—все было въ обычномъ порядкѣ. Но дверь въ послѣднюю комнату дома, гдѣ спалъ Андрэ, была открыта. Розиль прошла дальше. Вѣтеръ задувалъ свѣчу, и она должна была прикрыть ее рукою. Онъ свободно шелъ со двора. Да, Андрэ вышелъ... Она подбѣжала къ кровати: постель не была постлана... Въ головѣ промелькнула мысль, но она сперва ее оттолкнула. Она вспомнила Франсуа. Эти слезы Андрэ наканунѣ, его волненіе... „О Господи!“—пробормотала она. Быстро нагнулась она, поставила свѣчу на землю, чтобы посмотрѣть подъ кроватью, гдѣ стояли обѣ пары башмаковъ Андрэ и его дорожные сапоги: все исчезло. Она открыла сундукъ, въ которомъ хранилось его платье: онъ былъ пустъ. Она вернулась въ булочную, поднялась на чердакъ. Тамъ, въ углу, направо, подлѣ сваленной пшеницы, долженъ былъ стоять небольшой черный чемоданъ, который Андрэ привезъ изъ Африки. Она подняла свѣчу: никакого чемодана не было. Всѣ доказательства были на-лицо. Нельзя было сомнѣваться въ случившемся несчастьи.

Внѣ себя отъ горя, она наскоро спустилась внизъ и, не будучи въ состояніи хранить секретъ до утра, закричала:

— Отецъ! Отецъ!

Голосъ старика, заглушенный стѣнами, откликнулся:

— Что случилось?

— Дріо исчезъ!

Она бѣгала, продолжая кричать. Вбѣжавъ въ свою комнату, она посмотрѣла по направленію къ окну, гдѣ, какъ ей показалось, она замѣтила тѣнь друга.

— Прощай, Жанъ Несми!—сказала она, не останавливаясь.—Прощай, не приходи больше никогда!

Она исчезла, пошла въ чуланъ и оттуда побѣжала до дверей большой комнаты, въ которой спалъ отецъ.

Старикъ соскочилъ съ кровати. Онъ выбѣжалъ на крикъ дочери, не обутый, наскоро пристегивая старые рабочіе штаны къ рубашкѣ съ раскрытымъ воротомъ. Спросонья, почти ничего не понимая, онъ выбѣжалъ со строгимъ лицомъ, на которое упалъ свѣтъ принесенной дочерью свѣчи.

— Чего ты кричишь?—спросилъ онъ.—Онъ, вѣрно, тутъ гдѣ-нибудь, неподалеку.

Однако, увидя перекосившееся отъ ужаса лицо Розиль, онъ также вспомнилъ Франсуа и, весь задрожавъ, пошелъ за нею.

Обѣжавъ весь домъ въ длину, они подошли къ комнатѣ Андрэ. Розиль отступила въ сторону, чтобы дать пройти отцу. Онъ недалеко пошелъ: посмотрѣлъ на нетронутую постель, и этого было достаточно, чтобы понять все. Одну секунду онъ оставался неподвижнымъ. Слезы ослѣпляли его. Потомъ онъ, покачиваясь, направился ко двору; на порогѣ онъ ухватился обѣими руками за выступы стѣны, чтобы удержаться на ногахъ; онъ сдѣлалъ глубокое вдыханіе, словно бы взывалъ къ темной ночи, но изъ его устъ вырвался лишь сдавленный, еле слышный звукъ:

— Мой Дріо!

И высокій старецъ, охваченный холодомъ, свалился безъ чувствъ на земляной полъ.

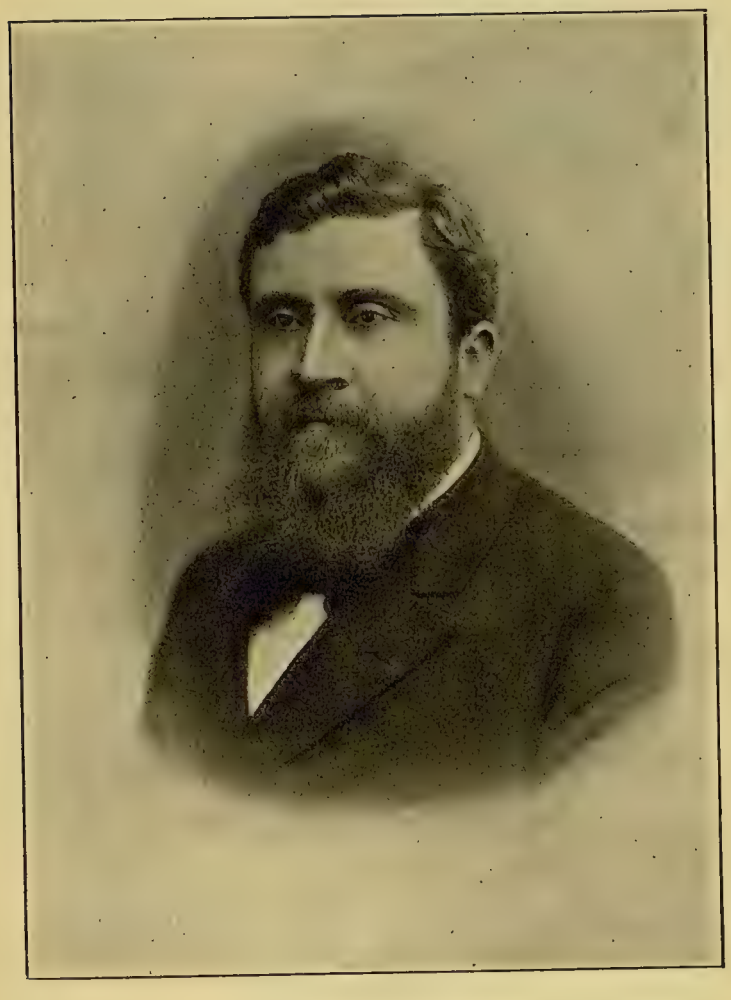
Изъ глубины дома раздавался дикій крикъ Матюрена, который, со стономъ и ругательствами, старался выйти изъ своей комнаты, наталкиваясь въ темнотѣ то на мебель, то не стѣны.

— Сюда!—кричалъ онъ,—сюда, Розиль! Я хочу видѣть!

Розиль опустилась на колѣни и со слезами цѣловала отца. Со двора шелъ, разбуженный крикомъ, работникъ, держа въ рукѣ фонарь.

Ренэ Базенъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).



ЖОРЕСЪ.

Экономическая исторія іудеевъ.

Переводъ съ нѣмецкаго *О. Маркертъ.*

(Окончаніе).

III. Отъ перваго заселенія страны до распаденія царствъ.

Страна Ханаанъ, которую завоевалъ себѣ еврейскій народъ, занимала приблизительно триста квадратныхъ миль. Прибрежная полоса, по крайней мѣрѣ та ея часть, гдѣ были гавани, оставалась во власти занимавшихся торговлей финикіянъ и филистимлянъ. Впрочемъ, и внутри страны города еще долго оставались въ рукахъ ханаанитянъ, также промышлявшихъ торговлей. Израильтяне же заняли всю остальную, плодородную, богатую всякаго рода источниками и отличавшуюся прекраснымъ климатомъ часть страны. Надо, впрочемъ, замѣтить, что природа не давала свои дары добровольно. Гдѣ человѣкъ не боролся съ пустыней, тамъ она разросталась направо и налѣво. Но трудъ совершалъ чудеса. Горныя террасы засаживались виноградниками и оливковыми деревьями. Поля и долины давали въ изобиліи пшеницу и ячмень. Богатая растительность нагорья (Башанъ-Кармель) дѣлала скотоводство однимъ изъ наиболѣе прибыльныхъ занятій. Какъ видно, страна, гдѣ текли медъ и млеко, давала за неутомимый трудъ богатое вознагражденіе.

Когда страна была окончательно завоевана племенами (колѣнами), они всю землю равномѣрно распредѣлили между всѣми способными носить оружіе мужчинами. Однако, войны съ туземцами и враждебными сосѣдними народами продолжались еще почти три столѣтія. И, несмотря на это, мы въ источникахъ находимъ лишь одинъ разъ указаніе на голодъ въ странѣ, именно въ эпоху особенныхъ военныхъ бѣдствій изъ періода судей. Во все же остальное время экономическое положеніе народа, несмотря на постоянныя войны, было вполнѣ удовлетворительное. Послѣ каждой войны воины-крестьяне охотно возвращались къ плугу. Пашня давала имъ въ достаточной мѣрѣ все, въ чемъ они нуждались. Она давала имъ даже излишки хлѣба, которые они при случаѣ продавали по хорошимъ цѣнамъ. Народъ, очевидно, отличался извѣстной степенью благосостоянія, о которомъ свидѣтельствуютъ великолѣпныя развалины Гауранской долины.

Какъ о самостоятельныхъ ремесленникахъ въ этотъ періодъ источники упоминаютъ только о горшечникахъ и кузнецахъ. Всѣ остальныя потребности свои

крестьяне удовлетворяли собственнымъ трудомъ. И часть этихъ кустарныхъ произведеній повидимому была даже предметомъ торговли. Объ іудейской хозяйкѣ сказано: „Она себѣ ищетъ шерсти и льна и работаетъ по искусству своихъ рукъ. Она дѣлаетъ рубашки и продаетъ ихъ и поставляетъ пояса ханаанитянамъ“. Вся экспедиціонная торговля была исключительно въ рукахъ ханаанитянъ, такъ что постепенно самое ихъ имя сдѣлалось синонимомъ понятія „торгашъ“ и „народъ торгашей“. Нравы и обычаи были просты. Народъ жилъ богобоязненно и былъ послушенъ законамъ. Налоги и подати существовали исключительно въ формѣ натуральныхъ повинностей. Не было ни богатыхъ, ни бѣдныхъ. Каждый жилъ въ тѣни своего виноградника и своей фиговой пальмы. Еще самъ царь Саулъ „возвращается домой съ полей вслѣдъ за своимъ стадомъ“. Давида привели съ поля, гдѣ онъ пасъ овецъ, для того, чтобы помазать его на царство. И народъ этотъ такъ строго блюдетъ духъ Моисеева законодательства, что Гедеонъ, побѣдивъ мадіанитянъ и привезши съ собой огромную, состоявшую изъ золотыхъ колецъ, ожерелій и пурпурныхъ одѣяній, военную добычу, изъ золота колецъ создаетъ благодарственный памятникъ Богу.

Описанное положеніе дѣлъ начинаетъ медленно измѣняться со времени введенія народомъ царской власти съ цѣлью прекращенія военныхъ бѣдствій. Самуилъ вѣрно предсказалъ эту эволюцію: „... сыновей вашихъ онъ (царь) возьметъ и приставитъ ихъ къ колесницамъ своимъ и сдѣлаетъ всадниками своими и будутъ они бѣгать передъ колесницами его; и поставитъ ихъ у себя тысяченачальниками и пятидесятниками, и чтобы они воздѣлывали поля его и жали хлѣбъ его, и дѣлали ему воинское оружіе и колесничный приборъ его. И дочерей вашихъ возьметъ, чтобы онѣ варили кушаніе и пекли хлѣба. И поля ваши и виноградные и масленичные сады ваши лучшіе возметъ, и отдастъ слугамъ своимъ. И отъ посѣвовъ вашихъ и изъ виноградныхъ садовъ вашихъ возметъ десятую часть, и отдастъ евнухамъ своимъ и слугамъ своимъ. И рабовъ вашихъ и рабынь вашихъ и юношей вашихъ лучшихъ, и ословъ вашихъ возметъ и употребитъ на свои дѣла. Отъ мелкаго скота вашего возметъ десятую часть и сами вы будете ему рабами“ (I кн. Царствъ, гл. 8). Всѣ эти предсказанія наступаютъ, разумѣется, не сейчасъ же. При царѣ Саулѣ сказываются скорѣе благотворныя вліянія болѣе тѣснаго сплоченія народа. Побѣдоносныя войны съ врагами, особенно съ аммонитянами, амалекитянами и филистимлянами, должны были укрѣпить въ народѣ сознаніе національнаго единства. Къ тому же Саулъ, сдѣлавшись царемъ, остался вѣренъ прежней простотѣ въ образѣ жизни. Однако, богатыя, состоящія изъ золота и драгоцѣнныхъ тканей, военныя добычи проникаютъ уже и въ народныя массы. Послѣ смерти Саула дочери израиля должны его оплакивать, потому что онъ ихъ облекалъ „въ багряницы съ украшеніями и золотыми уборами“.

Уже гораздо серьезнѣе картина экономической эволюціи становится при царѣ Давидѣ. Счастливыми войнами съ враждебными сосѣдями онъ расширилъ свое царство до западнаго моря и до Евфрата и отъ подошвы Ливана до Чермнаго моря и захватываетъ господство надъ Дамаскомъ, Еладомъ и Езіонгеверомъ на Красномъ морѣ. Но его экономическая политика имѣла въ виду не крестьянъ и земледѣліе, а

городскіе интересы и, главнымъ образомъ, интересы столицы Іерусалима. Значительная часть всѣхъ добытыхъ въ счастливыхъ войнахъ сокровищъ сохранялась, положимъ, для постройки въ Іерусалимѣ національнаго святилища, но уже и царь Давидъ очень любилъ выступать въ роли великаго городского строителя палатъ. Ежегодныя дани подчиненныхъ народовъ все увеличивали запасы золота и серебра въ странѣ. Финикійскій царь Хирамъ посылалъ Давиду строителей и строительный матеріалъ. За все это Ханаанъ платилъ главнымъ образомъ хлѣбомъ. Количество вывозившейся въ это время за-границу пшеницы и ячменя было, судя по всему, не мало. Шлеггъ опредѣляетъ ежегодный вывозъ хлѣбовъ въ шесть милліоновъ гектолитровъ, цѣною на 23 милліона марокъ. Населеніе городовъ и, прежде всего, столицы быстро увеличивалось. Въ Іерусалимѣ поселилась большая масса придворныхъ и воиновъ. Болѣе крупные еврейскіе города сдѣлались мѣстомъ сбыта для предметовъ финикійской торговли. Немедленно же сказывается опасное вліяніе торговли на обезпеченіе народа хлѣбомъ. О запасахъ на случай неурожая никто не думалъ и весь наличный хлѣбъ до послѣдняго зерна скупался и вывозился. Наказаніе не заставило себя ждать. Три неурожая послѣдовали другъ за другомъ, и страшный голодъ посѣтилъ израильскій народъ среди глубокаго мира. Тотъ самый Давидъ котораго привели съ поля, гдѣ онъ пасъ овецъ, чтобы помазать его на царство, умеръ въ качествѣ крупнаго поземельнаго собственника. Для управленія своими домэнами онъ имѣлъ двѣнадцать интендантовъ. Онъ оставилъ послѣ себя 3.000 талантовъ золота.

Описанныя измѣненія въ экономической жизни израиля въ сторону исключительнаго господства денегъ, лишь въ скромныхъ размѣрахъ намѣтившіяся при Саулѣ, достигшія уже извѣстной степени развитія при Давидѣ, при слѣдующемъ царѣ, Соломонѣ, получаютъ полное выраженіе, такъ что кульминаціонный пунктъ въ экономическомъ развитіи страны въ это время уже ясно намѣченъ. Съ точки зрѣнія современныхъ экономическихъ понятій, Соломонъ былъ меркантилистъ чистѣйшей воды и притомъ той опасной въ соціальномъ отношеніи разновидности, которая богатство регента принимаетъ за богатство народа. Въ его экономическихъ мѣропріятіяхъ мы не находимъ никакихъ указаній на стремленіе поднять крестьянское благосостояніе. Всѣ его помыслы были направлены на деньги.

Посредствомъ женитьбы онъ завязалъ сношенія съ египетскимъ дворомъ и сумѣлъ обезпечить за собой весьма доходную монополію торговли египетскими конями и военными колесницами для евфратскихъ странъ. Пользуясь своею дружбою съ Хирамомъ, царемъ финикіянъ, онъ построилъ и снарядилъ торговый флотъ для знаменитыхъ поѣздокъ въ страну золота — Офиръ. Ко всему этому надо еще прибавить дани подчиненныхъ народовъ. Въ собственной же странѣ налоги давили народъ все сильнѣе и сильнѣе. Онъ заново раздѣлилъ всю страну на двѣнадцать округовъ, во главѣ которыхъ для собиранія налоговъ онъ поставилъ двѣнадцать сатрановъ, должность которыхъ была настолько доходна,—разумѣется, на счетъ плательщиковъ,—что ее занимали иногда зятья царя. Налоги и пошлины по-прежнему платились преимущественно натурой. Тѣсная дружба съ царемъ Хирамомъ давала прекрасную возможность превращать хлѣбъ и масло въ золото. Если же

этотъ его вывозъ не покрывалъ денежный долгъ у Хирама, то Соломонъ точно также, какъ и его коллеги-меркантилисты въ концѣ нашихъ среднихъ вѣковъ, не стѣснялся продать нѣсколько городовъ. Соломонъ былъ, слѣдовательно, и крупнымъ хлѣботорговцемъ. Чтобы придать этой торговлѣ и обезпеченію городовъ хлѣбомъ прочное основаніе, онъ выстроилъ цѣлый рядъ государственныхъ хлѣбныхъ амбаровъ. Всѣ эти огромные доходы поглощались блестящимъ дворомъ и роскошными постройками Соломона. Для того же, чтобы уменьшить при этомъ расходы на заработную плату до минимума, всѣ мирно жившіе въ странѣ ханаанитяне, не говоря худого слова, были объявлены государственными рабами. Изъ нихъ 80.000 должны были работать въ каменоломняхъ Библоса, выкалывая при лампѣ тяжелыя кубическія массы изъ скалы, а 70.000 поднимали у входа каменоломенъ эти камни на поверхность земли и доставляли ихъ на мѣсто построекъ. Но и сами израильтяне также привлекались къ общественнымъ работамъ и для этой цѣли было набрано 30.000 человѣкъ, якобы для военной службы, чтобы рубить строевой лѣсъ и доставлять его на царскія постройки.

При такомъ положеніи дѣлъ прежде всего процвѣтала торговля и особенно крупная, а затѣмъ ростовщичество. Въ Іерусалимѣ поселилась цѣлая гильдія такихъ финикійскихъ торговцевъ. Въ интересахъ торговли Соломонъ улучшилъ монетную систему. Процвѣтали также и ремесла, направленныя на удовлетвореніе роскоши и строительство. Какъ и всегда въ эпохи усиленной спекуляціи, параллельно съ распространеніемъ роскоши и накопленіемъ денегъ цѣны продуктовъ всякаго рода повышались; одна и та же денежная сумма представляла собой все меньшую и меньшую реальную стоимость. Такъ, напримѣръ, до учрежденія царской власти священникъ получалъ за свою службу въ годъ десять сиклей серебра, кромѣ пищи и одежды, Соломонъ же сторожамъ своихъ виноградниковъ платилъ повидимому 200 сиклей серебра въ годъ, тогда какъ цѣна египетскаго коня была 150, а египетскій военной колесницы 600 сиклей серебра. Такимъ образомъ мы имѣемъ дѣло съ рѣзко выраженнымъ денежнымъ хозяйствомъ и притомъ съ господствомъ золота—„потому что серебро во дни Соломоновы считалось ни за что“ (3 Царствъ, 10,21).

Съ точки зрѣнія Моисеева законодательства, экономическая политика Соломона была грубымъ нарушеніемъ заповѣдей Бога. Уже Давидъ, а Соломонъ въ еще большей степени совершенно игнорировали, что и самому царю запрещалось накоплять много золота и серебра. Первоначальное распредѣленіе земель также было сильно видоизмѣнено Давидомъ, Соломономъ же почти совершенно уничтожено. Указаній на празднованіе при царяхъ юбилейныхъ годовъ мы не находили. Зато самый ростъ царскихъ земельныхъ владѣній служитъ доказательствомъ, что юбилейные годы болѣе не праздновались. Естественно, что съ постепеннымъ ростомъ хлѣбнаго вывоза и допущеніемъ въ страну финикійскихъ мѣнялъ и ростовщиковъ должно было выйти изъ употребленія и празднованіе годовъ шемитты. Законъ о неотчуждаемости сельско-хозяйственной собственности былъ давно забытъ, равно какъ и запрещеніе брать и платить проценты. Сами принудительныя работы и безпощадное увеличеніе налоговъ и пошлинъ были противны духу закона. Не-

чего поэтому удивляться, если о Соломонѣ сообщается, что онъ по языческому образцу устроилъ себѣ большой гаремъ и разрѣшалъ своимъ иноземнымъ женамъ, равно какъ и финикійскимъ купцамъ, идолопоклонство. Параллельно съ нарушеніемъ экономическихъ принциповъ Моисеева законодательства мы видимъ, слѣдовательно, и отпаденіе отъ вѣры.

Со временъ Соломона въ жизни израиля появились богатство и бѣдность. Богатство—это былъ онъ самъ и всѣ сидѣвшіе съ нимъ за однимъ столомъ или принимавшіе участіе въ его денежныхъ дѣлахъ. Бѣдности подпали прежде всего ханаанитяне, которыхъ сдѣлали государственными рабами, а вскорѣ затѣмъ и израильтянскіе крестьяне, изъ которыхъ налогами и принудительными работами выжали всѣ соки, чтобы затѣмъ отдать ихъ, на основаніи языческихъ законовъ о должникахъ, въ руки хлѣботорговцевъ и мѣнялъ. И какъ бы громко на улицахъ Іерусалима ни пѣлись хвалебныя пѣсни днямъ Соломона, можно сказать съ увѣренностью, что подавляющее большинство населенія, именно сельское, не участвовало въ этомъ диѳирамбѣ Соломону. Истинное отношеніе народа къ правительству Соломона получило очень ясное выраженіе въ той рѣшительности, съ которой десять колѣнъ изъ двѣнадцати отвернулись отъ соломоновской династіи, когда сынъ и наслѣдникъ Соломона при вступленіи на престолъ не соглашался смягчить по справедливости „слишкомъ тяжелую службу и слишкомъ тяжкое ярмо“ своего отца.

IV. Отъ распаденія царствъ до вавилонскаго плѣненія.

Уже въ правленіе Давида экономическая жизнь израиля достигла высшей степени своего развитія, а при Соломонѣ она все ускоряющимся темпомъ пошла къ упадку. Блестящая внѣшность не обманетъ того, кто внимательнѣе посмотритъ на быстрое разрушеніе этого хозяйства.

Едва умеръ Соломонъ, подчиненные народы, филистимляне и идумеяне, добились свободы и перестали платить дань. Игравшая роль золотоноснаго источника страна Офиръ перестала давать золото, такъ какъ заморская торговля немедленно прекратилась. Доходная нѣкогда монополія торговли египетскими конями и боевыми колесницами потеряла всякое значеніе, благодаря враждебному отношенію сѣвернаго Израильскаго царства къ царству Іудейскому. По отношенію къ Египту страна вскорѣ превратилась въ подчиненное, платящее дань государство. Другіе сосѣди также отъ времени до времени грабили страну, внутри которой нерѣдко разгоралась гражданская война. Религіозный духъ и охота жертвовать на религіозныя цѣли настолько ослабли въ народѣ, что скоро уже невозможно было получить путемъ добровольныхъ сборовъ необходимыя для содержанія Соломоновскаго храма средства.

Меркантильная политика Соломона видѣла центръ тяжести экономической жизни не въ условіяхъ внутренняго развитія, а въ отношеніяхъ къ за-границѣ. Вмѣсто того, чтобы посвятить свою заботу отечественному земледѣлію, онъ былъ всецѣло занятъ погоней за золотомъ на иностранныхъ рынкахъ и во всякаго рода торго-

выхъ предпріятіяхъ и этимъ посѣялъ недовольство въ рядахъ сельскихъ хозяевъ. Поэтому-то послѣ его смерти такъ быстро пали могущество и сила страны. Какъ по мановенію жезла, исчезли всѣ съ такимъ трудомъ созданныя заморскія и международныя торговыя сношенія. Если бы внутри страны господствовали здоровыя хозяйственныя условія, то она быстро оправилась бы отъ этихъ ударовъ, освободила бы себя отъ своихъ враговъ и вновь добилась бы прежняго благосостоянія. Капиталистическій кризисъ помѣшалъ этому. Въ странѣ господствовало уже не крестьянство, а крупные торговцы, мѣнялы, военачальники и податные чиновники. И потому она должна была погибнуть. Объектомъ все болѣе и болѣе выжимавшей изъ народа соки капиталистической торговли былъ хлѣбъ.

Въ разсматриваемый нами періодъ хлѣбныя цѣны на рынкахъ Малой Азіи почти безпрерывно росли. Еще во времена судей хлѣбъ служилъ почти исключительно для народнаго потребленія и лишь при случаѣ для какой-нибудь спеціальной цѣли излишки продавались. Давидъ первый сдѣлалъ хлѣбъ товаромъ и организовалъ живой и правильный хлѣбный вывозъ. Соломонъ усовершенствовалъ его организацію, построилъ государственные амбары, а для облегченія транспорта проводилъ дороги. Спросъ на хлѣбъ былъ постояненъ. Заботы правительства были поэтому направлены къ тому, чтобы возможно увеличить національное производство хлѣба; преслѣдовавшаяся при этомъ цѣль было не обезпеченіе хлѣбомъ народа или его благосостояніе, а только богатство старшинъ и „денежныхъ князей“ въ Израильскомъ и Іудейскомъ царствахъ. Объ оставленіи полей въ субботній годъ согласно закону подъ паромъ не могло уже давно быть и рѣчи. Изъ года въ годъ безъ перерыва поля засѣиваются пшеницей и ячменемъ. Точно также не соблюдалось предписаніе Моисеева законодательства о составленіи хлѣбныхъ запасовъ на случай неурожаевъ. Очевидно, что если крестьяне осенью продаютъ слишкомъ много хлѣба и затѣмъ весною терпятъ нужду или если вслѣдствіе неблагопріятныхъ метеорологическихъ условій народъ голодаетъ, то это для ростовщиковъ самое благопріятное время для жатвы.

Неблагопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ ждать пришлось не долго. Хроника сообщаетъ намъ о цѣломъ рядѣ голодовокъ. Крестьянамъ приходилось продать свою послѣднюю движимость. Покончивъ съ движимостью, они впутывались въ долги; затѣмъ отчуждались поля и виноградники и наконецъ самъ крестьянинъ и его семья превращались въ рабовъ. Гдѣ же всего этого нельзя было достичь на почвѣ языческихъ законовъ о должникахъ, тамъ помогалъ обманъ въ торговлѣ или, по примѣру Ахава, прямое насиліе—и судьи народа молчали или даже были причастны къ беззаконію. По отношенію къ маслу и вину примѣнялась та же тактика, что и къ хлѣбу. Конецъ же подобнаго процесса былъ всегда одинъ и тотъ же: образованіе латифундій въ рукахъ немногихъ крупныхъ собственниковъ, полнѣйшее обнищаніе народа и низведеніе его на положеніе крѣпостныхъ, чтобы дешевле производить хлѣбъ для крупныхъ капиталистовъ и ихъ экспортной торговли. Эти роковыя событія вызвали протестъ самыхъ выдающихся представителей старой школы пророковъ. Ихъ могучая проповѣдь не обращается главнымъ образомъ ни противъ вошедшаго во всеобщее употребленіе идолопоклонства, ни противъ грѣховъ

бѣднаго голодающаго народа. Ихъ пламенное краснорѣчіе обращается прежде всего противъ богатыхъ и противъ вопіющихъ экономическихъ условій своего времени, въ исправленіи коихъ, въ смыслѣ Моисеева законодательства, они видятъ первый шагъ для возвращенія къ вѣрѣ отцовъ; если же данныя ненормальныя условія будутъ и далѣе существовать, они предрекаютъ гибель государства и всего народнаго хозяйства. Съ точки зрѣнія пророковъ все богатство старшинъ и денежныхъ тузовъ есть награбленное у бѣдняковъ имущество. Всѣ способы обогащенія богатыхъ одинъ сплошной обманъ и мошенничество. Ихъ мотивы—безпредѣльная страсть къ наслажденіямъ и хищническая жадность. Лживые судьи и безбожные священники—вотъ ихъ помощники. Идея государственнаго строя, государство будущаго сочетается у пророковъ съ представленіемъ о цвѣтущемъ земледѣліи и зажиточномъ крестьянствѣ. Эти рѣчи пророковъ настолько характерны для времени, что мы должны привести здѣсь краткія выдержки:

Амосъ: „Вы, которые лежите на ложахъ изъ слоновой кости и нѣжитесь на постеляхъ вашихъ , послушайте это, алчущіе поглотить бѣдныхъ и погубить нищихъ, вы, которые говорите: когда то прейдетъ новолуніе, чтобы намъ продавать хлѣбъ, и суббота, чтобы открыть житницы, уменьшить мѣру, увеличить цѣну сикля и обманывать невѣрными вѣсами. Чтобы покупать неимущихъ за серебро и бѣдныхъ за пару обуви, а высѣвки изъ хлѣба продавать. Итакъ за то, что вы попираете бѣднаго и берете отъ него подарки хлѣбомъ, вы построите домы, изъ тесанныхъ камней, но жить не будете въ нихъ; разведете прекрасные виноградники, а вина изъ нихъ не будете пить!“

Исайя (вольный переводъ): „Всевышній творитъ судъ надъ старшинами своего народа и князьями его. Не опустошили ли вы виноградникъ, не въ вашихъ ли домахъ все награбленное у бѣдныхъ, зачѣмъ попираете вы мой народъ и топчете лицо бѣдняковъ? Горе тѣмъ, что строятъ домъ къ дому и присоединяютъ поле къ полю, пока болѣе нѣтъ мѣста и они останутся единственными обитателями страны! Передъ моими ушами Господь изрекъ: если не будутъ разрушены многіе дома, то много прекрасныхъ построекъ будутъ пусты! Мои судьи вѣроломны и друзья воровъ. Они охотно принимаютъ подарки и гонятся за мздой; права сиротъ они не защищаютъ и дѣла вдовъ не доходятъ до нихъ. Все, что говорятъ правовѣды, чистая ложь. Но горе тѣмъ, кторые издаютъ несправедливыя предписанія, и писцамъ, которые пишутъ несправедливо, чтобы попирать право бѣдныхъ и похитить то, что слѣдуетъ неимущимъ моего народа, чтобы вдовы сдѣлались ихъ жертвой, а сироты были ограблены“.

Михей: „Горе замышляющимъ беззаконіе и на ложахъ своихъ придумывающимъ злодѣянія, которыя совершаютъ утромъ на разсвѣтѣ, потому что есть въ рукѣ ихъ сила! Пожелаютъ полей и берутъ ихъ силой; домовъ—и отнимаютъ ихъ; обираютъ человѣка и его домъ, мужа и его наслѣдіе“.

О будущемъ строѣ пророчествуютъ:

Амосъ: „Вотъ наступятъ дни, когда пахарь застанетъ еще жнеца, а топчущій виноградъ—сѣятеля; и горы источать будутъ виноградный сокъ, и всѣ холмы потекутъ“.

Осія: „Возвратятся сидѣвшіе подъ тѣнію его (Израиля), будутъ изобиловать хлѣбомъ и расцвѣтутъ, какъ виноградная лоза, славны будутъ, какъ вино ливанское“.

Исайя (вольный переводъ): „И случится, что каждый, кто будетъ держать одну корову и двѣ овцы, за избыткомъ молока будетъ ѣсть масло“.

Обвинительныя рѣчи пророковъ имѣли своимъ послѣдствіемъ, что нѣсколько разъ отдѣльные цари запрещали идолопоклонство и облегчали лежавшее на плечахъ поселянъ бремя налоговъ, но денежныхъ тузовъ Іудеи и ихъ интересы цари уже не смѣли затрогивать. Въ сравненіи съ могуществомъ денежнаго капитала царская власть потеряла всякое значеніе. Поэтому полное возвращеніе къ экономическимъ законамъ Моисея въ этотъ періодъ было невозможно. Уничтоженіе идолопоклонства было лишь видимымъ и съ возвращеніемъ къ хозяйственнымъ формамъ языческаго міра обыкновенно скоро возстановлялось. Военная сила народа, побѣдоносно боровшагося до того почти 500 лѣтъ противъ цѣлаго враждебнаго міра и остававшагося притомъ зажиточнымъ, съ паденіемъ крестьянства была подломлена *). Размѣры платившейся иностраннымъ государствамъ дани становятся все больше и больше. Барщина въ пользу государства также непрерывно росла. Правительство не ограждало интересовъ массы въ ея безнадежной борьбѣ съ крупнымъ капиталомъ. Населеніе массами бѣжало за-границу. Не прошло и 250 лѣтъ со смерти Соломона, какъ Іудейское царство постигло вавилонское плѣненіе, а Израильское царство еще раньше подверглось ассирійскому завоеванію.

V. Отъ возвращенія изъ плѣна до гибели Іудейскаго царства.

Сравнительно небольшая кучка іудеевъ, возвратившихся изъ вавилонскаго плѣненія въ Ханаанъ, начала заселеніе страны, начиная отъ развалинъ Іерусалима и его окрестностей. Земли было достаточно и распредѣленіе ея поэтому не представляло затрудненій. Но земля шестьдесятъ лѣтъ совершенно не обрабатывалась. Теперь она слишкомъ долго покоилась послѣ того, какъ раньше жадность людей давала ей слишкомъ мало отдыха. Нелегкій трудъ было теперь сдѣлать поля опять плодородными.

Іудейское царство политически уже не было болѣе самостоятельно. Оно было въ зависимости сначала отъ персидскаго царя, затѣмъ отъ Александра Великаго, позднѣе отъ Египта и наконецъ отъ Сиріи. Оно должно было платить дань въ видѣ пошлинъ и налоговъ, взиманіе которыхъ отдавалось въ аренду предпринимателямъ. Въ этомъ обстоятельствѣ уже заключались зародыши для новаго возникновенія капитализма. Понемногу возобновляется въ старомъ видѣ вывозъ масла и особенно хлѣба, не оставляя никакихъ запасовъ про черный день. Каждый неурожайный годъ

---

*) Капиталъ еще не понялъ своего организаторскаго призванія и потому не могъ выставить огромной прекрасно вооруженной арміи, какъ это онъ дѣлаетъ въ своемъ современномъ развитомъ видѣ. *Прим. перевод.*

приносилъ съ собой голодъ въ странѣ, вывозившей хлѣбъ, а вслѣдъ за голодовками, точно также какъ и до плѣна, начиналось систематическое выжиманіе соковъ изъ населенія. Вотъ что говоритъ объ этомъ Библія (въ вольномъ переводѣ): „И поднялся великій крикъ народа и ихъ женъ противъ своихъ братьевъ, іудеевъ. Были же такіе, которые говорили: нашихъ сыновей и дочерей слишкомъ много, возьмемъ за нихъ хлѣба и будемъ ѣсть, чтобы жить. А другіе говорили: заложимъ наши поля, виноградники и дома, чтобы получить хлѣбъ во время голода. А еще другіе говорили: займемъ денегъ на царскія подати и отдадимъ свои поля и виноградники. Мы отдаемъ въ услуженіе своихъ сыновей и дочерей и много дочерей нашихъ уже находится въ услуженіи и намъ нечѣмъ выкупить ихъ, а полями и виноградниками нашими владѣютъ другіе...“ Обремененный долгами народъ заволновался. Пророкъ Неемія выступилъ съ грозной проповѣдью противъ богачей и ростовщиковъ и такъ запугалъ ихъ, что они простили всѣ долги и возвратили заложенныя вещи. Угрожавшее измѣненіе въ распредѣленіи земель было такимъ образомъ отсрочено. Народъ возвратился къ вѣрѣ своихъ отцовъ и праздновалъ субботу и года шемитты.

Не прошло, слѣдовательно, и ста лѣтъ со времени возвращенія изъ плѣна, какъ уже пришлось прибѣгнуть ко всеобщему прощенію долговъ, процентовъ и освобожденію отданныхъ въ услуженіе. Съ этого момента благосостояніе народа стало быстро расти. Само населеніе быстро прогрессируетъ. Іерусалимъ заново отстраивается и заселяется. Для военныхъ наборовъ Александра Великаго царство Іудейское становится неистощимымъ источникомъ.

Но вскорѣ съ распространеніемъ эллинизма въ Іудеѣ богачи и откупщики податей снова начинаютъ пренебрегать хозяйственными предписаніями Моисеева законодательства. Снова возникаютъ латифундіи, снова появляется задолженность и зависимость крестьянъ. Объ эксплуатаціи народа капиталомъ Іисусъ Сирахъ говоритъ: „Какой миръ возможенъ между гіеной и собакой, между богатымъ и бѣднымъ? Какъ лѣсные ослы въ степи становятся добычей львовъ, такъ и бѣдняки суть жертвы богатыхъ“. О предписаніяхъ синайскаго законодательства богатые не хотятъ и слышать. Какъ послѣдствіе этого, между ними возникаетъ антинаціональное движеніе въ пользу уничтоженія народной вѣры и національныхъ законовъ и воспріятія языческихъ обычаевъ. „Въ тѣ дни вышли изъ Израиля сыны беззаконные, и убѣждали многихъ, говоря: пойдемъ и заключимъ союзъ съ народами, окружающими насъ. И добрымъ показалось это слово въ глазахъ ихъ. Нѣкоторые изъ народа изъявили желаніе и отправились къ царю; и онъ далъ имъ право исполнять установленія языческія. Они построили въ Іерусалимѣ училище по обычаю языческому“ (I Маккав., гл. I).

Опираясь на это движеніе и пользуясь вызваннымъ имъ въ народѣ разногласіемъ, правитель Антіохъ Епифанъ издалъ приказъ,—подъ страхомъ смертной казни отказаться отъ исполненія Моисеевыхъ законовъ и соблюденія Моисеевой вѣры въ пользу языческихъ законовъ и языческихъ обычаевъ. „Многіе во Израилѣ согласились служить ему и приносили жертвы идоламъ и оскверняли субботу“. Заодно съ сирійцами былъ и богатый Алкимъ, добивавшійся уже продажнаго въ то время званія первосвященника. Когда же полчища сирійцевъ проникли въ Палестину и

объ этомъ узнали богатые израильтянскіе купцы изъ окрестности Эмауса, они взяли очень много серебра и золота и слугъ и пришли въ лагерь сирійцевъ, „чтобы купить сыновъ Израиля, какъ рабовъ“ (1 Макк., 3, 41). Обѣднѣвшій же средній классъ ушелъ съ Маккавеями въ пустыню, чтобы поднять тамъ знамя борьбы противъ враговъ закона и религіи отцовъ. Эта маленькая, но воодушевленная толпа освободила отечество отъ чужеземнаго ига и еще завоевала богатый пошлинами приморскій городъ Яффу. Богатые, вѣроятно, бѣжали со своими друзьями-сирійцами. Народъ возобновилъ союзъ съ Іеговой и возвратился къ хозяйственнымъ предписаніямъ Моисеева законодательства. Суббота и годы шемитты строго соблюдались. Проценты были запрещены. Черезъ каждыя семь лѣтъ всѣ долги прощались и всякая личная зависимость уничтожалась сама собой. Земледѣліе, благодаря преобладанію крестьянскаго землевладѣнія, снова расцвѣло. „Іудеи спокойно воздѣлывали землю свою, и земля давала произведенія свои, и деревья въ поляхъ—плодъ свой. Старцы, сидя на улицахъ, всѣ совѣщались о пользахъ общественныхъ, и юноши облекались въ пышныя и воинскія одежды. И сидѣли каждый подъ виноградомъ своимъ и подъ смоковницей своей, и никто не страшилъ ихъ“ (I Макк., 14, 8).

Новые внутренніе раздоры являются поводомъ для Рима вмѣшаться въ дѣла царства Іудейскаго. Палестина становится римской провинціей съ римскимъ провинціально-податнымъ устройствомъ и римской эксплуатаціей. Былъ введенъ и римскій цензъ, т. е. народосчисленіе и кадастръ для опредѣленія податной способности страны. Подушной подати подпали всѣ, даже женщины и рабы; только дѣти женскаго пола моложе двѣнадцати лѣтъ, а мужского моложе четырнадцати и старики были свободны отъ нея. Кромѣ того, взимался своего рода подоходный налогъ: со скотоводовъ часть стада, съ крестьянъ-земледѣльцевъ часть урожая (annona). Взимались также ввозныя и вывозныя пошлины. Насколько тяжела и ненавистна для всѣхъ была эта римская податная система, достаточно явствуетъ изъ того обстоятельства, что всякій, принимавшій въ ней участіе въ качествѣ откупщика или сборщика, считался безчестнымъ.

Не отстаютъ въ дѣлѣ эксплуатаціи отъ римлянъ и вліятельныя лица Іерусалима, какъ духовныя, такъ и свѣтскія. Торговля масломъ и хлѣбомъ принимаетъ прежніе размѣры. Цезарея становится торговымъ центромъ и средоточіемъ римской власти въ Палестинѣ. Вновь наступаютъ тяжелыя голодовки. Уже извѣстныя намъ экономическія явленія опять повторились и побудили апостола Якова, перваго епископа іерусалимскаго, воскликнуть: „Послушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бѣдствіяхъ вашихъ, находящихъ на васъ. Вы собрали себѣ сокровище на послѣдніе дни. Вотъ, плата, удержанная вами отъ работниковъ, пожавшихъ поля ваши, вопіетъ; и вопли жнецовъ дошли до слуха Господа Саваоѳа“ (Посланіе Якова, гл. 5). Богатые же и на этотъ разъ были друзьями римлянъ, какъ они раньше были эллинистами.

Могущество римской міровой имперіи было, очевидно, слишкомъ велико для того, чтобы вѣра въ національную будущность могла снова возбудиться и выступить на защиту интересовъ народа противъ капиталистическаго Рима и его друзей. Въ силу естественной реакціи протестъ принялъ формы коммунизма и анархизма. Почти

ни одинъ царь не умиралъ болѣе естественной смертью. Эссеи отвергали бракъ и частную собственность. Каждый, вступавшій въ это общество, отдавалъ все свое имущество въ общую кассу и получалъ изъ нея все необходимое для личнаго потребленія. Толпы недовольныхъ бродили по странѣ, нападали на богатыхъ и причиняли имъ всевозможный ущербъ. Убійство и грабежъ сдѣлались ремесломъ послѣ того, какъ трудъ болѣе не оплачивался. Разбойниковъ этихъ называли сикаріями по тѣмъ короткимъ кинжаламъ, которыми они были вооружены. Когда римскимъ намѣстникомъ сдѣлался жадный до денегъ Гессій Фларъ, сикаріи вошли съ нимъ въ сношенія, чтобы удобнѣе обирать богатыхъ сообща. Они отнимали у послѣднихъ поземельныя владѣнія и продавали ихъ другимъ. Чтобы придать законную силу такого рода способу передачи собственности, синедріонъ долженъ былъ издать распоряженіе, признающее такой способъ пріобрѣтенія. Распоряженіе это было названо закономъ сикаріевъ. Многіе изъ зажиточныхъ эмигрировали. Число безработныхъ и голодныхъ въ Іерусалимѣ росло. Въ одно время такихъ безработныхъ насчитывали 18.000 человѣкъ и потому просили намѣстника устроить для нихъ общественныя работы. Его при этомъ просили сдѣлать это на счетъ сокровищницы храма, цѣлость которой въ виду жадности намѣстника все равно не была обезпечена. Полусоціальная полуполитическая революція дала пролетаріату временное господство въ Іерусалима Месть народа обратилась прежде всего противъ ненавистныхъ ему богачей — друзей римлянъ, и уничтожила архивъ, въ которомъ хранились долговыя записи. Изъ Іерусалима возстаніе распространилось на всю страну. Запутанные въ долгахъ крестьяне были на сторонѣ воставшихъ противъ богатыхъ и римлянъ. Римъ вооружался. Іерусалимъ былъ разрушенъ, и іудейское государство навсегда уничтожено.

Проф. Руландъ.

* * *

Когда умолкнетъ день назойливо крикливый,
И ночь, ведя съ собой толпу эѳирныхъ сновъ,
Неслышно внизъ сойдетъ и съ лаской молчаливой
Разстелетъ надъ землей свой сумрачный покровъ, —
Съ волною сумрака въ окно мое влетаетъ
Неуловимый гость, безплотный легкій богъ,
И надо мной во тьмѣ невидимой витаетъ
И трепетнымъ крыломъ съ души моей свѣваетъ
Налетъ мучительныхъ томленій и тревогъ.
И вдругъ больная грудь поднимется привольно,
Какъ будто сбросивъ прочь неумолимый гнетъ,
И жгучая тоска уляжется невольно,
И злоба страстная смирится и заснетъ.
За полночь въ комнатѣ огня не зажигая,
Я въ уголъ изъ угла шагаю наугадъ,
И у окна стою, разсѣянно мечтая,
Вперивъ въ густую тьму глубокій долгій взглядъ.
Чѣмъ грудь моя полна, взволнованная смутно,
Какія странныя, несвязныя мечты,
Толпой причудливой встаютъ ежеминутно
Изъ нѣдръ таинственной полночной темноты?
У нихъ нѣтъ образовъ, нѣтъ очертаній ясныхъ,
Я ощущаю ихъ въ туманѣ смутныхъ грезъ,
Какъ отзвукъ голосовъ далекихъ, но прекрасныхъ,
Какъ слабый ароматъ давно увядшихъ розъ.
Но эти смутныя расплывчатыя грезы
Несутъ желанный миръ и сердцу и уму
И льются мягкія, непрошенныя слезы,
Какъ тихая роса, упавшая во тьму.
Когда-жъ вернется день съ его обычнымъ шумомъ,
Какъ часто въ омутѣ житейской суеты
Я предаюсь моимъ завѣтнымъ тайнымъ думамъ,
Я вспоминаю ихъ, тѣ смутныя мечты!
И вновь подавленный тоскою безъисходной,
Измученный трудомъ, истерзанный борьбой,
Я жадно ночи жду спокойной и свободной,
Обвитой сумракомъ, какъ ризой голубой.

В. Г.

Женихъ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

О. Василій ходилъ по комнатѣ и позѣвывалъ, крестя ротъ.

Духота изморила его. Онъ то садился въ изнеможеніи на старенькій диванчикъ и, сложивъ руки на животѣ, наблюдалъ, какъ мухи, одурѣвъ отъ жары, бились въ оконныя стекла, то снова принимался ходить по комнатѣ, опустивъ руки въ карманы засаленнаго подрясника,—совершенно не зная, куда себя дѣвать!

На улицѣ солнце жгло, палило...

Духота разливалась въ воздухѣ горячими струями, и даже малѣйшее движеніе вѣтерка не колебало за окномъ поблекшіе листья давно отцвѣтшей сирени. Длинная улица, видная изъ окна, была тиха и пустынна, какъ будто вымерла. Нигдѣ собака не тявкнетъ.Толстая дьячиха сидитъ на заваленкѣ, въ тѣни, и чешетъ волосы беззубымъ гребнемъ. Теленокъ лежитъ среди улицы... Свинья свалилась подъ старымъ плетнемъ, и лежитъ, словно дохлая, повернувшись къ солнцу грязнымъ бокомъ. Все вокругъ изнемогло отъ жары, мертво, безжизненно, вяло...

Тоска!..

— Лиза!..—зоветъ о. Василій.

Нѣтъ отвѣта.

— О Боже мой!.. Скучища какая!..—шепчетъ о. Василій, зѣвая во весь ротъ, и снова взываетъ:

— Лизынька!..

Кто-то соннымъ голосомъ, нехотя, отзывается изъ сосѣдней, совершенно темной комнаты.

— Хоть бы самоварчикъ, что ли, поставить, а?.. — говоритъ о. Василій, — жарко, скучно!..

Кто-то вздыхаетъ тяжело и сонно. Заспанный женскій голосъ говоритъ:

— Скажи Авдотьѣ: она поставитъ.

Идетъ о. Василій въ кухню.

Въ кухнѣ Авдотья сладко спитъ на лавкѣ и не слышитъ зова. Она запрокинула голову, широко открыла ротъ и тяжело всхрапываетъ. Мухи назойливо облѣпили ей лицо.

— Авдотья!..—тоскливо взываетъ о. Василій,—а Авдотья!..

Авдотья вскакиваетъ съ лавки и въ просонкахъ протираетъ глаза. Платокъ у ней сбился, волосы растрепались, щеки красны, какъ піонъ, а лицо со сна совершенно глупое. Она еще не проснулась и ничего не понимаетъ...

— Че-о?..—сонно шепчетъ она, силясь сообразить—гдѣ она и кто ее зоветъ.

— Поставь-ка, Авдотьюшка, самоварчикъ!..—говоритъ о. Василій,—жарко что-то, хоть чайкомъ освѣжиться.

Авдотья тяжело и сонно вздыхаетъ, позѣвываетъ, вяло поправляетъ съѣхавшій платокъ, потомъ нехотя принимается ставить самоваръ. Она съ озлобленіемъ вытряхиваетъ самоваръ, шумно наливаетъ въ него воду, гремитъ трубой, какъ будто на всѣхъ предметахъ, которые попадаются ей подъ руку, хочетъ сорвать свой великій гнѣвъ за „духотищу“. Между тѣмъ о. Василій, сдѣлавъ распоряженіе, повертывается, чтобы вновь идти въ душную зальцу и ходить по ней, опустивъ руки въ карманы, въ ожиданіи самовара. Но въ это время онъ замѣчаетъ кого-то у дверей. Кто-то стоитъ тамъ у притолки.

— Ко мнѣ?—спрашиваетъ о. Василій.

— До тебя, батюшка, пришелъ!—говоритъ кто-то и выходитъ поближе къ свѣту. Оказывается—мужичонко тощій, одноглазый, на кривыхъ, какъ дуги, ногахъ, въ одежонкѣ, настолько истрепавшейся подъ вліяніемъ времени и непогодъ, что она давнымъ-давно утратила свой первоначальный цвѣтъ и кажется составленной изъ многочисленныхъ заплатокъ. Лицо у мужичонки испитое, съ какимъ-то тупымъ, безсмысленнымъ, какъ будто деревяннымъ выраженіемъ. Не то глупость, не то забитость, соединенная съ дурью и отчаянностью, запечатлѣлись на этомъ лицѣ.

Складываетъ руки ладонями внизъ, говоритъ:

— Благослови, батюшка!..

И принявъ благословеніе, начинаетъ:

— Мы до тебя, батюшка... Яви божескую милость: обвѣнчай!..

— Можно!.. Да ты чей же?.. Не знаю я тебя...

— Здѣшни... Недалеко въ переулочкѣ туто-ка живемъ... Косыхъ... Какъ же: здѣшняго прихода... Меня Павломъ звать, а невѣсту Лукерьей...

— И родился здѣсь?

— Мы исконп здѣшни... Только ты, батюшка, не препонь... Потому, по закону!..

— Зачѣмъ препонить... Ты у кого берешь-то?

— Лукерью мы беремъ...

— Изъ чьей семьи?..

— Сама по себѣ она... Безъ мужа живетъ.

— Вдова?

— Мы про это не знаемъ... А только ты, батюшка, по закону!..

О. Василью вдругъ чего-то весело стало...

— Какъ же ты не знаешь, вдова ли, дѣвица ли?—засмѣялся онъ...—Вотъ чудакъ-то!..

Мужичонко переминался съ ноги на ногу и косилъ глазомъ куда-то въ уголъ, гдѣ толстый поповскій котъ возился съ масломъ.

— Можетъ быть, дѣвица?—допытывался о. Василій.

Мужичонко отрицательно мотнулъ головой.

— На манеръ вдовы выходитъ!..—сказалъ онъ.

— Чудакъ!.. Вдова, такъ и говори вдова... Чья?..

— Купріянова... Купріяновъ у ней мужъ-то...

— Какъ мужъ?.. Вѣдь онъ умеръ, говоришь?..

— Мы объ этомъ неизвѣстны...

— Да ты чего чудишь-то, заблудшая душа! Какъ же тебѣ неизвѣстно, живъ ли, умеръ ли у ней мужъ!..

— Нѣтъ у ей мужа!..

— Умеръ, такъ конечно нѣтъ... Хе-хе!.. Вотъ чудакъ-то!.. Да ты совсѣмъ чудакъ, Павелъ, заблудшая душа!

— Этого мы не можемъ знать... А только ты, батюшка, повѣнчай... Чтобы по закону, безъ всякаго баловства...

— Безъ баловства?.. Ха-ха!.. Ладно, ладно!..

О. Василій совсѣмъ развеселился.

— Вотъ что, другъ,—сказалъ онъ,—сходи къ о. дьякону, попроси его въ метрикахъ справиться. Скажи, батюшка, молъ, велѣлъ.

— Можно... Къ о. дьякону?..

— Да, да...

— Сходимъ... что же... это можно!.. А только ты, батюшка, повѣнчай!..

— Ладно, ладно!..

— Чтобы по закону!

Мужичонко неловко повернулся на кривыхъ ногахъ, отдавилъ хвостъ коту, запнулся за порогъ и исчезъ.

О. Василью стало еще веселѣй.

Сонная улица уже не казалась ему такою скучною.

— Вотъ чудакъ-то, заблудшая душа!.. Ну, и чудакъ!..—посмѣивался онъ самъ себѣ, проходя въ душную зальцу.—Женихъ!.. Хе-хе-хе!.. И какъ все это у нихъ моментально: пріѣхалъ съ поля, зашелъ къ сосѣду, сосваталъ,—и къ попу: повѣнчай, батюшка!..

И о. Василій колыхалъ животомъ въ беззвучномъ смѣхѣ!...

— Лизынька!..—позвалъ онъ попадью, желая подѣлиться съ нею веселымъ впечатлѣньемъ.

Попадья въ зальцѣ собирала на столъ: звенѣла чашками и стаканами. Она была съ просонокъ не въ духѣ. На разсказъ о. Василья она даже не улыбнулась.

— Шляются, безпокоятъ!..—съ негодованіемъ сказала она, поправляя передъ зеркаломъ наколку,—а вотъ курицы, мотри-ка, не принесъ?..

О. Василій оторопѣлъ отъ такого резоннаго соображенія и принужденъ былъ сознаться:

— Нѣтъ!..

— То-то!.. Это они забываютъ!..

О. Василій пожалъ плечами.

— Принесетъ, будетъ время, и курицу!..—сказалъ онъ.

И опять показалась ему скучною деревенская улица...

II.

Дьяконъ, маленькій, черненькій, кудластый, въ старомъ, короткомъ подрясничкѣ, болтавшемся на немъ, какъ на вѣшалкѣ, вошелъ въ комнату на цыпочкахъ, помолился въ передній уголъ и поклонился хозяевамъ.

— Чай да сахаръ!—произнесъ онъ отрывистымъ баскомъ, оттопыривая губы.

— Съ нами кушать!..—пѣвуче протянула матушка, для чего-то прищуренными глазами смотря на дьякона, что такъ не шло къ ея старообразному лицу.

— Стаканчикъ съ нами, о. дьяконъ... Садитесь-ка!..—приглашалъ о. Василій...—Лизынька, налей-ко дьякону имянинный...хе-хе...

Дьяконъ былъ шутникъ, и всегда шутилъ однѣми и тѣми же шутками, которыя давно всѣ знали наизусть.

— Я не пью!—сказалъ онъ серьезнымъ баскомъ, оттопыривая губы.

— Чаю-то?

Дьяконъ мотнулъ головой.

— Не пью!

— Отчего жъ такъ? — притворялась матушка, наливая тѣмъ не менѣе чай.

Дьяконъ скосилъ голову на бокъ.

— Грѣхъ!..—буркнулъ онъ обрывисто.

— О. дьяконъ!.. Да какой же въ чаю грѣхъ?

— Понедѣльничаю!..

— Заплутался дьяконъ!—смѣялся о. Василій:—сегодня вѣдь четвергъ!

— Все равно!.. чай да кофій,—кромѣ табаку,—третья картофель—смертный грѣхъ!

— Въ табакѣ-то, мотри-ка, пуще грѣхъ, нечѣмъ бы въ чаю или кофею!—смѣялась матушка, щуря глаза.

— Въ табакѣ-то?.. Какой грѣхъ?—удивился дьяконъ.—Нѣтъ грѣха! Въ Писаніи сказано: „и пріиде и воскури“...

— Да вѣдь то фиміамомъ?..

— Все равно!..

Не взирая на такія грозныя рѣчи, дьяконъ присаживается къ столу и начинаетъ потягивать съ блюдечка горячій чай, приговаривая:

— Горя-чо!.. Какъ его татары-то пьютъ, ужъ нашему брату Богъ велѣлъ...

И выпивши стаканъ, пока матушка наливала другой, онъ обратился къ о. Василью, подмигнувъ многозначительно:

— Жениха-то видали?

— Да, да!.. о. дьяконъ!—вспомнилъ о. Василій.—Вотъ намъ по лѣтнему времени и доходишко наплываетъ... Свадьба!.. Былъ онъ у васъ?

Дьяконъ беззвучно и многозначительно смѣется нѣкоторое время, потомъ роняетъ какъ будто нехотя:

— Бы-лъ!..

— Ну, что же?.. Справлялись? Лѣта выходятъ?

— Чего справляться-то... Справляться-то нечего!.. Дурятъ они!

— Аль у невѣсты лѣта не выходятъ? Вѣдь вдова она...

— Еще когда будетъ!.. У ней мужъ здоровехонекъ...

О. Василій даже на диванѣ подпрыгнулъ.

— Какъ такъ?—вскричалъ онъ.

— Да такъ вотъ... Мужъ живъ, а они вѣнчаться вздумали...

— Чего жъ это они чудятъ, заблудшія души!

— А чего дуракамъ дѣлать! На стѣну лѣзетъ, говоритъ: повѣнчай!.. Ни на какіе резоны не сдается. Мы ужъ и то съ дьяко-

ницей похохотали надъ нимъ... Настоящее дерево,—ничего не понимаетъ... Смѣхота! Овца—народъ!

— Экая дичь!.. Экая дичь!.. — качалъ головой о. Василій. — Ну, и дичь! Уговорили его? Ушелъ онъ?

Дьяконъ многозначительно прищурилъ глазъ.

— Какъ бы не такъ!..—сказалъ онъ,—поговорите-ка сами съ нимъ... Въ кухнѣ дожидается...

О. Василій, допивши стаканъ, пошелъ въ кухню, а дьяконъ остался съ матушкой, которая пѣвуче стала жаловаться дьякону, что нынѣшній народъ совсѣмъ испортился и духовныхъ не почитаетъ...

При этомъ она еще болѣе щурила глаза...

III.

Мужичонко стоялъ у притолки.

Когда о. Василій вошелъ въ кухню, онъ переругивался съ Авдотьей. Та насмѣшливо говорила ему что-то, а онъ горячо возражалъ ей, взмахивая руками, какъ подшибленными крыльями.

— Бабы и есть!.. Чего вы понимаете... Бабы! Одно слово: бабы! Бабье!—ораторствовалъ онъ, весь ерошась отъ негодованія, переполнявшаго его, повидимому, отъ авдотьиныхъ рѣчей. Но негодованіе, заставлявшее его подпрыгивать на жидкихъ и хромыхъ ногахъ, взмахивать руками и хорохориться, еще болѣе оттѣняло его убогость... Какую-то заморенную птицу напоминалъ онъ, съ общипанными перьями и перебитыми крыльями, суетливую, безпокойную, но въ то же время безнадежно глупую. Авдотья не безъ основанія окрестила его „заморышемъ“.

— Нишкни ты, заморышъ!.. — говорила она, — чего расшумѣлся,—видишь, батюшка идетъ... Воинъ!.. Аника храбрая!..

Воинъ тотчасъ вытянулся, насколько могъ, при видѣ батюшки, опустилъ руки по швамъ и сдѣлалъ деревянную физіономію.

— Заблудшая душа!—сказалъ батюшка, выходя въ кухню,— пришелъ?

— Пришелъ! — отвѣтилъ Павелъ и, сдѣлавъ два шага къ батюшкѣ, сложилъ руки ладонями внизъ,— благослови, батюшка!..

— Не такъ!—поправилъ ему руки о. Василій и, наскоро благословивши, сказалъ: — какъ же это ты, Павелъ, заблудшая душа, на чужой-то женѣ жениться захотѣлъ? Ну-ка, скажи мнѣ... Женихъ!

— По закону, батюшка!..—отвѣчалъ Павелъ, сохраняя невозмутимо-деревянное выраженіе лица.

— А гдѣ ты, мудрецъ, законъ такой отыскалъ, чтобы на чужой женѣ отъ живого мужа жениться?..—весело допрашивалъ батюшка, видимо забавляясь чудачествомъ Павла.

Но Павелъ былъ непроницаемъ для шутокъ.

— Не препятствуй, батюшка,—говорилъ онъ,—никакъ невозможно... потому—законъ!.. Никакъ нельзя...

— Да чего нельзя-то, заблудшая душа?..

— Законъ!..—стоялъ на своемъ Павелъ,—чтобы безъ баловства безъ этого... Повѣнчался божьимъ манеромъ и сиди!... Не препятствуй, батюшка?

— Какой же ты безпонятный!..—сказалъ о. Василій.—Въ лѣсу что ли ты жилъ?.. Ну какъ же я тебя повѣнчаю, — разсуди... Вѣдь мужъ у Лукерьи живъ?..

— Объ этомъ мы неизвѣстны...

При такомъ отвѣтѣ о. Василій развелъ руками.

— Ничего не понимаю!..—сказалъ онъ и, заглянувши въ комнаты, позвалъ дьякона.

Дьяконъ отозвался: „азъ есмь!..“ и вышелъ, прожевывая ватрушку.

— Не пойму я этого мудреца!..—указалъ о. Василій на Павла...

Дьяконъ оттопырилъ губы.

— Да чего его понимать-то!.. Понимать-то нечего... Слушайка, Павелъ, о чемъ ты хлопочешь?..

— Въ законъ произойти, о. дьяконъ.

— Да вѣдь, чудо преестественное!.. живъ мужъ-то у Лукерьи али нѣтъ?..

— Объ этомъ мы неизвѣстны...

— То-то и есть!.. Неизвѣстны... А кабы извѣстны были,— сейчасъ бы въ церковь, да и затягивай: Исаія, молъ, ликуй... Раба, молъ, Павла на рабѣ Лукерьѣ повѣнчай, Господи...

— Такъ точно... повѣнчай!..—пресерьезно мотнулъ Павелъ головой, не понявши дьяконовой шутки.

И дьяконъ, и о. Василій засмѣялись, а Авдотья злобно фыркнула у печи.

— Чудо преестественное!..—смѣялся дьяконъ, закуривая папиросу,—вотъ и поговори съ нимъ съ такимъ...

— Да гдѣ же мужъ-то лукерьинъ, не пойму я?..—сказалъ батюшка.

— Шатущій онъ,—отозвалась тутъ у печки Авдотья, очевидно достаточно освѣдомленная о павловыхъ дѣлахъ,—въ голодный годъ на заработки ушелъ, да вотъ четвертый годъ и колобродитъ по бѣлу-то свѣту, — въ кои-то вѣки вѣсточку о

себѣ дастъ... Непутевый онъ, шатунъ... Счастье ей, Лукерьюшкѣ, на неудобныхъ-то!..

Павелъ вдругъ взъерошился и замахалъ руками.

— Никакъ невозможно!..Законъ!..—волновался онъ,—законное дѣло!.. Четвертый годъ!.. Пшеницы-то моей болѣ ста пудовъ ушло!.. Деньги аль нѣтъ?

— Какой-такой пшеницы?..—удивился о. Василій.

Павелъ не слушалъ.

— Теперича Гаранька—ротъ аль нѣтъ?..—оралъ онъ,—четвертый годъ!.. Законное дѣло!.. Теперича Марѳа Миколавна кажинную зиму!.. Какъ это по закону-то?.. А ты не балуй,—потому законъ!.. Горбъ-отъ собственный,—вотъ что!..

Павелъ горячился, волновался, но о. Василій и дьяконъ ничего не понимали. Одна Авдотья была, повидимому, въ курсѣ дѣла.

— Законъ!..—презрительно сказала она, сметая муку въ корыто,—да работала она четыре-то года, али нѣтъ?

— А жратва чья была?..—оралъ Павелъ.

— Жра-тва!.. протянула Авдотья.—Работа была и жратва была... За работу и жратва! А ты пряжу-то не считаешь?.. За пряжу-то кому деньги шли?..

Павелъ, повидимому, выходилъ изъ себя.

— Много ль ее, пряжи-то!.. Бабы!.. Поплевала на пальцы, повертѣла вертеномъ... А тутъ—горбъ...

— А у ей въ страду-то не горбъ?!. Воинъ!..

— А пшеница-та?.. Сто пудовъ—не въ бороду плюнуть!

— Кто ихъ учиталъ!..

Павелъ не сдавался...

— Опять же Гаранькина жратва,—кричалъ онъ,—Марѳа Миколавна кажинную зиму на печи сидитъ...

— Беззубыхъ-то не кори... Убога вѣдь, куда ей дѣваться...

— Беззубый, да ротъ!.. вотъ что!... Четвертый годъ!.. Тутъ, братъ, не моги... тутъ—законъ!.. Вотъ что!..

Павелъ выходилъ изъ себя. Онъ былъ въ такомъ возбужденіи, что, повидимому, если бы не присутствіе духовныхъ особъ, бросился бы на Авдотью, какъ на лютаго врага. Авдотья, въ свою очередь, находилась не въ меньшемъ возбужденіи, словно дѣло касалось ея собственныхъ интересовъ. О. Василій и дьяконъ рѣшительно ничего не понимали и только переглядывались между собою въ недоумѣніи.

— Постойте-ка, заблудшія души!..—сказалъ, наконецъ, о. Василій,—я все-таки ничего у васъ не пойму... Ты, Авдотья, какіе счеты завела?

— Какъ, батюшка, не вступиться тутъ!..—загорячилась Авдотья...—Кому за нашу-то сестру и вступиться!.. Онъ вотъ заморышъ, а поди-ка куда гнетъ!.. Воинъ!.. Она, Лукерьюшка-то, на его, воина, четыре года работала: мы вѣдь это доподлинно знаемъ... рученокъ бѣлыхъ не покладала...

— Въ работницахъ жила у него?..—догадался о. Василій...

Авдотья въ негодованіи сунула ухвать въ печку, хотя, повидимому, въ этомъ и не представлялось необходимости, потому что она его сейчасъ же вынула и скорѣе бросила, чѣмъ поставила въ уголъ.

— Разберешь ихъ, кто у кого въ работникахъ-то жилъ!..—сказала она съ сердцемъ,—путала пута, да не все еще, мотри-ка, запутала!..

О. Василій только руками развелъ.

— Ничего не пойму!..—разсмѣялся онъ.

А дьяконъ добавилъ:

— Тутъ и самъ о. Ѳедотъ ничего не разберетъ... Ѣхали на меринѣ гнѣдомъ, а пріѣхали на палочкѣ верхомъ!..

Между тѣмъ Павелъ совсѣмъ взъерошился и налеталъ на Авдотью чуть не съ кулаками.

— Я ее четыре-то года кормилъ аль нѣтъ?—оралъ онъ, ужъ не обращая вниманія и на присутствіе духовныхъ.

— Не ори!..—обрывала Авдотья, сердито орудуя въ печкѣ лопатой.

Но Павелъ не унимался.

— Нѣтъ, ты скажи,—налеталъ онъ,—кормилъ я ее, аль нѣтъ? И ее кормилъ, и Гараньку кормилъ, и Марѳу Миколавну кормилъ!.. кажинную зиму!.. А она теперь что задумала, а? Въ тѣ поры, мужъ-то у ней ушелъ,—она голодомъ сидѣла! Я ей въ тѣ поры двадцать пудовъ далъ... Въ тѣ поры я ей избу поправилъ!.. А насупрать того, что выходитъ?.. А? Бабы!.. Бабье!.. По закону-то какъ надо? Въ тѣ поры она сама говоритъ: „Павелъ!.. давай вмѣстѣ жить, какъ мужъ съ женой...“ Четвертый годъ!..

— Такъ вотъ она въ чемъ исторія-то!..—вскричалъ о. Василій, понявши, наконецъ, въ чемъ дѣло...—Ты съ ней жилъ, заблудшая душа?

— Такъ точно... жилъ!..—отвѣчалъ Павелъ.—Мы на сводахъ жили... Четвертый годъ! А теперь она замужъ задумала! Развѣ это законъ? Окажи божескую милость, батюшка, повѣнчай насъ!..

— Заблудшій!..—расхохотался о. Василій.—Какъ же я тебя на чужой женѣ повѣнчаю, разсуди!..

— Мы съ ней четвертый годъ... какъ мужъ съ женой!..—

настаивалъ Павелъ...—А она теперича за Пузыря замужъ уйти задумала?

— Это еще что за Пузырь?.. Откуда взялся такой?..

— Ванька Пузырь,—мельникъ... Теперича онъ Лукерью соблазняетъ повѣнчаться съ нимъ... У нихъ ужъ дѣло рѣшено...

— Ничего не понимаю!..—развелъ о. Василій руками, въ недоумѣніи смотря на дьякона, который пожималъ плечами и оттопыривалъ губы, показывая тѣмъ свое непониманіе...—Да ты за кого хлопочешь-то, заблудшій,—за себя, аль за Пузыря?..

— Конечно, что за себя!.. Она, Лукерья-то, за Пузыря уйти хочетъ, а только ты, батюшка, съ Пузыремъ ее не вѣнчай, а обвѣнчай со мной... Я ее четыре года кормилъ-поилъ... Чтобы по закону было дѣло, безъ баловства...

— Наконецъ-то разъяснилось дѣло!..—смѣялся о. Василій...—Ну, и простота ты, Павелъ,—погляжу я на тебя, заблудшая ты душа...

И, посмѣявшись еще надъ Павловой простотой, о. Василій сказалъ:

— Вотъ что, Павелъ... Выслушай меня хорошенько и запомни... У Лукерьи мужъ есть, стало быть повѣнчать ее ни съ кѣмъ нельзя,—ни съ тобою, ни съ Пузыремъ... Такъ это ты и знай, и не хлопочи понапрасну... А теперь ступай съ Богомъ домой.

Павелъ вдругъ со всѣхъ своихъ хромыхъ ногъ грохнулся на полъ.

— Отецъ!..

— Что ты, что ты, заблудшій, встань!..—поднималъ его о. Василій...

Но онъ не вставалъ и говорилъ:

— Повѣнчай!.. Яви божескую милость!.. Уйдетъ она отъ меня...

— Встань, говорятъ... не люблю я этого!..—сдѣлалъ батюшка видъ, что сердится... — Русскимъ я тебѣ языкомъ сказалъ: нельзя,—стало быть, нельзя... Въ лѣсу что ли ты росъ... этакій неразумный!..

Павелъ поднялся и вдругъ, ни слова не говоря, поспѣшно вышелъ въ сѣни. Онъ оттуда вернулся сейчасъ же и съ мѣшкомъ въ рукахъ... Запустивъ въ мѣшокъ руку, онъ вытащилъ связанную курицу, которая билась и кричала какъ зарѣзанная.

— Держи, батюшка!.. — протянулъ онъ о. Василью курицу, махавшую крыльями съ отчаяннымъ крикомъ, — держи, а то вырвется...

Но курица уже вырвалась,—полетѣла, стукнулась въ раму и свалилась на полъ... Авдотья бросилась ее ловить... Курица

кричала дикимъ крикомъ... а Павелъ кланялся о. Василью и говорилъ:

— Батюшка!.. Сдѣлай милость божескую... Повѣнчай!..

Батюшка развелъ руками и хлопнулъ себя ими...

— Видѣли?..—сказалъ онъ дьякону.

И они до слезъ хохотали...

Видя, что и послѣднее его средство не подѣйствовало, Павелъ ужъ больше не настаивалъ. Онъ ушелъ, впрочемъ, повидимому, далеко не убѣжденный...

— А съ Пузыремъ не повѣнчаешь, батюшка?..—спросилъ онъ, уходя.

— Да нѣтъ же, нѣтъ, заблудшій!..—смѣялся о. Василій,—ни съ кѣмъ нельзя вѣнчать...

Отъ курицы о. Василій отказался.

— Возьми, возьми,—говорилъ онъ,—Авдотья, отдай ему... За что же мнѣ ее, курицу-то, коль вѣнчать нельзя...

— За безпокойство!..—вставилъ какъ-то нехотя дьяконъ, оттопыривая губы.

Но о. Василій только засмѣялся...

— Какое тамъ безпокойство!.. По нашей-то скучищѣ да этакое веселье дороже курицы...

Дьяконъ строго погрозилъ Павлу пальцемъ...

— А безпокоить больше духовныхъ не смѣй... Сказано: нельзя вѣнчать, и нельзя!..

И дьяконъ пошелъ къ дому, повторяя Павлу вслѣдъ:

— Чудо преестественное!...

IV.

Прошло два дня.

Была суббота и о. Василій служилъ вечерню. Благодаря тому, что о. Василій цѣлый день пробылъ на полѣ, вечерню пришлось служить затемно. Въ церковь пришло лишь двѣ старушонки. Церковь погружена была во мракъ, потому что Михѣичъ зажегъ только два огарышка. Дьякона не было и вмѣсто него „правилъ“ вечерню любитель изъ молодыхъ, читавшій быстро, дискантомъ и перевиравшій почти каждое слово. Читая, онъ водилъ по книгѣ пальцемъ, въ другой рукѣ держа огарышекъ, захлебывался, торопился,—а „Свѣте Тихій“ пропѣлъ такимъ тончайшимъ голосомъ, что привелъ въ умиленіе старухъ.

— Какъ анделъ на небеси!..—умилялись старухи.

Послѣ вечерни любитель чуть не сшибъ старухъ на паперти и побѣжалъ куда-то бѣгомъ. Старухи долго еще набожно крестились на церковь и поплелись по домамъ, опираясь на клюшки.

Церковь опустѣла...

О. Василій уже собирался уходить домой, какъ передъ нимъ, въ тѣни притвора, выросла темная фигура.

— Кто это?..—спросилъ о. Василій, натолкнувшись на фигуру...

И сразу же узналъ ее.

— Это ты, Павелъ?

— Я, батюшка... благослови, батюшка!—отвѣтилъ знакомый голосъ.

О. Василій благословилъ и сказалъ:

— Что это ты тутъ, заблудшій, дѣлаешь?..

— До тебя пришелъ, батюшка... Исповѣдуй меня!..

О. Василій удивился...

— Что это ты вздумалъ исповѣдываться?—спросилъ онъ.

Но когда Павелъ объяснилъ ему, почему онъ вздумалъ исповѣдываться, о. Василью показалось, что онъ ослышался.

— Что ты сказалъ?..—испуганно вскричалъ о. Василій.

Но Павелъ спокойно повторилъ свой отвѣтъ:

— Давиться хочу... Исповѣдуй меня, батюшка... Задавлюсь!..

О. Василій помолчалъ.

— Да ты съ ума сошелъ!—сказалъ онъ наконецъ.

Тутъ же онъ замѣтилъ, что Павелъ выпивши и не твердо держится на ногахъ. Онъ сталъ упрекать Павла, совѣтовалъ ему проспаться и не думать о глупостяхъ.

Но Павелъ стоялъ на своемъ.

— Исповѣдуй, отецъ!..—повторялъ онъ.—Лукерья ушла отъ меня къ Пузырю... Ты, говоритъ, кривоногой чортъ, и я съ тобой жить не хочу... А мы какъ мужъ и жена... Четвертый годъ!.. Я ее съ сыномъ да съ матерью кормилъ... поилъ... Я вѣдь ее вотъ какъ... любилъ-то то-есть...

Въ голосѣ Павла послышались какъ будто слезы.

— Исповѣдуй меня!..—возвысилъ онъ голосъ.—Задавлюсь!..

О. Василій замахалъ руками на Павла.

— Павелъ!.. Павелъ!.. Очнись, душа заблудшая!.. Что ты говоришь, разсуди-ка! Это въ тебѣ водка говоритъ... Проспаться тебѣ надо!.. Ахъ ты!.. Ахъ ты, душа заблудшая!..

И онъ опять принялся убѣждать Павла.

Но Павелъ не сдавался ни на какія убѣжденія.

— Напутствуй душу, отецъ!..—повторялъ онъ,—все одно задавлюсь... Не жить мнѣ безъ Лукерьи...

О. Василій не зналъ, что дѣлать.

Сторожъ Михѣичъ, видя батюшкино затрудненіе, налетѣлъ было на Павла со словами:

— Ты что это, а?.. Налилъ зеньки-то, да въ храмъ Божій священника безпокоить?..

Но о. Василій благоразумно замѣтилъ Михѣичу, что это не его дѣло, и сказалъ Павлу:

— Ну, иди, заблудшій... исповѣдую... чтобы смягчилъ Господь душу твою...

И о. Василій пошелъ въ алтарь. Тамъ онъ надѣлъ старенькій эпитрахиль, и съ крестомъ вышелъ къ аналою.

Сторожъ тѣмъ временемъ зажегъ предъ аналоемъ свѣчу.

О. Василій возвелъ очи горѣ, вздохнулъ и сказалъ:

— Ну, подойди, рабъ... Кайся Господу...

И началась исповѣдь.

Огарышекъ бросалъ тусклые блики на аналой, на фигуру о. Василья и исповѣдника, а вся церковь была погружена въ молчаливый мракъ.

Ночь смотрѣла въ окно.

Вскорѣ исповѣдь кончилась.

Павелъ метнулся въ ноги батюшкѣ, поцѣловалъ крестъ, положилъ на аналой копеечку и, ни слова не говоря, заковылялъ по церкви на своихъ хромыхъ ногахъ къ выходу.

Сторожъ проворчалъ ему вслѣдъ что-то вродѣ „пьяницы", а о. Василій размышлялъ, разоблачаясь:

— Что вѣдь не бываетъ!.. Охо-хо, грѣхи, грѣхи... Силенъ сатана!..

И онъ позвалъ Михѣича...

— Михѣичъ... Слышалъ!..

— Какъ не слыхать!..—негодовалъ Михѣичъ.

— А что какъ и на самомъ дѣлѣ, а?..

— Не извольте безпокоиться, батюшка... Не того лѣсу полѣно!..

О. Василій успокоился. Михѣича онъ считалъ за весьма благоразумнаго человѣка и вполнѣ ему довѣрялъ...

Однако, на этотъ разъ Михѣичъ ошибся.

V.

Заря давно потухла.

Прохладныя вечернія сумерки смѣнила темная ночь. На небѣ

ярко разгорѣлись звѣзды. Природа заснула сладкимъ сномъ, нѣжась въ прохладѣ ночи, такъ ощутительной послѣ знойной дневной духоты. Рѣка чуть струилась въ камышахъ, а лѣсъ за нею высился темною, молчаливою массой и темной тѣнью отражался въ рѣкѣ. Поле спало, окутанное влажнымъ, благоуханнымъ и таинственнымъ сумракомъ. Длинная сельская улица была тиха. Ни огонька нигдѣ, ни звука, ни шороха,—все спитъ, забывшись въ сладкомъ снѣ.

Но вотъ гдѣ-то собака пролаяла, шаги прозвучали, гдѣ-то въ ставень забарабанили.

О. Василій давно окончилъ свои вечернія правила и теперь спалъ въ своемъ маленькомъ кабинетикѣ на старенькомъ диванѣ. Онъ уснулъ, какъ только легъ: въ этомъ была его завидная особенность, которою онъ даже хвастался передъ пріятелями. Во снѣ о. Василій увидалъ прежде всего преосвященнаго, который неизвѣстно откуда взялся передъ о. Васильемъ и началъ прямо со строгаго выговора. За что собственно былъ выговоръ, о. Василій не понялъ, но его привела въ ужасъ резолюція...

— Въ монастырь!..—строго говорилъ преосвященный, грозя сухимъ и длиннымъ пальцемъ,—а потомъ на псаломщицкую вакансію...

О. Василій собирался уже пасть въ ноги преосвященному, какъ стукъ въ окно разбудилъ его, прервавъ сонъ на самомъ интересномъ мѣстѣ.

Сначала о. Василій ничего не могъ сообразить въ темнотѣ, и пришелъ въ себя только тогда, когда со двора послышался голосъ Михѣича:

— Батюшка... А батюшка!..

— Что, что такое?..—заговорилъ о. Василій,—что тамъ случилось?.. Это ты, Михѣичъ?..

— Я... Неблагополучно у насъ, батюшка...

— Открой-ка ставень!..—распорядился о. Василій.

Онъ торопливо надѣлъ подрясникъ и, когда Михѣичъ открылъ ставень, распахнулъ окно, выходившее въ садъ.

Ночь пахнула въ окно прохладой... Сильно запахло резедой и черемухой...

Михѣичъ заговорилъ:

— Что батюшка, дѣлать-то?..

— Ну?

— Вѣдь Павелъ-то и впрямь задавился!..

О. Василій даже отъ окна отскочилъ и закрестился.

— Съ нами крестная сила!.. Грѣхъ-то какой... Какъ это случилось?..

Михѣичъ сталъ разсказывать, стараясь говорить негромко:

— Видишь, дѣло-то какое, батюшка!.. Лукерьинъ Гаранька недѣлю-то пробылъ у конскаго табуна, и не зналъ, что Лукерья къ мельнику ушла. Прискакалъ онъ отъ табуна за хлѣбомъ, зашелъ въ избу, кличетъ Лукерью, Павла, — никто не отзывается. Покликалъ - покликалъ онъ такъ-то, — да и думаетъ: дай-ко спичку запалю, со спичкой виднѣе дѣло будетъ... Шаркнулъ онъ спичкой, да и поводитъ ей этакъ-то на печь... Смотритъ, смотритъ,—никого нѣту на печи. Да глянулъ этакъ въ уголъ,— стоитъ кто-то... Извѣстно, парень—малышъ... испугался... — Дядинька! — кричитъ...—Ты чего же, я тебя зову,— не откликаешься!.. Да какъ глянулъ ему лицо-то попристальнѣе,—видитъ: удавленникъ виситъ... Выбѣжалъ парень на улицу, благимъ матомъ оретъ... Конечно что сейчасъ сосѣди сбѣжались, зашли въ избу, зажгли свѣтъ, смотрятъ,—а онъ, Павелъ-то, на палатной перекладинѣ на кушакѣ и виситъ.

— Грѣхъ-то!.. Грѣхъ-то!..—шепталъ о. Василій въ волненіи.— Что же, сняли его?

— Какъ же! Дѣдушка Каллистратъ говорилъ было,—какъ бы, дескать, за самоуправство не отвѣтить передъ становымъ, да потомъ разсудили, — можетъ еще душа съ тѣломъ не разсталася, отдходить можно,—и сняли.

— Задохся, ай нѣтъ?

— То-то не разобрать!.. Дышать — не дышитъ, а какъ будто не мертвый... Меня до васъ и послали: сходи, говорятъ, Михѣичъ, къ батюшкѣ, можетъ они по наукѣ тамъ чего знаютъ...

— Да вѣдь я чего же? — задумался о. Василій... — Развѣ молитву отъ злого духа прочитать...

— Слѣдуетъ!—резонно произнесъ Михѣичъ.—Не иначе, какъ его бѣсъ обуялъ.

— Ну, погоди,—я сейчасъ...

О. Василій затеплилъ свѣчку, поспѣшно обулся, надѣлъ скуфейку, завязалъ шею шарфомъ, отыскалъ требникъ съ нужною молитвой и, завернувъ его вмѣстѣ съ крестомъ въ старенькій, полуизорванный эпитрахиль, потушилъ свѣчку и вышелъ на крыльцо.

Ночь была темна, улица тиха и пустынна.

Село спало глубокимъ сномъ, окутанное влажнымъ полуночнымъ мракомъ... Шаги гулко отдавались въ тишинѣ и гдѣ-то вяло пролаяла потревоженная ими собака. Ее поддержалъ звонкимъ тявканьемъ на сосѣднемъ дворѣ молодой щенокъ... И опять все смолкло...

Только звѣзды мерцали... высоко... высоко...

Пройдя улицу, ночные путники свернули въ глухой переулокъ, упиравшійся въ оврагъ, внизу котораго журчала рѣчка. Павлова избушка стояла надъ самымъ обрывомъ. Изъ единственнаго окна ея, выходившаго на улицу, пробивался свѣтъ, внутри слышались голоса.

— Живъ?.. Отошелъ?..—спросилъ о. Василій тревожнымъ полушопотомъ, войдя въ избу черезъ низенькую дверь, причемъ ему пришлось сильно нагнуться, входя, чтобы не ушибить голову.

Передъ батюшкой всѣ разступились.

— Очухался, мотри-ка!—дребезжащимъ голосомъ проговорилъ старый, столѣтній старичишка съ трясущейся лысой головой... Онъ упирался на толстую, сучковатую палку и дребезжалъ,—не успѣлъ, мотри-ка, сатана душой хрестьянской завладѣть... Не попустилъ Господь!..

Присутствующіе, изъ которыхъ большинство были бабы, пригорюнившись, вторили старичишкѣ набожнымъ шопотомъ, какъ будто онъ былъ регентъ, а онѣ—пѣвчіе:

— Истинно, не попустилъ Господь... Владычица-Матушка... Грѣхъ-то, грѣхъ-то какой случился... Охо-хо...

Павелъ видимо еще не очнулся, какъ слѣдуетъ, отъ глубокаго обморока, вызваннаго задушеніемъ. Онъ лежалъ на скамьѣ, вытянувшись, какъ пластъ, усиленно глоталъ слюни и тяжело, порывисто втягивалъ въ себя воздухъ. Лицо его носило слѣды ужаснаго напряженія. Чья-то сердобольная рука зажгла въ головахъ Павла желтую церковную свѣчку колеблющійся свѣтъ которой, падая кровавыми бликами, еще болѣе искажалъ выраженіе Павлова лица.

О. Василій почувствовалъ сильную жалость къ Павлу. Что-то давно забытое, молодое, неясное и туманное на мигъ поднялось изъ глубины души его, взволновало ее.

О. Василій нагнулся надъ Павломъ.

— Павелъ!.. Павелъ!..—звалъ онъ,—что это ты задумалъ, заблудшая душа?!

Павелъ сдѣлалъ движеніе и простоналъ.

О. Василій стоялъ надъ нимъ и качалъ головой...

— Заблудшая душа!..—повторялъ онъ.

Вдругъ Павелъ заворочался, забезпокоился и, открывши медленно налитый кровью единственный глазъ свой, уставился имъ на батюшку и захрипѣлъ что-то...

— Не надо... было снимать-то... Зачѣмъ сняли!—хрипѣлъ онъ явственно для всѣхъ.

Изба такъ и ахнула.

О. Василій всплеснулъ руками и поднялъ глаза къ потолку, какъ будто къ небу.

— Боже милосердый!—вздохнулъ онъ,—что говоритъ этотъ заблудшій человѣкъ!..

— Это въ немъ бѣсъ говоритъ!..—убѣжденно рѣшилъ столѣтній старичишка съ лысой головой.

Въ избѣ ахали, крестились...

Одна баба нагнулась къ Павлу и сказала слезливымъ голосомъ:

— Павлуша!.. Соколикъ!.. Прочти „давоскресную молитву"... Бѣсъ-то, мотри-ка, и выдетъ изъ тебя...

Тутъ о. Василій принялъ рѣшительный и торжественный видъ. Не торопясь развернулъ онъ эпитрахиль, перекрестилъ его, поцѣловалъ, какъ того требовало правило, не спѣша надѣлъ на себя и, держа въ рукѣ крестъ, развернулъ требникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ у него красной ленточкой была заложена заклинательная молитва Василія Великаго отъ злого духа. Въ этомъ моментъ о. Василій былъ необыкновенно торжественъ... Онъ какъ будто ощущалъ въ себѣ ту силу, которая заклинательными словами молитвы должна была изгнать бѣса...

Онъ строго взглянулъ на толпу и строго сказалъ:

— Молитесь!.. Молитесь, чтобы Господь Богъ изгналъ злого духа изъ раба Божія Павла...

Вся изба какъ-то жалобно и болѣзненно вздохнула...

Закрестились, зашептали, вздыхая и причитывая...

О. Василій торжественно широкимъ крестомъ осѣнилъ Павла и уже приготовился начать молитву...

Но въ это время случилось событіе, которое сдѣлало заклинаніе излишнимъ...

VI.

Дверь съ шумомъ распахнулась и въ избу ворвалась простоволосая баба...

Это была пожилая уже женщина, со слѣдами былой красоты. Лицо ея носило отпечатокъ какого-то болѣзненнаго, безпокойнаго чувства, которое въ этотъ мигъ горѣло въ черныхъ, какъ ночь, глазахъ ея безумнымъ блескомъ... Черные волосы ея выбились изъ-подъ накинутаго на ходу платка и разсыпались по плечамъ цѣлыми волнами, заставляя удивляться ихъ обилію.

— Гдѣ, гдѣ онъ?..—повторяла она съ растеряннымъ видомъ, расталкивая толпу.

И, увидя Павла, дико вскрикнула и бросилась къ нему.

— Павелъ!.. Павелъ!..—кричала она съ безумнымъ выраженіемъ въ голосѣ.—Что же это ты задумалъ—свою душеньку губить... Павелъ ты мой, Павелъ...

Внезапно къ Павлу какъ будто вернулась вся его сила. На лицѣ вспыхнуло чувство радости, сразу согнавшее ужасные слѣды... Онъ приподнялся, сѣлъ на лавкѣ и сказалъ только:

— Пришла?..

Этимъ словомъ онъ высказалъ все, что было въ его душѣ...

— Пришла, пришла, Павелъ!..—не говорила, а стонала женщина.—Какъ услыхала я эту страсть, такъ вся душенька во мнѣ перевернулась. Что ты надумалъ, Павелъ, что ты надумалъ!..

— А Пузырь?..—прохрипѣлъ Павелъ.

— Пускай его черти трясутъ!..—взвизгнула женщина.—Прости меня, Павлу, Христа ради!.. Ниипто я думала, что грѣхъ такой выйдетъ... Шутка ли,—проживши четыре-то года, этакое затменіе напало на меня, этакое баловство обуяло меня.

Женщина безпокойно метнулась къ толпѣ, и тутъ только замѣтивъ батюшку, упала ему въ ноги...

— Батюшка-кормилецъ, прости меня!.. Батюшка-кормилецъ, отпусти мой лютый грѣхъ!..—кричала она.—Вѣдь жалѣючи я съ нимъ сошлась, жалѣючи жила... Вѣдь онъ, мотри-ка,—ребенокъ, все одно какъ дите... Неудобный анвалидъ!.. А тутъ на-ко грѣхъ какой меня, старую, попуталъ... Головушки, головушки мои!.. Стыдъ-то... срамъ-то!.. Батюшка-кормилецъ, прости меня!..

Она разразилась истерическимъ рыданьемъ.

О. Василій вдругъ повеселѣлъ.

Онъ не торопясь снялъ свое облаченіе и сказалъ себѣ въ бороду:

— Была одна заблудшая душа,—другая явилась!.. Теперь, стало быть, намъ тутъ и дѣлать нечего...

И сказалъ, обращаясь къ любопытнымъ, наполнявшимъ избу, весело посмѣиваясь:

— А что, не идти ли намъ домой, братіе?.. Вотъ тутъ какая сестра милосердія нашлась,—она нагнала бѣса на Павла, она же пусть и выгоняетъ, какъ знаетъ...

Батюшкина шутка понравилась толпѣ... Въ ней весело зашушукались... Только столѣтній старичишка что-то недовольно ворчалъ про себя, съ негодованіемъ тряся своею столѣтней головой и крѣпко постукивая объ полъ батогомъ, направляясь къ выходу...

Шумно переговариваясь, мало-по-малу расходились любопытные...

О. Василій тоже собрался уходить.

Но прежде чѣмъ уйти, онъ позвалъ:

— Лукерья!..

Та подняла заплаканное лицо.

О. Василій погрозилъ ей пальцемъ.

— Слышишь... Лукерья!.. Въ одномъ грѣхѣ жили, другого не заводи!.. Твоя вина... Выхаживай его теперь... А завтра приди-ка, приди-ка ко мнѣ на исповѣдь!..

Лукерья плакала и давала обѣты...

О. Василій принялъ строгій видъ и сказалъ:

— Ну, Павелъ!..

И погрозилъ ему пальцемъ.

— Думать не смѣй!..

— Отецъ!..—хрипѣлъ Павелъ,—бѣсъ попуталъ... Прости, Христа ради!..

— То-то... Заблудшая душа!.. Молись Богу до конца жизни, что живъ остался. Погибла бы твоя душа въ геенне огненной.. Ты думаешь, сладко тамъ жариться на горячихъ угольяхъ-то, а?.. Думаешь, шутки тамъ шутятъ, а?..

— Отецъ!.. Отпусти грѣхъ!..—хрипѣлъ Павелъ.

— То-то!.. Приди-ка и ты завтра ко мнѣ, поговоримъ... Ну, прощайте, заблудшія души!..

И о. Василій, напутствуемый пожеланіями всякихъ благъ направился къ выходу...

Но тутъ онъ пріостановился на секунду, подумалъ, и сказалъ:

— Слушай-ка, Павелъ... Ты намеднись курицу-то дьякону отдалъ?

— Дьякону, батюшка!..—отвѣчалъ Павелъ.

— А меня за нее попадья ѣла-ѣла...

— Отецъ!.. Завтра и тебѣ предоставлю!.. За труды!..

— Предоставишь?.. Ну, то-то!.. А то у меня... попадья-то... Прощай, заблудшій...

И о. Василій съ облегченнымъ сердцемъ вышелъ на улицу.

Ночь была темна...

Звѣзды сіяли... высоко... высоко...

С. Гусевъ-Оренбургскій.

* * *

Ты хочешь знать завѣтной тайны слово,
И жизни цѣль, и смыслъ ея задачъ,
Поднять хоть край туманнаго покрова?..
Плачь, скорбно плачь, въ тиши безмолвно плачь!..

Быть можетъ, слезъ источники живые
Еще кипятъ на днѣ твоей души;
Оставь свои вопросы роковые...
Плачь, скорбно плачь, безмолвно плачь въ тиши!

Что міръ тебѣ? — огромная темница.
Твой сторожъ—страхъ, судьба—слѣпой палачъ.
Настанетъ часъ и жребій твой свершится...
Оплачь его, въ тиши одинъ оплачь!

Что жизнь твоя?—Раздумья мигъ безплодный
Межъ двухъ нѣмыхъ зіяющихъ пучинъ;
Вокругъ нея клубится мракъ холодный...
Свою судьбу оплачь въ тиши одинъ!

Но не ищи, не требуй жадно свѣта,
Загадку мглы извѣдать не спѣши!
Настанетъ часъ,—дождешься ты отвѣта...
Плачь, скорбно плачь, безмолвно плачь въ тиши!..

В. Б.

Наслѣдственность по новѣйшимъ воззрѣніямъ.

(Переводъ съ польскаго).

(Окончаніе).

IV.

Въ такомъ положеніи находилась теорія фрейбургскаго зоолога до 1892 г., т. е. до времени появленія его большого труда подъ заглавіемъ: „Das Keimplasma, Eine Theorie der Vererbung“, въ которомъ представлена цѣльная и вполнѣ законченная система его взглядовъ на теорію наслѣдственности, прежнія, представленныя выше, воззрѣнія во многихъ отношеніяхъ дополнены, многіе же основные пункты измѣнены.

Эти дополненія и измѣненія повліяли, по нашему мнѣнію, съ одной стороны положительно на теорію фрейбургскаго ученаго, съ другой — отрицательно, а потому значеніе ихъ можетъ быть оцѣнено лишь на почвѣ прежнихъ взглядовъ того же автора.

Но прежде всего нѣсколько замѣчаній общаго характера о новѣйшемъ трудѣ Вейсмана. Общую характеристику я позволю себѣ выразить словами Ромэнса, который мѣтко и вполнѣ справедливо оцѣниваетъ трудъ Вейсмана. Фрейбургскій ученый пытается проводить теорію преемственности зачатковой плазмы во всѣхъ подробностяхъ и мелочахъ и съ этою цѣлью даетъ прежде всего гипотетическое описаніе строенія и механизма этой плазмы. Объ этомъ желаніи дать механическое объясненіе наслѣдственности Ромэнсъ мѣтко говоритъ: „Хотя удивительная сила спекулятивнаго мышленія во всѣхъ отрасляхъ біологіи идетъ у Вейсмана рука объ руку съ большими знаніями, я долженъ, однако,

выразить серьезное сомнѣніе насчетъ того, не предоставлено ли этимъ спекуляціямъ слишкомъ много свободы. Насколько возможно было соединить ихъ нитью логической связи, Вейсманъ создавалъ гипотезу за гипотезой въ такомъ изобиліи, какое встрѣчается въ сочиненіяхъ метафизиковъ, но рѣдко, встрѣчается въ трудахъ натуралистовъ. Весь механизмъ наслѣдственности представленъ съ такими подробностями и съ такою мнимою точностью, что при чтеніи этого описанія приходитъ намъ на мысль описаніе ада, данное Дантомъ. Не только „сфера“ зачатковой плазмы состоитъ какъ бы изъ девяти отдѣловъ (Molekülen, Biophoren, Determinanten, Iden, Idanten, Idioplasma, Somatoplasma, Morphoplasma, Aficalplasma), но сверхъ того нашъ путеводитель пытается почти въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ показать намъ столько необыкновенныхъ и чудесныхъ явленій, что мы возвращаемся въ міръ науки съ такимъ чувствомъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ были въ какомъ-то другомъ мірѣ“.

„Дополненія,—говоритъ далѣе англійскій ученый, — которыми Вейсманъ обогатилъ свою теорію въ новѣйшемъ своемъ трудѣ, касаются главнымъ образомъ разработки гипотетическаго механизма наслѣдственности въ связи съ общей теоріей зачатковой плазмы. Безъ сомнѣнія, разработка эта изобилуетъ весьма многими идеями, часто даже—очень глубокими; но до тѣхъ поръ пока эта теорія не въ достаточной степени обоснована, разработка такой громадной программы для построенія чисто дедуктивнаго зданія кажется преждевременной. Какъ бы прекраснымъ оно ни представлялось своею импонирующею величиною, все же описаніе „архитектуры зачатковой плазмы“ слѣдуетъ скорѣе считать художественнымъ продуктомъ воображенія, чѣмъ плодомъ научнаго обобщенія“.

Разсмотримъ важнѣйшіе выводы, къ которымъ приходитъ Вейсманъ въ своемъ новомъ трудѣ.

Основой всякой наслѣдственности служитъ то обстоятельство, что жизненное вещество состоитъ изъ мельчайшихъ организованныхъ единицъ, т. наз. Вейсманомъ „біофоровъ“ (Biophoren), обладающихъ способностью ассимиляціи, роста и размноженія путемъ дѣленія. Намъ неизвѣстны до настоящаго времени самые низшіе организмы, которые теоретически можемъ себѣ представить, и не знаемъ даже, существуютъ ли такіе организмы. Во всякомъ случаѣ, они когда-то существовали въ видѣ отдѣльныхъ біофоровъ, наслѣдственность которыхъ находилась въ связи съ размноженіемъ безъ участія какого бы то ни было спеціальнаго механизма.

Даже у нѣсколькихъ высшихъ существъ, состоящихъ изъ

группъ одинаковыхъ біофоровъ, наслѣдственность не нуждалась ни въ какомъ особомъ механизмѣ, такъ какъ размноженіе путемъ самодѣленія производитъ здѣсь двѣ совершенно одинаковыхъ половины, изъ которыхъ каждая содержитъ такіе же біофоры и которыя просто, благодаря размноженію послѣднихъ, растутъ и производятъ организмы, совершенно похожіе на материнскій организмъ.

Этотъ простой способъ наслѣдственности долженъ былъ примѣниться съ того момента, какъ біофоры дифференцировались благодаря раздѣленію труда. У такихъ существъ, вслѣдствіе различія между группами біофоровъ, существуютъ уже различія между отдѣльными видимыми частями организма, что мы и встрѣчаемъ у большинства извѣстныхъ намъ низшихъ организмовъ, принадлежащихъ къ простѣйшимъ. А именно: у этихъ организмовъ мы отличаемъ переднюю и заднюю стороны, верхъ и низъ, нерѣдко нѣсколько различныхъ и функціонально разноцѣнныхъ слоевъ субстанціи тѣла и т. д., и т. д.

Какъ только создается подобный, болѣе или менѣе сложный составъ тѣла, простое самодѣленіе особи уже недостаточно для передачи потомству свойствъ материнскаго организма. „Если,— говоритъ Вейсманъ,—передняя и задняя стороны, лѣвая и правая, верхняя и нижняя—различны у животнаго, то никакое дѣленіе пополамъ не способно перенести на оба продукта дѣленія всѣхъ элементовъ, т. е. всѣхъ видовъ біофоровъ и группъ послѣднихъ такъ, чтобы, благодаря простому разрастанію, они, т. е. продукты дѣленія, дополнялись, образовали новыя особи, подобныя материнской. Тутъ, слѣдовательно, сдѣлались необходимыми извѣстныя средства, дѣлающія возможнымъ такого рода дополненіе и вмѣстѣ съ этимъ полнѣйшее наслѣдованіе. Это средство мы видимъ въ возникновеніи *клѣточнаго ядра*“.

Подобно нѣмецкому ботанику де-Фризу *), Вейсманнъ видитъ въ клѣточномъ ядрѣ первоначально не что иное, какъ скопленіе запасныхъ біофоровъ, назначеніемъ которыхъ является: удваиваться количественно или дѣлиться во время дѣленія самой клѣтки, причемъ каждая половина послѣдней, получая недостающіе ей виды біофоровъ, въ состояніи дополняться до цѣлаго. Клѣточное ядро у простѣйшихъ организмовъ, или у одноклѣточныхъ существъ, есть, слѣдовательно, носитель біофоровъ, опредѣляющихъ собою характеръ клѣтки. На основаніи изслѣдованій французскаго ученаго Мона, Р. Гертвига и другихъ, стало извѣстнымъ, что среди многихъ простѣйшихъ, напр., инфузорій, совершается процессъ, тожественный съ оплодотвореніемъ (т. наз. ко-

*) Hugo de Vries: „Indracellulare Pangenesis“. Iena, 1889.

пуляція), при которомъ имѣетъ мѣсто взаимное соединеніе нѣкоторой части ядернаго вещества обѣихъ копулирующихся особей. Вейсманъ называетъ этотъ процессъ, равно какъ оплодотвореніе у многоклѣточныхъ организмовъ, amphimixis; благодаря смѣшенію группъ біофоровъ двухъ различныхъ особей, или—смѣшенію различныхъ индивидуальныхъ свойствъ, носителями коихъ являются именно эти группы біофоровъ, по необходимости появляются новыя сочетанія свойствъ, или выступаютъ мелкія индивидуальныя уклоненія, составляющія матеріалъ для естественнаго подбора.

У организмовъ многоклѣточныхъ, клѣтки которыхъ дифференцировались по принципу раздѣленія труда, находимъ въ общемъ подобный же механизмъ наслѣдственности, какъ у организмовъ одноклѣточныхъ, но — соотвѣтственно ихъ строенію—гораздо болѣе сложный. У нихъ тоже происходитъ „амфимиксисъ", причемъ сливаются ядерныя вещества двухъ половыхъ клѣтокъ, принадлежащихъ двумъ различнымъ индивидамъ, такъ что „оплодотворенное яйцо" содержитъ наслѣдственную субстанцію, происходящую отъ двухъ индивидовъ.

Наслѣдственная субстанція (зачатковая плазма) многоклѣточныхъ организмовъ состоитъ, по мнѣнію Вейсманна, изъ трехъ разрядовъ жизненныхъ единицъ, изъ которыхъ самыя низшія суть біофоры. Группы біофоровъ съ опредѣленнымъ расположеніемъ образуютъ зачатки отдѣльныхъ клѣтокъ тѣла и представляютъ второй, высшій разрядъ жизненныхъ единицъ, т. наз. „детерминанты клѣтокъ" или, короче, *детерминанты*.

Всякая клѣтка многоклѣточнаго организма опредѣляется детерминантой, какъ относительно своихъ гистологическихъ свойствъ, такъ и относительно ритма и способа дѣленія. Не всякая, однако, клѣтка имѣетъ самостоятельный зачатокъ, или собственную детерминанту въ зачатковой плазмѣ: клѣтки одного и того же рода, которыя, какъ, напр., кровяныя тѣльца, не сосредоточены въ одномъ мѣстѣ, могутъ замѣщаться въ зачатковой плазмѣ одной детерминантой; напротивъ, каждая клѣтка или группа клѣтокъ, которая обладаетъ *самостоятельною измѣнчивостью*, должна быть представлена въ зачатковой плазмѣ спеціальною детерминантою. Если бы этого не было, клѣтка могла бы измѣняться только совмѣстно съ другими клѣтками, которыя опредѣляются тѣми же детерминантами.

Сколько существуетъ въ организмѣ клѣтокъ или группъ клѣтокъ, обладающихъ *самостоятельной измѣнчивостью* столько же детерминантъ должна заключать зачатковая плазма, причемъ онѣ должны быть въ ней опредѣленнымъ образомъ расположены, или должны представлять собою опредѣленное и ограниченное

цѣлое—высшую жизненную единицу, такъ называемую *идъ*. Вейсманъ, на основаніи нѣкоторыхъ фактовъ полового размноженія и наслѣдственности, полагаетъ, что въ зачатковой плазмѣ оплодотвореннаго яйца находится значительное количество идовъ. На вопросъ, какія части, видимыя посредствомъ нашихъ оптическихъ инструментовъ, соотвѣтствуютъ идамъ зачатковой плазмы яйца, т. е. ядра послѣдняго, Вейсманъ отвѣчаетъ, что, вѣроятно, не цѣлыя нити или петли хроматина (хромозомы, см. выше), но только части ихъ, такъ что видимыя въ ядрѣ хроматинныя нити являются скопленіемъ многихъ идовъ. Нити же Вейсманъ считаетъ еще высшими единицами и называетъ ихъ *идантами*. Итакъ, зачатковая плазма, или субстанція, служащая носителемъ наслѣдственныхъ свойствъ, состоитъ изъ извѣстнаго количества идантъ, которыя въ свою очередь группируются въ иды; всякая ида имѣетъ постоянное и опредѣленное строеніе изъ детерминантъ, являющихся суммой значительнаго количества біофоровъ. По мѣрѣ развитія зародыша и распаденія яйцевой клѣтки путемъ дѣленія на все большее число клѣтокъ, зачатки свойствъ организма, содержащіеся въ зачатковой плазмѣ, развиваются и *обнаруживаются* подъ видомъ различныхъ свойствъ и признаковъ организма. Этотъ процессъ происходитъ такимъ образомъ, что всѣ иды идантъ ведутъ себя совершенно одинаково. При первыхъ уже дѣленіяхъ яйца, каждая ида дѣлится на двѣ равныя части, изъ которыхъ каждая получаетъ только половину детерминантъ; при каждомъ дальнѣйшемъ дѣленіи клѣтокъ совершается тотъ же процессъ раздвоенія детерминантъ, вслѣдствіе чего иды болѣе позднихъ стадій развитія индивида становятся все бѣднѣе детерминантами, содержатъ все менѣе разнородныя группы послѣднихъ, такъ что въ концѣ онѣ заключаютъ одинъ только видъ детерминантъ, налагающій на данныя клѣтки вполнѣ опредѣленную и рѣзкую гистологическую печать. Этимъ Вейсманъ объясняетъ извѣстный фактъ, что въ болѣе позднихъ фазисахъ развитія индивида существуетъ все большее различіе между составляющими его группами клѣтокъ.

Каждая клѣтка зародыша опредѣляется (wird bestimmt,—какъ говоритъ Вейсманъ) однимъ какимъ-нибудь сортомъ детерминантъ, который можетъ быть представленъ въ идѣ множествомъ экземпляровъ. „Опредѣленіе“ клѣтки происходитъ слѣдующимъ образомъ: детерминанта распадается на свои біофоры, которыя пробиваютъ оболочку ядра, проникаютъ въ протоплазму клѣтки, энергично размножаются въ послѣдней на счетъ біофоровъ, входящихъ уже въ составъ протоплазмы, располагаются по опредѣленнымъ и неизвѣстнымъ намъ силамъ и законамъ, придавая

этимъ клѣткѣ опредѣленное гистологическое строеніе. Въ каждой стадіи развитія индивида, извѣстныя детерминанты ида достигаютъ „зрѣлости“ и распадаются на свои біофоры. Остальныя же, опредѣляющія собою природу клѣтокъ въ позднѣйшихъ стадіяхъ развитія, остаются нѣкоторое время въ неизмѣненномъ видѣ. Такъ какъ расположеніе детерминантъ въ идѣ постоянное и вполнѣ опредѣленное, то и послѣдовательность ихъ созрѣванія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вполнѣ закономѣрная; изъ этого вытекаетъ нѣкоторая постоянная и опредѣленная послѣдовательность въ стадіяхъ индивидуальнаго развитія, ведущая, наконецъ, къ полному развитію индивида.

Такова, въ нѣсколькихъ словахъ, главная основа тѣхъ дополненій, которыя Вейсманнъ дѣлаетъ въ своемъ новомъ трудѣ и которыя должны выяснить механику наслѣдственности.

* * *

Но также и относительно другихъ пунктовъ принципіальной важности Вейсманнъ дополняетъ, лучше сказать, исправляетъ и измѣняетъ прежнюю свою теорію зачатковой плазмы. Прежде всего это относится къ вопросу о наслѣдственности пріобрѣтенныхъ признаковъ.

Мы нѣсколько разъ уже имѣли случай замѣтить, что Вейсманнъ считалъ *физіологически невозможнымъ* наслѣдованіе пріобрѣтенныхъ признаковъ, что, впрочемъ, являлось необходимымъ слѣдствіемъ теоріи преемственности зачатковой плазмы. Если эта послѣдняя переходитъ неизмѣнно съ индивида одного поколѣнія на индивидъ другого и если раньше еще образованія тѣлесныхъ клѣтокъ зачатковая плазма содержитъ уже зачатки всѣхъ признаковъ для будущихъ поколѣній, то внѣшнія вліянія производящія дѣйствіе на тѣло (сома) родительскаго индивида, не могутъ основнымъ образомъ измѣнить зачатковую плазму и вызвать постоянныя и наслѣдственныя измѣненія у потомства.

Вопросъ о наслѣдственности пріобрѣтенныхъ въ теченіе индивидуальной жизни признаковъ въ послѣдніе годы часто разбирался, причемъ большинство біологовъ высказалось противъ взгляда, утверждающаго, что невозможность наслѣдованія этихъ свойствъ является необходимымъ физіологическимъ постулатомъ. Весь этотъ вопросъ равно интересенъ для біолога, какъ и для психолога, такъ какъ представляетъ прекрасный примѣръ того, какъ часто научные споры вытекаютъ не изъ принципіальнаго различія убѣжденій, а изъ недоразумѣнія относительно нѣкоторыхъ научныхъ опредѣленій. До Вейсмана всѣ принимали на-

слѣдственность пріобрѣтенныхъ признаковъ. Ламаркъ, какъ извѣстно, исходя изъ послѣдней, развилъ свою систему эволюціи животнаго царства. Дарвинъ и его послѣдователи тоже считали ее фактомъ, остающимся внѣ сомнѣнія, ибо казалось невозможнымъ представить себѣ дѣйствіе естественнаго подбора, разъ отбросимъ возможность наслѣдованія пріобрѣтенныхъ признаковъ. Однако, многочисленныя явленія доказываютъ, что дѣло не такъ уже несомнѣнно, какъ можно было бы думать, и мы можемъ смѣло сказать, что до сихъ поръ не знаемъ достовѣрныхъ и неопровержимыхъ фактовъ, которые экспериментально и рѣшительно были бы въ состояніи убѣдить насъ, что свойства, пріобрѣтенныя родителями, передаются потомству. Прежде всего мы имѣемъ въ виду цѣлый разрядъ раненій и болѣзней, ими вызываемыхъ. Извѣстно, напр., что у многихъ первобытныхъ племенъ существуетъ обычай выбиванія нѣкоторыхъ зубовъ, обычай, практикуемый уже сотни или, можетъ быть, даже тысячи лѣтъ, а все-таки дѣти всегда рождаются съ этими зубами. У многихъ домашнихъ животныхъ, напр., собакъ, въ теченіе многихъ поколѣній отрѣзывали уши или хвосты, однако, несмотря на это, такіе пріобрѣтенные признаки не передаются потомству. Существуютъ, правда, многіе мнимодостовѣрные „факты“ относительно домашнихъ животныхъ, случайно потерявшихъ, напр., хвостъ и рожавшихъ будто безхвостое потомство,—или же относительно людей, случайно лишившихся пальца, которые производили будто потомство съ атрофированнымъ соотвѣтственнымъ пальцемъ и т. п., и т. п., но ни одинъ изъ этихъ „фактовъ“ не подтвержденъ изслѣдователями, заслуживающими довѣрія. Нѣкоторые ученые, какъ, напр., Вирховъ, говорили, что если какое-нибудь пріобрѣтенное страданіе вызываетъ глубокія органическія измѣненія въ тѣлѣ, то оно можетъ передаваться потомству. Вообще господствуетъ въ этомъ отношеніи большое разногласіе, причемъ нерѣдко чрезвычайно трудно опредѣлить, считать ли данный признакъ пріобрѣтеннымъ или врожденнымъ. Если ребенокъ наслѣдуетъ отъ отца или матери какую-нибудь болѣзнь, которая раньше считалась пріобрѣтенной, то Вейсманнъ и его сторонники говорятъ, что, очевидно, болѣзнь или, по крайней мѣрѣ, предрасположеніе къ ней, была врожденной. Если, напр., вслѣдствіе какихъ-либо причинъ отецъ чрезмѣрно предается алкоголизму и производитъ болѣзненное и нервное потомство, то можно или говорить, что пріобрѣтенныя въ теченіе индивидуальной жизни особенности (нервное разстройство, какъ *слѣдствіе* алкоголизма) перенесены въ данномъ случаѣ на потомство, или же,—что предрасположеніе къ пьянству было врожденное, что данный субъектъ сталъ алко-

голикомъ оттого именно, что онъ былъ нервнымъ и ненормальнымъ индивидомъ и что онъ передалъ потомству не пріобрѣтенныя особенности, а врожденныя. Такого рода разсужденія представляютъ, конечно, заколдованный кругъ, изъ котораго трудно выбраться и который не позволяетъ намъ съ точностью разрѣшить вопроса. Нѣкоторые противники Вейсманна указывали на факты такъ называемой телегоніи, какъ на доказательство, рѣшительно говорящее противъ теоріи фрейбургскаго біолога. Телегонія состоитъ въ томъ, что первый самецъ въ состояніи повліять на признаки потомства, рожденнаго отъ другого самца. Извѣстенъ, напр., такой случай: кобыла, слученная съ жеребцомъ вида квага, родила потомство, обладающее смѣшанными признаками лошади и кваги. Послѣ нѣкотораго времени та же самая кобыла, но находящаяся уже въ совершенно другой мѣстности, будучи случена съ жеребцомъ арабской породы, произвела потомство, имѣющее признаки арабской породы, но съ нѣкоторыми свойствами, живо напоминающими квагу. Понять вліяніе одного самца на потомство, родившееся отъ другого, чрезвычайно трудно. Нѣкоторые допускаютъ, что первый самецъ оказываетъ какое-то специфическое дѣйствіе на организмъ самки, вызываетъ въ ней нѣкоторыя особыя, хотя и незамѣтныя, измѣненія, отражающіяся впослѣдствіи на потомствѣ, родившемся даже отъ другого самца. Если бы такъ было на самомъ дѣлѣ, то подобнаго рода факты разрушили бы теорію Вейсманна, такъ какъ эти гипотетическія измѣненія, вызванныя вліяніемъ перваго самца, несомнѣнно и рѣшительно относятся къ разряду *пріобрѣтенныхъ*, а все же они передаются потомству. Однако, до настоящаго времени, весь вопросъ телегоніи не разработанъ съ научной точностью и экспериментально не доказанъ. Является поэтому серьезное сомнѣніе въ томъ—существуетъ ли вообще телегонія. Но, впрочемъ, если бы она даже оказалась фактомъ, то, какъ справедливо замѣчаетъ Ромэнсъ, не извѣстно, не происходитъ ли это оттого, что часть зачатковой плазмы перваго самца смѣшивается съ зачатковой плазмой незрѣлыхъ еще яицъ самки, которыя, достигши зрѣлости и будучи оплодотворены другимъ самцомъ, по необходимости воспроизводятъ въ такомъ случаѣ нѣкоторыя свойства перваго. Такое объясненіе телегоніи вполнѣ согласно съ теоріей преемственности зачатковой плазмы и независимостью этой послѣдней отъ соматическихъ клѣтокъ.

Несмотря на все это, трудно, однако, теоретически допустить, что пріобрѣтенныя свойства рѣшительно не наслѣдуются, какъ предполагалъ недавно еще Вейсманнъ. Половыя и соматическія клѣтки, Keimplasma и Somatoplasma, находятся въ такой тѣсной

взаимной зависимости, что невозможно предположить, будто вліянія, измѣняющія соматоплазму, не дѣйствуютъ также до извѣстной степени на зачатковую плазму и не отражаются тѣмъ самымъ на потомствѣ. Тѣсную связь физіологическую и морфологическую между обоими родами плазмы доказываютъ явленія полового созрѣванія индивида, состоящія главнымъ образомъ въ созрѣваніи половыхъ клѣтокъ, и все же отражающіяся на всемъ организмѣ, явленія, происходящія въ организмѣ послѣ кастраціи и т. д.

Поэтому Вейсманнъ въ своемъ послѣднемъ трудѣ измѣняетъ прежнія свои воззрѣнія на наслѣдственность пріобрѣтенныхъ свойствъ и говоритъ, что, хотя большинство свойствъ, пріобрѣтенныхъ тѣломъ (сома), не передается потомству, однако тѣ внѣшнія вліянія, которыя измѣняютъ детерминанты зачатковой плазмы, способны вызвать наслѣдственныя измѣненія. Такъ, напр.,—говоритъ онъ,—„климатическія вліянія въ состояніи вызвать весьма постоянныя измѣненія, такъ какъ медленно въ теченіе поколѣній все болѣе модифицируютъ нѣкоторыя детерминанты“. Вейсманнъ приводитъ въ своей книгѣ примѣры нѣкоторыхъ бабочекъ, которыя измѣняются подъ вліяніемъ климатическихъ условій. „Здѣсь,—говоритъ онъ,—детерминанты нѣкоторыхъ пигментныхъ чешуекъ крыла медленно измѣняются въ теченіе поколѣній благодаря повышенію температуры и вызываютъ поэтому значительныя измѣненія въ окраскѣ чешуекъ“. Во всякомъ случаѣ нѣмецкій изслѣдователь приписываетъ внѣшнимъ вліяніямъ весьма ограниченное и незначительное дѣйствіе въ дѣлѣ создаванія наслѣдственныхъ постоянныхъ признаковъ у многоклѣточныхъ организмовъ и говоритъ, что только благодаря слѣдующему затѣмъ amphimixis, т. е. соединенію зачатковыхъ плазмъ двухъ половъ, это дѣйствіе возрастаетъ и увеличивается въ каждомъ поколѣніи въ связи съ вліяніемъ естественнаго подбора. Словомъ, въ то время, какъ раньше Вейсманнъ совершенно отрицалъ возникновеніе пріобрѣтенныхъ наслѣдственныхъ свойствъ, обусловленныхъ внѣшними вліяніями, и полагалъ, что уклоненія возникаютъ у многоклѣточныхъ организмовъ исключительно благодаря сочетанію двухъ различныхъ наслѣдственныхъ тенденцій (amphimixis), теперь приходитъ онъ къ заключенію, что первымъ толчкомъ къ этимъ измѣненіямъ во многихъ случаяхъ являются внѣшнія условія, что измѣненія эти, въ началѣ очень незначительныя, въ состояніи возрасти въ высокой степени благодаря процессу amphimixis. Уклоненія, возникающія такимъ образомъ, подвержены дѣйствію естественнаго подбора.

* * *

Таково содержаніе теоріи Вейсмана, изложенной нами въ общихъ чертахъ. Вопросъ о строеніи зачатковой плазмы, составъ

ея изъ біофоровъ, детерминантъ, идовъ, идантъ — пока гипотеза, правда, остроумно задуманная, но очень мало научно обоснованная, гипотеза, вступающая отчасти въ область метафизическихъ спекуляцій.

Теорія *преемственности* зачатковой плазмы, съ соотвѣтственными ограниченіями (т. е. послѣ признанія вліянія извѣстныхъ внѣшнихъ условій на возникновеніе постоянныхъ наслѣдственныхъ уклоненій), выиграла въ смыслѣ точности. Не малую заслугу нѣмецкаго изслѣдователя составляетъ то, что онъ обратилъ вниманіе на важное значеніе полового процесса въ дѣлѣ происхожденія наслѣдственныхъ уклоненій (amphimixis). Важный и чрезвычайно трудный для разрѣшенія вопросъ: насколько и въ какихъ предѣлахъ пріобрѣтенные признаки наслѣдственны, — остается однако до сихъ поръ открытымъ.

V.

Главная и основная мысль Вейсмана кажется намъ вполнѣ справедливой, такъ какъ, не принявъ ея, мы не въ состояніи понять очень многихъ явленій наслѣдственности.

Ее можно формулировать слѣдующимъ образомъ: въ зачатковой плазмѣ оплодотвореннаго яйца, способнаго къ воспроизведенію организма, должны содержаться зачатки всѣхъ тѣхъ будущихъ свойствъ индивида, которыя послѣдній долженъ наслѣдовать, въ яйцѣ, слѣдовательно, должны содержаться зачатки всѣхъ окончательныхъ наслѣдственныхъ свойствъ. Другое дѣло, какъ себѣ представить эти зачатки: какъ группу организованныхъ частицъ плазмы или какъ нѣкоторыя единицы, сложнымъ образомъ соединенныя въ единицы все высшихъ разрядовъ, какъ полагаетъ Вейсманъ? Этого вопроса мы не можемъ рѣшить при современномъ состояніи знанія объ организаціи плазмы, теоретическія же соображенія въ этомъ направленіи, какъ лишенныя достаточнаго фактическаго обоснованія, являются преждевременными.

Что въ оплодотворенномъ яйцѣ содержатся въ какой-то формѣ зачатки всѣхъ будущихъ наслѣдственныхъ свойствъ, это, кажется, постулатъ, находящійся внѣ всякаго сомнѣнія; онъ вытекаетъ, какъ необходимый логическій выводъ, изъ многихъ очевидныхъ фактовъ наслѣдственности, хотя Гертвигъ не признаетъ этой необходимости и не принимаетъ такого вывода, — къ чему мы скоро еще возвратимся.

Отецъ имѣетъ посреди черныхъ волосъ на головѣ прядь бѣлыхъ. Вмѣстѣ съ сѣмяннымъ тѣльцемъ, ядро котораго соеди-

нилось съ ядромъ яйца, онъ передалъ ребенку всѣ свои наслѣдственныя свойства. Сынъ рождается съ такою же прядью бѣлыхъ волосъ, находящихся на томъ же самомъ мѣстѣ. Мы, поэтому, должны допустить, что въ зачатковой плазмѣ оплодотвореннаго яйца находился подъ какимъ-нибудь видомъ зачатокъ этой морфологической особенности. Дитя можетъ наслѣдовать отъ отца или матери цвѣтъ волосъ, лица, веснушки, тысячи мелкихъ особенностей тѣлосложенія, выраженныхъ въ сходствѣ движеній, осанки, рѣчи, почерка, а также — особенности строенія нѣкоторыхъ частей мозга, проявляющіяся сходствомъ способностей и талантовъ и т. д. Частицы отцовской плазмы и материнской взаимно соединяются въ оплодотворенномъ яйцѣ, и это послѣднее можетъ уже развиваться безъ дальнѣйшаго вліянія родителей, а все-таки въ плодѣ будутъ воспроизведены разнородныя индивидуальныя черты родителей, а ребенокъ получаетъ столько же индивидуальныхъ признаковъ, свойственныхъ его предкамъ. Коль скоро изъ яйца собаки всегда развивается собака, изъ яйца кошки — кошка, изъ куринаго яйца — курица, изъ яйца утки — утка, независимо отъ внѣшнихъ условій, въ какихъ эти яйца находятся, то мы должны принять, что въ зачатковой плазмѣ собаки содержатся зачатки для видовыхъ его признаковъ, въ кошачьей — для такихъ же признаковъ кошки и т. д., хотя и микроскопъ не даетъ намъ возможности открыть значительныя различія въ строеніи самой плазмы, хотя мы и не знаемъ, какъ представляются эти зачатки и подъ какимъ видомъ они скрыты въ таинственной зачатковой плазмѣ. Если мы должны сдѣлать такое предположеніе относительно видовыхъ признаковъ, то точно также мы вынуждены допустить нѣчто подобное и относительно наслѣдственныхъ индивидуальныхъ чертъ. Словомъ, въ зачатковой плазмѣ животнаго содержатся зачатки видовыхъ и индивидуальныхъ признаковъ, а такъ какъ эти признаки состоятъ прежде всего въ извѣстныхъ особенностяхъ организаціи, то зачатковая плазма содержитъ зачатки всѣхъ морфологическихъ наслѣдственныхъ признаковъ будущаго индивида. Въ этомъ отношеніи наши взгляды совершенно согласны со взглядами Вейсманна.

Далѣе, что касается вопроса, какимъ образомъ эти разнородные зачатки свойствъ превращаются въ признаки зрѣлаго организма, Вейсманъ прибѣгаетъ къ теоріи такъ называемаго „неравномѣрнаго дѣленія“, состоящей въ томъ, что детерминанты зачатковой плазмы не размѣщаются одинаково въ послѣдовательныхъ продуктахъ дѣленія яйца. Детерминанты — это зачатки клѣтокъ или цѣлыхъ группъ клѣтокъ однородныхъ и обладающихъ само-

стоятельной измѣнчивостью. Когда яйцо дѣлится, и зачатковая плазма (заключенная въ ядрѣ) переходитъ въ послѣдовательныя поколѣнія клѣтокъ зародыша, тогда возможны два случая: 1) или всѣ виды детерминантъ, по предположенію размножающихся путемъ дѣленія, могутъ переходить во всѣ клѣтки зародыша, т. е. каждая клѣтка получаетъ зачатковую плазму, вполнѣ тождественную въ своемъ составѣ съ зачатковой плазмой яйца, или же 2) послѣдовательные продукты дѣленія яйца могутъ переходить лишь въ извѣстныя группы детерминантъ, такъ что въ болѣе позднихъ поколѣніяхъ клѣтокъ зародыша будетъ содержаться все болѣе ограниченное количество разнородныхъ детерминантъ. Послѣднее предположеніе, какъ мы видѣли, дѣлаетъ именно Вейсманъ по отношенію ко всѣмъ вообще многоклѣточнымъ животнымъ (Uetazoa). Въ виду того, что это есть основной пунктъ теоріи фрейбургскаго ученаго, мы постараемся его лучше выяснить. Если въ яйцѣ содержатся детерминанты, или, выражаясь иначе, наслѣдственныя тенденціи для всѣхъ группъ клѣтокъ организма, то, благодаря неравномѣрному дѣленію, уже послѣ перваго дѣленія яйца, ядра обѣихъ половинокъ, соединенныхъ перетяжкою, могутъ уже настолько разниться между собою, что одна изъ нихъ заключаетъ, напр., исключительно детерминанты для всѣхъ элементовъ эктодермы (наружнаго зародышеваго листка), другая — для всѣхъ элементовъ первоначальной энтодермы (внутренняго зародышеваго листка). При послѣдующихъ опять дѣленіяхъ, напр., клѣтокъ эктодермы въ одни продукты послѣдней переходятъ наслѣдственные зачатки (группы детерминантъ) для нервной системы, въ другіе — зачатки для кожи. Въ дальнѣйшемъ теченіи дѣленія клѣтокъ болѣе позднія ихъ поколѣнія получаютъ такимъ образомъ группы все менѣе разнородныхъ детерминантъ, такъ что, наконецъ, различныя группы клѣтокъ зародыша имѣютъ въ своей зачатковой плазмѣ только одинъ опредѣленный видъ детерминантъ, которыя, распадаясь на свои біофоры, по необходимости придаютъ этимъ клѣткамъ совершенно опредѣленный гистологическій характеръ. Такимъ образомъ возникаютъ дифференцированныя группы клѣтокъ организма, обладающихъ разнородными свойствами. Путемъ подобной дифференціаціи зачатковой плазмы въ теченіе онтогенетическаго развитія, дифференціаціи, совершающейся точно опредѣленнымъ образомъ, потому что детерминанты расположены въ идахъ тоже вполнѣ опредѣленнымъ образомъ, — Вейсманъ объясняетъ происхожденіе изъ первоначальнаго зачатка сложнаго организма.

Если, слѣдовательно, зачатковая плазма, имѣющая въ яйцѣ

чрезвычайно сложное строеніе, упрощается въ болѣе позднихъ поколѣніяхъ клѣтокъ развивающагося зародыша, такъ какъ состоитъ изъ все меньшаго количества разнородныхъ группъ детерминантъ, то является вопросъ, какимъ образомъ въ зрѣломъ организмѣ съ сильно дифференцированными клѣтками и тканями опять появляется зачатковая плазма въ половыхъ клѣткахъ, плазма столь сложная, содержащая опять наслѣдственныя тенденціи для всѣхъ элементовъ организма, состоящая изъ самыхъ разнородныхъ группъ детерминантъ.

Зачатковая плазма со своимъ очень сложнымъ составомъ не можетъ опять возникнуть изъ вполнѣ дифференцированной и спеціализированной какъ физіологически, такъ и морфологически плазмы тѣлесной клѣтки, напр., нервной, мышечной, костной, эпителіальной и т. п.; она вѣдь должна заключать наслѣдственные зачатки *всѣхъ* свойствъ организма.

Вейсманъ полагаетъ поэтому, что съ перваго момента дѣленія яйца часть зачатковой плазмы остается неизмѣненной и, сохраняя постоянно первоначальное свое сложное строеніе, т. е. состоя изъ идовъ съ самыми разнородными группами детерминантъ, она переходитъ въ половыя клѣтки организма. Эти послѣднія какъ будто сохраняютъ нейтралитетъ въ организмѣ, между тѣмъ какъ другія клѣтки, получая только нѣкоторые, особые виды детерминантъ, спеціализируются. Тѣлесныя клѣтки, не заключающія въ своей ядерной субстанціи разнородныхъ детерминантъ, свойственныхъ зачатковой плазмѣ половыхъ клѣтокъ, не способны къ воспроизведенію новаго организма, между тѣмъ какъ половые элементы отличаются этой способностью. Въ тѣхъ случаяхъ, когда органическія существа могутъ размножаться не только половымъ путемъ, но также посредствомъ группъ тѣлесныхъ клѣтокъ, напр., почекъ, побѣговъ, черенковъ и т. п., Вейсманъ полагаетъ, что часть неизмѣнившейся зачатковой плазмы переходитъ во время онтогенетическаго развитія не въ одни только половые элементы, но равнымъ образомъ и въ эти группы тѣлесныхъ клѣтокъ, гдѣ она въ качествѣ такъ наз. inactiva nebenidioplasma можетъ нѣкоторое время находиться какъ бы во снѣ на-ряду съ специфическими детерминантами, активными, происходящими путемъ обычнаго процесса дифференціаціи зачатковой плазмы. Съ такимъ же объясненіемъ мы встрѣчаемся по поводу явленій возрожденія (регенераціи). Сложные случаи возрожденія цѣлыхъ частей тѣла, какъ головы, хвоста, конечности и т. п., вслѣдъ за потерею ихъ, нашъ авторъ объясняетъ тѣмъ, что клѣтки частей, способныхъ къ регенераціи, кромѣ обыкновенныхъ детерминантъ, опредѣляющихъ ихъ природу, заключа-

ютъ еще „замѣнительныя детерминанты“, служащія зачатками частей, имѣющихъ возродиться; эти „замѣнительныя детерминанты“ остаются въ недѣятельномъ состояніи до тѣхъ поръ, пока вслѣдствіе потери данной части тѣла не будутъ устранены препятствія для роста.

Прохожденіе неизмѣнной зачатковой плазмы черезъ цѣлый рядъ поколѣній дѣлящихся клѣтокъ зародыша вплоть до клѣтокъ, выступающихъ въ послѣднемъ въ роли половыхъ клѣтокъ, Вейсманъ называетъ путями зачатковой плазмы (Keimbahnen)

Изъ вышеизложеннаго воззрѣнія Вейсмана, между прочимъ, вытекаютъ слѣдующіе выводы:

1) Зачатковая плазма половой клѣтки или, говоря короче, „идіоплазма“ (терминъ, введенный Нэгели, но употребленный здѣсь въ нѣсколько другомъ смыслѣ) должна имѣть строеніе гораздо болѣе сложное, чѣмъ такая же плазма всякой другой клѣтки тѣла, или тѣлесной, такъ какъ въ первой содержатся зачатки самыхъ разнородныхъ элементовъ будущаго организма, между тѣмъ какъ вторая спеціализировалась въ одномъ какомъ-нибудь направленіи.

2) Въ теченіе онтогенезиса всѣ поколѣнія клѣтокъ, образующихъ въ концѣ концовъ тѣлесные элементы организма, размножаются путемъ т. наз. неравномѣрнаго дѣленія (erbungleiche Theilung); тѣ, напротивъ, поколѣнія зачатковыхъ клѣтокъ, которыя образуютъ т. наз. пути зачатковой плазмы (Keimbahnen), т. е. ведутъ, въ непрерывной цѣпи, отъ яйца къ половымъ клѣткамъ потомка, размножаются такъ, что зачатковая плазма ихъ равномѣрно размѣщается при всякомъ актѣ дѣленія клѣтки.

* * *

Противъ вышеприведенныхъ выводовъ Вейсмана выступилъ недавно берлинскій ученый, проф. Оскаръ Гертвигъ, въ своей небольшой книжкѣ подъ заглавіемъ: „Zeit-und Streitfragen der Biologie“. 1894. Взгляды Гертвига заключаются въ слѣдующемъ.

Такъ какъ изъ опредѣленнаго яйца (если притомъ ходъ развитія правильный и не встрѣчаетъ препятствій) необходимо всегда развивается животное опредѣленной формы, то мы, поэтому, предполагаемъ, болѣе или менѣе безсознательно, совершенную тожественность зачатка и продукта его (von Anlage und Angelegtem), причины и слѣдствія. Мы думаемъ вообще, будто развивающійся организмъ представляетъ замкнутый въ себѣ комплексъ силъ, „родъ органическаго perpetuum mobile“, и забываемъ при этомъ, что „при теченіи процесса развитія должны еще быть исполнены

многія условія, безъ которыхъ изъ зачатка никогда не можетъ произойти его продуктъ".

Всякій органическій процессъ развитія прежде всего состоитъ въ восприниманіи и обмѣнѣ веществъ: неорганическая матерія становится постоянно органической и служитъ для роста и развитія зачатка (Anlage). Поэтому то, что на предшествующей стадіи дано было зачатку, какъ неорганизованная субстанція, становится въ послѣдующей стадіи составною частью зачатка. Такъ, напр., питательный матеріалъ желтка, который по отношенію къ субстанціи зачатка играетъ роль чего-то внѣшняго, подобно кислороду воздуха, т. е. роль внѣшняго условія развитія, непрерывно переходитъ въ самый зачатокъ и превращаетъ послѣдній, хотя, можетъ быть, лишь количественно. Итакъ, въ теченіе органическаго процесса развитія „внѣшнее" постоянно становится „внутреннимъ", другими словами, зачатокъ растетъ все и измѣняется на счетъ условій.

Въ виду этого, Гертвигъ не видитъ никакой разницы между тѣмъ, что съ перваго уже момента содержится въ яйцѣ, какъ основа его, т. е. между скрытою, такъ сказать, его энергіей, съ одной стороны, и тѣмъ, что, благодаря внѣшнимъ условіямъ, вносится въ яйцо на каждой стадіи роста его въ теченіе процесса развитія — съ другой стороны. Если „зачатокъ и продуктъ его не абсолютно тожественны, что невозможно, то было бы ошибкой сводить видимую разнородность конечной стадіи просто къ невидимой разнородности первоначальной стадіи, какъ дѣлали прежніе эволюціонисты, а новые опять пытаются дѣлать".

Къ этой ошибкѣ присоединяется, по мнѣнію Гертвига, еще другая, состоящая въ томъ, что Вейсманомъ усматриваются въ одной клѣткѣ (вѣдь яйцо и сѣмянное тѣльце не что иное, какъ клѣтка) не только черты, свойственныя клѣткѣ, какъ таковой но и свойства, являющіяся результатомъ совмѣстнаго дѣйствія многихъ клѣтокъ.

Свойства взрослаго функціонирующаго организма, растенія или животнаго, чрезвычайно многочисленны и разнородны. Одни состоятъ въ правильномъ совмѣстномъ дѣйствіи всѣхъ почти частей тѣла или извѣстной группы органовъ, другія свойственны одному какому-нибудь органу и относятся къ формѣ его, строенію, положенію, функціи и т. д., третьи относятся къ отдѣльнымъ клѣткамъ или отдѣльнымъ частямъ клѣтки. Всѣ ли эти, столь разнородныя свойства, — спрашиваетъ Гертвигъ, — имѣютъ въ зачаткѣ своихъ спеціальныхъ матеріальныхъ носителей, подъ видомъ біофоровъ, или же имѣются цѣлыя группы послѣднихъ? „Могу себѣ представить, — говоритъ Гертвигъ, — клѣтки, снаб-

женныя лишь матеріальными носителями (stoffliche Träger) такихъ свойствъ, которыя могутъ служить для самой клѣтки, какъ таковой. Половая клѣтка можетъ, слѣдовательно, содержать частицы субстанціи, какъ зачатки для образованія роговой массы, хондрина, оссеина и т. д., хлорофила, нервныхъ и мышечныхъ волоконъ, но не — волоса или опредѣленнаго нервнаго сплетенія. Зачатками волосъ, сплетеній мышцъ, и т. д. могутъ быть только группы клѣтокъ, ибо только группы клѣтокъ, а не особеннымъ образомъ сгруппированныя частицы клѣтки, могутъ образовать волосы, сплетенія, мышцы, и т. д.“ Словомъ, основная мысль Гертвига сводится къ тому, что всякій сложный организмъ можетъ наслѣдовать свои признаки исключительно въ формѣ признаковъ клѣтокъ (Zelleneigenschaften). Всѣ многочисленные и безконечно измѣнчивые признаки растеній и животныхъ, проявляющіеся въ разнообразныхъ формахъ, строеніи, функціи ихъ органовъ и тканей, а также въ способахъ взаимнаго соединенія послѣднихъ — чрезвычайно сложны; они зависятъ отъ взаимодѣйствія (Wechselwirkung) многихъ клѣтокъ, и, какъ таковые, они не могутъ быть представлены въ наслѣдственной субстанціи яйца (идіоплазмѣ, Erbmasse) матеріальными носителями (stoffliche Träger); они являются новообразованіями (Neubildungen), происшедшими лишь послѣ размноженія яйца, вслѣдствіе разнородныхъ комбинацій клѣтокъ и безпрерывнаго вліянія внѣшнихъ условій.

Для доказательства того, что эмбріональные процессы зависятъ, главнымъ образомъ, отъ внѣшнихъ условій и что, только благодаря взаимодѣйствію клѣтокъ, возникаютъ новыя свойства зачатковъ, которыхъ не было и слѣда въ первоначальной яйцевой клѣткѣ, Гертвигъ подробно разбираетъ нѣкоторые процессы развитія и на нѣсколькихъ примѣрахъ пытается показать это вліяніе. Вотъ, какъ онъ объясняетъ, напр., образованіе гаструли и зародышевыхъ листковъ. Если зародышевый пузырь (blastula) внѣдряется для образованія гаструли, то это, — говоритъ Гертвигъ, — результатъ дѣйствія всѣхъ клѣтокъ стѣнки пузыря, различнаго роста частей послѣдней, неравенства въ напряженіи ея, наконецъ, ряда условій, которыхъ до сихъ поръ нельзя съ точностью опредѣлить и оцѣнить. „Клѣтки стѣнки зародышеваго пузыря внѣдряются,— говоритъ авторъ нѣсколько ниже,—не потому, что онѣ содержатъ спеціальную группу детерминантъ, придающихъ имъ характеръ клѣтокъ энтодермы, но, наоборотъ, оттого, что, благодаря внѣдренію, объясняемому отношеніями роста стѣнки пузыря, одна половина клѣтокъ занимаетъ иное положеніе, чѣмъ другая, она и становится энтодермой и получаетъ стимулъ для выработки такихъ свойствъ, которыя соотвѣтствуютъ ея особенному положенію.

Нелогично говорить объ энтодермѣ до тѣхъ поръ, какъ часто встрѣчается въ трудахъ по эмбріологіи, пока клѣтки принадлежатъ еще поверхности зародышеваго пузыря, или когда онѣ еще находятся въ процессѣ перетягиванія. Выраженіемъ „внутренній листокъ“ мы обозначаемъ отношеніе положенія, созданное лишь благодаря внѣдренію... Анализъ отдѣльнаго случая приводитъ, слѣдовательно, къ тѣмъ же результатамъ, къ которымъ мы приходимъ благодаря общимъ соображеніямъ“.

* * *

Думаю, что читатель будетъ въ состояніи дать себѣ вполнѣ ясный отчетъ относительно основного различія между теоріями Вейсмана и Гертвига.

Еще разъ формулируемъ это различіе въ краткихъ словахъ.

Вейсманъ полагаетъ, что единственная причина правильной и точно опредѣленной дифференціаціи и развитія зачатковъ лежитъ въ самомъ носителѣ этихъ зачатковъ, въ идіоплазмѣ, въ специфической, внутренней природѣ послѣдней; внѣшнія условія являются только стимулами, которые могутъ содѣйствовать или препятствовать, ускорять или замедлять это развитіе зачатковъ. Гертвигъ, напротивъ, дѣлаетъ развитіе зачатковъ зависимымъ исключительно отъ условій и причинъ, лежащихъ внѣ идіоплазмы яйцевой клѣтки, но, несмотря на это, благодаря самому ходу развитія возникающихъ въ точно опредѣленной послѣдовательности. Причины эти Гертвигъ видитъ прежде всего во взаимныхъ отношеніяхъ клѣтокъ развивающагося зародыша, во-вторыхъ—въ вліяніяхъ внѣшняго, окружающаго міра. Въ доказательство своихъ положеній Гертвигъ приводитъ примѣры, показывающіе, будто условія руководятъ развитіемъ зачатковъ, измѣняютъ ихъ и модифицируютъ независимо отъ первоначальныхъ (по Вейсману) зачатковъ, содержащихся въ самой идіоплазмѣ.

Вотъ нѣкоторые изъ этихъ примѣровъ.

Экспериментаторъ можетъ заставить предростокъ папоротника вырабатывать мужскіе и женскіе половые органы (archegonia и antheridia) то на верхней, то на нижней поверхности растенія, смотря потому, будетъ ли сильнѣе освѣщена верхняя или нижняя поверхность. Равнымъ образомъ корни развиваются на увлажненной, затѣненной поверхности побѣга ивы, а не освѣщенной. Съ животными труднѣе продѣлать подобные опыты, но и среди нихъ мы замѣчаемъ то же самое. Лебъ показалъ, что, напр., стволъ antennularia образуетъ новые побѣги всегда по направленію вверхъ, новые же, такъ наз. корни, — по направленію дѣй-

ствія тяжести, что, слѣдовательно, и antennularia зависитъ въ развитіи своемъ прежде всего отъ внѣшнихъ условій. Извѣстно, что въ очень многихъ случаяхъ то или другое развитіе нѣкоторыхъ органовъ у животныхъ совершается, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ извѣстныхъ опредѣленныхъ внѣшнихъ условій. Мопа, напр., показалъ, что у Hydatina senta полъ опредѣляется условіями. Дѣло въ томъ, что самки при обычныхъ условіяхъ кладутъ иногда только такія яйца, отъ которыхъ вновь происходятъ самки, иногда же такія, отъ которыхъ происходятъ исключительно самцы.

Экспериментаторъ можетъ произвольно вызвать преимущественно развитіе самцовъ или самокъ, если будетъ повышать или понижать температуру въ теченіе того періода, когда у молодыхъ индивидовъ вырабатываются яйца въ яичникахъ. Въ одномъ изъ опытовъ, въ которомъ Мопа держалъ пять незрѣлыхъ еще самокъ при комнатной температурѣ 26—28° С., онъ получилъ на 104 яицъ только 3% такихъ, изъ которыхъ развились самки, наоборотъ, отъ 5 другихъ самокъ того же поколѣнія, содержавшихся въ охлаждающемъ приборѣ (14—15° С.), онъ получилъ 95% такихъ индивидовъ. Далѣе, въ пользу своего взгляда Гертвигъ приводитъ извѣстные факты, что неоплодотворенныя яйца пчелъ даютъ самцовъ, оплодотворенныя же — самокъ, или что пчелиныя куколки, развивающіяся при недостаточномъ питаніи въ работницъ (имѣющихъ рудиментарные женскіе половые органы), могутъ превратиться въ зрѣлыхъ въ половомъ отношеніи самокъ (матокъ), если ихъ очень обильно питать.

* * *

Представивъ выше теорію Гертвига, приступимъ теперь къ критикѣ взглядовъ этого эмбріолога, такъ какъ, по нашему мнѣнію, Гертвигъ исходитъ изъ ошибочнаго принципа. Всѣ приведенныя имъ фактическія доказательства, при другомъ освѣщеніи, покажутъ намъ нѣчто совершенно другое, чѣмъ утверждаетъ нѣмецкій изслѣдователь.

Гертвигъ полагаетъ, что всякій наблюдаемый нами эмбріональный процессъ, какъ, напр., гаструляція, дифференціація такъ наз. зародышевыхъ листковъ *), появленіе зачатковъ органовъ и

*) Зародышевые листки—это первые слои клѣтокъ, выступающіе въ тѣлѣ развивающагося зародыша. Въ общемъ различаемъ три такихъ слоя: внѣшній, т. наз. эктодерму, средній, т. наз. мезодерму, и внутренній, т. наз. энтодерму. Изъ этихъ листковъ возникаютъ опредѣленные органы: напр., эпителій кожи и нервная система всегда образуются изъ эктодермы, эпителій пи-

т. д., является необходимо результатомъ взаимодѣйствія клѣтокъ зародыша, въ виду чего каждая послѣдующая стадія развитія есть только результатъ того взаимодѣйствія, которое имѣло мѣсто на стадіи непосредственно предшествующей. Онтогенезъ, слѣдовательно, представляетъ цѣлую цѣпь взаимно связанныхъ причинъ и слѣдствій, и нельзя поэтому на самыхъ раннихъ стадіяхъ предполагать существующими in potentia зачатковъ для болѣе позднихъ эмбріональныхъ процессовъ.

Эта мысль кажется намъ ошибочной.

По нашему мнѣнію—въ этомъ отношеніи мы вполнѣ согласны съ Вейсманомъ—всякаго рода эмбріональныя измѣненія въ каждомъ данномъ случаѣ являются необходимымъ и несомнѣннымъ результатомъ зачатковъ, свойственныхъ уже данной идіоплазмѣ; каждый эмбріональный процессъ, будучи слѣдствіемъ непосредственно предшествовавшаго ему процесса, имѣетъ свою первоначальную причину въ особомъ характерѣ идіоплазмы яйца. Гертвигъ, въ противоположность этому мнѣнію, говоритъ, что, напр., извѣстная группа клѣтокъ зародыша становится энтодермой, способною образовать нѣкоторые особые зачатки, только потому, что она „занимаетъ извѣстное положеніе по отношенію къ окружающимъ ее клѣткамъ, положеніе, отличное отъ того, которое занимаетъ эктодерма“; морфологическія различія, выступающія въ энтодермѣ, являются, какъ сказалъ бы Гертвигъ, пользуясь выраженіемъ Дриша, „функціей мѣста“. Самый процессъ внѣдренія тоже результатъ условій, такъ какъ размножающіяся клѣтки бластули, не находя себѣ мѣста, содѣйствуютъ образованію складокъ, внѣдренію стѣнки. По-моему, такой взглядъ противорѣчитъ фактамъ, ибо можно привести многія противоположныя доказательства. Послѣднія относятся къ тѣмъ случаямъ, когда нѣкоторыя клѣтки, несмотря на то, что не занимаютъ по отношенію къ цѣлому другого мѣста, чѣмъ прочія, и не находятся, слѣдовательно, въ другихъ топографическихъ условіяхъ, однако получаютъ особыя свойства и очень рано становятся зачатками для опредѣленныхъ органовъ. Это можно объяснить только тѣмъ, что въ зачатковой плазмѣ, т. е. въ идіоплазмѣ этихъ клѣтокъ, очень рано наступила дифференціація извѣстныхъ зачатковъ — такъ, какъ это принимаетъ Вейсманнъ.

щеварительнаго канала и его железъ (напр. печени), а также—легкихъ—изъ энтодермы, мышцы тѣла—изъ мезодермы и т. д., и т. д. Сверхъ того посреди упомянутыхъ зародышевыхъ листковъ появляются у зародыша особыя скопленія клѣтокъ (отдѣляющіяся отъ листковъ, преимущественно отъ средняго), т. наз. мезенхима, изъ которой развиваются составные морфологическіе элементы крови и такъ наз. соединительныя ткани (костная ткань, хрящевая и т. п.) организма.

Напримѣръ: у червя Sipunculus nudus, по изслѣдованіямъ Гатшека *), дифференціація клѣтокъ происходитъ уже въ стадіи бластули, т. е. въ періодѣ, когда пузырькообразный зародышъ состоитъ изъ слоя эмбріональныхъ клѣтокъ, ограничивающихъ шаровидную внутреннюю полость, слѣдовательно, въ томъ фазисѣ, въ которомъ всѣ клѣтки, занимая поверхность шара, находятся въ одинаковыхъ топографическихъ условіяхъ какъ по отношенію другъ къ другу, такъ и каждой по отношенію къ цѣлому. Одна половина шара состоитъ изъ нѣсколько низшихъ и болѣе темныхъ клѣтокъ, другая—изъ болѣе высокихъ, ясныхъ, въ извѣстномъ же мѣстѣ шара, на границѣ между болѣе темными и болѣе ясными клѣтками, выступаетъ одна клѣтка, превышающая другія по величинѣ и содержащая болѣе темную плазму, чѣмъ остальныя. Первыя изъ названныхъ клѣтокъ бластули—будущія клѣтки эктодермы, т. е. окончательнаго эпителія кожи, нервной системы, и т. п., другія—образуютъ будущую энтодерму, т. е. эпителій пищеварительнаго тракта, послѣдняя же, особая клѣтка, есть зачатокъ мезодермы, т. е. будущей мускулатуры, выдѣлительныхъ и половыхъ органовъ. Клѣтки энтодермы развиваются энергичнѣе, чѣмъ клѣтки внѣшняго зародышеваго листка, и это именно обусловливаетъ внѣдреніе. Можно ли, слѣдовательно, въ данномъ случаѣ примѣнять слова Гертвига, что извѣстный слой клѣтокъ становится энтодермой только потому, что „занимаетъ нѣсколько другое положеніе по отношенію къ окружающимъ клѣткамъ?“

Гертвигъ говоритъ, что внѣдреніе есть только механическое слѣдствіе энергичнаго размноженія клѣтокъ стѣнки бластули, которая, не находя себѣ достаточно мѣста, внѣдряется. Но мы не можемъ допустить, чтобы это энергичное размноженіе клѣтокъ бластули происходило совершенно равномѣрно на всей поверхности шара, такъ какъ въ подобномъ случаѣ стѣнка пузыря, не будучи въ состояніи разрастаться, благодаря присутствію оболочки яйца, подвергалась бы только давленію во всѣхъ точкахъ своей поверхности, но нигдѣ не внѣдрялась бы! Если же постоянно въ одномъ и томъ же мѣстѣ образуется внѣдреніе, то это несомнѣнное доказательство того, что именно опредѣленное мѣсто поверхности шара съ самаго уже начала рѣзко отличается отъ другихъ, что клѣтки въ данномъ мѣстѣ обладаютъ, напр., способностью къ болѣе энергичному размноженію. Слѣдовательно, уже въ стадіи бластули мы должны допустить существованіе нѣкоторыхъ основныхъ раз-

---

*) B. Hatschek: Ueber Entwicklung von Sipunculus nudus. Arb. Zool. Inst. Wien, томъ V. 1884.

личій между клѣтками стѣнки пузыря, уже на этой стадіи мы можемъ говорить объ эктодермѣ и энтодермѣ in potentia!

Еще одинъ примѣръ. Вслѣдствіе равномѣрнаго перетягиванія изъ яйца Lineus lacteus (группа лентецовъ) образуется вполнѣ правильный шаровидный зародышъ, пузырчатый, ограниченный однимъ слоемъ клѣтокъ, или такъ наз. бластула. Мечниковъ показалъ *), что эта бластула вскорѣ теряетъ свое правильное очертаніе: на той сторонѣ, которая соотвѣтствуетъ будущей брюшной поверхности, клѣтки становятся гораздо выше. Съ этого момента, слѣдовательно, раньше еще, чѣмъ наступило внѣдреніе, мы видимъ въ бластулѣ уже два дифференцированныхъ зародышевыхъ листка, такъ какъ та половина шара, которая составлена изъ высшихъ клѣтокъ, вскорѣ внѣдряется въ другую, становясь энтодермой: такимъ образомъ происходитъ типичная гаструля.

Но извѣстны также многочисленные примѣры, въ которыхъ уже первая плоскость дѣленія яйца отдѣляетъ зачатки для эктодермы и энто-мезодермы, какъ это имѣетъ мѣсто, напр., по мнѣнію Гетте, у Rhabditis nigrovenosa; у послѣдней при первомъ же перетягиваніи яйца выступаютъ двѣ клѣтки, имѣющія даже нѣсколько различный видъ, изъ которыхъ одна путемъ дальнѣйшаго дѣленія образуетъ только эктодерму, другая же исключительно—энто-мезодерму. Поэтому, невѣрно мнѣніе Гертвига, будто „нелогично — говорить объ энтодермѣ, какъ часто случается въ трудахъ, посвященныхъ развитію животныхъ, до тѣхъ поръ, пока клѣтки принадлежатъ поверхности зародышеваго пузыря и даже пока онѣ подлежатъ процессу перетягиванія **). Во многихъ случаяхъ имѣемъ полное право сейчасъ послѣ перваго акта дѣленія говорить о зачаткѣ эктодермы и энтодермы, т. е. о дифференціаціи яйца на двѣ клѣтки, изъ которыхъ каждая является зачаткомъ особыхъ, вполнѣ опредѣленныхъ частей организма.

Но примемъ во вниманіе еще одну группу фактовъ. Послѣ цѣлаго ряда дѣленій яйца шаровидные зародыши многихъ членистоногихъ представляются въ видѣ правильнаго шара, ограниченнаго извнѣ слоемъ одинаковыхъ клѣтокъ и наполненнаго внутри массой питательнаго желтка. Эти клѣтки, образуя такъ наз. бластодерму, находятся всѣ въ равныхъ топографическихъ условіяхъ какъ по отношенію другъ къ другу, такъ и по отношенію къ цѣ-

---

*) Metschnikoff: Studien über die Entwicklung der Echinodermen in Nemertinen. Mem. de l'Acad. de St. Petersburg. Ser. VII. T. 14. Онъ же: „Vergleichend embryologische Studein. Zeit. f. wiss. Zool. Bd. 37. 1882.

**) Es ist unlogisch, von einem Entoderm zu sprechen, wie es in entwicklungsgeschichtlichen Arbeiten häufig geschicht, solange die Zellen noch der Keimblasenoberflache angehören und sogar erst noch im Furchungsprocess begriffen sind.

лому. Несмотря, однако, на это равенство отношеній, въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ мѣстахъ зародыша, клѣтки бластодермы начинаютъ размножаться различно, и въ разныхъ участкахъ зародыша появляются мѣстно отграниченныя утолщенія и внѣдренія, служащія зачатками для различныхъ органовъ, какъ это, напр., прекрасно наблюдается въ раннихъ фазисахъ развитія яйца рѣчного рака. Какимъ образомъ мы можемъ понять это явленіе, если не допустимъ, что уже a priori клѣтки въ различныхъ мѣстахъ поверхности бластодермы заключали нѣкоторые особые зачатки, что онѣ уже in potentia были дифференцированы.

Всѣ эти и имъ подобные эмбріональные процессы можно объяснить себѣ только въ томъ случаѣ, если мы согласимся съ идеей Вейсмана относительно такъ наз. „неравномѣрнаго дѣленія“,—предположеніемъ, что зачатки будущихъ свойствъ организма, содержащіеся въ идіоплазмѣ яйца, дифференцируются въ актахъ перетягиванія, что въ зачатковую плазму различныхъ клѣтокъ развивающагося зародыша проникаютъ различныя группы зачатковъ. Воззрѣніе Гертвига, будто „извѣстныя клѣтки поверхности только благодаря тому, что онѣ заняли новое положеніе по отношенію къ окружающимъ, получили толчокъ къ выработкѣ признаковъ, соотвѣтствующихъ ихъ особому положенію“,—не только ничего не разъясняетъ, но, какъ было показано на нѣсколькихъ примѣрахъ, просто несогласно съ многими фактами исторіи развитія.

Эктодерма есть образованіе, способное къ воспроизведенію, напр., нервныхъ и чувственныхъ клѣтокъ, энтодерма же—печеночныхъ клѣтокъ, не потому, что та и другая содержатъ совершенно различные зачатки, но потому—по Гертвигу—что одна находится внѣ другой, что обѣ имѣютъ различное положеніе.

Принимая взглядъ Гертвига, мы должны были бы смотрѣть на эмбріональные процессы не какъ на результатъ наслѣдственныхъ моментовъ, на которыхъ сложилась длинная исторія родового развитія, но единственно какъ на результатъ минутнаго и какого-то таинственнаго взаимодѣйствія клѣтокъ, а также—вліянія внѣшняго міра въ данный періодъ времени. Этому воззрѣнію противорѣчатъ совершенно всѣ пріобрѣтенія современной морфологіи.

Мы, поэтому, думаемъ, что, только допуская неравномѣрное размѣщеніе зачатковъ, свойственныхъ идіоплазмѣ яйца, въ продуктахъ дѣленія послѣдняго, возможно понять причину того загадочнаго явленія, что въ развивающемся зародышѣ выступаетъ въ точно опредѣленной послѣдовательности все большая разнородность свойствъ, наслѣдуемыхъ отъ близкихъ и далекихъ пред-

ковъ. Въ этомъ отношеніи мы вполнѣ раздѣляемъ взгляды Вейсмана, хотя и не согласны съ однимъ принципіальнымъ пунктомъ его воззрѣнія по вопросу неравномѣрнаго размѣщенія зачатковъ (erbungleiche Theilung).

Вейсманъ полагаетъ, что въ началѣ процесса развитія часть идіоплазмы остается въ неизмѣненномъ видѣ, чтобы затѣмъ помощью такъ наз. путей зачатковой плазмы (Keimbahnen) перейти въ половыя клѣтки организма; остальная же часть съ перваго момента развитія яйца подвергается неравномѣрному размѣщенію при всякомъ актѣ сегментаціи, такъ что уже двѣ первыя сегментаціонныя клѣтки содержатъ различныя скопленія зачатковъ будущихъ свойствъ, или, какъ говоритъ Вейсманъ, различныя группы детерминантъ.

По нашему мнѣнію, нельзя такого взгляда обобщать, но, напротивъ, слѣдуетъ допустить, на основаніи фактовъ, приводимыхъ нами ниже, что въ этомъ отношеніи существуетъ различіе между растеніями и низшими животными—съ одной стороны, и высшими—съ другой, различіе, выступающее весьма постепенно и медленно, по мѣрѣ того, какъ подвигаемся все выше по лѣстницѣ организмовъ; это различіе собственно есть выраженіе совершенствованія организаціи.

Итакъ, у растеній зачатки всѣхъ наслѣдственныхъ свойствъ могутъ переходить въ отдаленнѣйшія поколѣнія развивающагося зародыша и только одни изъ этихъ зачатковъ берутъ функціонально верхъ надъ другими въ различныхъ группахъ тѣлесныхъ клѣтокъ. Половыя клѣтки, напротивъ, получаютъ идіоплазму, въ которой всѣ зачатки въ функціональномъ отношеніи играютъ одинаковую роль, а потому эти клѣтки не спеціализируются въ какомъ-нибудь одномъ направленіи. Поэтому, хотя только половыя клѣтки обладаютъ преимущественно способностью къ воспроизведенію новаго организма, тѣмъ не менѣе, однако, и другіе органы растенія, какъ листья, стебли и т. п., а нерѣдко всѣ клѣтки растительнаго тѣла въ состояніи, при извѣстныхъ условіяхъ, воспроизвести новый организмъ. Извѣстно, что побѣги растеній, посаженные въ землю, производятъ индивиды схожіе съ материнскими; куски листьевъ бегоніи тоже могутъ воспроизвести цѣлое растеніе, а нѣкоторыя низшія растенія, напр., мхи, можно разрубать въ мельчайшіе кусочки, и каждый изъ нихъ, подобно половой клѣткѣ, обладаетъ способностью къ воспроизведенію новаго, цѣлаго индивида, похожаго на родительскій. То же у низшихъ животныхъ. Прѣсноводную гидру (Hydra) можно разрѣзать въ мелкіе кусочки, изъ которыхъ каждый вновь воспроизводитъ весь организмъ. Въ доказательство нашего положенія можно привести еще факты

безполаго размноженія многихъ кишечно-полостныхъ или нѣкоторыхъ низшихъ червей, у которыхъ въ различныхъ мѣстахъ тѣла могутъ появиться такъ наз. почки, воспроизводящія родительскій организмъ со всѣми его особенностями. Ботаники, въ особенности Нэгели и де-Фризъ *), совершенно справедливо утверждаютъ, что всѣ почти клѣтки растительнаго тѣла получаютъ всѣ зачатки наслѣдственныхъ свойствъ: дѣло лишь въ томъ, что въ разныхъ видахъ этихъ клѣтокъ становятся функціонально дѣятельными различныя группы зачатковъ, придающія клѣткамъ опредѣленный морфологическій и физіологическій характеръ. Оскаръ Гертвигъ въ своей книгѣ „Клѣтка и ткани" обобщаетъ этотъ взглядъ, примѣняя его ко всѣмъ многоклѣточнымъ организмамъ: „Взглядъ, высказываемый мною неоднократно, кажется мнѣ все болѣе справедливымъ, — а именно, что вообще каждая клѣтка организма получаетъ изъ яйца весь запасъ зачатковъ; специфическій же характеръ ея вытекаетъ изъ того обстоятельства, что изъ всего запаса зачатковъ, въ зависимости отъ условій, нѣкоторые обнаруживаются, другіе остаются въ скрытомъ состояніи **).

По нашему мнѣнію, взглядъ этотъ, вполнѣ примѣнимый къ организмамъ растеній и низшихъ животныхъ, не можетъ быть примѣненъ къ животнымъ организмамъ, болѣе подвинувшимся въ развитіи, по слѣдующимъ причинамъ: 1) По мѣрѣ того, какъ переходимъ къ животнымъ съ болѣе высокой организаціей, все рѣзче становится разница между тѣлесными (соматическими) клѣтками и половыми въ смыслѣ способности къ воспроизведенію новыхъ организмовъ, такъ что, наконецъ, среди столь высоко организованныхъ группъ животныхъ, какъ членистоногія или позвоночныя, размноженіе возможно единственно и исключительно посредствомъ половыхъ клѣтокъ, слѣдовательно, лишь эти послѣднія содержатъ, очевидно, зачатки всѣхъ наслѣдственныхъ свойствъ. 2) Чѣмъ ниже степень гистологической дифференціаціи данныхъ клѣтокъ, чѣмъ менѣе онѣ спеціализированы, тѣмъ правдоподобнѣе, что зачатки, содержащіеся въ ихъ зачатковой плазмѣ и опредѣляющіе свойства этихъ клѣтокъ, болѣе разнородны, чѣмъ большая спеціализація, тѣмъ вѣроятнѣе, что зачатковая плазма клѣтокъ получила только одинъ исключительный видъ зачатковъ. Такъ, напр., та высокая степень гистологической дифференціаціи, какую

*) H. de Vries: "Intercellulare Pangenesis". Jena, 1889.

**) So erscheint die von mir mehrfach verfochtene Ausicht in grösserem Rechte, dass im Allgemeinen jede Zelle eines organismus Anlagecomplex von der Eizelle empfängt und ihre besondere Natur nur dadurch bestimmt wird, dass je nach den Bedingungen aus dem Anlagecomplex einzelne Anlagen in Wirsamkeit treten während die andern latent bleiben (286).

встрѣчаемъ въ нервныхъ и мышечныхъ клѣткахъ высшихъ животныхъ, можетъ вытекать изъ того только, что данныя клѣтки получили въ теченіе развитія зародыша точно опредѣленныя группы зачатковъ. Слѣдовательно, у высшихъ организмовъ бо́льшая степень гистологической дифференціаціи показываетъ, что тутъ имѣетъ мѣсто усиленная дифференціація зачатковъ.

Допуская, что равномѣрное дѣленіе эмбріональныхъ клѣтокъ, свойственное низшимъ организмамъ, переходило постепенно и медленно въ неравномѣрное (erbungleiche Theilung), характеризующее высшіе организмы, мы выясняемъ себѣ два важныхъ біологическихъ явленія: фактъ, что у болѣе совершенныхъ организмовъ способность размножаться пріурочивается все болѣе и болѣе къ половымъ клѣткамъ, а также и то обстоятельство, что у высшихъ организмовъ встрѣчаемъ все болѣе рѣдкую гистологическую дифференціацію клѣтокъ.

Итакъ, равномѣрное дѣленіе предшествуетъ филогенетически неравномѣрный способъ дѣленія, который произошелъ отъ перваго лишь постепенно, въ теченіе родового развитія организмовъ.

Это первоначальное состояніе, предшествующее неравномѣрному размѣщенію зачатковъ, повторяется въ первыхъ фазисахъ развитія у большинства высшихъ животныхъ; въ онтогенезисѣ послѣднихъ повторяются самыя раннія стадіи филогенезиса. Другими словами, у большинства высшихъ животныхъ первые акты дѣленія яйца и его продуктовъ совершаются такимъ путемъ, что въ зачатковую плазму всѣхъ клѣтокъ проникаютъ всѣ виды зачатковъ, по мѣрѣ же дальнѣйшаго развитія начинается уже дифференціація зачатковъ путемъ неравномѣрнаго размѣщенія, въ томъ смыслѣ, въ какомъ это понимаетъ Вейсманъ. Наше предположеніе, повидимому, вполнѣ вѣроятное въ виду того факта, что родовыя стадіи часто повторяются въ теченіе индивидуальнаго развитія, согласно также съ нѣкоторыми явленіями, наблюдаемыми въ послѣднее время нѣкоторыми эмбріологами. Я имѣю въ виду извѣстные эксперименты Дриша и Вильсона, изъ которыхъ первый у морского ежа, второй у amphioxus, благодаря сотрясанію зародышей, состоящихъ изъ двухъ, четырехъ или восьми сегментаціонныхъ клѣтокъ, вызывали распаденіе этихъ зародышей на отдѣльныя клѣтки. Каждая изъ послѣднихъ развивалась въ дальнѣйшемъ совершенно такъ же, какъ и первоначальная яйцевая клѣтка. Разведенныя куколки были нѣсколько меньшаго размѣра, чѣмъ происшедшія нормально изъ яйца. Вильсонъ получалъ этимъ путемъ молодыхъ совершенно невредимыхъ amphioxus'овъ съ спинною струною (chorda dorsalis) и нервною

трубкою; въ зависимости отъ того, происходили ли они изъ единичныхъ клѣтокъ двухъ, четырехъ или восьмиклѣточныхъ зародышей, они были въ два, четыре или восемь разъ меньше животныхъ, развивающихся изъ нормальнаго яйца. Эти факты становятся для насъ вполнѣ понятны, если допустимъ, что въ первыхъ фазисахъ развитія происходитъ еще равномѣрное дѣленіе, что, значитъ, въ зачатковой плазмѣ, напр., каждой изъ четырехъ первыхъ клѣтокъ зародыша содержатся еще всѣ виды зачатковъ. По мѣрѣ, однако, дальнѣйшаго теченія развитія, дѣленіе клѣтокъ постепенно становится все болѣе неравномѣрнымъ, такъ что въ различныя группы зародышевыхъ клѣтокъ проникаютъ уже различныя группы детерминантъ, *дифференцирующіяся* же такимъ образомъ клѣтки утрачиваютъ способность къ воспроизведенію *всего* организма.

Еще нѣсколько словъ по вопросу о прямомъ вліяніи внѣшнихъ условій на развитіе индивида. Гертвигъ, какъ мы видимъ, не усматриваетъ разницы между внѣшними и внутренними условіями, т. е. являющимися результатомъ организаціи зачатковой плазмы.

Эта идея, по нашему мнѣнію, не вѣрна. Гертвигъ дѣлаетъ здѣсь ошибку, не отличая причины отъ слѣдствія.

Гигантская лавина, находящаяся въ неустойчивомъ равновѣсіи на склонѣ горы, не скатывается внизъ оттого, что ея передній край оперся о выступъ скалы, но тихій горный ручеекъ подмылъ утесъ, и громадная лавина сейчасъ же катится по склону, освобождая могучій запасъ живой силы. Маленькая искра, несомая легкимъ вѣтеркомъ, падаетъ на кучу пороха и вызываетъ страшный взрывъ этого соединенія, причемъ освобождаются огромные запасы кинетической энергіи. Куриное яйцо, въ которомъ скрытые запасы энергіи ни въ чемъ не проявляются наружу, будучи вложено въ термостатъ, обнаруживаетъ, благодаря повышенной температурѣ, цѣлый рядъ чудесныхъ эмбріональныхъ процессовъ. Но какъ ошибочно было бы утверждать, что въ первомъ случаѣ движеніе ручейка, во второмъ легкое дуновеніе вѣтра составляли дѣйствительную причину тѣхъ могучихъ дѣйствій, также точно невѣрнымъ является мнѣніе, будто теплота дѣлаетъ то, что изъ куринаго яйца развивается цыпленокъ. Если яйцо *a* вида *A* требуетъ для своего развитія температуры *m*, яйцо *b* вида *B* температуры *n*, то было бы ошибочно говорить, что разница въ температурѣ есть причина, благодаря которой изъ яйца *a* развивается *A*, изъ *b*—*B*. Равно ошибочнымъ будетъ мнѣніе, признаваемое Гертвигомъ, что извѣстныя условія—теплота, давленіе, свѣтъ—словомъ, внѣшнія обстоятельства являются причиною такого, а не

другого теченія эмбріональныхъ процессовъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Что развитіе зародыша зависитъ отъ внѣшнихъ условій—это фактъ, но зависимость эту слѣдуетъ понимать такъ, что зародышъ воздѣйствуетъ на условія, притомъ весьма различнымъ образомъ, зависящимъ отъ внутреннихъ причинъ: отъ внутренней природы клѣтокъ, отъ природы зачатковой плазмы, отъ различій въ организаціи послѣдней, подобно тому, какъ различныя химическія тѣла реагируютъ различно на одинъ и тотъ же внѣшній факторъ, потому что имѣютъ различное химическое строеніе. Если въ однихъ случаяхъ различія температуры (напр., у Hydatina senta по Мопа), въ другихъ—различія въ интисивности свѣта (напр., въ развитіи архегоній и антеридій у папоротника) вызываютъ разнаго рода своеобразныя явленія въ развитіи половыхъ органовъ, то существенною причиною является не теплота, не свѣтъ, какъ думаетъ Гертвигъ, а сама организація индивидовъ. Поэтому, справедливо говоритъ Нэгели, что отъ внѣшнихъ условій зависитъ, „какіе зачатки, содержащіеся въ идіоплазмѣ, обнаружатся". Въ томъ же духѣ высказывается Вейсманъ въ брошюрѣ подъ заглавіемъ: „Aüssere Einflüsse als Entwicklungsreize" (1894).

Внѣшнія условія, напр., климатическія, дѣйствуя на строеніе организмовъ, могутъ отчасти измѣнять въ теченіе *родового* развитія зачатковую плазму видовъ, но въ каждомъ *индивидуальномъ* процессѣ развитія существенной причиной такого, а не иного хода развитія являются тѣ исконные, *кристаллизованные отчасти въ идіоплазмѣ наслѣдственные зачатки.*

Проф. І. Наусбаумъ.

* * *

Братья, какъ часто при вашихъ рѣчахъ,
Полныхъ движенья и шума,
Молча сижу я съ тоскою въ очахъ,
Зависть скрываю угрюмо.

Скорбному сердцу я тщетно ищу
Прежней кипучей свободы.
Кто же разскажетъ, о чемъ я молчу
Долгіе, долгіе годы?

Молча гляжу я съ тоскою вокругъ,
Стиснувъ холодныя руки...
Кто же узнаетъ мой тайный недугъ,
Скорбныя тайныя муки?

Вижу, собралась родная семья,
Милыя, близкія лица...
Кто же узнаетъ, какая змѣя
Въ сердцѣ безмолвномъ гнѣздится?

Вьется бесѣды безпечная нить,
Движется быстрое время...
Кто же вамъ скажетъ, какъ трудно носить
Это свинцовое бремя?

Если бъ нѣмую низвергнуть печать,
Что же скажу вамъ уныло?
Сердце давно ужъ привыкло молчать,
Даже проклятья забыло...

Если бъ безмолвныя узы совлечь,
Что же скажу вамъ, о братья?
Сердце забыло свободную рѣчь,
Даже забыло проклятья...

Кто же зажжетъ мнѣ спасенья свѣчу,
Мракъ мой душевный освѣтитъ?
Кто угадаетъ, о чемъ я молчу,
Скорбную тайну замѣтитъ?

Кто уничтожитъ томленье оковъ,
Чары нѣмыя отмѣнитъ,
Звуками теплыхъ, сочувственныхъ словъ
Муку больную одѣнетъ?

В. Г.

НАСТРОЕНІЕ.

ОЧЕРКЪ.

Въ окно едва пробивается тусклый свѣтъ. Мелкія капли дождя постукиваютъ по стеклу и сбѣгаютъ внизъ извилистыми полосками.

Онъ лежитъ на диванѣ, закинувъ руки за голову, и разсѣянно смотритъ на темные контуры печки. Онъ ни о чемъ не думаетъ, въ его головѣ нѣтъ мысли,—онъ усталъ размышлять...—Это нестерпимо-тягостный полусонъ съ открытыми глазами...

На столѣ бѣлѣетъ исписанный листъ почтовой бумаги и разорванный конвертъ.

Онъ вздыхаетъ и устало повертываетъ голову къ окну. Струйки дождя, образовавъ причудливую сѣть, останавливаютъ его взоръ. Онъ старательно слѣдитъ, какъ дождевыя капли, падая, усложняютъ эту сѣтку. Его вниманіе приковывается къ окну, словно на стеклѣ происходитъ что-то чрезвычайно важное для него.

Гдѣ-то далеко стучатъ дверями. Онъ отводитъ глаза. На его лбу и возлѣ губъ появляются морщинки.

Онъ вздыхаетъ глубоко, всей грудью и стремительно вскакиваетъ съ дивана.

— Боже мой! — вырывается у него вслухъ. Этотъ тяжелый, сырой полумракъ душитъ его.

Онъ подходитъ къ окну и приникаетъ головой къ холодному стеклу. Съ улицы на него вѣетъ сырымъ, холоднымъ туманомъ. Онъ снова устало опускается на стулъ и смотритъ на письмо...

„Милый мой мальчикъ! — такъ начинается письмо. — Ничего нѣтъ ужаснѣе одиночества. Теперь я совсѣмъ одна, а ты такъ далеко...“

По его губамъ пробѣгаетъ горькая усмѣшка.

— Одиночество!.. — произноситъ онъ шопотомъ.

Онъ знаетъ, что въ этомъ письмѣ сказано болѣе, чѣмъ правда. Она, его мать, единственный человѣкъ, который любитъ его, для которой онъ составляетъ не только „что-то", но все. Но каждое воспоминаніе объ этой милой старушкѣ, каждое ея письмо зажигаетъ въ его груди непонятную боль. Каждая строчка ея письма говоритъ, что все ея счастье въ немъ, отсутствіе его — смерть для нея. Это сознаніе не теперь, а давнымъ-давно живетъ въ его мозгу. Развѣ онъ не зналъ этого, когда вырвался изъ ея объятій, уѣзжая за тысячу верстъ. А теперь, развѣ это неправда, что нерѣдко, для того, чтобы избавиться отъ этого тяжелаго сознанія, онъ старается позабыть и не помнить о самомъ существованіи этой старушки!..

— Одиночество! — шепчетъ онъ снова.

А развѣ самъ онъ, проживъ въ этомъ огромномъ городѣ болѣе двухъ лѣтъ, не одинокъ? Развѣ тоска, тупая, щемящая, не охватываетъ его, заставляя по временамъ не желать ровно ничего, какъ будто вся эта жизнь—что-то совсѣмъ чуждое ему, внѣ его?..

Но тамъ, гдѣ эта милая старушка, еще ужаснѣй...—это крѣпко заколоченный гробъ...

Впрочемъ, теперь ему кажется, что какъ здѣсь, такъ и тамъ— все одинаково...

Три дня тому назадъ умеръ Ивановъ — его хорошій знакомый. Кажется, у него была чахотка. Этотъ климатъ для него былъ смертоноснымъ, но онъ, хорошо зная это, никогда не выѣзжалъ изъ города. Этотъ большой городъ притянулъ его къ себѣ и, высасывая изъ него жизнь, до конца не выпускалъ изъ своихъ объятій.

Ему невольно навязывается вѣрное сравненіе и онъ улыбается.

Ивановъ былъ мотылькомъ, а этотъ огромный, шумный и блестящій городъ — свѣчкой.

Конечно, Ивановъ былъ до конца правъ. Для него это такъ понятно... Онъ сгорѣлъ, наслаждаясь...

Ему припоминается этотъ Ивановъ, когда, бывало, онъ говорилъ на тѣхъ хорошо знакомыхъ ему вечерахъ... Онъ даже хорошо говорилъ... И это совсѣмъ недавно...

Но ему нисколько не жаль Иванова. Можетъ быть, это очень скверно, но онъ не чувствуетъ жалости,—въ немъ нѣтъ этого чувства. Тѣмъ болѣе, если Ивановъ самъ предвидѣлъ это... Не выбралъ ли онъ самое лучшее?

Онъ снова ложится на диванъ и какъ будто забывается, закрывъ глаза руками...

Вотъ онъ открываетъ лицо и широко-раскрытыми глазами смотритъ куда-то вдаль.

— Да, Ивановъ былъ правъ, — шепчетъ онъ... Ему вспоминается то время, какъ онъ самъ стремился сюда, чтобы жить въ этомъ громадномъ водоворотѣ людей. Съ какимъ замираніемъ всего существа онъ переступалъ порогъ этого источника жизни, съ какимъ восторгомъ отдался онъ его бурному движенію!.. И развѣ онъ не поступилъ бы точно такъ же, какъ этотъ Ивановъ!..

Онъ хорошо помнитъ, какъ страстно желалъ въ то время дѣла, работы... Отдать свои силы и самого себя за другихъ — это была его мечта...

Горькая усмѣшка снова мелькаетъ на его лицѣ.

Приподнявшись на локоть, онъ какъ будто задумывается на минуту, потомъ быстро вскакиваетъ и порывисто шагаетъ вдоль комнаты.

— Зачѣмъ эта фальшь? — шепчетъ онъ почти вслухъ. — Зачѣмъ эти самопожертвованія, которыхъ въ дѣйствительности нѣтъ у человѣка? Онъ знаетъ это такъ хорошо... Это сомнѣніе живетъ уже не первый день въ его мозгу... Ему кажется, что оно никогда не покинетъ и не перестанетъ мучить его...

Онъ всегда былъ бы радъ дѣлу... И теперь онъ всей душою отдался бы работѣ. Но онъ не можетъ работать... Для него нѣтъ дѣла... Онъ никогда не найдетъ его... Да и для чего онъ станетъ работать? Для другихъ? Въ его душѣ нѣтъ такого чувства... Для себя? Чтобы заморить копошащагося гдѣ-то въ мозгу самолюбиваго червяка? Но онъ слишкомъ ничтоженъ для того, чтобы изъ-за него стоило задумываться...

Побужденія, заставляющія другихъ наслаждаться своей работой, давно уже кажутся ему самообманомъ... Человѣкъ трудится и какъ будто старается не заглядывать въ свою душу поглубже... Словно какимъ-то инстинктомъ предугадываетъ, что тамъ не все ладно...

Работа для другихъ, для цѣли, лежащей гдѣ-то далеко, внѣ этой работы, въ дѣйствительности сводится совсѣмъ къ другому... Онъ самъ не разъ наблюдалъ это... Хотя бы тотъ же Ивановъ: развѣ онъ любилъ то дѣло, о которомъ такъ горячо говорилъ?.. — Нѣтъ, все это было такъ же чуждо и далеко отъ Иванова, какъ и отъ него... Онъ просто наслаждался своей мыслью, своимъ споромъ, самимъ собою...

Онъ перестаетъ шагать и, остановившись у печки, прикладываетъ руку къ головѣ... Думы, перегоняя одна другую, проносятся въ его мозгу.

— Заставлять себя работать, не чувствуя удовлетворенія, требовать лишь однихъ усилій для какой-то цѣли...

Ему какъ будто холодно. Онъ передергиваетъ плечами и шепчетъ съ горькой улыбкой:

— Для цѣли, которая нерѣдко за предѣлами личной жизни...

Передъ его глазами, мелькая, тянутся длинной вереницей дни, полные напряженнаго исканія *чего-то*, и столь же туманные, если не болѣе, какъ этотъ настоящій день, тускло заглядывающій въ его окна.

Устало опустившись на стулъ, онъ облокачивается обѣими руками о свои колѣни и, подперевъ ими голову, замираетъ въ этой позѣ. Взглядъ его тупо бродитъ по предметамъ, не останавливаясь ни на чемъ подолгу.

Теперь ему кажется, что потолокъ его комнаты слишкомъ низокъ и сдавливаетъ его голову... И сама комната какъ будто уже словно стѣны ея, сдвигаясь, хотятъ раздавить его.

Онъ опускаетъ руки и безцѣльно выдвигаетъ изъ стола ящикъ... Заглянувъ въ него и передвинувъ бумаги, онъ, видимо, ничего не находитъ, такъ какъ едва ли имѣетъ въ виду что-либо опредѣленное... Но когда онъ снова хочетъ задвинуть ящикъ, рука его нечаянно задѣваетъ что-то холодное. Это револьверъ большого формата. Три года тому назадъ онъ получилъ его въ подарокъ отъ дяди. Онъ совершенно новый и блеститъ, такъ какъ почти никогда не бывалъ въ употребленіи.

Ему вспоминается, что онъ какъ-то давно взялъ пачку пуль и зарядилъ его, такъ себѣ, безъ всякой цѣли. Теперь, посмотрѣвъ въ барабанъ, онъ видитъ, выглядывающія оттуда, свинцовыя головки... Неопредѣленная улыбка пробѣгаетъ по его губамъ. Кажется, что онъ разглядываетъ впервые это оружіе и заинтересованъ чѣмъ-то такимъ, чего прежде никогда не замѣчалъ и не могъ предполагать въ этой вещи...

Въ головѣ его въ эту минуту не пробѣгаетъ ни одной ясно опредѣленной мысли. Онъ какъ будто все, что дѣлаетъ, — дѣлаетъ машинально.

Приподнявъ револьверъ, онъ прикладываетъ дуло къ виску и съ блуждающей странной улыбкой посматриваетъ въ окно. Дотрагиваясь до металлическаго курка пальцемъ, онъ чувствуетъ холодъ стали и упругость пружины. Это ощущеніе доставляетъ

ему необыкновенное удовольствіе. Упругость пружины невольно раздражаетъ его палецъ и заставляетъ нажимать все сильнѣе. Съ какимъ-то сладкимъ замираніемъ онъ чувствуетъ, какъ курокъ поддается его усилію и незамѣтно приподнимается...

Но въ это время онъ неожиданно вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ. Испуганно оглянувшись, онъ опускаетъ руку и торопливо прячетъ револьверъ. Въ его дверь кто-то стучитъ.

Это одинъ изъ его знакомыхъ... Только теперь онъ вспоминаетъ, что сегодня похороны Иванова и за нимъ обѣщали зайти.

Они уже стоятъ на углу улицы. Дождь, похожій на водяную пыль, мочитъ ихъ платье и лица... Сѣрыя, свинцовыя тучи тяжело ползутъ надъ городомъ и, какъ будто, задѣваютъ за крыши и трубы домовъ... Западный вѣтеръ налетаетъ порывами и обдаетъ ихъ обоихъ холодной сыростью.

Онъ смотритъ на лицо своего спутника и что-то злое и досадно-обидное начинаетъ шевелиться въ его груди. Ему становится гадко за себя...

— Зачѣмъ онъ и куда идетъ? Или ему хочется походить на этого, что стоитъ теперь рядомъ съ нимъ? У этого есть причина. У него и лицо такое — особое, подходящее къ случаю, — похоронное. Ему дѣлается смѣшно. Онъ невольно припоминаетъ себя гимназистомъ... Когда ему приходилось надѣвать новый мундиръ, онъ всегда чувствовалъ особое настроеніе, — такое своеобразное, мундирное...

Онъ старается не думать и смотритъ, хотя и не знаетъ для чего, въ ту же сторону, куда напряженно вглядывается его знакомый.

Гдѣ-то въ глубинѣ улицы, въ сѣрой пеленѣ тумана, начинаетъ колыхаться что-то большое, темное и растетъ съ каждой минутой, принимая опредѣленные контуры. Черезъ нѣсколько минутъ становятся ясно видны черный катафалкъ и толпа народа.

Онъ идетъ вмѣстѣ съ толпой, тяжело ступая по грязи и не замѣчая ни лужъ, ни рытвинъ. Чьи-то знакомыя лица скользятъ передъ его глазами. Но онъ не можетъ да и не хочетъ вспомнить, кому принадлежатъ эти лица...

Ему кажется, что у всѣхъ этихъ лицъ какое-то одно, общее и хорошо знакомое выраженіе... Словно всѣ мускулы каждаго изъ этихъ лицъ напряжены какъ-то неестественно сильно, какъ будто всѣ эти люди несутъ какую-то огромную тяжесть, пригибающую ихъ къ землѣ.

Онъ чувствуетъ, какъ въ груди его живой тяжелый клубокъ медленно подкатывается къ горлу.

Сначала онъ идетъ рядомъ со своимъ знакомымъ... Теперь возлѣ него какая-то чужая фигура. Передъ нимъ чья-то длинная сѣдая борода; онъ видитъ даже, какъ на концѣ этой бороды, скатываясь, дрожатъ капли дождя. Вотъ уже передъ нимъ кто-то другой. Это морщинистое безобразное лицо старухи... На ней какой-то старомодный смѣшной салопъ...

Ему вдругъ ужасно хочется захохотать, захохотать громко, бѣшено, неудержимо... Онъ стискиваетъ зубы и смотритъ молча и напряженно въ чей-то гладкій затылокъ...

Конечно, эта старушка никогда и не слышала объ Ивановѣ... Она просто не можетъ не проводить покойника... Мертвецъ для нея нѣкоторымъ образомъ близкій, по крайней мѣрѣ ближе большинства живыхъ людей.

Съ порывами вѣтра откуда-то спереди доносится невнятный унылый напѣвъ. Это хоръ пѣвчихъ. Онъ невольно силится вслушаться.

Теперь всѣ идущіе передъ нимъ люди сливаются во что-то одно большое цѣлое, и ему кажется, что это не онъ шагаетъ въ толпѣ, и что это не толпа, а огромное сѣрое чудовище, часть котораго составляетъ онъ самъ, плавно ползетъ подъ медленный ритмъ унылаго напѣва...

А напѣвъ этотъ — вой вѣтра въ бурную зимнюю ночь... И передъ нимъ теперь уже совсѣмъ что-то иное... — Маленькая уютная комнатка... Въ каминѣ трещатъ дрова... Старушка, съ милымъ знакомымъ лицомъ, вяжетъ, сидя возлѣ лампы... Ему такъ тепло и хорошо... А въ дымовой трубѣ, жалобно убаюкивая, завываетъ непогода...

Сильный порывъ вѣтра заставляетъ его вздрогнуть отъ сырого пронизывающаго холода.

Къ горлу мучительнѣе прежняго подступаетъ что-то тяжелое, удушливое...

Сѣрое чудовище уже вползаетъ черезъ большія желѣзныя ворота въ ограду кладбища. Вѣтеръ стихъ... Одинокіе кресты тоскливо бѣлѣютъ по сторонамъ... Только сверху шумно мечутся, словно испуганныя, вѣтви высокихъ деревьевъ...

Дождь пересталъ моросить... Онъ чувствуетъ, какъ ноги его вязнутъ во что-то липкое. Взглянувъ внизъ, онъ видитъ свѣжую желтую глину... Ее выбросили изъ вырытой ямы. Кто-то тѣснитъ его съ одной стороны и больно надавливаетъ на плечо. Хоръ поетъ; онъ даже слышитъ отдѣльные голоса... Потомъ становится тихо и ему кажется, что нѣсколько голосовъ начинаютъ шумно

спорить. Спереди и съ боковъ сосѣди его вытягиваютъ шеи... Ему невыносимо душно... Чьи-то цѣпкіе желѣзные пальцы сдавливаютъ ему горло. И вдругъ, словно тяжелый ударъ молота падаетъ ему на голову... Вся толпа кружится и прыгаетъ возлѣ него... Ледяной холодъ пробѣгаетъ по его спинѣ....

Глухой звукъ, но отчетливо ясный, касается его уха... Вотъ другой, третій...

Чьи-то глаза на одно мгновеніе испуганно смотрятъ прямо ему въ лицо. Передъ нимъ мелькаетъ смѣшной салопъ старухи... Онъ чувствуетъ, какъ его лобъ горитъ, а все тѣло бьетъ жестокая лихорадка... Ему чудится, что холодная сталь приникаетъ къ его вискамъ, а свинцовыя головки выглядываютъ на него изъ барабана... Глухой стукъ остановился и мучительно звучитъ въ его ушахъ... Ему хочется схватиться за голову и заткнуть уши... Онъ узнаетъ этотъ звукъ: это первые комья глины упали на крышку гроба.

Сверху что-то черное наклоняется къ нему, скрипитъ и скрежещетъ надъ его головой. Словно невѣдомыя огромныя птицы шумно носятся надъ нимъ, желая схватить и заклевать его...

Только вблизи кладбищенскихъ воротъ онъ замѣчаетъ, что давно уже одинъ. Толпа осталась далеко позади. Вверху, подъ порывами вѣтра, машутъ и гнутся верхушки деревьевъ, а черные клочья дождевыхъ тучъ бѣшено проносятся надъ самой землей.

Ноги его дрожатъ, а все тѣло ноетъ отъ какой-то тупой боли. Онъ весь разбитъ и не можетъ идти дальше. Прислонившись къ одному изъ деревьевъ, онъ крѣпко прижимается къ толстому стволу и замираетъ въ этомъ положеніи.

Въ наступившемъ сумракѣ кладбищенскіе кресты едва выступаютъ неясными пятнами. Они кажутся какими-то недвижными призраками. Жуткій покой памятниковъ и могильныхъ крестовъ заставляетъ его всѣмъ тѣломъ прижаться къ толстому стволу дерева, какъ будто ища защиты отъ чего-то страшнаго... Такъ проходитъ невыносимо долгая минута, полная какого-то тоскливаго напряженія...

Но вотъ онъ нервно и порывисто охватываетъ дерево обѣими руками. Все тѣло его вздрагиваетъ и колышется отъ удушливыхъ рыданій...

Ему теперь легче... Еще легче... Онъ чувствуетъ, какъ по лицу его катятся теплыя слезы...

Часовая стрѣлка показываетъ двѣнадцать часовъ дня, когда онъ вскакиваетъ съ постели. Прямо въ окно заглядываютъ солнечные лучи, рисуя на полу переплеты рамы... На подоконникѣ, за зимней рамой, чирикаютъ и копошатся воробьи.

Онъ садится за столъ и съ интересомъ разглядываетъ книжку журнала, еще дня два тому назадъ принесенную почтальономъ. Солнечные лучи не даютъ ему читать... Онъ закрываетъ глаза рукою и чему-то радостно улыбается...

В. Г—скій.

ИНДИВИДУУМЪ, ГРУППА и СРЕДА.

(Переводъ съ нѣмецкаго *П. Берлина*).

Приступая къ новой наукѣ, „общественной физикѣ“, Кетле прежде всего занялся изслѣдованіемъ почвы, на которой могла бы быть построена эта наука. При этомъ два обстоятельства для него не подлежали сомнѣнію. Во-первыхъ, что подобная „общественная физика“ возможна. Эта исходная точка изслѣдованія повидимому явилась a priori, но на самомъ дѣлѣ она вытекла изъ изслѣдованія всей природы. „Не безсмысленно ли было бы предполагать,—разсуждалъ онъ,— что, тогда какъ повсюду господствуютъ неуклонные законы, одно только общество должно быть слѣпо предоставлено самому себѣ?“ Во-вторыхъ же, онъ былъ убѣжденъ, что твердымъ базисомъ для „общественной физики“ могутъ послужить только „средніе люди“. „Человѣкъ, какъ я его здѣсь разсматриваю,—писалъ Кетле,— является по отношенію къ обществу тѣмъ же, чѣмъ центръ тяжести по отношенію къ тѣламъ; онъ служитъ средствомъ для управленія элементами общества“. Подобно тому, какъ физикъ при вычисленіи движенія тѣлъ беретъ базисомъ центръ тяжести, точно также и Кетле, опираясь на „среднихъ людей“, хочетъ вычислить законы движенія обществъ. Однако онъ сознаетъ, что этотъ „средній человѣкъ“ есть „вымышленное существо“, математическая точка, математическое понятіе, въ дѣйствительности не существующее; но принятіе его является „средствомъ, избраннымъ для того, чтобы создать общественную физику“.

Достигъ ли Кетле цѣли, къ которой онъ стремился съ такимъ талантомъ и усердіемъ? Онъ явился основателемъ современной статистики, метода изслѣдованія, оказавшаго важныя услуги самымъ различнымъ отраслямъ науки для констатированія фактовъ индивидуальной и соціальной жизни. Но что ему не удалось даже въ общихъ чертахъ разработать „физику общества“ — безо всякаго сомнѣнія свидѣтельствуетъ его позднѣйшее сочиненіе „Къ естественной исторіи общества“. Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи онъ подводитъ общіе итоги своимъ статистическимъ изслѣдованіямъ, чтобы путемъ постепеннаго перехода отъ физическаго къ интеллектуальному индивидууму установить въ концѣ-концовъ законы физической, нравственной и интеллектуальной жизни общества. И что же даютъ намъ эти итоги? Его

статистическія изслѣдованія, его „массовыя наблюденія“, его „средній человѣкъ“ нисколько не уяснили ему великую проблему „общества“ и человѣчества; а въ концѣ-концовъ, чтобы представить свое „общество“ какъ „органическое тѣло“, онъ долженъ былъ обратиться за помощью къ нѣмецкой „органической“ школѣ въ государственныхъ наукахъ, къ Ралю и Планту. Но вѣдь этого достигли нѣмецкіе „органисты“ и безъ всякой статистики, безъ всякаго „средняго человѣка“.

Неудача, постигшая его предпріятіе, показываетъ, съ одной стороны, что та „прочная основа“, тотъ „центръ тяжести“ соціальныхъ тѣлъ, съ которыми онъ оперировалъ, были недостаточны и непригодны. Но, съ другой стороны, причина неудачи объясняется умственными качествами самого Кетле. Кетле былъ по преимуществу математикомъ,— и ему не доставало историческаго пониманія конкретныхъ соціальныхъ явленій *). Для него человѣкъ и общество это математическія величины; общество у него это тѣло, которое вращается вокругъ человѣка какъ своего центра тяжести. И когда этотъ математическій методъ не привелъ его къ цѣли, онъ слѣпо схватился — подкупленный обманчивою внѣшностью — за натуро-философскія аналогіи и сравненія „органической теоріи государства“, вмѣсто того, чтобы разсматривать соціальныя явленія въ ихъ исторической конкретности. Вслѣдствіе этого при изслѣдованіи соціальныхъ учрежденій и явленій онъ довольствуется объясненіями и опредѣленіями, не выдерживающими ни малѣйшей исторической критики. Такъ, напр., для него семья — причемъ онъ, конечно, думаетъ только о современной моногамической патріархальной семьѣ — „безспорно является самой простой и самой естественной группой, которую мы находимъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ“ (!) „Нація“ для него—это „тѣло, состоящее изъ однородныхъ (!) элементовъ, солидарно выполняющихъ свои функціи и одушевленныхъ однимъ и тѣмъ же жизненнымъ принципомъ“. Высказывая эти мысли, Кетле, очевидно конкретно не представлялъ себѣ ни одной реальной исторической націи — онъ думалъ, конечно, лишь о той статистической „массѣ“, которая вращается вокругъ „среднихъ людей“ и неоднородные элементы которой, входя въ статистическую таблицу, должны подчиниться арифметическому среднему, чтобы ихъ можно было соединить подъ общимъ именемъ среднихъ людей. Но все это въ лучшемъ случаѣ соціальная математика, соціальная теорія вѣроятностей, но ни въ коемъ случаѣ не соціальная „физика“. Между физиками и Кетле, къ сожалѣнію, существуетъ то различіе, что первые, исходя изъ фиктивныхъ величинъ, приходятъ къ конкретнымъ истинамъ, тогда какъ Кетле и исходитъ изъ фикціи „среднихъ людей“ и приходитъ къ фиктивному „обществу“ и фиктивному „человѣчеству“.

Ошибочна была именно его отправная точка зрѣнія. Не избравъ личности, конкретнаго индивидуума своей исходной точкой, онъ поступилъ вполнѣ основательно, ибо отъ не поддающейся вычисленію личности, капризы и произволы которой, страсти и анормальности насмѣхаются надъ всякимъ научнымъ вычисленіемъ,— что вѣрно понялъ Кетле, — никоимъ образомъ нельзя придти къ „обществен-

*) У Кетле мы нигдѣ не встрѣчаемъ историческихъ примѣровъ или экскурсій въ область исторіи.

ной физикѣ". Но его „средній человѣкъ" противоположная крайность. Если индивидуумъ страдаетъ слишкомъ ужъ грубой конкретностью, массою несущественныхъ случайностей, не поддающихся никакому вычисленію, то его „средній человѣкъ" страдаетъ слишкомъ большою абстрактностью, общностью, насмѣхающеюся надъ всякой конкретной исторической дѣйствительностью. Для построенія „общественной физики", какъ выражался Кетле, или соціологіи, какъ выражаются теперь по примѣру Канта, надо избрать средній путь и исходною точкою выбрать ни слишкомъ конкретнаго индивидуума и ни слишкомъ абстрактнаго человѣка, но, если можно такъ выразиться, абстрактно-конкретную соціальную группу. Соціальной группѣ не присущи никакія индивидуальныя случайности и отклоненія; она подчинена строгому правилу, она слѣдуетъ точному закону. Кромѣ того, она свободна и отъ главнаго недостатка „средняго человѣка", такъ какъ она не представляетъ ни фикцію и ни абстракцію. Группа представляетъ во всякомъ случаѣ конкретное явленіе, если даже и не такъ легко поддающееся пониманію и описанію. Она не есть статистическая масса съ произвольно расширенными границами, внутренняя разнородность и существенныя различія которой скрываются закономъ „большихъ чиселъ"; вѣрнѣе, группа является вполнѣ опредѣленно отграниченнымъ общежитіемъ (Gemeinschaft) съ ясно выраженнымъ соціальнымъ характеромъ, ясно отличнымъ отъ характера другихъ общежитій. Здѣсь ужъ не приходится прибѣгать къ „большому числу", чтобы скрыть соціальныя различія, ибо она соціально однородна и, какъ таковая, одухотворена однимъ духомъ, воодушевлена однимъ стремленіемъ. Въ этомъ отношеніи о соціальныхъ группахъ съ бо̀льшимъ правомъ можно сказать, что безъ нихъ немыслима „общественная физика", чѣмъ о фиктивномъ среднемъ человѣкѣ Кетле. Онѣ, эти группы, являются отправной точкой и основой всякой соціологіи, такъ какъ онѣ являются тѣми точными и по извѣстнымъ правиламъ и законамъ движущимися факторами соціальнаго развитія, на законообразность которыхъ можно съ увѣренностью разсчитывать. Если удастся доказать, что эти соціальныя группы являются исходнымъ пунктомъ и основой соціологіи, то тогда нужно будетъ еще доказать: что эти группы дѣйствительно обусловливаютъ мысли и помыслы входящихъ въ ихъ составъ индивидуумовъ и такимъ образомъ вовлекаютъ ихъ въ потокъ своего движенія; что эти группы фактически образуютъ идейныя и соціальныя единицы, принуждая съ неодолимою силою принадлежащихъ къ нимъ личностей идти по опредѣленному пути. Если бы этого не было, если бы значительное число индивидуумовъ могло произвольно прокладывать свой собственный путь, то тогда бы не могло быть и рѣчи о законосообразности и планомѣрности движенія группъ и тогда бы эти группы такъ же бы мало были пригодны служить основою соціологическаго изслѣдованія, какъ и отдѣльные конкретные индивидуумы.

Такимъ образомъ на томъ, кто избираетъ исходной точкой и основой жизни объ обществѣ, т. е. соціологіи, соціальную группу, лежитъ обязанность доказать, что „индивидуумъ", какъ таковой, неотдѣлимъ отъ своей группы; что онъ духовно и соціально принимается во вниманіе лишь какъ атомъ своей группы и что, какъ самостоятельный факторъ, онъ не имѣетъ въ соціологіи или совсѣмъ никакого, или лишь минимальное значеніе.

* * *

Обусловленность индивидуума его средою и зависимость его воззрѣній отъ группы не является рефлекторной, волевой, сознательной, она скорѣе непроизвольная, необходимая и въ большинствѣ случаевъ безсознательная, уже по той простой причинѣ, что все духовное „я“ развивается въ окружающей его умственной атмосферѣ. На общее признаніе этого факта опирается существовавшее во всѣ времена и у всѣхъ народовъ предположеніе, что дѣти похожи на родителей, опирается учрежденіе кастъ, опираются въ особенности извѣстные классовые и сословные предразсудки. Конечно, существовали и существуютъ многія убѣжденія, оказавшіяся безосновательными и несостоятельными при дальнѣйшемъ прогрессѣ умственнаго познанія; но и не меньшее число этихъ групповыхъ убѣжденій еще болѣе укрѣплялось съ теченіемъ времени и дальнѣйшимъ прогрессомъ знанія. Къ числу этихъ послѣднихъ принадлежитъ убѣжденіе въ извѣстной однородности индивидуумовъ данной соціальной группы.

Въ чемъ же состоитъ эта однородность и откуда она вытекаетъ? Физической ее, очевидно, назвать нельзя. Въ каждой группѣ существуютъ сильные и слабые индивидуумы, большіе и маленькіе, блондины и брюнеты; несмотря на извѣстныя непереступаемыя границы, отдѣляющія другъ отъ друга великія „семьи народовъ“ или, лучше сказать, два великихъ рассовыхъ міра, въ каждой соціальной группѣ существуетъ большое разнообразіе типовъ. Нельзя назвать ее и нравственной. Въ каждой соціальной группѣ мы видимъ всю лѣстницу нравственныхъ характеровъ—отъ врожденной доброты до злости и испорченности, отъ состраданія до жестокости, отъ отзывчивости до страсти вредить другимъ и т. д. Но эта однородность и не интеллектуальная. Всякая соціальная группа обнаруживаетъ передъ нами всю безконечную скалу интеллектуальныхъ качествъ отъ идіотства до самой чистой мудрости; отъ тупоумія, знающаго лишь чисто животныя страсти, до самаго высокаго развитія художественныхъ и эстетическихъ свойствъ; отъ отсутствія всякаго высшаго стремленія до фантастическаго стремленія къ туманнымъ „общечеловѣческимъ“ идеаламъ. Но, несмотря на все разнообразіе физическихъ, моральныхъ и интеллектуальныхъ типовъ, въ глубинѣ души каждаго индивидуума, всякой соціальной группы можно вскрыть извѣстный фондъ однородныхъ чертъ. Этотъ фондъ состоитъ въ томъ, что всякая соціальная группа частью по своему экономическому положенію, частью по своему прошлому и отношенію къ другимъ группамъ обнаруживаетъ опредѣленный складъ, свое особое міросозерцаніе, особую оцѣнку моральныхъ и матерьяльныхъ благъ, вырабатываетъ почти особую культуру, которая неискоренимо усвояется ея членами, настолько неискоренимо, что даже, если индивидъ по собственной волѣ порываетъ съ этой духовной почвой и обращается противъ родной группы, то и тогда его произвольно избранное оппозиціонное отношеніе явится его первоначальнымъ духовнымъ складомъ, превращеннымъ въ его противоположность. Извѣстнымъ примѣромъ этого служитъ преувеличенная набожность новообращенныхъ. Этотъ фондъ однородности всѣхъ членовъ одной и той же группы составляется не изъ чертъ характера, повсюду обнаруживающихъ богатое разнообразіе, но и не изъ сходства интеллектуальныхъ качествъ и свойствъ; въ него входятъ черты, возни-

кающія изъ отношеній и реакцій одной группы къ отношеніямъ и реакціямъ другой группы, словомъ, черты, порождаемыя окружающей средой. Поэтому-то эта однородность спеціально выражается въ одинаковомъ отвращеніи къ извѣстнымъ идеямъ и міросозерцаніямъ, въ одинаковомъ отношеніи къ извѣстнымъ идеаламъ, въ одинаковомъ стремленіи къ извѣстнымъ общимъ цѣлямъ.

Конечно, мысль о подобной однородности членовъ одной и той же соціальной группы никогда не сдѣлается популярной, скорѣе, ее всѣ будутъ отвергать — она мѣшаетъ индивидууму, какъ таковому, чувствовать себя полною индивидуальностью. Что-то непріятное заключается для насъ въ этой мысли, такъ какъ она не только ставитъ „свободнаго" индивидуума въ зависимость отъ внѣшнихъ факторовъ, — съ этимъ бы еще можно было примириться, — но еще утверждаетъ, что въ извѣстной сферѣ своей духовной жизни эти „свободные" индивидуумы обнаруживаютъ полную однородность и сходство со „всякою чернью" той же самой группы; противъ этого горячо протестуетъ всякое индивидуальное „сознаніе". Но тщетенъ этотъ протестъ; быть можетъ, и непріятно не быть „самимъ собой", но, къ сожалѣнію, это соціально психическій фактъ, что никто вполнѣ не является „самимъ собою". Эта крайне интимная связь группы съ индивидуумомъ затемняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ самыхъ различныхъ группахъ, несмотря на все различіе индивидуальныхъ дарованій, интеллекта и темперамента, чувствъ и душевныхъ качествъ, время отъ времени появляются совершенно сходныя личности. Вслѣдствіе того, что въ самыхъ разнообразныхъ группахъ порою появляется блестящій поэтъ или геніальный художникъ, обнаруживающій поразительное сходство съ геніемъ, выросшимъ въ совершенно иной группѣ; вслѣдствіе того, что то въ одной, то въ другой группѣ, отличающейся кореннымъ образомъ по своей сущности и своему положенію, появляются индивидуумы одинаково высоко-нравственные или порочные,—вслѣдствіе всего этого такъ склонны объяснять всю моральную и духовную дѣятельность человѣка его индивидуальными особенностями и твердить, что повсюду, во всѣхъ слояхъ общества существуютъ умные и глупые, честные и негодяи. Это, конечно, совершенно вѣрно. Но, говоря это, обыкновенно не замѣчаютъ, что въ самой глубокой подпочвѣ всякой индивидуальности, глубоко за всякою дѣятельностью интеллекта и чувства скрывается еще одинъ слой душевной жизни, гдѣ глубоко сокрытыми лежатъ всѣ соціальныя развѣтвленія корней, связывающія индивидуума съ его группой, и хотя эта глубочайшая душевная подпочва не можетъ касаться проявленій интеллекта и чувства въ ихъ разнообразныхъ обще-человѣческихъ формахъ, но все-таки въ ней только и кроется истинный источникъ всякой нашей соціальной дѣятельности. Въ силу этого-то, пока не возникаетъ вопроса объ этой соціальной дѣятельности, совершенно не замѣчаютъ этотъ глубоко лежащій душевный слой — его источникъ не бьетъ и не прорывается наружу. Но какъ только вопросъ заходитъ о соціальной дѣятельности, этотъ источникъ сразу прорывается наружу, бьетъ вверхъ, подчиняетъ себѣ „волю" индивидуума и увлекаетъ его за собою. Само собою понятно, что этотъ источникъ спокоенъ или дѣятеленъ въ зависимости отъ того, не участвуетъ ли индивидуумъ совсѣмъ въ соціальной жизни, участвуетъ ли болѣе или менѣе. У компонистовъ, вся жизнь которыхъ посвящена спокойному составленію

музыкальныхъ произведеній, въ теченіе всей жизни этотъ источникъ можетъ быть неподвижнымъ; у человѣка, занимающагося профессіональною дѣятельностью, принуждающею его волей-неволей принимать участіе въ соціальной жизни, этотъ источникъ чаще прорывается; у человѣка же общественной жизни, у политика, у государственнаго дѣятеля этотъ источникъ непрестанно дѣйствуетъ.

Вытекающія изъ этого источника теченія оказываютъ вліяніе, сознаваемое или несознаваемое, на всякую соціальную дѣятельность, — придавая послѣднему выраженію самый широкій смыслъ, — т. е. на дѣятельность, направленную на самосохраненіе группы, возрастаніе ея могущества и господства или же на ея соціальное положеніе по отношенію къ государству и обществу. Эта постоянная, хотя и не столь замѣтная зависимость индивидуума отъ жизненныхъ интересовъ его группы часто упускалась изъ виду наукой вообще и историческою наукою въ особенности. Историки въ большинствѣ случаевъ вполнѣ основательно не занимаются изслѣдованіемъ зависимости ихъ героевъ отъ окружающихъ группъ, ибо подобное изслѣдованіе не мирится съ культомъ героевъ; оно требуетъ, чтобы всѣ поступки историческихъ личностей вытекали не только изъ ихъ собственнаго „я", но также изъ ихъ времени, ихъ народа, ихъ государства и по возможности вліяли бы на ихъ группы, увлекали бы ихъ за собою, преобразовывали бы ихъ, реформировали и двигали впередъ. Главная цѣль историка — доказать все величіе героевъ — совершенно не мирится съ изслѣдованіемъ, какіе неизбѣжные, неустранимые матерьяльные интересы группъ обусловили дѣятельность этихъ героевъ? Но надо надѣяться, что соціологія и соціологическій методъ въ области исторіи и политики исполнитъ въ двадцатомъ вѣкѣ всѣ данныя обѣщанія, какъ въ области законодательства и общественной жизни, такъ и въ области государственныхъ наукъ и исторіи государствъ.

Прежде всего систематическая соціологія должна будетъ изслѣдовать и классифицировать по степени вліянія на индивидуумовъ различныя скрещивающіяся группы, изъ которыхъ состоитъ современное государство; она представитъ намъ отдѣльную личность, какъ члена самыхъ различныхъ группъ, и покажетъ, какую степень вліянія оказываетъ та или иная группа на дѣятельность индивидуума въ той или другой сферѣ. Ея главная задача заключается въ томъ, чтобы описать инвентарь существующихъ соціальныхъ группъ, по системѣ описательной ботаники или зоологіи, охарактеризовать эти группы и указать различные матерьяльные, духовные, политическіе или гуманитарные интересы, вокругъ которыхъ онѣ кристаллизируются, изслѣдовать различіе въ степени вліянія оказываемаго тою или другою группой на ея членовъ и т. д. Что подобное описаніе факторовъ и движущихъ силъ общественной жизни, соціальныхъ группъ и государства возможно и что оно позволяетъ намъ глубоко проникнуть въ механизмъ политики, это доказалъ Густавъ Ратценгоферъ въ своемъ классическомъ сочиненіи о „Политикѣ" *).

*) „Wesen und Zweck der Politik als Theil der Sociologie und Grundlage der Staatswissenschaften von Gustav Ratzenhofer". Leipzig. 1893. Профессора государственнаго права, придерживающіеся „юридическаго метода", старательно замалчивали это сочиненіе. Но это имъ не удалось, такъ какъ живая политика изо дня въ день свидѣтельствовала, какъ хорошо понялъ ее Ратценгоферъ, гораздо лучше, чѣмъ иныя „міровыя газеты".

Нѣтъ ни одного человѣка, который стоялъ бы внѣ всякой группы, нѣтъ ни одного человѣка, который бы сознательно или безсознательно не слѣдовалъ интересамъ какой-либо группы. Но такъ какъ поступки отдѣльныхъ лицъ суммируются въ дѣятельность ихъ группы, то въ результатѣ въ общественной жизни и въ исторіи дѣло идетъ только о подобной дѣятельности группъ и научное изслѣдованіе государственнаго развитія должно обращать вниманіе только на эту дѣятельность, изученіе которой вполнѣ достаточно для научнаго установленія законовъ соціальнаго развитія. Познавъ интересы разнообразныхъ соціальныхъ группъ въ государствѣ, мы уже знаемъ и дѣятельность ихъ членовъ. Опираясь на эту почву изученія группъ и ея естественныхъ интересовъ, соціологія получитъ характеръ научной точности и сумѣетъ выработать законы соціальнаго развитія.

* * *

Если удастся установить, что всѣ событія соціальнаго міра лишь кажутся индивидуальными дѣйствіями, на самомъ же дѣлѣ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ происшествіями, вызываемыми вѣчными, законосообразными движеніями и стремленіями группъ и групповыхъ союзовъ, ихъ взаимнымъ отталкиваніемъ и притяженіемъ, ихъ борьбою и коопераціей, то тогда мы значительно ближе подойдемъ къ той цѣли, къ которой такъ безрезультатно стремился Кетле. Ибо, если въ кажущемся хаосѣ соціальныхъ движеній мы сумѣемъ фиксировать группы, эти соціальныя единицы, то мы пріобрѣтемъ твердую точку опоры, на которой можетъ быть построена „общественная физика“, или, выражаясь современнымъ языкомъ, соціологія. Движенія группъ, которыя всегда, безошибочно и неуклонно преслѣдуютъ интересы своего самосохраненія, поддаются точному вычисленію; и взаимоотношеніе группъ, которыя приходятъ въ столкновеніе, вслѣдствіе того, что пути ихъ скрещиваются, можно легко опредѣлить заранѣе. Стоитъ только принять въ разсчетъ объемъ и вѣсъ, сцѣпленіе и структуру обѣихъ группъ—и результатъ столкновенія не можетъ подлежать сомнѣнію. Въ зависимости отъ всѣхъ этихъ качествъ группъ, одна группа своимъ натискомъ можетъ совершенно уничтожить другую, такъ что послѣдняя безслѣдно распустится въ безконечномъ пространствѣ соціальнаго міра; или же обѣ столкнувшіяся группы, если онѣ обладаютъ извѣстнымъ сходствомъ и не очень отличаются объемомъ, могутъ остаться въ этомъ тѣсномъ соприкосновеніи и отдѣльно идти по общему пути; или же возможно, что составныя части одной группы войдутъ въ составъ другой и главная масса первой группы разложится на атомы, исчезнетъ и т. п. Всѣ эти событія совершаются законосообразно, обусловливаясь данными, поддающимися опредѣленію, факторами—объемомъ, вѣсомъ, качествомъ, сцѣпленіемъ, структурой и тому подобными свойствами отдѣльныхъ группъ. Если совершенно отвлечься отъ отношеній между индивидуумами-атомами, изъ которыхъ состоитъ общество,—это отношеніе, какъ зависящее отъ движенія группъ, имѣетъ лишь подчиненное значеніе вторичныхъ явленій,—то тогда движенія самыхъ группъ явятся первичными явленіями для самостоятельной науки, соціологіи, которую мы поэтому можно назвать ученіемъ о соціальныхъ группахъ, ихъ взаимоотношеніи и вытекающихъ отсюда ихъ судьбахъ.

Этимъ мы ни въ коемъ случаѣ не оспариваемъ право на существованіе тѣхъ наукъ, которыя изучаютъ индивидуума-атома во всѣхъ его проявленіяхъ—психическихъ, интеллектуальныхъ и моральныхъ. Но всѣ эти индивидуальная психологія, этика и всѣ, какъ онѣ тамъ еще называются, будутъ висѣть въ воздухѣ, не имѣя никакой опоры и порождать призраки до тѣхъ поръ, пока онѣ не признаютъ истиннаго источника индивидуальности—группу. Ошибка видѣть въ индивидуумѣ нѣчто первичное и обусловила всю безплодность морально-философскихъ теорій; вслѣдствіе этой ошибки никакая философія до сихъ поръ не сумѣла разрѣшить загадку соціальной жизни. Она углублялась въ „я", чтобы изъ него понять весь духовный, весь соціальный міръ. Это былъ ложный путь. Конечно, имѣй они болѣе глубокій взглядъ, они вскрыли бы въ этомъ „я" тонкія нити, связующія его съ материнской почвой; но они не замѣчали ихъ, такъ какъ вся сила ихъ ума была направлена къ противоположной цѣли—изъ „я" понять общество, и этого они никогда не могли достичь.

Насколько все наше философское мышленіе проникнуто ложнымъ индивидуалистическимъ стремленіемъ объяснить изъ индивидуума, изъ субъективнаго духа весь міръ, объ этомъ свидѣтельствуетъ „создавшее эпоху" философское „дѣяніе" Канта, которому удалось даже пространство и время объяснить какъ чистыя свойства нашего мышленія. Цѣлое столѣтіе, цѣлое поколѣніе мыслителей платило дань удивленія этому геніальному открытію. „Не существуетъ ни времени, ни пространства,—такъ аргументируютъ,—все это лишь созданіе опредѣленнаго пучка нервовъ въ нашемъ мозгу". Если это „я" было столь могущественно, что создало пространство и время, то что же удивительнаго, если простое умноженіе этого „я" должна была создать соціальный міръ, который мы называемъ обществомъ или человѣчествомъ; и почему же для пониманія и объясненія общества и человѣчества не обратиться лучше всего къ этому индивидуальному зародышу общества и человѣчества? Занимались подобными легкомысленными разсужденіями и результаты получали, конечно, соотвѣтствующіе.

Несмотря на всѣ „создающія эпоху" философскія дѣянія, мы однако по-прежнему безпомощно стоимъ передъ загадкою соціальной жизни и мы никогда не разрѣшимъ ея, если будемъ исходить отъ индивидуума. Итакъ, покончимъ же съ нимъ; будемъ считаться лишь съ соціальной группой, источникомъ и почвой всякаго индивидуума. И лишь отсюда идетъ дорога къ познанію соціальнаго міра. Кромѣ того, вѣдь стоитъ только сдѣлать попытку. Хуже, чѣмъ съ прежней спекулятивной философіей, не можетъ быть. Между тѣмъ, одно различіе не трудно предвидѣть. Спекулятивная философія всегда оставалась добродѣтельной и лояльной; она прославляла „существующее" „разумнымъ" и то, во что приказывала „вѣрить" высшая власть философія объявляла „неопровержимымъ" философскими средствами, чтобы этимъ путемъ обезпечить свое спокойствіе. Останется ли и соціологія навсегда столь благочестивой и увѣренной? Посмотримъ!

Л. Гумпловичъ.

Ѳома Гордѣевъ.

Повѣсть.

(Продолженіе).

IX.

До ссоры съ Маякинымъ Ѳома кутилъ отъ скуки жизни, изъ любопытства и полуравнодушно, — теперь онъ загулялъ съ озлобленіемъ, почти съ отчаяніемъ, полный мстительнаго чувства и какой-то дерзости въ отношеніи къ людямъ, дерзости, порою удивлявшей и его самого. Онъ видѣлъ, что люди, окружавшіе его, какъ и онъ самъ, лишены опоры и смысла, только они не понимаютъ этого или нарочно не хотятъ понимать, чтобъ не мѣшать себѣ жить слѣпо и — безъ думъ отдавать себя волнѣ разгульной жизни. Онъ не находилъ въ нихъ ничего твердаго, устойчиваго; трезвые они казались ему несчастными и глупыми, пьяные — были противны и еще болѣе глупы. Никто изъ нихъ не возбуждалъ въ немъ уваженія и глубокаго, сердечнаго интереса, онъ даже не спрашивалъ ихъ именъ, забывалъ, когда и гдѣ познакомился съ ними, и, относясь къ нимъ съ презрительнымъ любопытствомъ, всегда чувствовалъ желаніе сказать и сдѣлать что-нибудь обидное для нихъ. Онъ проводилъ съ ними дни и ночи въ разныхъ увеселительныхъ заведеніяхъ и его знакомства всегда зависѣли именно отъ степени каждаго заведенія. Въ дорогихъ и шикарныхъ ресторанахъ его окружали какіе-то проходимцы изъ чистой публики, шулера, куплетисты, фокусники, актеры, разорившіеся на кутежахъ помѣщики. Эти люди сначала относились къ нему покровительственно и хвастались предъ нимъ своими тонкими вкусами, знаніемъ достоинствъ винъ и кушаній, а потомъ заискивали у него, подлизывались къ нему, занимали деньги, которыми

онъ сорилъ безъ счета, черпая ихъ изъ банковъ и уже занимая подъ векселя. Въ дешевыхъ трактирахъ около него вились, какъ ястреба, парикмахеры, маркера, какіе-то приказчики, чиновники, пѣвчіе и среди этихъ людей онъ всегда чувствовалъ себя лучше, свободнѣе. Въ нихъ онъ видѣлъ людей простыхъ, не такъ уродливо изломанныхъ и искривленныхъ, какъ вся эта „чистая публика“ шикарныхъ ресторановъ, они были менѣе развратны, болѣе умны, проще понимались имъ, порою они проявляли здоровыя, сильныя чувства и всегда въ нихъ было больше чего-то человѣческаго. Но, какъ и „чистая публика“, — эти тоже были жадны до денегъ и нахально обирали его, а онъ видѣлъ это и грубо издѣвался надъ ними.

Разумѣется — были женщины. Физически здоровый, но не чувственный, Ѳома покупалъ ихъ и дорогихъ, и дешевыхъ, красивыхъ и дурныхъ, дарилъ имъ большія деньги, мѣнялъ ихъ чуть не каждую недѣлю и въ общемъ — относился къ нимъ лучше, чѣмъ къ мужчинамъ. Онъ смѣялся надъ ними, говорилъ имъ зазорныя и обидныя слова, но никогда, даже полупьяный, не могъ избавиться отъ какого-то стѣсненія предъ ними. Всѣ онѣ—и самыя нахальныя, самыя здоровыя и безстыдныя—казались ему слабыми и беззащитными, какъ малыя дѣти. Всегда готовый избить любого мужчину, онъ никогда не трогалъ женщинъ, хотя порой безобразно ругалъ ихъ, раздраженный чѣмъ-либо. Онъ чувствовалъ себя неизмѣримо сильнѣйшимъ каждой женщины, и каждая женщина казалась ему неизмѣримо несчастнѣе его. Тѣ, которыя развратничали съ удальствомъ, хвастаясь своей распущенностью, вызывали у Ѳомы стыдливое чувство, отъ котораго онъ дѣлался робкимъ и неловкимъ. Однажды одна изъ такихъ женщинъ, пьяная и озорная, во время ужина сидя рядомъ съ нимъ, ударила его по щекѣ коркой дыни. Ѳома былъ полупьянъ. Онъ поблѣднѣлъ отъ оскорбленія, всталъ со стула и, сунувъ руки въ карманы, свирѣпымъ, дрожащимъ отъ обиды голосомъ сказалъ:

— Ты, стерва! Пошла вонъ... прочь! Другой бы тебѣ за это голову раскололъ... А ты знаешь, что я смиренъ съ вами и не поднимется рука у меня на вашу сестру... Выгоните ее, къ чорту!

Саша черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ въ Казань поступила на содержаніе къ сыну какого-то водочнаго заводчика, кутившему вмѣстѣ съ Ѳомой. Уѣзжая съ новымъ хозяиномъ куда-то на Каму, она сказала Ѳомѣ:

— Прощай, милый человѣкъ! Можетъ, встрѣтимся еще... одна у насъ дорога! А сердцу воли, совѣтую, не давай... Гуляй себѣ безъ оглядки... а тамъ — кашку слопалъ — чашку о полъ... Прощай!

И она крѣпко поцѣловала его въ губы, причемъ глаза ея стали еще темнѣе.

Ѳома былъ радъ, что она уѣзжаетъ отъ него: надоѣла она ему и пугала его ея холодное равнодушіе. Но тутъ въ немъ что-то дрогнуло, онъ отвернулся въ сторону отъ нея и тихо молвилъ:

— Можетъ, не уживешься... тогда опять ко мнѣ пріѣзжай...

— Спасибо! — отвѣтила она ему и почему-то засмѣялась, не обычнымъ для нея, хрипящимъ смѣхомъ...

Такъ и жилъ Ѳома день за днемъ, вращаясь все на одномъ мѣстѣ и среди однообразныхъ людей, не внушавшихъ ему никакихъ хорошихъ чувствъ. Онъ еще и потому считалъ себя выше ихъ, что въ головѣ его все крѣпче внѣдрялась мысль о возможности освобожденія отъ этой жизни, все сильнѣе обнимало его желаніе воли, все ярче рисовалъ онъ себѣ себя самого отошедшимъ на край жизни, вонъ изъ этой сутолоки и бурелома. Не разъ ночами, оставаясь одинъ на одинъ съ собой, онъ, крѣпко закрывъ глаза, представлялъ себѣ темную толпу людей, несчислимо большую и даже страшную огромностью своей. Столпившись гдѣ-то въ котловинѣ, окруженной буграми и полной пыльнаго тумана, эта толпа въ шумномъ смятеніи толкалась на одномъ и томъ же мѣстѣ и была похожа на зерно въ ковшѣ мельницы. Какъ будто невидимый жерновъ, скрытый подъ ногами ея, мололъ ее и люди волнообразно двигались подъ нимъ не то стремясь внизъ, чтобъ тамъ скорѣе быть смолотыми и исчезнуть, не то вырываясь вверхъ, въ стремленіи избѣжать безжалостнаго жернова. Были также люди эти похожи на раковъ, только что пойманныхъ и брошенныхъ въ большую корзину, — цѣпляясь другъ за друга, они тяжело ворочались, ползли куда-то и мѣшали другъ другу, и ничего не могли сдѣлать, чтобъ выйти изъ плѣна.

Ѳома видѣлъ среди толпы знакомыя ему лица: вотъ отецъ ломитъ куда-то, могуче расталкивая и опрокидывая всѣхъ на пути своемъ; онъ работаетъ широкими палами, претъ на все грудью и громогласно хохочетъ... и исчезаетъ, проваливаясь куда-то въ глубь, подъ ноги людей. Вотъ, извиваясь ужомъ, то прыгая на плечи, то проскальзывая между ногъ людей, работаетъ всѣмъ своимъ сухимъ, но гибкимъ и жилистымъ тѣломъ крестный... Любовь кричитъ и бьется, слѣдуя за отцомъ, порывистыми, но слабыми движеніями, то отставая отъ него, то снова приближаясь. Тихими шагами, съ доброй улыбкой на лицѣ и сторонясь ото всѣхъ, всѣмъ уступая дорогу медленно двигается тетка Анѳиса... образъ ея колеблется во тьмѣ предъ Ѳомой, какъ скромное пламя восковой свѣчи... и гаснетъ она, исчезаетъ во мракѣ. Палагея быстро и прямымъ путемъ идетъ куда-то... Вотъ Софья Павловна Медын-

ская стоитъ, безсильно опустивъ руки, какъ стояла она тогда, послѣдній разъ—у себя въ гостиной... Глаза у нея большіе, и большая боязнь свѣтится въ нихъ. Тутъ и Саша. Равнодушная, не обращая вниманія на толчки, она твердо идетъ прямо въ самую гущу жизни и во весь голосъ поетъ свои пѣсни, спокойно глядя темными глазами впередъ... Шумъ, вой, смѣхъ, пьяные крики, азартный споръ о копейкахъ слышитъ Ѳома; пѣсни и плачъ носятся надъ этой огромной, суетливой кучей живыхъ, человѣческихъ тѣлъ, стѣсненныхъ въ ямѣ; они прыгаютъ, падаютъ, ползаютъ, давятъ другъ друга, вспрыгиваютъ на плечи одинъ другому, суются всюду, какъ слѣпые, всюду наталкиваются на подобныхъ себѣ, борются и, падая, исчезаютъ изъ глазъ. Шелестятъ деньги, носясь, какъ летучія мыши надъ головами людей, и люди жадно простираютъ къ нимъ руки, брякаетъ золото и серебро, звенятъ бутылки, хлопаютъ пробки, кто-то рыдаетъ и тоскливый женскій голосъ поетъ:

„Такъ будемъ же жить, пока можно-о,
А тамъ—хоть тра-ава не расти!“

Эта безумная картина укрѣпилась въ головѣ Ѳомы и съ каждымъ разомъ все болѣе яркая, все болѣе огромная и живая возникала предъ нимъ, возбуждая въ груди его что-то хаотическое, одно большое неопредѣлимое чувство, въ которое, какъ ручьи въ рѣку, вливались и страхъ, и возмущеніе, и жалость, и злоба и еще многое. Все это вскипало въ груди до напряженнаго желанія, распиравшаго ее, до желанія, отъ силы котораго онъ задыхался, на глазахъ его являлись слезы и ему хотѣлось кричать, выть звѣремъ, испугать всѣхъ людей—остановить ихъ безсмысленную возню, влить въ шумъ и суету ихъ жизни что-то новое, свое, сказать имъ какія-то громкія, твердыя слова, направить ихъ всѣхъ въ одну сторону, а не другъ противъ друга. Ему хотѣлось хватать ихъ руками за головы, отрывать другъ отъ друга, избить однихъ, другихъ же приласкать, укорять всѣхъ, освѣтить ихъ какихъ-то огнемъ...

Ничего въ немъ не было — ни нужныхъ словъ, ни огня, было въ немъ лишь одно желаніе, понятное ему, но не выполнимое... Онъ представлялъ себя выше жизни, внѣ той котловины, въ которой кипятъ люди; онъ видѣлъ себя твердо стоящимъ на ногахъ и — нѣмымъ. Онъ могъ бы крикнуть людямъ:

— Какъ живете? Не стыдно ли?

И могъ бы обругать ихъ. Но если они, услыхавъ его голосъ, спросятъ:

— А какъ надо жить?

Онъ прекрасно понималъ, что послѣ такого вопроса ему пришлось бы слетѣть съ высоты кувыркомъ, туда, подъ ноги людямъ, къ жернову. И смѣхомъ проводили бы его гибель.

Онъ бредилъ порой, подъ давленіемъ этого кошмара. Изъ устъ его вырывались какія-то слова, безъ связи и значенья; онъ даже потѣлъ отъ этой тяжелой возни внутри себя. Порой ему казалось, что онъ сходитъ съ ума отъ пьянства, и вотъ почему лѣзетъ ему въ голову все это страшное и угрюмое. Большимъ усиліемъ воли онъ изгонялъ изъ себя эти картины и побужденія, но лишь только оставался одинъ и былъ не очень пьянъ, —онъ снова наполнялся своимъ бредомъ и вновь изнемогалъ подъ тяжестью его. И желаніе свободы все росло и крѣпло въ немъ, мучая его своей силой. Но вырваться изъ путъ своего богатства онъ не могъ. Маякинъ, имѣвшій отъ него полную довѣренность на управленіе всѣмъ дѣломъ, дѣйствовалъ теперь такъ, что Ѳомѣ чуть не каждый день приходилось ощущать тяжесть лежащихъ на немъ обязанностей. Къ нему то и дѣло обращались за платежами, предлагали ему сдѣлки по перевозкѣ грузовъ, служащіе обращались лично и письменно съ такими мелочами, которыя раньше не касались его, выполняемыя ими на свой страхъ. Его отыскивали въ трактирахъ, разспрашивали его о томъ, какъ и что нужно дѣлать; онъ говорилъ имъ, порой совсѣмъ не понимая, такъ это нужно дѣлать или иначе, замѣчалъ ихъ скрытое пренебреженіе къ нему и почти всегда видѣлъ, что они дѣлаютъ дѣло не такъ, какъ онъ приказалъ, а иначе и лучше. Въ этомъ онъ чувствовалъ ловкую руку крестнаго и понималъ, что старикъ тѣснитъ его затѣмъ, чтобъ поворотить на свой путь. И въ то же время замѣчалъ, что онъ—не господинъ въ своемъ дѣлѣ, а лишь составная часть его и часть не важная. Это раздражало его и еще дальше отталкивало отъ старика, еще сильнѣе возбуждало его стремленіе вырваться изъ дѣла, хотя бы цѣной его гибели. Онъ съ яростью разбрасывалъ деньги по трактирамъ и притонамъ, но это продолжалось не долго — Яковъ Тарасовичъ закрылъ въ банкахъ текущіе счета, выбравъ всѣ вклады. Вскорѣ Ѳома почувствовалъ, что и подъ векселя даютъ ему уже не такъ охотно, какъ сначала давали. Это задѣло его самолюбіе и совсѣмъ возмутило и испугало его, когда онъ узналъ, что крестный пустилъ въ торговый міръ слухъ о томъ, что онъ, Ѳома,—не въ своемъ умѣ и что надъ нимъ можетъ быть придется учредить опеку. Ѳома не зналъ предѣловъ власти крестнаго и не рѣшался посовѣтоваться съ кѣмъ-нибудь по этому поводу: онъ былъ увѣренъ, что въ торговомъ мірѣ старикъ — сила и можетъ сдѣлать все, что захочетъ. Сначала ему было жутко чувствовать надъ собой руку Маякина, но потомъ онъ поми-

рился съ этимъ, махнулъ на все рукой и продолжалъ свою безшабашную, пьяную жизнь, въ которой только одно утѣшало его— люди. Съ каждымъ днемъ онъ все больше убѣждался, что они— безсмысленнѣе и всячески хуже его, что они—не господа жизни, а лакеи ея, и что она вертитъ ими, какъ хочетъ, гнетъ и ломаетъ, какъ ей угодно, а они безчувственно и безропотно поддаются ей и никто изъ нихъ не хочетъ свободы для себя. Онъ же хотѣлъ ее и потому кичливо возвышалъ себя надъ своими собутыльниками, не желая видѣть въ нихъ ничего, кромѣ дурного...

Однажды въ трактирѣ какой-то полупьяный человѣкъ жаловался ему на свою жизнь. Это былъ маленькій, сухой человѣчекъ съ испуганными тусклыми глазами, не бритый, въ короткомъ сюртучкѣ и въ яркомъ галстукѣ. Онъ печально моргалъ, уши у него пугливо вздрагивали, и тихій голосокъ тоже дрожалъ.

— Я всякъ бился, чтобъ въ люди попасть... За все брался, работалъ я, какъ волъ. Но затолкала меня жизнь, заѣла, затерла... Не хватило больше терпѣнія... Эхъ! И вотъ — началъ я пить... Чувствую — погибну... Ну, туда и дорога!

— Дуракъ!—презрительно сказалъ Ѳома.— Зачѣмъ было въ люди выходить? Держалъ бы вправо отъ нихъ... Всталъ бы къ сторонкѣ, посмотрѣлъ, гдѣ тебѣ среди ихъ мѣсто, и тогда — вали прямо на свой пунктъ!

— Не понимаю вашихъ словъ!—покачалъ человѣчекъ своей гладко-остриженной, угловатой головой.

Ѳома самодовольно усмѣхнулся.

— Тебѣ ли это понять?

— Нѣтъ, знаете, я такъ думаю, что кому Богъ судилъ...

— Жизнь не Богъ, а люди строятъ! — выпалилъ Ѳома и даже самъ удивился дерзости своихъ словъ. — И человѣчекъ, искоса взглянувъ на него, тоже робко поежился.

— Богъ разумъ тебѣ далъ? — спросилъ Ѳома, оправясь отъ смущенія.

— Навѣрно...т. е., сколько полагается маленькому человѣку...— неувѣренно сказалъ собесѣдникъ Ѳомы.

— Ну — и ты съ Него больше не смѣешь просить ни зерна! Строй свою жизнь своимъ разумомъ... Богъ же будетъ судить тебя... Всѣ мы на службѣ Его... и всѣмъ намъ одна передъ Нимъ цѣна... Понялъ?

Очень часто случалось, что Ѳома вдругъ говорилъ что-то такое, что и ему самому казалось дерзкимъ и что, въ то же время, поднимало его въ своихъ глазахъ. Это были какія-то неожиданныя, смѣлыя мысли и слова, которыя вдругъ являлись, какъ искры— впечатлѣніе какъ бы высѣкало ихъ изъ мозга Ѳомы. И онъ самъ

не разъ замѣчалъ за собой, что придуманное имъ онъ хуже, тусклѣе высказываетъ, чѣмъ то, что сразу вспыхиваетъ въ сердцѣ.

Ѳома жилъ—какъ будто шелъ по болоту, съ опасностью на каждомъ шагу увязнуть въ грязи и тинѣ, а его крестный — вьюномъ вился на сухонькомъ и твердомъ мѣстечкѣ, зорко слѣдя издали за жизнью крестника.

Послѣ ссоры съ Ѳомой Яковъ Тарасовичъ вернулся къ себѣ угрюмо-задумчивымъ. Глазки его блестѣли сухо и весь онъ выпрямился, какъ туго натянутая струна. Морщины болѣзненно съежились, лицо какъ будто стало еще меньше и темнѣй, и, когда Любовь увидала его такимъ—ей показалось, что онъ серьезно боленъ, только сдерживается, ломаетъ себя. Молчаливый старикъ нервно метался по комнатѣ, бросая дочери въ отвѣтъ на ея вопросы сухія, краткія слова и, наконецъ, прямо крикнулъ ей:

— Отстань! Видишь—не до тебя...

Ей стало жалко его, когда она увидала, какъ тоскливо и уныло смотрятъ его острые, зеленые глаза; она поставила себѣ въ обязанность допросить его, что съ нимъ творится, и, когда онъ сѣлъ за обѣденный столъ, порывисто подошла къ нему, положила руки на плечи ему и, заглядывая въ лицо, ласково и тревожно спросила:

— Папаша! Вамъ нездоровится—скажите!

Ея ласки были крайне рѣдки; онѣ всегда смягчали одинокаго старика и хотя онъ не отвѣчалъ на нихъ почему-то, но все жъ таки не могъ не цѣнить ихъ. И теперь, передернувъ плечами и сбросивъ съ нихъ ея руки, онъ сказалъ ей:

— Иди, иди на свое мѣсто... Ишь разбираетъ тебя Евинъ зудъ...

Но Любовь не ушла; настойчиво заглядывая въ глаза его, она съ обидой въ голосѣ спросила:

— Почему вы, папаша, всегда такъ говорите со мной... точно я маленькая или очень глупая?

— Потому что ты большая, а не очень умная... Н-да! Вотъ-те и весь сказъ! Иди, садись и ѣшь...

Она отошла и молча сѣла противъ отца, обиженно поджавъ губы. Маякинъ ѣлъ противъ обыкновенія медленно, по долгу шевыряя ложкой въ тарелкѣ щей и упорно разсматривая ихъ.

— Кабы засоренный умъ твой могъ понять отцовы мысли! — вдругъ сказалъ онъ, вздыхая съ какимъ-то свистомъ.

Любовь отбросила въ сторону свою ложку и чуть не со слезами въ голосѣ заговорила:

— Зачѣмъ обижать меня, папаша? Вѣдь видите вы—одна я!

всегда одна! Вѣдь понятно вамъ, какъ тяжело мнѣ жить... и никогда вы слова ласковаго не скажете мнѣ... Никогда ничего не говорите! И вы вѣдь одиноки... и вамъ тяжело... Я это вижу... Вамъ очень трудно жить... но,—вы сами въ этомъ виноваты! Вы сами...

— Вотъ и Валаамова ослица заговорила!—усмѣхнувшись сказалъ старикъ.—Н-ну? Что же дальше будетъ?

— Горды вы очень, папаша, вашимъ умомъ...

— А еще что?

— Это не хорошо... и очень больно мнѣ... зачѣмъ вы меня отталкиваете? Вѣдь у меня никого нѣтъ кромѣ васъ...

У нея на глазахъ появились слезы; отецъ замѣтилъ ихъ и лицо его вздрогнуло.

— Кабы ты не дѣвка была!—воскликнулъ онъ.—Кабы у тебя умъ былъ, какъ... у Марѳы Посадницы, примѣрно... эхъ, Любовь! Тогда бы... Наплевалъ бы я на всѣхъ... на Ѳомку... Ну, не реви!

Она вытерла глаза и спросила:

— Что же Ѳомка?

— Бунтуетъ... Ха-ха! Говоритъ: возьмите у меня все имущество, отпустите меня на волю... Спасаться хочетъ... въ кабакахъ... Вотъ онъ что задумалъ, нашъ Ѳома...

— Что же... это?...—нерѣшительно спросила Любовь. Ей хотѣлось сказать, что желаніе Ѳомы хорошо, что это благородное желаніе, если оно серьезно, но она боялась раздражить отца своими словами и лишь вопросительно смотрѣла на него.

— Что это?—горячась и вздрагивая заговорилъ Маякинъ.—А это у него или съ перепою, или—не дай Богъ!—материно... старовѣрческое... И если это кулугурская опара всходитъ въ немъ—много будетъ мнѣ съ нимъ бою! Великая склока пойдетъ у меня съ нимъ... Онъ—грудью пошелъ противъ меня... дерзость сразу большую обнаружилъ... Молодъ... хитрости нѣтъ еще въ немъ... Говоритъ: все пропью, все прахомъ пойдетъ... Я-те пропью!

Маякинъ поднялъ руку надъ головой и, сжавъ кулакъ, яростно погрозилъ имъ.

— Какъ смѣешь? Кто нажилъ дѣло, кто его оборудовалъ? Ты? Отецъ твой... Сорокъ лѣтъ труда положено, а ты его разрушить хочешь? Мы всѣ должны, гдѣ дружно стѣной, гдѣ осторожно, гуськомъ, одинъ за другимъ, идти къ своему мѣсту... Мы, купцы, торговые люди, вѣками Россію на своихъ плечахъ несли и теперь несемъ... Петръ Великій былъ царь божескаго ума... онъ намъ цѣну зналъ... Какъ онъ насъ поддерживалъ? Книжки печаталъ нарочно для нашего обученія дѣлу... Вонъ у меня его

повелѣніемъ напечатанная книга Полидора Виргилія Урбинскаго объ изобрѣтателяхъ вещей... въ 720 году печатана... да! Это надо понять... Онъ и понималъ... и далъ намъ ходъ... А теперь—мы на своихъ ногахъ стоимъ... и свое мѣсто чуемъ. Ходу намъ дайте! Мы фундаментъ жизни закладывали—сами въ землю вмѣсто кирпичей ложились... теперь намъ этажи надо строить... позвольте намъ свободы дѣйствій! Вотъ куда нашъ братъ долженъ курсъ держать... Вотъ гдѣ задача... а Ѳомка этого не понимаетъ... Долженъ понять и—продолжать... У него отцовы средства... Я издохну—мои присоединятся: работай, щенокъ! А онъ колобродитъ. Нѣтъ, ты погоди! Я тебя вознесу до надлежащей точки!

Старикъ задыхался отъ возбужденія, и сверкающими глазами смотрѣлъ на дочь такъ яростно, точно на ея мѣстѣ Ѳома сидѣлъ. Любовь пугало его возбужденіе, но у нея не хватало смѣлости остановить отца, и она молча смотрѣла на его суровое и мрачное лицо.

— Проложенъ путь отцами — и ты долженъ идти по немъ. Пятьдесятъ лѣтъ я работалъ—для чего? Чтобы послѣ меня мое дѣло закончили... дѣти мои... Дѣти мои! Гдѣ у меня дѣти?

Старикъ уныло опустилъ голову, голосъ его оборвался, и такъ глухо, точно онъ говорилъ куда-то внутрь себя, онъ сказалъ:

— Одинъ—каторжникъ... пропащій... другой—пьяница и мало на него надежды... Дочь... Кому же я трудъ свой передъ смертью сдамъ?.. Зять былъ бы... Я думалъ—перебродитъ Ѳомка, наточится,—отдамъ тебя ему и съ тобой все—на! Но вотъ Ѳомка не годенъ... А другого на мѣсто его—не вижу... Какіе люди пошли!.. Раньше—желѣзный былъ народъ, а теперь—резина... Гнутся всѣ... и ничего, никакой прочности не имѣютъ... Что это? Отчего?

Маякинъ съ тревогой смотрѣлъ на дочь, она молчала.

— Скажи,—спросилъ онъ ее,—чего тебѣ надо? Какъ, по-твоему, жить надо? Чего ты хочешь? Ты училась, читала—что тебѣ нужно?

Вопросы сыпались на голову Любови неожиданно для нея, и она смутилась. Она и довольна была тѣмъ, что отецъ спрашиваетъ ее объ этомъ, и боялась отвѣчать ему, чтобъ не уронить себя въ его глазахъ. И вотъ, вся какъ-то подобравшись, точно собираясь прыгнуть черезъ столъ, она неувѣренно и съ дрожью въ голосѣ сказала:

— Чтобы всѣ были счастливы... и довольны... всѣ люди—равны... и всѣ имѣютъ одинаковое право на жизнь... на блага жизни... свобода нужна всѣмъ... такъ же, какъ воздухъ... и во всемъ—равенство!

Въ началѣ ея взволнованной рѣчи отецъ смотрѣлъ въ лицо ей съ тревожнымъ любопытствомъ въ глазахъ, но по мѣрѣ того, какъ она торопливо бросала ему свои слова, выраженіе глазъ его все измѣнялось, и, наконецъ, онъ со спокойнымъ презрѣніемъ сказалъ ей:

— Такъ я и зналъ: позлощенная дура ты!

Она поникла головой, но тотчасъ же вскинула ее и съ тоской воскликнула:

— Вы же сами говорите: свобода...

— Молчи ужъ!—грубо крикнулъ на нее старикъ.—Даже того не видишь, что изъ каждаго человѣка явно наружу претъ... Какъ могутъ быть всѣ счастливы и равны, если каждый хочетъ выше другого быть? Даже нищій свою гордость имѣетъ и предъ другими чѣмъ-нибудь всегда хвастается... Малъ ребенокъ—и тотъ хочетъ первымъ въ товарищахъ быть... И никогда человѣкъ человѣку не уступитъ—дураки только это думаютъ... У каждаго—душа своя... и лицо—свое... только тѣхъ, кто души своей не любитъ и лица не бережетъ, можно обтесать подъ одну мѣрку... Эхъ ты!.. Начиталась, нажралась дряни...

Горькій укоръ и ядовитое презрѣніе выразились на лицѣ старика. Съ шумомъ оттолкнувъ отъ стола свое кресло, онъ вскочилъ съ него и, заложивъ руки за спину, мелкими шагами сталъ бѣгать по комнатѣ, потряхивая головой и что-то говоря про себя злымъ, свистящимъ шопотомъ... Любовь, блѣдная отъ волненія и обиды, чувствуя себя глупой и безпомощной предъ нимъ, вслушивалась въ его шопотъ, и сердце ея трепетно билось.

— Одинъ остался... одинъ... Какъ Іовъ... О Господи!.. Что сдѣлаю? О... одинъ! Я ли—не уменъ? Я ли—не хитеръ? А жизнь и меня перехитрила... Что она любитъ? Кого она милуетъ? Хорошихъ бьетъ и дурнымъ не спускаетъ... И никому не понятна справедливость ея...

Дѣвушкѣ стало до боли жалко старика; ее схватило страшное желаніе помочь ему; ей хотѣлось быть нужной для него.

Горячими глазами слѣдя за нимъ, она вдругъ сказала ему тихонько:

— Папаша... милый! Не тоскуйте... вѣдь еще Тарасъ живъ... можетъ быть онъ...

Маякинъ вдругъ остановился, какъ вкопанный, и медленно поднялъ голову.

— Молодымъ дерево покривилось, не выдержало, въ старости и подавно изломится... Ну, все-таки... и Тарасъ теперь мнѣ соломина... Хоть едва ли цѣна его выше Ѳомы... Есть у Гордѣева характерецъ... есть въ немъ отцово дерзновеніе... Много онъ мо-

жетъ поднять на себѣ... А Тараска... это ты во-время вспомнила... н-да!

И старикъ, за минуту предъ тѣмъ упавшій духомъ до жалобъ, въ тоскѣ метавшійся по комнатѣ, какъ мышь въ мышеловкѣ, теперь, съ озабоченнымъ лицомъ, спокойно и твердо снова подошелъ къ столу, тщательно уставилъ около него свое кресло и сѣлъ, говоря:

— Надо будетъ пощупать Тараску... въ Усольѣ онъ живетъ, на заводѣ какомъ-то... Слышалъ я отъ купцовъ—соду что ли работаютъ тамъ... Узнаю подробно... Напишу...

— Позвольте, я напишу ему, папаша?—вздрагивая отъ радости и вся красная тихо попросила Любовь...

— Ты?—спросилъ Маякинъ, мелькомъ взглянувъ на нее, потомъ помолчалъ, подумалъ и сказалъ:

— Можно! Это даже... лучше. Напиши... Спроси—не женатъ ли? Какъ, молъ, живешь? Что думаешь?.. Да, впрочемъ, я тебѣ скажу, что написать, когда придетъ время...

— Вы скорѣе, папаша!..—сказала дѣвушка.

— Скорѣе-то надо вотъ замужъ тебя выдавать... Я тутъ присматриваюсь къ одному, рыженькому... парень какъ будто не дуракъ... Заграничной выдѣлки, между прочимъ...

— Это Смолинъ, папаша?—съ тревогой и любопытствомъ спросила Любовь.

— А хоть бы и онъ... что же?—дѣловито освѣдомился Яковъ Тарасовичъ.

— Ничего... Я его не знаю...—неопредѣленно отвѣтила Любовь.

— Познакомимъ... Пора, Любовь, пора! На Ѳому надежда плоха... хоть я и не отступлюсь отъ него...

— Я на Ѳому не разсчитывала... Что онъ мнѣ?

— Это ты напрасно... Кабы умнѣе была—можетъ онъ бы не свихнулся!.. Я, бывало, видя васъ вдвоемъ думалъ: прикормитъ дѣвка моя парня къ себѣ! Крѣпко дѣло будетъ! Анъ—прогадалъ... думалъ, ты... свою выгоду безъ указокъ понять можешь... Такъ-то, дѣвушка!—поучительно сказалъ ей отецъ.

Она задумалась, слушая его внушительную рѣчь. За послѣднее время ей, здоровой и сильной, все чаще приходила въ голову мысль о замужествѣ, ибо иного выхода изъ своего одиночества она не видѣла. Желаніе бросить отца и уѣхать куда-нибудь, чтобы чему-нибудь учиться, что-либо работать—она давно уже пережила, какъ пережила одиноко въ самой себѣ много другихъ желаній столь же острыхъ, но не глубокихъ и неопредѣленныхъ. Отъ разнообразныхъ книгъ, прочитанныхъ ею, въ ней остался мутный осадокъ, и хотя это было нѣчто живое, но живое какъ

протоплазма. Изъ этого осадка въ дѣвушкѣ развилось чувство неудовлетворенности своей жизнью, стремленіе къ личной независимости, желаніе освободиться отъ тяжелой опеки отца,—но не было ни силъ для осуществленія этихъ желаній, ни яснаго представленія о томъ, какъ осуществлятся они. А природа внушала свое, и дѣвушка, не разъ уже при видѣ молодыхъ матерей съ дѣтьми на рукахъ, чувствовала въ себѣ тоскливое и обидное томленіе. Порою, останавливаясь передъ зеркаломъ, она съ грустью разсматривала въ немъ свое полное, свѣжее лицо, съ темными кругами около глазъ и ей становилось жаль себя: она чувствовала что жизнь обходитъ, забываетъ ее въ сторонѣ гдѣ-то. Теперь, слушая рѣчь отца, она представляла себѣ — какимъ можетъ быть этотъ Смолинъ? Она встрѣчала его еще гимназистомъ, онъ тогда былъ весь въ веснушкахъ, курносый, всегда чистенькій, степенный и скучный. Танцовалъ онъ тяжело и неуклюже, говорилъ неинтересно... Съ той поры прошло много времени: онъ былъ за-границей, учился тамъ чему-то,—каковъ онъ теперь? Отъ Смолина мысль ея перескочила къ брату, и она съ замираніемъ сердца подумала: что-то онъ отвѣтитъ ей на письмо? Каковъ онъ? Образъ брата, какимъ она представляла его себѣ, заслонилъ предъ ней и отца, и Смолина, и она уже говорила себѣ, что до встрѣчи съ Тарасомъ ни за что не согласится выйти замужъ, какъ вдругъ отецъ крикнулъ ей:

— Эй, Любавка! Что задумалась? Надъ чѣмъ больше?

— Такъ... быстро все идетъ...—улыбнувшись отвѣтила Люба.

— Что—быстро?

— Да все... недѣлю тому назадъ говорить съ вами о Тарасѣ нельзя было, а теперь вотъ...

— Нужда, дѣвка! Нужда—сила, стальной прутъ въ пружину гнетъ... а сталь упориста... Тарасъ... поглядимъ! Человѣкъ цѣненъ по сопротивленію своему силѣ жизни... ежели не она его, а онъ ее на свой ладъ крутитъ,—мое ему почтеніе! Позвольте руку пожать и давайте вмѣстѣ дѣло охаживать... Э-эхъ, старъ я... А жизнь-то теперь куда какъ бойка стала! Интересу въ ней — съ каждымъ годомъ все прибавляется... все больше смаку въ ней! Такъ бы и жилъ все, такъ бы все и дѣйствовалъ!..

Старикъ вкусно почмокивалъ губами, потиралъ руки и глазки его жадно поблескивали.

— А вы вотъ—жидкой крови людишки! Еще не выросли, а ужъ себя переросли и дряблые живете, какъ старая рѣдька... И то, что жизнь все краше становится,—не доступно вамъ... Я, шестьдесятъ семь лѣтъ на сей землѣ живу и уже вотъ у гроба своего стою, но

вижу: въ старину, когда я молодъ былъ, и цвѣтовъ на землѣ меньше было, и не столь красивые цвѣты были... Все украшается! Зданія какія пошли! Орудіе разное, торговое... Пароходищи! Ума во все бездна вложено! Смотришь—думаешь: ай да люди, молодцы! въ ротъ вамъ комъ каши! Ловко жизнь обтяпали... Все хорошо, все пріятно... только вы, наслѣдники наши,—всякаго живого чувства лишены! Какой-нибудь шарлатанишко изъ мѣщанъ и то бойчѣе васъ... Вонъ этотъ... Ежовъ-то — что онъ такое? А изображаетъ собою судью надъ вами... и даже надо всей жизнью... Одаренъ смѣлостью. А вы... тьфу! Нищими живете... въ весельѣ вы—скоты, въ несчастьѣ—мразь! Тухлые люди... огня бы вамъ въ жилы пустить... содрать бы съ васъ шкуры, да посыпать по живому мясу солью—запрыгали бы, чай?

Яковъ Тарасовичъ, маленькій, сморщенный и костлявый, съ черными обломками зубовъ во рту, лысый и темный, какъ будто опаленный жаромъ жизни и прокоптѣвшій въ немъ, весь трепеталъ въ пылкомъ возбужденіи, осыпая дребезжащими, презрительными словами свою дочь—молодую, рослую и полную. Она смотрѣла на него виноватыми глазами, смущенно улыбалась и въ сердцѣ ея все росло уваженіе къ живому и стойкому въ своихъ желаньяхъ старику...

А Ѳома все блуждалъ и колобродилъ, проводя дни и ночи въ трактирахъ и вертепахъ и все глубже усваивая презрительно-ненавистное отношеніе къ людямъ, окружавшимъ его. Порой они вызывали въ немъ тоскливое желаніе найти среди нихъ какой-нибудь отпоръ своему злому чувству, встрѣтить человѣка достойнаго и смѣлаго, который устыдилъ бы его горячимъ, укоризненнымъ словомъ. Это желаніе съ каждымъ разомъ возникало въ немъ все болѣе ясное ему,—это было желаніе помощи со стороны человѣку, который чувствовалъ, что заплутался онъ и гибнетъ...

— Братцы!—крикнулъ онъ какъ-то, сидя за столомъ въ трактирѣ, полупьяный и окруженный какими-то темными и жадными людьми, которые такъ много ѣли и пили, какъ будто передъ тѣмъ въ продолженіе долгихъ дней у нихъ куска во рту не было.—Братцы! Тошно мнѣ... скучно мнѣ съ вами! Избейте вы меня... прогоните меня!.. Мерзавцы вы... но другъ ко другу вы ближе, чѣмъ ко мнѣ... Почему? Вѣдь и я тоже пьяница и мерзавецъ... а—чужой вамъ! Я вижу—чужой... Изъ меня вы пьете и въ меня потихоньку плюете... я чувствую это! За что?

Они не могли, разумѣется, относиться иначе къ нему: въ глубинѣ души, быть можетъ, ни одинъ изъ нихъ не считалъ себя ниже его, но онъ былъ богатъ, — это мѣшало имъ отнестись къ

нему болѣе по-товарищески, и онъ говорилъ все какія-то насмѣшливо-сердитыя, совѣстливыя слова,—это стѣсняло ихъ. Затѣмъ — онъ былъ силенъ и дерзокъ на руку,—они не смѣли ни слова сказать противъ него. А ему именно этого хотѣлось, онъ все сильнѣе желалъ, чтобъ нѣкто изъ нихъ, презираемыхъ имъ, всталъ противъ него; лицомъ къ лицу, и сказалъ ему что-нибудь сильное, что, какъ рычагомъ, своротило бы его въ сторону съ этого покатаго пути, опасность котораго онъ чувствовалъ и грязь—видѣлъ, полный безсильнаго отвращенія къ ней...

И Ѳома нашелъ нужное ему.

Однажды онъ, раздраженный невниманіемъ къ нему, крикнулъ своимъ собутыльникамъ:

— Вы, клопы! Молчать всѣ!.. Кто васъ поитъ, кормитъ? Забыли? Я васъ приведу въ порядокъ! Я научу уважать меня! Арестанты! Я говорю—значитъ—цыцъ всѣ!

Они дѣйствительно замолчали, должно быть напуганные возможностью потерять его расположеніе, или, быть можетъ, боясь, что онъ, здоровый и сильный звѣрь, побьетъ ихъ. Съ минуту они сидѣли въ молчаніи, тая въ себѣ злобу противъ него, наклонившись надъ тарелками и стараясь скрыть отъ него свой испугъ и смущеніе. Ѳома самодовольно осмотрѣлъ ихъ и, удовлетворенный ихъ рабской покорностью, хвастливо сказалъ:

— Ага! Пришипились... то-то! У меня—строго! Я...

— Балбесъ!—раздался чей-то спокойный и громкій возгласъ.

— Что-о?—заревѣлъ Ѳома, вскакивая со стула.—Кто это говоритъ?

Тогда на концѣ стола поднялся какой-то странный, потертый человѣкъ, высокій, въ длинномъ сюртукѣ съ копной полусѣдыхъ волосъ на огромной головѣ. Волосы его были жестки и торчали во всѣ стороны густыми вихрами, лицо желтое, бритое, съ большимъ горбатымъ носомъ. Ѳомѣ онъ показался похожимъ на швабру, которой моютъ пароходныя палубы, и это развеселило полупьянаго парня...

— Хо-орошъ!—съ усмѣшкой сказалъ онъ.—Ты что же лаешься, а? Ты знаешь, кто я?

Человѣкъ жестомъ трагическаго актера протянулъ къ Ѳомѣ руку, съ длинными и гибкими, какъ у фокусника, пальцами, и густымъ хрипящимъ басомъ сказалъ:

— Ты — гнилая болѣзнь твоего отца, который, хотя и былъ грабитель, но все-таки — достойный человѣкъ въ сравненіи съ тобой...

У Ѳомы отъ неожиданности и гнѣва дыханіе въ груди сперло; онъ свирѣпо вытаращилъ глаза и молчалъ, не находя, чѣмъ от-

вѣтить на эту дерзость. А человѣкъ, стоявшій противъ него, воодушевленно хрипѣлъ, звѣрски вращая большими, но выцвѣтшими и опухшими глазами:

— Ты требуешь отъ насъ почтенія къ тебѣ — дур-ракъ! — чѣмъ ты заслужилъ его? Кто ты? Пьяница, пропивающій капиталы отца!.. Дикарь! ты долженъ гордиться тѣмъ, что я, знаменитый артистъ, безкорыстный и вѣрный слуга искусства, пью изъ одной бутылки съ тобой! Въ бутылкѣ этой — сандалъ и патока, настоенная на нюхательномъ табакѣ, а ты думаешь—это портвейнъ! Она—твой патентъ на званіе дикаря и осла!

— Ахъ ты, ар-рестантъ!—взревѣлъ Ѳома, бросаясь къ артисту. Но его схватили и удержали. Барахтаясь въ объятіяхъ вцѣпившихся въ него людей, онъ принужденъ былъ безотвѣтно слушать, какъ человѣкъ, похожій на швабру, громилъ его густой и тяжелой октавой.

— Ты кинулъ людямъ семишникъ изъ украденнаго рубля и мнишь себя героемъ? Ты дважды воръ: укралъ рубль и теперь воруешь благодарность за семишникъ твой... Но я не дамъ тебѣ ея! Я, посвятившій всю жизнь свою обличенію порока, стою предъ тобой и говорю смѣло: ты — дуракъ и нищій, ибо слишкомъ богатъ! Тутъ—мудрость: всѣ богачи — нищіе... Вотъ какъ знаменитый куплетистъ Римскій-Каннибальскій служитъ правдѣ!

Ѳома уже стоялъ смирно среди людей, плотно обступившихъ, и съ жадностью слушалъ громовую рѣчь куплетиста, которая теперь вызывала у него такое ощущеніе, какъ будто ему почесывали больное мѣсто и этимъ укрощали острый зудъ боли. Публика волновалась: одни старались прекратить потокъ краснорѣчія куплетиста, другіе хотѣли увести Ѳому куда-то. Онъ молча отталкивалъ ихъ и слушалъ, все болѣе поглощаемый острымъ наслажденіемъ униженія, которое чувствовалъ онъ предъ этими людьми. Все горячѣй ласкала его душу боль, возбужденная въ ней словами куплетиста, а тотъ гремѣлъ, упиваясь безнаказанностью своего обличенія:

— Ты думаешь, что ты владыка жизни? Ты—низкій рабъ рубля...

Кто-то изъ публики громко икалъ, и, должно быть, недовольный собой за это, каждый разъ, икнувъ, ругался:

— О ч-чортъ...

А въ какомъ-то небритомъ человѣкѣ съ жирнымъ лицомъ пробудилась жалость къ Ѳомѣ или ему стало скучно присутствовать при этой сценѣ, и онъ, махая руками, жалобно тянулъ:

— Го-оспода-а! Бро-осьте! Не х-рошо! Вѣдь всѣ мы—грѣшники! Положительно всѣ... повѣрьте мнѣ!

— Ну, говори!—бормоталъ Ѳома.—Говори все! Я тебя не трону...

Зеркала въ простѣнкахъ отражали эту пьяную сумятицу, и отражанные въ нихъ люди казались еще гаже и гнуснѣй, чѣмъ были въ дѣйствительности...

— Не хочу говорить!—закричалъ куплетистъ,—не хочу бисера правды и ярости моей метать предъ тобой...

Онъ рванулся и, великолѣпно поднявъ голову вверхъ, трагическими шагами пошелъ къ двери.

— Врешь!—сказалъ Ѳома, порываясь за нимъ.—Постой! Ты меня растревожилъ—ты и успокой!

Его схватили, окружили и что-то кричали ему, а онъ рвался впередъ, опрокидывая всѣхъ. Когда на пути его встрѣчались осязательныя преграды—борьба съ ними успокоивала его, объединяя всѣ его смутныя чувства въ одномъ стремленіи—опрокинуть то, что ему мѣшаетъ. И теперь, растолкавъ всѣхъ и выскочивъ на улицу, онъ былъ уже менѣе возбужденъ. Стоя на тротуарѣ, онъ оглядывалъ улицу и со стыдомъ думалъ:

„Какъ онъ могъ позволить этой швабрѣ издѣваться надъ нимъ и ругать воромъ отца его?“

Вокругъ было темно и тихо; ярко свѣтила луна, и дулъ легкій, освѣжающій вѣтеръ. Подставивъ лицо его прохладному дыханію, Ѳома быстрыми шагами пошелъ противъ вѣтра, пугливо оглядываясь и не желая, чтобы за нимъ послѣдовалъ кто-нибудь изъ компаніи въ трактирѣ: онъ понималъ, что уронилъ себя въ глазахъ всѣхъ этихъ людей. Шелъ онъ и думалъ о томъ, что вотъ до чего дожилъ: какой-то проходимецъ публично ругаетъ его позорными словами, а онъ, сынъ именитаго купца, ничѣмъ не могъ отплатить за издѣвательство...

„Такъ мнѣ и надо! — злорадно и уныло думалось Ѳомѣ.— Такъ и надо! Не теряй себя... понимай... И опять же—самъ хотѣлъ... самъ всѣхъ задиралъ... Вотъ и—получи!“ Ему стало до боли жалко себя отъ этихъ думъ. Охваченный ими и отрезвленный, онъ все шелъ куда-то по улицамъ и все искалъ въ себѣ чего-нибудь крѣпкаго, твердаго... Но все было смутно въ немъ и лишь тѣснило сердце, не принимая никакихъ опредѣленныхъ формъ. Точно въ тяжелой дремѣ онъ дошелъ до рѣки, сѣлъ на бревна на берегу ея и сталъ смотрѣть на тихую, темную воду, покрытую мелкой рябью. Спокойно и почти безшумно текла широкая, могучая рѣка и несла на груди своей огромныя тяжести. Вся она была загромождена черными судами, сигнальные огни и звѣзды отражались на водѣ ея; маленькія, легкія волны ласково и съ тихимъ звукомъ набѣгали на берегъ прямо подъ ноги Ѳомѣ... Съ неба вѣяло грустью; чувство одиночества давило Ѳому...

„Господи Исусе! — думалъ онъ, тоскливо глядя въ небо.—

Экой я неудачный... Ничего во мнѣ нѣтъ... ничего въ меня Богомъ не вложено... Зачѣмъ я такой нуженъ? Господи Исусе!“

Отъ воспоминанія о Христѣ Ѳомѣ стало какъ-то легче, одиночество какъ бы смягчилось, и, вздохнувъ всей грудью, Ѳома началъ безмолвно говорить Богу:

„Господи Исусе!.. Иные люди тоже ничего не понимаютъ, но думаютъ они, что имъ все извѣстно, и оттого легко имъ жить... А мнѣ—нѣтъ оправданія... Ночь вотъ... а я одинъ и идти мнѣ некуда... Никому я ничего не могу сказать... никого не люблю... Только крестный, а онъ безъ души... Кабы Ты наказалъ его чѣмъ-нибудь!.. Онъ думаетъ, что умнѣе и лучше его вовсе нѣтъ ничего на землѣ... а Ты это терпишь... И я тоже... Хоть бы несчастіе какое-нибудь дано мнѣ было... захворать бы... А то вотъ здоровъ я... ровно желѣзо... Пью, гуляю... живу въ грязи... но тѣло даже не ржавѣетъ, а только душа болитъ... О Господи! Зачѣмъ такая жизнь?“

Одна за другой въ головѣ одинокаго, заплутавшагося человѣка возникали робкія протестующія мысли, а тишина вокругъ его все сгущалась и ночь становилась темнѣй. Недалеко отъ берега стояла на якорѣ косовая лодка; она покачивалась изъ стороны въ сторону и что-то на ней поскрипывало, точно стонало...

„Какъ мнѣ освободиться отъ такой жизни? — раздумывалъ Ѳома, глядя на лодку.—И какое мнѣ дѣло опредѣлено? Всѣ работаютъ..“

И вдругъ его поразила одна большая для него мысль:

„И тяжелая работа дешевле легкой? Иной за рубль всего себя уложитъ въ работу, а тотъ—тысячу однимъ пальцемъ беретъ...“

Его пріятно возбудила эта мысль: ему показалось, что вотъ онъ нашелъ въ жизни людей еще одну фальшь, еще обманъ, который они скрываютъ... Онъ вспомнилъ одного изъ своихъ кочегаровъ—старика Илью, который за гривенникъ вставалъ на вахту къ топкѣ не въ очередь и работалъ за товарища по восьми часовъ въ духотѣ и жарѣ. Однажды онъ, захворавъ отъ непосильной работы, валялся на кормѣ парохода, и, когда Ѳома спросилъ его, зачѣмъ онъ такъ убивается, то Илья отвѣтилъ грубо и угрюмо:

— А затѣмъ, что мнѣ каждая копейка нужнѣе, чѣмъ тебѣ сто рублевъ... вотъ зачѣмъ!..

И сказавъ это, старикъ тяжело поворотилъ свое горящее отъ болѣзни тѣло задомъ къ Ѳомѣ.

Остановившись на кочегарѣ, мысль его вдругъ и безъ усилія обняла собой всѣхъ этихъ маленькихъ людей, работающихъ тяжелую работу. Было странно—зачѣмъ они живутъ? Какое удовольствіе для нихъ жить на землѣ? Все только работаютъ свою гряз-

ную, трудную работу, ѣдятъ скверно, одѣты плохо, пьянствуютъ.. Иному лѣтъ шестьдесятъ, а онъ все еще ломается на-ряду съ молодыми парнями... И всѣ они представились Ѳомѣ большой кучей червей, которые копошатся на землѣ только для того, чтобъ поѣсть. Въ памяти возникали одно за другимъ его столкновенія съ этими людьми, ихъ рѣчи о жизни,—рѣчи то насмѣшливыя и грустныя, то безнадежно-угрюмыя,—ихъ воющія пѣсни... И тутъ же вспомнилось, ему какъ однажды въ конторѣ Ефимъ говорилъ служащему, нанимавшему матросовъ:

— Тамъ лопухинскіе мужики наниматься пришли, такъ ты имъ больше десяти въ мѣсяцъ не давай. Они лѣтось дотла сгорѣли и нужда у нихъ теперь большая—пойдутъ и за десять...

Сидя на бревнахъ, Ѳома покачивался всѣмъ корпусомъ, а изъ тьмы съ рѣки предъ нимъ безмолвно появлялись разнообразныя человѣческія фигуры—матросы, кочегары, приказчики, половые изъ трактировъ, полупьяныя, раскрашенныя женщины, трактирные завсегдатаи. Они плыли въ воздухѣ какъ тѣни, отъ нихъ пахло чѣмъ-то сырымъ и солоноватымъ, и темная, густая куча ихъ ворочалась такъ медленно, безшумно и безпутно, какъ осеннія облака въ небѣ. Тихій плескъ волнъ лился въ душу грустно вздыхающей музыкой. Далеко, гдѣ-то на другомъ берегу рѣки, горѣлъ костеръ; объятый тьмой со всѣхъ сторонъ, иногда онъ почти совсѣмъ поглощался ею—и во тьмѣ дрожало чуть видное глазу красноватое пятно. Но вотъ вновь вспыхивалъ огонь — тьма разступалась предъ нимъ и было видно, какъ онъ рвется кверху. А потомъ онъ снова гасъ...

„Господи, Господи! — тяжело и горько думалъ Ѳома, чувствуя, какъ тоска все сильнѣе щемитъ ему сердце. — Вотъ и я тоже... совсѣмъ одинъ, какъ этотъ огонь... Только свѣта нѣтъ отъ меня, а чадъ... угаръ. Хоть бы умнаго человѣка встрѣтить... Поговорить бы съ кѣмъ... Совсѣмъ невозможно мнѣ жить одному... Ничего я не могу... Человѣка бы встрѣтить...“

Вдали, на рѣкѣ, появились два большихъ багровыхъ огня и высоко надъ ними—третій. Что-то глухо шумѣло тамъ, что-то черное двигалось къ Ѳомѣ.

„Пароходъ идетъ снизу... — думалось ему. — На немъ можетъ не одна сотня людей... а никому изъ нихъ нѣтъ до меня дѣла... Всѣ знаютъ, куда плывутъ... У всѣхъ свое есть... каждый, чай, понимаетъ, чего ему надо... а мнѣ чего? И кто мнѣ скажетъ? Гдѣ такой человѣкъ?“

Огни парохода отражались въ рѣкѣ и дрожали въ ней, освѣщенная вода разбѣгалась отъ него съ глухимъ ропотомъ—и пароходъ казался огромной черной рыбой, съ огненными плавниками...

Прошло еще нѣсколько дней послѣ этой тяжкой ночи, и Ѳома снова закутилъ. Это вышло нечаянно и противъ его желанія. Онъ

рѣшилъ было удержаться отъ пьянства и пошелъ обѣдать въ одну изъ дорогихъ гостиницъ города, надѣясь, что въ ней не встрѣтитъ никого изъ знакомыхъ собутыльниковъ, всегда избиравшихъ для кутежей болѣе дешевыя и менѣе приличныя мѣста. Но разсчетъ его оказался невѣрнымъ: онъ сразу попалъ въ пріятельски-радостныя объятія сына водочнаго заводчика, который взялъ на содержаніе Сашу.

Онъ подбѣжалъ къ Ѳомѣ, обнялъ его и весело захохоталъ.

— Вотъ это встрѣча! А я здѣсь третій день проѣдаюсь и скучаю въ тяжкомъ одиночествѣ... Во всемъ городѣ нѣтъ ни одного порядочнаго человѣка, такъ что я даже съ газетчиками вчера познакомился... Ничего, народъ веселый... хоть и играли сначала аристократовъ и все фыркали на меня, но потомъ всѣ въ дребезги напились... Сегодня то же будетъ — клянусь капиталами отца! Я васъ познакомлю съ ними... Тутъ одинъ есть фельетонистъ, знаете—этотъ, который васъ тогда возвеличилъ... какъ его? Увеселительный малый... чортъ его дери! Знаете—нанять бы такого для собственнаго употребленія?! Дать ему сколько-нибудь и прикомандировать къ себѣ—увеселяй! Здорово? У меня былъ въ услуженіи куплетистъ одинъ,—ничего, знаете, весело съ нимъ было... Бывало, я ему скомандую: „Римскій! валяй куплеты!“ Онъ начнетъ—прямо говорю—животики надорвешь... Жаль, сбѣжалъ куда-то... Обѣдали?

— Нѣтъ еще... А что Александра?—спросилъ Ѳома, немного оглушенный громкой рѣчью этого высокаго, развязнаго парня съ краснымъ лицомъ и въ пестромъ костюмѣ.

— Н-ну, знаете,—поморщился тотъ,—эта ваша Александра—дрянь-женщина! Какая-то... темная... скучно съ ней, чортъ ее возьми! Холодная, какъ лягушка, брр! Нѣтъ, я ей дамъ отставку...

— Холодная—это вѣрно,—сказалъ Ѳома и задумался...

— Каждый человѣкъ долженъ дѣлать свое дѣло самымъ лучшимъ образомъ,—поучительно сказалъ сынъ водочнаго заводчика,—и если ты поступаешь на содержаніе, такъ тоже должна исполнять свою обязанность какъ нельзя лучше... коли ты порядочная женщина... Ну-съ, водки выпьемъ?

Выпили. И, разумѣется, напились.

Къ вечеру въ гостиницѣ собралась большая и шумная компанія, и Ѳома, пьяный, но грустный и тихій, говорилъ ей заплетающимся языкомъ:

— Я такъ понимаю: одни люди—черви, другіе—воробьи... Воробьи—это купцы... Они клюютъ червей... Такъ ужъ имъ положено... Они—нужны... А я... и всѣ вы—ни къ чему... Мы живемъ безъ сравненія... и безъ оправданія... совсѣмъ—зря... И со-

всѣмъ не нужно насъ... Но и тѣ... и всѣ—для чего? Это надо понять... Братцы!.. Мы всѣ—лопнемъ... ей Богу! А отчего—лопнемъ? Оттого что... лишнее все въ насъ... въ душѣ лишнее... и вся жизнь наша—лишняя! Братцы! Я плачу... на что меня нужно? Не нужно меня!.. Убейте меня... чтобы я умеръ... Хочу, чтобы я умеръ...

И онъ плакалъ обильными, пьяными слезами. Къ нему подсѣлъ какой-то пьяненькій и маленькій черный человѣчекъ и о чемъ-то напоминалъ ему, лѣзъ цѣловаться съ нимъ и кричалъ, стуча ножомъ по столу:

— Вѣрно! Молчать! Слово сырью! Дайте слово слонамъ и мамонтамъ неустройства жизни! Говоритъ святыя рѣчи сырая русская совѣсть! Рычи, Гордѣевъ! Рычи на все!..—И онъ снова цѣплялся за плечи Ѳомы и лѣзъ на грудь къ нему, поднимая къ его лицу свою круглую, черную, гладко остриженную голову, неустанно вертѣвшуюся на его плечахъ во всѣ стороны, такъ что Ѳома не могъ разсмотрѣть его лица, сердился на него за это и все отталкивалъ его отъ себя, раздраженно вскрикивая:

— Не лѣзь! Гдѣ у тебя рожа? Пшелъ!

Вокругъ нихъ стоялъ оглушающій, пьяный хохотъ, и задыхаясь отъ него, сынъ водочнаго заводчика хрипло ревѣлъ кому-то:

— Иди ко мнѣ! Сто рублей въ мѣсяцъ, столъ и квартиру! Честное слово! Иди! Честное слово! Плюнь на газету... я дороже дамъ!

И все качалось изъ стороны въ сторону плавными, волнообразными движеніями. Люди то отдалялись отъ Ѳомы, то приближались къ нему, потолокъ опускался, а полъ двигался вверхъ, и Ѳомѣ казалось, что вотъ его сейчасъ расплющитъ, раздавитъ. Затѣмъ онъ почувствовалъ, что плыветъ куда-то, по необъятно широкой и бурной рѣкѣ, и, шатаясь на ногахъ, въиспугѣ началъ кричать:

— Куда плывемъ? Гдѣ капитанъ?

Ему отвѣчалъ громкій, безсмысленный смѣхъ пьяныхъ людей и рѣзкій, противный крикъ чернаго человѣчка.

— Вѣрно-о! Всѣ мы—безъ руля и безъ вѣтрилъ... Гдѣ капитанъ? Что-о? Ха-ха-ха!..

Ѳома очнулся отъ этого кошмара въ маленькой комнаткѣ съ двумя окнами, и первое, на чемъ остановились его глаза, было сухое дерево. Оно стояло подъ окномъ; толстый стволъ его, съ облѣзлой корой и гнилою сердцевиной, преграждалъ свѣту доступъ въ комнату, изогнутыя и черныя вѣтви безъ листьевъ печально и безсильно распростерлись въ воздухѣ и, покачиваясь, тихо, жалобно скрипѣли. Шелъ дождь, по стекламъ лились потоки воды, было слышно, какъ она течетъ съ крыши на землю и всхли-

пываетъ. Къ этому плачущему звуку примѣшивался другой, тонкій, то и дѣло прерывавшійся, торопливый скрипъ пера по бумагѣ и какое-то отрывистое ворчаніе.

Съ трудомъ поворотивъ на подушкѣ больную и тяжелую голову, Ѳома увидалъ маленькаго чернаго человѣчка, который, сидя за столомъ, быстро царапалъ перомъ по бумагѣ, одобрительно встряхивалъ круглой головой, вертѣлъ ею во всѣ стороны, передергивалъ плечами и весь—всѣмъ своимъ маленькимъ тѣломъ, одѣтымъ лишь въ подштанники и ночную рубаху—неустанно двигался на стулѣ, точно ему было горячо сидѣть, а встать онъ не могъ почему-то. Лѣвая его рука, худая и тонкая, то крѣпко потирала лобъ, то дѣлала въ воздухѣ какіе-то непонятные знаки; босыя ноги шаркали по полу, на шеѣ трепетала какая-то жила, и даже уши его двигались. Когда его лицо обращалось къ Ѳомѣ—Ѳома видѣлъ тонкія губы, что-то шептавшія, острый носъ, опускавшійся къ рѣдкимъ усикамъ, и эти усики, прыгавшіе вверхъ каждый разъ, когда человѣчекъ улыбался... Лицо у него было желтое, опухшее, морщинистое, и черные, живые, блестящіе глазки казались чужими на немъ.

Уставъ смотрѣть на него, Ѳома сталъ медленно водить глазами по комнатѣ. На большіе гвозди, вбитые въ ея стѣны, были воткнуты пучки газетъ, отчего казалось, что стѣны покрыты опухолями. Потолокъ былъ оклеенъ когда-то бѣлой бумагой; она вздулась пузырями, полопалась, отстала и висѣла грязными клочьями; на полу валялось платье, сапоги, книги, рваная бумага... Вся комната производила такое впечатлѣніе, точно она была ошпарена кипяткомъ.

Человѣчекъ бросилъ перо, наклонился надъ столомъ, бойко забарабанилъ по краю его пальцами рукъ и тихонько слабенькимъ голоскомъ запѣлъ:

„Бе-ери барабанъ и—не бойся!
Цѣ-луй маркитантку звучнѣй!
Вотъ смыслъ глубочайшій науки,
Вотъ смыслъ философіи все-ей!“

Ѳома тяжело вздохнулъ и сказалъ:

— А... зельтерской бы выпить... нельзя?

— Ага!—воскликнулъ человѣчекъ и, спрыгнувъ со стула, очутился у широкаго дивана, обитаго клеенкой, на которомъ лежалъ Ѳома.—Здорово, товарищъ! Зельтерской? Могу! Съ коньякомъ или просто?

— Лучше съ коньякомъ...—сказалъ Ѳома, пожимая протянутую ему сухую и горячую руку и пристально всматриваясь въ лицо человѣчка...

— Егоровна! —крикнулъ тотъ къ двери и, обратясь къ Ѳомѣ, спросилъ:—Не узнаешь, Ѳома Игнатьевичъ?

— Помню... что-то... будто встрѣчались...

— Четыре года продолжалась эта встрѣча... но это давно было! Ежовъ...

— Господи!—воскликнулъ Ѳома съ изумленіемъ, привставъ на диванѣ.—Да развѣ это ты?

— Я, братъ, самъ порой не вѣрю въ это, но реальный фактъ—есть нѣчто такое, отчего сомнѣніе отскакиваетъ, какъ резиновый мячъ отъ желѣза...

Лицо Ежова смѣшно исказилось и руки для чего-то начали ощупывать грудь.

— Н-ну-у! — протянулъ Ѳома. — Вотъ такъ постарѣлъ ты! А-я-яй! Сколько жъ тебѣ лѣтъ-то?

— Тридцать...

— А ровно пятьдесятъ... сухой, желтый... Видно не сладко жить-то? И пьешь, вотъ...

Ѳомѣ было жалко видѣть веселаго и бойкаго школьнаго товарища такимъ изношеннымъ и живущимъ въ этой конурѣ, какъ бы распухшей отъ ожоговъ. Онъ смотрѣлъ на него, грустно мигалъ глазами и видѣлъ, какъ лицо Ежова все подергивается, а глазки пылаютъ раздраженіемъ. Ежовъ откупоривалъ бутылку съ водой и, занятый этимъ, молчалъ, сжавъ бутылку колѣнями и тщетно напрягаясь, чтобы вытащить изъ нея пробку. И это его безсиліе тоже трогало Ѳому.

— Н-да, обсосала тебя жизнь-то... А учился... Видно и отъ наукъ человѣку мало помощи,—задумчиво говорилъ Гордѣевъ.

— Пей!—сказалъ Ежовъ, даже поблѣднѣвшій отъ усталости и подавая ему стаканъ. Затѣмъ онъ потеръ лобъ, сѣлъ на диванъ къ Ѳомѣ и заговорилъ:

— Науку оставь! Наука есть божественный напитокъ... но пока онъ еще не перебродилъ и не годенъ къ употребленію, какъ водка, не очищенная отъ сивушнаго масла. Для счастья человѣка наука еще не готова, другъ мой... и у живыхъ людей, потребляющихъ ее, только головы болятъ... вотъ какъ у насъ съ тобой теперь... Ты что это, какъ неосторожно пьешь?

— Я?.. А что мнѣ дѣлать?—спросилъ Ѳома усмѣхаясь.

Ежовъ пытливо, прищуренными глазами посмотрѣлъ на Ѳому и сказалъ:

— Сопоставляя твой вопросъ со всѣмъ тѣмъ, что ты вчера мололъ, чую я душой моей смущенной, что ты, другъ, тоже не отъ веселой жизни веселишься...

— Эхъ!—тяжко вздохнулъ Ѳома, вставая съ дивана.—Какая

моя жизнь? Такъ что-то... несуразное... Живу одинъ... ничего не понимаю... а чего-то хочется... плюнуть на все хочется и провалиться бы куда-нибудь! Бѣжать бы отъ всего... Тоска!

— Это любопытно!—сказалъ Ежовъ, потирая руки и весь вертясь.—Это любопытно, если это вѣрно и глубоко, ибо доказываетъ, что святой духъ недовольства жизнью проникъ уже и въ купеческія спальни... въ мертвецкія душъ, утопленныхъ въ жирныхъ щахъ, въ озерахъ чая и прочихъ жидкостяхъ... Ты мнѣ изложи все по порядку... Я, братъ, тогда романъ напишу...

— Мнѣ говорили, что ты и то ужъ написалъ про меня что-то? — съ любопытствомъ спросилъ Ѳома и еще разъ внимательно осмотрѣлъ стараго товарища, не понимая, что можетъ написать онъ, такой жалкій.

— Написалъ! А ты читалъ?

— Нѣтъ, не довелось...

— А что же тебѣ говорили?

— Здорово, будто, изругалъ ты меня...

—Гм... А тебѣ не интересно самому прочитать?—допрашивалъ Ежовъ, въ упоръ разсматривая Гордѣева.

— Я прочитаю! — обнадежилъ его Ѳома, чувствуя, что неловко ему передъ Ежовымъ и что Ежова какъ будто обижаетъ такое отношеніе къ его писаніямъ. — Въ самомъ дѣлѣ — вѣдь интересно, ежели про меня написано...—добавилъ онъ, добродушно улыбаясь товарищу.

Но, говоря это, онъ не ощущалъ никакого интереса и говорилъ лишь по чувству жалости къ Ежову. Ощущалъ онъ нѣчто другое: ему хотѣлось знать, что за человѣкъ Ежовъ и отчего онъ сталъ такимъ истертымъ?

Эта встрѣча родила въ немъ тихое и доброе чувство, вызвала у него воспоминанія о дѣтствѣ и они мелькали теперь въ памяти его,—мелькали какъ маленькіе скромные огоньки, пугливо свѣтя ему изъ дали прошлаго...

Ежовъ подошелъ къ столу, на которомъ уже стоялъ кипящій самоваръ, молча налилъ два стакана густого, какъ деготь, чая и сказалъ Ѳомѣ:

— Иди пей чай... И разсказывай про себя...

— Мнѣ нечего разсказывать... Я ничего въ жизни не видалъ... Пустая у меня жизнь! Лучше ты мнѣ про себя разскажи... ты все-таки, чай, больше моего знаешь...

Ежовъ задумался, не переставая вертѣться всѣмъ тѣломъ и крутить головой. Въ задумчивости только лицо его становилось неподвижнымъ,—всѣ морщинки на немъ собирались около глазъ

и окружали ихъ какъ бы лучами, а глаза отъ этого уходили глубже подъ лобъ...

— Н-да, я, братъ, кое-что видѣлъ и знаю...—заговорилъ онъ, встряхивая головой. — И, пожалуй, знаю я — больше, чѣмъ мнѣ слѣдуетъ знать, а знать больше, чѣмъ нужно, такъ же вредно для человѣка, какъ и не знать того, что необходимо знать... Разсказать тебѣ, какъ я жилъ? Могу... т. е. попробую. Никогда, никому не разсказывалъ о себѣ... потому что ни въ комъ не возбуждалъ интереса... Преобидно жить на свѣтѣ, не возбуждая въ людяхъ интереса къ себѣ!..

— Ужъ я по лицу да и по всему вижу, что не хорошо тебѣ жилось!—сказалъ Ѳома, чувствуя удовольствіе отъ того, что и товарищу, какъ оказывается, жизнь тоже не сладка была...

Ежовъ залпомъ выпилъ свой чай, швырнулъ стаканъ на блюдцо, поставилъ ноги на край стула и, обнявъ колѣни руками, положилъ на нихъ подбородокъ. Въ этой позѣ, маленькій и гибкій, какъ резина, онъ заговорилъ:

— Студентъ Сачковъ, бывшій мой учитель, а нынѣ докторъ медицины, винтеръ и холопъ, говорилъ мнѣ, бывало, когда я хорошо выучу урокъ: „Молодецъ Коля! Ты способный мальчикъ. Мы, разночинцы, простые и бѣдные люди, съ задняго двора жизни должны учиться и учиться, чтобъ встать впереди всѣхъ... Россія нуждается въ умныхъ и честныхъ людяхъ, старайся быть такимъ и ты будешь хозяиномъ своей судьбы и полезнымъ членомъ общества... На насъ, разночинцахъ, покоятся теперь лучшія надежды страны, мы призваны внести въ нее свѣтъ, правду...“ и т. д. Я ему, скотинѣ, вѣрилъ... И вотъ съ той поры прошло около двадцати лѣтъ—мы, разночинцы, выросли, но ума не вынесли и свѣта въ жизнь не внесли. Россія по-прежнему страдаетъ своей хронической болѣзнью — избыткомъ мерзавцевъ,—и мы, разночинцы, съ удовольствіемъ пополняемъ собой ихъ густыя толпы. Мой учитель, повторяю, — лакей, безличное и безмолвное существо, которому городской голова приказываетъ..., а я — паяцъ на службѣ обществу. Меня, братъ, здѣсь въ городѣ преслѣдуетъ слава... Иду по улицѣ и слышу — извозчикъ говоритъ своему товарищу: „Вонъ Ежовъ идетъ! Здорово лается, ѣдятъ его мухи!“ Н-да! Этого тоже достичь надо...

Лицо Ежова сморщилось въ ѣдкую гримасу и онъ какъ-то беззвучно, однѣми губами засмѣялся. Ѳомѣ была непонятна его рѣчь и онъ, чтобъ сказать чтон-ибудь, сказалъ наобумъ:

— Не туда, значитъ, попалъ, куда мѣтилъ...

— Да, я думалъ, что выросту покрупнѣе... И выросъ бы! Я выросъ бы, говорю!

Онъ вскочилъ со стула и забѣгалъ по комнатѣ, быстро и съ визгомъ восклицая:

— Но, чтобъ сохранить себя цѣльнымъ для жизни и чтобы быть въ ней свободнымъ человѣкомъ, — нужны огромныя силы! Онѣ были... была у меня гибкость, ловкость... я все это прожилъ лишь для того, чтобъ научиться чему-то... что теперь совсѣмъ не нужно мнѣ, я истратилъ всего себя для того, чтобы что-то сберечь въ себѣ... О чортъ! Я самъ и многіе со мной... мы всѣ ограбили сами себя ради того, чтобы скопить что-то для жизни... Подумай, — желая сдѣлать изъ себя человѣка цѣннаго, я всячески обезцѣнивалъ свою личность... Чтобы учиться и не издохнуть съ голода, я шесть лѣтъ кряду обучалъ грамотѣ какихъ-то болвановъ... и перенесъ массу мерзостей со стороны разныхъ папашъ и мамашъ, безъ всякаго стѣсненія унижавшихъ меня... Зарабатывая на хлѣбъ и чай, я не могъ уже, не имѣлъ времени заработать на сапоги и обращался въ благотворительныя общества съ покорнѣйшими просьбами о ссудахъ... на бѣдность мою... Еслибъ только благотворители могли подсчитать, сколько духа въ человѣкѣ убиваютъ они, поддерживая жизнь тѣла! Если бъ они знали, что въ каждомъ рублѣ, который они даютъ на хлѣбъ,— содержится на девяносто девять копеекъ яда для души! Если бъ ихъ разорвало отъ избытка ихъ доброты и гордости, почерпаемой ими изъ своей священной дѣятельности! Нѣтъ на землѣ человѣка гаже и противнѣе подающаго милостыню, какъ нѣтъ человѣка несчастнѣе принимающаго ее!

Ежовъ шатался по комнатѣ, какъ пьяный, охваченный безуміемъ, и бумага подъ ногами его шуршала, рвалась, летѣла клочьями. Онъ скрипѣлъ зубами, вертѣлъ головой, его руки болтались въ воздухѣ, какъ надломленныя крылья птицы, и казалось, что онъ варится въ котлѣ кипятка. Ѳома смотрѣлъ на него со страннымъ двойственнымъ чувствомъ: онъ и жалѣлъ Ежова и пріятно было ему видѣть, какъ онъ мучается.

„Не одинъ я... тоже и ему туго...“—думалъ Ѳома подъ звуки его рѣчи. А въ горлѣ Ежова что-то дребезжало, какъ битое стекло, и взвизгивало, какъ не смазанная петля.

— Отравленный добротой людей, я погибъ отъ роковой способности каждаго бѣдняка, выбивающагося въ люди, — отъ способности мириться съ малымъ, въ ожиданіи большаго... О! ты знаешь? — отъ недостатка самооцѣнки гибнетъ больше людей, чѣмъ отъ чахотки, и вотъ почему вожди массъ, быть можетъ, служатъ въ околодочныхъ надзирателяхъ!

— Чортъ съ ними, съ околодочными!—сказалъ Ѳома, махнувъ рукой. — Ты про себя валяй...

— Про себя! Я—весь тутъ! — воскликнулъ Ежовъ, остановившись среди комнаты и ударяя себя въ грудь руками. — Все что могъ — я уже совершилъ... достигъ степени увеселителя публики и—больше ничего не могу! Знать, что нужно дѣлать, и не мочь, не имѣть силы для твоего дѣла — вотъ что называется мученіемъ!

— Вотъ! Ты погоди-ка!—оживился Ѳома.—Ты скажи-ка—а что нужно дѣлать, чтобы спокойно жить... т. е., чтобы собой быть довольнымъ?

— Для этого нужно жить безпокойно и избѣгать, какъ дурной болѣзни, даже возможности быть довольнымъ собой!

Для Ѳомы эти слова прозвучали громко, но пусто, и звуки ихъ замерли, не шелохнувъ въ сердцѣ его никакого чувства, не зародивъ въ головѣ ни одной мысли.

— Нужно жить всегда влюбленнымъ во что-нибудь недоступное тебѣ... Человѣкъ становится выше ростомъ отъ того, что тянется къ верху...

Теперь, бросивъ говорить о себѣ, Ежовъ заговорилъ инымъ тономъ, спокойнѣе. Голосъ его звучалъ твердо и увѣренно, а лицо стало важно и строго. Онъ стоялъ среди комнаты, поднявъ руку съ вытянутымъ пальцемъ, и говорилъ, точно читалъ:

— Люди низки, потому что стремятся къ сытости... Сытый человѣкъ—животное, ибо сытость есть самодовольство тѣла... И самодовольство духа обращаетъ человѣка въ животное...

Его снова какъ-то передернуло, точно всѣ жилы и мускулы его вдругъ напряглись, и снова онъ забѣгалъ по комнатѣ, въ кипучемъ возбужденіи.

— Самодовольный человѣкъ—это затвердѣвшая опухоль на груди общества... это мой заклятый врагъ! Онъ набиваетъ себя грошовыми истинами, обгрызанными кусочками затхлой мудрости и существуетъ, какъ чуланъ, въ которомъ скупая хозяйка хранитъ всякій хламъ, совершенно не нужный ей, ни на что не годный... Дотронешься до такого человѣка, отворишь дверь въ него и на тебя пахнетъ вонью разложенія и въ воздухъ, которымъ ты дышишь, вольется струя какой-то затхлой дряни... Эти несчастные люди именуются людьми твердыми духомъ, людьми принциповъ и убѣжденій... и никто не хочетъ замѣтить, что убѣжденія для нихъ—только штаны, которыми они прикрываютъ нищенскую наготу своихъ душъ. На узкихъ лбахъ такихъ людей всегда сіяетъ всѣмъ ясная надпись: спокойствіе и увѣренность—фальшивая надпись! Потри лбы ихъ твердой рукой и ты увидишь истинную вывѣску,—на ней изображено: ограниченность и туподушіе!..

Ѳома смотрѣлъ, какъ Ежовъ мечется по комнатѣ, и съ грустью думалъ:

„Кого это онъ ругаетъ? Непонятно... А обидѣли его больно... это видать“...

— Сколько видѣлъ я такихъ людей!—съ гнѣвомъ и съ ужасомъ вскричалъ Ежовъ.—Сколько развелось въ жизни этихъ мелочныхъ лавочекъ! Въ нихъ найдешь и коленкоръ для саваповъ, и деготь, леденцы и буру для истребленія таракановъ—но не отыщешь ничего свѣжаго, горячаго, ничего здороваго! Къ нимъ приходишь съ больной душой, истомленный одиночествомъ, приходишь съ жаждой услышать что-нибудь живое... Они предлагаютъ тебѣ какую-то теплую жвачку, пережеванныя ими книжныя мысли, прокисшія отъ старости... И всегда эти сухія и жесткія мысли настолько мизерны, что для выраженія ихъ потребно огромное количество звонкихъ и пустыхъ словъ. Когда такой человѣкъ говоритъ, мнѣ кажется: вотъ сытая, но и опоенная кляча, увѣшенная бубенчиками,—везетъ возъ мусора за городъ и—несчастная!—довольна своей судьбой...

— Тоже, значитъ, лишніе люди...—сказалъ Ѳома. Ежовъ остановился противъ него и съ ѣдкой улыбкой на губахъ сказалъ:

— Нѣтъ, они не лишніе, о нѣтъ! Они существуютъ для образца... для указанія, чѣмъ человѣкъ не долженъ быть. Собственно говоря—мѣсто имъ въ анатомическихъ музеяхъ, тамъ, гдѣ хранятся всевозможные уроды, различныя болѣзненныя уклоненія отъ гармоничнаго... Въ жизни, братъ, ничего нѣтъ лишняго... въ ней даже я нуженъ! Только тѣ люди, въ душахъ которыхъ поселилась рабья трусость предъ жизнью, у которыхъ въ груди на мѣстѣ умершаго сердца—огромный нарывъ мерзѣйшаго самообожанія,—только они—лишніе... но и они нужны, хотя бы для того, чтобы я могъ излить на нихъ мою ненависть...

Весь день, вплоть до вечера кипятился Ежовъ, изрыгая хулу на людей, ненавистныхъ ему, и его рѣчи—хотя содержаніе ихъ было темно для Ѳомы — заражали его своимъ злымъ пыломъ заражали, вызывая у Ѳомы боевое чувство. Порой въ немъ вспыхивало недовѣріе къ Ежову, и въ одинъ изъ такихъ моментовъ онъ прямо спросилъ его:

— Ну... а въ глаза людямъ можешь ты такъ говорить?

— При всякомъ удобномъ случаѣ... И каждое воскресенье—въ газетѣ... Хочешь—почитаю?

Не дожидаясь отвѣта Ѳомы, онъ сорвалъ со стѣны нѣсколько листовъ газеты и, продолжая бѣгать по комнатѣ, сталъ читать ему. Онъ рычалъ, взвизгивалъ, смѣялся, оскаливалъ зубы и былъ похожъ на злую собаку, которая рвется съ цѣпи въ без-

сильной ярости. Не улавливая мысли въ твореніяхъ товарища, Ѳома чувствовалъ ихъ дерзкую смѣлость, ядовитую насмѣшку, горячую злобу, и ему было такъ пріятно... точно его въ жаркой банѣ вѣниками парили...

— Ловко!—восклицалъ онъ, улавливая какую-нибудь отдѣльную фразу.—Здорово пущено!

То и дѣло предъ нимъ мелькали знакомыя фамиліи купцовъ и именитыхъ горожанъ, которыхъ Ежовъ язвилъ то смѣло и рѣзко, то почтительно и тонкимъ, какъ игла, жаломъ.

Одобренія Ѳомы, его горящіе удовольствіемъ глаза и возбужденное лицо вдохновляли Ежова еще болѣе и онъ все громче вылъ и рычалъ, то въ изнеможеніи падая на диванъ, то снова вскакивая и подбѣгая къ Ѳомѣ.

— Ну-ка, про меня прочитай!—вскричалъ Ѳома разохотившись.

Ежовъ порылся въ грудѣ газетъ, вырвалъ изъ нея листъ и, взявъ его въ обѣ руки, всталъ предъ Ѳомой, широко разставивъ ноги, а Ѳома развалился въ креслѣ съ продавленнымъ сидѣньемъ и слушалъ улыбаясь.

Замѣтка о Ѳомѣ начиналась описаніемъ кутежа на плотахъ, и Ѳома при чтеніи ея сталъ чувствовать, что нѣкоторыя отдѣльныя слова покусываютъ его, какъ комары. Лицо у него стало серьезнѣе, онъ наклонилъ голову и угрюмо молчалъ. А комаровъ становилось все больше...

— Ужъ очень ты разошелся!—сказалъ онъ наконецъ смущенно и недовольно. — Вѣдь однимъ тѣмъ, что опозорить человѣка умѣешь, передъ Богомъ не выслужишься...

— Молчи! Подожди!—кратко бросилъ ему Ежовъ и продолжалъ чтеніе.

Установивъ въ своей статьѣ, что купецъ въ дѣлѣ творчества безобразій и скандаловъ несомнѣнно возвышается надъ представителями другихъ сословій, Ежовъ спрашивалъ: отчего это?—, и отвѣчалъ:

„Мнѣ кажется, что эта склонность къ дикимъ выходкамъ вытекаетъ изъ недостатка культуры постольку же, поскольку обусловлена избыткомъ энергіи и бездѣльемъ. Не можетъ быть сомнѣнья въ томъ, что наше купечество—за малыми исключеніями—сословіе наиболѣе богатое здоровьемъ и въ то же время наименѣе трудящееся“...

Вотъ это вѣрно-о! — воскликнулъ Ѳома, ударивъ кулакомъ по столу.—Это такъ! У меня силы—на быка, а работы—на воробья...

„Куда же дѣвать купцу свою энергію? На биржѣ ее много не истратишь, и вотъ онъ расточаетъ избытокъ мускульнаго капитала въ кабакахъ на кутежи, не имѣя представленія объ иныхъ,

болѣе продуктивныхъ и цѣнныхъ для жизни пунктахъ приложенія силы. Онъ—еще звѣрь, а жизнь для него уже стала клѣткой, и ему тѣсно въ ней при его добромъ здоровьѣ и склонности къ широкому размаху. Стѣсненный культурой, онъ нѣтъ-нѣтъ да и надебоширитъ. Купеческій дебошъ—всегда бунтъ плѣннаго звѣря. Разумѣется—это дурно... Но,—ахъ!—будетъ еще хуже, когда этотъ звѣрь къ своей силѣ прикопитъ немножко ума и дисциплинируетъ ее! Повѣрьте—онъ и тогда не перестанетъ производить скандалы, но это уже будутъ историческія событія. Избави насъ, Боже, отъ такихъ событій! Ибо они проистекутъ изъ стремленія купца ко власти, ихъ цѣлью будетъ всемогущество одного сословія и—не постѣснится купецъ въ средствахъ ради этой цѣли"..

— Ну, что скажешь—вѣрно?—спросилъ Ежовъ, дочитавъ газету и бросая ее въ сторону.

— Конца я не понимаю...—отвѣтилъ Ѳома.—А вотъ о силѣ—вѣрно! Куда я употреблю силу мою, ежели нѣтъ на нее спроса! Мнѣ бы... съ разбойниками сражаться или самому разбойникомъ быть... вообще что бы нибудь эдакое... большущее дѣлать... И что бы не головой, а руками, грудью... А тутъ—иди на биржу и приноравливайся, какъ бы рубль зашибить... А зачѣмъ его? И опять же что такое? Развѣ жизнь навсегда въ такомъ видѣ устроена? Какая это жизнь, коли всѣ ноютъ и всѣмъ тѣсно? Она должна быть по вкусу людямъ, жизнь-то... Мнѣ тѣсно, стало быть, долженъ я ее раздвигать... чтобы свободнѣе было... Значитъ—надо ее ломать и перестраивать... А какъ? Вотъ тутъ мнѣ и петля!.. Что надо дѣлать, чтобы свободнѣе жилось? Не понимаю я этого и—тутъ мнѣ конецъ!

— Н-да-а!—протянулъ Ежовъ.—Вотъ ты дочего долѣзъ!.. Это, братъ, дѣло доброе! Ахъ, поучиться бы тебѣ слегка! Ты какъ насчетъ книжекъ? Читаешь какія-нибудь?

— Нѣтъ, не люблю... не читывалъ...

— Оттого и не любишь, что не читывалъ...

— Я даже боюсь читать... Видѣлъ я—тутъ одна... хуже запоя у нея это! И какой толкъ въ книгѣ? Одинъ человѣкъ придумаетъ что-нибудь и напечатаетъ, а другіе читаютъ... Коли любопытно, такъ ладно... Но чтобы учиться изъ книги, какъ жить,—это ужъ что-то несуразное. Вѣдь человѣкъ написалъ, не Богъ, а какіе законы и примѣры человѣкъ установить можетъ самъ для себя?

— А Евангеліе? Его написали люди же.

— То апостолы... Теперь ихъ нѣтъ..

— Ничего, — возразилъ дѣльно! Вѣрно, братъ, апостоловъ нѣтъ... Остались только Іуды, да и то дрянненькіе.

Ѳома чувствовалъ себя прекрасно, ибо видѣлъ, что Ежовъ слушаетъ его слова внимательно и точно взвѣшиваетъ каждое слово, сказанное имъ. Первый разъ въ жизни встрѣчаясь съ такимъ отношеніемъ къ себѣ, Ѳома смѣло и свободно изливалъ предъ товарищемъ свои думы, не заботясь о словахъ и чувствуя, что его поймутъ, потому что хотятъ понять.

— А любопытный ты парень!—сказалъ ему Ежовъ, дня черезъ два послѣ встрѣчи.—И хоть тяжело ты говоришь, но чувствуется въ тебѣ многое... большая дерзость сердца! Кабы тебѣ немножко знанія порядковъ жизни! Заговорилъ бы ты тогда... довольно громко, я думаю... да-а!

— Все-таки словами себя не очистишь... и не освободишь...— вздохнувъ, замѣтилъ Ѳома. —Ты вотъ какъ-то говорилъ про людей, которые притворяются, что все знаютъ и могутъ... Я тоже знаю такихъ... Крестный мой, примѣрно... Вотъ противъ ихъ бы двинуть... ихъ бы уличить... Довольно вредный народъ!..

— Не представляю я, Ѳома, какъ ты будешь жить, если сохранишь въ себѣ то, что теперь носишь...—задумчиво сказалъ Ежовъ.

— Трудно мнѣ... Устойчивости нѣту у меня... Сразу бы я могъ что-нибудь сдѣлать... Я вотъ очень хорошо понимаю, что всѣмъ трудно и тѣсно... и что крестный это тоже видитъ—знаю! Но онъ отъ тѣсноты пользуется... Ему въ ней хорошо; онъ, какъ игла, острый и всюду, куда хочетъ, пройдетъ... А я человѣкъ большой и тяжелый... оттого и задыхаюсь! Оттого я и живу связанный... И развязаться мнѣ со всѣмъ—однимъ пріемомъ можно: двинуться хорошенько всѣмъ тѣломъ... тогда всѣ связи порвешь!

— А потомъ что?—спросилъ Ежовъ.

— Потомъ?—Ѳома задумался и, подумавъ, махнулъ рукой.— Не знаю, что потомъ... тамъ увижу!

— Увидимъ!—согласился Ежовъ.

Онъ пилъ, этотъ маленькій, ошпаренный жизнью человѣчекъ. Его день начинался такъ: утромъ за чаемъ онъ просматривалъ мѣстныя газеты и почерпалъ въ нихъ изъ репортерскихъ замѣтокъ матеріалъ для своего фельетона, который и сочинялъ тутъ же, на углу стола. Затѣмъ бѣжалъ въ редакцію и тамъ рѣзалъ иногороднія газеты, составляя изъ вырѣзокъ „Провинціальныя картинки“. Въ пятницу онъ долженъ былъ писать воскресный фельетонъ. За все это ему платили сто двадцать пять рублей въ мѣсяцъ; работалъ онъ быстро, и все свободное время посвящалъ „обозрѣнію и изученію богоугодныхъ учрежденій“. Вмѣстѣ съ Ѳомой онъ шлялся до глубокой ночи по клубамъ, гостиницамъ, трактирамъ, всюду черпая матеріалъ для своихъ писаній, ко-

торыя онъ называлъ „щетками для чистки общественной совѣсти“. Цензора онъ именовалъ „завѣдующимъ распространеніемъ въ жизни истины и справедливости“, газету называлъ „сводней, занимающейся ознакомленіемъ читателя съ вредоносными „идеями“, а свою въ ней работу „продажей души въ розницу“ и „поползновеніемъ къ дерзновенію противъ божественныхъ учрежденій“.

Ѳома плохо понималъ, когда Ежовъ шутитъ и когда онъ говоритъ серьезно. Обо всемъ онъ говорилъ горячо и страстно, все рѣзко осуждалъ и это нравилось Ѳомѣ. Но часто, начавъ рѣчь со страстью, онъ такъ же страстно возражалъ самъ себѣ и опровергалъ себя или заканчивалъ ее какой-нибудь смѣшной выходкой. Тогда Ѳомѣ казалось, что у этого человѣка нѣтъ ничего такого, что бы онъ любилъ, что бы крѣпко сидѣло въ немъ и управляло имъ. Только о себѣ самомъ онъ говорилъ какимъ-то особымъ голосомъ и, чѣмъ горячѣе говорилъ о себѣ, тѣмъ безпощаднѣе и злѣй ругалъ всѣхъ и все. И къ Ѳомѣ отношеніе его было двойственнымъ—то онъ ободрялъ его и говорилъ ему съ жаромъ и трепетомъ во всемъ тѣлѣ:

— Вали! Опровергай и опрокидывай все, что можешь! Толкайся впередъ всей грудью! Дороже человѣка ничего нѣтъ, такъ и знай! Кричи во всю силу: свободы! свободы!..

А когда Ѳома, загораясь отъ жгучихъ искръ его рѣчи, начиналъ мечтать о томъ, какъ онъ начнетъ опровергать и опрокидывать людей, которые ради своей выгоды не хотятъ расширить жизнь,—Ежовъ часто обрывалъ его:

— Брось! Ничего ты не можешь! Такихъ, какъ ты,—не надо.. Ваша пора,—пора сильныхъ, но не умныхъ прошла, братъ! Опоздалъ ты... Нѣтъ тебѣ мѣста въ жизни...

— Нѣтъ?.. Врешь!—кричалъ Ѳома, возбужденный противорѣчіемъ.

— Ну, что ты можешь сдѣлать?

— Я?

— Ты?

— А вотъ... убью тебя!—злобно говорилъ Ѳома, сжимая кулакъ.

— Э, чучело!—пожимая плечами, убѣдительно и съ сожалѣніемъ произносилъ Ежовъ.—Развѣ это дѣло? Я и такъ изувѣченъ до полусмерти...

И вдругъ, воспламененный тоскливой злостью, онъ весь подергивался и говорилъ:

— Обидѣла меня судьба моя! Зачѣмъ я унижался, принимая подачки общества, зачѣмъ я работалъ, какъ машина, двѣнадцать

лѣтъ кряду. Чтобы учиться... Зачѣмъ я двѣнадцать лѣтъ безъ отдыха глоталъ въ гимназіи и университетѣ сухую и скучную, ни на что не нужную мнѣ гадость и противорѣчивую ерунду? Чтобъ стать фельетонистомъ, чтобъ изо-дня-въ-день балаганить, увеселяя публику и убѣждая себя въ томъ, что это ей нужно, полезно... Гдѣ порохъ юности моей? Разстрѣлялъ я весь зарядъ души по три копейки за выстрѣлъ... Какую вѣру пріобрѣлъ я себѣ? Только вѣру въ то, что все въ сей жизни ни къ чорту не годится, все должно быть изломано, разрушено... Что я люблю? Себя... и чувствую предметъ любви моей недостойнымъ любви моей... Что я могу сдѣлать?

Онъ почти плакалъ и все какъ-то царапалъ тонкими, слабыми руками грудь и шею себѣ.

Но иногда имъ овладѣвалъ приливъ бодрости и онъ говорилъ въ иномъ духѣ:

— Я? Ну, нѣтъ, еще моя пѣсня не спѣта! Впитала кое-что грудь моя и—я свистну, какъ бичъ! Погоди, брошу газету, примусь за серьезное дѣло и напишу одну маленькую книгу... Я назову ее— „Отходная“: есть такая молитва,—ее читаютъ надъ умирающими. И это общество, проклятое проклятіемъ внутренняго безсилія, передъ тѣмъ, какъ издохнуть ему, приметъ мою книгу, какъ мускусъ.

Вслушиваясь въ каждое его слово, слѣдя за нимъ и сравнивая его рѣчи, Ѳома видѣлъ, что и Ежовъ такой же слабый и заплутавшійся человѣкъ, какъ онъ самъ. Но настроеніе Ежова продолжало заражать Ѳому, рѣчи его обогащали языкъ Ѳомы, и порой онъ съ радостнымъ изумленіемъ замѣчалъ за собой, какъ ловко и сильно высказана имъ та или другая мысль.

Не разъ онъ встрѣчалъ у Ежова какихъ-то особенныхъ людей, которые, казалось ему, все знали, все понимали и всему противорѣчили, во всемъ видѣли обманъ и фальшь. Онъ молча присматривался къ нимъ, прислушивался къ ихъ словамъ; ихъ дерзость нравилась ему, но его стѣсняло и отталкивало отъ нихъ что-то барское, гордое въ ихъ отношеніи къ нему. И затѣмъ ему рѣзко бросалось въ глаза то, что въ комнатѣ Ежова всѣ были умнѣе и лучше, чѣмъ на улицѣ и въ гостиницахъ. У нихъ были особые комнатные разговоры, комнатныя слова, жесты, и все это—внѣ комнаты замѣнялось самымъ обыкновеннымъ, человѣческимъ. Иногда въ комнатѣ они всѣ разгорались, какъ большой костеръ, и Ежовъ былъ среди нихъ самой яркой головней, но блескъ этого костра слабо освѣщалъ тьму души Ѳомы Гордѣева.

Какъ-то разъ Ежовъ сказалъ ему:

— Сегодня—кутимъ! Наши наборщики устроили артель и берутъ у издателя всю работу сдѣльно... По этому поводу будутъ спрыски и я приглашенъ... это я имъ посовѣтовалъ... Идешь? Угостишь ихъ хорошенько...

— Могу...—сказалъ Ѳома, которому было безразлично, съ кѣмъ проводить время, тяготившее его.

Вечеромъ этого дня Ѳома и Ежовъ сидѣли въ компаніи людей съ сѣрыми лицами, за городомъ, у опушки рощи. Наборщиковъ было человѣкъ двѣнадцать; прилично одѣтые, они держались съ Ежовымъ просто, по-товарищески, и это нѣсколько удивляло и смущало Ѳому, въ глазахъ котораго Ежовъ все-таки былъ чѣмъ-то вродѣ хозяина или начальника для нихъ, а они всѣ—только слуги его. Они какъ будто не замѣчали Гордѣева, хотя, когда Ежовъ знакомилъ его съ ними, всѣ пожимали его руку и говорили, что рады видѣть его... Онъ легъ въ сторонкѣ, подъ кустомъ орѣшника, и слѣдилъ за всѣми, чувствуя себя чужимъ въ этой компаніи и замѣчая, что и Ежовъ какъ будто нарочно отошелъ отъ него подальше и тоже мало обращаетъ вниманія на него. Онъ замѣчалъ за Ежовымъ нѣчто странное: маленькій фельетонистъ какъ будто подыгрывался подъ тонъ и рѣчи наборщиковъ. Онъ суетился вмѣстѣ съ ними около костра, откупоривалъ бутылки съ пивомъ, поругивался, громко хохоталъ и всячески старался быть похожимъ на нихъ. Онъ и одѣтъ былъ проще, чѣмъ всегда одѣвался.

— Эхъ, братцы!—восклицалъ онъ съ удальствомъ.—Хорошо мнѣ съ вами! Вѣдь я тоже не величка-птичка.., всего только сынъ судейскаго сторожа, унтеръ-офицера Матвѣя Ежова!

„На что это онъ говоритъ?“ думалъ Ѳома.—Мало-ли кто чей сынъ... чай не по отцу почетъ, а по уму...

Заходило солнце и въ небѣ тоже пылалъ огромный огненный костеръ, окрашивая облака въ цвѣтъ золота и крови. Изъ лѣса пахло сыростью, вѣяло тишиной, а у опушки его шумно возились темныя фигуры людей. Одинъ изъ нихъ, невысокій и худой, въ широкой соломенной шляпѣ наигрывалъ на гармоніи, другой, съ черными усами и въ картузѣ на затылкѣ, вполголоса подпѣвалъ ему. Еще двое тянулись на палкѣ, пробуя силу. Нѣсколько фигуръ возилось у корзины съ пивомъ и провизіей; высокій человѣкъ съ полусѣдою бородой подбрасывалъ въ костеръ сучья, окутанный тяжелымъ, бѣловатымъ дымомъ. Сырыя вѣтви, попадая въ огонь, жалобно пищали и потрескивали, а гармоника задорно выводила веселую мелодію, и фальцетъ пѣвца подкрѣплялъ и дополнялъ ея бойкую игру.

Въ сторонѣ ото всѣхъ, у обрыва небольшой промоины, улег-

лось трое молодыхъ парней, а предъ ними стоялъ Ежовъ и звонко говорилъ:

— Вы несете священное знамя труда... и я, какъ вы, рядовой той же арміи, мы всѣ служимъ ея величеству прессѣ... и должны жить въ крѣпкой, прочной дружбѣ...

— Это вѣрно, Николай Матвѣичъ! — перебилъ его рѣчь чей-то густой голосъ.—И вотъ мы хотимъ просить васъ—подѣйствуйте на издателя-то! Повліяйте! Болѣзнь и пьянство нельзя трактовать за одно и то же... А по его системѣ выходитъ такъ: запьетъ товарищъ, мы его штрафуемъ на дневной заработокъ, заболѣетъ—то же самое... Мы бы, въ случаѣ болѣзни, свидѣтельство отъ доктора представляли... для вѣрности, а онъ — для справедливости пускай бы хоть половину заработка замѣстителю больного платилъ... А то намъ тяжело... вдругъ сразу трое захворяютъ?

— Н-да... это, разумѣется, резонно...—согласился Ежовъ.—Но, друзья мои,—принципъ коопераціи...

Ѳома пересталъ вслушиваться въ рѣчь товарища, отвлеченный другимъ разговоромъ. Говорили двое: одинъ высокій, чахоточный, плохо одѣтый и смотрѣвшій сердито, другой молоденькій, съ русыми волосами и бородкой.

— По-моему, — угрюмо и покашливая говорилъ высокій, — глупо это! Какъ можно жениться нашему брату? Пойдутъ дѣти—развѣ хватитъ на нихъ? Жену надо одѣвать... да еще какая попадется...

— Дѣвушка она славная...—тихо сказалъ русый.

— Ну, это теперь хороша... Одно дѣло невѣста, другое — жена... Да не въ этомъ суть... попробовать можно... можетъ и въ самомъ дѣлѣ хороша будетъ. А только—средствъ не хватитъ... и самъ надорвешься въ работѣ и ее заѣздишь... Совсѣмъ невозможное дѣло женитьба для насъ... Развѣ мы можемъ семью поднять на такомъ заработкѣ? Вотъ видишь... я женатъ... всего четыре года... а ужъ скоро мнѣ—конецъ. И никакой радости не видалъ я... кромѣ безпокойства да заботъ...

Онъ закашлялся, кашлялъ долго, съ воемъ и, когда пересталъ, то сказалъ товарищу задыхаясь:

— Брось... ничего не выйдетъ...

Тотъ грустно опустилъ голову, а Ѳома подумалъ:

„Дѣльно говоритъ... тоже, видно, можетъ понимать“...

Невниманіе къ нему немножко обижало его и въ то же время возбуждало въ немъ чувство уваженія къ этимъ людямъ съ темными, пропитанными свинцовой пылью лицами. Почти всѣ они вели дѣловой, серьезный разговоръ, въ рѣчахъ ихъ сверкали какія-то особенныя слова. Никто изъ нихъ не заискивалъ

предъ нимъ, не лѣзъ къ нему съ назойливостью, обычной для его трактирныхъ знакомыхъ, товарищей по кутежамъ. Это нравилось ему...

— Ишь какіе...—думалъ онъ, внутренно усмѣхаясь, — имѣютъ свою гордость...

— А вы, Николай Матвѣичъ, — раздался чей-то, какъ будто укоряющій голосъ,—вы не по книжкѣ судите, а по живой правдѣ... Вѣдь за кусокъ-то хлѣба не по книжкѣ бьются, а по необходимости и какъ Богъ на душу положитъ, а не какъ въ правилахъ вашихъ написано...

— По-озвольте, друзья мои! Чему насъ учитъ опытъ нашихъ собратій...

Ѳома повернулъ голову туда, гдѣ громко ораторствовалъ Ежовъ, снявъ шляпу и размахивая ею надъ головой. Но въ это время ему сказали:

— Подвигайтесь поближе къ намъ, господинъ Гордѣевъ!

Предъ нимъ стоялъ низенькій и толстый парень, въ блузѣ и высокихъ сапогахъ и, добродушно улыбаясь, смотрѣлъ въ лицо ему. Ѳомѣ понравилась его широкая, круглая рожа съ толстымъ носомъ и онъ тоже съ улыбкой отвѣтилъ:

— Можно и поближе... А что—къ концу не пора намъ приблизиться? Я тутъ захватилъ бутылокъ съ десять... на всякій случай...

— Ого!—Видать—вы сурьезный купецъ... Сейчасъ я сообщу компаніи вашу дипломатическую ноту!..

И онъ самъ первый расхохотался надъ своими словами веселымъ и громкимъ смѣхомъ. И Ѳома захохоталъ, чувствуя, какъ на него отъ костра или отъ парня пахнуло весельемъ и тепломъ.

Вечерняя заря тихо гасла. Казалось, тамъ, на западѣ, опускается въ землю огромный и мягкій пурпурный занавѣсъ, открывая бездонную глубь неба и веселый блескъ звѣздъ, играющихъ въ немъ. Вдали, въ темной массѣ города невидимая рука сѣяла огни, а здѣсь въ молчаливомъ покоѣ стоялъ лѣсъ, черной стѣною вздымаясь до неба... Луна еще не взошла и надъ полемъ лежалъ теплый сумракъ...

Вся компанія усѣлась въ большой кружокъ неподалеку отъ костра; Ѳома сидѣлъ рядомъ съ Ежовымъ спиной къ огню и видѣлъ предъ собою рядъ ярко освѣщенныхъ лицъ веселыхъ и простыхъ. Всѣ были уже возбуждены выпивкой, но еще не пьяны, смѣялись, шутили, пробовали пѣть и пили, закусывая огурцами, бѣлымъ хлѣбомъ, колбасой. Все это для Ѳомы имѣло какой-то особый, пріятный вкусъ, онъ становился смѣлѣе, охваченный общимъ, славнымъ настроеніемъ, и чувствовалъ въ себѣ желаніе

сказать что-нибудь хорошее этимъ людямъ, чѣмъ-нибудь понравиться всѣмъ имъ. Ежовъ, сидя рядомъ съ нимъ, возился на землѣ, толкалъ его плечомъ и, потряхивая головой, невнятно бормоталъ что-то подъ носъ себѣ...

— Братцы! — крикнулъ толстый парень. — Давайте грянемъ студенческую... ну, разъ, два!..

„Быстры, ка-акъ во-олны...“

Кто-то загудѣлъ басомъ:

„Д-дни-и нашей...“

— Товарищи! — сказалъ Ежовъ, поднимаясь на ноги со стаканомъ въ рукѣ. Онъ пошатывался и опирался другой рукой о голову Ѳомы. Начатая пѣсня оборвалась и всѣ повернули къ нему головы...

— Труженики! Позвольте мнѣ сказать вамъ нѣсколько словъ... словъ отъ сердца... Я счастливъ съ вами! Мнѣ хорошо среди васъ... Это потому, что вы—люди труда, люди, чье право на счастье не подлежитъ сомнѣнію, хотя и не признается... Въ здоровой, облагораживающей душу средѣ вашей, честные люди, такъ хорошо, свободно дышится одинокому, отравленному жизнью человѣку...

Голосъ Ежова дрогнулъ, зазвенѣлъ и голова затряслась. Ѳома почувствовалъ, какъ что-то теплое капнуло ему на руку, и взглянулъ въ сморщенное лицо Ежова который продолжалъ рѣчь, вздрагивая всѣмъ тѣломъ:

— Я—не одинъ...насъ много такихъ, загнанныхъ судьбой, разбитыхъ и больныхъ людей... Мы—несчастнѣе васъ, потому что слабѣе и тѣломъ, и духомъ, но мы сильнѣе васъ, ибо вооружены знаніемъ... которое намъ некуда приложить... Мы всѣ съ радостью готовы придти къ вамъ и отдать вамъ себя, помочь вамъ жить... больше намъ нечего дѣлать! Безъ васъ мы—безъ почвы, вы безъ насъ—безъ свѣта! Товарищи! Мы судьбой самою созданы для того, чтобъ дополнять другъ друга!

„Чего это онъ у нихъ проситъ?“ — думалъ Ѳома, съ недоумѣніемъ слушая рѣчь Ежова. И, оглядывая лица наборщиковъ, онъ видѣлъ, что они смотрятъ на оратора тоже вопросительно, недоумѣвающе, скучно.

— Будущее — ваше, друзья мои! — говорилъ Ежовъ нетвердо и грустно покачивалъ головой, точно сожалѣя о будущемъ и противъ своего желанія уступая власть надъ нимъ этимъ людямъ. — Будущее принадлежитъ людямъ честнаго труда... Великая работа предстоитъ вамъ! Это вы должны создать новую культуру... все

ПИКАРЪ.

свободное, живое и яркое! Я—вашъ по плоти и духу, сынъ солдата—предлагаю: выпьемъ же за ваше будущее! Ур-ра-а!

Ежовъ, выпивъ изъ своего стакана, тяжело опустился на землю. Наборщики дружно подхватили его надорванный возгласъ, и въ воздухѣ прокатился гремящій, сильный крикъ, сотрясая листву на деревьяхъ.

— Теперь пѣсню! — снова предложилъ толстый парень.

— Давай! — поддержали его два-три голоса. Завязался шумный споръ о томъ, что пѣть. Ежовъ слушалъ шумъ и, повертывая головой изъ стороны въ сторону, осматривалъ всѣхъ.

— Братцы! — вдругъ снова крикнулъ онъ. — Отвѣтьте мнѣ... отвѣтьте парой словъ на мой привѣтъ къ вамъ...

Снова — хотя и не сразу—всѣ замолчали, глядя на него — иные съ любопытствомъ, иные скрывая усмѣшку, нѣкоторые съ ясно выраженнымъ неудовольствіемъ на лицахъ. А онъ вновь поднялся съ земли и возбужденно говорилъ:

— Здѣсь двое насъ... отверженныхъ отъ жизни, — я и вотъ этотъ... Мы оба хотимъ... одного и того же...вниманія къ человѣку... счастья чувствовать себя нужными людямъ... Товарищи! И этотъ большой и глупый человѣкъ...

— А вы, Николай Матвѣичъ, не обижайте гостя! — раздался чей-то густой и недовольный голосъ.

— Да, это лишнее! — подтвердилъ толстый парень, пригласившій Ѳому къ костру. — Зачѣмъ обидныя слова?

Третій голосъ громко и отчетливо сказалъ:

— Мы собрались повеселиться... отдохнуть...

— Глупцы! — слабо засмѣялся Ежовъ. — Добрые глупцы!.. Вамъ жалко его? Но — знаете ли вы, кто онъ? Это одинъ изъ тѣхъ, которые сосутъ у васъ кровь...

— Будетъ, Николай Матвѣичъ! — крикнули Ежову. И всѣ загудѣли, не обращая больше вниманія на него. Ѳомѣ до такой степени стало жалко товарища, что онъ даже и не обидѣлся на него. Онъ видѣлъ, что эти люди, защищавшіе его отъ нападокъ Ежова, теперь нарочно не обращаютъ вниманія на фельетониста, и понималъ, что если Ежовъ замѣтитъ это — больно будетъ ему. И, чтобъ отвлечь товарища въ сторону отъ возможной непріятности, онъ толкнулъ его въ бокъ и сказалъ добродушно усмѣхаясь:

— Ну, ты, ругатель... выпьемъ что ли? А то можетъ домой пора?

— Домой? Гдѣ домъ у человѣка, которому нѣтъ мѣста среди людей? — спросилъ Ежовъ и снова закричалъ: — Товарищи!

Его крикъ утонулъ въ общемъ говорѣ безъ отвѣта. Тогда онъ поникъ головой и сказалъ Ѳомѣ:

— Уйдемъ отсюда!..

— Ну, идемъ... Хотя я бы еще посидѣлъ... Любопытно... Благородно, они, черти, ведутъ себя... ей Богу!

— Я не могу больше: мнѣ холодно... душно...

— Ну, айда!..

Ѳома поднялся на ноги, снялъ картузъ и, поклонившись наборщикамъ, громко и весело сказалъ:

— Спасибо, господа, за угощенье! Прощайте!

Его сразу окружили и раздались убѣдительные голоса:

— Подождите! Куда вы? Вотъ спѣли бы вмѣстѣ, а?

— Нѣтъ, надо идти... вотъ и товарищу одному неловко... провожу... Весело вамъ пировать!

— Эхъ, подождали бы вы!.. — воскликнулъ толстый парень и тихо шепнулъ:—его можно одного проводить...

Чахоточный тоже сказалъ тихонько:

— Вы оставайтесь... А мы его до города проводимъ, тамъ на извозчика и—готово!

Ѳомѣ хотѣлось остаться и въ то же время было боязно чего-то. А Ежовъ поднялся на ноги и, вцѣпившись въ рукава его пальто, пробормоталъ:

— Иде-емъ... чортъ съ ними!

— До свиданія, господа! Пойду! — сказалъ Ѳома и пошелъ прочь отъ нихъ, сопровождаемый возгласами вѣжливаго сожалѣнія.

— Ха-ха-ха! — разсмѣялся Ежовъ, отойдя отъ костра шаговъ на двадцать. — Провожаютъ съ прискорбіемъ, а сами рады, что я ушелъ... Я имъ мѣшалъ превратиться въ скотовъ...

— Это вѣрно, что мѣшалъ...—сказалъ Ѳома.—На что ты рѣчи разводишь? Люди собрались повеселиться, а ты клянчишь у нихъ... Имъ отъ этого скука...

— Молчи! Ты ничего не понимаешь! — рѣзко крикнулъ Ежовъ.—Ты думаешь—я пьянъ? Это тѣло мое пьяно... а душа—трезва... она всегда трезва и все чувствуетъ... О, сколько гнуснаго на свѣтѣ, тупого, жалкаго! И люди... эти глупые, несчастные люди...

Ежовъ остановился и, схватившись за голову руками, постоялъ съ минуту, пошатываясь на ногахъ.

— Н-да-а!—протянулъ Ѳома.—Очень они не похожи одни на другихъ... Вонъ какіе эти... Вѣжливы... Господа, вродѣ... И разсуждаютъ правильно... и все такое... Съ понятіемъ... А вѣдь просто—рабочіе...

Во тьмѣ сзади ихъ громко запѣли какую-то сильную хоровую пѣсню. Нестройная сначала, она все росла и вотъ полилась

широкой, бодрой волной въ ночномъ, свѣжемъ воздухѣ надъ пустыннымъ полемъ.

— О Боже мой! —вздохнувъ, сказалъ Ежовъ грустно и тихо. — Чѣмъ жить? Къ чему прилѣпиться душой? Кто утолитъ ея жажду дружбы, братства, любви, работы чистой и святой...

— Эти простые разные люди, — медленно и задумчиво говорилъ Ѳома, не вслушиваясь въ рѣчь товарища, поглощенный своими думами,—они, ежели присмотрѣться къ нимъ,—ничего! Даже очень... Любопытно... Мужики... рабочіе... ежели ихъ такъ просто брать—все равно какъ лошади. Везутъ себѣ, пыхтятъ...

— Всю нашу жизнь они везутъ на своихъ горбахъ,—съ раздраженіемъ воскликнулъ Ежовъ.—Везутъ, какъ лошади... покорно тупо... И эта ихъ покорность—наше несчастіе, наше проклятіе...

А Ѳома, увлекаясь своей мыслью, разсуждалъ:

— Везутъ, работаютъ всю жизнь изъ-за пустяковъ... И вдругъ—скажутъ что-нибудь такое—во вѣкъ не выдумаешь... Значитъ—чувствуютъ... Н-да-а около нихъ... любопытно...

Ежовъ, пошатываясь, долгое время шелъ молча и вдругъ какимъ-то глухимъ, захлебывающимся голосомъ, который точно изъ живота у него выходилъ, сталъ читать, размахивая въ воздухѣ рукой:

„Я жизнью жестоко обманутъ
И столько я бѣдъ перенесъ...“

— Это, братъ, мои стихи, — сказалъ онъ, остановившись и грустно покачивая головой.—Какъ тамъ дальше? Забылъ... Тамъ говорится о грезахъ... о святыхъ и чистыхъ желаніяхъ... они задушены въ груди моей чадомъ жизни... Э-эхъ!

„Въ груди никогда не воспрянутъ
Рои погребенныхъ въ ней грезъ...“

— Братъ! Ты счастливѣе меня, потому что—глупъ... А я...

— Не скули!—съ раздраженіемъ сказалъ Ѳома.—Вотъ слушай, какъ они поютъ...

— Не хочу слушать чужихъ пѣсенъ...—отрицательно качнувъ головой, сказалъ Ежовъ.—У меня есть своя... пѣснь истерзанной жизнью души,—

И онъ завылъ дикимъ голосомъ:

„Въ душ-шѣ никогда не воспря-анутъ
Р-рои погр-ребенныхъ въ ней грезъ...
Ихъ мно-ого та-амъ!“

— Былъ цѣлый цвѣтникъ живыхъ и яркихъ мечтаній, надеждъ... Умерли... завяли и умерли... Смерть въ сердцѣ моемъ... Трупы грезъ гніютъ тамъ... о!-о!

Ежовъ заплакалъ, всхлипывая, какъ женщина. Ѳомѣ было жалко его и тяжело съ нимъ. Нетерпѣливо дернувъ его за плечо, онъ сказалъ:

— Перестань! Пойдемъ... Экій ты, братъ, слабый...

Схватившись руками за голову, Ежовъ выпрямилъ согнутое тѣло, напрягся и снова тоскливо дико и запѣлъ:

„Ихъ мно-ого та-амъ!
Склепъ имъ тамъ тѣ-есенъ!
Я въ саваны риѳмъ ихъ одѣ-ѣлъ...
И много надъ ними я пѣсенъ
Печальныхъ и грустныхъ про-опѣ-ѣлъ!“

— О Господи! — съ отчаяніемъ вздохнулъ Ѳома. — Будетъ тебѣ... Христа ради! Вѣдь тоска, ей Богу...

Издали къ нимъ плыла сквозь тьму и тишину громкая хоровая пѣсня. Кто-то присвистывалъ въ тактъ припѣва и этотъ острый, рѣжущій ухо свистъ обгонялъ волну сильныхъ голосовъ. Ѳома смотрѣлъ туда и видѣлъ высокую и черную стѣну лѣса, яркое, играющее на ней огненное пятно костра и туманныя фигуры вокругъ него. Стѣна лѣса была—какъ грудь, а костеръ—какъ кровавая рана въ ней. Казалось, что грудь трепещетъ, истекая кровью, обливающей ее горячими струями. Охваченные густою тьмой со всѣхъ сторонъ, люди на фонѣ лѣса казались маленькими какъ дѣти, они какъ бы тоже горѣли, облитые пламенемъ костра, взмахивали руками и пѣли свою пѣсню громко, сильно.

А Ежовъ, стоя рядомъ съ Ѳомой, возмущенно говорилъ ему:

— Ты, безчувственная дубина! Зачѣмъ ты отталкиваешь меня? Ты долженъ слушать пѣснь умирающей души... и плакать надъ нею... ибо—за что она изранена и умираетъ? Пошелъ прочь отъ меня... прочь! Ты думаешь—я пьянъ? Я—отравленъ... пошелъ прочь!

Ѳома, не отрывая глазъ отъ лѣса и костра, такъ красиваго во тьмѣ, отступилъ на нѣсколько шаговъ въ сторону отъ Ежова и тихо сказалъ ему:

— Не дури... что зря ругаешься?

— Я хочу остаться одинъ и... допѣть мою пѣсню...

Онъ, невѣрными шагами, тоже двинулся въ сторону отъ Ѳомы и черезъ нѣсколько секундъ вновь закричалъ рыдающимъ голосомъ:

„Про-опѣлъ—и теперь не нарушу
Я больше ихъ мертваго сна...
Господь! упокой мо-ою ду-ушу!
Она-а безнаде-ежно-о больна-а...
Господь... упокой мо-ою душу..“

Ѳома вздрогнулъ при звукахъ этого мрачнаго воя и быстро пошелъ вслѣдъ за Ежовымъ; но раньше, чѣмъ онъ догналъ его, маленькій фельетонистъ истерически взвизгнулъ, прямо грудью бросился на землю и зарыдалъ такъ жалобно и тихо, какъ плачутъ больныя дѣти...

— Николай!—говорилъ Ѳома, поднимая его за плечи.—Перестань... что такое? О Господи... Николай! Будетъ... какъ не стыдно!

Но тому было не стыдно: онъ бился на землѣ, какъ рыба, только что выхваченная изъ воды, а когда Ѳома поднялъ его на ноги—крѣпко прижался къ его груди, охвативъ его бока тонкими руками, и все плакалъ...

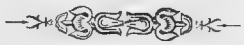
— Ну, ладно!—говорилъ Ѳома сквозь крѣпко сжатые зубы.—Будетъ, милый...

И возмущенный страданіемъ измученнаго тѣснотою жизни человѣка, полный обиды за него, онъ, въ порывѣ злой тоски, густымъ и громкимъ голосомъ зарычалъ, обративъ лицо туда, гдѣ во тьмѣ сверкали огни города:

— А-а-ана-ѳемы! Будь вы прокляты! Погодите... и вы задохнетесь! Будь вы прокляты!

М. Горькій.

(Окончаніе слѣдуетъ).



Изъ полярныхъ картинъ.

ЛѢТО.

Широкаго неба задумчивый сводъ,
Подернутый дымкой туманной,
Повисъ надъ равниной задумчивыхъ водъ,
Бѣгущихъ въ оградѣ песчаной.

У дальняго „Камня“ надъ узкой косой
Въ изгибѣ рѣчного залива,
Сіяя несмѣлой дѣвичьей красой,
Заря загорѣлась стыдливо.

Взгляни, моя радость! Въ прозрачной дали
Подъ сѣнью утесовъ прибрежныхъ
Какія дрожащія тѣни легли
На зеркало водъ безмятежныхъ!

Онѣ протянулись у каждой скалы
Широкой, но смутной каймою,
Какъ будто предѣлы разсѣянной мглы
Граница межъ свѣтомъ и тьмою..

Смотри, какъ чернѣютъ утесовъ края,
Окутаны вѣющимъ паромъ,
А здѣсь, передъ нами, рѣчная струя
Блистаетъ румянцемъ и жаромъ.

По сѣрымъ уступамъ гранитныхъ пластовъ
Тамъ льются тяжелыя волны
Коричневыхъ, синихъ, лиловыхъ цвѣтовъ,
Угрозой таинственной полны.

А въ зеркалѣ влаги, сквозь блескъ серебра
Огонь пробѣгаетъ янтарный,
И въ каплѣ малѣйшей живая игра
Сверкаетъ красой лучезарной.

А дальше, какъ синій высокій навѣсъ,
Окрашенный пламенемъ блѣднымъ,
Восточный предѣлъ необъятныхъ небесъ,
Ужъ пурпуромъ рдѣетъ побѣднымъ.

Ты видишь: не море живого огня
Подъ ризой туманною блещетъ,—
То первая искра полярнаго дня,
Во мракѣ рождаясь, трепещетъ.

Ты видишь: надъ мысомъ отъ самой земли
По гладкой стезѣ небосклона
Лучи золотые, какъ змѣи, всползли
Къ вершинѣ лазурнаго лона.

И легкія тучки, чей бѣлый нарядъ
Тепломъ позолоты чуть тронутъ,
Предъ нимъ, какъ толпы испуганныхъ стадъ,
Бѣгутъ и рѣдѣютъ, и тонутъ.

О чемъ ты мечтаешь, мой ласковый другъ?..
Дремота ли взоръ твой объемлетъ?
Огромной пустыни темнѣющій кругъ
Съ тобою торжественно дремлетъ?

Одни мы стоимъ надъ широкой рѣкой,
Бѣгущей лѣниво и гладко,
Предутренней грезы могучій покой
Лелѣетъ насъ смутно и сладко...

Одни мы стоимъ надъ бѣгущей водой,
Какъ будто въ безлюдной пустынѣ
Съ таинственнымъ счастьемъ любви молодой
Вдвоемъ мы остались отнынѣ.

И только зари свѣтоносной расцвѣтъ,
Обвѣянный тайной безмолвной,

Намъ издали шлетъ золотистый привѣтъ,
Сочувственной радости полный.

. . . . . .

Несчастная жертва полярной зимы,
Природа пустыни печальной,
Застыла въ оковахъ холодной тюрьмы
Подъ синей бронею хрустальной.

Лежитъ она въ бѣломъ блестящемъ вѣнцѣ.
Въ причудливомъ снѣжномъ уборѣ,
Съ недвижною скорбью на блѣдномъ лицѣ,
Съ недвижнымъ упрекомъ во взорѣ.

Сѣдая мятель стережетъ ея сонъ
Съ ревнивымъ и яростнымъ гнѣвомъ,
И буйнаго вѣтра мучительный стонъ
Ей служитъ надгробнымъ напѣвомъ...

Но въ маѣ, лишь солнца златой поцѣлуй
Покровъ ея льдистый растопитъ,
Серебряный ропотъ безчисленныхъ струй
Ее пробудиться торопитъ.

Дыханье колеблетъ застывшую грудь,
Глаза загораются свѣтомъ,
И трепетъ улыбки, мелькающей чуть,
Уста согрѣваетъ привѣтомъ.

И ласку тепла ей несетъ вѣтерокъ,
Сгоняя послѣднія грезы,
И полдень сплетаетъ въ румяный вѣнокъ
Душистыя дикія розы...

Ей трудно сравниться съ роскошной сестрой,
Съ красавицей южнаго лѣта.
Нарядъ не блистаетъ багряной игрой,
Не брызжетъ потоками свѣта.

Увѣнчана сѣтью дрожащихъ лучей,
Покровомъ обвѣяна алымъ,

Съ неясной мольбою покорныхъ очей,
Съ призывомъ во вздохѣ усталомъ...

Пусть жизненный трепетъ надъ нею разлитъ
Незримой волной аромата,
Но нѣжная прелесть стыдливыхъ ланитъ
Ужъ рдѣетъ сіяньемъ заката.

Дыханье дрожитъ на открытыхъ устахъ,
Какъ стонъ замирающей вьюги,
И грозные знаки на кроткихъ чертахъ
Гласятъ о смертельномъ недугѣ.

Но въ радужномъ праздникѣ лѣтняго дня
Рожденье зари свѣтлоокой
Всегда наполняетъ сильнѣе меня
Отрадой живой и глубокой.

Люблю я смотрѣть, какъ изъ розовыхъ тучъ
По склону лазурнаго свода
Протянется первый сіяющій лучъ
Веселый предвѣстникъ восхода.

Какъ яркаго солнца прекрасная дочь
Покровъ разрываетъ прозрачный
И радостно гонитъ упрямую ночь
На западъ холодный и мрачный...

Смотри: вотъ предъ нами явилась она,
Застѣнчивой полная ласки,
Какъ будто видѣнье воздушнаго сна,
Одѣта въ летучія краски.

Такъ въ сказкѣ волшебной изъ сумрачныхъ стѣнъ,
Темницы тяжелой и прочной
Выходитъ на волю, разрушивъ свой плѣнъ,
Царевна страны полуночной.

Тяжелая память разрушенныхъ чаръ
Чело молодое туманитъ,
Но жизни воскресшей плѣнительный жаръ
Ланиты неясно румянитъ;

И радость сознанья, какъ солнечный день,
Въ очахъ ея кроткихъ блистаетъ,
И сумрачной ночи послѣдняя тѣнь
Въ лучахъ ослѣпительныхъ таетъ...

Давай же, упьемся скорѣй и полнѣй
Бѣгущей минуты усладой!
Согрѣемся взоромъ безоблачныхъ дней,
Короткаго лѣта отрадой!

Въ пустынѣ, гдѣ царствуетъ зимняя мгла,
Въ изгнаньи нѣмомъ и суровомъ,
На каждую ласку живого тепла
Отвѣтимъ привѣтственнымъ словомъ.

В. Г.

Художественные журналы.

До послѣдняго времени у насъ не было художественныхъ журналовъ, хотя неоднократно дѣлались попытки основать такой журналъ. Первый русскій художественный журналъ появился въ 1807 г. подъ редакціей Буле, но вскорѣ прекратилъ свое существованіе. Затѣмъ издавался „Художественный журналъ“ В. Ив. Григоровичемъ, секретаремъ Академіи Художествъ, и „Художественная газета“ Н. В. Кукольникомъ *). Всѣ эти изданія просуществовали недолго и прекратили свое существованіе или продолжали издаваться въ измѣненномъ видѣ, т. е. перестали быть спеціальными художественными журналами и начали помѣщать беллетристику, статьи о музыкѣ и т. д. Слѣда въ русской литературѣ они не оставили никакого.

Затѣмъ, въ ближайшій къ намъ періодъ времени появились въ довольно большомъ количествѣ иллюстрированные журналы съ картинками, но ихъ никто не считалъ художественными, да они, кажется, и не заявляли правъ на это названіе. Они пробавлялись большею частію иностранными клише, помѣщали картинки совершенно случайныя, безъ всякаго опредѣленнаго выбора и лишь изрѣдка давали подписчикамъ рисунки оригинальные, большею частію очень плохо исполненные ксилографіею.

Несовершенство и недолговѣчность первыхъ русскихъ художественныхъ журналовъ зависѣли не отъ неспособности ихъ издателей. Напротивъ, и Григоровичъ и, въ особенности, Н. В. Кукольникъ были люди талантливые, очень чуткіе къ красотамъ искусства, но они съ первыхъ же шаговъ своей издательской дѣятельности встрѣтились съ непреодолимыми препятствіями, а именно съ полнымъ отсутствіемъ художественныхъ силъ, которыя могли бы посвятить себя исключительно журнальному дѣлу. Не только въ то время, но и до сихъ поръ еще русское искусство настолько бѣдно работниками, что у насъ нѣтъ спеціальныхъ художниковъ, занятыхъ политипажемъ и гравюрой. Г. Матэ представляетъ въ данномъ случаѣ чуть ли не единственное исключеніе. До послѣдняго времени русскіе художники придерживались одного только рода искусства—именно живописи. Въ немъ для всѣхъ хватало работы и только лишь изрѣдка, по особому пристрастію къ дѣлу, талантливые живописцы, какъ, напримѣръ, покойный Ив. Ив. Шишкинъ, занимались оффортомъ. Также бѣдна русская литература и спеціальными статьями о пластическомъ

*) Объ этихъ изданіяхъ и нѣкоторыхъ другихъ приведены довольно подробныя свѣдѣнія въ первомъ нумерѣ журнала „Искусство и художественная промышленность“ за 1899 г.

искусствѣ. Были у насъ, конечно, художественные критики, но они занимались по преимуществу не самымъ существомъ художественнаго творчества, а распространеніемъ въ публикѣ идей и впечатлѣній, выраженныхъ тѣмъ или инымъ художественнымъ произведеніемъ. Они не пытались анализировать и объяснить себѣ и читателю, какого рода впечатлѣнія навели художника на данное направленіе въ искусствѣ, какія идеи, составляющія пониманіе жизни художника, лежатъ въ основаніи его творчества. Эту первоначальную и самую важную часть художественной критики русское общество до послѣдняго времени брало прямо изъ западной литературы. Русскіе художественные критики чувствовали, что русское искусство въ такой малой степени захватываетъ вниманіе публики, что заниматься подобнаго рода вопросами рано, и они хлопотали исключительно о судьбѣ во мнѣніи публики тѣхъ отдѣльныхъ художественныхъ произведеній, которыя имъ нравились и въ которыхъ они находили выраженіе идей, имъ близкихъ. При этомъ критики часто задавались цѣлью проводить идеи, стоящія внѣ спеціальной сферы даннаго искусства, и пользовались художественными произведеніями только, какъ средствомъ.

Художественная дѣятельность по существу своему представляетъ эссенцію всякой общественной дѣятельности, потому что нѣтъ ничего болѣе важнаго для жизни людей, какъ разработка мысли и чувства. Но дѣятельность художника, какъ отдѣльной личности, не всегда совпадаетъ съ дѣятельностію работника на общественномъ поприщѣ. Художникъ разрабатываетъ свою мысль и чувство лично для себя и его стремленія могутъ въ данную минуту и не совпадать съ мыслями и стремленіями той группы мыслящихъ людей, которая въ это время стоитъ во главѣ общественной мысли. Художникъ, наконецъ, можетъ и не заботиться о томъ, чтобы его произведеніе имѣло качества, необходимыя для убѣжденія окружающихъ. Онъ работаетъ для себя и его можетъ интересовать болѣе тонкость и изящество работы, чѣмъ опредѣленность и логическая цѣльность ея. Для примѣненія же найденныхъ художникомъ образовъ и формъ мысли къ воздѣйствію на публику нужно придать имъ логическую простоту, ясность и устойчивость, хотя бы и въ ущербъ достоинству художественнаго произведенія, т. е. въ ущербъ соотвѣтствія формы произведенія съ мыслью художника. Въ искусствѣ происходитъ то же самое, что и въ наукѣ. Масса воспринимаетъ выводы науки въ упрощенномъ видѣ, считаетъ гипотезы непреложными теоріями и отдѣльнымъ наблюденіямъ, придаетъ характеръ законченныхъ изслѣдованій... Это—свойство мышленія большой публики. Тоже самое происходитъ и въ области искусства. Русская критика до сихъ поръ занималась исключительно объясненіемъ художественной дѣятельности русскихъ художниковъ въ примѣненіи ея къ разработкѣ общественныхъ вопросовъ. До сихъ поръ, строго говоря, былъ изслѣдованъ только одинъ вопросъ, самый примитивный и самый общій изъ всѣхъ, а именно вопросъ національности въ пластическомъ искусствѣ. Теперь этотъ вопросъ никому не интересенъ, и г. Дягилевъ совершенно правъ, говоря, что о національности въ искусствѣ нечего заботиться, потому что истинная національность есть необходимое и естественное свойство каждаго самостоятельнаго художника. Каждый художникъ, дѣйствительно, принадлежа по крови къ какому-либо народу, помимо воли вноситъ въ свои произведенія иногда даже

слишкомъ много національности, какъ, напримѣръ, г. Семирадскій, который, будучи полякомъ, невольно придаетъ польскій типъ и грекамъ, и римлянамъ, которыхъ онъ исключительно рисуетъ, повидимому вовсе забывая о своемъ родномъ племени. Но вопросъ о національности въ искусствѣ можетъ казаться лишнимъ намъ теперь, когда онъ уже рѣшенъ, когда уже никто не станетъ спорить, что русскій народъ имѣетъ право имѣть свое русское искусство. Но сорокъ лѣтъ тому назадъ дѣло стояло иначе. Тогда вопросъ національности совпадалъ съ вопросомъ о самостоятельности, предоставлялъ право быть самостоятельнымъ, избѣгнуть обязательной подражательности. Въ дореформенное время въ Россіи участіе въ художественныхъ интересахъ было признакомъ барства, которое всегда и вездѣ по своимъ вкусамъ имѣетъ характеръ международный. При первомъ появленіи признаковъ народнаго самосознанія, передъ наступленіемъ періода реформъ, появилась идея національности въ искусствѣ и потребовалось не мало времени, чтобы распространить эту идею въ публикѣ. Люди отсталые долго продолжали утверждать, что искусство—занятіе барственное, что оно не имѣетъ отечества и коренится въ хорошихъ манерахъ богатаго слоя общества, которые получили его изъ Франціи или отъ грековъ, или даже отъ самихъ боговъ. Люди прогрессивные утверждали, напротивъ, что искусство національно и основаніе его въ жизни и вкусахъ простого народа, который жилъ обособленно, самостоятельно, не подвергаясь иноземнымъ вліяніямъ, и только тамъ, въ жизни простолюдиновъ, и въ остаткахъ древности его и можно найти. При этомъ много было выказано увлеченія; значеніе національности преувеличивалось до того, что совершенно упускалось изъ виду, что одна національность не составляетъ еще всего въ художественномъ творчествѣ, но несомнѣнно, что правда была на сторонѣ націоналистовъ: дальнѣйшій ходъ исторіи подтвердилъ это вполнѣ.

Дебатируя вопросъ о томъ, изъ какой области художникъ долженъ черпать матеріалъ для своихъ произведеній, критика оставляла совершенно въ сторонѣ всю внутреннюю работу художественнаго творчества. Въ этомъ отношеніи всѣ были совершенно удовлетворены тѣми изслѣдованіями, которыя были сдѣланы въ иностранной литературѣ. Въ русской литературѣ лишь изрѣдка, при случаѣ и не въ спеціальныхъ статьяхъ, иногда даже въ беллетристическихъ произведеніяхъ, были высказываемы отдѣльныя мысли о возникновеніи и развитіи художественныхъ впечатлѣній и идей. Такія мысли встрѣчаются и у Тургенева, и у Достоевскаго. Онѣ отличаются всегда необыкновенной яркостію и блескомъ, почему и производятъ впечатлѣніе на читателя, запоминаются имъ и часто служатъ для него исходной точкой самостоятельнаго мышленія о предметахъ искусства.

Теперь времена перемѣнились. Въ обществѣ, вмѣстѣ съ развитіемъ интереса къ искусству, появилась потребность болѣе точной разработки самого процесса художественнаго творчества. Новыя направленія въ искусствѣ, новыя не по области изъ которой художникъ черпаетъ сюжеты, а по самимъ пріемамъ творчества, требуютъ объясненія и оцѣнки и вотъ одновременно, въ концѣ прошлаго года, появились два художественныхъ журнала различныхъ направленій: „Міръ искусства“ и „Искусство и художественная промышленность“. Первый изъ нихъ, издаваемый

С. Мамонтовымъ и кн. Тенишевой, подъ редакціею г. Дягилева, избралъ своею задачею отстаивать спеціальное направленіе въ искусствѣ, такъ называемое декадентство, а второй, издаваемый Обществомъ поощренія художествъ имѣетъ цѣлью служить интересамъ русской художественной промышленности. Конечно, задача перваго изъ этихъ журналовъ шире и интереснѣе, чѣмъ задача второго, почему я и начну настоящій разборъ съ него.

Вся литературная часть журнала „Міръ искусства", въ которой выражается направленіе и цѣль изданія, заключается въ статьяхъ редактора журнала г. Дягилева, занимающихъ почти все мѣсто въ журналѣ, начиная съ первыхъ нумеровъ его. Остальной литературный матеріалъ журнала представляетъ или отрывочныя замѣтки и сообщенія, или случайныя статьи. Въ статьяхъ г. Дягилева: „Нашъ мнимый упадокъ", „Поиски красоты" и „Основа художественной оцѣнки", озаглавленныхъ однимъ общимъ названіемъ „Сложные вопросы", очень подробно, хотя и не вполнѣ ясно, изложены всѣ основныя положенія того новаго направленія въ пониманіи задачъ искусства, котораго придерживается журналъ. Я называю изложеніе г. Дягилева не вполнѣ яснымъ, такъ какъ онъ придерживается способа выражать свои мысли съ помощію многочисленныхъ цитатъ изъ разныхъ авторовъ, русскихъ и иностранныхъ, причемъ собственныя слова г. Дягилева служатъ лишь спайкою, соединяющею цитируемыя фразы. Каждому очевидно, на-сколько такой способъ неточенъ и сбивчивъ. Какъ легко при этомъ извратить, совершенно невольно, мысль цитируемаго. Одна, выхваченная изъ цѣлой главы, фраза никогда не можетъ точно передать мысль автора. Г. Дягилевъ съ первыхъ же строкъ своей статьи впадаетъ именно въ подобную ошибку. Въ то же время въ этихъ первыхъ строкахъ статьи излагается въ нѣсколькихъ словахъ все существо новой теоріи искусства, адептомъ котораго является г. Дягилевъ. Статья начинается словами Достоевскаго: „Идеи летаютъ въ воздухѣ, но непремѣнно по законамъ; идеи живутъ и распространяются по законамъ, слишкомъ трудно для насъ уловимымъ; идеи заразительны и, знаете ли вы, что въ общемъ настроеніи жизни иная идея, доступная лишь высоко образованному и развитому уму, можетъ вдругъ передаться существу грубому и ни о чемъ никогда не заботившемуся и вдругъ заразитъ его душу своимъ вліяніемъ". Изъ этой мысли г. Дягилевъ и дѣлаетъ совершенно неожиданный выводъ. Онъ говоритъ, какъ будто вторя Достоевскому: „Да, воздухъ напитанъ идеями, какъ драгоцѣннымъ ароматомъ, которымъ наполняются сердца всѣхъ пожелавшихъ воспріять его и соединиться черезъ него съ другими сердцами". Да развѣ Достоевскій сказалъ что-либо подобное? Да развѣ Достоевскій не сказалъ совершенно обратнаго? Въ самомъ существѣ этихъ двухъ мыслей есть коренное противорѣчіе. Достоевскій утверждаетъ, что идеи распространяются по законамъ, непремѣнно по законамъ. Если онъ видитъ даже, что идея, доступная только высоко развитому уму, передается существу грубому и заражаетъ его душу своимъ вліяніемъ, то онъ все же продолжаетъ думать, что идеи распространяются по законамъ, что, слѣдовательно, и на этотъ случай есть логическая причина и объясненіе, но законъ распространенія идеи въ данномъ случаѣ трудно уловимъ и потому ускользаетъ отъ нашего наблюденія. Г. Дягилевъ, наоборотъ, полагаетъ, что каждый, кто пожелаетъ, можетъ наполнить свое сердце любою

идеею, которая доступна всякому. Но, спрашивается, какимъ образомъ существо грубое пожелаетъ наполнить свое сердце, или, лучше сказать, голову, высокой идеей? Этого г. Дягилевъ, конечно, не объясняетъ. Достоевскій, какъ тонкій наблюдатель, подмѣчаетъ, что зараженіе идеями происходитъ въ общемъ настроеніи жизни, т. е., что самыя высокія идеи связаны тѣсно съ общей жизнію всѣхъ людей. Г. Дягилевъ, конечно, съ этимъ не соглашается и не можетъ согласиться, потому что по ученію той школы, къ которой онъ принадлежитъ, искусство ничего общаго не имѣетъ ни съ жизнію, ни съ логикой, а есть дѣятельность совершенно особенной сферы, гдѣ все непонятно и безпричинно и хорошо или худо не почему нибудь, а такъ—просто—хорошо или худо. Далѣе г. Дягилевъ не объясняетъ, почему онъ сослался на Достоевскаго, почему онъ оставилъ безъ всякаго вниманія вторую половину приведенной имъ цитаты, а просто начинаетъ жаловаться на положеніе своего поколѣнія, которое вынуждено будто бы все отрицать, и въ то же время заявляетъ, что считаетъ пониманіе своего поколѣнія и глубже, и шире воззрѣній предыдущихъ поколѣній. Этому удивляться нечего, потому что нерѣдко человѣку кажется, что онъ понимаетъ вещи лучше другихъ. Но дальше г. Дягилевъ заявляетъ, что упадка никакого нѣтъ, потому что нечему падать, потому что предыдущія поколѣнія не оставили намъ ничего хорошаго и произведенія искусства нашего такъ плохи, что ухудшиться не могутъ. Вотъ это удивительно и жестоко, и несправедливо! Неужели все, что есть въ русскомъ искусствѣ, плохо! Гдѣ же видѣлъ хорошее г. Дягилевъ, если все плохо? У пяти-шести старыхъ мастеровъ-иностранцевъ? Но вѣдь г. Дягилевъ не иностранецъ и нашъ современникъ. Для него, какъ и для каждаго изъ насъ, искусство прежнихъ вѣковъ можетъ быть понятно лишь условно, объясненное вкусами и взглядами нашего времени, точно также, какъ намъ доступны и взгляды, и теоріи, и убѣжденія прежнихъ народовъ и эпохъ. Эта фраза г. Дягилевымъ сказана очевидно ради оригинальности и, конечно, онъ самъ ей не вѣритъ. Онъ вполнѣ подтверждаетъ мою догадку веденіемъ своего журнала, въ которомъ онъ постоянно помѣщаетъ произведенія русскихъ художниковъ, начиная съ Левицкаго и кончая В. Васнецовымъ, т. е. художниковъ, которые принадлежатъ къ поколѣніямъ, предшествующимъ намъ, и ужъ вѣрно не для того показываетъ онъ ихъ своимъ подписчикамъ, чтобы сказать: вотъ видите, какъ они плохо работали.

Въ первой своей статьѣ „Нашъ мнимый упадокъ“ г. Дягилевъ высказываетъ основное положеніе всего новаго ученія, такъ называемаго декадентства, а именно, что каждый можетъ дѣлать въ искусствѣ все, что хочетъ, и при этомъ, конечно, будетъ производить настоящія художественныя произведенія. При этомъ сообразовываться съ жизнію вовсе не слѣдуетъ, потому что искусство—предметъ совершенно особенный,—ароматъ, проявляющійся таинственно во время бесѣды съ красотой или въ другое столь же трудно уловимое время. Главное, чтобы человѣкъ не думалъ, не понималъ, не владѣлъ своими чувствами и пониманіемъ, а ахалъ и имѣлъ склонность произносить длинныя запутанныя фразы, чтобы объяснить необъяснимое. Возможности дѣлать въ искусствѣ все, что хочешь, конечно, нельзя отрицать, но всѣмъ съ давнихъ поръ извѣстно, что такого рода намѣреніе очень часто ни

къ чему путному не приводитъ. Новая теорія позволяетъ каждому считать себя художникомъ, тогда какъ давно всѣмъ извѣстно, что возможность достигнуть художественнаго совершенства для каждаго лица ограничена, сообразно съ его силами, и одной рѣшимостію нельзя расширить этихъ границъ. Нельзя воспріять по своему желанію драгоцѣнный ароматъ идей,—какъ говоритъ г. Дягилевъ,—хотя бы имъ и былъ напитанъ воздухъ, а необходимо подчиняться законамъ, которые иногда неуловимы съ перваго раза. Работать въ искусствѣ можетъ только сильный, способный, понимающій жизнь и живо чувствующій человѣкъ. И эти способности не представляютъ чего-либо спеціальнаго, проявляющагося только въ произведеніяхъ искусства, а, напротивъ, эти способности цѣнятся всѣми людьми и пригодны для всякаго человѣческаго дѣла. Искусство не представляетъ какой-либо исключительной дѣятельности, чего-либо скрытаго, таинственнаго и непонятнаго. Искусство свойственно всѣмъ людямъ почти безъ исключенія. Все отличіе художниковъ заключается въ томъ, что ихъ работа несравненно лучше, чѣмъ работа остальныхъ людей. Въ этомъ и интересъ, и трудность произведеній искусства, что они представляютъ то, что могутъ сдѣлать очень многіе, но должны отличаться при этомъ такими достоинствами, которыя дѣлаютъ ихъ самымъ рѣдкимъ и необыкновеннымъ, и близкимъ каждому предметомъ. Достоинство работы художника заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ съ большей силой отражаетъ въ своихъ произведеніяхъ свою жизнь и жизнь своихъ современниковъ, чѣмъ кто-либо. Крупные художники обыкновенно и своею личностію, и своею жизнію представляли крупное явленіе среди своихъ современниковъ. Ихъ произведенія, а геніальныя произведенія искусства въ особенности тѣсно связаны съ жизнію,—для послѣдующихъ поколѣній такія произведенія служатъ формою, въ которой выразилась жизнь и мысль цѣлой эпохи жизни людей черезъ самаго яркаго представителя своего — художника. Г. Дягилевъ утверждаетъ, напримѣръ, что Данте ощущалъ міръ духовъ, т. е. чертей и грѣшниковъ въ своемъ аду. Можетъ быть и ощущалъ. Странно было бы спорить о такомъ вопросѣ, но совершенно достовѣрно, что Данте не для того написалъ свою „Комедію“, чтобы разсказывать о чертяхъ. Данте былъ занятъ не таинственнымъ міромъ духовъ, а собственной жизнію, когда писалъ свои удивительные стихи. Онъ былъ въ несчастіи, въ изгнаніи, но не признавалъ себя побѣжденнымъ. Своею комедіей онъ нанесъ страшный ударъ своимъ врагамъ. Всѣ его описанія сложныхъ приключеній въ аду, всѣ лица имъ выведенныя имѣютъ прямое и непосредственное отношеніе къ дѣйствительности, къ его личной жизни и жизни людей, съ которыми ему пришлось сталкиваться. Эта непосредственная близость къ жизни человѣка, который занималъ выдающееся положеніе въ умственной жизни своего общества и обусловливаетъ достоинство его произведенія. Могутъ возразить на это, что не всегда вожди партій, умные люди бываютъ поэтами, что въ произведеніи искусства есть привлекательность, красота формы, которой можно восхищаться отдѣльно отъ содержанія и т. д. Все это совершенно вѣрно. Художественная форма тѣмъ и отличается отъ не художественной, что художникъ передаетъ иллюзію жизни, т. е. такъ изображаетъ предметъ своего произведенія, что онъ кажется живущимъ отдѣльно: живымъ, привлекательнымъ или ужаснымъ и т. д. Это уже способы искусства и

ихъ совершенство и доказываетъ спеціальную способность автора. Но обладаніе одними этими способами не обезпечиваетъ еще созданія крупнаго художественнаго произведенія, даже если бы возможно было проявить сильную творческую способность во внѣшней формѣ помимо самой задачи творчества—его внутренняго содержанія. Однако, такого случая еще не наблюдалось: внѣшняя форма всегда тѣсно связана съ внутреннимъ содержаніемъ и нѣтъ возможности указать ни одного геніальнаго безсодержательнаго произведенія искусства. Настоящій крупный художникъ не можетъ быть узкимъ спеціалистомъ. Карлейль даже прямо утверждаетъ, что геніальный человѣкъ все вообще можетъ дѣлать, за что ни возьмется, и вездѣ будетъ превосходенъ, и если онъ великъ только въ искусствѣ, такъ это самое трудное дѣло, какое извѣстно человѣчеству. Это убѣжденіе англійскаго философа не представляетъ ничего неожиданнаго: оно лежитъ въ душѣ каждаго человѣка, поэтому люди и относятся съ такимъ уваженіемъ къ генію. Еще недавно ту же мысль высказалъ проф. Овсянико-Куликовскій въ своей статьѣ „Пушкинъ—какъ художественный геній". Онъ говоритъ, что если бы даже до насъ не дошло ни одного стихотворенія Пушкина, а были извѣстны только его письма, то и тогда было бы очевидно, что написалъ эти письма человѣкъ геніальный. Декаденты, главнымъ образомъ, не хотятъ согласиться съ этой разумностію и логичностію искусства и съ близостію его къ жизни. Это дѣйствительно очень неутѣшительное убѣжденіе для многихъ. Изъ него ясно слѣдуетъ, что очень и очень многіе изъ занимающихся искусствомъ никогда не будутъ выдающимися художниками. Напротивъ, придерживаясь того убѣжденія, что искусство представляетъ совершенно особенный міръ, міръ рифмъ, звуковъ и линій, не имѣющій ничего общаго съ будничной, т. е. реальной жизнію, какъ говоритъ г. Дягилевъ въ другой своей статьѣ „Вѣчная борьба", каждый человѣкъ, который достигъ извѣстнаго совершенства въ пріемахъ искусства, можетъ надѣяться стать настоящимъ художникомъ и это, конечно, для него утѣшительно. Декадентство и есть преобладаніе внѣшнихъ пріемовъ искусства надъ самимъ искусствомъ. Пока пріемы искусства были въ примитивномъ состояніи, декадентство было невозможно. Но теперь, когда они разработаны и изучены въ совершенствѣ, стало возможнымъ предполагать, что одной внѣшней формой, однимъ настроеніемъ нервовъ, котораго можно достичь искусственно, можно замѣнить искусство. Это, конечно, ошибка и поддѣлка выкажетъ себя при первомъ же взглядѣ зрителя, которому извѣстны дѣйствительныя произведенія искусства. Г. Дягилевъ считаетъ міръ звуковъ и линій возвышеннымъ. Но почему онъ возвышенъ, конечно, не объясняетъ. А между тѣмъ совершенно очевидно, что если бы людямъ былъ извѣстенъ такой міръ звуковъ или чего-либо иного, который ничего общаго не имѣетъ съ ихъ жизнію, то такой міръ не имѣлъ бы для нихъ никакого значенія. Міръ искусства наиболѣе близокъ и понятенъ людямъ, потому что человѣкъ въ немъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, сознаетъ свое существованіе, научается понимать свои чувства и вкусы, подвигаясь впередъ въ самосознаніи подъ руководствомъ наиболѣе талантливыхъ и сильныхъ личностей — художниковъ. И, слѣдовательно, говорить о томъ, что искусство чуждо жизни, значитъ говорить одни слова, что охотно и исполняется многими, чтобы дать понять, что имъ извѣстно нѣчто таинственное, для другихъ невѣдомое.

„Художникъ-творецъ, — говоритъ г. Дягилевъ,—долженъ любить красоту и лишь съ нею вести бесѣду во время нѣжнаго таинственнаго проявленія своей божественной природы“. И съ перваго взгляда кажется, что въ этой фразѣ выражена какая-то мысль, но при болѣе внимательномъ разборѣ этого предложенія оказывается, что оно вовсе ничего не значитъ. Красота это свойство, которое проявляется въ произведеніяхъ искусства. Свойство это не представляетъ чего-либо неподвижнаго, а, напротивъ, въ оригинальныхъ, истинно-художественныхъ произведеніяхъ оно мѣняется, появляется въ новомъ, до тѣхъ поръ неизвѣстномъ видѣ. Копировать красоту уже извѣстную значитъ быть подражательнымъ, работать въ какомъ-либо опредѣленномъ смыслѣ и вкусѣ, и это дѣлаютъ многіе художники, но странно, что г. Дягилевъ совѣтуетъ это самое художнику-творцу. Но я увѣренъ, что г. Дягилевъ и этого не совѣтуетъ. Ему просто пріятно говорить кудрявыя фразы безъ опредѣленнаго значенія и довольствоваться не мыслями, а намеками мыслей, убѣждая и себя, и другихъ, что подъ этимъ туманными словами скрыто что-то доселѣ неизвѣстное, великое и прекрасное. Однако, намеки всегда и останутся намеками и никакого міровоззрѣнія составить не могутъ.

Законность существованія теперь декадентства г. Дягилевъ старается доказать тѣмъ, что до сихъ поръ направленія въ искусствѣ постоянно смѣняли одно другое. Классицизмъ былъ смѣненъ романтизмомъ, а романтизмъ—реализмомъ. Теперь же, по словамъ г. Дягилева, появилось новое направленіе, сущность котораго—стремленіе къ свободѣ и индивидуальной самостоятельности. Это, конечно, прекрасно. Свобода и индивидуальная самостоятельность—такія необходимыя условія художественнаго творчества, что ихъ цѣнятъ всѣ безъ исключенія. Вѣдь и классики, и романтики, и реалисты, выбирая то или иное направленіе, дѣлали это свободно и въ своихъ произведеніяхъ старались быть самостоятельными. Но свобода и индивидуальная самостоятельность сами по себѣ недостаточны для того, чтобы составить новое направленіе въ искусствѣ. Для этого нужно еще очень многое: нужно имѣть свою опредѣленную точку зрѣнія на жизнь, указать новые опредѣленные способы выраженія своихъ мыслей. Романтизмъ смѣнилъ классицизмъ и былъ смѣщенъ реализмомъ именно потому, что и классицизмъ, и романтизмъ, и реализмъ—опредѣленные способы передачи въ искусствѣ своихъ мыслей. Но смѣнить существующее направленіе въ искусствѣ однимъ желаніемъ быть самостоятельнымъ и свободнымъ, конечно, невозможно. Безуспѣшность такой попытки и обнаружилась уже вполнѣ, и такъ называемое декадентство отжило уже свой вѣкъ и сошло со сцены, не успѣвъ даже занять въ искусствѣ серьезнаго положенія. Послѣднія выставки въ Парижѣ, этомъ центрѣ декадентства, доказали это самымъ неопровержимымъ образомъ. Поворотъ въ сторону характерности, стильности во французской живописи былъ сильно замѣтенъ и на послѣдней французской выставкѣ въ Петербургѣ.

Одинъ изъ главныхъ аргументовъ, проводимыхъ адептами новаго ученія,—недостатокъ тенденціозности въ искусствѣ. Дѣйствительно, съ этимъ положеніемъ въ общемъ нельзя не согласиться: тенденціозность большой недостатокъ, но напрасно думаетъ г. Дягилевъ, что милое ему декадентство не тенденціозно, т. е. не шаблонно въ выраженіи излюбленныхъ чувствъ и настроеній. Тенденціозность вовсе не

такой незначительный недостатокъ, отъ котораго можно вылѣчиться однимъ добрымъ намѣреніемъ не впадать въ него. Тенденціозность—это слабость въ выраженіи избраннаго и только намѣченнаго, названнаго, а не изображеннаго чувства. Художникъ можетъ свободно изображать все, что ему угодно. Новыя чувства и настроенія въ художественной передачѣ нисколько не лучше старыхъ, всѣмъ извѣстныхъ чувствъ. Да и есть ли новыя чувства и впечатлѣнія? Все на свѣтѣ старо, но въ искусствѣ все ново, свѣжо и интересно, когда форма выражаетъ вполнѣ содержаніе. Тенденціею называется та часть мысли или чувства, которая обѣщана художникомъ зрителю въ названіи картины или въ ея сюжетѣ и не нашла себѣ выраженія въ самомъ изображеніи. Тенденціозность поэтому, какъ признакъ отсутствія искусства, непріятна и портитъ впечатлѣніе даже отъ того хорошаго, что можетъ быть въ картинѣ. Почему же г. Дягилевъ полагаетъ, что тенденціозными могутъ быть только реалисты? Неужели не тенденціозенъ иной декадентъ, который мажетъ шлепками эффектъ тумана, размазывая на полотнѣ сѣрыя краски, когда ему до тумана нѣтъ ровно никакого дѣла. А такихъ поддѣлокъ въ послѣднее время появляется очень много и всякій неряшливо написанный холстъ сходитъ за выраженіе непосредственнаго чувства. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что наивность и простодушіе можно также поддѣлывать гримасами, какъ и гражданскія чувства, и поддѣлки эти совершенно одинаково противны и одинаково оскорбляютъ зрителя.

Въ общемъ въ литературномъ отношеніи недостатокъ журнала „Міръ искусства“ заключается въ томъ, что онъ не даетъ послѣдовательнаго ряда серьезныхъ статей отъ искусствѣ. Невозможно все изданіе цѣлаго спеціальнаго журнала основать на однѣхъ полемическихъ статьяхъ. Недостаточно кого-то постоянно во всемъ опровергать. Необходимо озоботиться и о положительномъ изложеніи общихъ основаній избраннаго предмета и о сообщеніи своимъ читателямъ свѣдѣній. Остальныя же статьи журнала, кромѣ статей г. Дягилева, занимаютъ въ немъ крайне мало мѣста, являются отрывочными, случайными и не представляютъ интереса по своему содержанію; отдѣлъ же „Хроника“ ведется прямо въ тонѣ „Петербургской Газеты“, что для спеціальнаго художественнаго журнала ужъ очень легковѣсно.

Гравюры и снимки съ картинъ составляютъ, конечно, самый важный отдѣлъ каждаго художественнаго журнала. Въ журналѣ „Міръ искусства“ подборъ ихъ невольно вызываетъ удивленіе: рядомъ съ характерными рисунками и акварелями того характернаго направленія, котораго придерживается журналъ, помѣщены снимки съ картинъ, которыя вовсе ему не соотвѣтствуютъ. И, конечно, эти послѣднія картины, а не рисунки для маіолики Коровина и Малютина, представляютъ интересъ для читателя. При выборѣ рисунковъ редакція, очевидно, натолкнулась на непреодолимое препятствіе. Интересныхъ произведеній искусства, въ томъ родѣ, который превозносится журналомъ, очевидно, нѣтъ и потому поневолѣ пришлось измѣнить себѣ и помѣщать вещи, принадлежащія къ общепризнанному, вѣчному, настоящему искусству. Пришлось помѣстить и Веррокіо, и Генсборо, и Левицкаго, и Соколова, и Рѣпина. При этомъ справедливость требуетъ указать на то, что воспроизведенія иныхъ изъ этихъ картинъ въ авто-

типіяхъ и геліогравюрахъ Мейзенбаха и Риффарта въ Берлинѣ, Альб. Фриша въ Берлинѣ и по нѣкоторымъ изъ русскихъ снимковъ очень хороши и заслуживаютъ полнаго вниманія.

Второй художественный журналъ „Искусство и художественная промышленность", издаваемый Обществомъ поощренія художествъ, судя по заглавію, имѣетъ болѣе скромную задачу—служить интересамъ русской художественной промышленности. Это задача скромная, но очень важная и болѣе выполнимая, чѣмъ быть руководителемъ всего общества въ пониманіи искусства. Журналъ Общества поощренія художествъ находится въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ въ матеріальномъ отношеніи. Онъ получилъ значительную субсидію на расширеніе мастерской для печатанія красками и, благодаря исключительному положенію Общества, имѣетъ возможность пользоваться рисунками съ предметовъ искусства, производимыхъ на императорскихъ фарфоровомъ и хрустальномъ заводахъ. Въ самомъ началѣ изданія, въ первыхъ нумерахъ направленіе и характеръ журнала, повидимому, не были еще опредѣлены и самой редакціей. Что и понятно, потому что г. Собко давно уже состоитъ секретаремъ Общества поощренія художествъ, но новичекъ въ дѣлѣ редактированія періодическаго художественнаго изданія. Въ первыхъ нумерахъ редакція пыталась придать журналу характеръ общехудожественнаго журнала, который въ противоположность „Міру искусства", одновременно съ нимъ вышедшему въ свѣтъ, призванъ отстаивать русское національное искусство, въ лицѣ его представителей — художниковъ-реалистовъ. Эта задача, сколько можно судить по пріемамъ, избраннымъ журналомъ въ самомъ началѣ, оказалась редакціи не по плечу. Статьи и стихи, помѣщенные по этому поводу, не представляютъ никакого интереса и ужъ, конечно, не въ силахъ отстоять въ глазахъ публики русское реалистическое искусство, которое, кстати сказать, не нуждается вовсе въ защитѣ и до сихъ поръ занимаетъ преобладающее положеніе. Статьи г. Стасова о Васнецовѣ, помимо пространныхъ вводныхъ эпизодовъ, не касающихся Васнецова, страдали односторонностью при очень широкой программѣ. Г. Стасовъ находитъ, что Васнецовъ выше всего въ орнаментѣ, и было бы гораздо лучше, если бы статьи его и касались спеціально орнаментовъ Васнецова, не задаваясь цѣлью охарактеризовать Васнецова, какъ художника вообще. Такія спеціальныя статьи болѣе соотвѣтствовали бы дальнѣйшему направленію журнала и могли бы дать значительный матеріалъ для промышленниковъ, интересующихся искусствомъ. Статья г. Антокольскаго, по поводу трактата Л. Н. Толстого „Что такое искусство", представляетъ образецъ того, какъ не слѣдуетъ писать и чего не слѣдуетъ печатать. Это неумѣлый наборъ общихъ фразъ объ искусствѣ, которымъ авторъ ничего не можетъ, да и не хочетъ сообщить читателю, а силится лишь дать понятіе о возвышенности своихъ мыслей и чувствъ. Статьи г. „Старовѣра" тоже отличались обиліемъ общихъ мѣстъ и отсутствіемъ дѣйствительнаго труда въ разработкѣ важныхъ, серьезныхъ въ самыхъ мелочахъ, вопросовъ искусства. Г. „Старовѣръ" восхищается великими мастерами эпохи возрожденія. Да кто же ими не восхищается! Но въ то же время совершенно наивно указывать на нихъ современнымъ художникамъ, какъ на образцы для непосредственнаго подражанія. Каждый чело-

вѣкъ живетъ въ той эпохѣ, къ которой принадлежитъ, и нельзя по желанію вдругъ сдѣлаться человѣкомъ шестнадцатаго столѣтія. Нѣкоторые изъ декадентовъ въ настоящее время пытаются непосредственно подражать прерафаэлистамъ и что же изъ этого выходитъ? Одно кривляніе и больше ничего. Цѣнить и понимать слѣдуетъ все хорошее, но подражать художнику нельзя никому. Все это истины давно всѣмъ извѣстныя и забывать о нихъ непозволительно, въ особенности художественному критику. Въ послѣдующихъ нумерахъ журнала редакція значительно измѣнила его направленіе, приблизивъ его къ типу изданія художественной промышленности и вѣстника жизни русскихъ провинціальныхъ художественныхъ центровъ. За такое измѣненіе характера изданія можно только привѣтствовать редакцію. Въ этой области русскому обществу и даже людямъ, имѣющимъ интересъ къ искусству, все неизвѣстно. Неизвѣстны даже русскіе музеи, содержащіе большія богатства, такъ что г. Сизовъ прекрасно сдѣлалъ, что хотя въ общихъ чертахъ познакомилъ читателей съ Историческимъ музеемъ въ Москвѣ; его статья возбудитъ интересъ во многихъ и желаніе познакомиться съ этой богатой сокровищницей искусства. Русскіе старые храмы, дворцы, древности въ Крыму, на Кавказѣ, въ Средней Азіи заключаютъ въ себѣ много цѣнныхъ художественныхъ деталей. Знакомство съ ними можетъ быть чрезвычайно полезно для русской промышленности, и журналъ Общества поощренія художествъ окажетъ громадную ей услугу, познакомивъ съ ними читателей въ хорошихъ снимкахъ и статьяхъ, дающихъ объясненіе послѣдовательнаго развитія вкуса и стиля въ прежнія эпохи. Это задача почтенная и вполнѣ подходящая для журнала, преслѣдующаго цѣли художественной промышленности. Такъ же интересенъ отдѣлъ свѣдѣній изъ провинціальныхъ городовъ Россіи, гдѣ начала уже развиваться мѣстная художественная дѣятельность. Корреспонденціи изъ Кіева, Харькова, Одессы, сообщенія объ открывающихся тамъ выставкахъ, о томъ, чѣмъ интересуются тамъ по части искусства, всегда любопытны; объ этомъ необходимо знать человѣку, интересующемуся общественной жизнью своей родины. Такъ же интересны разсказы о художественныхъ экскурсіяхъ, предпринятыхъ съ спеціально художественной цѣлью, въ особенности, если онѣ такъ значительны по своимъ результатамъ, по количеству собранныхъ матеріаловъ, какъ путешествіе Борисова. Вообще отъ журнала слѣдуетъ ожидать сообщенія свѣдѣній. У насъ никто ничего не знаетъ, въ особенности того, что касается Россіи. Это большой пробѣлъ.

Политипажи журнала въ краскахъ исполнены хорошо, но черные могли бы быть лучше. Они хуже, чѣмъ лучшіе оттиски журнала „Міръ искусства“, но, правда, что тамъ клише не русскія, а иностранныя, а въ этомъ отдѣлѣ искусства мы далеко отстали отъ иностранцевъ. Журналъ „Искусство и художественная промышленность“, при дальнѣйшемъ развитіи въ отдѣлъ художественной промышленности, можетъ стать дѣйствительно полезнымъ и необходимымъ органомъ въ русской художественной литературѣ.

П. Ге.

Дѣвушка.

(Посвящается Е. Б.).

Надъ юнымъ прекраснымъ лицомъ
Волосъ темнорусыя пряди
Легли заплетеннымъ вѣнцомъ
И выбились кольцами сзади.

Нарядъ ея бѣденъ и строгъ,
Но лучшей не нужно одежды:
Ее осѣняетъ Самъ Богъ
Златымъ ореоломъ надежды.

Краса молодого чела
Бѣлѣетъ слоновою костью,
И станъ ея прямъ, какъ стрѣла,
Но гнется податливой тростью.

На розовыхъ свѣжихъ устахъ
Загадка серьезности важной,
А въ сѣрыхъ веселыхъ глазахъ
Задоръ шаловливо отважный.

Какъ радостно смотритъ она
Съ плѣнительнымъ бодрымъ привѣтомъ!
Такъ русская смотритъ весна,
Апрѣльскимъ залитая свѣтомъ.

Какъ чаша живого цвѣтка,
Душа ея жаждетъ открыться,—
Еще ей неясно пока,
Какая въ ней сила таится...

Но пусть ея разумъ пойметъ,
Пусть вѣра ей сердце разбудитъ,
Пойдетъ она смѣло впередъ.
И трудностей мѣрить не будетъ.

Съ назойливой сѣтью помѣхъ
Она не устанетъ бороться,
И мужествомъ купитъ успѣхъ,
И цѣли желанной добьется...

Въ святилищѣ женскихъ сердецъ
Безсильнымъ сомнѣньямъ нѣтъ мѣста:
Колеблются мужъ и отецъ,
Но вѣруютъ мать и невѣста.

И дѣвичья нѣжная грудь
Упрямымъ терпѣньемъ богаче,
Когда преграждаемый путь
Приноситъ сперва неудачи.

Учиться?.. Одна, безъ друзей,
Начнетъ она бодро работу,
Стучась у закрытыхъ дверей
На зло вѣковому запрету.

Учить?.. Въ деревенской глуши
Въ суровой заброшенной долѣ
Великую силу души
Убогой пожертвуетъ школѣ.

Гдѣ голодъ, болѣзнь и нужда
О помощи просятъ откуда?—
Прійдетъ она первой туда,
И помощь возникнетъ, какъ чудо.

Она поспѣваетъ вездѣ:
Ея безпредѣльная жалость
Готова убиться въ трудѣ,
Не знаетъ, что значитъ усталость.

Въ бѣдѣ—она выходъ создастъ,
Лѣкарство отыщетъ заразѣ,
И хлѣба голодному дастъ,
И раны отмоетъ отъ грязи.

Пока ей неясно еще,
Какая въ ней сила таится,
Но страсть закипитъ горячо,
По жиламъ огнемъ заструится.

Нахлынетъ любовь, какъ волна,
И станетъ ей новой святыней,
И женщиной будетъ она,
Не мраморной мертвой богиней.

И въ жизненной долѣ ея
Со скорбью смѣшается радость,
Изъ пѣнистыхъ струй бытія
Вкуситъ она горечь и сладость.

Но бремя измѣнчивыхъ лѣтъ
Ее до конца не измучитъ,
И бодрости юной расцвѣтъ
Сквозь весь пронесетъ она свѣтъ
И друга тому же научитъ...

В. Г.

Объ англо-трансваальскомъ конфликтѣ.

I.

Маленькая республика Трансвааль представляетъ собою въ дѣйствительности огромную страну, поверхностью въ 119.139 кв. миль, т. е. приблизительно равную Великобританіи вмѣстѣ съ Ирландіей, имѣющимъ 120.979 кв. миль. Расположенная по обѣимъ сторонамъ тропика, страна эта однако отличается, по увѣренію Реклю, чрезвычайно благодатнымъ климатомъ и изобилуетъ всѣми тѣми естественными богатствами, которыя намъ, жителямъ сѣрой Европы, только во снѣ снятся. Плодородная почва и превосходныя пастбища манятъ къ себѣ земледѣльца и скотовода; богатыя золотыя розсыпи привлекаютъ искателей быстрой наживы со всѣхъ концовъ свѣта; неистощимыя залежи каменнаго угля и всевозможныхъ другихъ минераловъ остаются неразработанными, такъ какъ населеніе и пришельцы еще увлечены всецѣло промывкой золота, этого идола современныхъ капиталистическихъ государствъ. Изо всѣхъ южно-африканскихъ республикъ и колоній Трансваалю болѣе всего посчастливилось въ отношеніи богатства и плодородія почвы. Въ какой бы части этой страны вы ни вспахали землю, вы получите прекраснѣйшіе урожаи хлѣбовъ всѣхъ сортовъ и при этомъ—наивысшаго качества. Трансвааль-скій табакъ славится по всей Южной Африкѣ; всѣ европейскіе злаки здѣсь легко акклиматизируются, хотя въ то же время почва даетъ обильные урожаи лимоновъ и апельсинъ. Все бѣлое населеніе этой страны—345.398 человѣкъ по даннымъ трансваальскаго *Staats Almanak* за 1898 годъ—могло бы свободно разселиться въ одномъ изъ многочисленныхъ лондонскихъ кварталовъ, и это населеніе пользуется полной свободой личности, а страна—политической независимостью. Словомъ, казалось бы, жителямъ только бы славить небо и разумно пользоваться тѣми благами, какія оно имъ послало. Но сказано: homo homini lupus est! Вмѣсто мирнаго процвѣтанія и прогресса, Трансвааль за послѣдніе 22 года представляетъ картину ожесточенной національной вражды, непрестанныхъ политическихъ интригъ и заговоровъ, являетъ всѣ симптомы скрытой, готовой всегда вспыхнуть, гражданской войны. Ниже мы постараемся выяснить причины этой странной на первый взглядъ аномаліи.

Къ циклу культурныхъ странъ Трансвааль былъ пріобщенъ совсѣмъ недавно. Еще въ началѣ этого вѣка на трансваальскую почву не ступала нога бѣлаго; вся страна была обитаема матабелами, зулусами, кафрами и другими дикими племенами и народностями. Только въ серединѣ тридцатыхъ годовъ выходцы изъ Капланда, потомки пренотовъ голландской крови, явились въ нынѣшній Трансвааль и, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ борьбы съ туземцами, завладѣли имъ. Тяжела была эта борьба. За каждый шагъ впередъ платили эти скотоводы и пахари своею кровью; большинство изъ нихъ гибло въ битвахъ и пожиралось дикарями, но часть все-таки пробиралась впередъ. Воевать бурамъ (или бургерамъ, какъ себя называютъ трансваальцы) съ побѣжденными и вытѣсненными дикарями приходилось еще долгое время послѣ того, какъ страна была покорена. Англія, подъ покровительство которой стала вновь заселенная колонія, не хотѣла тратить силы на защиту этой неинтересной и дикой области и въ 1852 году она прямо навязала политическую независимость трансваальскимъ бурамъ.

Порядки и нравы въ то время въ Трансваалѣ господствовали чрезвычайно простые. Буры разселились по всей странѣ. Каждая семья получила на свой пай участокъ *minimum* въ 25 квадратныхъ верстъ. Здѣсь буръ пасъ свои стада. Спалъ онъ подъ открытымъ небомъ въ теченіе мѣсяцевъ. Подъ вліяніемъ изолированной жизни въ дикой странѣ буръ мало-по-малу дичалъ и терялъ привычки цивилизованной жизни. Онъ одѣвался въ звѣриныя шкуры, забирался въ свою хижину только во время періода дождей и забывалъ читать, если умѣлъ. Вся библіотека буровъ ограничивалась семейной библіей, но и ее рѣдко кто могъ читать. Три-четыре раза въ годъ буръ запрягалъ лошадей и ѣхалъ со своей семьей къ ближайшей часовнѣ, которая служила центромъ общенія для окрестнаго населенія. Здѣсь устраивались свадьбы, совершались крестины, обмѣнивались продукты, закупались товары; здѣсь же обсуждались мѣстныя и общенаціональныя дѣла. Эта часовня служила такимъ образомъ зародышемъ городской жизни.

Въ жизни буровъ существовало однако два фактора, которые à la longue возродили бы быть можетъ ихъ къ цивилизаціи или породили бы новую самобытную культуру. Факторы эти—размноженіе буровъ и ростъ городовъ, благодаря иммиграціи англичанъ и нѣмцевъ. По мѣрѣ роста населенія огромные участки дѣлились на болѣе мелкіе и этимъ стѣснялось скотоводство; приходилось заняться усерднѣе земледѣліемъ, земля пріобрѣтала цѣнность. Буры могли пользоваться далеко не всей территоріей Трансвааля для заселенія и веденія скотоводства. Туземцы занимали еще многія области; ихъ и въ настоящее время имѣется въ странѣ 748.759 человѣкъ („Staats Almanak", 1898). Въ другихъ областяхъ нераздѣльно царствовала муха *цеце*. Теперь мало-по-малу муха эта вытѣсняется изъ страны по мѣрѣ истребленія крупной дичи, спутникомъ которой она является. Другой факторъ—иммиграція иностранцевъ пріобрѣталъ все большее значеніе, по мѣрѣ того, какъ являлась надобность въ ремесленникахъ, торговцахъ и въ разныхъ орудіяхъ труда. Пришельцы эти богатѣли, пріобрѣтали земли и становились гражданами Трансвааля. Подъ вліяніемъ этихъ двухъ факторовъ однообразная жизнь буровъ сдѣлалась сложнѣе, почувствовалась необходимость въ болѣе твердыхъ началахъ гражданственности,

которые обезпечили бы право собственности пришельцевъ и вытекающія изъ этого права политическія права.

Въ 50-хъ годахъ, вскорѣ по признанію Трансвааля независимою страною появляется молодая партія реформаторовъ во главѣ съ Преторіусомъ, дѣйствительнымъ основателемъ Трансваальской республики (его именемъ названа и столица страны—*Преторія*), и Паулемъ Крюгеромъ, пріобрѣвшимъ теперь столь громкую и почетную извѣстность. Усиліями этой партіи вырабатывается въ 1858 году конституція (такъ называемая Grondwet), и политическая жизнь страны получаетъ планомѣрный характеръ. Преторіусъ выбирается въ президенты; каждый буръ, включая новопришельцевъ, получаетъ всѣ политическія права, и въ странѣ водворяется патріархально-демократическій образъ правленія. Съ тѣхъ поръ и вплоть до 1877 года Трансвааль развивается крайне медленно, но мирно, насколько можно назвать мирнымъ развитіе, совершающееся на счетъ истребленія туземцевъ. Трудно сказать, что сталось бы съ Трансваалемъ, если бы его предоставили его судьбѣ, и точно ли онъ представлялъ бы „безпримѣрный опытъ народа, рѣшившагося добиться своего собственнаго уничтоженія",—какъ это утверждаетъ трансваальскій писатель A. M. Mann (*The Truth from Johannesburg*". London. 1897). Какъ бы то ни было, въ монотонную жизнь страны внезапно ворвался въ 70-хъ годахъ новый, самый могущественный въ современной исторіи элементъ—золото.

Первыя найденныя золотыя розсыпи далеко не были такъ богаты, какъ золотая руда, открытая въ серединѣ 80-хъ годовъ въ Вайтвотерсрандѣ. Тѣмъ не менѣе забытый, полудикій Трансвааль сразу получаетъ міровой интересъ, и въ 1877 году въ Преторію приходитъ англійскій комиссаръ съ 30 вооруженными людьми, захватываетъ беззащитную столицу и объявляетъ Трансвааль англійской территоріей.

Буры вначалѣ не оказали никакого сопротивленія странѣ, которая всего за четверть вѣка передъ тѣмъ навязала имъ полную политическую независимость. Они ограничились платоническимъ протестомъ и стали выжидать событій. Событія не заставили себя ждать. Снѣдаемый жаждой захватовъ, пріобрѣтеній, расширенія основанной имъ имперіи, Дизраэли рѣшилъ англофицировать Трансвааль. Пошли гоненія на голландскій жаргонъ буровъ, начались мелкія придирки, англійскій языкъ былъ сдѣланъ оффиціальнымъ и обязательнымъ для судовъ и даже въ школахъ. Эта „патріотическая", „національная" политика консервативнаго министерства Дизраэли (сдѣлавшагося незадолго передъ тѣмъ лордомъ Биконсфильдомъ), не замедлила „подѣйствовать" на буровъ, имѣвшихъ несчастіе любить свой языкъ, свои обычаи и порядки. Къ этому присоединилось еще и прямое оскорбленіе, нанесенное Биконсфильдомъ трансваальскому народу въ видахъ того же „націоналистическаго" идеала. Трансваальцы послали въ Лондонъ депутацію съ ходатайствомъ сохранить за ихъ родиной ея внутреннее самоуправленіе, ея обычаи и голландскій языкъ. Благородный лордъ отнесся къ делегатамъ трансваальскаго народа со всѣмъ тѣмъ презрѣніемъ, какое, въ его глазахъ, заслуживали люди, не желавшіе понять его имперіалистическихъ задачъ. Буры взялись за оружіе. Они не питали особыхъ надеждъ на побѣду, но они предпочитали мужественную смерть на полѣ битвы позорному подчиненію процессу денаціонализаціи. Но, къ всеобщему удивле-

нію, они побѣдили англійскія войска въ трехъ послѣдовательныхъ стычкахъ, изъ которыхъ послѣдняя—при Маджуба-Хиллѣ—была особенно значительной. Война грозила превратить всю Южную Африку въ одно поле битвы, такъ какъ трансваальцы встрѣтили сочувствіе въ бурахъ Наталя, Оранжевой республики и даже Каплэнда. Но въ это время губернаторъ Капской земли неожиданно получилъ изъ Лондона слѣдующую, ставшую знаменитой въ исторіи, депешу: „Мы виноваты передъ бурами. Заключите миръ!“ То была депеша отъ „великаго старца“ Гладстона, успѣвшаго смѣнить Дизраэли въ управленіи Англіей. Несмотря на превосходство своихъ силъ, англійскіе генералы, готовившіеся раздавить на своемъ пути всякое сопротивленіе, вынуждены были отступить, не одержавъ ни единой побѣды. Трансвааль снова получилъ свою независимость и вышелъ изъ испытанія окрѣпшимъ и возмужалымъ. По мирному договору 1881 года и лондонской конвенціи 1884 года Трансвааль былъ признанъ совершенно независимымъ государствомъ съ той, однако, оговоркой, что онъ обязывался не заключать никакихъ договоровъ и соглашеній съ другими государствами безъ разрѣшенія Англіи; только по отношенію къ сосѣдней съ Трансваалемъ Оранжевой республикѣ было сдѣлано исключеніе. По статьѣ XIV лондонской конвенціи за иностранцами сохраняется право свободно „въѣзжать въ Трансвааль, селиться въ немъ, путешествовать по странѣ“ и торговать, пользуясь равной съ гражданами охраной законовъ страны.

Такъ счастливо кончился первый бурный періодъ исторіи Трансвааля. Наученные опытомъ трансваальцы сдѣлались предусмотрительными: они начали стремиться къ объединенію всѣхъ южно-африканскихъ странъ. Они переименовали свою родину въ „Южно-Африканскую республику“ и заключили союзъ съ Оранжевой республикой. Они мечтали о мирномъ и энергическомъ развитіи. Но тутъ произошло новое событіе: въ трансваальской области Вайтвотерсрандѣ были открыты богатѣйшіе золотые рудники. Золото послужило источникомъ новыхъ смутъ, наиболѣе острый періодъ которыхъ Трансвааль переживаетъ въ настоящее время.

II.

Еще въ 1887 году,—говоритъ Элизѐ Реклю,— города Іоганнесбурга не было ни на одной картѣ. Оно и не удивительно. Тринадцать лѣтъ тому назадъ Вайтвотерсрандъ — мѣстность, въ которой нынѣ расположенъ Іоганнесбургъ,— представлялъ собою голую пустыню. Но вотъ разнесся слухъ объ открытіи золота въ кварцовыхъ пластахъ Вайтвотерсранда. Со всѣхъ концовъ Южной Африки, а затѣмъ и со всего свѣта хлынули сюда авантюристы. Въ первый же годъ было намыто 23.125 унцій золота. Образовались крупныя компаніи для эксплуатаціи золотыхъ рудниковъ: промывка золота Вайтвотерсранда, или, попросту, Ранда, не доступна мелкому искателю, такъ какъ для размолотія камня необходимы дорого стоющія машины. Возникъ городъ Іоганнесбургъ, въ которомъ черезъ три года уже насчитывалось 26 тысячъ осѣдлыхъ жителей, а черезъ десять лѣтъ — 102.708, на половину черныхъ, на половину бѣлыхъ. Началась отчаянная спекуляція на акціи

рудныхъ компаній, закончившаяся къ концу 1889 года всеобщимъ крахомъ. Капиталы отхлынули изъ Ранда, но не надолго. Люди, заправлявшіе всей этой искусственно раздутой спекуляціей, этимъ „boom", по выраженію англичанъ, выходили изъ всеобщаго краха съ округлившимися капиталами. Въ ихъ рукахъ въ концѣ-концовъ оставались всѣ акціи, и мало-по-малу, при помощи этихъ „бумовъ", весь огромный Рандъ оказался въ рукахъ 208 компаній. „Бумы" устраивались не только для привлеченія капиталовъ въ рудники,—бумировалась также поземельная собственность въ самомъ городѣ и въ его окрестностяхъ. „Въ 1895 году,—сообщаетъ англійскій оффиціальный отчетъ *),—начался „бумъ" на городскія земли и не только въ самомъ Іоганнесбургѣ, но и въ его предмѣстьяхъ; благодаря бѣшеной спекуляціи цѣны на нѣкоторые участки достигли къ концу 1896 года сказочныхъ размѣровъ. Для примѣра можно указать на одинъ участокъ земли въ торговой части города, шириною въ 7 саж. и длиною тоже въ 7 саж., который былъ проданъ за 400.000 рублей. „Бумъ" на городскія земли достигъ своего наивысшаго напряженія въ періодъ, слѣдовавшій за событіями декабря 1895 г. и января 1896 г. (набѣга Джемсона). Но эти политическія волненія повліяли гибельнымъ образомъ на „бумъ", и хотя это не было замѣтно до конца 1896 года, паденіе цѣнъ началось и процессъ этотъ ускорялся постепенно; и въ настоящее время, несмотря на процвѣтаніе богатыхъ копей и ростъ количества промываемаго золота, земельныя цѣны въ Іоганнесбургѣ стоятъ ниже, чѣмъ когда-либо со времени открытія золота".

Рандъ считается самымъ богатымъ въ мірѣ золотоноснымъ пластомъ. Въ 1892 году было добыто въ шахтахъ Ранда 1.210.868 унцій золота, въ 1895 г.— 2.277.640 и въ 1897 г. уже 3.034.678 унцій, т. е. болѣе пятой части всего добытаго въ мірѣ въ этомъ году золота. Всего за 11 лѣтъ было намыто золота приблизительно на 500 милліоновъ рублей въ одномъ Рандѣ, сверхъ того около 40 милліоновъ въ другихъ золотыхъ рудникахъ Трансвааля. „Въ 1897 году **),—говоритъ отчетъ,—стоимость промытаго въ Рандѣ золота достигла 106 милліоновъ рублей ***); дивиденда было роздано акціонерамъ болѣе 27 милліоновъ рублей; такимъ образомъ чистый доходъ компаній равнялся 25.64% валового дохода. И при этомъ не должно забывать, что многія шахты не раздавали дивидендовъ, такъ какъ многія компаніи потратили весь чистый доходъ на расширеніе предпріятія и уплату долговъ". Сумма розданнаго дивиденда въ 1897 году была, приблизительно, на 10 мил. выше, чѣмъ въ 1896 году. Ростъ дивиденда получился благодаря тому, что компаніямъ удалось уменьшить издержки производства на 1 рубль на каждую тонну обработаннаго кварца.

III.

Періоды агитаціи и смутъ тѣсно связаны съ интересами спекуляторовъ биржи Іоганнесбурга. „Истинной основой всѣхъ смутъ въ Іоганнесбургѣ является отнюдь

*) *Report of the South African Republic for the year 1897.* London. 1898, стр. 8.

**) *Ibid.*, стр. 9. См. также „Синюю книгу"—С. 9345 *(Papers relating to the complaints of british subjects in the South African Republic).* June 1899, стр. 27.

***) Считая фунтъ стерлинговъ за 10 рублей.

не недовольство *политическимъ* строемъ, она носитъ чисто *геологическій* характеръ",—заявляетъ г. Марчъ-Филлипсъ въ „Daily Chronicle". Іоганнесбургъ—дитя золотоносныхъ пластовъ Ранда, и если мы хотимъ понять запутанныя нити тамошнихъ заговоровъ и смутъ, мы должны отправиться на пріиски, изучить формацію золотоносныхъ пластовъ, и мы прочитаемъ въ этой формаціи объясненіе всей политической жизни Іоганнесбурга. Пласты эти рѣзко отличаются отъ всѣхъ извѣстныхъ нынѣ залежей міра своимъ однообразіемъ. Они тянутся ровной полосой въ нѣсколько миль шириной и около 40 миль длиною; далѣе этотъ кварцовый пластъ уходитъ вглубь земли, образуя уголъ приблизительно въ 35°. Наклонъ отличается замѣчательной правильностью и положеніе руды можетъ быть съ точностью вычислено въ любомъ пунктѣ. Мало того, вся эта гигантская залежь содержитъ золото съ удивительной равномѣрностью, такъ что пласты глубокаго уровня (т. н. *deep level*) содержатъ какъ разъ такой же процентъ золота, какъ и поверхностные пласты. Благодаря этой однородности и правильности формаціи золотосодержащихъ породъ, собственники каждаго пріиска могутъ въ точности предвидѣть свое будущее. Они могутъ сказать, какова толщина принадлежащей имъ породы и сколько она дастъ всего золота. Они знаютъ, во сколько имъ обойдется каждая шахта, сколько тоннъ кварца они сумѣютъ добыть, размолоть и промыть, и сколько золота они получатъ въ каждый данный періодъ времени. Такимъ образомъ, они всегда могутъ вычислить заранѣе какъ точную сумму необходимыхъ расходовъ, такъ и точный валовой доходъ, слѣдовательно, также и размѣръ дивиденда, какой достанется на долю акціонеровъ. При такихъ условіяхъ, если бы пріиски Ранда разрабатывались на нормальныхъ началахъ, исключительно въ виду возможно большей добычи золота, спекулянтамъ здѣсь рѣшительно нечего было бы дѣлать. Стоимость акцій была бы вполнѣ обезпеченной. Цѣны на нихъ стояли бы высокія, но онѣ держались бы прочно.

Знаменитый американскій спекуляторъ и милліонеръ Джей Гульдъ однажды далъ слѣдующее выразительное и точное указаніе, какъ спекулировать: „Покупайте акціи во время замѣшательства и застоя въ дѣлахъ, продавайте ихъ въ моментъ биржевой горячки". Въ этой-то фразѣ заключается альфа и омега катехизиса спекулянта. Но вся суть въ томъ, что, купивъ во время застоя, вы должны тѣмъ или инымъ путемъ устроить „періодъ горячки", чтобы сбыть свои акціи; и сбывъ ихъ во время этого „бума", вы должны, чтобы снова купить акціи, непремѣнно вызвать замѣшательство въ дѣлахъ. Таково *невинное* занятіе спекулянта, которымъ онъ наживаетъ свои *безгрѣшные* доходы. Для него нѣтъ ничего хуже, какъ крѣпкое настроеніе рынка, спокойное развитіе промышленности и торговли. Стоятъ ли цѣны высокія, или низкія, разъ онѣ *стоятъ*, разъ нѣтъ ни паники, ни горячки, спекуляторъ чувствуетъ себя скверно. И мы были бы весьма несправедливы по отношенію къ биржевымъ игрокамъ, если бы предположили, что они могутъ примириться съ мирнымъ теченіемъ экономической жизни. Если дѣла пришли въ устойчивое состояніе, необходимо тѣмъ или инымъ способомъ лишить ихъ равновѣсія.

Вотъ здѣсь-то мы и находимъ объясненіе трансваальскимъ смутамъ. Акціи

предпріятій, имѣющихъ прочную, надежную основу, растутъ въ цѣнѣ и вызываютъ бумъ естественнымъ процессомъ. Но что представляетъ затрудненіе по отношенію къ такимъ акціямъ, это—вызвать панику, сильное паденіе ихъ цѣнъ. Наоборотъ, акціи предпріятій, оказавшихся несерьезными, дутыми, естественнымъ образомъ теряютъ свою цѣнность, но вызвать бумъ на такія акціи приходится искусственнымъ путемъ. Пріиски Ранда несомнѣнно принадлежатъ къ предпріятіямъ перваго рода. Они вполнѣ прочны, доходны. Цѣны на пріисковыя акціи легко подымаются, но что скверно для спекулянта—это то, что онѣ сами собой никогда не падаютъ снова. Что же дѣлать? Приходится искать извнѣ тѣ элементы риска, которыхъ не имѣется въ самомъ предпріятіи. Здѣсь-то приходитъ на помощь политическая агитація и организація всевозможныхъ смутъ, которыя царятъ въ Трансваалѣ въ настоящій моментъ. Благодаря этимъ смутамъ въ Трансваалѣ теперь сдѣлался всеобщій застой въ дѣлахъ и населеніе тысячами убѣгаетъ изъ Іоганнесбурга. Чтобы вызвать панику, спекуляторъ не останавливается ни передъ какими средствами. Тысячи семействъ остаются безъ хлѣба, многіе погибаютъ отъ голода, но все это пустяки, главное то, что цѣны на акціи теперь падаютъ. Конечно, онѣ еще не упали достаточно низко, еще нѣтъ паники на лондонской биржѣ, этомъ сердцѣ всемірнаго рынка; но біенія его уже ослаблены, и, если удастся поддержать агитацію, смуты и страхъ войны еще нѣкоторое время, акціи падутъ настолько низко, что милліонеры Ранда сумѣютъ скупить ихъ за безцѣнокъ. Цѣль ихъ будетъ достигнута. Послѣ этого наступитъ внезапно затишье, какъ это было послѣ 1889 г. или послѣ набѣга Джемсона въ 1896 г., и тогда путемъ естественнаго процесса акціи станутъ подыматься, пока не достигнутъ бума, во время котораго спекуляторы сумѣютъ выгодно продать свои акціи. Конечно, въ оборотѣ находятся не всѣ акціи. Тѣ пріиски, которые и теперь уже приносятъ очень высокій дивидендъ, стоятъ въ сторонѣ отъ спекуляцій. Таковы пріиски поверхностной породы. Но пріиски шахтовые, идущіе глубоко, еще не приносятъ дивидендовъ или даютъ пока малые доходы, и вотъ на акціи такихъ-то пріисковъ и выгодно играть.

Сосѣдняя съ Трансваалемъ англійская территорія Родезія, отданная во владѣніе южно-африканской компаніи, имѣющей Сесиля Родеса своимъ главнымъ распорядителемъ, представляетъ примѣръ второго рода. Всѣ предпріятія въ этой странѣ дутыя. И, чтобы бумировать акціи на нихъ, Сесиль Родесъ прибѣгъ недавно къ такому пріему: онъ жесточайшими преслѣдованіями довелъ туземное племя матабеловъ до возстанія, затѣмъ принялся подавлять возстаніе, истребляя ихъ массами, и подъ громъ побѣдъ, вызвавшихъ довѣріе къ родезіанскимъ предпріятіямъ, сбывалъ на лондонской биржѣ акціи по высокой цѣнѣ. Это тотъ самый Родесъ, который организовалъ набѣгъ Джемсона, который разорилъ и развратилъ Каплэндъ заставивъ сдѣлать себя первымъ министромъ этой колоніи, и которому только надняхъ оксфордскій университетъ преподнесъ почетный дипломъ доктора гражданскаго права. Теперь онъ артистически дирижируетъ гражданскими смутами въ Трансваалѣ. Не даромъ его прозвали „африканскимъ Наполеономъ“!

IV.

Мы не будемъ останавливаться на исторіи всѣхъ этихъ смутъ, періодически вспыхивающихъ въ Трансваалѣ со времени открытія золота въ Рандѣ. Періодически раздаются жалобы и сыпятся обвиненія на трансваальское правительство, начинается энергическая и шумная агитація, составляются заговоры для захвата тѣмъ или инымъ образомъ власти, посылаются делегаты въ Англію и подымается самая отчаянная компанія въ прессѣ какъ англійской, такъ и южно-африканской. Смута эта тянется годъ-два, потомъ вдругъ наступаетъ затишье года на два-три. Намъ достаточно будетъ остановиться на агитаціи, волнующей Трансвааль въ настоящій моментъ, чтобы знать, въ чемъ заключались причины предшествующихъ смутъ, до того эти смуты въ общемъ похожи другъ на друга. Предварительно же мы должны сказать нѣсколько словъ о знаменитомъ набѣгѣ Джемсона.

Исторія этого набѣга передается различно въ зависимости отъ того, пишетъ ли ее авторъ, преданный интересамъ компаній, владѣющихъ рудниками Ранда, или же писатель, черпающій свои свѣдѣнія изъ правительственныхъ источниковъ. Но есть книжка, бросающая любопытный свѣтъ на эту исторію. Жена одного изъ главныхъ организаторовъ набѣга, г-жа Гэмондъ, слѣпо вѣрующая всѣмъ обвиненіямъ, взведеннымъ на трансваальское правительство, и считающая героемъ доктора Джемсона и святыми борцами за идеалы справедливости — всѣхъ организаторовъ заговора, написала книжку *) о томъ, какое участіе она принимала въ „революціи“ конца 1895 года. Благодаря наивности автора истина, однако, выступаетъ наружу.

Въ 1895 году въ Іоганнесбургѣ началась сильная политическая агитація. Образовался національный союзъ уйтлэндеровъ Трансвааля, исполнительный комитетъ котораго получилъ названіе „комитета реформы“. Отъ имени „всѣхъ уйтлэндеровъ“ комитетъ издалъ „манифестъ“, требовавшій отъ трансваальскаго правительства предоставленія всѣмъ уйтлэндерамъ равныхъ съ бурами политическихъ правъ, такъ какъ „уйтлэндеры владѣютъ болѣе, чѣмъ половиной земель Трансвааля, и платятъ налоги, въ общемъ доставляющіе около $^5/_6$ всѣхъ государственныхъ доходовъ“. „Мы требуемъ,—заявляетъ комитетъ реформы,—для себя представительства въ государственныхъ учрежденіяхъ страны, соотвѣтствующаго нашей численности и *владѣемымъ нами капиталамъ*“. Подчеркнутыя нами слова показываютъ, подъ чьимъ крылышкомъ велась вся агитація. Извѣстно, что англійское правительство въ лицѣ Чемберлэна поддерживало требованія уйтлэндеровъ и, какъ это недавно заявилъ въ своей рѣчи самъ Чемберлэнъ, оно было даже готово объявить войну Трансваалю. Но тутъ-то и обнаружились замѣчательныя познанія Сесиля Родеса въ гражданскомъ правѣ. Въ то время, какъ велись дипломатическіе переговоры Англіи съ Трансваалемъ, въ то время, какъ шла энергичная агитація въ Іоганнесбургѣ при помощи всѣхъ дозволенныхъ закономъ средствъ,—въ это самое время Сесиль Родесъ, состоящій однимъ изъ крупнѣйшихъ акціонеровъ Ранда, былъ занятъ организаціей заговора для ниспроверженія правительства буровъ. Между Родесомъ и комитетомъ реформы было условлено, что въ назначенный заранѣе моментъ агентъ

*) Hammond: „*A. Woman's part in a revolution*“. London. 1897.

Родеса, докторъ Джемсонъ, долженъ будетъ занять Іоганнесбургъ. Отрядъ Джемсона долженъ былъ состоять изъ 1.000 человѣкъ, отчасти набранныхъ добровольцевъ, отчасти солдатъ изъ войска родесіанской компаніи. Предполагалось, что къ тому времени всѣ уйтлэндеры будутъ вооружены заранѣе ввезенными тайкомъ въ Іоганнесбургъ ружьями, и что соединенныя силы уйтлэндеровъ и арміи Джемсона будутъ въ состояніи отстаивать городъ противъ буровъ, пока не придутъ посланныя Чемберлэномъ британскія войска. По словамъ г-жи Гэмондъ, заговоръ этотъ не удался потому, что Джемсонъ выступилъ въ походъ раньше условленнаго времени и взялъ съ собой только 500 солдатъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что главной причиной неудачи было то, что населеніе Іоганнесбурга относилось вполнѣ пассивно къ цѣлямъ комитета реформы. Джемсонъ потерпѣлъ пораженіе при первой же стычкѣ съ бурами. Этотъ „герой", какъ его называетъ г-жа Гэмондъ, сдался черезъ нѣсколько дней со всѣмъ своимъ войскомъ, причемъ онъ даже не догадался, а можетъ и не хотѣлъ, уничтожить находившіяся при немъ бумаги. По этимъ бумагамъ всѣ нити заговора были раскрыты. „Какъ могъ такой умный человѣкъ сдѣлать такую оплошность!"—восклицаетъ г-жа Гэмондъ. Вслѣдъ за Джемсономъ сдался на милость побѣдителей и весь городъ Іоганнесбургъ. Англійское правительство, конечно, немедленно отреклось отъ всякой солидарности съ Родесомъ. Весь комитетъ реформы, въ числѣ 64 человѣкъ, былъ посаженъ въ тюрьму. Кто же были эти 64 главаря „революціи"? „Было вычислено,—заявляетъ въ наивномъ восторгѣ г-жа Гэмондъ,—что состояніе этихъ заключенныхъ въ тюрьму лицъ равнялось въ общемъ 500 милліонамъ!" *) Такимъ образомъ, среднее состояніе каждаго изъ главарей заговора равнялось 8 милліонамъ. Тюрьма этимъ героямъ революціи не понравилась. По ходатайству британскаго правительства, имъ была предложена черезъ нѣсколько дней свобода подъ условіемъ, что они уплатятъ крупный штрафъ (въ общемъ, около милліона) и *дадутъ клятву не участвовать впредь въ политической агитаціи.* Они уплатили штрафъ и дали требуемую клятву. Такъ кончилась ихъ борьба за политическое равенство уйтлэндеровъ съ бурами.

Книга г-жи Гэмондъ, мужъ которой былъ въ числѣ арестованныхъ, убѣждаетъ насъ вполнѣ, что вся агитація и заговоръ 1895 года были дѣломъ рукъ кучки спекулянтовъ и крупныхъ акціонеровъ Ранда. Мы выяснили, какой интересъ представляютъ для спекулянтовъ эти періодическія смуты. Но здѣсь возникаетъ вопросъ, что побуждаетъ спекулянтовъ и шахтовладѣльцевъ устраивать заговоры, всегда сопряженные съ нѣкоторымъ дѣйствительнымъ рискомъ?

Заговоръ 1895 года имѣлъ въ виду захватъ власти комитетомъ реформы, то есть союзомъ крупныхъ капиталистовъ Іоганнесбурга, имѣющихъ своимъ главой Сесиля Родеса. „Распространеніе политическихъ правъ буровъ на всѣхъ уйтлэндеровъ", составляющее главную цѣль легальной агитаціи 1895 года, фигурируетъ также и теперь на первомъ планѣ во всѣхъ переговорахъ между британскимъ и трансваальскимъ правительствами. Капиталисты надѣются при помощи избирательныхъ бюллетеней не только проникнуть въ парламентъ, но и сосредоточить въ своихъ рукахъ

*) Hammond: *„A. Woman's part in a revolution"* p. 66.

всю власть Трансвааля. Постараемся поэтому опредѣлить, зачѣмъ имъ нужна эта власть? Исторія Кимберлея, одного изъ городовъ Капской земли, бывшаго еще недавно центромъ промышленности всей Южной Африки, даетъ намъ отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Въ Кимберлеѣ въ 1867 году были найдены богатѣйшія алмазныя копи. Сначала онѣ разрабатывались промышленниками-одиночками, получавшими отъ правительства опредѣленную площадь для разработки; но, по мѣрѣ углубленія ямъ, начинались столкновенія между сосѣдями: пришлось организоваться въ группы. Мало-по-малу, въ виду необходимости обезпечить безопасность шахтъ, группы стали сливаться въ акціонерныя общества, эти общества—въ гигантскія компаніи и, въ концѣ концовъ, вся эксплуатація алмазовъ сосредоточилась въ рукахъ двухъ компаній—владѣтельницы шахтъ „Кимберлей“ и компаніи сосѣднихъ шахтъ „Дебирсъ“. Сесиль Родесъ былъ главой второй компаніи. Послѣ ожесточенной войны между этими двумя компаніями, „Кимберлей“ былъ побѣжденъ и уступилъ свои копи „Дебирсу“. Послѣдній выдалъ „Кимберлею“ маленькій чекъ въ 55 милліоновъ рублей *и закрылъ его шахты.* Міровой рынокъ въ состояніи поглотить ограниченное количество алмазовъ, приблизительно на 40 милліоновъ руб. въ годъ. Выпустить на рынокъ большее количество алмазовъ—значитъ вызвать пониженіе ихъ цѣны, т. е. пониженіе дивидендовъ. Родесъ не захотѣлъ понизить дивиденды „Дебирса“,—выгоднѣе оказалось закрыть шахты „Кимберлея“ и убить самый городъ, жившій исключительно алмазной индустріей. Таковъ послѣдній актъ дѣятельности Родеса въ Кимберлеѣ. Но до того онъ успѣлъ путемъ подкуповъ и застращиваній развратить все населеніе Кимберлея и всей Капской земли, захватить въ свои руки парламентъ и сдѣлаться даже премьеромъ. Каплэндъ считается колоніей Англіи, поэтому всякій англичанинъ имѣетъ тамъ всѣ политическія права. Торговцы и мелкая буржуазія должны были выбирать между милостями „африканскаго Наполеона“ и всякаго рода мелкими преслѣдованіями съ его стороны. Властью же Родесъ воспользовался для того, чтобы оберечь алмазную индустрію отъ налоговъ. Родесъ и его компаньоны не платили ни гроша въ казну Каплэнда, хотя проложеніе всей желѣзнодорожной сѣти этой колоніи и масса всевозможныхъ государственныхъ расходовъ имѣли одну лишь цѣль: увеличить дивиденды алмазныхъ компаній. Теперь, вмѣстѣ съ паденіемъ Кимберлея, падаетъ также постепенно и вліяніе Родеса въ Каплэндѣ.

Вернемся, однако, къ послѣднимъ смутамъ въ Іоганнесбургѣ. Три года послѣ набѣга Джемсона здѣсь царствовалъ миръ и спокойно развивалась промышленность. Дивиденды, какъ мы уже указали, росли быстро. Въ 1896 году было роздано 17 милліоновъ руб., въ 1897 г.—27 мил. и въ 1898 г.—болѣе 40 мил. То было время постепеннаго дорожанія акцій, „бумированія“. Съ началомъ 1899 года исчезаетъ миръ, и положеніе уйтлэндеровъ внезапно становится „невыносимымъ“. Дѣло началось съ убійства англійскаго рабочаго Эдгара. Эдгаръ ночью подрался съ другимъ рабочимъ: онъ ударилъ послѣдняго такъ сильно, что тотъ свалился на землю безъ чувствъ. Пока третій товарищъ звалъ на помощь полицейскаго, Эдгаръ успѣлъ скрыться въ свой домъ. Полиція, т. е. буры, прибѣжавъ на мѣсто, гдѣ лежалъ безчувственный рабочій, подумала, что онъ убитъ и поэтому стала стучаться въ домъ

Эдгара, чтобы арестовать его. Но Эдгаръ отказался впустить ее; когда же полиція выломала двери, онъ встрѣтилъ ее съ тяжелымъ орудіемъ въ рукахъ и нанесъ имъ два удара полицейскому Джону. Джонъ выстрѣлилъ въ Эдгара и убилъ его наповалъ. Трансваальскій судъ оправдалъ Джона. Такъ передаетъ это дѣло одинъ изъ корреспондентовъ лондонской *Daily Chronicle* (см. № отъ 3 іюля 1899 г.). Союзъ капиталистовъ Іоганнесбурга—*Южно-африканская лига*—передаетъ это дѣло иначе. Убійство Эдгара, по ея мнѣнію, не было вызвано съ его стороны абсолютно ничѣмъ. Но даже если бы это было и такъ, то отсюда еще далеко до вывода, что въ Іоганнесбургѣ жизнь и собственность гражданъ находятся въ опасности, какъ это утверждаютъ главари лиги, а за ними и Чемберлэнъ. Въ самыхъ цивилизованныхъ странахъ случаются иногда злоупотребленія властью, и отъ этого тѣмъ труднѣе уберечься на золотыхъ пріискахъ, куда стекаются авантюристы со всѣхъ концовъ свѣта. Просматривая внимательно „Синюю книгу“ жалобъ уйтлэндеровъ, мы убѣждаемся, что жалоба на небезопасность жизни въ Іоганнесбургѣ несправедлива. Убійства и кражи случаются тамъ не чаще, чѣмъ въ городахъ Европы. Болѣе серьезны другія жалобы. Система монополій, при помощи которыхъ трансваальское правительство пополняетъ свою казну, задерживаетъ развитіе промышленности. Предметы первой необходимости обложены высокими налогами для того, чтобы оградить отъ иностранной конкурренціи мѣстное сельское хозяйство, которымъ занимаются преимущественно буры. И такъ какъ хозяйство это далеко не въ силахъ удовлетворить мѣстному спросу, то въ Трансвааль все-таки ввозится большое количество съѣстныхъ припасовъ извнѣ, и таможенныя пошлины обильно текутъ въ казну. Пьянство составляетъ дѣйствительно крупное зло въ Іоганнесбургѣ. Тамъ образовался синдикатъ спиртоторговцевъ, организовавшихъ правильный подкупъ трансваальской полиціи (т. е. буровъ). Спиртные напитки доставляются контрабанднымъ путемъ на прiиски и продаются почти открыто въ сотняхъ лавокъ. Синдикатъ наживаетъ громадныя деньги, но кафры пропиваютъ все, что они зарабатываютъ, до послѣдняго фартинга. Въ результатѣ деморализуется какъ полиція, такъ и населеніе. Наконецъ, политическое безправіе представляетъ во всякомъ случаѣ явленіе ненормальное.

Конституція Трансвааля подвергалась за послѣднія 20 лѣтъ частымъ передѣлкамъ. До открытія золота каждый поселившійся къ Трансваалѣ бѣлый человѣкъ получалъ всѣ политическія права и дѣлался полноправнымъ гражданиномъ. Но по мѣрѣ усиленія наплыва иностранцевъ сокращались ихъ права. И въ настоящее время конституція Трансвааля представляется въ слѣдующемъ видѣ *).

Законодательная власть ввѣрена парламенту, состоящему изъ двухъ палатъ фолькраадовъ. Вторая палата дебатируетъ законопроекты и по разсмотрѣніи передаетъ ихъ въ первую палату. Никакой билль не становится закономъ, пока онъ не получилъ одобреніе первой палаты. Наоборотъ, всякій билль, принятый верхней палатой, становится закономъ немедленно, безъ передачи его на разсмотрѣніе въ нижнюю палату. Въ прошломъ году верхній раадъ издалъ законъ, по которому

*) См. *Harel's Annual*, за 1899 г., стр. 639 и слѣд., также: *The Statesman's Jear book*, за 1899 г., стр. 1003 и слѣд.

даже простыя заключенія и мнѣнія его получаютъ силу закона. Такимъ образомъ, фактически законодательная власть находится въ рукахъ одного верхняго раада.

Обѣ палаты состоятъ изъ 28 членовъ, избираемыхъ на 4 года. Членами палатъ могутъ быть граждане 30 лѣтъ отъ роду, обладающіе извѣстной недвижимой собственностью и исповѣдующіе протестантскую религію. Члены раада избираются такъ называемыми бургерами перваго класса, члены второй палаты—совмѣстно бургерами перваго и второго классовъ. Бургерами перваго класса считаются всѣ бѣлые, поселившіеся въ Трансваалѣ до 1876 года, а также и всякій, принимавшій участіе въ походахъ противъ дикихъ и въ войнахъ за независимость (1881 г.) и противъ Джемсона. Всѣ дѣти мужского пола такихъ лицъ, старше 16 лѣтъ, становятся также гражданами и получаютъ право вота при выборахъ въ раадѣ. Гражданами второго класса считаются натурализованные иностранцы и ихъ дѣти старше 16 лѣтъ. Иностранецъ можетъ получить натурализацію послѣ двухъ лѣтъ жительства въ странѣ. Бургеръ второго класса можетъ сдѣлаться бургеромъ перваго класса не раньше какъ черезъ 12 лѣтъ послѣ натурализаціи и не иначе какъ по спеціальному опредѣленію первой палаты. Даже дѣти иностранцевъ, родившіяся въ Трансваалѣ, подвергаются такимъ же ограниченіямъ, какъ и ихъ родители. Въ дѣйствительности, такимъ образомъ, по дѣйствующей конституціи полноправными гражданами являются лишь старые, коренные поселенцы, и новопришельцамъ отрѣзана почти всякая возможность получить голосъ въ дѣлахъ страны. Исполнительная власть ввѣрена президенту республики, избираемому на пять лѣтъ, и четыремъ министрамъ. Въ президентскихъ выборахъ участвуютъ только бургеры перваго класса.

Несмотря на то, что доходы государства превышаютъ 45 мил. рублей, въ Трансваалѣ нѣтъ особаго министра финансовъ. Среди буровъ до сихъ поръ не имѣется ни одного человѣка съ спеціальными знаніями по финансовымъ вопросамъ. Вслѣдствіе этого финансовое хозяйство ведется довольно примитивнымъ образомъ. Несмотря на сравнительно огромный доходъ, правительство умудрилось, однако, впасть въ долги: оно должно около 27 мил. руб. Въ настоящее время оно пытается заключить новый заемъ, и для этого ему нужна помощь финансистовъ Ранда. Государственныя земли стоютъ много милліоновъ, такъ какъ въ нихъ недавно найдены новые богатѣйшіе золотые рудники (въ Барбертонѣ). Финансисты Ранда готовы поэтому помочь заключенію займа, за приличное, конечно, вознагражденіе. Но они требуютъ, чтобы правительство назначило спеціальнаго министра финансовъ. „Назначеніе подходящаго человѣка, надъ которымъ былъ бы учрежденъ достаточный контроль и который имѣлъ бы достаточныя полномочія, несомнѣнно дало бы намъ удовлетвореніе... Но для того, чтобы онъ пользовался необходимымъ довѣріемъ, необходимо, чтобы выборъ этого лица получилъ одобреніе какого-либо человѣка извѣстнаго и съ независимымъ положеніемъ, напримѣръ лорда Родшильда“... *), которому правительство уже должно 25 мил. На это правительство не согласилось: оно не могло, конечно, допустить, чтобы финансами страны распоря-

*) *Синяя книга*, С.—9345, стр. 215—216.

жался ставленникъ Ротшильда. „Порядокъ въ финансахъ,—заявилъ въ публичной рѣчи Крюгеръ *), — всегда былъ однимъ изъ важнѣйшихъ устоевъ государствъ... Намъ дѣйствительно необходимъ государственный финансистъ, который бы намъ показалъ, что и какъ... Я уже имѣю въ виду такого человѣка. Это Жубертъ, бывшій инспекторъ департамента налоговъ. Теперь онъ поѣхалъ въ Европу пополнить свои познанія въ финансахъ. А пока онъ вернется, мы пригласимъ какого-нибудь знаменитаго европейскаго финансиста". „Намъ нужны деньги,—говоритъ онъ далѣе,— для разныхъ цѣлей. Я вамъ дамъ маленькій примѣръ. Земледѣліе падаетъ, въ то время какъ горный промыселъ процвѣтаетъ. И если бы горное дѣло процвѣтало втрое больше, земледѣліе все-таки не могло бы обходиться безъ поддержки правительства. Вотъ для этого-то правительству нужны деньги. Намъ нужны деньги, чтобы помочь бурамъ. Мы хотимъ имъ дать небольшія ссуды, чтобы они могли купить скотъ и машины и улучшить свое хозяйство. И такимъ путемъ какъ горное дѣло, такъ и земледѣліе будутъ приносить гражданамъ доходы, и все государство будетъ процвѣтать. Если, послѣ истеченія срока займа, бургеръ не сумѣетъ заплатить, правительство дастъ ему отсрочку. Если и послѣ того онъ не сумѣетъ расплатиться со своимъ долгомъ, его собственность переходитъ въ руки правительства, а не спекуляторовъ. И тогда правительство будетъ имѣть возможность сдать эти земли въ аренду бургерамъ на выгодныхъ для нихъ условіяхъ; и если они не будутъ въ состояніи платить арендной платы, мы оставимъ все-таки за ними эти фермы, лишь бы они заботились о хорошей обработкѣ земли".

V.

Англо-трансваальскій конфликтъ представляется намъ въ видѣ борьбы двухъ національностей: съ одной стороны стоятъ уйтлэндеры, въ огромномъ большинствѣ, англичане, поддерживаемые британскимъ правительствомъ, съ другой—буры—голландской крови. Но тотъ фактъ, что уйтлэндеры и буры принадлежатъ къ различнымъ національностямъ, является, при ближайшемъ ознакомленіи съ обстоятельствами этого конфликта, фактомъ случайнаго характера. Конфликтъ этотъ возникъ бы и въ томъ случаѣ, если бы буры и уйтлэндеры принадлежали и къ одной и той же національности; онъ бы только, быть можетъ, вылился въ нѣсколько иную форму. Подъ внѣшней оболочкой вражды двухъ національностей скрывается, въ дѣйствительности, борьба двухъ господствующихъ классовъ: съ одной стороны класса капиталистовъ, сосредоточившихъ въ своихъ рукахъ $^{9}/_{10}$ всей собственности Трансвааля, и потому являющихся экономическими властителями страны, и съ другой— класса сельскихъ хозяевъ, въ силу историческихъ причинъ, монополизировавшихъ всю политическую власть. Капиталисты, прикрываясь знаменемъ борцовъ за демократическіе принципы и за интересы подвластныхъ имъ рабочихъ, требуютъ всеобщаго и равнаго для всѣхъ избирательнаго права; они требуютъ его для того, чтобы

---

*) *Ibid.*, стр. 194.

при помощи избирательныхъ бюллетеней уйтлэндеровъ, составляющихъ ограмное большинство бѣлаго населенія Трансвааля, проникнуть въ парламентъ, заполонить его, сдѣлаться не только экономическими, но и политическими господами положенія, и получить, такимъ образомъ, возможность снять съ промышленности лежащее на ней бремя налоговъ, т. е. увеличить свои дивиденды. Они желаютъ, какъ они выражаются, „получить представительство, соотвѣтствующее ихъ капиталамъ". При помощи этихъ капиталовъ они заправляютъ тѣми невидимыми нитями, которыя приводятъ въ движеніе войска не только Джемсона, но и Британской имперіи, которыя, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, заставляютъ кричать одновременно о „безнравственности монополій" и о „священномъ правѣ каждаго бѣлаго человѣка на избирательный бюллетень" не только либеральныя, но и консервативныя газеты, и не только въ Трансваалѣ, но и въ Англіи.

Съ другой стороны, буры, развернувшіе знамя національной независимости, въ дѣйствительности боятся не подпаденія ихъ родины подъ иноземное владычества: они страшатся потери своего политическаго господства, потери возможности взимать налоги, заключать займы и безконтрольно распоряжаться финансами страны. Мы видѣли изъ рѣчи Крюгера, на что правительству нужны деньги.

Англо-трансваальскій конфликтъ имѣетъ, такимъ образомъ, своей основой неутомимые апетиты спекуляторовъ и несоотвѣтствіе между политическими и экономическими отношеніями, господствующими въ странѣ. Національный элементъ здѣсь имѣетъ лишь то значеніе, что благодаря ему британское правительство получаетъ возможность вмѣшаться во внутреннія дѣла Трансвааля. Если бы національный элементъ здѣсь отсутствовалъ, конфликтъ между уйтлэндерами и бурами разрѣшился бы внутренней революціей. Благодаря же національной оболочкѣ конфликтъ этотъ можетъ закончиться внѣшней войной, между Англіей и всѣми бурами южной Африки.

Врядъ ли, однако, должно опасаться войны. Конфликтъ по всѣмъ вѣроятіямъ разрѣшится компромиссомъ. При жизни Гладстона война между Англіей и Трансваалемъ была невозможна. Крюгеръ могъ всегда разсчитывать на поддержку англійскихъ либераловъ. Поэтому онъ оставался глухимъ ко всѣмъ требованіямъ уйтлэндеровъ и угрозамъ Чемберлэна и англійскихъ джинго. Но теперь времена перемѣнились. „Умѣренно-либеральная пресса съ „Daily News" во главѣ вопіетъ теперь противъ тираніи Крюгера не хуже торійскихъ газетъ. Даже „Daily Chronicle", газета радикаловъ, говоритъ о необходимости реформъ, но она противится войнѣ. Крюгеръ и всѣ буры южной Африки понимаютъ, что на разногласія въ политическихъ сферахъ Англіи имъ теперь разсчитывать не приходится. Вотъ почему они и идутъ на уступки. По послѣднимъ извѣстіямъ трансваальскій парламентъ согласился дать политическія права всѣмъ уйтлэндерамъ, проживающимъ въ колоніи не менѣе семи лѣтъ. Уполномоченный англійскаго правительства сэръ Милнеръ требуетъ, чтобы эти права были даны уйтлэндерамъ послѣ пятилѣтняго пребыванія въ Трансваалѣ. Можно думать, что Англія согласится на этотъ компромиссъ.

Д. Сатуринъ.

Трудовая теорія цѣнности и законъ равной нормы прибыли.

Статья третья.

Противорѣчіе между трудовой теоріей цѣнности и закономъ равной нормы прибыли мы можемъ считать теперь въ общихъ чертахъ устраненнымъ. Разрѣшеніе этого противорѣчія у насъ заключалось въ методологическомъ оправданіи того общаго хода анализа, который мы находимъ въ I-мъ томѣ „Капитала". Марксъ не далъ этого методологическаго оправданія, онъ не подчинилъ закона равной нормы прибыли трудовому закону цѣнности, не показалъ, что понять законъ равной нормы прибыли какъ въ его дѣйствіи, такъ и въ самомъ его существованіи можно только, сдѣлавши трудовую цѣнность исходной, отправной точкой въ анализѣ обмѣна. Отсутствіе этого методологическаго оправданія является не только несомнѣннымъ пробѣломъ въ его изслѣдованіи, но оно открываетъ также возможность совершенно неправильнаго пониманія смысла и значенія того анализа, который онъ далъ въ III-мъ томѣ.

Въ III-мъ томѣ Марксъ выдвинулъ нѣсколько совершенно невѣрныхъ, какъ я показалъ въ своей 1-ой статьѣ, положеній, какъ то, что сумма цѣнъ всѣхъ продуктовъ равна ихъ цѣнности, что сумма прибыли равняется суммѣ прибавочной цѣнности и что цѣна продуктовъ капиталовъ средняго строенія соотвѣтствуетъ ихъ цѣнности. Благодаря отсутствію у Маркса методологическаго оправданія его построенія, этимъ невѣрнымъ положеніямъ, какъ многими сторонниками, такъ и противниками его теоріи, придавалось совершенно несоотвѣтственное значеніе. Они разсматривались какъ опорные пункты для обоснованія трудовой теоріи цѣнности. На самомъ дѣлѣ ихъ значеніе гораздо уже. Съ ихъ судьбой вовсе не связана судьба трудовой теоріи цѣнности и у Маркса они фигурируютъ не для обоснованія этой теоріи, а для довершенія того, что не было сдѣлано въ I-мъ томѣ, для установленія законосообразности, опредѣляющей норму прибыли.

Если принять это во вниманіе, то анализъ, данный Марксомъ въ III-мъ томѣ,

несмотря на невѣрность основныхъ его положеній, что сумма цѣнъ всѣхъ продуктовъ равна ихъ цѣнности и сумма прибыли равна прибавочной цѣнности, тѣмъ не менѣе не утрачиваетъ отъ этого еще всего своего значенія.

Норма прибыли представляетъ собой отношеніе прибыли ко всему затраченному капиталу. Такъ какъ и прибыль, и капиталъ всего общества матеріализируются въ продуктахъ, то цѣны и прибыли, и капитала вовсе не соотвѣтствуютъ ихъ цѣнностямъ. Онѣ не соотвѣтствуютъ цѣнностямъ, потому что въ капиталистическомъ производствѣ трудовой законъ цѣнности искажается закономъ равной нормы прибыли. Но если въ мѣновомъ отношеніи отдѣльныхъ продуктовъ это искаженіе можетъ достигать очень значительной степени благодаря возможности рѣзкаго различія органическаго состава капиталовъ въ производствѣ этихъ продуктовъ, то это искаженіе не можетъ быть очень рѣзкимъ въ мѣновомъ отношеніи всей прибыли ко всему капиталу, такъ какъ въ составъ и прибыли, и капитала всего общества входитъ масса разнородныхъ продуктовъ. Поэтому, если не полнаго, то во всякомъ случаѣ приблизительнаго пониманія капиталистическаго производства мы можемъ достигнуть, если будемъ разсматривать, что общая или средняя норма прибыли въ капиталистическомъ обществѣ совпадаетъ съ отношеніемъ прибавочнаго труда къ труду, содержащемуся во всемъ капиталѣ общества.

Величина прибыли затѣмъ зависитъ въ конечномъ счетѣ отъ того отношенія, въ которомъ весь трудъ общества дѣлится на необходимый и прибавочный. Необходимый такъ же, какъ и прибавочный трудъ всего общества опять-таки матеріализируется въ продуктахъ и въ силу этого отношеніе прибыли всего общества ко всему перемѣнному капиталу подпадаетъ подъ дѣйствіе того же искаженія трудового закона цѣнности закономъ равной нормы прибыли, которое имѣетъ силу въ мѣновомъ отношеніи отдѣльныхъ товаровъ. Но въ силу того же соображенія, которое мы привели выше, искаженіе трудового закона цѣнности въ мѣновомъ отношеніи всей суммы прибыли ко всему перемѣнному капиталу общества не можетъ быть особенно рѣзкимъ. Поэтому для приблизительнаго пониманія капиталистическаго производства вполнѣ правильно будетъ предполагать отношеніе всей суммы прибыли ко всему перемѣнному капиталу совпадающимъ съ отношеніемъ прибавочнаго труда къ необходимому.

Но если общая сумма прибыли разсматривается, какъ производное перемѣннаго капитала всего общества и если въ то же время въ результатѣ развитія техники доля перемѣннаго капитала въ общей суммѣ капитала уменьшается, то отсюда, какъ естественный логическій выводъ изъ трудовой теоріи цѣнности, передъ нами встаетъ знаменитый законъ наклонности нормы прибыли къ пониженію, выведенный Марксомъ.

Но, если, идя такимъ путемъ, мы и можемъ получить приблизительное представленіе о законосообразности капиталистическаго производства, то, во всякомъ случаѣ, выводя законосообразность, опредѣляющую норму прибыли, отчасти изъ завѣдомо ложныхъ положеній, мы оставляемъ незаконченной экономическую теорію и, благодаря этому, не можемъ имѣть полной увѣренности въ истинности и нашей

главной исходной точки, трудовой теоріи цѣнности. Мы получимъ эту полную увѣренность только тогда, когда безъ всякихъ ложныхъ допущеній намъ удастся на почвѣ трудовой теоріи цѣнности развить законосообразность, опредѣляющую норму прибыли.

Но что такое та трудовая теорія цѣнности, посредствомъ которой мы хотимъ объяснить капиталистическое производство?

Это—теорія, которая совпаденіе цѣнъ съ трудовыми цѣнностями считаетъ приложимымъ только къ не-капиталистическому товарному производству; при переходѣ же отъ этого послѣдняго къ капиталистическому производству вводитъ въ свой анализъ законъ равной нормы прибыли, какъ необходимый фетишистическій продуктъ трудового закона цѣнности, благодаря которому трудовой законъ цѣнности можетъ проводить себя въ жизнь только въ искаженномъ видѣ.

При этомъ, развитомъ мною въ предыдущей статьѣ, пониманіи трудовой теоріи цѣнности, вывести законосообразность нормы прибыли изъ трудовой теоріи цѣнности—это значитъ развить эту законосообразность при предположеніи не только трудового закона цѣнности, но и его необходимаго капиталистическаго дополненія, закона равной нормы прибыли.

Такъ какъ общая норма прибыли въ капиталистическомъ производствѣ устанавливается въ результатѣ взаимодѣйствія различныхъ отраслей производства, то для того, чтобы найти опредѣляющую ее законосообразность, намъ, очевидно, необходимо охватить капиталистическое производство въ его цѣломъ, намъ нужно представить себѣ картину общественнаго воспроизводства. Для простоты возьмемъ сперва простое воспроизводство.

Марксъ во второмъ томѣ своего „Капитала“ представилъ общественное воспроизводство въ видѣ двухъ подраздѣленій: производства предметовъ потребленія и производства средствъ производства. Для нашихъ цѣлей этихъ двухъ подраздѣленій, очевидно, недостаточно. Съ точки зрѣнія трудовой теоріи цѣнности норма прибыли прежде всего опредѣляется отношеніемъ между прибавочнымъ трудомъ и необходимымъ, иначе говоря, нормой прибавочной цѣнности. Поэтому принципъ, на основаніи котораго Марксъ произвелъ свое подраздѣленіе, мы соединимъ съ другимъ принципомъ, обособляющимъ матеріализацію въ продуктахъ необходимаго труда отъ матеріализаціи въ продуктахъ прибавочнаго труда. Общественное производство тогда предстанетъ передъ нами въ видѣ четырехъ подраздѣленій: производства предметовъ потребленія капиталистовъ, производства предметовъ потребленія рабочихъ, производства средствъ производства для производства предметовъ потребленія капиталистовъ и, наконецъ, производства средствъ производства для производства предметовъ потребленія рабочихъ.

Мы получимъ тогда слѣдующую картину общественнаго воспроизводства:

	Пост. кап.		Перем. кап.		Прибыль.
P =	c_1	+	v_1	+	p_1
V =	c_2	+	v_2	+	p_2
Cp =	c_3	+	v_3	+	p_3
Cv =	c_4	+	v_4	+	p_4

P—цѣна производства предметовъ потребленія капиталистовъ и въ то же время выраженная въ цѣнѣ прибыль всего класса капиталистовъ, такъ какъ при простомъ воспроизводствѣ величина общей суммы прибыли, выраженной въ деньгахъ, тожественна съ цѣной общей суммы предметовъ потребленія капиталистовъ.

V, являясь цѣной предметовъ потребленія рабочихъ, въ то же время выражаетъ величину перемѣннаго капитала.

Cp —производство средствъ производства для P, Cv—производство средствъ производства для V. Cp+Cv выражаетъ величину постояннаго капитала во всемъ обществѣ.

Въ приведенной нами картинѣ общественнаго воспроизводства пока всѣ величины для насъ неизвѣстны. Но трудовой законъ цѣнности дастъ намъ сейчасъ же возможность наполнить неизвѣстныя величины v_1, v_2, v_3 и v_4 болѣе опредѣленнымъ содержаніемъ. Если мы примемъ количества абстрактнаго труда, затрачиваемыя въ теченіе періода воспроизводства въ нашихъ 4 подраздѣленіяхъ, равными—a_1, a_2, a_3 и a_4, цѣну же, уплачиваемую капиталистами рабочимъ за единицу труда, какъ неизвѣстную для насъ величину, назовемъ x, то картина общественнаго воспроизводства приметъ у насъ слѣдующій видъ:

	Пост. капиталъ.	Перем. кап.	Прибыль.
$P =$	$c_1 +$	$a_1 x +$	p_1
$V =$	$c_2 +$	$a_2 x +$	p_2
$Cp =$	$c_3 +$	$a_3 x +$	p_3
$Cv =$	$c_4 +$	$a_4 x +$	p_4

Величины $a_1 x$, $a_2 x$, $a_3 x$ и $a_4 x$, замѣнившія собой величины v_1, v_2, v_3 и v_4, остаются также, какъ и эти послѣднія, неизвѣстными, но количественное отношеніе ихъ другъ къ другу представляетъ теперь собой опредѣленную величину. Перемѣнные капиталы въ нашихъ 4 подраздѣленіяхъ относятся между собою, какъ величины—a_1, a_2, a_3 и a_4.

Марксъ, какъ мы видѣли, опредѣляетъ норму прибыли посредствомъ отношенія всей суммы прибыли ко всему затраченному капиталу. Норма прибыли, конечно, тожественна съ этимъ отношеніемъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что она можетъ быть опредѣлена посредствомъ этого отношенія. Опредѣлять ее посредствомъ этого отношенія, это значитъ—предполагать тѣ величины, между которыми устанавливается отношеніе, за извѣстныя. И Марксъ дѣйствительно принималъ ихъ хотя и совершенно ошибочно, за извѣстныя величины.

Сумму прибыли во всемъ обществѣ онъ считалъ тожественной съ суммой прибавочной цѣнности. Но величина прибыли, P ($= p_1 + p_2 + p_3 + p_4$), есть въ то же время цѣна предметовъ потребленія капиталистовъ, цѣна, которая также искаженно представляетъ цѣнность, какъ и цѣны всѣхъ продуктовъ. И если мы выразимъ норму прибыли въ видѣ отношенія прибыли ко всему затраченному капиталу—$\frac{P}{K}$, то мы этимъ нисколько не подвинемся къ опредѣленію величины нормы прибыли. Представимъ ли мы P въ видѣ $p_1 + p_2 + p_3 + p_4$, или въ видѣ

$c_1 + a_1 x + p_1$, она въ томъ и въ другомъ случаѣ останется для насъ неизвѣстной величиной. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно K.

Если трудовая теорія цѣнности вѣрна, то, имѣя въ своемъ распоряженіи величины труда, затраченныя во всѣхъ отрасляхъ, мы должны имѣть возможность съ помощью этихъ величинъ выразить цѣны всѣхъ нашихъ подраздѣленій въ видѣ нѣкоторыхъ величинъ, помноженныхъ на x, на цѣну единицы труда. Тогда, выразивши такимъ же образомъ цѣну золота, мы опредѣлимъ цѣны продуктовъ нашихъ подраздѣленій. Но очевидно, что опредѣлить такимъ образомъ цѣны нашихъ подраздѣленій мы можемъ только, опредѣливши сперва посредствомъ нашихъ данныхъ норму прибыли.

Посредствомъ отношенія всей суммы прибыли ко всему затраченному капиталу мы не можемъ, очевидно, опредѣлить нормы прибыли. Естественно въ такомъ случаѣ является предположеніе, что норма прибыли опредѣляется въ какой-нибудь изъ двухъ паръ нашихъ подраздѣленій, или въ производствѣ предметовъ потребленія капиталистовъ, въ P и Cp, или въ производствѣ предметовъ потребленія рабочихъ, въ V и Cv.

Легко показать, что въ производствѣ предметовъ потребленія капиталистовъ норма прибыли не можетъ быть опредѣлена. Нѣтъ никакой возможности наполнить опредѣленнымъ содержаніемъ отношеніе $\frac{p_1 + p_3}{c_1 + a_1 x + c_3 + a_3 x}$, пока мы остаемся въ предѣлахъ производства предметовъ потребленія капиталистовъ.

Итакъ, ни капиталистическое производство въ его цѣломъ, ни производство предметовъ потребленія капиталистовъ, взятое отдѣльно, не даютъ намъ возможности опредѣлить норму прибыли.

Очевидно поэтому, что если существуетъ какая-нибудь законосообразность въ опредѣленіи нормы прибыли, то эту законосообразность мы можемъ найти только въ производствѣ средствъ существованія рабочихъ.

Каждое изъ нашихъ подраздѣленій, будучи поставлено въ связь съ другими, можетъ дать уравненіе.

Цѣна перваго подраздѣленія есть въ то же время величина всей прибыли, $P = c_1 + a_1 x + p_1 = p_1 + p_2 + p_3 + p_4$. Въ приведенномъ уравненіи только $a_1 x$ представляетъ собой до нѣкоторой степени величину извѣстную. Всѣ остальныя величины совершенно неизвѣстныя.

То же самое имѣетъ мѣсто и въ уравненіи, которое даетъ подраздѣленіе Cp. Такъ какъ подраздѣленіе Cp производитъ средства производства для себя и для подраздѣленія P, то $Cp = c_3 + a_3 x + p_3 = c_3 + c_1$. Въ этомъ уравненіи изъ 4 различныхъ величинъ только одна до нѣкоторой степени извѣстная.

Но совсѣмъ другой видъ имѣетъ то уравненіе, которое даетъ подраздѣленіе V. Цѣна предметовъ потребленія рабочихъ есть въ то же время величина выданной рабочимъ заработной платы. Поэтому $V = c_2 + a_2 x + p_2 = a_1 x + a_2 x + a_3 x + a_4 x$. Тутъ большая часть величинъ имѣетъ до нѣкоторой степени опредѣленное содержаніе. Такъ какъ намъ нужно опредѣлить норму прибыли, то, назвавши неизвѣстную величину нормы прибыли—n, мы можемъ p_2 выразить

въ видѣ—$(c_2 + a_2 x)\ n$, или $c_2 n + a_2 x n$ *). Мы получимъ тогда уравненіе:

$$c_2 + a_2 x + c_2 n + a_2 x n = a_1 x + a_2 x + a_3 x + a_4 x.$$

Передъ нами 1 уравненіе съ 3 неизвѣстными c_2, x и n. Но такъ какъ подраздѣленіе Cv $(= c_4 + a_4 x + p_4)$ работаетъ для V, то въ воспроизводствѣ Cv за вычетомъ части c_4, представляющей собой воспроизводимый въ этомъ подраздѣленіи постоянный капиталъ, остальная часть $a_4 x + p_4$ по матерьяльной формѣ представляетъ собой средства производства для производства средствъ существованія рабочихъ, т. е. $a_4 x + p_4 = c_2$, постоянному капиталу въ производствѣ средствъ существованія рабочихъ. Но если $c_2 = a_4 x + p_4$, то мы можемъ попытаться величину C_2 съ помощью данныхъ подраздѣленія Cv выразить въ величинахъ x и n. Если намъ это удастся, тогда мы будемъ имѣть передъ собой одно уравненіе съ двумя неизвѣстными x и n. Повидимому наше положеніе будетъ и тогда безвыходнымъ. Но, если мы присмотримся къ нашему уравненію, то мы замѣтимъ, что всѣ члены его, кромѣ тѣхъ двухъ, которые содержатъ въ себѣ c_2 (c_2 и $c_2 n$), содержатъ въ себѣ x. Поэтому, если c_2 не только можетъ быть выражено посредствомъ величинъ x и n, но если, кромѣ того, будучи выражено такимъ образомъ, оно дастъ выраженіе, изъ котораго x можетъ быть выдѣлено въ качествѣ множителя, тогда наша задача будетъ рѣшена: раздѣливши всѣ члены уравненія на x, мы получимъ одно уравненіе съ однимъ неизвѣстнымъ n и тогда получимъ возможность опредѣлить это n, т. е. опредѣлить норму прибыли.

Впрочемъ, „опредѣлить" ее въ точномъ смыслѣ этого слова намъ во всякомъ случаѣ не удастся въ виду многочисленности и сложности тѣхъ данныхъ, которыя необходимы для ея опредѣленія. Единственное, что мы можемъ сдѣлать, это доказать, что c_2 съ помощью данныхъ, которыя намъ можетъ дать подраздѣленіе Cv, можетъ быть выражено посредствомъ величинъ n и x и притомъ такъ, что изъ выраженія $c_2 x$ можетъ быть выдѣленъ въ качествѣ множителя. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы докажемъ, что норма прибыли дѣйствительно опредѣляется въ производствѣ средствъ существованія рабочихъ (въ V и Cv).

Итакъ, обратимся для опредѣленія c_2 къ подраздѣленію Cv. c_2, какъ мы знаемъ уже, $= a_4 x + p_4$. Прибыль въ производствѣ Cv, p_4 можетъ быть выражена, подобно p_2, въ видѣ капитала, умноженнаго на норму прибыли, т. е. въ видѣ $c_4 n + a_4 x n$.

c_2 тогда будетъ $= a_4 x + c_4 n + a_4 x n$.

Для того, чтобы опредѣлить c_2, необходимо опредѣлить c_4 и изъ c_2 множитель x можетъ быть выдѣленъ постольку, поскольку онъ можетъ быть выдѣленъ изъ c_4.

c_4 по своей матерьяльной формѣ—средства производства для производства средствъ производства. Намъ нужно опредѣлить цѣнность этихъ средствъ произ-

*) Для упрощенія нашего анализа мы предполагаемъ, что постоянный капиталъ весь издерживается въ теченіе нашего періода воспроизводства и что перемѣнный капиталъ совершаетъ въ теченіе этого періода только одинъ оборотъ.

водства. Для производства этихъ средствъ производства употребляется опять рядомъ съ перемѣннымъ капиталомъ постоянный капиталъ, по матерьяльной формѣ являющійся средствами производства. Въ производствѣ этихъ послѣднихъ мы опять найдемъ постоянный капиталъ и т. д. Но въ такомъ случаѣ не безплодно ли наше стремленіе опредѣлить c_4? Не будемъ ли мы постоянно одно неизвѣстное опредѣлять посредствомъ другого и не уйдетъ ли такимъ образомъ процессъ нашего опредѣленія въ безконечность?

Этотъ процессъ несомнѣнно ушелъ бы въ безконечность, если бы цѣна продукта опредѣлялась условіями производства его. Для того, чтобы опредѣлить то количество труда, въ результатѣ котораго явились тѣ хлопчатобумажныя ткани, напр., которыми мы пользуемся въ настоящее время, пришлось бы обозрѣть весь историческій процессъ человѣчества, такъ какъ намъ необходимо было бы тогда дойти до той стадіи экономическаго развитія, при которой орудія труда и переработанные сырые матерьялы отсутствовали и единственной производительной силой былъ трудъ.

Но цѣна продукта опредѣляется не условіями его *производства*, а условіями его *воспроизведенія*.

Обратимся же къ условіямъ воспроизведенія c_4. Въ качествѣ условій воспроизведенія c_4 передъ нами встаютъ рядомъ съ трудомъ—желѣзо, уголь, дерево, разнообразныя машины и т. п. По отношенію къ цѣнности и цѣнѣ это рядъ неизвѣстныхъ величинъ. И если ни одну изъ нихъ нельзя въ концѣ концовъ свести къ перемѣнному капиталу + прибыль, если въ каждой изъ нихъ заключается и постоянный капиталъ, то спрашивается, не должны ли мы потерять всякую надежду опредѣлить нашу величину c_4, представляющую собою цѣну этихъ средствъ производства?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, представимъ себѣ, что средства производства для производства средствъ производства, цѣной которыхъ является C_4, состоятъ изъ трехъ продуктовъ—угля, желѣза и дерева.

Если c_4 состоитъ изъ этихъ трехъ продуктовъ, то очевидно, что постоянный капиталъ, затрачиваемый въ производствѣ каждаго изъ нихъ, по своей матерьяльной формѣ представляетъ собой или уголь, или желѣзо, или дерево, или то, другое и третье вмѣстѣ. Если логическій нашъ выводъ мы сблизимъ съ дѣйствительностью, то, конечно, должны будемъ исходить изъ предположенія, что постоянный капиталъ въ производствѣ каждаго изъ этихъ продуктовъ состоитъ изъ всѣхъ этихъ продуктовъ—угля, желѣза и дерева.

Если количество всего угля примемъ равнымъ b, количество всего желѣза—d и дерева—e, цѣны же единицъ каждаго изъ этихъ продуктовъ, какъ неизвѣстныя намъ величины, назовемъ—y, z и u, то C_4 будетъ $= by + dz + eu$.

Представимъ себѣ прежде всего, что цѣны угля, желѣза и дерева, by, dz и cu, соотвѣтствуютъ цѣнностямъ. Предположимъ, что постоянный капиталъ въ производствѣ угля состоитъ изъ количества b_1 угля, d_1 желѣза и e_1 дерева и что тратится въ немъ непосредственнаго труда—e_1; для производства желѣза соотвѣственныя количества примемъ равными b_2, d_2, e_2 и a_2, и для производства дерева—b_3,

d_3, e_3 и α_3. Тогда производства нашихъ трехъ продуктовъ дадутъ намъ слѣдующія три уравненія:

$$by = b_1 y + d_1 z + e_1 u + \alpha_1$$
$$dz = b_2 y + d_2 z + e_2 u + \alpha_2$$
$$eu = b_3 y + d_3 z + e_3 u + \alpha_3$$

Передъ нами три уравненія съ тремя неизвѣстными, y, z и u. Опредѣлить эти неизвѣстныя, это значитъ опредѣлить тѣ количества труда, которыя съ точки зрѣнія трудовой теоріи цѣнности, заключаются въ единицахъ угля, желѣза и дерева.

Въ наиболѣе простомъ видѣ этотъ способъ опредѣленія можно изобразить слѣдующимъ образомъ. Сообразно съ земли пудовъ хлѣба въ зернѣ s, употреблено для посѣва s_1, количество затраченнаго труда f. Для простоты отвлекаемся отъ употребляемыхъ въ производствѣ хлѣба орудій. Если мы цѣнность пуда хлѣба въ зернѣ, намъ неизвѣстную, назовемъ h, то это h опредѣлится изъ уравненія

$$hs = hs_1 + f, \text{ или } h\,(s - s_1) = f,$$

откуда $h = \frac{f}{s - s_1}$; $\frac{f}{s - s_1}$ представитъ собой то количество труда, которое съ точки зрѣнія трудовой теоріи цѣнности содержится въ пудѣ хлѣба.

Теперь на мѣсто неискажаемаго трудового закона цѣнности поставимъ трудовой законъ, искажаемый закономъ равной нормы прибыли, и возвратимся къ нашимъ тремъ продуктамъ: углю, желѣзу и дереву. Наши три уравненія примутъ тогда слѣдующій видъ:

Пост. кап.	Пер. кап.	Прибыль.
$by = b_1 y + d_1 z + e_1 u +$	$\alpha_1 x +$	$(b_1 y + d_1 z + e_1 u + \alpha_1 x)\, n$
$dz = b_2 y + d_2 z + e_2 u +$	$\alpha_2 x +$	$(b_2 y + d_2 z + e_2 u + \alpha_2 x)\, n$
$eu = b_3 y + d_3 z + e_3 u +$	$\alpha_3 x +$	$(b_3 y + d_3 z + e_3 u + \alpha_3 x)\, n$

Такъ какъ x и n тутъ для насъ извѣстныя величины, посредствомъ которыхъ мы хотимъ опредѣлить цѣны угля, желѣза и дерева, то наши три уравненія представимъ въ слѣдующемъ видѣ:

$$by = (n + 1)\, b_1 y + (n + 1)\, d_1 z + (n + 1)\, e_1 u + (n + 1)\, \alpha_1 x$$
$$dz = (n + 1)\, b_2 y + (n + 1)\, d_2 z + (n + 1)\, e_2 u + (n + 1)\, \alpha_2 x$$
$$eu = (n + 1)\, b_3 y + (n + 1)\, d_3 z + (n + 1)\, e_3 u + (n + 1)\, \alpha_3 x$$

Намъ не зачѣмъ опредѣлять тутъ y, z и u, достаточно бѣглаго взгляда на эти уравненія, чтобы убѣдится, что, во-первыхъ, y, z и u могутъ быть опредѣлены посредствомъ величинъ x и n и что, будучи опредѣлены, они выразятся въ видѣ дробей, въ которыхъ въ знаменателѣ x не будетъ, въ числителѣ же онъ будетъ фигурировать въ качествѣ множителя.

Задача наша такимъ образомъ рѣшена c_4 $(= by + dz + eu)$ выразится въ видѣ величинъ n и x и при этомъ будетъ содержать въ себѣ величину x въ качествѣ множителя.

Разъ опредѣлено у насъ c_4, опредѣлено слѣдовательно и c_2. И такъ какъ $C_2 = a_4 x + c_4 n + a_4 xn$, то x слѣдовательно изъ него можетъ быть выдѣленъ въ качествѣ множителя. Но такъ какъ въ томъ уравненіи, отъ котораго мы отправлялись въ опредѣленіи нормы прибыли, всѣ члены, кромѣ C_2 и прежде содержали въ себѣ x, то, раздѣливши всѣ члены нашего уравненія на x, мы получимъ одно уравненіе съ однимъ неизвѣстнымъ n, обозначающимъ у насъ величину нормы прибыли.

Мы можемъ считать теперь доказаннымъ, что въ опредѣленіи нормы прибыли существуетъ законосообразность и что эта законосообразность создается въ производствѣ средствъ существованія рабочихъ. Рабочіе такимъ образомъ снова выступаютъ у насъ въ роли спасителей капиталистическаго производства. *Съ существованіемъ рабочихъ, ихъ однихъ, связана законосообразность, дѣйствующая въ обмѣнѣ.*

Разъ норма прибыли является данной величиной, цѣны продуктовъ всѣхъ отраслей могутъ быть представлены посредствомъ тѣхъ способовъ, которыми мы опредѣляли C_2 и C_4, въ видѣ извѣстныхъ величинъ, умноженныхъ на x. Такимъ же образомъ можетъ быть представлена и цѣна золота. Но такъ какъ цѣна золота тожественна съ самимъ золотомъ, то производство золота дастъ намъ слѣдующее уравненіе: $Ex = D$, откуда $x = \frac{D}{E} \cdot x$ у насъ опредѣлено, вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлены цѣны производства продуктовъ.

Итакъ, источникъ законосообразности капиталическаго производства таится въ производствѣ средствъ существованія рабочихъ. Этотъ выводъ нашего анализа, благодаря своей новизнѣ, можетъ вызывать нѣкоторое предубѣжденіе. Но что насъ привело къ этому выводу? Когда мы сдѣлали общественное воспроизводство объектомъ своего анализа, мы съ помощью *одного* трудового закона цѣнности могли только частью наполнить цѣны всѣхъ его подраздѣленій опредѣленнымъ содержаніемъ, именно мы могли внести въ нихъ опредѣленное содержаніе только постольку, поскольку въ составъ цѣны каждаго изъ нихъ входитъ перемѣнный капиталъ. Но именно въ силу этого мы могли вполнѣ опредѣленнымъ содержаніемъ съ помощью трудового закона цѣнности наполнить цѣну подраздѣленія V, цѣну средствъ существованія рабочихъ, такъ какъ эта цѣна по своей величинѣ соотвѣтствуетъ величинѣ перемѣннаго капитала всего общества. Какъ соотвѣтствующая величинѣ суммы перемѣнныхъ капиталовъ всѣхъ подраздѣленій цѣна $V =$

$$a_1 x + a_2 x + a_3 x + a_4 x, \text{ или } (a_1 + a_2 + a_3 + a_4) x.$$

Если мы обратимъ вниманіе на это выраженіе цѣны V, которое мы получили, предполагая искаженіе трудового закона цѣнности закономъ равной нормы прибыли, то мы увидимъ, что оно, въ сущности говоря, совершенно тожественно съ тѣмъ выраженіемъ, которое имѣетъ цѣна средствъ существованія рабочихъ при исключительномъ господствѣ трудового закона. И при исключительномъ господствѣ трудового закона цѣна V можетъ быть выражена въ видѣ $(a_1 + a_2 + a_3 + a_4) x$. Разница только та, что при полномъ господствѣ трудового закона цѣнности цѣна X соотвѣтствуетъ цѣнности, при искаженіи же трудового закона цѣна x откло-

няется отъ цѣнности, но такъ какъ цѣны всѣхъ продуктовъ, какъ мы только что доказали, тоже выражаются въ видѣ извѣстныхъ величинъ, умноженныхъ на x, то въ отношеніи цѣнъ различныхъ продуктовъ величина x исчезаетъ и поэтому, поскольку мы отвлекаемся отъ отношенія различныхъ товаровъ съ золотомъ и изслѣдуемъ только ихъ отношеніе между собою, то мы имѣемъ полное право отвлечься и отъ искаженія цѣнности x.

Мы видимъ такимъ образомъ, что *не соотвѣтствіе общей суммы цѣнъ всѣхъ продуктовъ съ цѣнностью ихъ, отъ котораго отправлялся Марксъ, а соотвѣтствіе только цѣны средствъ существованія рабочихъ съ ихъ цѣнностью должно быть исходнымъ пунктомъ въ анализѣ цѣны производства.*

Какъ цѣны всѣхъ отраслей, такъ и цѣна средствъ существованія рабочихъ, при искаженіи трудового закона закономъ равной нормы прибыли, могутъ быть выражены посредствомъ величинъ x и n, но цѣна средствъ существованія рабочихъ, кромѣ того, можетъ быть выражена посредствомъ одной только величины x, безъ величины n, также, какъ она выражалась при полномъ господствѣ трудового закона цѣнности, т. е. въ видѣ—$(a_1 + a_2 + a_3 + a_4)\,x$.

Совпаденіе только одной цѣны средствъ существованія рабочихъ съ ихъ цѣнностью и возможность въ силу этого выразить только одну цѣну средствъ существованія рабочихъ въ двоякомъ видѣ—не только посредствомъ неизвѣстной величины n (величины нормы прибыли), но и безъ нея, ведетъ естественно къ тому, что норма прибыли опредѣляется въ производствѣ средствъ существованія рабочихъ. Благодаря соотвѣтствію цѣны средствъ рабочихъ съ ихъ цѣнностью, величина нормы прибыли, n, получаетъ опредѣленное содержаніе и рядомъ съ трудовымъ закономъ цѣнности дѣлается затѣмъ факторомъ, опредѣляющимъ цѣны производства всѣхъ другихъ отраслей.

Такъ какъ цѣна x, т. е., цѣна, которую платятъ рабочимъ за единицу труда, не участвуетъ, какъ показалъ нашъ анализъ, въ опредѣленіи нормы прибыли, то можетъ показаться, что на величину нормы прибыли не вліяетъ норма прибавочной цѣнности, такъ какъ съ точки зрѣнія трудовой теоріи цѣнности величина X прежде всего опредѣляется тѣмъ отношеніемъ, въ которомъ весь общественный трудъ дѣлится на прибавочный и необходимый. Но если x не участвуетъ въ опредѣленіи нормы прибыли, то участвуютъ въ ея опредѣленіи величины a_1 и a_3 рядомъ съ величинами a_2 и a_4 и легко показать, что норма прибыли находится въ прямой зависимости отъ отношенія $a_1 + a_3$ (прибавочнаго труда) къ $a_2 + a_4$ (необходимому труду).

Воспроизведемъ наше уравненіе, отъ котораго мы отправлялись въ опредѣленіи нормы прибыли:

$$c_2 + a_2 x + c_2 n + a_2 x n = a_1 x + a_2 x + a_3 x + x_4 x.$$

$c_2 = a_4 x + p_4 = a_4 x + c_4 n + a_4 xn$. Такъ какъ мы доказали, что величина c_4 будетъ содержать въ себѣ X въ качествѣ множителя, то мы можемъ выразить сумму $c_4 n + a_4 x n$ въ видѣ нѣкоторой величины a_4, помноженной

на x. c_2 тогда будетъ $= a_4 x + \alpha_4 x = x(a_4 + \alpha_4)$. Подставивъ величину c_2 въ уравненіе, получимъ:

$$x(a_4 + a_4) + a_2 + x + x(a_4 + a_4)n + a_2 x n = a_1 x + a_2 x + \\ + a_3 x + a_4 x.$$

Раздѣливши всѣ члены уравненія на x, получимъ:

$$\underbrace{a_4} + a_4 + \underbrace{a_2} + (a_4 + a_4)\, n + a_2 n = a_1 + \underbrace{a_2} + a_3 + a_4,$$

или $(a_4 + a_4 + a_2)\, n = a_1 + a_3 - \alpha_4$, откуда

$$N = \frac{a_1 + a_3 - \alpha_4}{a_4 + \alpha_4 + a_2}.$$

Такъ какъ въ этомъ выраженіи $a_1 + a_3$ находится въ числителѣ, а $a_2 + a_4$ въ знаменателѣ, то очевидно, что норма прибыли находится въ прямой зависимости отъ нормы прибавочной цѣнности.

Такъ какъ отношеніе $\frac{a_1 + a_3}{a_2 + a_4}$, или норма прибавочной цѣнности, опредѣляетъ собой величину x постольку, поскольку цѣна x соотвѣтствуетъ цѣнности, то очевидно, что не вообще величина x безразлична для опредѣленія нормы прибыли, а безразлично для него только то отклоненіе цѣны x отъ его цѣнности, которое вызывается закономъ равной нормы прибыли. Принявши это во вниманіе, мы можемъ вывести другую, болѣе совершенную формулу для выраженія нормы прибыли для того, чтобы получить болѣе конкретное представленіе объ опредѣляющей ее законосообразности.

Если мы примемъ цѣнность того количества золота, которое произведено въ теченіе одного рабочаго часа, равной 1, если цѣнность золота, соотвѣтствующую цѣнности средствъ существованія, достающихся рабочимъ за 1 часъ труда, какъ меньшую единицы, примемъ равной $\frac{1}{\tau}$ и, наконецъ, искаженіе цѣнности X выразимъ въ видѣ множителя $\frac{1}{9}$, то въ цѣнѣ X, равной $\frac{1}{\tau} \cdot \frac{1}{9}$, безразлична для опредѣленія нормы прибыли только величина $\frac{1}{9}$, но не величина $\frac{1}{\tau}$, такъ какъ величина $\frac{1}{f}$ является производной величины $\frac{a_1 + a_3}{a_2 + a_4}$, или нормы прибавочной цѣнности. Такъ какъ величина $\frac{1}{9}$ безразлична для опредѣленія нормы прибыли, то для того, чтобы вывести формулу для нормы прибыли, мы можемъ принять, что $X = \frac{1}{\tau}$, т. е., что цѣна перемѣннаго капитала всего общества, $V = (a_1 + a_2 + a_3 + a_4)\frac{1}{\tau}$ или является точнымъ выраженіемъ его цѣнности. Но если цѣна средствъ рабочихъ равна ихъ цѣнности, то ее можно выразить также въ видѣ суммы $a_4 + a_2$, т. е. въ видѣ суммы труда, заключающагося въ средствахъ производства подразд. V, a_4 и труда непосредственнаго a_2. Если бы не только цѣна средствъ существованія рабочихъ, V, но и цѣна средствъ производства для произ-

водства средствъ существованія рабочихъ (Cv) соотвѣтствовала бы цѣнности, то въ цѣнѣ Cv ($= c_4 + a_4 x + p_4$) $a_4 x + p_4$ равнялось бы a_4 и, такъ какъ $a_4 x + p_4$ подраздѣленія $Cv = c_2$ подразд. V, то слѣдовательно и c_2, постоянный капиталъ въ подраздѣленіи V, равнялся бы тогда—a_4 и цѣну V можно было бы тогда выразить въ слѣдующемъ видѣ: $V = a_4 + a_2 \cdot \frac{1}{\tau} + a_2\left(1 - \frac{1}{\tau}\right)$ и норма прибыли, n, была бы равна— $\frac{a_2\left(1 - \frac{1}{\tau}\right)}{a_4 + a_2 \cdot \frac{1}{\tau}}$; при отклоненіи же цѣны Cv отъ его цѣнности цѣна средствъ существованія рабочихъ выразится въ видѣ:

$$(a_4 \mp \alpha) + a_2 \cdot \frac{1}{\tau} + \left\{a_2\left(1 - \frac{1}{\tau}\right) + \alpha\right\},$$

т. е. прибыль въ производствѣ Cv, а въ силу этого и постоянный капиталъ въ производствѣ V будетъ меньше или больше трудовой цѣнности на нѣкоторую величину α и на ту же величину будетъ больше или меньше своей трудовой цѣнности прибыль въ производствѣ V; что же касается v_2, перем. капитала въ производствѣ средствъ существованія рабочихъ, то онъ не измѣнится, такъ какъ, равняясь $a_2 x$, онъ можетъ отклоняться отъ цѣнности въ силу отклоненія X отъ цѣнности, а X по предположенію равенъ $\frac{1}{\tau}$, т. е. соотвѣтствуетъ цѣнности.

Опредѣляя изъ полученнаго выраженія норму прибыли, получимъ формулу:

$$n = \frac{a_2\left(1 - \frac{1}{\tau}\right) \pm a}{\left(a_4 \mp a\right) + a_2 \cdot \frac{1}{\tau}} \quad ^{*)}$$

Проанализируемъ нашу формулу.

---

*) Формулу эту можно получить и не исходя заранѣе изъ предположенія, что $X = \frac{1}{\tau}$. Цѣна $V = a_1 X + a_2 X + a_3 X + a_4 X$. Если $X = \frac{1}{\tau} \cdot \frac{1}{9}$, цѣна $V = a_1 \frac{1}{\tau} \cdot \frac{1}{9} + a_2 \cdot \frac{1}{\tau} \cdot \frac{1}{9} + a_3 \cdot \frac{1}{\tau} \cdot \frac{1}{9} + a_4 \cdot \frac{1}{\tau} \cdot \frac{1}{9} = \left(a_1 \cdot \frac{1}{\tau} + a_2 \cdot \frac{1}{\tau} + a_3 \cdot \frac{1}{\tau} + a_4 \cdot \frac{1}{\tau}\right)\frac{1}{9}$. Выраженіе, заключающееся въ скобкахъ, представляетъ собой трудовую цѣнность V, средствъ существованія рабочихъ. Но трудовую цѣнность V можно выразить въ видѣ—$a_4 + a_2$. Мы можемъ подставить поэтому въ формулу V вмѣсто $\left(a_1 \cdot \frac{1}{\tau} + a_2 \cdot \frac{1}{\tau} + a_3 \cdot \frac{1}{\tau} + a_4 \cdot \frac{1}{\tau}\right) - (a_4 + a_2)$. Цѣна V будетъ тогда равна $- (a_4 + a_2)\frac{1}{9}$. Разлагая затѣмъ трудовую цѣнность V ($= a_4 + a_2$) на пост. кап. C_2 ($= a_4 \mp \alpha$), перем. капиталъ V_2 $\left(= a_2 \cdot \frac{1}{\tau}\right)$ и прибыль p_2 $\left[= a_2\left(1 - \frac{1}{\tau}\right) \pm \alpha\right]$, получимъ цѣну V равной—

$$\left[(a_4 \mp \alpha) + a_2 \frac{1}{\tau} + \left\{a_2\left(1 - \frac{1}{\tau}\right) \pm \alpha\right\}\right]\frac{1}{\tau}.$$

Крупнымъ дефектомъ этой формулы, дефектомъ, къ сожалѣнію, неустранимымъ является присутствіе въ ней неизвѣстной величины α. Но мы можемъ, если не выразить въ формулѣ, то во всякомъ случаѣ выяснить реальное содержаніе величины α и такимъ образомъ опредѣлить то вліяніе, которое α можетъ оказать на величину нормы прибыли.

Въ процессѣ опредѣленія нашей формулы мы видѣли, что при соотвѣтствіи цѣны Cv цѣнности, норма прибыли n была бы равна $\frac{a_2\left(1-\frac{1}{\tau}\right)}{a_4+a_2\cdot\frac{1}{\tau}}$, т. е. величина α была бы равна 0. Cv, производство средствъ производства для производства средствъ существованія рабочихъ, учавствовало бы тогда въ опредѣленіи нормы прибыли только постольку, поскольку оно создаетъ для производства V величину a_4, т. е. величину того количества труда, которое содержится въ C_2, постоянномъ капиталѣ производства V. При отклоненіи цѣны Cv отъ цѣнности, оно учавствуетъ въ опредѣленіи нормы прибыли еще посредствомъ величины α. Главной причиной, вызывающей отклоненіе цѣнъ отъ ихъ цѣнностей, является различіе въ строеніи капитала. α поэтому начинаетъ играть роль въ нашей формулѣ постольку, поскольку техническое строеніе капитала въ производствѣ Cv отклоняется отъ строенія капитала въ производствѣ V. Если мы предположимъ, что строеніе капитала въ производствѣ Cv ниже строенія капитала въ производствѣ V, то производство Cv тогда будетъ уступать часть своей прибавочной цѣнности производству V, т. е. прибыль въ производствѣ Cv будетъ меньше его прибавочной цѣнности, а въ производствѣ V будетъ больше его прибавочной цѣнности. Формула наша приметъ тогда слѣдующій видъ:

$$n=\frac{a_2\left(1-\frac{1}{\tau}\right)+\alpha}{a_4-\alpha+a_2\cdot\frac{1}{\tau}}.$$

или —

$$\overset{c_2}{(a_4\mp\alpha)\frac{1}{9}}+\overset{v_2}{a_2\cdot\frac{1}{\tau}\cdot\frac{1}{9}}+\overset{p_2}{\left\{a_2\left(1-\frac{1}{\tau}\right)\pm\alpha\right\}\frac{1}{9}},$$

откуда норма прыбыли, $n=\dfrac{\left\{a_2\left(1-\frac{1}{\tau}\right)\pm\alpha\right\}\frac{1}{9}}{(a_4\mp\alpha)\frac{1}{9}+a_2\cdot\frac{1}{\tau}\cdot\frac{1}{9}}$

или раздѣливши числитель и знаменатель дроби на $\frac{1}{9}$, получимъ:

$$n=\frac{a_2\left(1-\frac{1}{\tau}\right)\mp\alpha}{(a_4\mp\alpha)+a_2\cdot\frac{1}{\tau}}$$

Если, наоборотъ, строеніе капитала въ Cv будетъ выше строенія капитала въ производствѣ V, формула наша приметъ видъ:

$$n = \frac{a_2\left(1 - \frac{1}{\tau}\right) - \alpha}{a_4 + \alpha + a_2 \cdot \frac{1}{\tau}}.$$

Наконецъ, при равенствѣ строенія, какъ я уже указывалъ, формула N приметъ приблизительно видъ

$$\frac{a_2\left(1 - \frac{1}{\tau}\right)}{a_4 + a_3 \cdot \frac{1}{\tau}}$$

Примѣненная къ динамикѣ общественной жизни, первая формула означаетъ тотъ случай, когда строеніе капитала въ производствѣ V повышается быстрѣе строенія капитала въ произв. Cv; вторая формула означаетъ, наоборотъ, болѣе быстрое повышеніе строенія въ произв. Cv и, наконецъ, третья—равномѣрное повышеніе строенія капитала въ обоихъ видахъ производства.

Прежде чѣмъ обратиться къ анализу всѣхъ этихъ трехъ случаевъ, необходимо отмѣтить тотъ несомнѣнный фактъ, что на норму прибыли можетъ оказывать вліяніе только измѣненіе строенія капитала въ производствѣ средствъ существованія рабочихъ (въ V и Cv) и *никакого вліянія на норму прибыли не можетъ оказывать измѣненіе строенія капитала въ производствѣ предметовъ потребленія капиталистовъ* (*въ P и Cp*). Ни одна изъ трехъ нашихъ формулъ не содержитъ въ себѣ никакихъ величинъ, сколько-нибудь зависящихъ отъ строенія капитала въ производствѣ предметовъ потребленія капиталистовъ. Марксъ былъ поэтому не вполнѣ правъ, когда паденіе нормы прибыли въ капиталистическомъ обществѣ ставилъ въ зависимость отъ роста постоянной части капитала на счетъ перемѣнной во *всемъ* обществѣ. Мы видимъ теперь, что этотъ выводъ Маркса долженъ быть во всякомъ случаѣ суженъ. *Ростъ постоянной части капитала на счетъ перемѣнной въ производствѣ предметовъ потребленія капиталистовъ никакого вліянія на норму прибыли не оказываетъ.* Этотъ выводъ изъ нашей формулы и не можетъ представлять для насъ чего-либо неожиданнаго, такъ какъ мы доказали, что норма прибыли опредѣляется въ производствѣ средствъ существованія рабочихъ (въ V и Cv).

Остается теперь проанализировать, должно ли вызывать паденіе нормы прибыли повышеніе строеніе строенія капитала въ производствѣ средствъ существованія рабочихъ.

Разсмотримъ прежде всего третій случай, когда повышеніе строенія капитала въ произв. V и Cv идетъ равномѣрно. n тогда приблизительно равно =

$$= \frac{a_2\left(1 - \frac{1}{\tau}\right)}{a_4 + a_2 \frac{1}{\tau}}.$$

Повышеніе строенія капитала въ производствѣ V означаетъ ростъ a_4 на счетъ a_2. Если a_4 увеличивается, а a_2 уменьшается на нѣкоторую величину β, то знаменатель въ нашей формулѣ при неизмѣной нормы эксплуатаціи труда увеличивается на $\beta\left(1-\frac{1}{\psi}\right)$, а числитель уменьшается на ту же величину, т. е. дробь, выражающая величину n, или величина нормы прибыли, понижается.

Развитіе техники въ подраздѣленіи Cv само по себѣ должно ослаблять ростъ a_4 на счетъ a_2, ослаблять слѣдовательно повышеніе техническаго строенія въ производствѣ V. Если развитіе техники въ подраздѣленіи Cv будетъ идти болѣе быстрымъ темпомъ, чѣмъ въ подраздѣленіи V, то строеніе капитала въ подраздѣленіи Cv будетъ повышаться быстрѣе, чѣмъ въ подраздѣленіи V. Формула наша тогда приметъ слѣдующій видъ:

$$n = \frac{a_2\left(1-\frac{1}{\tau}\right)-\alpha}{a_4+\alpha+a_2.\frac{1}{\tau}}.$$

Если ослабленіе роста a_4 на счетъ a_2 должно ослаблять тутъ паденіе нормы прибыли, то величина α дѣйствуетъ въ противоположномъ направленіи. Чѣмъ сильнѣе развитіе техники въ подраздѣленіи Cv ослабляетъ ростъ a_4 на счетъ a_2, тѣмъ сильнѣе растетъ величина α. Если бы болѣе сильное развитіе техники въ подраздѣленіи Cv даже совсѣмъ уничтожало ростъ a_4 на счетъ a_2 и оставляло неизмѣннымъ реальное строеніе капитала (въ количествахъ труда) въ подраздѣленіи V, то ростъ величины α вызвалъ бы все-таки значительное паденіе нормы прибыли, уменьшая числитель дроби, выражающей норму прибыли, и увеличивая одновременно ея знаметатель.

Наконецъ третья наша формула

$$\left(n = \frac{a_2\left(1-\frac{1}{\tau}\right)+\alpha}{a_4-\alpha+a_2\frac{1}{\tau}}\right)$$

выражаетъ тотъ случай, когда строеніе капитала въ подраздѣленіи Cv повышается медленнѣе, чѣмъ въ подразд. V. a_4 въ этомъ случаѣ росло бы сильнѣе на счетъ a_2, но вліяніе этого роста на норму прибыли ослаблялось бы одновременнымъ ростомъ α. При очень слабомъ сравнительно развитіи техники, или отсутствіи этого развитія въ подраздѣленіи Cv мыслимъ, конечно, случай, когда ростъ величины α совершенно уничтожалъ бы тенденцію нормы прибыли къ пониженію, но этотъ случай, конечно, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Итакъ, при предположеніи неизмѣнной нормы эксплуатаціи труда норма прибыли необходимо должна падать.

Но можно ли предполагать неизмѣнной норму эксплуатаціи труда, не происходитъ ли на самомъ дѣлѣ въ дѣйствительности непрерывное повышеніе нормы прибавочной цѣнности и не дѣйствуетъ ли оно на норму прибыли въ противоположномъ направленіи, уничтожая дѣйствіе на нее непрерывнаго роста постояннаго капитала на счетъ перемѣннаго?

Хотя возможность повышать эксплуатацію труда, несомнѣнно существующая на первыхъ стадіяхъ развитія капиталистическаго производства, дѣлается все болѣе и болѣ проблематичной по мѣрѣ развитія капитализма, но предположимъ, что эта возможность неразрывно связана съ капиталистическимъ производствомъ и что въ процессѣ его развитія происходитъ непрерывное повышеніе эксплуатаціи труда и посмотримъ, насколько оно можетъ парализовать тенденцію нормы прибыли къ пониженію, вызываемую ростомъ постояннаго капитала на счетъ перемѣннаго.

Для простоты предположимъ, что повышеніе строенія капитала въ производствахъ V и Cv идетъ равномѣрно и что норма прибыли, n, равна поэтому—

$$\frac{a_2\left(1-\frac{1}{\tau}\right)}{a_1+a_2\frac{1}{\tau}}.$$

Итакъ мы предполагаемъ, что одновременно съ ростомъ a_4 на счетъ a_2, растетъ также норма эксплуатаціи труда, т. е. уменьшается величина $\frac{1}{\tau}$, или та доля цѣнности, которая достается рабочимъ изъ каждаго рабочаго часа. Если мы предположимъ, что повышеніе нормы эксплуатаціи достигло своего предѣла и $\frac{1}{\tau}$ стало равнымъ 0, то для того, чтобы норма прибыли осталась прежней, a_4 должно увеличиться на a_2, умноженное на прежнюю величину $\frac{1}{\tau}$. Но если приближеніе доли рабочихъ къ нулю является приближеніемъ нормы добавочной цѣнности къ своему предѣлу, то, приближаясь къ величинѣ $a_4 + a_2 . \frac{1}{\tau}$, постоянный капиталъ въ подраздѣленіи V вовсе этимъ еще не приближается къ своему предѣлу. Предѣломъ его является увеличеніе a_4 на всю величину a_2. Увеличеніе же c_2, постояннаго капитала въ подраздѣленіи V, съ a_4 до $a_4 + a_2 . \frac{1}{\tau}$ является вполнѣ возможнымъ и тѣмъ болѣе возможнымъ, чѣмъ ниже величина $\frac{1}{\tau}$, т. е. чѣмъ выше норма прибавочной цѣнности.

$\frac{1}{\tau}$ не можетъ уменьшиться на $\frac{1}{\tau}$, доля рабочихъ не можетъ спуститься до нуля; если же она станетъ равной $\frac{1}{r}$, величинѣ большей нуля, то какъ бы мала ни была эта величина $\frac{1}{r}$, увеличеніе c_2 съ a_4 до $a_4 + a_2 . \frac{1}{\tau}$ вызоветъ паденіе нормы прибыли. n будетъ тогда

$$= \frac{a_2\left(1-\frac{1}{\tau}-\frac{1}{r}\right)}{\left(a_1+a_2 . \frac{1}{\tau}\right)+a_2 . \frac{1}{r}}.$$

т. е. величинѣ меньшей прежней.

Если $\frac{1}{\tau}$ равна $\frac{1}{2}$, то паденіе нормы прибыли станетъ во всякомъ случаѣ

неизбѣжнымъ при увеличеніи a_4 на $\frac{a_2}{2}$; если же мы примемъ во вниманіе, что $\frac{1}{r}$ не только должно быть больше, но и значительно больше нуля, то паденіе нормы станетъ неизбѣжнымъ даже гораздо ранѣе, чѣмъ когда a_4 увеличится на $\frac{a_2}{2}$.

Если $\frac{1}{\tau}=\frac{1}{3}$, то паденіе нормы прибыли станетъ во всякомъ случаѣ неизбѣжнымъ, если a_4 увеличивается на $\frac{a_2}{3}$, а на самомъ самомъ дѣлѣ, конечно, гораздо раньше.

Если $\frac{1}{\tau}=\frac{1}{4}$, то a_4 достаточно увеличиться на $\frac{a_2}{4}$, чтобы преодолѣть всякое не только возможное, но и мыслимое повышеніе эксплуатаціи и т. д., т. е., чѣмъ дальше идетъ повышеніе нормы эксплуатаціи труда, тѣмъ легче его вліяніе на норму прибыли преодолѣвается противоположнымъ вліяніемъ роста постояннаго капитала на счетъ перемѣннаго и тѣмъ неотразимѣе дѣйствуетъ тенденція къ паденію нормы прибыли.

Итакъ, мы видимъ, что тенденція къ паденію нормы прибыли неразрывно связана съ развитіемъ техники въ капиталистическомъ производствѣ. Этотъ выводъ встанетъ передъ нами съ еще большей неотразимостью, если мы введемъ въ нашъ анализъ одинъ факторъ, который играетъ немаловажную роль въ дѣйствительности и который мы до сихъ поръ игнорировали.

Мы предполагали, что весь постоянный капиталъ издерживается въ теченіе періода воспроизводства, на самомъ дѣлѣ издерживающаяся часть постояннаго капитала всегда меньше затраченной и должна даже относительно падать (по сравненію съ затраченной) вмѣстѣ съ увеличеніемъ роли машинъ въ производствѣ. Поэтому, чтобы нашу формулу сдѣлать болѣе соотвѣтствующей дѣйствительности, намъ нужно постоянный капиталъ въ подраздѣленіи V умножить на величину m_2, представляющую собой отношеніе между издержанной частью и затраченной. Формула наша тогда приметъ слѣдующій видъ:

$$n=\frac{a_2\left(1-\frac{1}{\tau}\right)\pm\alpha}{m_2\left(a_4\mp a\right)+a_2\cdot\frac{1}{\tau}}$$

или при равномѣрномъ развитіи техники въ производствахъ V и Cv

$$n=\frac{a_2\left(1-\frac{1}{\tau}\right)}{m_2\,a_1+a_2}.$$

При прежней формулѣ, въ которой отсутствовалъ множитель m_2, увеличеніе a_4 на величину β уменьшало числитель на $\beta\left(1-\frac{1}{\tau}\right)$ и увеличивало знаменатель на ту же величину; теперь же при множителѣ m_2 увеличеніе a_4 на вели-

чину β, уменьшая по-прежнему числитель на $\beta\left(1-\frac{1}{f}\right)$, будетъ увеличивать знаменатель на $\beta\left(m_2-\frac{1}{f}\right)$, а не $\beta\left(1-\frac{1}{f}\right)$, какъ прежде, т. е. будетъ вызывать гораздо болѣе сильное паденіе нормы прибыли, которое еще менѣе возможно будетъ парализовать повышеніемъ нормы эксплуатаціи труда.

Мы выяснили законосообразность, опредѣляющую норму прибыли, оперируя съ простымъ воспроизводствомъ. Намъ остается теперь доказать, что всѣ наши выводы примѣнимы и къ воспроизводству въ расширяющихся размѣрахъ, или накопленію. Представимъ схему накопленія для 4 нашихъ подраздѣленій:

	Пост. кап.	Перем. кап.	Прибыль.	Потребляемая прибыль.	Накопленіе.
$P_1 =$	$c_1 +$	$a_1 x +$	p_1	$(p' +$	$C' + a' X)$
$P' =$	$c' +$	$a' x$ } элементы будущаго производства.			
$P'' =$	$c'' +$	$a'' x$ }			
$P''' =$	$c''' +$	$a''' x$ }			
$P'''' =$	$c'''' +$	$a'''' x$ }			
P		aX			
$V =$	$C_2 +$	$a_2 X +$	p_2	$(p'' +$	$C'' + a'' X)$
$Cp =$	$C_3 +$	$a_3 X +$	p_3	$(p''' +$	$C''' + a''' X)$
$Cv =$	$C_4 +$	$a_4 X +$	p_4	$(p'''' +$	$C'''' + a'''' X)$

Общая сумма прибыли капиталистовъ, P, теперь не тождествена съ цѣной предметовъ потребленія капиталистовъ. Цѣна предметовъ потребленія капиталистовъ, P_1, представляетъ теперь только часть прибыли всего класса капиталистовъ. Другую часть составляютъ элементы будущаго производства, которые въ настоящемъ являются частью прибыли, не имѣя въ то же время никакого отношенія къ потребленію капиталистовъ, въ будущемъ же періодѣ воспроизводства они войдутъ въ составъ капитала.

Соотвѣтственно этому и общая сумма прибавочнаго труда теперь не совпадаетъ съ суммой труда, затраченной въ производствѣ предметовъ потребленія капиталистовъ (P_1 и Cp). Она равняется теперь не $a_1 + a_3$, а $a_1 + a_3 + (a' + a'' + a''' + a'''')\frac{1}{\tau}$.

Производство средствъ существованія рабочихъ, V, работаетъ теперь не только для потребленія настоящихъ рабочихъ, оно работаетъ частью для потребленія будущихъ рабочихъ. Но это нисколько не устраняетъ возможности составить уравненіе, сходное съ тѣмъ, изъ котораго мы опредѣлили норму прибыли при простомъ воспроизводствѣ. Это уравненіе будетъ:

$$c_2 + a_2 x + c_2 n + a_2 x n = a x + a_2 x + a_3 x + a_4 x.$$

Различіе тутъ заключается въ томъ, что вмѣсто $a_1 x$ стоитъ $a x$, различіе для опредѣленія нормы прибыли не имѣющее значенія.

Но если производство V въ опредѣленіи нормы прибыли играетъ ту же роль,

какъ и прежде, то роль въ опредѣленіи нормы прибыли Cv, производства средствъ производства для производства средствъ существованія рабочихъ, теперь существенно измѣнилась. Воспроизводство CV, равное теперь, какъ и прежде, $— c_4 + a_4 x + p_4$, равнялось прежде кромѣ того $— c_4 + c_2$, т. е. состояло изъ воспроизводства средствъ производства для производства средствъ существованія, c_2, и воспроизводства средствъ производства для производства этихъ средствъ производства, c_4, теперь же въ силу того, что p_2 и p_4 состоятъ не только изъ потребляемыхъ частей $— p''$ и p''', но и изъ накопляемыхъ $— c'' + a'' x$ и $c''' + a''' x$, воспроизводство Cv состоитъ, во-первыхъ, по-прежнему изъ воспроизводства c_2, т. е. воспроизводства средствъ производства для продолженія производства V въ прежнихъ размѣрахъ, но кромѣ того оно состоитъ теперь изъ c'', изъ производства средствъ производства для расширенія производства V, изъ c''', производства средствъ производства для собственнаго расширенія, и, наконецъ, изъ c_4, которое теперь является производствомъ средствъ производства не только для производства c_2, но и для производства c'' и c'''.

Если мы c_4 разложимъ на три части, c_5, c_6 и c_7, въ зависимости отъ того, производится ли оно для c_2, c'' и c''', то и воспроизводство Cv разложится у насъ тогда на три части:

$$Cv_1 = c_5 + c_2;\ CV_2 = c_6 + c'';\ Cv_3 = c_7 + c'''.$$

Если мы теперь обратимся къ нашему уравненію, то мы увидимъ, что въ немъ теперь, какъ и прежде, неизвѣстной величиной, кромѣ n и x, является c_2. Это c_2 теперь, какъ и прежде, должно быть опредѣлено посредствомъ подраздѣленія Cv. Но такъ какъ Cv прежде было равно $— c_4 + c_2$, то прежде оно участвовало въ опредѣленіи нормы прибыли, подобно V, цѣликомъ, теперь же оно учавствуетъ въ опредѣленіи нормы прибыли только частью. Оно учавствуетъ въ этомъ опредѣленіи только постольку, поскольку оно опредѣляетъ величину c_2, величину же c_2 оно опредѣляетъ теперь только постольку, поскольку состоитъ изъ Cv_1 $(= c_5 + c_2)$. Итакъ, изъ нашихъ трехъ частей, на которыя мы разложили воспроизводство Cv, двѣ его части, работающія для накопленія, теперь также не участвуютъ въ опредѣленіи нормы прибыли, какъ не учавствуютъ въ ея опредѣленіи воспроизводства P_1 и Cp, имѣющія цѣлью расширяющееся воспроизводство предметовъ потребленія капиталистовъ.

Въ воспроизводствѣ Cv_1 мы можемъ величину c_2 разложить на перемѣнный капиталъ и прибыль. Воспроизводство Cv_1 у насъ тогда приметъ слѣдующій видъ:

$$Cv_1 = c_5 + c_2 = c_5 + a_5 x + p_5.$$

C_2 изъ воспроизводства Cv_1 опредѣляется теперь точно также, какъ оно прежде опредѣлялось изъ всего воспроизводства Cv.

Формула для n у насъ поэтому получится та же, съ тѣмъ только отличіемъ, что вмѣсто величины a_4 въ ней будетъ учавствовать теперь величина a_5, являющаяся частью величины a_4.

Формула у насъ теперь приметъ слѣдующій видъ:

$$N = \frac{a_2\left(1 - \frac{1}{\tau}\right) \pm a}{\left(a_3 \mp a\right) + a_2 . \frac{1}{\tau}},$$ или, вводя въ формулу

отношеніе m_2 между издержанной частью постояннаго капитала и затраченной въ производствѣ V, получимъ:

$$n = \frac{a_2\left(1 - \frac{1}{\tau}\right) \pm \alpha}{m_2\left(a_3 \mp a\right) + a_2 . \frac{1}{\tau}}.$$

Такъ какъ эта формула совершенно сходна съ той, которую мы получили при простомъ воспроизводствѣ, то и выводы она дастъ тѣ же.

Поставленную нами себѣ задачу мы можемъ считать теперь выполненной. То кажущееся противорѣчіе между трудовой теоріей цѣнности и закономъ равной нормы прибыли, удовлетворительнаго разрѣшенія котораго Марксъ не далъ въ своемъ „Капиталѣ", мы попытались разрѣшить, исходя изъ основныхъ началъ экономической теоріи Маркса.

Мы постарались прежде всего показать, что анализъ цѣнности и прибавочной цѣнности въ I-мъ томѣ „капитала" не только не находится въ противорѣчіи съ закономъ равной нормы прибыли, но что анализъ этого послѣдняго логически приводитъ къ той постановкѣ вопроса и его рѣшенію, которыя мы находимъ въ I-мъ томѣ „Капитала". Мы выяснили затѣмъ болѣе конкретно то взаимодѣйствіе, которое существуетъ между трудовымъ закономъ цѣнности и закономъ равной нормы прибыли, и установили законосообразность, дѣйствующую въ опредѣленіи нормы прибыли. Выяснивши эту законосообразность, мы установили тѣсную связь между трудовой цѣнностью и цѣной производства и въ результатѣ всего нашего анализа мы можемъ считать теперь вполнѣ доказаннымъ по отношенію къ капиталистическому обществу положеніе, что *трудъ есть единственный элементъ цѣнности.*

П. Неждановъ.

Къ мобилизаціи земель крестьянскихъ обществъ Екатеринославской губерніи (1877 -1897 гг.).

Кто хоть немного знакомъ съ общей литературой по этому вопросу, тотъ знаетъ, что въ экономическомъ отношіи крестьянство уже расчленилось на отдѣльныя группы, совершенно переросшія тѣ сословныя перегородки, въ которыхъ онѣ пребываютъ. Этотъ процессъ экономическій дифференціаціи юридически однородной массы съ особой силой выступилъ за послѣднія полтора-два десятилѣтія и выражается, съ одной стороны, отступленіемъ на задній планъ такъ называемаго рядового крестьянина-пахаря, а съ другой,—наростаніемъ экономически сильнаго класса крестьянъ. Само собой разумѣется, что при раздѣлѣ земельнаго наслѣдства, которое остается въ результатѣ обезземеливанія дворянства, указанныя двѣ группы крестьянства выигрываютъ далеко не въ одинаковой степени. Чтобы хоть нѣсколько иллюстрировать этотъ столь важный фактъ изъ экономической жизни нашего крестьянства, возьмемъ изъ изслѣдованій г. Рейнбота нѣсколько цифръ, относящихся къ 1893 г. *).

Кому достался тотъ милліонъ десятинъ земли, которой въ этомъ году потеряло дворянство? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ могутъ послужить тѣ земельныя пріобрѣтенія, которыя были сдѣланы другими сословіями, а именно:

Увеличили свои земельныя владѣнія:

Купцы	на 233.102	десят.
Почетн. гражд.. . .	„ 117.610	„
Мѣщане	„ 66.890	„
Сельскія сословія . .	„ 535.467	„

Львиная доля досталась, такимъ образомъ, сельскимъ сословіямъ, и можно бы подумать, что выигрывающей стороной является мелкое крестьянское землевладѣніе. Но распредѣленіе этихъ земельныхъ пріобрѣтеній по группамъ сельскаго населенія

*) Данныя этого труда систематизированы, между прочимъ, г. Д. Рихтеромъ въ одной изъ его статей въ „В. Е.“ за 1897 г.

ясно показываетъ, что „рядовой пахарь“ совершенно оттѣсненъ, такъ называемымъ, „хозяйственнымъ мужичкомъ“. Мы видимъ, что изъ этой львиной доли больше всего досталось крестьянамъ—личнымъ собственникамъ и крестьянскимъ товариществамъ, а меньше всего сельскимъ обществамъ, а именно:

Крестьянамъ личн. собств. .	155.452	десят.
Крестьянск. товар. . . .	290.891	„
Крестьянск. обществ. . .	40.408	„

Такъ какъ крестьянскія товарищества отнюдь не являются представителями рядового крестьянства, а, наоборотъ, представляютъ собой дифференцировавшійся классъ экономически болѣе устойчивый, то можно сказать, что изъ всей пріобрѣтенной въ 1893 г. крестьянскимъ сословіемъ земли на долю сельскихъ обществъ достались крохи,—всего 8%. Именно крестьянскія товарищества (въ томъ году по крайней мѣрѣ) показываютъ наибольшую стойкость въ дѣлѣ округленія и увеличенія своихъ земельныхъ владѣній. Они продали 40.626 десятинъ, а пріобрѣли 333.517 десят., т. е. пріобрѣли въ *восемь* разъ больше, чѣмъ потеряли; между тѣмъ сельскія общества, продавъ 23.127 десятинъ,—вновь купили 65.635 десят., т. е. пріобрѣли всего *втрое* больше, чѣмъ потеряли. Указанныя явленія отражаются и въ размѣрѣ тѣхъ участковъ, которые пріобрѣтаются крестьянами—личными собственниками и крестьянскими товариществами. Такъ участками до 25 десятинъ личное и товарищеское землевладѣніе увеличилось всего на 29.409 десятинъ, а участками въ 100—500 десятинъ оно увеличилось на 182.880 десятинъ. Даже участками, превышающими 1.000 десятинъ, личные собственники и товарищества увеличили размѣры своего землевладѣнія на 80.087 десятинъ.

А пріобрѣтеніе такихъ участковъ требуетъ наличности крупныхъ капиталовъ, съ одной стороны, и экономической устойчивости—съ другой; если первые могутъ быть взяты со стороны, въ видѣ займа, то это возможно только при наличности второго условія, каковое у сельскихъ обществъ годъ отъ году исчезаетъ *).

---

*) Вотъ таблица (взятая у г. Д. Рихтера), характеризующая увеличеніе или уменьшеніе земельныхъ владѣній участками различной величины.

Размѣръ участка:	Увелич. (+) или уменьш. (—) землевладѣнія. Крестьянск. личн. собств.	Товариц.	Купцы.
До 25 десятинъ	+ 16.171 дес.	+ 13.238 дес.	— 2.434 дес.
25—100	+ 27.143 „	+ 54.087 „	— 3.440 „
100—500	+ 62.321 „	+ 120.559 „	+ 16.517 „
500—1.000	+ 21.789 „	+ 50.954 „	+ 41.756 „
1.000 и болѣе . . .	+ 28.028 „	+ 52.059 „	+ 180.703 „

Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ то время какъ наибольшее увеличеніе купеческаго землевладѣнія происходитъ участками въ 1.000 десятинъ, предназначенными, вѣроятнѣе всего, для сдачи въ аренду,—крестьяне—личные собственники и товарищества увеличиваютъ свои земельныя владѣнія больше всего участками въ 100—500 десятинъ, предназначенными, очевидно, для веденія относительно крупнаго фермерскаго хозяйства съ наемными батраками изъ среды „ослабшихъ“—элементовъ своего же сословія.

Все вышесказанное относится къ 45 губерніямъ Европейской Россіи, но „въ общемъ выводы эти дѣйствительны и для отдѣльныхъ частей нашего отечества, для губерній и даже для уѣздовъ“,—замѣчаетъ г. Рихтеръ. Изъ всѣхъ данныхъ, собранныхъ подъ редакціей Рейнбота, именно такой выводъ и приходится дѣлать. Вотъ почему и наша губернія не можетъ представлять замѣтныхъ уклоненій, такъ что приведенныя общія соображенія примѣнимы и здѣсь. И у насъ надѣльная земля крестьянскихъ обществъ растетъ чрезвычайно медленно, между тѣмъ какъ землевладѣніе крестьянъ—личныхъ собственниковъ и крестьянскихъ товариществъ возрастаетъ далеко быстрѣе, т. е. и у насъ совершается тотъ же процессъ экономической дифференціаціи деревни, какой происходитъ въ большинствѣ другихъ мѣстностей Россіи. Это и видно хотя бы уже изъ одного того обстоятельства, что, по даннымъ Центральнаго статистическаго комитета, за десятилѣтіе 1877—87 гг. землевладѣніе крестьянскихъ обществъ увеличилось во всей Екатеринославской губерніи всего на 6,6%, между тѣмъ какъ крестьянская частновладѣльческая земля за то же десятилѣтіе увеличилась на 16,7%, т. е. почти втрое больше. Нѣтъ сомнѣнія, что этой разницѣ въ возрастаніи надѣльной и частновладѣльческой крестьянской земли предстоитъ увеличиваться съ каждымъ десятилѣтіемъ, что мы ниже отчасти и увидимъ, а теперь перейдемъ къ надѣльной землѣ крестьянскихъ обществъ.

Въ 1877 г. въ Екатеринославской губерніи насчитывалось всего 2.443.572 десятины надѣльной крестьянской земли, которая распредѣлялась по уѣздамъ слѣдующимъ образомъ;

УѢЗДЫ.	Число десят. надѣльн. крестьянск. земли:
Екатеринославскій	277.690
Александровскій	370.660
Бахмутскій	319.455
Верхнеднѣпровскій . . .	182.901
Маріупольскій	604.609
Новомосковскій	248.320
Павлоградскій	277.918
Славяносербскій	162.019

Такое неравномѣрное распредѣленіе надѣльной крестьянской земли по уѣздамъ объясняется самыми размѣрами уѣздовъ, т. е. относительной площадью земель, входящихъ въ ихъ составъ, съ одной стороны, а съ другой,—относительнымъ развитіемъ дворянскаго землевладѣнія. Такъ, напримѣръ, въ Маріупольскомъ уѣздѣ, въ которомъ пространство надѣльной крестьянской земли въ томъ году является наибольшимъ, дворяне владѣли 68% всѣхъ частновладѣльческихъ земель, между тѣмъ какъ въ Славяносербскомъ уѣздѣ на долю дворянъ приходилось въ томъ году 95,9% тѣхъ же земель. Въ Маріупольскомъ же уѣздѣ, кромѣ того, купцы владѣли въ томъ году 11,5% всѣхъ частновладѣльческихъ земель, между тѣмъ какъ въ Славяносербскомъ уѣздѣ купцамъ принадлежалъ наименьшій процентъ тѣхъ же земель, а именно 3,2%. Даже черезъ десять лѣтъ, въ 1887 г.—въ Маріупольскомъ уѣздѣ частное землевладѣніе занимаетъ всего 10,8% всѣхъ земель, между тѣмъ

какъ въ другихъ уѣздахъ оно уже занимаетъ въ пять и въ шесть разъ большее пространство.

Выражая въ процентахъ поуѣздныя количества надѣльной крестьянской земли по отношенію ко всему пространству этой земли въ губерніи, мы получимъ для 1877 г. слѣдующую табличку:

УѢЗДЫ:	% над. крест. зем. въ 1872 г.
Екатеринославскій . . .	11,4 %.
Александровскій	15,2 „
Бахмутскій	13,1 „
Верхнеднѣпровскій	7,5 „
Маріупольскій	24,8 „
Новомосковскій	10,2 „
Павлоградскій	11,4 „
Славяносербскій	6,6 „

Въ pendant къ предпосланнымъ только что замѣчаніямъ, эта табличка еще рѣзче оттѣняетъ тотъ антагонизмъ, какой существуетъ между цифрами, выражающими размѣры крестьянскаго надѣльнаго и размѣры частнаго землевладѣнія *).

А такъ какъ подавляющая масса частновладѣльческой земли въ семидесятыхъ годахъ принадлежала еще дворянамъ, то этотъ антагонизмъ особенно былъ рѣзокъ между крестьянской надѣльной и дворянской землей. Но въ дальнѣйшей мобилизаціи земельной собственности крестьянскимъ обществамъ приходится уже конкуррировать на земельномъ, такъ сказать, рынкѣ съ представителями другихъ сословій и съ крестьянами же—частными собственниками, и исходъ этой-то конкурренціи представляетъ кардинальный пунктъ, вокругъ котораго сосредоточена въ настоящее время вся борьба мнѣній о дальнѣйшемъ развитіи экономической жизни нашего крестьянства. Было бы въ высшей степени интересно опредѣлить для разсматриваемаго года средній размѣръ владѣнія одной крестьянской семьи, но, къ сожалѣнію, прямыхъ матеріаловъ для этого у насъ нѣтъ. У насъ даже не имѣются за тотъ годъ поуѣздныя количества крестьянскихъ общинъ, каковыя имѣются для 1887 года въ данныхъ „Центральнаго статистическаго комитета“, не совсѣмъ, впрочемъ, точно покрывающихъ соотвѣтственныя данныя, изданныя екатеринославской губернской земской управой. Кой-какія данныя въ этомъ смыслѣ мы можемъ почерпнуть изъ имѣющихся у насъ чрезвычайно детальныхъ изслѣдованій Славяносербсаго и Бахмутскаго уѣздовъ, изданныхъ губернской земской управой въ 1886 году.

---

*) Размѣры владѣній казны, удѣловъ и разныхъ учрежденій по отношенію къ размѣрамъ крестьянской надѣльной и частновладѣльческой землѣ на столько относительно малы, что ими при подобныхъ сопоставленіяхъ можно пренебречь. Исключеніе составляетъ Маріупольскій уѣздъ, гдѣ казна, удѣлъ и разныя учрежденія, какъ въ 1877 г., такъ и въ 1887 г., владѣли количествомъ земли почти равнымъ площади частновладѣльческой земли.

По X ревизіи 1858 г. въ Бахмутскомъ уѣздѣ числилось крестьянскихъ семействъ и наличныхъ душъ:

Разряды крестьянъ:	семействъ:	душъ:	на семью душъ:
Помѣщичьи крест.	7.626	43.074	5,5
Дворов. людей	2.872	11.048	3,8
Государств. кр.	8.120	66.726	8,2
Крестьяне однодв.	301	591	1,9
Отставн. солд. съ семьями	399	19.14	4,9
Вольн. хлѣбоп.	62	492	7,9
Поселяне горн. вѣдом.	547	3.380	6,1
Итого	19.927	127.225	6,3

Соотвѣтственныя данныя, отнесенныя къ 1884 году, даютъ:

Разряды крестьянъ:	семействъ:	душъ:	на семью душъ:
Помѣщичьи крест.	10.512	65.448	6,2
Дворовыхъ людей	893	3.223	3,6
Государств. кр.	13.908	89.516	6,4
Крестьяне однодв. Отст. солд. съ семьями	2.432	8.979	3,7
Вольныхъ хлѣбоп.	101	844	8,4
Поселяне горн. вѣдом.	899	4.996	5,6
Итого	28.745	173.006	6,0

Такимъ образомъ численный составъ крестьянской семьи за 26 лѣтъ почти не измѣнился, а вслѣдствіе большого числа постоянно отсутствующихъ элементовъ крестьянскаго населенія этотъ составъ даже понизился на 0,3 души. Но приростъ наличныхъ душъ за это время составляетъ 45.781 души, что составляетъ около 36%, т. е. по приблизительному разсчету ежегодный приростъ крестьянскаго населенія составляетъ 1,38%. Сдѣлавъ учетъ населенія отъ 1884 къ 1877 г. и раздѣливъ надѣльную землю 1877 г. на соотвѣтствовавшее тому году семей, мы получаемъ, что на каждую семью приходилось въ среднемъ 12,88 десятинъ. Въ 1884 году на семью приходилось въ среднемъ 13,65 десятины; слѣдовательно средній надѣлъ на семью увеличился за это время на 0,77 десятинъ *), что уже показываетъ увеличеніе общаго количества надѣльной земли.

Но эти теоретическія цифры весьма значительно видоизмѣняются, когда мы беремъ во вниманіе отдѣльныя группы крестьянъ. До чего эти видоизмѣненія средняго размѣра земельныхъ владѣній одной крестьянской семьи могутъ быть велики

*) Ниже мы увидимъ, однако, что динамика средняго размѣра, *исключительно* надѣльнаго владѣнія, отнесенная на наличную душу мужского пола, показываетъ при детальномъ разсмотрѣніи крестьянскихъ общинъ нѣчто совсѣмъ другое.

показываютъ средніе размѣры владѣній, какъ семьи, такъ и наличной души, въ разныхъ разрядахъ крестьянъ. Въ томъ же Бахмутскомъ уѣздѣ въ 1886 году приходилось десятинъ:

	Бывшихъ госуд.	Бывшихъ помѣщ.	Бывш. посел. горн. вѣд.
на семью	19,5	5,93	12,89
на наличн. душу м. п.	6,04	1,87	4,39

Само собой понятно, что при такихъ условіяхъ говорить о среднемъ размѣрѣ земельныхъ владѣній отеѣльной семьи или наличной души прямо невозможно, и земельная обезпеченность представителей разныхъ разрядовъ крестьянъ далеко не одинакова. Въ то время, какъ бывшіе государственные крестьяне и бывшіе поселяне горнаго вѣдомства, составлявшіе въ Бахмутскомъ уѣздѣ во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ 59% всего крестьянскаго населенія, болѣе или менѣе достаточно надѣлены землею,—бывшіе помѣщичьи крестьяне (41%) надѣлены едва половиной того минимальнаго надѣла, который необходимъ при данномъ численномъ составѣ семьи. Косвеннымъ образомъ это доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что площадь арендуемой земли у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ значительно превосходитъ площадь надѣльной, между тѣмъ какъ у первыхъ двухъ разрядовъ крестьянъ площадь арендуемой земли по своимъ размѣрамъ далеко уступаетъ площади земли надѣльной. Бывшіе помѣщичьи крестьяне арендуютъ земель почти въ четыре раза больше того количества земли, какимъ они владѣютъ, между тѣмъ какъ бывшіе государственные крестьяне и бывшіе поселяне горнаго вѣдомства арендуютъ въ среднемъ около 14,7% общаго количества земли, находящагося въ ихъ пользованіи.

Не входя въ такія же детали по отношенію къ среднему размѣру одного крестьянскаго надѣльнаго владѣнія въ Славяносербскомъ уѣздѣ, мы сообщимъ только тѣ выводы, къ которымъ приходятъ изслѣдователи этого уѣзда въ 1886 году *), имѣя при этомъ въ виду, что для разсматриваемаго нами теперь 1877 года выводы эти приходится только немного смягчить.

Со времени десятой ревизіи населеніе Славяносербскаго уѣзда возросло на 48%, вслѣдствіе чего измѣнилась и пропорція земельныхъ владѣній, а именно: „размѣръ душевого надѣла уменьшился въ общемъ по цѣлому уѣзду на 1,6 десят.“ И здѣсь наиболѣе обезпеченнымъ разрядомъ крестьянъ являются бывшіе государственные крестьяне, у которыхъ „на наличный дворъ приходится 15,2 десятины, на наличнаго работника—11,1 десят. и на наличнаго ѣдока—2,3 десятины. Наименѣе обезпечены надѣльною землею, не считая усадебниковъ, дарственные крестьяне, у которыхъ имѣется на наличный дворъ 2,1 дес., на наличнаго работника — 1,6 десят. и на наличн. ѣдока—0,3 десятины“. Не достающую землю крестьяне либо покупаютъ, либо арендуютъ, и количество фактически обрабатываемой земли этимъ путемъ увеличивается на 52%.

Само собой разумѣется, что прикупать землю или арендовать ее могутъ лишь тѣ группы крестьянскихъ обществъ, которыя этимъ путемъ могутъ обезопасить бо-

*) См. „Сборн. статист. свѣд. по Екатер. губ. Славяносерб. у. 1886 г“.

лѣе или менѣе устойчивое хозяйственное положеніе. Эти группы и дадутъ наименьшій процентъ „безхозяйственныхъ дворовъ", какъ выражаются упомянутые изслѣдователи Славяносербскаго уѣзда. Это мы и видимъ изъ слѣдующихъ данныхъ:

Разряды крестьянъ:	Колич. обработ. земли на дв.:	% безхозяйн.:
Бывшіе госуд.	18,4 дес.	5,9
Собственники	14,0 „	9,9
Дарственники	10,0 „	10,8

Въ какой степени это образованіе и наростаніе безхозяйныхъ дворовъ связано съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Славяносербскомъ уѣздѣ, какъ мы видѣли, дворянство владѣло въ семидесятыхъ годахъ максимальнымъ въ губерніи количествомъ земли,—объ этомъ можно только говорить a priori, исходя изъ того общаго положенія, что помѣщичьи крестьяне вообще оказались наименѣе надѣленнымъ землею разрядомъ крестьянъ.

Если, такимъ образомъ, въ Бахмутскомъ уѣздѣ увеличеніе площади земель, принадлежащихъ крестьянскимъ обществамъ, кое-какъ поспѣвало за ростомъ населенія, то въ Славяносербскомъ уѣздѣ это не имѣло мѣста. Но, предполагая даже, что Бахмутскій уѣздъ является типичнымъ для остальныхъ уѣздовъ, мы не можемъ не видѣть, что и внутри крестьянскихъ обществъ экономическая дифференціація уже имѣлась въ наличности, въ самомъ фактѣ существованія разныхъ разрядовъ крестьянъ, въ различной степени надѣленныхъ землею. При этомъ не должно забывать, что очень часто отдѣльныя семьи крестьянскихъ обществъ прикупаютъ земли, которыми, сверхъ надѣла, владѣютъ на правахъ частной собственности. Такъ, напримѣръ, въ томъ же Бахмутскомъ уѣздѣ 145 крестьянскихъ семействъ пріобрѣли къ 1886 году сверхъ надѣла 6.010,5 десятинъ земли, что съ прежде имѣвшимися землями этого рода составляло 9.797,2 десят.,—а это уже составляло цѣлыхъ 30% всей надѣльной земли.

Этими косвенными замѣчаніями о среднемъ размѣрѣ надѣльнаго крестьянскаго владѣнія для 1887 года мы и принуждены ограничиться, и теперь перейдемъ къ 1887 году.

Въ этомъ году крестьянскія общества Екатеринославской губерніи владѣли 2.603.402 десятинами надѣльной земли, что составляло 45,6% всей площади уѣзда. За десятилѣтіе крестьянскія общества пріобрѣли такимъ образомъ 159.830 десятинъ земли, что составляетъ увеличеніе въ 6,6%. Принимая во вниманіе, что дворянство потеряло въ томъ десятилѣтіи 448.785 десятинъ земли, мы видимъ, что 35,6% этой земельной потери дворянства наслѣдовали крестьянскія общества. Правда, можно сомнѣваться,—исключительно ли отъ дворянъ пріобрѣли крестьянскія общества эти 159.830 десятинъ, такъ какъ за то же десятилѣтіе казна и удѣлъ потеряли 1.866, а остальныя учрежденія — 10.890 десятинъ земли; но обѣ эти цифры едва даютъ одну двѣнадцатую часть всѣхъ земельныхъ пріобрѣтеній надѣльныхъ крестьянъ, такъ что по минимальному разсчету эти послѣдніе наслѣдовали всего около 33% потерянныхъ дворянствомъ земель. Львиная доля наслѣдія досталась, значитъ, частнымъ землевладѣльцамъ. Это и видно изъ того обстоятельства, что, несмотря на зе-

мельныя потери одной изъ категорій частныхъ землевладѣльцевъ, а именно — дворянъ,—само частное землевладѣніе въ общемъ увеличилось въ своихъ размѣрахъ за это десятилѣтіе на 85.031 десятину земли *).

Указанное число десятинъ крестьянской надѣльной земли распредѣлялось по уѣздамъ слѣдующимъ образомъ:

Уѣзды:	Число десят.:
Екатеринославскій	279.074
Александровскій	384.895
Бахмутскій	343.854
Верхнеднѣпровскій	201.349
Маріупольскій	652.626
Новомосковскій	271.900
Павлоградскій	289.098
Славяносербскій	180.606

Мы и здѣсь видимъ тотъ же антагонизмъ между надѣльной крестьянской и дворянской землей,— антагонизмъ, наиболѣе рѣзко выразившійся и въ этомъ году въ томъ же Маріупольскомъ уѣздѣ, на который приходится высшая цифра надѣльной крестьянской земли: дворянство въ этомъ году владѣло тамъ всего 51.065 десятинами земли, причемъ вообще частное землевладѣніе не сдѣлало тамъ за это десятилѣтіе почти никакихъ успѣховъ, въ смыслѣ расширенія занимаемой имъ площади.

Интересно, что процентное отношеніе надѣльной крестьянской земли каждаго уѣзда къ общей площади надѣльной земли въ губерніи измѣнилось очень мало, что видно изъ слѣдующей таблички:

---

*) По даннымъ Центральнаго статистическаго комитета вся частная земельная собственность въ Екатеринославской губерніи въ началѣ и въ концѣ этого десятилѣтія представлялась въ слѣдующемъ видѣ:

Годы:	Число десятинъ:
1877 г.	2.784.753 } + 85.031 десят.
1887 „	2.869.784 }

Что, между прочимъ, изъ всѣхъ категорій частныхъ землевладѣльцевъ больше всего увеличили свои земельныя владѣнія крестьяне—частные собственники и колонисты-нѣмцы,—видно изъ слѣдующей таблички:

Изъ всего простр. частн. земельн.

собств. владѣтели:	Въ 1877 г.	Въ 1887 г.
Купцы	6,3%	7,0%
Мѣщане	1,0 „	1,7 „
Крестьяне и колонисты	7,0 „	23.7 „

Уѣзды:	% отнош. къ общей площ. надѣльн. земли въ губерніи. 1877 г.	1887 г.
Екатеринославскій	11,4	10,7
Александровскій	15,2	14,8
Бахмутскій	13,1	13,2
Верхнеднѣпровскій	7,5	7,7
Маріупольскій	24,8	25,1
Новомосковскій	10,2	10,4
Павлоградскій	11,4	11,1
Славяносербскій	6,6	6,9

Но крестьянскія общества разныхъ уѣздовъ значительно отличаются другъ отъ друга какъ по абсолютной, такъ и по относительной величинѣ сдѣланныхъ ими за это десятилѣтіе земельныхъ пріобрѣтеній, что иллюстрируется слѣдующими цифрами:

Уѣзды:	Земельныя пріобрѣтенія крестьян. общ. за 1877—1887 гг. Абсолют. велич.		въ %%
Екатеринославскій	1.384	десят.	4,9
Александровскій	14.235	„	3,8
Бахмутскій	24.399	„	7,6
Верхнеднѣпровскій	18.448	„	10,1
Маріупольскій	48.017	„	7,9
Новомосковскій	23.580	„	9,5
Павлоградскій	11.180	„	4,0
Славяносербскій	18.587	„	11,5
			Въ средн. 7,41

Если мы, согласно вышесказанному, примемъ цифру средняго ежегоднаго прироста крестьянскаго населенія равною 1,38%, то за десять лѣтъ приростъ этотъ выразится въ цифрѣ 13,8%. Изъ этого ясно, что земельныя пріобрѣтенія крестьянскихъ обществъ значительно отстаютъ въ общемъ отъ прироста населенія, что, какъ мы и видѣли выше на примѣрѣ Славяносербскаго уѣзда, ведетъ къ уменьшенію средняго душевого надѣла.

Для разсматриваемаго нами года мы имѣемъ въ данныхъ Центральнаго статистическаго комитета поуѣздныя числа крестьянскихъ общинъ и можемъ, слѣдовательно, опредѣлить количество десятинъ, приходящееся въ среднемъ на одну общину. Числа эти представятся въ слѣдующемъ видѣ.

Уѣзды:	Число общинъ въ 1887 г.:	Средн. число десят. на одну общину:
Екатеринославскій	189	1.477
Александровскій	173	2.225
Бахмутскій	262	1.312

Уѣзды:	Число общинъ въ 1887 г.:	Средн. число десят. на одну общину:
Верхнеднѣпровскій. . . .	295	683
Маріупольскій	131	4.982
Новомосковскій.	181	1.502
Павлоградскій	236	1.225
Славяносербскій	205	881
Всего. .	1.672	По губ. 1.557

Такое неравномѣрное распредѣленіе земли по общинамъ, само собой разумѣется, зависитъ прежде всего отъ неодинаковости состава общинъ, въ смыслѣ количества семействъ, входящихъ въ ту или другую изъ нихъ. Но несомнѣнно большее значеніе имѣетъ тутъ качественный составъ общинъ, въ смыслѣ принадлежности ея къ тому или иному разряду крестьянъ. Мы видѣли выше, какъ различно надѣлены были крестьяне государственные, помѣщичьи и горнаго вѣдомства; немудрено поэтому, что если, съ одной стороны, встрѣчаются группы общинъ, въ которыхъ на семью приходится 0,72 десят. земли, то, съ другой стороны, встрѣчаются группы общинъ, въ которыхъ на семью приходится 22,19 десятины. Результаты такихъ различій въ размѣрахъ землевладѣнія разныхъ группъ общинъ естественнымъ образомъ должны обнаруживаться въ процентѣ безземельныхъ семей, имѣющихся въ наличности въ той или другой группѣ общинъ. Такъ, мы видимъ, что въ группѣ общинъ, гдѣ на семью приходится 0,72 десятины, процентъ безземельныхъ составляетъ 51%, между тѣмъ какъ въ группахъ общинъ, гдѣ на семью приходится 22,19 десятины,— этотъ процентъ понижается до 12%, т. е. онъ въ четыре съ лишнимъ раза меньше. Въ первыхъ общинахъ на 189 семей приходится 92 семьи, дѣйствительно пользующихся полевой землей, и 97 семей, не пользующихся ею; а во вторыхъ общинахъ изъ 4.046 семей дѣйствительно пользуются землей 3.566 семей, а не пользуются ею всего 480 семей.

Эти данныя относятся къ Бахмутскому уѣзду и къ 1886 году, т. е. къ самому концу разсматриваемаго нами десятилѣтія. Мы уже сказали выше, что у насъ не имѣется данныхъ, чтобы судить о среднихъ размѣрахъ надѣльнаго крестьянскаго землевладѣнія во всѣхъ уѣздахъ, а есть только детальныя изслѣдованія Бахмутскаго и Славяносербскаго уѣздовъ, относящіяся къ 1885—1886 гг. Посмотримъ же, на какія экономическія группы распредѣлялись общины этихъ уѣздовъ, которыхъ, какъ значится въ данныхъ Центральнаго статистическаго комитета, въ Бахмутскомъ уѣздѣ насчитывалось 262, а въ Славяносербскомъ — 205 *). Группы эти распредѣлены для Бахмутскаго уѣзда по количеству десятинъ земли, приходящихся на одного работника, и имѣется всего одна община, состоящая изъ 9-ти семей при 50-ти душахъ обоего пола, члены которой выкупили лишь усадебную землю (меньше 1/2 десятины). Само собой разумѣется, что всѣ девять семей совершенно не поль-

*) Въ матеріалахъ земскихъ эти числа суть: 257 и 207. Объяснить эту разницу тѣмъ, что первыя данныя относятся къ 1887, а вторыя къ 1885—86 гг., нѣтъ никакого основанія.

зуются землей и значатся въ числѣ „безхозяйныхъ“. Остальныя общины распредѣляются по слѣдующимъ группамъ (детальныя распредѣленія самихъ группъ мы опускаемъ):

Получившія на 1 работника:	Общинъ.	Семей.	Душъ об. пола.	На семью десятинъ.	Семей, пользующ. землей.	Семей, не пользующ. землей.	Процентъ беззем. семей.
1) отъ $^1/_2$ до 1 десятины	5	189	1.038	0,72	92	97	51
2) „ 1 „ $1^1/_2$ „	26	912	5.749	1,74	674	238	26
3) „ $1^1/_2$ „ 2 „	28	1.158	6.984	2,04	826	332	29
4) „ 2 „ $2^1/_2$ „	15	588	3.598	2,87	525	63	11
5) „ $2^1/_2$ „ 3 „	14	833	5.215	3,52	744	89	11
6) „ 3 „ $3^1/_2$ „	9	416	2.644	4,01	349	67	16
7) „ $3^1/_2$ „ 4 „	13	721	4.707	4,92	639	82	11
8) „ 4 „ 5 „	29	1.118	7.197	6,40	1.053	65	6
9) „ 5 „ 6 „	47	2.180	13.583	7,03	2.028	152	7
10) „ 6 „ 7 „	26	1.967	12.034	8,01	1.836	131	7
11) „ 7 „ 8 „	8	540	3.365	9,67	517	23	4
12) „ 8 „ 9 „	1	102	568	10,65	99	3	3
13) „ 9 „ 13 „	11	3.477	20.812	14,35	3.040	437	13
14) „ 13 „ 16 „	16	6.991	45.427	20,20	6.071	920	13
15) „ 16 и свыше „	8	4.046	26.677	22,19	3.566	480	12

Разсматривая эту таблицу, мы видимъ, что наиболѣе благопріятно обставлены тѣ группы общинъ, въ которыхъ на одного работника приходится отъ 7 до 9 десятинъ: по крайней мѣрѣ, онѣ даютъ наименьшій процентъ безземельныхъ семей (3% — 4%). Отклоняясь въ ту и другую сторону отъ этого разряда общинъ, мы сталкиваемся уже съ увеличеніемъ числа безземельныхъ семей. Но общинъ, гдѣ этихъ послѣднихъ имѣется въ наименьшемъ количествѣ, всего девять, при общемъ числѣ душъ въ 3.933; а общинъ, дающихъ maximum безземельныхъ, имѣется 59, при общемъ числѣ душъ въ 13.771. Если мы примемъ границею 13-ю группу, то получимъ 10.724 семьи, при наличномъ числѣ душъ въ 66.682, гдѣ земельный надѣлъ колеблется отъ „нищенскаго“ до 10,65 десятины на семью, и 14.514 семей, при наличномъ числѣ душъ въ 92.916, гдѣ земельный надѣлъ колеблется отъ 14,35 до 22,19 десятины на семью, т. е. въ общемъ только 58,2% населенія крестьянскихъ обществъ Бахмутскаго уѣзда живетъ при условіяхъ полной земельной обезпеченности.

Чтобы закончить характеристику среднихъ размѣровъ землевладѣнія въ крестьянскихъ обществахъ Бахмутскаго уѣзда въ разсматриваемое нами десятилѣтіе, приведемъ еще тѣ слова изслѣдователей этого уѣзда, которыми характеризуется динамика этихъ среднихъ размѣровъ: „Въ громадномъ большинствѣ (77%) общинъ, получившихъ дарственный четвертной надѣлъ, т. е. по 1 десятинѣ на душу, теперь

приходится уже на наличную душу мужского пола всего только отъ $^1/_3$ до $^2/_3$ десятины; получившихъ на выкупъ $^1/_3$ надѣла, или $1^1/_3$ десят.— отъ $^2/_3$ до 1 десят., а половину надѣла, т. е. 2 десят.— отъ $^3/_4$ до $1^1/_4$ десят. Также большинство крестьянъ, получившихъ полный четырехъ-десятинный надѣлъ, въ настоящее время имѣютъ только 1—$2^1/_2$ десят. на наличную душу; есть даже общины, имѣющія менѣе 1 десятины на душу. Подобное измѣненіе, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, произошло и въ общинахъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ и поселянъ горнаго вѣдомства. Въ общинахъ, получившихъ однѣ усадьбы, безъ полевого надѣла, размѣръ усадебныхъ угодій, по разсчету на наличную душу муж. пола, сократился на половину" *).

Перейдемъ теперь къ даннымъ, характеризующимъ средній размѣръ надѣльной земли въ Славяносербскомъ уѣздѣ, въ которомъ, какъ мы говорили, числилось въ 1886 году 207 общинъ. Мы уже привели выше кой-какія данныя, характеризующія средній размѣръ надѣльной земли въ этомъ уѣздѣ за тотъ же годъ, а теперь приведемъ болѣе детальную таблицу. Раздѣливъ крестьянъ на два главныхъ разряда — б. помѣщичьихъ и б. государственныхъ, изслѣдователи этого уѣзда получили слѣдующія группы:

Бывшіе помѣщичьи крестьяне.

Надѣлъ:		Общинъ:	Душъ м. п.:	На налич. душу десятинъ:
Менѣе одной	десятины	9	468	0,1
1—2	„	29	3.966	0,6
2—3	„	8	2.300	1,4
3—4	„	17	3.963	2,3
4—5	„	127	18.754	2,4
13.3	„	1	56	6,9
	Всего	191	29.507	въ средн. 2

Бывшіе государственные крестьяне.

Надѣлъ:	Общинъ:	Душъ м. п.:	На налич. душу десят.:
4—5 десят.	1	2.171	3,4
5—6 „	6	8.053	4,1
6—7 „	4	4.905	4,2
7—8 „	5	7.217	5,5
	16	22.346	4,5

*) Эти данныя, повидимому, противорѣчатъ тому чисто теоретическому выводу, къ которому мы пришли выше относительно Бахмутскаго уѣзда,— а именно, что съ 1877 до 1884 г. средній размѣръ надѣла на семью увеличился на 0,77 десятины. Но дѣло въ томъ, что здѣсь берется во вниманіе динамика *исключительно* надѣльной земли, полученной при крестьянской реформѣ, между тѣмъ какъ тамъ взята во вниманіе и земля, прикупленная многими общинниками на правахъ частной собственности.

Мы видимъ, такимъ образомъ, и здѣсь большое разнообразіе въ размѣрахъ земельныхъ владѣній,— разнообразіе, которое въ предѣлахъ одной и той же группы помѣщичьихъ крестьянъ простирается отъ „нищенскаго“ надѣла до 6,9 десятины на наличную душу. Крестьяне государственные представляютъ далеко болѣе равномѣрно надѣленную группу, вслѣдствіе чего у нихъ и процентъ безземельныхъ простирается всего до 8,3%, между тѣмъ какъ, напримѣръ, у крестьянъ помѣщичьихъ, перешедшихъ на однѣ усадьбы, этотъ процентъ доходитъ до 99,3%. При такомъ разнообразіи трудно придавать какое-либо значеніе тѣмъ среднимъ, которыя получаются по уѣзду, если соединить обѣ главныхъ группы крестьянъ въ одну: за такой полученной средней не скрывается никакого конкретнаго содержанія, если не освѣщать ея болѣе детальными разъясненіями. Поэтому для насъ въ данномъ случаѣ не имѣетъ почти никакого значенія цифра 3,1 десятины, которая получается для Славяносербскаго уѣзда въ 1886 г. въ качествѣ средняго по уѣзду размѣра надѣльнаго владѣнія на одну наличную душу. Далеко важнѣе и даже единственно важными являются тѣ детальныя данныя, которыя мы, по мѣрѣ возможности, предпослали этой средней. А эти данныя, кажется, достаточно показываютъ тотъ основной фактъ, что въ средѣ крестьянскихъ обществъ, владѣющихъ землей на общинномъ началѣ, несомнѣнно существуетъ та экономическая дифференціація, о которой мы говорили, когда только приступили къ разсмотрѣнію надѣльнаго крестьянскаго землевладѣнія. Мы можемъ только пожалѣть, что принуждены были ограничиться двумя уѣздами, не имѣя въ рукахъ такихъ же изслѣдованій другихъ уѣздовъ за тотъ же годъ.

Перейдемъ теперь къ 1897 году.

По даннымъ губернскаго земства крестьянскія общества владѣли въ этомъ году 2.678.900 десят. земли, при общемъ количествѣ земли въ губерніи, равномъ 5.663.500 десятинъ. Такимъ образомъ крестьянскимъ обществамъ принадлежало въ томъ году около 47,3% всѣхъ земель. Мы видѣли, что въ 1887 г. имъ принадлежало 2.603.402 десят. земли, слѣдовательно, абсолютный приростъ земли за десятилѣтіе составлялъ 75.498 десятинъ, что составляетъ около 2,9%. Сравнительно съ земельнымъ приростомъ за прошлое десятилѣтіе (6,6%) этотъ новый приростъ въ 2,3 раза меньше,— и, надо думать, что онъ вѣрнѣе, чѣмъ первый, характеризуетъ ходъ земельныхъ пріобрѣтеній крестьянскихъ обществъ: мы не должны забывать, что тогда крестьянскій банкъ только началъ производить свои операціи и проявлялъ, несомнѣнно, далеко бо̀льшую энергію, чѣмъ въ слѣдующемъ десятилѣтіи *). Если мы по-прежнему примемъ цифру ежегоднаго прироста кре-

*) За время функціонированія крестьянскаго банка крестьянскими обществами нашей губерніи при его содѣйствіи пріобрѣтено было 97 тысячъ десятинъ земли; крестьянскія товарищества и отдѣльные крестьяне—частные собственники при его же посредствѣ пріобрѣли въ общей сложности 73,211 десят. Что это было результатомъ лишь начальнаго періода дѣятельности крестьянскаго банка, видно изъ того, что уже въ началѣ девяностыхъ годовъ крестьянскій банкъ уже болѣе занятъ былъ продажею купленныхъ при его посредствѣ земель, чѣмъ пріобрѣтеніемъ новыхъ.

стьянскаго населенія въ 1,38%, то за десять лѣтъ приростъ этотъ опять даетъ 13,8%. Но эта цифра прироста населенія взята изъ данныхъ Славяносербскаго уѣзда, гдѣ населеніе крестьянскихъ обществъ относительно лучше обставлено въ экономическомъ отношеніи, чѣмъ, напримѣръ, въ Новомосковскомъ уѣздѣ; мы поэтому уменьшимъ общій приростъ крестьянскаго населенія въ губерніи на 3,8%, допуская, что приростъ составляетъ только 1 процентъ въ годъ. Тогда за десятилѣтіе 1887—97 гг. приростъ земельныхъ владѣній крестьянскихъ обществъ подвигался въ 3, 4 раза медленнѣе, чѣмъ приростъ населенія. Т. е. за это десятилѣтіе земельное обезпеченіе членовъ крестьянскихъ обществъ еще болѣе отстало отъ роста населенія, чѣмъ за предыдущее десятилѣтіе. Само собой разумѣется, что въ разныхъ разрядахъ крестьянъ этотъ общій результатъ долженъ былъ обнаружиться не въ одинаковой степени, что видно было бы, напримѣръ, по числу ликвидированныхъ хозяйствъ въ томъ или другомъ разрядѣ ихъ; къ сожалѣнію, такихъ данныхъ у насъ не имѣется.

Указанное количество земли крестьянскихъ обществъ распредѣлялось по уѣздамъ слѣдующимъ образомъ:

Уѣзды:	Число десят. над. земли въ 1897 г.:	Въ % ко всей площади над. зем. въ губ.:
Екатеринославскій	284.200	10,6
Александровскій.	390.700	14,6
Бахмутскій	340.000	12,7
Верхнеднѣпровскій	208.100	7,8
Маріупольскій	680.900	25,4
Новомосковскій	269.600	10,1
Павлоградскій	290.700	10,9
Славяносербскій.	214.700	8,0
Итого. .	2.678.900	

По сравненію съ 1887 г. земельныя пріобрѣтенія и потери крестьянскихъ обществъ въ разныхъ уѣздахъ выразятся въ слѣдующихъ абсолютныхъ и относительныхъ величинахъ (ко всей площади надѣльн. земли въ губерніи):

Уѣзды:	Увелич. (+) или уменьш. (—) въ абсолют. велич.:		Увелич. (+) или ум. (—) въ %% ко всей площ. над. земли въ губ.:
Екатеринославскій	+ 5.126	десятинъ	—0,1
Александровскій	+ 5.805	„	—0,2
Бахмутскій	— 3.854	„	—0,5
Верхнеднѣпровскій	+ 6.751	„	+0,1
Маріупольскій	+28.274	„	+0,3
Новомосковскій	— 2.300	„	—0,3
Павлоградскій	+ 1.602	„	—0,2
Славяносербскій	+34.094	„	+1,1

Мы видимъ, такимъ образомъ, что абсолютный приростъ земельныхъ владѣній въ трехъ уѣздахъ—Екатеринославскомъ, Александровскомъ и Павлоградскомъ сопровождался относительной потерей ко всей площади земель крестьянскихъ обществъ въ губерніи; это значитъ, что приростъ этотъ въ означенныхъ трехъ уѣздахъ не поспѣвалъ за общимъ приростомъ этихъ земель въ губерніи, который главной своей массой выпалъ на долю крестьянскихъ обществъ Маріупольскаго и Славяносербскаго уѣздовъ. Это послѣднее обстоятельство станетъ понятнымъ, если мы припомнимъ, что на эти два уѣзда падаютъ максимальныя потери дворянскаго землевладѣнія за то же десятилѣтіе. Но максимальныя потери дворянской земли за десятилѣтіе 1887—97 гг. падаютъ и на Бахмутскій уѣздъ, а между тѣмъ крестьянскія общества этого уѣзда не только не пріобрѣли ничего, но еще потеряли 3.854 десятины. Крестьяне—частные собственники также пріобрѣли въ этомъ уѣздѣ сравнительно мало земли за это десятилѣтіе,—и уже изъ этихъ отрицательныхъ фактовъ можно a priori сказать, что главными покупателями на земельномъ рынкѣ были въ это время нѣмцы-колонисты.

Это и подтверждается тѣми детальными изслѣдованіями Бахмутскаго уѣзда, о которыхъ мы уже не разъ упоминали. Для насъ, впрочемъ, въ данномъ случаѣ, не важно знать, кто именно является конкуррентомъ крестьянскихъ обществъ при пріобрѣтеніи земель на земельномъ рынкѣ,—важно то, что показывается послѣдней приведенной нами табличкой, а именно, что въ цѣлыхъ пяти уѣздахъ крестьянскія общества за разсматриваемое нами десятилѣтіе понесли относительныя потери земли противъ прошлаго десятилѣтія, что доказываетъ дальнѣйшее пониженіе степени земельнаго обезпеченія этихъ обществъ. Ясно, что вмѣстѣ съ такимъ пониженіемъ должно возрастать число членовъ крестьянскихъ обществъ, выбрасываемыхъ за бортъ тѣхъ минимальныхъ условій, при которыхъ возможно веденіе кой-какого хозяйства; эти выбрасываемые за бортъ хозяйственной самостоятельности крестьяне и поглощаются почти цѣликомъ сильно развивающеюся крупной промышленностью нашей губерніи, иллюстрированіе чего, впрочемъ, выходитъ изъ предѣловъ нашей задачи.

По даннымъ губернскаго земства, въ 1897 г. въ Екатеринославской губерніи числилось 1.684 крестьянскихъ общества. По уѣздамъ число это распредѣлялось слѣдующимъ образомъ (мы тутъ же приведемъ и количество десятинъ земли, приходящееся на 1 общество для каждаго уѣзда):

Уѣзды.	Число крестьян. общ. въ 1897 г.:	Средн. число десят. на 1 крестьян. общ.
Екатеринославскій . . .	191	1.488
Александровскій. . . .	172	2.271
Бахмутскій.	272	1.250
Верхнеднѣпровскій. . .	278	749
Маріупольскій	155	4.393
Новомосковскій	193	1.397
Павлоградскій	243	1.196
Славяносербскій . . .	180	1.193
Всего . . .	1.684	

Мы и здѣсь видимъ то же неравномѣрное распредѣленіе земли по общинамъ, какое мы видѣли въ 1887 г. Несомнѣнно, что и здѣсь причиной этой неравномѣрности является не только количественный составъ той или иной общины, но и качественный ея составъ,—смотря по разряду крестьянъ, входящихъ въ ея составъ. Но за десять лѣтъ произошла перемѣна: въ четырехъ уѣздахъ изъ восьми количество земли, приходящееся въ среднемъ на одну общину, уменьшилось, а въ четырехъ другихъ—увеличилось.

Приведенныя нами цифры, выражающія количества десятинъ земли, приходящихся на одну общину въ разныхъ уѣздахъ, суть только теоретическія среднія, за которыми часто скрываются очень огромныя различія, въ смыслѣ степени земельнаго обезпеченія разныхъ разрядовъ общинъ въ одномъ и томъ же уѣздѣ. Это мы видѣли выше, на примѣрѣ Бахмутскаго и Славяносербскаго уѣздовъ, и теперь мы можемъ только привести слова изслѣдователей этихъ уѣздовъ,—слова, въ которыхъ резюмируются результаты такихъ различій: „Прибыль населенія въ разныхъ разрядахъ общинъ за данный періодъ времени оказалась весьма различной, причемъ въ общинахъ, получившихъ не полный надѣлъ, прибыль эта несравненно ниже, нежели въ общинахъ съ полнымъ надѣломъ; не имѣя достаточно своей надѣльной земли, крестьяне вынуждены арендовать извѣстное количество угодій на сторонѣ, причемъ общины, бѣднѣе надѣленныя землею, арендуютъ въ нѣсколько разъ больше, нежели достаточно надѣленныя; безземелье свило себѣ гнѣздо опять таки главнымъ образомъ въ малоземельныхъ общинахъ, въ которыхъ процентъ безземельныхъ въ нѣсколько разъ выше, нежели въ общинахъ сравнительно многоземельныхъ; формы и условія землепользованія менѣе совершенны также въ общинахъ малоземельныхъ, урожайность наиболѣе выпаханныхъ полей малоземельныхъ крестьянъ ниже урожайности полей сравнительно многоземельныхъ крестьянъ; слабосильныхъ семей (безъ рабочихъ или съ однимъ работникомъ) снова пропорціонально больше въ разрядѣ малоземельныхъ общинъ, какъ равно и скотоводство, необходимое при земледѣльческихъ хозяйствахъ, въ этомъ разрядѣ крестьянъ менѣе развито, чѣмъ въ разрядѣ сравнительно многоземельныхъ, а вслѣдствіе этого и размѣръ запашки первыхъ ниже, нежели послѣднихъ“. Что такія различія экономическія ведутъ за собою различія культурныя,—объ этомъ мы можемъ тутъ только напомнить. Въ свою очередь и община не есть нѣчто однородное, а состоитъ изъ опредѣленнаго числа основныхъ, такъ сказать, ячеекъ—крестьянскихъ дворовъ, тоже различающихся между собою по размѣрамъ полученнаго душевого надѣла. Такъ, напримѣръ, въ томъ же Бахмутскомъ уѣздѣ наблюдались въ одной и той же общинѣ отъ 3 до 14 группъ домохозяевъ, имѣвшихъ въ своемъ пользованіи разныя количества полевой земли. До чего эти различія въ земельномъ обезпеченіи разныхъ дворовъ могутъ доходить, видно изъ того, что въ одной и той же общинѣ существуютъ, съ одной стороны, дворы, владѣющіе однимъ полунадѣломъ, а съ другой,—дворы, владѣющіе семью полными надѣлами, причемъ и самые полевые надѣлы колеблются отъ 0,21 до 3,75 десятины у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, и отъ 2,6 до 6,1 десят. у бывшихъ государственныхъ крестьянъ и у бывшихъ поселянъ горнаго вѣдомства. Естественно, что средняя цифра, выражающая коли-

чество надѣльной земли, приходящейся на одинъ крестьянскій дворъ въ томъ или иномъ уѣздѣ, не можетъ имѣть значенія конкретнаго выраженія дѣйствительно существующихъ отношеній; она есть только выраженіе того *относительнаго* земельнаго обезпеченія крестьянскаго двора, какое существуетъ въ разныхъ уѣздахъ,— и для разсматриваемаго нами 1897 г. мы изъ данныхъ „Статистико-экономическаго обзора Екатеринославской губерніи“ можемъ составить слѣдующую таблицу:

Уѣзды:	Число дворовъ:	Приходится земли на одинъ дворъ:
Екатеринославскій	27.937	10,2
Александровскій	30.678	12,7
Бахмутскій	31.203	10,9
Верхнеднѣпровскій	28.115	7,4
Маріупольскій	28.459	23,9
Новомосковскій	37.924	7,1
Павлоградскій	32.243	9,0
Славяносербскій	19.839	10,8

Не говоря намъ ничего о конкретномъ распредѣленіи земли между разными разрядами дворовъ, въ предѣлахъ одного и того же уѣзда, эта табличка довольно вѣрно выражаетъ *относительное* земельное обезпеченіе крестьянскаго двора въ разныхъ уѣздахъ, подтверждая, такимъ образомъ, другія данныя по тому же вопросу. Этотъ послѣдній будетъ освѣщенъ детальнымъ образомъ только съ выходомъ въ свѣтъ результатовъ подворнаго изслѣдованія отдѣльныхъ уѣздовъ.

За два десятилѣтія (1877—87—97 гг.) крестьянскія общества пріобрѣли такимъ образомъ 235.328 десятинъ земли, что составляетъ увеличеніе на 9,6%, беря за исходный пунктъ надѣльную землю въ 1877 г. Распредѣляя этотъ приростъ земельныхъ владѣній крестьянскихъ обществъ по уѣздамъ, мы получимъ слѣдующую таблицу, выражающую абсолютныя и относительныя пріобрѣтенія каждаго уѣзда:

Уѣзды:	Абсолют. увел.:	Въ %%:
Екатеринославскій . . .	6.510 десят.	2,3
Александровскій.	20.040 „	5,4
Бахмутскій.	20.545 „	6,4
Верхнеднѣпровскій. . . .	25.199 „	13,8
Маріупольскій.	76.291 „	12,6
Новомосковскій	21.280 „	8,6
Павлоградскій	12.782 „	4,6
Славяносербскій	52.681 „	32,5
Всего. .	235.328 десят.	по губ. 9,6

Принимая и здѣсь ежегодный приростъ населенія крестьянскихъ обществъ всего лишь въ 1%, а за среднюю земельнаго прироста—не цифру 9,6%, полученную изъ отношенія всего земельнаго прироста къ количеству земли за 1877 г.,

а среднюю, получающуюся изъ только что приведенной таблицы, т. е. 10,8%,— мы получимъ, что населеніе росло по меньшей мѣрѣ почти вдвое быстрѣе, чѣмъ пріобрѣтаемая для него земля; т. е. мы при теоретической сводкѣ и распредѣленіи данныхъ получаемъ въ общемъ тотъ же выводъ, какой мы принуждены были дѣлать при разсмотрѣніи мобилизаціи надѣльной земли по отдѣльнымъ десятилѣтіямъ. Само собой разумѣется, что крестьянскія общества принуждены прибѣгать къ арендѣ земель, высота которой къ началу девяностыхъ годовъ до того уже повысилась, что почти всѣ болѣе или менѣе крупныя частныя хозяйства находятъ болѣе выгоднымъ сдавать земли въ аренду, чѣмъ вести хозяйство самостоятельно, на свой страхъ и рискъ. Понятно, что при такой арендной платѣ за землю можетъ работать на ней только обезземелившійся крестьянинъ, который готовъ довольствоваться ничтожной заработной платой въ своемъ собственномъ хозяйствѣ, при которомъ онъ, собственно, состоитъ въ качествѣ дурно оплачиваемаго батрака. Фактъ этотъ до того общеизвѣстенъ, что говорить о немъ болѣе подробно нѣтъ никакой надобности. Скажемъ только, что больше всего арендуется земель тамъ, гдѣ густота населенія и малоземелье достигаютъ максимума и гдѣ, слѣдовательно, арендныя цѣны максимальныя *).

У насъ нѣтъ подъ рукой данныхъ о высотѣ арендныхъ цѣнъ въ 1887 году, но зато мы имѣемъ въ таблицахъ Центральнаго статистическаго комитета данныя о количествѣ частновладѣльческихъ земель, сдававшихся въ томъ году въ аренду, и сдававшихся, какъ видно изъ тѣхъ же таблицъ, крестьянамъ. Оказывается, что въ этомъ году изъ 2.869.784 десятинъ частновладѣльческой земли сдавалось въ аренду 732.608 десят., что составляетъ 25,5%. Наибольшее количество сдаваемой въ аренду земли и въ томъ году, какъ и въ 1897 г., приходилось на Екатеринославскій, а наименьшее—на Славяносербскій уѣздъ, если не считать Маріупольскій уѣздъ, гдѣ дворянскихъ и вообще частновладѣльческихъ земель относительно очень мало. Очевидно, что мы тутъ имѣемъ дѣло не съ случайными условіями, мѣняющимися изъ году въ годъ, изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе, а съ коренными условіями, выросшими на почвѣ тѣхъ различій въ земельномъ обезпеченіи разныхъ разрядовъ крестьянъ, которыя съ самой крестьянской реформы характеризовали въ этомъ отношеніи различные уѣзды нашей губерніи. Въ тѣхъ уѣздахъ и частяхъ уѣздовъ, гдѣ до реформы преобладало помѣщичье хозяйство, крестьяне оказались слишкомъ мало обезпеченными въ смыслѣ земельнаго надѣла, чтобы не прибѣгать къ арендѣ земель вскорѣ же послѣ реформы: вмѣстѣ съ этимъ возрастали и арендныя цѣны на земли.

На этомъ мы и закончимъ нашу работу, сдѣлавъ только прибавленіе, относящееся къ моменту развязки крѣпостныхъ отношеній въ нашей губерніи.

Изъ данныхъ, имѣющихся въ архивѣ губернскаго дворянскаго собранія, видно, что изъ 2.882.453 десятинъ земли, бывшихъ во владѣніи дворянъ до 1861 года, выдѣлено было 336.236 десятинъ, что составляетъ около 11,7%. Эта выдѣленная земля распредѣлялась по уѣздамъ слѣдующимъ образомъ:

---

*) См. „Статист.-эконом. обзоръ Екатер. губ. за 1897 г.“

Уѣзды:	Выдѣлено крест. въ 1861 г.:
Екатеринославскій . . .	30.914 десятинъ.
Верхнеднѣпровскій. . .	46.150 „
Новомосковскій . . .	43.284 „
Павлоградскій	60.709 „
Бахмутскій	62.907 „
Славяносербскій. . . .	66.846 „
Александровскій. Маріупольскій. . .	25.426 „

Мы видѣли, что крестьянскія общества за 20 лѣтъ увеличили свои надѣльныя земли въ лучшемъ случаѣ на 10,8%, что даетъ ежегодный земельный приростъ 0,54%. Допуская даже, что до 1877 года этотъ ежегодный земельный приростъ доходилъ до 1%, мы получимъ, что съ 1861 до 1877 гг. крестьянскія общества увеличили свои надѣльныя владѣнія на 16%. Если мы теперь сдѣлаемъ учетъ этихъ пріобрѣтеній отъ 1877 къ 1861 году, то получимъ, что крестьянскія общества нашей губерніи владѣли въ 1861 году 2.052.600 десятинами надѣльной земли, т. е. помѣщичьи крестьяне въ моментъ, послѣдовавшій за крестьянской реформой, владѣли всего 16,4% всего количества надѣльной земли крестьянскихъ обществъ; на ихъ долю приходилось тогда нѣсколько *меньше одной шестой части* всей надѣльной земли. Остальныя пять шестыхъ распредѣлились, главнымъ образомъ, между крестьянами государственными и крестьянами горнаго вѣдомства. Отсюда, очевидно, и вытекаетъ громадная разница въ земельномъ обезпеченіи крестьянскаго двора бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, съ одной стороны, и бывшихъ крестьянъ государственныхъ и горнаго вѣдомства, съ другой стороны, которую мы отмѣтили выше. И мы здѣсь еще разъ убѣждаемся въ томъ, что экономическая дифференціація крестьянскаго сословія, прогрессируя съ общей эволюціей нашей экономической жизни, отчасти имѣетъ своимъ исходнымъ пунктомъ, первоначальнымъ, такъ сказать, корнемъ ту экономическую дифференціацію, которая уже имѣлась въ наличности, въ формѣ „разрядовъ“ крестьянъ. Этому положенію вещей въ средѣ самихъ крестьянскихъ обществъ соотвѣтствуетъ болѣе яркій процессъ выдѣленія разряда экономически сильныхъ крестьянъ,—частныхъ собственниковъ, уже совершенно не имѣющихъ ничего общаго съ „рядовымъ пахаремъ“, кромѣ развѣ принадлежности къ одному сословію. Это и есть классъ „хозяйственныхъ мужичковъ“, представителями которой въ нашей губерніи служатъ, между прочимъ, нѣмцы-колонисты. Съ точки зрѣнія основного различія, какъ статистическаго, такъ и динамическаго, между землевладѣніемъ крестьянскихъ обществъ и дифференцировавшагося класса хозяйственныхъ мужичковъ, національный элементъ можетъ меньше всего имѣть какое-либо значеніе.

М. Гельротъ.

Семидесятые годы.

Статья шестая.

Роль личности въ исторіи.—Кающійся дворянинъ г. Михайловскаго.

III.

Личность, индивидъ хочетъ счастья и справедливости. Хотѣть того и другого такъ же просто и естественно, какъ хотѣть пищи и воздуха. Но еще вопросъ и при этомъ очень большой вопросъ, насколько исторія и общественная эволюція сообразуются съ такимъ законнѣйшимъ желаніемъ. Въ настоящее время можно сказать, что пока не сообразовались, въ утѣшеніе же можно прибавить, что будутъ сообразоваться, хотя и неизвѣстно когда. Съ этой точки зрѣнія жизнь человѣчества представляетъ изъ себя тяжелую драму, постоянный обманъ, постоянную погоню за призраками, надежды ежеминутно возникающія, чтобы тотчасъ же умереть. Сколько ужъ тысячъ, а вѣрнѣе, десятковъ и сотенъ тысячъ разъ огненные столпы являлись въ пустынѣ, и за ними шли усталые люди, но эти столпы гасли и усталые люди оказывались въ прежней тьмѣ.

Съ этой точки зрѣнія исторія мысли семидесятыхъ годовъ очень поучительна. Это тоже угасаніе столпа, который одно время свѣтилъ такъ ярко и сильно, что „прекрасное будущее", какъ въ яркій солнечный день, освѣщалось свѣтомъ его. Интеллигенція вѣрила въ себя и вѣрила въ народъ, въ мужика, котораго не знала, но чей образъ представлялся во всей доступной человѣку красотѣ и привлекательности. На этой вѣрѣ строились надежды и возводились упованія, и, конечно, прогрессъ, какъ общее счастье и общая обезпеченность, былъ тѣмъ фетишемъ, заподозрѣть божественное происхожденіе котораго никто не рѣшался. Интеллигенція была слаба, малочисленна, почти безъ средствъ къ существованію; ряды ея преимущественно наполнялись дѣтьми разорившихся помѣщиковъ, спѣшившихъ разбросать послѣднія крохи, такъ какъ интеллигенція ни въ чемъ не искала себѣ опоры, да и не хотѣла искать ея, какъ въ чтеніи умныхъ книжекъ и своей критической мысли. Совершенно естественно, что такія прекрасныя, геніальныя, но слишкомъ холодныя и безстрастныя теоріи общественнаго развитія, какъ теорія Спенсера, напр., счита-

лись чуть ли не личными врагами, и одинъ изъ самыхъ чуткихъ людей своего времени, г. Михайловскій, употребилъ и весь свой большой талантъ, и все свое не малое остроуміе, чтобы развѣнчать англійскаго философа въ глазахъ русской публики и чуть ли даже не свести его на нѣтъ. Вѣдь Спенсеръ ровно ничего не говоритъ о величіи критической мысли, не признаетъ героевъ, не упоминаетъ о „крови, слезахъ и страданіяхъ" людей, т. е. о „цѣнѣ прогресса", изслѣдуетъ ходъ развитія, за которымъ предвидитъ одинаково необходимое и общее разрушеніе,—и ослабить его авторитетъ представлялось для своего времени дѣломъ большимъ, значительнымъ и труднымъ. Оно—это дѣло было велико и значительно, потому что вмѣсто формулы Спенсера: „*мы не дѣлаемъ исторіи*" надо было поставить другую: „*мы дѣлаемъ исторію и должны дѣлать ее*"; оно было трудно потому, что за Спенсеромъ стояли европейскіе авторитеты, а къ нему самому, какъ прежде всего естествоиспытателю, невольно склонялись симпатіи русскихъ читателей, еще помнившихъ недавнее увлеченіе естественными науками и Боклемъ—тоже совершенно равнодушнымъ къ судьбѣ отдѣльныхъ людей.

Непріязнь къ Спенсеру—одинъ изъ интереснѣйшихъ фактовъ эпохи...

Съ точки зрѣнія того времени Спенсеръ высказывалъ во-истину еретическія мысли, и, если г. Михайловскій не правъ въ своихъ опроверженіяхъ его теоріи, то онъ совершенно правъ, утверждая, что для насъ, людей семидесятыхъ годовъ, призванныхъ устроить благополучіе Россіи и человѣчества, обезпечить труду завтрашній день и счастье, защитить этотъ трудъ отъ произвола и капитала,—такая теорія не годится и мы не принимаемъ ея потому, что она идетъ противъ нашей вѣры и нашего настроенія. Поэтому-то онъ и долженъ былъ разойтись со Спенсеромъ съ самаго же начала, а его собственное ученіе очень часто представляетъ изъ себя „совсѣмъ наоборотъ" ученіе Спенсера. Возьму два-три примѣра.

Особенно это видно изъ вопроса о методѣ въ соціологіи. Вотъ что говоритъ по этому поводу Спенсеръ: „Въ то время, какъ мысли остаются тѣми же самыми, связанное съ ними душевное настроеніе можетъ усилиться и ослабѣть, и *всѣмъ извѣстно, что правильность принимаемаго рѣшенія зависитъ если не отъ совершеннаго отсутствія всякой эмоціи*, то отъ того равновѣсія между эмоціями, которое не допускаетъ чрезмѣрныхъ колебаній въ ту или другую сторону". „Это въ особенности справедливо по отношенію къ вопросамъ, касающимся человѣческой жизни. Индивидуальныя и соціальныя дѣйствія людей можно обсуждать двоякимъ образомъ. Мы можемъ разсматривать ихъ, какъ группы явленій, которыя необходимо проанализировать и причинную связь которыхъ необходимо твердо установить, или же мы *можемъ разсматривать ихъ, какъ причины радости или горя, и высказывать по поводу ихъ наше одобреніе или осужденіе*..." Если мы разсматриваемъ проблему дѣйствія только съ точки зрѣнія интеллекта, то она всегда окажется результатомъ взаимодѣйствія опредѣленныхъ силъ; если же мы разсматриваемъ проблему съ точки зрѣнія морали и называемъ послѣдствія ея въ одномъ случаѣ хорошими, въ другомъ—дурными, то наше сознаніе скоро омрачится то удивленіемъ, то гнѣвомъ. Вполнѣ понятно, что

мы придемъ къ совершенно различнымъ выводамъ въ зависимости отъ того, разсматриваемъ ли мы поступки людей, какъ поступки *другихъ существъ*, которые *мы стремимся только понять*, или разсматриваемъ ихъ, какъ поступки существъ, подобныхъ намъ, съ жизнью которыхъ тѣсно связана наша собственная жизнь и поведеніе которыхъ посредственно или непосредственно возбуждаетъ въ насъ чувство любви или ненависти. Здѣсь я настоятельно хочу обратить вниманіе на то, что при разсмотрѣніи соціологическихъ вопросовъ *мы должны, по возможности, освободиться отъ тѣхъ чувствъ, которыя могутъ быть вызваны изучаемыми фактами, и исключительно ограничиться объясненіемъ этихъ фактовъ*. Правда, *есть такія группы явленій, разсмотрѣніе которыхъ возбуждаетъ въ насъ отчаяніе, отвращеніе или негодованіе,—но мы должны подавить въ себѣ это чувство...*" Много блестящихъ страницъ написано г. Михайловскимъ въ опроверженіе этихъ мыслей Спенсера, а между тѣмъ надо согласиться, что англійскій философъ выражается очень осторожно и только защищаетъ позицію науки. Онъ и не думаетъ обратить человѣка въ механическій аппаратъ или усовершенствованную „числительную машинку" и охотно признаетъ существованіе цѣлыхъ группъ явленій, разсмотрѣніе которыхъ возбуждаетъ въ насъ отвращеніе, негодованіе и даже отчаяніе!.. Трудно даже представить себѣ, какъ мысли Спенсера вызвали не разъ повторяемый ему г. Михайловскимъ упрекъ въ равнодушіи къ человѣческимъ радостямъ, слезамъ и страданіямъ, упрекъ, во всякомъ случаѣ, ровно ни къ чему не ведущій. Ибо, кто вообще можетъ помѣшать русскому публицисту упражняться въ негодованіи и отчаяніи и кто можетъ упрекнуть его въ незаконности такихъ чувствъ? Во всякомъ случаѣ не Спенсеръ. Наше личное отношеніе къ фактамъ прошлаго и настоящаго—наше личное дѣло, и если у меня найдутся слушатели, то почему же и не высказать его прозой или стихами? Но что общаго между такими стихами и прозой и наукой—вотъ въ чемъ вопросъ. Добиваясь возможной ясности пониманія, его неомраченности, Спенсеръ трижды правъ, потому что наукѣ безъ этого не обойтись. Кто же не хочетъ добиваться этого, кому мало объясненія факта, кто не можетъ отказаться отъ разсмотрѣнія его послѣдствій съ точки зрѣнія добра или зла,—тотъ можетъ заниматься публицистикой, критикой—да вообще мало ли чѣмъ онъ можетъ заниматься. Но г. Михайловскій такую холодную и безстрастную науку, приступая къ которой „мы должны подавить въ себѣ личныя чувства", цѣнитъ очень мало. Ему, совершенно въ духѣ времени, видится другая наука, которая была бы гимномъ прогрессу, оправданіемъ добра и нашихъ упованій,—наука, не упускающая изъ виду „цѣну прогресса", т. е. пролитыхъ уже человѣчествомъ слезъ, и разрѣшеніе общественныхъ вопросовъ съ высоты нашихъ нравственныхъ требованій. На этой-то почвѣ и выросъ знаменитый „субъективный методъ соціологіи, какъ „совсѣмъ наоборотъ" строго объективнаго метода Спенсера, а послѣ него—Липперта, Гумпловича и т. д. Споры о немъ въ нашей литературѣ ведутся вотъ уже болѣе 25-ти лѣтъ, но результаты этихъ споровъ не могутъ не поразить своею мизерностью всякаго безпристрастнаго наблюдателя. Такая ужъ, очевидно, судьба всѣхъ русскихъ споровъ.

Можно пока сказать, что, несмотря на весь блескъ защиты „субъективнаго ме-

тода въ соціологіи", методу этому не повезло *). Прямой ученикъ г. Михайловскаго, проф. Карѣевъ, очень старался опредѣлить границы законнаго субъективизма отъ субъективизма незаконнаго, но вѣдь извѣстно, какъ трудно разрѣшаются пограничные споры, и неудивительно, что г. Карѣевъ потерпѣлъ неудачу. Г. Южаковъ (тоже ученикъ) высказался за объективный методъ, а одинъ изъ крупнѣйшихъ представителей школы русскихъ субъективистовъ и даже предшественникъ г. Михайловскаго пишетъ: „Подобно всякому научному дѣятелю, въ изслѣдованіи матеріала исторіи и въ его группировкѣ историкъ обязанъ противополагать объективизмъ научнаго знанія, опирающагося на точную критику, колеблющейся области субъективныхъ мнѣній. *Разъ научный методъ убѣдилъ его въ объективной истинѣ даннаго факта, ее нельзя уже ни поколебать, ни устранить, ни скрыть во имя субъективнаго внутренняго міра личности съ ея желаніями и нравственными убѣжденіями.* Подкладкою всякаго научнаго пониманія исторіи можетъ и должно быть всегда *самое строгое* и широкое приложеніе методовъ объективной исторической эрудиціи и объективной исторической критики, устанавливающей точную степень вѣроятности каждаго историческаго факта въ его отдѣльности и въ его синхронизмахъ. Поэтому, въ научномъ пониманіи исторіи нѣтъ мѣста логическому субъективизму—случайнаго и произвольнаго мнѣнія: его

---

*) У меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія останавливаться на прелестяхъ и недостаткахъ субъективнаго метода. Для меня важно лишь отмѣтить и подчеркнуть то обстоятельство, что методъ этотъ у насъ явился въ семидесятые годы, эпоху оживленной общественности, вѣры въ силы интеллигенціи,—эпоху, когда формула „мы дѣлаемъ исторію и должны дѣлать ее во имя общечеловѣческаго счастья" пользовалась не только успѣхомъ, но, пожалуй, что и общимъ признаніемъ. По мѣрѣ того, какъ жизнь ставила этой превосходной формулѣ все бо́льшія ограниченія и доказывала ея несостоятельность,—и субъективный методъ все больше терялъ свой кредитъ. Не измѣнилъ ему, если не ошибаюсь, только самъ г. Михайловскій. Другіе продолжаютъ признавать его, но все съ большими ограниченіями. Понять его сущность незатруднительно; стоитъ только припомнить, что онъ появился, главнымъ образомъ, для защиты формулы прогресса и способа ея полученія. Можно ли получить эту формулу лишь путемъ безстрастнаго изслѣдованія историческихъ и соціологическихъ фактовъ (какъ хотѣлъ Спенсеръ), или же такой путь недостаточенъ? Субъективисты признали его недостаточнымъ. Такъ какъ, по ихъ мнѣнію, исторія дѣлается людьми, путемъ ихъ личной инициативы, во имя ихъ же собственныхъ желаній и цѣлей, то, слѣдовательно, для построенія правильной формулы прогресса—эти собственныя цѣли и желанія должны быть приняты во вниманіе. Но такъ какъ цѣлей и желаній какъ звѣздъ небесныхъ, то выбираются лишь тѣ, которыя соотвѣтствуютъ высшему нравственному идеалу. Увы, однако, и нравственный идеалъ у каждаго свой собственный. Чья же формула прогресса (въ ея субъективныхъ элементахъ) будетъ въ такомъ случаѣ истинной? Разумѣется, того, чья личная нравственность наиболѣе подходитъ къ высшему нравственному идеалу. Кто же возьметъ на себя оцѣнку соотвѣтствія личной нравственности съ высшимъ нравственнымъ идеаломъ? Тотъ, очевидно, чья личная нравственность и т. д...

Получается сказка про бѣлаго бычка.

слѣдуетъ исправить, устранить или подтвердить критикою, а до тѣхъ поръ оно должно быть сознано, какъ болѣе или менѣе вѣроятная гипотеза,—не болѣе. Еще менѣе права на мѣсто въ научномъ пониманіи исторіи имѣетъ субъективное представленіе, вытекающее изъ недостатка свѣдѣній: его долженъ стремиться устранить умственный трудъ личности или само собою устраняетъ накопленіе знаній въ слѣдующихъ поколѣніяхъ. Столь же противорѣчитъ научной мысли вообще *субъективизмъ личнаго аффекта, искажающій пониманіе пристрастіемъ* (къ личности, къ сословію, къ національности, къ привычной культурѣ, къ религіозному догмату и т. под.),—пристрастіемъ, которое не допускаетъ критики и, по тому самому, остается чуждымъ области научной мысли: эту самую обычную болѣзнь историческихъ соціологическихъ изслѣдованій можно лѣчить лишь усиленіемъ дозы критики и все болѣе полнымъ усвоеніемъ привычки къ послѣдней".

Выходитъ едва ли особенно утѣшительное зрѣлище: проф. Карѣевъ ограничиваетъ г. Михайловскаго, авторъ „Опыта исторіи мысли" ограничиваетъ проф. Карѣева, г. Южаковъ всѣхъ сразу ограничиваетъ и допускаетъ только объективное „отношеніе" или въ сущности ровно ничего не допускаетъ.

Спенсеръ говоритъ о безстрастной наукѣ, г. Михайловскій—о пролитыхъ слезахъ и пролитой крови; Спенсеръ требуетъ отъ соціолога пониманія и объясненія, г. Михайловскій хочетъ еще и добродѣтели. Онъ настойчиво возвращается къ мысли, что отъ высоты нравственнаго развитія человѣка зависитъ и широта его соціологическихъ взглядовъ и правильность его выводовъ. Характерную на этотъ счетъ страничку находимъ мы въ одномъ изъ самыхъ блестящихъ произведеній г. Михайловскаго—„Вперемежку". Онъ разсказываетъ здѣсь, между прочимъ, объ одномъ геніальномъ молодомъ ученомъ—Бухарцевѣ и объ его участіи въ диспутѣ по поводу диссертаціи другого молодого ученаго. Произошло слѣдующее: „Бухарцевъ сдѣлалъ два-три спеціальныхъ замѣчанія, объявилъ, что не объ этихъ частныхъ ошибкахъ и упущеніяхъ диссертаціи, равно какъ и о несомнѣнныхъ достоинствахъ ея, намѣренъ онъ говорить. „Науки,—продолжалъ онъ,—въ Россіи еще не было и нѣтъ въ настоящее время. Съ извѣстной точки зрѣнія бѣда это еще не большая, такъ какъ вопросъ не въ томъ: есть ли въ странѣ карта ученыхъ, подобострастно преклоняющихся передъ общественнымъ мнѣніемъ и запродающихъ выводы свои за опредѣленную степень благосостоянія, спокойствія и за право безнаказанно знать и понимать многое, нисколько не обязываясь въ то же время проводить свои убѣжденія въ жизнь? *но существуютъ ли ученые въ настоящемъ смыслѣ слова, т. е. общественные дѣятели*, почерпающіе изъ предмета своихъ занятій какіе-нибудь практическіе выводы, отдающіе свою жизнь наукѣ не изъ видовъ личнаго обезпеченія, но занимающіеся ею только потому, это признаютъ въ ней двигательную силу къ достиженію человѣческаго идеала—разрѣшенію общественныхъ вопросовъ?"... Умно или не умно, умѣстно или не умѣстно говорилъ Бухарцевъ—не знаю, но несомнѣнно, что онъ говорилъ въ духѣ своего времени. Такую формулу, какъ то, что ученый прежде всего общественный дѣятель, что главная, если не исключительная его задача—разрѣшеніе общественныхъ вопросовъ *во всей ея полнотѣ*, могли принять, конечно, только 60-е и 70-е годы. Но едва ли она

подойдетъ къ какой-нибудь другой эпохѣ и едва ли великія открытія въ наукѣ были вызваны желаніемъ разрѣшить какіе бы то ни было общественные вопросы. Во всякомъ случаѣ, „ученый долженъ быть добродѣтельнымъ, долженъ быть общественнымъ дѣятелемъ". Отсюда презрѣніе и ненависть ко всѣмъ спеціалистамъ, занятымъ букашками и мошками.

Та же требовательная общественность стремилась подчинить себѣ и искусство. Г. Михайловскій благополучно здравствуетъ и по настоящее время и такъ какъ онъ, повидимому, сосредоточился на критикѣ художественныхъ произведеній, то его взгляды на этотъ счетъ достаточно извѣстны. Искусство, какъ и наука, должно служить все тому же разрѣшенію общественныхъ вопросовъ: художникъ, какъ и человѣкъ науки, долженъ быть прежде всего общественнымъ дѣятелемъ; одинаково долженъ онъ стремиться не только къ пониманію, объясненію и изображенію — нѣтъ, прежде всего онъ долженъ страдать и радоваться, прежде всего въ его голосѣ должны быть слезы о прошлыхъ и настоящихъ мукахъ человѣчества... Безконечныя разсужденія „Отечественныхъ Записокъ" о тенденціяхъ въ художественныхъ произведеніяхъ— сухи и мертвы въ настоящее время, но въ то же время они поразительно характерны. Тамъ постоянно проводилась одна и та же мысль объ обязанности художника служить своему времени, возбуждать жалость и состраданіе къ обиженнымъ и угнетеннымъ, проводить прогрессивныя идеи.

Совершенно естественно, что г. Михайловскій недоволенъ взглядами Спенсера на искусство, отчасти потому, что Спенсеръ считаетъ главной и вдохновляющей его сущностью—красоту, отчасти и по другой еще причинѣ. Опять характерная страничка. „Спенсеръ,—пишетъ г. Михайловскій,—утверждаетъ, что задача искусства состоитъ *исключительно* въ воспроизведеніи жизни прошлаго... „По причинѣ своего контраста съ нашимъ настоящимъ образомъ жизни, образъ жизни прошедшаго кажется намъ интереснымъ и романтическимъ", а „вещи и происшествія, влекущія за собой сцѣпленіе идей, которыя не представляютъ значительнаго контраста съ нашими ежедневными представленіями, являются *относительно невыгоднымъ сюжетомъ* для искусства".

Курсивъ въ этой цитатѣ—мой, и, сопоставляя подчеркнутыя въ обоихъ мѣстахъ слова, вы видите, что г. Михайловскій не совсѣмъ правильно толкуетъ точку зрѣнія Спенсера. Спенсеръ, какъ всегда, остороженъ, и утвержденіе, что „задача искусства состоитъ исключительно"... исключительно принадлежитъ г. Михайловскому. Согласитесь сами, какъ не вяжется это „исключительно" со вторыми подчеркнутыми словами насчетъ *относительной* невыгодности сюжетовъ изъ современности. Тутъ просто нѣсколько торопливое желаніе ниспровергнуть авторитетъ, и для всякаго безпристрастнаго человѣка ясно, что не объ „относительной невыгодности" сталъ бы говорить Спенсеръ, думай онъ на самомъ дѣлѣ объ „исключительномъ" воспроизведеніи жизни прошлаго, какъ единственной задачѣ искусства.

Но не пониманіе точка зрѣнія Спенсера нужно г. Михайловскому, чтобы еще разъ подчеркнуть слѣдующую мысль: „Спенсеръ грѣшитъ уже прямо противъ логики... Онъ выказываетъ самую странную поверхностность, утверждая, что искусство

должно искать контрастовъ въ прошедшемъ; какъ будто ихъ мало въ настоящемъ; какъ будто на чердакѣ того самаго дома, гдѣ живетъ Спенсеръ, ученый и спокойный Спенсеръ *), не гнѣздится невѣжество, нищета и назойливая дума о кускѣ хлѣба въ pendant думѣ философа о судьбахъ человѣчества; какъ будто у всѣхъ сердце бьется такъ же ровно, какъ у ученаго и невозмутимаго **) Спенсера; какъ будто нѣтъ въ настоящемъ умныхъ людей и дураковъ, негодяевъ и честныхъ людей, людей цивилизованныхъ и коснѣющихъ въ грубости, нѣтъ стона и улыбки, брачнаго ложа и гробовыхъ мастеровъ, свѣта и тѣни, поцѣлуя, звона цѣпей и колокольнаго звона, полиціи и мазуриковъ?.. Съ чего же это искусству гоняться за контрастами во времени, когда подъ руками у него неисчерпаемый родникъ контрастовъ въ пространствѣ? По крайней мѣрѣ, гдѣ основаніе въ самомъ спенсеровскомъ законѣ контраста для *воспрещенія* искусству передавать жизнь, дѣла и стремленіе своего времени"...

Опять таки у Спенсера никакого запрещенія нѣтъ, а есть лишь указаніе относительной невыгодности. Это разница. Спенсеръ, какъ извѣстно, любитъ говорить примѣрами и естественно, что, устанавливая свои законы о красотѣ, предварительное условіе которой есть контрастъ, онъ естественно останавливается на самомъ крупномъ изъ этихъ контрастовъ—прошлаго и настоящаго. И, конечно, онъ правъ потому, что на самомъ дѣлѣ искусство, говорившее не для удовольствія какихъ-нибудь пресыщенныхъ маріонетокъ, а по возможности всѣмъ и каждому,—на самомъ дѣлѣ всегда обращалось къ прошлому, къ его исчезнувшей, а можетъ быть и не существовавшей никогда героической эпохѣ. Возьмите Энеиду и Иліаду, возьмите просто величайшее произведеніе нашего эпоса — „Войну и миръ" или историческія драмы Шекспира, или сотни другихъ примѣровъ и вы увидите, что самый цѣнный свой матеріалъ искусство дѣйствительно почерпало въ прошломъ, въ его миѳологіи, его легендахъ, въ его картинахъ, вполнѣ обрисовавшихся въ представленіи людей, въ его контрастахъ съ настоящими интересами и злобами дня, растерзанными и запутанными и обыкновенно мало и плохо понятными для современниковъ. Надо, чтобы жизнь кристаллизировалась, чтобы формы ея стали вполнѣ и вполнѣ обрисованными и тогда только онѣ становятся удобными для художественнаго воспроизведенія. Конечно, и въ настоящемъ есть вполнѣ кристаллизованныя положенія, но чаще всего они представляютъ изъ себя лишь простой пережитокъ прошлаго: несмотря на всю логическую несообразность, надо признать, что исторически прошлое и настоящее то и дѣло встрѣчаются въ одной „плоскости времени" и рядомъ съ русскимъ публицистомъ живетъ первобытный Сысойка, а рядомъ съ англичаниномъ-философомъ—обитатель лондонскихъ трущобъ...

Но пусть даже Спенсеръ преувеличилъ относительное неудобство темъ изъ

---

*) И къ тому же играющій каждый день на билліардѣ, — добавимъ мы отъ себя...

**) Къ какому сильному возмущенію способенъ Спенсеръ, о томъ смотрите примѣры въ статьѣ г. Михайловскаго „Что такое прогрессъ?".

современности—это нисколько не подрываетъ его закона контраста и только даетъ г. Михайловскому возможность написать лишнюю блестящую тираду и новое обращеніе къ духу своихъ дней...

Этотъ духъ былъ требователенъ; мало того, онъ стремился завладѣть всѣмъ человѣкомъ и всѣми людьми и сосредоточить всѣ ихъ силы на одной точкѣ, на одной задачѣ—на разрѣшеніи вопросовъ современности и не просто на разрѣшеніи, но на ближайшемъ, немедленномъ его разрѣшеніи... Все сводилось къ одной точкѣ и занимайся человѣкъ жизнью сороконожекъ или изслѣдованіемъ хороводовъ свѣтилъ, или высшей математикой—безразлично: онъ долженъ былъ вставать съ мыслью о цѣнѣ прогресса, изучать въ теченіе дня контрасты современности и ложиться со словами „ceterum censeo"... Въ этой общественности было много фанатическаго, сектантскаго... отчего она, конечно, не менѣе красива, потому что на сценѣ все же была жизнь, а не былье травное, какъ это мы видимъ въ слѣдующее десятилѣтіе.

70-е годы дѣйствительно отличались и темпераментомъ, и характеромъ. Эту справедливость имъ надо отдать въ полной мѣрѣ. Припомните журналистику того времени, ея ожесточенныя полемики, быстрое рѣшеніе, которое получали въ ней самые серьезные вопросы, рѣзкость и опредѣленность ея точекъ зрѣнія и вы увидите, что люди жили или, по крайней мѣрѣ, имъ казалось, что они живутъ полною жизнью. И было несомнѣнно больше опредѣленныхъ физіономій, чѣмъ потомъ. И въ общественной жизни чувствовался тотъ же темпераментъ, та же напряженность ожиданія, тотъ же, повторяю, своего рода фанатизмъ и сектантство. Чувствовалась, словомъ, извѣстная вдохновенность общественностью. Было не мало признанныхъ вожаковъ и теперь видно, какъ страстно и напряженно работали они и едва ли кто-нибудь изъ нихъ ожидалъ, какое жестокое разочарованіе ожидаетъ ихъ всѣхъ и притомъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Въ этомъ не ихъ вина, конечно. Представьте себѣ на самомъ дѣлѣ, что люди,—сильные, бодрые и смѣлые—взбираются вверхъ по катящемуся внизъ леднику. Имъ самимъ и тѣмъ, кто смотритъ на нихъ со стороны, кажется, что идутъ они чрезвычайно скоро. Въ дѣйствительности такъ оно и есть, но—увы,—какъ ни старались наши путники, они все же остались на прежнемъ мѣстѣ, а, можетъ быть, спустились даже ниже, куда катился и самъ могущественный ледникъ... Но это незамѣтное или не въ полной мѣрѣ замѣтное сползаніе ледника не мѣшало ни проявленію темперамента, ни страстному отношенію къ жизни и даже вѣрѣ въ успѣшность скорой ходьбы. Поэтому непріязнь, напр., г. Михайловскаго къ Спенсеру или корифеевъ литературы вообще къ натуралистической школѣ въ искусствѣ объясняется очень просто и главная вина англійскаго мыслителя съ точки зрѣнія той эпохи сводится вотъ къ чему:

„Спенсеръ излагаетъ свои мысли въ высшей степени *спокойно и безстрастно*, обставляетъ ихъ множествомъ примѣровъ изъ самыхъ разнообразныхъ отраслей науки и жизни, причемъ обнаруживаетъ огромныя свѣдѣнія и располагаетъ свои примѣры чрезвычайно искусно. Эти-то свойства его аргументаціи дѣлаютъ ее *чрезвычайно опасною*, и въ особенности для насъ, русскихъ. *Спен-*

серъ трактуетъ объ общественныхъ вопросахъ совершенно такъ же безстрастно, какъ о гипотезѣ туманныхъ массъ или о фазахъ развитія гидры. Мы къ этому не привыкли" и т. д. (Соч. Н. К. Михайловскаго, т. IV, стр. 20).

IV.

Утопизмъ 70-хъ годовъ, какъ мнѣ кажется, можно свести къ такимъ вотъ пунктамъ: *Во-первыхъ*, къ признанію того, что мы народъ особенный, имѣемъ свои уклады народной жизни, которые при умѣломъ примѣненіи къ нимъ хотя печальнаго, но богатаго опыта западно-европейскихъ государствъ предохранятъ насъ отъ грустныхъ перипетій ихъ экономическаго развитія. Съ этой точки зрѣнія дѣлались, напр., хотя почтительныя, но все же рѣшительныя дополненія и исправленія переоцѣнкѣ личности вообще, интеллигентной (т. е. критически мыслящей) личности въ частности,—къ вѣрѣ въ то, что „мы дѣлаемъ исторію" и что на насъ лежитъ отвѣтственность за ея ходъ. Поэтому не признавался Спенсеръ. *Въ третьихъ*, и — это самое важное — *въ ожиданіи справедливости отъ исторіи*, къ признанію, что наше стремленіе къ справедливости является, такъ сказать, вдохновляющимъ началомъ ея движенія и развитія, что она (въ лицѣ всѣхъ поколѣній) *думаетъ* о человѣкѣ, *заботится* о немъ, поможетъ дойти ему до идеала всеобщаго счастья, откликнется, наконецъ, на его вѣковыя жалобы и должна откликнуться. Это былъ, такъ сказать, „исторически субъективный антропоцентризмъ", ставящій человѣка и его представленіе о счастьѣ въ центръ историческаго процесса.

Такъ ли оно на самомъ дѣлѣ, или нѣтъ — вопросъ очень сложный и разбирать его здѣсь не мѣсто *), — но думаю все же, что это не такъ. Ибо, чѣмъ бы ни закончился историческій процессъ, какихъ бы дворцовъ ни настроили они изъ паросскаго мрамора, въ какомъ бы веселіи ни проводили они жизнь свою,—я не вижу, какъ могутъ они даже тогда, въ дни могущества и летанія по воздуху, расплатиться со своими страдавшими предками, искупить ихъ слезы и муки? А разъ этого нѣтъ и не будетъ, и не можетъ быть, разъ въ психическое взаимодѣйствіе между живыми и мертвыми вѣрятъ только: 1) спириты, 2) проф. Карѣевъ и 3) Вл. Сер. Соловьевъ, — то, спрашивается, о какой справедливости тутъ можетъ быть рѣчь?

---

*) Привожу, впрочемъ, слѣдующія строки изъ „Основъ соціологіи" Гумпловича. Вотъ какъ онъ понимаетъ справедливость въ исторіи:

„Воздаетъ ли отдѣльнымъ людямъ ходъ исторіи и явленій природы по ихъ заслугамъ, т. е. одобряется ли добро, наказывается ли зло, есть ли поэтому въ исторіи и природѣ справедливость или нѣтъ? Но въ такой формѣ этотъ вопросъ совершенно неумѣстенъ, такъ какъ индивидъ совсѣмъ не есть объективъ исторіи или природы. Исторія и природа игнорируютъ индивида; онѣ совсѣмъ не занимаются имъ, совсѣмъ не вспоминаютъ о немъ. Вслѣдствіе этого

Монументы развѣ будутъ воздвигнуты страдавшимъ предкамъ? Или память ихъ почтутъ вставаніемъ и сосредоточеннымъ умиленіемъ? Или еще какимъ-нибудь инымъ способомъ? Но—

По смерти слава намъ не въ прокъ,
И что за счастье, что когда-то
Укажетъ риторъ бородатый
Въ тебѣ для школьниковъ урокъ.

Конечно, о счастьѣ грядущихъ поколѣній говорить можно, одинаково можно разсчитывать на него; о справедливости же историческаго процесса — никогда ни слова,—это самое лучшее.

Вообще нѣтъ ничего опаснѣе, какъ примѣшивать къ пониманію исторіи и соціальной эволюціи свою личную точку зрѣнія, разсуждать о цѣнѣ прогресса, которая одному можетъ показаться слишкомъ большой, другому слишкомъ незначительной, третьему какъ разъ въ мѣру,—которая, въ концѣ концовъ, величина невѣсомая и неисчислимая; въ такомъ случаѣ мы незамѣтно для самихъ себя оставляемъ почву положительной науки и переходимъ въ туманную область исторической астрологіи и историко-философской алхиміи. Самое любопытное, конечно, то, что это дѣлается совершенно незамѣтно.

и наша оцѣнка личностей не существуетъ для исторіи и природы, хотя мы и считаемъ ихъ субъектами историческаго и естественнаго процесса.

„Исторія и природа замѣтны лишь въ массовыхъ дѣйствіяхъ,—можно сказать, что онѣ имѣютъ дѣло лишь съ массами; ихъ дѣйствія мы можемъ познать только во вліяніяхъ на извѣстныя естественныя группы и величины которыя состоятъ изъ нѣкотораго числа существующихъ или смѣняющихъ другъ друга индивидовъ, т. е. во вліяніи на народы, племена, семьи въ ихъ существованіи или въ послѣдовательной смѣнѣ ихъ поколѣній.

„На этихъ объектахъ, несомнѣнно, проявляется вліяніе историческихъ и естественныхъ событій, но *единственно возможное отношеніе, существующее между этими вліяніями и сущностью этихъ объектовъ есть отношеніе причинной зависимости между естественными свойствами этихъ объектовъ и судьбой*, постигающей ихъ въ исторіи и природѣ. Другими словами, эти *естественныя человѣческія группы подъ дѣйствіемъ исторіи и природы играютъ роль любыхъ предметовъ природы*, подлежащихъ дѣйствію естественныхъ силъ. Эти силы осуществляются въ нихъ, смотря по ихъ свойству и дѣйствію: рыхлый известнякъ скорѣе уступаетъ процессу вывѣтриванія, чѣмъ твердый гранитъ; безлѣсный склонъ подъ дождемъ становится голой скалой, между тѣмъ какъ лѣсистый отъ дождей пріобрѣтаетъ лишь новую и болѣе роскошную растительность. При такомъ взаимодѣйствіи между причиной и дѣйствіемъ,—причемъ причина заключается въ объектахъ, а дѣйствіе въ силахъ природы,—конечно *не можетъ быть и рѣчи о справедливости или несправедливости*. Такъ же мало можно говорить о нихъ по поводу судьбы народа или личности. Эти судьбы—простое слѣдствіе причинъ, которыя заключаются отчасти въ объектѣ, отчасти въ силахъ природы и исторіи.

„Поэтому въ исторіи существуетъ только *одна справедливость*, если ужъ распространить эту категорію на отношеніе исторіи къ человѣку; *она заключается въ соотвѣтствіи слѣдствій причинамъ*. И мы видимъ, что эта справедли-

Изъ области философско-историческихъ взглядовъ 70-хъ годовъ я могъ бы представить здѣсь массу примѣровъ, очень поучительныхъ, — но ограничусь однимъ...

Формула прогресса г-на Михайловскаго гласитъ: „Прогрессъ есть постоянное приближеніе къ цѣлостности недѣлимыхъ, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между органами и возможно меньшему раздѣленію труда между людьми. *Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно* все, что задерживаетъ это движеніе. *Нравственно, справедливо, разумно и полезно* только то, что, уменьшаетъ разнородность общества, усиливая тѣмъ самымъ разнородность его отдѣльныхъ членовъ".

Ни для кого не секретъ, что для своего времени формула эта во-истину была откровеніемъ и въ настоящее время блескъ ея далеко еще не погасъ. Однако, въ ней, взятой во всемъ ея цѣломъ и въ освѣщеніи подчеркнутыхъ мною словъ очень

вость всегда и всюду съ безжалостной послѣдовательностью осуществляется въ исторіи.

„*Въ жизни и исторіи каждый испытываетъ ту судьбу, которая обусловлена его естественными свойствами*; естественныя же свойства каждой личности зависятъ не отъ нея, но, какъ мы выше видѣли, отъ соціальной среды, ее создавшей. Среда—причина того, что лишь очень рѣдко соблюдается соотвѣтствіе между значеніемъ индивида и его индивидуальной судьбой, ибо человѣка постигаетъ участь, опредѣляемая его ролью въ группѣ; до индивидуальныхъ его свойствъ нѣтъ никакого дѣла историческому развитію.

„Поэтому личность часто несетъ незаслуженную несправедливость, которая является естественнымъ послѣдствіемъ причинъ, лежащихъ въ прошломъ соціальной среды личности. Отсюда слѣдуетъ, что внуки (чему есть масса примѣровъ въ исторіи) отвѣчаютъ за „грѣхи" дѣдовъ. Это вполнѣ естественно: вѣдь развитіе историческаго процесса зависитъ отъ свойствъ и качествъ субъекта этого процесса. А такими субъектами, какъ мы видѣли, являются не индивиды, но та соціальная среда, которой они созданы и къ которой они принадлежатъ.

„Съ этими свойствами и условіями соціальной среды сообразуется теченіе исторіи, ея событія и это соотвѣтствіе историческихъ событій со свойствами и условіями субъектовъ историческо-естественнаго процесса мы должны признать исторической справедливостью. Другой справедливости нѣтъ,—нѣтъ ея и въ природѣ. Альфа и омега соціологіи—ея высшая истина и ея послѣднее слово – человѣческая исторія, какъ естественный процессъ. И хотя близорукіе умы, признавая по традиціи свободу личнаго самоопредѣленія, думаютъ, что эта истина уничтожаетъ „нравственность", въ дѣйствительности, какъ разъ наоборотъ, она является вѣнцомъ всей человѣческой морали, ибо только она провозглашаетъ полное самоотреченіе, подчиненіе людей закону природы, закону, который только и управляетъ исторіей. Содѣйствуя познанію этого закона, соціологія кладетъ основаніе новой морали мудраго самоотреченія, т. е. морали, болѣе высокой, нежели современная мораль, покоющаяся на воображаемости личнаго самоопредѣленія, создающая непомѣрное возвеличеніе индивида и, тѣмъ самымъ, непомѣрныя желанія и стремленія его, которыя неизбѣжно приводятъ къ ужаснымъ преступленіямъ противъ естественно-законнаго строя.

и очень много метафизики и даже средневѣковой метафизики, приписывавшей природѣ человѣческія страсти — любви, ненависти, страха, опасенія и т. д. Въ формулѣ же этой природѣ приписана нравственность и безнравственность, справедливость и несправедливость, забота о полезномъ для человѣка или желаніе ему напакостить. Это, впрочемъ, очевидно само собой.

Г. Михайловскій не какой-нибудь наивный философъ исторіи, чтобы приписывать прогрессъ и регрессъ только сознательнымъ дѣйствіямъ людей или законодательнымъ актамъ *). О безсознательныхъ, подсознательныхъ и чисто патологическихъ явленіяхъ онъ писалъ очень много („Борьба за индивидуальность", „Герои и толпа", „Научныя письма", „Патологическая магія" и т. д.) и если эти его писанія недостаточно оцѣнены русской наукой, то, конечно, западная наука въ свое время оцѣнитъ ихъ по достоинству. Это дѣйствительно превосходные, удивительно талантливые и глубокіе очерки.

Несомнѣнно, однако, что вся огромная, пожалуй, безмѣрная область этого рода, явленій имѣла не малое вліяніе на уменьшеніе (или увеличеніе) разнородности общества, а также на усиленіе (или ослабленіе) разнородности отдѣльныхъ его членовъ. По формулѣ г. Михайловскаго имъ — этимъ явленіямъ — слѣдуетъ наклеить ярлыки нравственнаго и безнравственнаго. Когда вы берете, напр., какую-нибудь исторію сектанства особенно въ началѣ новыхъ вѣковъ, ну хоть исторію Іоанна Лейденскаго,—и видите передъ собой сумасшедшаго, сумѣвшаго заразить своимъ сумасшествіемъ массу народа, устроившаго въ то же время человѣческое общежитіе на совершенно новыхъ началахъ, опрокинувшаго всѣ старыя соціальныя перегородки и воздвигшаго вмѣсто нихъ новыя и т. д., но во всякомъ случаѣ уменьшившаго (или увеличившаго) разнородность общества,—то можно ли говорить о нравственности или безнравственности такого рода явленій? Это было бы черезчуръ наивно. Не менѣе наивно было бы чуму, голодъ, землетрясеніе, великое переселеніе народовъ и пр. награждать эпитетами „добрый", „злой", „умный", „глупый". И, конечно экономическія явленія, какъ не зависящія, и, чтобы не спорить, *не зависѣвшія* пока отъ сознанія людей, должны быть освобождены отъ всякихъ этическихъ кличекъ. Нѣтъ ничего сознательнаго и преднамѣреннаго въ прогрессирующемъ раздѣленіи труда, въ введеніи машинъ, въ переходѣ отъ товарнаго производства къ капиталистическому хозяйству и т. д., а разъ тутъ нѣтъ ничего сознательнаго, то нѣтъ ничего ни нравственнаго, ни безнравственнаго.

Г. же Михайловскій, требуя признать „безнравственнымъ, несправедливымъ, вреднымъ, неразумнымъ *все*" и т. д., а „нравственнымъ, справедливымъ, разумнымъ и полезнымъ только то" и т. д.,—долженъ подвести подъ ту же этическую категорію и явленія природы—стихійные процессы соціальной эволюціи. Это очевидная метафизика. Такъ, однако, глубоко владѣла нашимъ публицистомъ представленіе о

---

*) Говорить о самостоятельномъ значеніи законодательныхъ актовъ — нечего. Эти акты только закрѣпляютъ факты жизни, давая имъ юридическую формулировку.

томъ, что люди дѣлаютъ исторію, и онъ незамѣтно впалъ въ „метафизическій этицизмъ, приписавши природѣ и исторіи заботы о справедливости и несправедливости.

Извиняясь за это отступленіе и его очевидную неполноту, — возвращаюсь къ темѣ, затронутой въ этой главѣ.

Какъ бы вы ни относились къ перечисленнымъ тамъ пунктамъ утопизма 70-хъ годовъ,— въ нихъ нельзя не видѣть ни огромной требовательности по отношенію къ каждому отдѣльному человѣку, ни яснаго желанія задѣть его совѣсть, представляя ему безмѣрность цѣны прогресса и выставляя на видъ всю полноту его нравственной отвѣтственности передъ страданіями прошлаго и настоящаго. То было тяжкое бремя, добровольно возлагаемое на себя. „Современникъ,—говорилось тогда,—помни, что у тебя нѣтъ ничего собственнаго. Все, чѣмъ ты гордишься, все, что доставляетъ тебѣ наслажденіе, весь комфортъ, которымъ ты пользуешься, критическая мысль, освободившая тебя отъ предразсудковъ,— все это стоитъ страшно дорого и стоитъ на твоемъ личномъ счету. Расплатись же по этому счету, если у тебя есть честь, совѣсть, сознаніе собственнаго достоинства...“ Каковъ, какъ не этотъ могъ, дѣйствительно, быть смыслъ такой вотъ рѣчи:

„Исторія не кончена. Она совершается около насъ и будетъ совершаться поколѣніями растущими и еще не родившимися. Настоящее нельзя оторвать отъ минувшаго, но и минувшее потеряло бы всякое живое и реальное значеніе, если бы оно не было неразрывно связано съ настоящимъ, если бы одинъ великій процессъ не охватывалъ исторію въ ея цѣломъ. Умерли дѣятели минувшаго. Измѣнилась культура общества. Новые конкретные вопросы стали на мѣсто прежнихъ. Девизы минувшаго измѣнили смыслъ и значеніе. *Но общечеловѣческая роль личностей въ настоящемъ осталась та же, что была за тысячи лѣтъ.* Подъ пестрыми формами культуры, въ сложныхъ вопросахъ новаго времени, подъ разнообразными девизами побѣжденныхъ и побѣдителей скрыты все тѣ же задачи *Внѣ истины и справедливости прогресса никогда не существовало. Безъ личной критики не добыта ни одна истина. Безъ личной энергіи не осуществилось ничто справедливое.* Безъ вѣры въ свое знамя и безъ умѣнья бороться съ противниками не восторжествовала ни одна прогрессивная партія. Формы культуры требуютъ для своего развитія работы мысли, какъ и въ минувшія тысячелѣтія. Великіе девизы точно такъ же мало застрахованы отъ опасности потерять или измѣнить свой смыслъ. Общественныя условія для возможнаго прогресса не измѣнились. *Требованія уплаты за прогрессъ не могутъ быть игнорируемы развитою личностью*“...

Любопытно отмѣтить, какъ настойчиво повторяется слово „уплата“ въ проповѣдяхъ того времени и какъ охотно даже серьезные люди принимаютъ тонъ моралиста и проповѣдника. Создаются формулы прогресса, сочиняются философско-историческіе труды и все это имѣетъ единственною, главнѣйшею цѣлью воздѣйствовать на совѣсть слушателя, пробудить уснувшую или непросыпавшуюся еще, поддержать колеблющуюся. Атмосфера была насыщена нравственною отвѣтственностью и считалось чѣмъ-то пошлымъ и прямо буржуазнымъ говорить о правѣ каждаго на личное счастье. Суровый духъ Рахметова точно носился надъ эпохой, — этотъ духъ, не находившій себѣ ни достаточнаго простора, ни достаточнаго примѣненія за десять лѣтъ тому назадъ.

Можно ли наваливать на человѣческую совѣсть слишкомъ большую ношу? Не устанетъ ли она, наконецъ, отчего могутъ произойти въ высшей степени нежелательные результаты? Не вреденъ ли нравственный ригоризмъ вообще, не позволяющій человѣку сдѣлать и глотка свѣжаго воздуха ради самого себя, обрекающій его на безполое и пр. существованіе? Разсчетливо ли это, наконецъ, вѣчно твердить ближнему своему: „ты долженъ, ты долженъ... пора же подумать о расплатѣ". Свой ближній, какъ мнѣ думается, можетъ имѣть на этотъ счетъ свое собственное сужденіе, едва ли особенно пріятное для проповѣдниковъ ригористической морали. Вдругъ онъ возьметъ да отвѣтитъ стихами Кольриджа:

„Я на свѣтъ появился по волѣ чужой,
Не спросясь меня мать родила,
Мнѣ навьючили жизнь точно камень большой
На покорную шею осла"...

Слова здѣсь не особенно толковыя, но мысль положительно недурна. „Если прогрессивная эволюція совершалась тысячелѣтія до меня безъ всякаго прямого и непосредственнаго участія съ моей стороны, если такимъ же образомъ совершалось и увеличеніе разнородности обществъ и еще что-то тамъ такое, то, строго говоря, почему должна меня мучить совѣсть, почему долженъ я въ тоскѣ и унынiи проводить свою жизнь, обрекать себя на голодъ и холодъ, жертвовать личною любовью, привязанностью, стремленіемъ къ личному счастью во имя нравственной отвѣтственности, невѣсть кѣмъ на меня возложенной. Конечно, прогрессъ, т. е. достигнутая нами степень знанія, критики и т. д., стоилъ страшно дорого и, во всякомъ случаѣ, гораздо дороже того, чѣмъ онъ стоитъ въ дѣйствительности даже по самой высокой оцѣнкѣ, — но я-то тутъ при чемъ? Случайно появившись на свѣтъ Божій въ такомъ-то столѣтіи, а не другомъ, ближе къ полюсу или къ югу, получивши полностью причитавшуюся на мою долю наслѣдственность, обыкновенно довольно-таки скверную, а также воспитаніе, по отзыву самыхъ компетентныхъ моихъ современниковъ, не выдерживающее ни малѣйшей критики, имѣя счастье пользоваться благами культуры, которая сама себя ежедневно предаетъ анафемѣ, имѣя, въ концѣ концовъ, въ перспективѣ личное свое уничтоженіе, — я обязанъ, въ дополненіе ко всѣмъ этимъ благамъ, идти еще въ кутузку... Excusez du peu..."

Слыша такую откровенную циничную рѣчь, положительно не знаешь, что отвѣтить на нее. Никакая логика тутъ не поможетъ, такъ какъ, съ точки зрѣнія логики, очевидно, что если въ человѣка вложена органическая потребность личнаго счастья, то какъ же можно препятствовать ему стремиться къ его достиженію? Это не только безсмыслица, это нѣчто граничащее съ преступленіемъ. Но между тѣмъ чувствуется, что есть граница между циническимъ индивидуализмомъ и ригористическою нравственностью самоотреченія. Есть она, конечно, есть, но—увы — несмотря на всѣ попытки отыскать ее и опредѣлить, она осталась не отысканной и не опредѣленной, каждая эпоха проводила ее, по своему благоусмотрѣнію, то затушевывая весь кругъ поведенія штрихами долга и обязанности, то оставляя его чуть ли не совсѣмъ бѣлымъ.

Въ томъ-то и заключается проклятіе раціоналистической нравственности, что она не можетъ дать никакихъ раціоналистическихъ основаній для нашего поведенія. Когда намъ говорятъ: „пусть проснется твоя совѣсть отъ мукъ и страданій, перенесенныхъ безчисленными поколѣніями твоихъ предковъ во имя этой ничтожной доли свободы и счастья, которыми ты теперь пользуешься“,— это можетъ быть и рѣшающимъ моментомъ въ жизни и совсѣмъ пустыми словами. Все зависитъ отъ того, *когда*, *кому* и *кѣмъ* это сказано. А разъ для воздѣйствія требуется совокупность всѣхъ этихъ условій, то—ясное дѣло — логика тутъ рѣшительно не при чемъ.

Когда, кому и кѣмъ?.. въ этомъ вся суть. Если рѣчи, образчики которыхъ я привелъ выше, не казались ни странными, ни произвольными, если онѣ находили себѣ восторженныхъ слушателей, если дума о „цѣнѣ прогресса“ способна была вдохновлять и внушать даже человѣку жажду самоотреченія, то, значитъ, была эпоха, было настроеніе, когда за скучными и однообразными словами скрывались картины, терзавшія сердце. Такъ именно оно и было въ 70-ые, такіе далекіе и такіе близкіе отъ насъ годы.

Я уже говорилъ, что эти годы имѣютъ несомнѣнный отпечатокъ нравственнаго фанатизма, между прочимъ и фанатизма расплаты за грѣхи, совершенные отцами и дѣдами еще во времена крѣпостного права противъ меньшей братіи. Нравственность была религіей, замѣняла ее. Были такія нравственныя правила, которыя, по общему молчаливому согласію, не требовали уже рѣшительно никакихъ доказательствъ Было признано, что мы должны народу и обязаны возвратить ему все, хотя бы и не нами лично, но нашими предками у него взятое. Было признано, что стремиться къ личному счастью—пошло, скверно, грѣховно. Было признано, что *надо* страдать. Надъ короткой человѣческой жизнью, надъ ея жаждой свѣта, приволья и счастья — требовательная, ригористическая этика набросила мрачную, пугающую тѣнь...

Откуда же это?

V.

Не касаясь тайнаго dossier 70-ыхъ годовъ, ограничусь однимъ характернымъ и общеизвѣстнымъ документомъ—полубеллетристической вещью г. Михайловскаго „Вперемежку“.

Центральной его фигурой, какъ всякій помнитъ, является кающійся дворянинъ— Григорій Александровичъ Темкинъ. Это очень оригинальная фигура.

Терминъ „кающійся дворянинъ“ былъ пущенъ въ ходъ г. Михайловскимъ, но какъ-то не привился въ нашей литературѣ, и самый типъ, къ сожалѣнію, остался нарисованнымъ только на половину и часто очень небрежными штрихами. Имъ занимался еще Гл. Ив. Успенскій подъ именемъ „Больная совѣсть“ и Новодворскій подъ именемъ „Ни пава, ни ворона“. Послѣднее заглавіе мнѣ особенно нравится.

Такова краткая библіографія кающагося дворянина.

Жаль, что мы такъ мало знаемъ его генеалогію и не имѣемъ понятія ни о бабушкѣ, ни о дѣдушкѣ. Несомнѣнно только, что они были кровными дворянами изъ рода Темкиныхъ-Ростовскихъ, по прямой линіи происходившихъ отъ Владиміра Святого. Поддерживая честь и гордость, дѣдушка разорился, такъ что ему у героя „Вперемежку" пришлось уже служить. Онъ дѣйствительно служилъ, и одинъ изъ эпизодовъ романа ярко свидѣтельствуетъ объ его удивительныхъ талантахъ сыщика. Объ этомъ же эпизодѣ онъ самъ, повидимому, очень любилъ разсказывать и разсказывалъ художественно. Были еще у Темкина дяденька-нѣмецъ и дяденька-генералъ. Въ романѣ тому и другому отведено много мѣста; но если дяденька-генералъ играетъ еще значительную роль, то почему отведено такъ много мѣста дяденькѣ-нѣмцу—понять нельзя. Фигура эта совсѣмъ не вытанцовалась и понадобилась автору только для того, чтобы оттѣнить то удивительное холопство, съ какимъ люди относятся къ генеалогіи, хотя сами къ ней ни съ какого боку не причастны. Дяденька-нѣмецъ собираетъ археологическія рѣдкости (на чужія деньги, конечно),—преимущественно всякую дрянь изъ эпохи нашествія варяговъ. Онъ—убѣжденный приживальщикъ, почти что необходимая принадлежность старо-барской семьи и, какъ таковая, пожалуй, терпимъ въ романѣ, но ужъ очень часто является на сценѣ, почему и надоѣдаетъ.

Изъ генеалогіи, такимъ образомъ, явствуетъ, что родъ Темкиныхъ до послѣдняго своего отпрыска никакой связи съ интеллигенціей не имѣлъ. Дѣдушка пользовался жизнью непосредственно и ни о чемъ не думалъ. Жилъ какъ всѣ. Развлекался на конюшнѣ и въ дѣвичьей, безобразничалъ, сколько могъ и умѣлъ, но ничто не вносило разлада въ его цѣльную натуру. Будучи, съ государственной точки зрѣнія, однимъ изъ ста тысячъ даровыхъ полиціймейстеровъ, онъ, подъ щитомъ этого званія, чувствовалъ себя хорошо и спокойно. Главное—полную невинность свою ощущалъ и въ то же время сознавалъ себя нужнымъ, необходимо нужнымъ. Для счастья на землѣ этого достаточно. Но съ отца уже начался расколъ, правда, неясный и смутный, для него прямо даже не обязательный (его родной братъ дядюшка-генералъ прекрасно обошелся безъ всякаго раскола),—но все же расколъ. Уже общественное положеніе стало какимъ-то двойственнымъ. Съ одной стороны—потомокъ Даждь-бога, съ другой—обязанности по части сыска и уловленія фальшивыхъ монетчиковъ. Согласитесь, что съ какимъ бы художествомъ эта операція ни производилась, все же не могла она не нарушить цѣльности и стройности міросозерцанія. И по намекамъ автора видно, что она дѣйствительно была нарушена, хотя отсюда до кающагося дворянина еще очень и очень далеко. Для его появленія нужно было еще очень и очень много всякихъ жизненныхъ и личныхъ, и общественныхъ перипетій, нужно было и полное обнищаніе,—при которомъ человѣкъ всегда какъ-то впечатлительнѣе и болѣе чутокъ,—нужна была потеря всякой общественной позиціи, что могло случиться развѣ съ упраздненіемъ крѣпостного права; нужно было, наконецъ, чтобы совѣсть заговорила „громко и властно", а для этого тоже многое было нужно.

Но вотъ любопытная черта, которую спѣшу отмѣтить, чтобы не забыть по-

томъ,—это черта, освѣщающая и оттѣняющая весь разсказъ: какъ только кающійся дворянинъ понялъ, что онъ именно кающійся дворянинъ, а не кто-нибудь другой, что онъ жертва своей совѣсти, что эта совѣсть должна сопровождать его отъ колыбели до могилы, мучить его, отравлять ему всякую радость, быть его бременемъ,—онъ возликовалъ. Именно возликовалъ, а не что-нибудь другое, и началъ любоваться собой.

Возликовалъ онъ прежде всего потому, что онъ, „современный русскій типъ", т. е. типъ семидесятыхъ годовъ. Это я немножко понимаю, хотя, не будучи современнымъ типомъ, и не могу постигнуть прелести такого положенія во всей ея полнотѣ. Но ясно для меня, что лучше все же быть современнымъ типомъ, чѣмъ уже совсѣмъ ничѣмъ не быть. Это все же даетъ какое-то общественное положеніе. Современный типъ—это значитъ такой, который кому-то для чего-то нуженъ, къ голосу котораго все же должны прислушаться хотя бы въ виду его современности. Такъ и „любимая женщина", вдохновившая Григорія Темкина на написаніе своего романа, и объяснила дѣло.

„...Во вторыхъ,—разсказываетъ Темкинъ,—мнѣ было доказано, что я—современный русскій типъ и въ качествѣ таковаго могу смѣло явиться передъ публикой, если только буду писать правду, излагать то, что я въ самомъ дѣлѣ пережилъ и переживаю. „Ты—кающійся дворянинъ",—говорила мнѣ любимая женщина,—„и такихъ, какъ ты, много; что изъ васъ выйдетъ—не знаю, но типъ во всякомъ случаѣ любопытный, а васъ всѣ обходятъ: литература вами не занимается". Я долженъ былъ сознаться, что это правда".

Возликовалъ кающійся дворянинъ еще и потому, что увидѣлъ всю красоту свою, настоящую, неподдѣльную красоту. И онъ пришелъ отъ нея въ восторгъ и даже болѣе экспансивно, чѣмъ принято, говоритъ о ней:

„Съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ святая Русь, никто, болѣе насъ, поэтическаго апоѳеоза не заслуживалъ. И мы его наконецъ получимъ. Ахъ, еслибъ я былъ первокласный художникъ, если бы я могъ разлиться въ звукахъ, въ образахъ, въ краскахъ—я воспѣлъ бы васъ, братья по духу, изобразилъ бы васъ, мученики исторіи, и изломалъ бы затѣмъ перо, рѣзецъ и кисти, потому что, отвѣдавши сладкаго, не захочешь горькаго, не запоешь подблюдныхъ пѣсенъ... Но дѣло такъ ярко говоритъ само за себя, что даже я, вполнѣ сознавая ничтожество своихъ силъ, надѣюсь дать вамъ, по крайней мѣрѣ, намекъ на *дивную красоту нашего покаянія*".

Дѣло дошло уже до дивной красоты покаянія... Какъ хотите, а мнѣ думается, что если покаяніе мечется прежде всего своей дивной красотой въ глаза самому кающемуся — то это уже не покаяніе — это что-то совсѣмъ другое, очень мало собственно съ покаяніемъ имѣющее. Это не актерство, конечно, не ломаніе какое-нибудь,—нѣтъ, но все же, когда человѣкъ дѣйствительно кается, развѣ есть ему дѣло до того, красивъ ли онъ въ эту минуту, или безобразенъ? Ни малѣйшаго дѣла ему до этого нѣтъ и несомнѣнно, что онъ скорѣе безобразенъ, чѣмъ красивъ. Что общаго между красотой и полной смутой духовнаго міра, когда человѣкъ ищетъ грязи и униженія, лишь бы успокоить взволнованную совѣсть, когда всѣ его мысли

сосредоточены на жаждѣ еще большей грязи и униженія. Такіе глубокіе психологи — вѣроятно, глубочайшіе изъ всѣхъ психологовъ, до сей поры извѣстныхъ міру, какъ жрецы и служители католической церкви—прекрасно это понимали. Оттого-то кающагося они одѣвали въ самую паскудную одежду, наматывали ему веревку на шею, заставляли ползать на колѣняхъ и пр.— Совсѣмъ не для мести, а прежде всего для гармоніи между внутреннимъ міромъ и внѣшней, между внутренней растерзанностью и внѣшней...

Совсѣмъ иначе можно понимать красоту. Когда мнѣ приходится думать о красотѣ будущей человѣческой жизни, которая когда-нибудь, быть можетъ, да и смѣнитъ современное наше безстыдное безобразіе,— она представляется мнѣ прежде всего, какъ жизнь здоровыхъ, сильныхъ и увѣренныхъ въ себѣ людей,— такихъ, которые были бы бодры и смѣлы, не выглядѣли бы воришками, прячущимися за уголъ при малѣйшемъ подозрительномъ шумѣ, или такими, которые еще съ дѣтства были пришиблены и безнадежно обижены и это уже навсегда!.. Нѣтъ, — красота въ силѣ, а не въ слабости, въ духовной жизни безъ всякихъ потугъ, безъ всякаго самоѣденія и самолюбованія,— жизни самой простой и самой естественной, какую только можно представить себѣ, самой довѣрчивой, не отравленной ни страхомъ, ни покаяніемъ, ни жалостью, полной, быть можетъ, борьбы, но и самоувѣренной смѣлости. Эту красоту я понимаю и люблю и, если она есть пока, то развѣ у самыхъ маленькихъ не забитыхъ и не запуганныхъ дѣтей. Но—объ этомъ ниже, пока же достаточно указать на тотъ фактъ, что Григорій Темкинъ любуется самъ собой и дивной красотой покаянія.

Удивительно часто возвращается онъ къ этой темѣ, слишкомъ даже часто, чтобы мнѣ не подчеркнуть этого и не обратить на это вниманія. Но мнѣ кажется, что онъ самъ себя не понимаетъ или — лучше — понимаетъ, но только смотритъ на себя не съ той стороны, съ какой слѣдуетъ.

Мнѣ кажется, что, когда онъ писалъ свой романъ, онъ пересталъ уже каяться. Онъ сдѣлался уже раскаявшимся „грѣшникомъ". Онъ сидитъ теперь возлѣ любимой женщины, знаетъ, что онъ современный русскій типъ, вспоминаетъ, какимъ онъ „балбесомъ" или самодовольнымъ либераломъ былъ еще въ очень и очень недавнее время,— вспоминаетъ о вынесенной, конечно, тяжелой, конечно, мучительной борьбѣ, о разрывѣ со всѣмъ прошлымъ и, разумѣется, что въ эту-то минуту одержанной и для него несомнѣнной уже побѣды надъ всѣми преданіями рода Темкиныхъ онъ можетъ сказать себѣ: „какъ я красивъ!.." Побѣдители, разумѣется, красивы, и человѣчество будетъ красиво лишь тогда, когда оно станетъ побѣдителемъ надъ разъѣдающимъ его зломъ и неправдой, а не рабомъ, боящимся завтрашняго дня, нищеты, голода, перенаселенія, преслѣдуемаго всякими и всякими страхами. И я очень радъ, что самъ Темкинъ подтверждаетъ мои слова, а значитъ и соглашается implicite съ моею мыслью, что „красоту" надо отнести къ категоріи „побѣды", а не „пораженія", куда относится покаяніе...

Вотъ что говоритъ Темкинъ о своемъ переходѣ изъ разряда дворянъ—довольныхъ въ разрядъ дворянъ кающихся:

„Но, во имя правды, пожалуйста, не говорите о „веселой торопливости".

Не правда это. О, сколько муки душевной я вытерпѣлъ впослѣдствіи, вспоминая жидовскія проклятія *), службу отца по откупной части и еще многое, многое другое... Нѣтъ, тутъ не было и не могло быть веселья. Торопливость была. Да какъ же не торопиться? Какъ не торопиться изъ угарной комнаты, когда голову ломитъ, дышать трудно, ноги подкашиваются? Какъ не кричать: воздуху! воздуху! свѣта!.. Какъ не каяться, если совѣсть мучитъ? Пусть она мучитъ вздоромъ и неправильно, да вѣдь мучитъ. Это— фактъ"...

Очевидно, что онъ уже побѣдилъ и, если чему радуется, то никакъ не покаянію, а именно своей побѣдѣ. Жизнь заставила его отказаться отъ дарового труда, отъ всѣхъ привилегій положенія, мысль въ концѣ концовъ указала, что это не зло, а благо, что это-то и есть самое настоящее, чего только можно желать. Изъ угарной комнаты, угарной отъ хамскихъ предразсудковъ дяденьки-нѣмца, откупной службы отца, зуботычинъ дяденьки-генерала, разврата, насилія, всякой нечести онъ перешелъ хотя и въ коморку, но въ коморку со свѣжимъ воздухомъ.

Что собственно привело его къ покаянію? Начало процесса такъ и осталось въ сущности не выясненнымъ, и если бы у насъ подъ рукой не было нѣсколько таинственнаго, но всегда готоваго къ услугамъ объясненія: „духъ времени", то признанія Темкина мало бы разъяснили намъ, въ чемъ тутъ собственно дѣло.

Отецъ не каялся, хотя чувствовалъ, что въ жизни его есть что-то неладное, и во всякомъ случаѣ не отличался непосредственностью дѣдовъ и прадѣдовъ. Сынъ сравниваетъ свой душевный міръ съ водой въ неподвижно стоящемъ сосудѣ, которую подвергаютъ медленному охлажденію. Ртуть давно уже упала ниже нуля, а вода не замерзаетъ, но стоитъ лишь слегка всколохнуть сосудъ и на поверхности немедленно же появляется ледъ. Значитъ и тутъ термометръ давно уже стоялъ ниже точки замерзанія, нуженъ былъ самый крошечный толчокъ, и этотъ толчокъ далъ дяденька-генералъ своимъ разсказомъ объ одной дѣйствительно крупной и даже занятной несправедливости по отношенію ни къ кому даже другому, а къ своему же ближайшему родственнику — изъ лѣтописей рода Темкиныхъ. Разсказъ слишкомъ длиненъ, чтобы его тутъ приводить,— но неподвижный сосудъ всколыхнулся...

„— Ну, и что же?—нетерпѣливо спросилъ я, когда дяденька-генералъ остановился...

„— Э-э-э, ну, и что же?—переспросилъ онъ, посасывая усатымъ беззубымъ ртомъ пастилу.—Ну и прогналъ.

„— Какъ прогнали?!..

„Слезы, первыя благодатныя слезы сочувствія и негодованія подступили мнѣ къ горлу и душили меня... Я, кажется, не идеализирую себя, не говорю, что я отъ молодыхъ ногтей былъ переполненъ высокими чувствами и глубокими думами. О, нѣтъ! я не хочу врать. Прямо говорю, что до 17-ти лѣтъ я былъ балбесъ-балбесомъ, да и первый взрывъ произошелъ во мнѣ при совсѣмъ особенныхъ обстоятельствахъ. Нужно было, чтобы кто-нибудь изъ близкихъ моихъ - дядя, двоюродный братъ потерпѣлъ крупную несправедливость... Ну, что жъ дѣлать? каковъ есть, такого и берите. Но все-таки скажу: *чудно „красивъ"* былъ мой душевный міръ въ моментъ этого взрыва!

---

*) Вызванныя сыскными талантами его отца.

Я не о внѣшности говорю. Внѣшность была совсѣмъ не красива. Помню, что я, глотая слезы, опрокинулъ вазу съ пастилой и обозвалъ дяденьку-генерала какимъ-то грубымъ кадетскимъ словомъ. Затѣмъ совершенно безсознательно, машинально пошелъ въ переднюю: оставаться у дяденьки я не могъ. Прошелъ я почему-то черезъ салонъ, хотя могъ бы пройти болѣе короткимъ и удобнымъ путемъ. Помню, какъ сзади меня дяденька-генералъ шипѣлъ задыхающимся голосомъ: „ахъ ты пащенокъ!“...

Какъ видите, эпизодъ самый обыкновенный, и вообще очень обыкновенны всѣ эпизоды покаянія кающагося дворянина. Отъ этого-то они, конечно, тѣмъ болѣе характерны: вѣдь и изверженіе начинается обыкновенно съ едва замѣтной струйки дыма. Нуженъ былъ только толчокъ и разъ онъ былъ данъ — мысль пошла работать въ данномъ направленіи, торопливая, захлебывающаяся мысль. Она переворотила, наконецъ, всю жизнь, начиная съ дѣтскихъ воспоминаній, службы отца по откупной части, видѣнныхъ давнымъ-давно разбитыхъ носовъ, самыхъ крошечныхъ грѣховъ. Она увлеклась, разумѣется, своей самобичующей работой, доходя до смѣшного — со стороны глядя, конечно — по этой мелочности.

Разсказываетъ, напр., кающійся дворянинъ, какъ въ дѣтствѣ возлюбилъ онъ „солененькіе прянички“, продававшіеся въ сосѣдней лавочкѣ у Захарыча, но такъ какъ денегъ не было, то онъ вмѣстѣ съ дворовымъ Ѳедькой, сверстникомъ своимъ, вымѣнивалъ солененькіе на всякую желѣзную дрянь, валявшуюся на улицѣ. Отъ дряни перешли и къ гвоздямъ изъ стѣнъ дома...

„Разъ даже вывернули огромный желѣзный болтъ изъ ставни. Захарычъ выдалъ очень большую порцію солененькихъ, но потомъ испугался, но прежде чѣмъ дома было замѣчено похищеніе, принесъ болтъ... Поднялась кутерьма... И я имѣлъ подлость спрятаться за спину Ѳедьки, потому что его жестоко отодрали. А онъ, *великодушный и благородный*, не только и впослѣдствіи ни однимъ словомъ не намекнулъ на мою *подлость* и *отступничество*, но на той же недѣлѣ *угостилъ меня солененькими*, добытыми уже на свой собственный страхъ. Онъ видѣлъ, что такая *свинья*, какъ я, такому гусю, какъ онъ, не товарищъ, но все-таки принесъ солененькихъ.

„...Мелочь это, ребячество—я очень хорошо знаю. Но теперь, когда я вообще каюсь, когда извѣстная нравственная система проникла всѣ поры моего существованія, меня и эта старая ребяческая мелочь *больно и непріятно щекочетъ*. И хоть никому ровно до этихъ маленькихъ уколовъ дѣла нѣтъ, а иной даже посмѣется надъ ними, но мнѣ для собственнаго успокоенія хочется воздухъ очистить, форточку и трубу открыть и во всеуслышаніе крикнуть: *Ѳедька великодушный, прости меня*“... *).

Мнѣ, послѣ этого эпизода, не смѣяться хочется, потому что нѣтъ ничего особенно смѣшного въ томъ, что человѣку желательно „воздухъ очистить“,— но только обратить вниманіе на поразительное несоотвѣтствіе величины и размѣровъ эпизода съ температурой экзальтаціи, съ какой онъ разсказывается, и съ крѣпостью какъ бы нарочно подобранныхъ эпитетовъ... „Великодушный“... „благородный“... „подлость“... „отступничество“... „свинья“... опять „великодушный“... По меньшей мѣрѣ, подумаешь, дѣло идетъ объ эпизодѣ изъ временъ французской революціи или лиссабонскаго землетрясенія, а между тѣмъ ни о томъ, ни о другомъ, а лишь объ исторіи

*) Курсивъ мой.

съ солененькими. Конечно, солнце отражается и въ малой каплѣ водъ — это такъ, но въ приведенныхъ строкахъ, какъ кажется, ровно ничего не отражается кромѣ покаянной истеричности. На самомъ дѣлѣ, въ чемъ собственно проявилось Ѳедькино великодушіе? Въ томъ, что онъ не выдалъ барчонка? Но, во-первыхъ, выдавать товарища не годится: это не только великодушные Ѳедьки, но и великодушные кадеты всѣхъ корпусовъ знаютъ; а, во-вторыхъ, Ѳедька, какъ человѣкъ, испытанный въ жизненныхъ перипетіяхъ, прекрасно понималъ, что, выдавая своего соучастника, онъ не только не улучшалъ своего положенія, а, напротивъ, даже ухудшалъ его: естественно, что его же родители, взволнованные такой новою продерзостью со стороны сына, какъ жалоба на барчонка, отодрали бы его вдвое. Избравъ изъ двухъ золъ меньшее и скорѣйшее, онъ поступилъ какъ истинный философъ.

Впрочемъ, дѣло не въ этомъ. Въ томъ фазисѣ своего развитія, въ который перешло наше народолюбіе въ семидесятыхъ годахъ,—эта вотъ его слезливость и истеричность, какое-то поразительное желаніе сдѣлать изъ мухи слона, стали какъ бы прямо его необходимостью. Чувствительно это выходитъ, трогательно и даже искренно выходитъ, а вотъ какъ-то совсѣмъ это на тебя не дѣйствуетъ: ни разсказъ о мужикѣ Мореѣ, Достоевскаго (тоже немного барича), ни разсказъ о великодушіи Ѳедьки. Видишь какъ будто, что стоитъ передъ тобой человѣкъ, который нарочно растравляетъ свою крошечную ранку, и когда она въ самомъ дѣлѣ разболѣлась, онъ начинаетъ хныкать. Настоящія его слезы? Конечно. А жаль его? Нѣтъ. И надо замѣтить, что разныя бываютъ ранки — и ранки совѣсти, и ранки любви, и ранки жалости и у многихъ кающихся ранки эти обратились въ гнойныя язвы, но, повторяю, не дѣйствуетъ все это на меня по крайней мѣрѣ. Свѣдущіе люди разсказываютъ, что есть какая-то птица, которая въ случаѣ большой своей тоски до смерти терзаетъ клювомъ своимъ свою собственную грудь. И ужъ конечно, когда придетъ такой моментъ, птица выбираетъ мѣсто самое уединенное, одинокую скалу какую-нибудь среди океана и тамъ убиваетъ себя, безъ постороннихъ свидѣтелей, безъ желанія и крикнуть-то что-нибудь во всеуслышаніе. Это вотъ птица, а здѣсь „ни пава, ни ворона“, какъ великолѣпно, „въ самый корень“ выразился Новодворскій. И думается мнѣ, что такой человѣкъ никакого дѣла не сдѣлаетъ, развѣ что выплачетъ тоску свою на груди любимой женщины, какъ говорится въ романахъ, а если онъ талантливъ, то и напишетъ что-нибудь талантливое съ оттѣнкомъ слезливости и истеричности.

Если вы хорошо помните Рахметова, то, разумѣется, хорошо помните и то, что этотъ суровый человѣкъ, дѣйствительно весь отдавшій себя своей задачѣ, никакихъ покаянныхъ чувствъ не ощущалъ. Видалъ же онъ виды, надо думать, и побольше и почище, чѣмъ Темкины и присные имъ. Но некогда было ему каяться, потому что его дѣло не ждало, а для того покаянія, которое кончается любованьемъ надъ собой и даже требованіемъ всероссійскаго апофеоза и чуть ли не монумента— времени надо очень много, а еще больше, чѣмъ времени, нужна для этого страсть къ самотерзанію и самобичеванію, которая—дай ей только просторъ—обращается въ какое-то нравственное кликушество. Увѣряютъ, впрочемъ, что мы, русскіе люди, особенно склонны къ этому...

Не трудно представить себѣ, до чего дошелъ бы кающійся дворянинъ въ благородномъ порывѣ своего самобичеванія. Не можетъ же не надоѣсть въ концѣ концовъ человѣку такое интересное занятіе и онъ по всей вѣроятности просто-на-просто увеличилъ бы собою ряды рыцарей на часъ, съ горечью, конечно, но и не безъ нѣкотораго тайнаго довольства собственною особой восклицающаго во всѣ эпохи русской исторіи: „суждены намъ благіе порывы, но — свершить ничего не дано!“ Если этого не случилось, то виновата, разумѣется, встрѣча съ людьми рахметовскаго типа, которые, къ сожалѣнію, только намеками обрисованы въ романѣ Темкина. Но до этого его герою пришлось пережить нѣкоторыя перипетіи и, между прочимъ, пребываніе въ салонѣ своей тетеньки-генеральши, гдѣ его взволнованная совѣсть нашла себѣ успокоеніе въ либеральныхъ фразахъ:

„Тамъ всѣ были такъ веселы, такъ довольны собой, другъ другомъ и всѣмъ салономъ (можетъ быть, одинъ Башкинъ составлялъ нѣкоторое исключеніе, но онъ велъ себя очень сдержанно и не имѣлъ до меня никакого касательства), что я поневолѣ заразился тѣмъ же. Я убѣдился, что, въ сущности, я—прекраснѣйшій молодой человѣкъ, умный, либеральный, обуреваемый весьма высокими мыслями и глубокими чувствами, и что если мнѣ чего недостаетъ, такъ продолженія того, чѣмъ я уже обладаю: знаній, „развитія“.

„Во времена посѣщенія салона Анны Сергѣевны я, конечно, очень хорошо понималъ, вмѣстѣ со всѣми благомыслящими русскими людьми, что такое крѣпостное право. И, однако, я могъ бы построить такое умозаключеніе: мои друзья-пріятели, Ѳедька и Яковъ, проданы и этою цѣною оплачивается мое воспитаніе; такимъ образомъ создается образованный, гуманный, развитой, либеральный молодой человѣкъ, который, выйдя на стезю жизни, еще болѣе расширитъ предѣлы образованности, гуманности, развитія и либерализма. Въ этомъ умозаключеніи непріятная сторона моихъ отношеній къ Якову и Ѳедькѣ не то, что вычеркнута, а проглочена, пройдена съ чрезмѣрною быстротою, сказана скороговоркою въ томъ родѣ, какъ въ извѣстномъ разговорѣ: что твое, то мое, а что мое, то мое. Или, еще, какъ хохлы говорятъ: або ти, тату, ідь у ліс, се я застанусь дома, або я, тату, застанусь дома, а ти ідь у ліс. Очень скоро сказано, такъ что незамѣтно“.

Но вѣдь Темкинъ—каковъ бы онъ ни былъ въ смыслѣ силы или безсилія — въ то же время отличался и искренностью, и талантливостью. Великолѣпныя эти качества скоро помогли ему постигнуть всю фальшь громкихъ и либеральныхъ фразъ, всю ихъ тщету и напыщенность. Какъ, однако, это случилось—хорошенько неизвѣстно и, право, жаль, что романъ написанъ урывками, вперемежку съ неидущими къ дѣлу разсужденіями, оборванъ на половинѣ и вообще представляетъ изъ себя что-то черезчуръ уже хаотическое. Можно почти что догадываться, что либеральная тетенька возлюбила розовыя щеки своего племянника, стала въ разное время заѣзжать въ его коморку, любуясь его непосредственностью, но, однажды, заставши въ той же коморкѣ дѣву Наташу, была такъ глубоко огорчена въ своихъ родственныхъ и иныхъ чувствахъ, что отказалась отъ племянника... Потомъ къ тому же Темкину пріѣхала его сестра Соня, у которой начался свой романъ съ либеральной крѣпостнической средой. Соню обманули конечно, „опозорили“, какъ это

говорится, и ей одинаково не оставалось другого исхода, какъ полный разрывъ со всѣмъ прошлымъ и „своя дорога“ — слишкомъ извѣстная для всѣхъ хотя бы по наслышкѣ, знакомыхъ съ жизнью семидесятыхъ годовъ, чтобы надо было на ней останавливаться...

Соня обрисована превосходно и не только на словахъ. Несомнѣнное художественное дарованіе г-на Михайловскаго, которое чувствуется въ каждой написанной имъ строкѣ, какъ бы сосредоточилось около этой дѣйствительно милой и привлекательной фигуры дѣвушки и вылилось въ красивомъ цѣльномъ образѣ. Соня— непосредственная натура. Ея знаніямъ, образованности, количеству прочитанныхъ ею книгъ не позавидовала бы и современная гимназистка; но въ ней есть нѣчто большее—настоящая органическая честность характера. Каждую данную минуту она превосходно знаетъ, что ей надо дѣлать, чтобы избѣжать лжи и лицемѣрія, чтобы даже не дотронуться до нихъ. Она не разсуждаетъ, а вѣритъ въ себя, вѣритъ въ силу добра, искренности, самопожертвованія, терпѣть не можетъ фразъ, не говоритъ, что „мы обязаны“. То, что далось съ такимъ трудомъ ея брату, тѣ крошечныя истины, до которыхъ тотъ дошелъ очень тяжелымъ и труднымъ путемъ, дались ей какъ-то сразу. Она не каялась, но сразу поняла, вѣрнѣе, постигла, что всѣ ея привилегіи и преимущества куплены на чужой счетъ и за нихъ надо расплатиться. Это не силлогизмъ какой-нибудь, не выводъ изъ ряда душевныхъ страданій, а что-то удивительно простое, чистое и ясное, для чего въ нашемъ лексиконѣ нѣтъ даже неиспошленнаго названія. Силы въ ней много было заложено —вотъ, пожалуй въ чемъ дѣло,—настоящей человѣческой силы, которая, въ концѣ концовъ, даже и заключенная въ хрупкомъ сосудѣ, заставляетъ преклониться передъ собой. Эта сила—удивительная вещь, исключающая недовѣріе къ людямъ, раздраженіе противъ нихъ, злобу, не знающая страха передъ завтрашнимъ днемъ, передъ лишеніями грядущихъ дней. Ни признака колебаній при какомъ угодно поступкѣ, полная готовность всегда отвѣтить за себя и принять всѣ послѣдствія, каковы бы они ни были, и въ то же время ничего вызывающаго, никакого надрыва. По-старому Соня жить не могла,—она стала жить по-новому, даже не думая о томъ, какъ это опасно (и дѣйствительно, не мало опасностей выпало ей на долю), а просто потому, что не хотѣла да и не могла жить иначе. Не могла она оставаться у тетеньки-генеральши и ушла отъ нея; не могла любить больше Башкина и перестала любить; не могла равнодушно перенести видъ голоднаго ребенка, обросшаго коростой, и притащила его съ собой на квартиру и, конечно, стала бы для него самой нѣжной и любящей матерью. Не могла—и все тутъ. Какъ „есть рѣчи — значенье темно иль ничтожно“—такъ, пожалуй, и про Соню можно сказать то же самое.

Говорить она мало говорила, да и вообще она не была мастерица на этотъ счетъ: слова выходили у ней всегда милыя, но въ то же время наивныя, полудѣтскія; но сказать она, дѣйствительно, могла очень и очень многое, такъ какъ-то, всѣмъ существомъ своимъ, каждымъ поступкомъ своимъ могла сказать многое. Напр., кающемуся дворянину и брату своему Григорію Темкину могла бы она сказать (и, разумѣется, сказала) приблизительно слѣдующее: „Любезный братъ мой и

дворянинъ Григорій Александровичъ, какъ нельзя болѣе вы правы, утверждая, что кающіеся лучше нераскаянныхъ, и хотя отсюда и не слѣдуетъ, что они обладаютъ дивной красотой, но, если они даже и обладаютъ ею, то пусть она при нихъ и остается. Красота—дѣло хорошее; сообщите же однако мнѣ, вашей сестрѣ и другу, какой собственно рядъ силлогизмовъ и глубокихъ умозаключеній привелъ къ такому вотъ выводу: „такъ какъ я обладаю дивной красотой, то въ ожиданіи всероссійскаго апофеоза не нахожу для себя ничего лучшаго, какъ валяться цѣлыми днями на кровати и плевать въ разстилающійся надо мною потолокъ". Не отказывая этому выводу въ своего рода остроуміи, позволю себѣ напомнить вамъ, что деньги, обезпечивающія вамъ возможность предаваться своему интересному и поучительному занятію, получены за проданныхъ Ѳедекъ и Яковов, вашихъ братьевъ, какъ вы красиво выражаетесь, и что если у васъ есть дѣйствительное желаніе расплатиться по счету, предъявленному вамъ вашей же совѣстью, то, мнѣ кажется, время еще не ушло. Ѳедька, по адресу котораго вы иногда по ночамъ кричите: „великодушный, прости меня!" былъ выпоротъ отчасти и за вашу вину двадцать лѣтъ тому назадъ помочь этой бѣдѣ теперь затруднительно, но подумаемъ, нельзя ли и намъ съ вами поспособствовать тому, чтобы такія вотъ бѣды больше не повторялись..." И вообще много и много могла бы сказать Соня по адресу любезнаго брата своего.

Совмѣстная жизнь Сони и Темкина устроилась по излюбленному образцу того времени. Возлѣ нихъ образовался не то кружокъ, не то коммуна. Безалаберщина и въ денежномъ отношеніи, и въ другомъ была страшная, но жили люди—жили какими-то странными пришельцами съ другихъ міровъ среди все обострявшейся борьбы за существованіе, не думая о ней среди надвигавшейся лжи, пошлости и тщеславія, не зная ихъ.

Два-три эпизода этой жизни намъ надо разобрать.

VII.

Предупреждаю, впрочемъ, что факты мелкіе, совсѣмъ крошечные, какъ и вообще всѣ факты, о которыхъ дворянинъ Темкинъ счелъ нужнымъ сообщить въ своемъ романѣ. Но вѣдь мелкій фактъ не значитъ—неважный фактъ, особенно если принять во вниманіе, что у человѣка больная совѣсть, неспокойная и раздражительная,—совѣсть, отвергающая всякое утѣшеніе и преслѣдуемая образами великодушнаго Ѳедьки или въ кровь избитаго Якова...

Въ то время, какъ кающійся дворянинъ созерцалъ дивную красоту своего духа, Соня, благодаря непосредственности своей натуры, первая поняла, что этимъ дѣломъ интеллигентное бытіе ограничиться не можетъ и не должно, и нашла точку приложенія силъ. Въ данномъ случаѣ этой точкой оказался младенецъ крестьянскаго происхожденія.

„...На улицѣ у Сони попросила милостыни женщина съ ребенкомъ на рукахъ. Соню поразилъ ужасно болѣзненный видъ ребенка: его несоразмѣрно большая голова была покрыта вся и съ лицомъ какой-то безобразной коростой". Соня немедленно же взяла ребенка къ себѣ на квартиру, а нищую—къ себѣ въ няньки. И немедленно же начались самыя торопли-

выя хлопоты, особенно потому, что надо было получить родительское разрѣшеніе на воспитаніе младенца. Обратились сначала къ матери. Та, совершенно забитая, растерявшаяся отъ вѣчныхъ побоевъ и вѣчной нищеты женщина, какъ будто и согласилась. Правда, предстояли еще переговоры съ Никаноромъ Петровичемъ (родителемъ), который въ данную минуту безнадежно гулялъ, но „мы были просто довольны собой... Соня сіяла. Теперь она уже рѣшила, подъ вліяніемъ успѣха, что Ванюшка останется у насъ навсегда, что мы изъ него сдѣлаемъ какого-то совершенно необыкновеннаго человѣка, и, Богъ знаетъ, еще какого милаго вздора наговорила она мнѣ, пока мы тряслись на извозчичьихъ дрожкахъ до дому...“

Кончилось же, разумѣется, все это глупостью.

„Развязка не заставила себя ждать. Дня черезъ три, въ отсутствіе мое и Сони, Никаноръ Петровичъ взялъ мальчика, уведя съ собою и нищую-няньку. Василиса попробовала было протестовать, но онъ грозилъ полиціей, вытребовалъ дворника и—побѣдилъ. Когда мы вернулись, мы застали только Василису, горько плакавшую надъ развалинами гнѣзда, свитаго было для Вани. Соня, измученная безсонными ночами и дневными тревогами, успѣвшая вдобавокъ уже сильно привязаться къ мальчику, въ которомъ видѣла отчасти какъ бы свое созданіе, слегла и прохворала мѣсяцъ За это время я побывалъ на Лиговкѣ, но Никанора Петровича не засталъ, а Марія, съ новыми сине-багровыми иллюстраціями на лицѣ, только охала и безсильно махала руками. Мальчикъ, какъ я гораздо позже случайно узналъ, умеръ“.

Развязка вышла не изъ умныхъ, но другой, въ сущности говоря, и быть не могло. Но какъ бы ни была глупа развязка—эпизодъ характерный, коренной, если хотите, эпизодъ. Вѣдь послѣ,—какъ мы сейчасъ увидимъ,—когда критическая мысль захотѣла подвести подъ этотъ самый эпизодъ философскія основанія—оправдать его или осудить его,—когда она должна была сдѣлать это, потому что такіе эпизоды повторялись постоянно и въ гораздо бо̀льшихъ размѣрахъ,—она въ сущности сдѣлать этого не сумѣла. Хороша или не хороша непосредственность Сони, умны или не умны ея мечтанія создать изъ Ванюшки необыкновеннаго человѣка—толковать объ этомъ нечего; тутъ надо толковать о самомъ фактѣ, не расширивъ его границы, смотря только на него, какъ на символъ того огромнаго факта, который въ свое время сыгралъ большую и преважную роль,—того т. е., что Ванюшка (при помощи кающихся дворянъ) или кто-нибудь другой вышелъ изъ народа. Хорошо ли это, или дурно?

Не безъ грусти надо признаться, что умные люди занимались такими вотъ вопросами, да такъ ни на чемъ и не порѣшили. Съ одной стороны какъ будто хорошо, съ другой—какъ будто совсѣмъ скверно, такъ какъ выйти изъ народа можно, очевидно, на разный образецъ. И какъ ни различны бываютъ образцы, все же нельзя выйти изъ народа, не отрѣшившись отъ очень и очень многаго—и отъ земледѣльческаго труда, и отъ общиннаго духа, и отъ обычнаго права, и отъ другого, подобнаго переименованнымъ вещамъ, настоящаго отношенія къ которымъ наша интеллигенція не опредѣлила...

Она и не могла опредѣлить его, потому что стояла не на той почвѣ и смотрѣла на него не съ той точки зрѣнія, съ какой слѣдуетъ. Она была слишкомъ

этична или, какъ я выше сказалъ, мораль была ея религіей. Наблюдая передъ собой какой-нибудь процессъ развивающейся жизни, она больше всего интересовалась отдѣльными его результатами и проявленіями, постоянно спрашивая себя, „насколько они добро“ и „насколько они зло“. То же самое и съ „выходомъ изъ народа“.

Выходцы, куда бы они ни вышли—въ интеллигенцію ли, или въ кулаки, такъ или иначе становились въ обособленное отъ народной массы положеніе. Могла существовать связь, но эта связь была уже не прежней, основанной на однородности впечатлѣній, однородности воспитанія, интересовъ, воздѣйствія тѣхъ же укладовъ,—а другой, лучшей или худшей—смотря по обстоятельствамъ,—но *другой*.

Дорожа старыми укладами жизни, вѣруя въ нихъ, надѣясь съ ихъ-то помощью разрѣшить всѣ тѣ политико-экономическія затрудненія, которыя выпали на долю Запада,—интеллигенція не безъ ужаса видѣла, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ „выходцы“ окончательно порывали съ этими самыми укладами и даже вступали съ ними въ борьбу.

Тѣмъ настойчивѣе становился вопросъ: добро это или зло, и тѣмъ неразрѣшимѣе, потому что въ одномъ случаѣ это было добро, а въ другомъ—зло. А общаго рѣшенія вопроса, общаго принципа при этической точкѣ зрѣнія быть не могло.

Эту растерянность мысли, постоянную противорѣчивость самому себѣ вы найдете и у г. Михайловскаго, какъ и у большинства семидесятниковъ.

„Всякому,—пишетъ онъ,—вѣроятно случалось слышать такую фразу: такой-то,—скажемъ, г. Губонинъ,—вышелъ изъ народа. Говорящій это обыкновенно нѣсколько умиляется и видитъ въ своихъ словахъ нѣкоторую рекомендацію г. Губонину. Если онъ станетъ анализировать свое умиленіе, то увидитъ, что его, во-первыхъ, радуетъ фактъ удачи г. Губонина, пробившагося откуда-то снизу, куда-то наверхъ; во-вторыхъ, мысль, что г. Губонинъ будетъ добросовѣстнѣе, любовнѣе, вообще лучше, чѣмъ кто-либо другой, относиться къ той средѣ, изъ которой онъ вышелъ... Едва ли, однако, говорящій это приготовленъ къ отвѣтамъ на слѣдующіе вопросы: куда вышелъ г. Губонинъ изъ народа? Если слово народъ есть такое умилительное слово, то слѣдуетъ ли радоваться тому, что г. Губонинъ куда-то вышелъ изъ народа? Если же г. Губонинъ вышелъ куда-то изъ народа, сталъ ему чужимъ, то на чемъ основано мнѣніе, что онъ будетъ лучше относиться къ народу, чѣмъ какой-нибудь русскій винодѣлъ или русскій сахарозаводчикъ?.. Г. Губонинъ, положимъ, сохранилъ всѣ національныя особенности—костюмъ, вѣрованія и пр.,—но все-таки онъ уже теперь не тотъ, у него совершенно другая дѣятельность, совершенно другіе интересы. Пока г. Губонинъ не выходилъ изъ народа, прямой его интересъ состоялъ въ томъ, чтобы трудъ оплачивался дорого; теперь, когда онъ вышелъ изъ народа, такой же интересъ его состоитъ въ томъ, чтобы трудъ оплачивался дешево. Въ виду этого нѣкоторые изъ умиленныхъ, можетъ быть, призадумаются надъ вопросами: *куда вышелъ г. Губонинъ изъ народа, и хорошо ли, что онъ вышелъ? Можетъ быть, нѣкоторые прямо скажутъ: не хорошо.* Тогда мы спросимъ, хорошо ли, что Шевченко вышелъ изъ народа? Всякій, я думаю, отвѣтитъ утвердительно“...

Ужъ если г-ну Михайловскому приходилось давать такіе двойственные отвѣ-

ты—значитъ дѣло обстояло совсѣмъ плохо и оборудовано въ философскомъ смыслѣ было крайне мизерно. Его отвѣтъ — „и хорошо, и скверно“, смотря по дальнѣйшимъ поступкамъ выходцевъ...

Я знаю, что русскій публицистъ, вспомнивъ, кстати или не кстати, о полѣ, усѣянномъ мертвыми костями, или картинѣ, нарисованной пророкомъ Іезекіилемъ, или о чемъ-нибудь другомъ, одинаково къ дѣлу подходящемъ *),—кое-какъ на бумагѣ выберется изъ всѣхъ этихъ затрудненій, но какъ, напр., могла бы выбраться изъ нихъ Соня, на рукахъ которой Ванюшка, обросшій коростой. Ванюшка—весь въ будущемъ и это будущее—на водѣ писано. Можетъ быть изъ него выйдетъ Губонинъ, господинъ; можетъ быть Шевченко—бабушка сказала на-двое. Какъ же тутъ быть?

Разъ отсутствуетъ принципъ—цитаты изъ видѣнія пророка Іезекіиля—увы!—замѣнить его не могутъ.

Въ своихъ статьяхъ о Щедринѣ мнѣ пришлось коснуться какъ разъ того же вопроса, говоря о „хозяйственномъ мужикѣ“.

Съ одной стороны, конечно, народная нищета, которая такъ намозолила глаза, такъ жестоко обидѣла сердце, представляетъ изъ себя что-то до такой степени противоестественное, что, видя передъ собой крѣпкую избу, непошатнувшіяся ворота, запасы на цѣлый годъ,—нельзя не радоваться. Съ другой стороны, очевидно, что хозяйственный мужикъ такъ или иначе, но уже отшатнулся отъ народа и Щедринъ прямо говоритъ, что онъ—плохой общинникъ. Радоваться, значитъ, нечего, или, лучше сказать, естественный процессъ давалъ совершенно одинаковые поводы къ радости и къ скорби, принципіальная же сторона дѣла оставалась таинственной и неопредѣленной.

Идите дальше.

Народникъ-ригористъ скажетъ и повторитъ вамъ такія слова: „если вы хотите въ дѣйствительности служить кому-либо или расплатиться съ кѣмъ-либо (т. е. съ народомъ, въ данномъ случаѣ), то вамъ надо дѣйствовать согласно съ интересами этихъ людей, признанными и выраженными ими же самими, *т. е. согласно также съ мнѣніями ихъ, а не подставлять вмѣсто этихъ свое пониманіе*“.

Если не очень умно, то все же рѣшительно, настолько рѣшительно, что г. Михайловскому при разборѣ этой формулы сейчасъ же приходится дѣлать всякія оговорки и прибѣгать къ ненавистному ему „съ одной стороны надо сознаться, но“ и т. д.

„Возьмемъ,—говоритъ онъ,—примѣръ. По деревнѣ ходитъ эпидемическая нервная болѣзнь“. „Интересъ народа“ состоитъ, конечно, въ прекращеніи болѣзни и вы будете, по мѣрѣ своихъ силъ и знанія, дѣйствовать въ этомъ направленіи. Но руководствоваться при этомъ мнѣніемъ народа вы, конечно, не станете, потому что мнѣніе это состоитъ въ томъ, что надо разыскать колдуна или колдунью, напустившую „порчу“, и либо сжечь ее, либо пригвоздить къ землѣ осиновымъ коломъ въ спину“.

---

*) См. „Дневникъ читателя“: „pro domo sua“. Сочиненія Н. К. Михайловскаго, т. VI-ой.

Примѣръ выбранъ съ ногъ сшибательный, но мнѣ думается что ригористу-народнику даже и этомъ случаѣ смущаться совершенно нечего. Онъ прямо можетъ потребовать общаго критеріума и указать на массу примѣровъ, когда, дѣйствуя въ интересахъ народа, но противъ его мнѣній,—люди достигали поразительно скверныхъ результатовъ.

Даже и въ данномъ случаѣ. Я, напр., стану лѣчить нервную болѣзнь самыми раціональными средствами, дѣйствуя, разумѣется, въ интересахъ народа. А вдругъ народъ не только не пойметъ меня, да еще взбунтуется. Потребуется вмѣшательство и, чортъ знаетъ, что тутъ только не потребуется и какъ мнѣ отнестись къ такому событію? Представьте себѣ для усугубленія драматизма моего положенія, что я отнюдь не увѣренъ въ раціональности моей системы лѣченія, какъ это бываетъ обыкновенно въ дѣйствительности.

Г. Михайловскій признаетъ, что положеніе можетъ быть во-истину драматическимъ.

Какъ, спрашивается, могла разсуждать Соня?

Дѣйствовала она несомнѣнно въ интересахъ народа, правильно понятыхъ „русской интеллигенціей", хотѣла изъ больного ребенка сдѣлать здороваго, дать ему потомъ образованіе, превратить даже въ необыкновеннаго какого-то человѣка, а, между тѣмъ, мнѣніе народа были противъ нее. Никаноръ Петровичъ, „какъ будучи отецъ", сразу увидѣлъ, что тутъ есть что-то такое неладное, или ему показалось, что онъ видитъ,—или даже ему просто померещилось это въ пьяномъ видѣ,—но, какъ бы то ни было, онъ почелъ нужнымъ прибѣгнуть къ своей родительской власти и привилегіямъ.

Честитъ же его за это кающійся дворянинъ Григорій Темкинъ! „Свинья—Никаноръ Петровичъ,—говоритъ онъ,—и еще свинья".

Почему же такъ рѣшительно—свинья?! Трудно, конечно, войти въ пьяную психологію Никанора Петровича, трудно услѣдить за логикой его пьяныхъ мыслей, но, допуская даже, что въ немъ говорила лишь взвинченная сивухой гордость, не позволившая ему своего ребенка отдать въ чужія руки, не позволившая ему, словомъ, принять чужое благодѣяніе,—мы должны признать, что свиньей онъ все же не былъ. Онъ и Сони не зналъ, какъ знали ее близкіе люди, онъ и къ барской затѣѣ могъ отнестись очень и очень недовѣрчиво. Чѣмъ-то, молъ, еще эта затѣя кончится!

Жизнь барина и жизнь мужика на всемъ протяженіи русской исторіи шли вообще самыми различными путями, что неудивительно, если въ концѣ концовъ оба они перестали понимать другъ друга и стали одинъ другому чужими. Но такъ какъ баринъ былъ въ то же время и властью предержащей, то совершенно естественно и недовѣріе къ нему.

Никаноръ Петровичъ проявилъ свое недовѣріе къ чистому и прекрасному, хотя и дѣтскинаивному порыву Сони. Во время эпизоотій, холеры, чумы и пр., народъ проявляетъ свое недовѣріе къ дѣйствующимъ и даже самоотверженно дѣйствующимъ во имя его интересовъ докторамъ.

Явленія эти того же порядка, группируются они возлѣ того же противорѣчія между мнѣніями и интересами и, если отъ Никанора Петровича легко отдѣлаться, назвавши его свиньей, то вѣдь отъ народа такимъ словомъ не отдѣлаешься.

Г. Михайловскій говоритъ въ концѣ концовъ: „Несомнѣнно, что неписанное, обычное право, представляющее результатъ вѣками накопленнаго опыта, поскольку онъ выражается въ юридическомъ сознаніи народа, должно дать драгоцѣнные матеріалы для положительнаго законодательства. Но въ матеріалѣ этомъ все-таки законодателю придется разбираться: одно принимать, другое отвергать, хотя бы законодатель не имѣлъ въ виду ничего кромѣ интересовъ народа, ибо сложна и многотрудна была историческая жизнь народа и очень разные слои осѣдали въ его обычномъ правѣ. Встрѣчая, напр., тѣ параграфы неписаннаго народнаго права, которые предоставляютъ „сыну на матери капусту возить и молоду жену въ пристяжку водить",—законодатель, конечно, отвергнетъ эти параграфы и будетъ совершенно правъ: они вовсе не соотвѣтствуютъ интересамъ народа, хотя и выражаютъ его мнѣніе".

Это, разумѣется, превосходно, но во всей этой тирадѣ есть одинъ недостатокъ: именно главную въ немъ роль играетъ словесная пустышка: „интересъ народа". Легко это слово выговаривается, да что въ томъ проку? Въ немногихъ, очень и очень ограниченныхъ по числу случаяхъ интересы народа очевидны и не должны возбуждать никакихъ пререканій. Но стоитъ только выйти изъ круга насущныхъ потребностей, какъ кажущаяся простота и ясность немедленно же замѣнятся тьмой египетской. Напр., искусственное поддержаніе общины—будетъ ли оно въ интересахъ народа, или нѣтъ?

И тутъ—чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ и взаимное непониманіе въ концѣ концовъ до утомленія выступитъ наружу.

Интересы народа... психологія народа...—какія все это красивыя и какія пустыя слова! 70-ые годы тѣшили себя мыслью, что то и другое извѣстно имъ во всей подноготной, это главнымъ образомъ потому, что жили они иллюзіями, а не дѣйствительностью. А между тѣмъ много фактовъ, которые должны были бы въ значительной степени уменьшить ихъ сомнѣнія. Вотъ хотя бы одинъ, взятый изъ „Вперемежку".

Была у Темкиныхъ кухарка Василиса, человѣкъ простой, преданный — свой, словомъ, человѣкъ. Вѣра въ нее была полная. И вдругъ какъ-то Темкины застали эту самую честную и преданную Василису за воровствомъ сахара. „Василиса, что ты дѣлаешь?"—съ испугомъ вскричали они. Василиса со злобой взглянула на нихъ, а потомъ стала говорить...

„Я боюсь испортить передачей дикую энергію этой рѣчи и передамъ только ея содержаніе. Василиса винила насъ за то, что у насъ все открыто и отперто, что мы, „барчата", сдѣлали ее воровкой, чѣмъ она съ роду не бывала, что мы „бѣднаго человѣка погубили". Все это сопровождалось сильной жестикуляціей, рыданіями и завершилось объявленіемъ, что она, Василиса, не хочетъ жить въ такомъ „проклятомъ домѣ" и требуетъ разсчета. Мы были совершенно поражены и не нашли ни одного слова для отвѣта. Никакой, собственно, вины мы за собой не знали, а между тѣмъ въ каждомъ словѣ, въ каждомъ жестѣ разъяренной Василисы сквозило полнѣйшее сознаніе ея правоты. Ея бранная рѣчь до такой степени была убѣдительна, не логичностью слова, разумѣется, а пыломъ, свидѣтельствовавшимъ объ ея невинности и нашей виновности, что въ глубинѣ души мы должны были сказать: виноваты. Я не знаю, чѣмъ мы были виноваты,

знаю даже, что лично мы не были виноваты. Но знаю тоже вотъ что: если воръ, пойманный вами съ поличнымъ, не отпирается, не оправдывается, а вамъ самимъ бросаетъ въ лицо обвиненіе, и если вы чувствуете, что есть что-то въ его словахъ вѣрное, такъ надо бѣжать изъ этой комбинаціи условій. А какъ бѣжать? Куда бѣжать?"

„Ангелъ"—Соня, разумѣется, всю эту исторію уладила, во-время сказала что-то хорошее, во время напилась съ Василисой кофею, но все же не могъ этотъ эпизодъ не раскрыть страшной пропасти двухъ „психологій", страшную отчужденность двухъ слоевъ общества.

Онъ бы и открылъ, конечно, все это безпристрастному „наблюдателю", но въ томъ-то и дѣло, что безпристрастныхъ наблюдателей тогда и на сценѣ не было, что эти безпристрастные наблюдатели клеймились разными позорными кличками, что очевидныя недоразумѣнія и противорѣчія сглаживались и примирялись „порывомъ", такимъ вотъ, къ какому такъ способна была Соня.

Натуры же, болѣе рефлектирующія, ежеминутно терялись и по поводу такой даже глупости, какъ воровство Василисой сахару, сейчасъ же спрашивали себя: „какъ бѣжать? Куда бѣжать?"

VII.

Кающійся дворянинъ заподозрилъ правоту своего общественнаго положенія. Опять нѣсколько любуясь собой, нѣсколько торопливо подчеркивая свою современность, онъ говоритъ: „Личное благополучіе, какъ принципъ, есть штука, конечно, очень, какъ бы сказать... мѣщанская что ли. Стремленіе къ личной чистотѣ и соотвѣтственное покаяніе — штука старая, давшая искусству, кажется, уже все что съ нея взять можно. Но чувство *личной отвѣтственности за свое общественное положеніе* есть тема *новая*, почти незатронутая".

Какъ ни случайно, повидимому, явилось въ душѣ нашего героя „чувство личной отвѣтственности за свое общественное положеніе", оно все же оказалось достаточнымъ, чтобы перевернуть верхъ дномъ и его жизнь, и его внутренній міръ. Дѣло, разумѣется, въ томъ, что это не было его личное чувство, а чувство и настроеніе цѣлой эпохи, по крайней мѣрѣ цѣлой общественной группы, часть которой ушла въ карьеру, а другая часть въ себя, чтобы копаться въ душѣ своей, копаться въ ней вплоть до дѣтскихъ воспоминаній и даже дальше того—до лѣтописи и поколѣній, копаться тамъ и мучить себя, переходя отъ рыданій къ восторгамъ передъ дивной красотой новаго чувства. Мелко это или крупно — это въ сущности безразлично, но совсѣмъ не безразлична другая точка зрѣнія на жизнь, выработанная неугомонной совѣстью. Вотъ, напр., совсѣмъ маленькое соображеніе:

„Для того, чтобы изъ меня геніальный комокъ нервовъ выработался, нужно кому-нибудь снять съ меня весь физическій трудъ, необходимый въ данную минуту, то есть нужны Ѳедьки и Яковы, не крѣпостные, такъ „вольные", но, во всякомъ случаѣ, приспособленные къ стихіи физическаго труда и превосходно съ ней справляющіеся".

Ясное дѣло, что тутъ должна немедленно же воспослѣдовать рѣчь о справед-

ливости подобнаго раздѣленія труда. Вотъ другое соображеніе еще болѣе мелкое и даже,—скажу прямо,—непріятное по своей мелочности и придирчивости:

„Извольте,—продолжаетъ кающійся дворянинъ,—взглянуть на такую еще мелочь—одну изъ тысячи. Кухарка вноситъ самоваръ. Отъ тяжести и чтобы защитить лицо отъ пара, она откинулась немного назадъ и въ сторону: лицо ея отъ натуги покраснѣло и искривилось". Всѣмъ присутствующимъ извѣстно, что кухарка продѣлываетъ эту операцію по нѣсколько разъ въ день и еще множество другихъ за шесть за семь цѣлковыхъ въ мѣсяцъ. Но, кромѣ того, всѣмъ присутствующимъ, какъ людямъ образованнымъ и благомыслящимъ, очень хорошо извѣстна та политико-экономическая истина, что трудъ есть мѣрило цѣнностей и что обмѣнъ услугъ справедливъ только при условіи равенства. Выходитъ такого рода противорѣчіе между мыслью и жизнью, что людямъ поневолѣ становится другъ друга совѣстно. Пока имѣлъ цѣну вопросъ о діалектическомъ процессѣ саморазвивающейся идеи и тому подобныя вещи, они играли роль мушки или горчичника: оттягивали вниманіе даже благороднѣйшихъ людей отъ ежечасныхъ противорѣчій, въ которыхъ они стояли. Но теперь поневолѣ, приходится снимать одна за другой всѣ „сто ризокъ" и имѣть дѣло съ тою обнаженностью, которая такъ не нравится Башкину и ему подобнымъ друзьямъ красоты".

Я не говорю, что примѣръ насчетъ кухарки плохъ. Во всякомъ случаѣ онъ нисколько не хуже десятка такихъ же примѣровъ на такія же темы; не стану даже утверждать, чтобы заниматься ими было бы уже совсѣмъ безполезно. Отчего же, надѣвая сапоги, не вспомнить о сапожникѣ; мѣняя рубашку—о прачкѣ, избитой пьянымъ мужемъ; садясь на стулъ—о ремесленникѣ, обсчитанномъ своимъ хозяиномъ; беря въ руки перо—о рабочемъ, который всю жизнь выдѣлываетъ все одну и ту же его сотую часть. Вспомнить объ этомъ не грѣхъ, но очень и очень сомнительно, чтобы изъ сотни и тысячи такихъ воспоминаній вышелъ какой-нибудь прокъ.

Чтобы избавиться отъ такой нравственной метафизики, кающемуся дворянину пришлось опереться на другую силу.,.

„Вотъ замѣчательный и, смѣю сказать, историческій фактъ: въ то время, какъ Писаревъ и другіе изыскивали программу чистой, святой жизни, уединенной отъ всякой общественной скверны, а мы, чуть ли не большинство тогдашней молодежи, старались проводить эту программу въ жизнь, въ это самое время, всѣ эти Помяловскіе, Рѣшетниковы, Щаповы, Нибуши и проч. знать не хотѣли никакихъ эпитемій и знакомились съ бѣлой горячкой. Они были полны ненависти и были правы въ своей ненависти. Ихъ не могло мучить сознаніе личной отвѣтственности за свое общественное положеніе, ихъ могла душить только злоба за искалѣченную жизнь. Но они были, все-таки, близки намъ, именно своею ненавистью, и изъ этой близости возникали чрезвычайно странныя столкновенія. Прежде всего, они насъ спасли отъ окончательнаго погруженія въ писаревщину. Мы готовы были совершенно закупориться въ тѣсную раковинку собственной чистоты, примирившись съ тѣмъ фактомъ, что въ нижнемъ этажѣ того самаго зданія, гдѣ мы себѣ устроили уютное гнѣздышко, живетъ непроглядное невѣжество, безысходная нищета. Но разночинцы выходили именно отсюда, изъ этого страшнаго подвала, и вносили съ собою струю свѣжаго воздуха. Такъ что они, со всѣмъ своимъ пьянствомъ и буйствомъ, спасали насъ".

Какъ видите, картина мѣняется довольно рѣзко. Вѣдь очевидно, что ни Рахметовъ, ни Рѣшетниковъ, ни Помяловскій не стали бы ни писать, ни говорить трогательныхъ фразъ о кухаркѣ, напряженно несущей самоваръ, прекрасно понимая, что надо что-нибудь и гимназистамъ оставить. Совсѣмъ другіе люди, другое сословіе, безъ признаковъ этой застоявшейся и перекваше́нной барской психологіи и того барскаго духа, который шелъ въ народъ съ несовсѣмъ даже пристойною просьбой лѣчить его и предлагалъ въ расплату свою дряблую, больную, никому ненужную совѣсть. Все равно, какъ многіе женились на крестьянкахъ по любви, по модѣ, а между прочимъ по тому соображенію, чтобы обновить организмъ интеллигенціи притокомъ свѣжей крови,—такъ другіе многіе обращались къ народу за свѣжей кровью для своей больной совѣсти.

А что давала она ему взамѣнъ?..

Какъ бы то ни было, но кающійся дворянинъ пошелъ на выучку къ суровымъ людямъ. Не мало есть этихъ суровыхъ людей и въ „Вперемежку". Одинъ изъ нихъ—Нибушъ выступаетъ даже довольно рѣзко и дѣятельно, фигуры другихъ, напр., Апостолова, по условіямъ журнальной работы какъ-то скомканы. Но все же любопытныя фигуры...

Однако, пойдя на выучку къ суровымъ людямъ, кающійся дворянинъ нисколько отъ себя не отказался и—зачѣмъ бы въ самомъ дѣлѣ сталъ отказываться отъ себя кающійся дворянинъ, столь склонный любоваться собственной дивной красотой своей. Увлекшись извѣстными идеями, онъ, какъ неофитъ, какъ натура истеричная, прежде всего потребовалъ „всего этого вдвое" и придалъ всему спеціальную окраску чрезмѣрности покаяннаго духа.

Онъ былъ смѣлъ, требователенъ, ригористиченъ на словахъ, но въ жизни онъ оставался дряблымъ и ненужнымъ, способнымъ лишь къ *надрыву*. И какъ на самомъ дѣлѣ могъ онъ забыть ближайшее родство свое съ Рудинами, Бельтовыми, Печоринымн,—тоже каявшимися и тоже любовавшимися собой?..

Тотъ сословный духъ 70-хъ годовъ или, скромнѣе, отпечатокъ сословнаго духа, о которомъ я говорилъ въ четвертой статьѣ этой своей работы, превосходно отразился на кающемся дворянинѣ. Ненужный онъ былъ человѣкъ, хотя и искренній, врагъ красоты, хотя и страстно любившій ее, способный на самоотреченіе, но такое лишь, которое давало возможность любоваться собой...

Евг. Соловьевъ.

Библіографія.

Аполлонъ Коринфскій. *Бывальщины и картины Поволжья. Спб., 1899 г. Цѣна 2 р.*

Можно ли геніально играть на балалайкѣ? Можно ли воплотить высокое вдохновеніе въ звукахъ сопилки? Можно ли воздвигнуть Акрополисъ изъ булыжника и пр.? Нѣтъ, нельзя, но можно удивительно ловко играть на балалайкѣ, артистически пользоваться сопилкой, сохранить нѣкоторое внѣшнее изящество Акрополя, даже строя его изъ булыжника.

Матеріалъ и инструменты нашего молодого или бывшаго когда-то молодымъ поэта Аполлона Коринфскаго качества самаго низкаго. „Подлый“ матеріалъ, „подлые инструменты“,—сказалъ бы я, употребляя терминологію прошлаго вѣка, что было бы даже естественно, такъ какъ г. Коринфскій самъ любитъ старую терминологію. „Лиры“ нѣтъ, но есть балалайка... Впрочемъ, теперь, какъ кажется, балалаечники въ модѣ,—или уже вышли они изъ нея?

Г. Коринфскій балалаечникъ-виртуозъ. Онъ владѣетъ языкомъ, владѣетъ имъ съ ловкостью изумительной, съ переборами, перехватами, колѣнцами. У него запасъ словъ; у него неистощимый запасъ словъ. Это нѣчто, поражающее своимъ обиліемъ, это безконечная лента фокусника, вытягиваемая имъ изо рта, ноздрей или глазъ; это нѣчто „безстыдное“ (опять по терминологіи XVIII-го вѣка) по своей плодовитости, истинной плодовитости низшаго организма, это почти графоманія.

Отъ одной важной персоны ямщикъ за хорошую ѣзду получилъ медаль. Достоинъ ли такой сюжетъ поэтической обработки? Не знаю, но г. Коринфскій обрабатываетъ его на мотивъ: „грае-грае, воропае, гопъ, гопъ, гопъ“. Напр.:

„Вотъ онъ, вотъ—передъ тобою
У воротъ стоитъ, гляди—
Съ полъ-аршинной бородою
И медалью на груди“!..

И т. д. на 200 строкъ. Поэзія, чортъ возьми, вотъ такъ поэзія, а между тѣмъ подобными вотъ-вотъ и гимнами полъ-аршинной бородѣ наполненъ огромнѣйшій томъ!

Не все, впрочемъ, такъ уже безнадежно, но даже въ лучшихъ своихъ вещахъ г. Коринфскій производитъ ужасно непріятное впечатлѣніе своими поддѣлками—очень, конечно, невинными и закономъ не преслѣдуемыми. Нашъ вѣкъ—вѣкъ фабричной промышленности. Есть фабрики стараго серебра, старой мебели разныхъ стилей, помпейскихъ древностей, древностей этрусскихъ, штановъ Клодовига, китайскихъ болванчиковъ. Г. Коринфскій выдѣлываетъ, обрабатываетъ, фабрикуетъ подъ старое. Тоже промышленность, имѣющая даже какое-то касательство къ литературѣ. Отсюда „бывальщины"—перепѣвы народныхъ мотивовъ на отшлифованной, полированной и пр. балалайкѣ. Можно только удивляться, какъ это г. Коринфскому не надоѣстъ. Но—но... въ нашъ вѣкъ „il faut avoir le courage de son métier." Напр.:

„...Исполать *волхату-знахарю!*
Все сбылось, какъ молвилъ дѣдъ:
Минулъ день, а лиха-немочи—
Словно не было и нѣтъ!
Исполать вамъ, гусли-розмысли!
Воротился звонкій смѣхъ;
Въ хороводѣ ль, на бесѣдѣ ли
Запоетъ—слышнѣе всѣхъ...
Ой ты, ночка *безпдтемная* (!!)
Ты, какъ зоренька, свѣтла!
Ой ты, дѣвица-красавица,
Ужъ не кладъ ли ты нашла"? И пр.

Совсѣмъ à la narod russe? Не такъ ли. Философскому уму предоставляется полная возможность поразмыслить, какія удивительно-разнообразныя отрасли промышленности избрала современная литература.

Андрвевичъ.

Л. Майковъ. *Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки. Спб., 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.*

Принимая во вниманіе, что мы очень и очень плохо знаемъ біографію Пушкина и что въ представленіяхъ объ его личности существуетъ завидный сумбуръ, а также, что, въ концѣ концовъ, мы должны узнать и жизнь, и личность Пушкина во всѣхъ ихъ подробностяхъ и что это незнаніе „стыдъ и срамъ" нашей литературы,—принимая далѣе во вниманіе, что г. Майковъ давно уже занимается Пушкинымъ и, какъ изслѣдователь и критикъ, фактически отличается и осторожностью, и нѣкоторой проницательностью—мы должны признать названную книгу полезной во всѣхъ отношеніяхъ, несмотря на отсутствіе въ ней чего-нибудь очень уже цѣннаго и новаго. Къ тому же и явилась она какъ нельзя болѣе кстати—ко дню столѣтняго юбилея.

А—чъ.

Д. С. Мережковскій. *Вѣчные спутники. Портреты изъ всемірной литературы. Изданіе второе. С.-Пб., 1899 г.*

Появленіе второго изданія этой книги черезъ три года послѣ перваго указываетъ на значительный интересъ, вызванный въ читающей публикѣ, очерками г. Мережковскаго. Успѣхъ книги — вполнѣ заслуженный. Самостоятельность сужденій автора, содержательность очерковъ *) блестящія характеристики, прекрасное изложеніе — таковы подкупающія достоинства книги. Она читается съ неослабляющимъ интересомъ.

Въ настоящей рецензіи я разсмотрю только двѣ основныя идеи, проходящія красной нитью по всей критикѣ г. Мережковскаго и имѣющія принципіальное значеніе. Это, во-первыхъ, понятіе о художественныхъ произведеніяхъ, какъ о величинахъ *перемѣнныхъ*, а не постоянныхъ, — величинахъ, которыя растутъ вмѣстѣ съ человѣчествомъ, откуда—ихъ *вѣчность*. Во-вторыхъ, это взглядъ автора на задачи такъ называемой *субъективной* критики, вытекающія, по его мнѣнію, именно изъ указанной измѣняемости художественныхъ созданій.

Первую изъ этихъ двухъ идей я считаю вполнѣ вѣрною и въ высокой степени плодотворною. Въ существѣ дѣла это — та самая мысль, которую такъ блестяще и съ такой глубиною разрабатывалъ покойный *А. А. Потебня*. Въ своихъ замѣчательныхъ лекціяхъ по „теоріи словесности", онъ называлъ художественные образы *постоянными* сказуемыми къ различнымъ, другъ друга смѣняющимъ подлежащимъ. Противорѣчіе между этой формулировкою (художеств. образы — *постоянныя* сказуемыя) и тою, которая выше предложена мною (художеств. образы — величины *перемѣнныя*) — только кажущееся; это — случайное противорѣчіе въ терминологіи, не простирающееся на самую мысль. Образъ остается *постояннымъ* „сказуемымъ", но, при перемѣнѣ подлежащихъ, измѣняется пониманіе образа— вмѣстѣ съ пониманіемъ измѣняется и его смыслъ, и значеніе. Шекспировскій Гамлетъ, какъ художественное „сказуемое", есть величина постоянная, вѣчная („вѣчный нашъ спутникъ", по удачному выраженію г. Мережковскаго), но вмѣстѣ съ тѣмъ, со стороны своего смысла и значенія, онъ является величиною перемѣнною, ибо въ концѣ XIX вѣка его понимаютъ и оцѣниваютъ, а стало быть, и пользуются имъ, какъ обобщеніемъ далеко не такъ, какъ дѣлали это, напр., въ XVII вѣкѣ. Если бы онъ не измѣнялся въ этомъ смыслѣ и не росъ вмѣстѣ съ человѣчествомъ, то онъ пересталъ бы служить постояннымъ „сказуемымъ", т. е. былъ бы исключенъ изъ числа „вѣчныхъ спутниковъ" и сданъ въ архивъ.

Таково основное воззрѣніе на долговѣчность (или, пожалуй, вѣчность) великихъ созданій искусства, котораго придерживается и г. Мережковскій. Къ сожалѣнію, онъ не далъ ему вполнѣ яснаго выраженія. Развивая эту мысль, онъ впадаетъ иногда въ реторику и допускаетъ неточности, дающія поводъ къ недоразумѣніямъ. Вотъ что читаемъ въ предисловіи: „Несомнѣнно, что Эсхилъ, Данте, Гомеръ для XVI вѣка были не тѣмъ, чѣмъ сдѣлались для XVIII, еще менѣе тѣмъ, чѣмъ стали для конца XIX, и мы не можемъ представить себѣ, чѣмъ они будутъ для XX-го, — только знаемъ, что великіе писатели прошлаго и настоящаго для грядущихъ поколѣній будутъ уже не такими, какими наши глаза ихъ видятъ, наши сердца

*) Ихъ 13: Акрополь, „Дафнисъ Хлоя", Маркъ Аврелій, Плиній Младшій, Кальдеронъ, Сервантесъ, Монтэнь, Флоберъ, Ибсенъ, Достоевскій, Гончаровъ, Майковъ, Пушкинъ.

РОБЕРТЪ БУНЗЕНЪ.

ихъ любятъ. Они живутъ, идутъ за нами, какъ будто провожаютъ насъ къ таинственной цѣли"... Эту формулировку нельзя признать вполнѣ удачной. Во-первыхъ, „вѣчными спутниками" не могутъ быть названы сами *писатели*, которые, какъ все историческое, рано или поздно сдаются въ архивъ исторіи,—этой участи не избѣгаютъ даже величайшіе изъ нихъ,— „вѣчными же спутниками" являются не писатели, а ихъ творенія, чаще всего отдѣльные *образы*, ими созданные. Шекспиръ—не вѣчный спутникъ, ибо онъ — человѣкъ, а не художественный образъ, не обобщеніе. Вѣчные спутники, т. е. постоянныя сказуемыя, вѣчно растущія художественныя обобщенія, это — Гамлетъ, Лиръ, Отелло и т. д. — Такого рода неясности и неточности, очевидно, находятся въ зависимости отъ коренного недостатка г. Мережковскаго, какъ критика, именно — отъ того, что онъ не стремится къ возможно точному установленію и разграниченію понятій, къ отчетливому опредѣленію границъ той области, на которую распространяется устанавливаемая имъ идея. Оттуда и вышло, что въ число „вѣчныхъ спутниковъ" попали дѣятели, которые таковыми не могутъ быть признаны, при всемъ значеніи, какое они имѣли въ свое время, напр., хотя бы Плиній Младшій. Какой онъ, въ самомъ дѣлѣ, „вѣчный спутникъ"?

Но самое прискорбное недоразумѣніе, вытекающее изъ неясности основныхъ эстетическихъ идей г. Мережковскаго, это — неудачная попытка оправдать такъ называемую *субъективную* критику, о которой читаемъ (въ предисловіи) слѣдующее: „.... Кромѣ научной критики, у которой есть предѣлы, такъ какъ всякій предметъ изслѣдованія можетъ быть исчерпанъ до конца (?), — кромѣ объективной, художественной критики, которая также ограничена (?), ибо разъ навсегда можетъ дать писателю вѣрную оцѣнку и болѣе не нуждаться въ повтореніяхъ (?), — есть еще критика *субъективная*, психологическая, неисчерпаемая, безпредѣльная по существу своему, какъ сама жизнь, ибо каждый вѣкъ, каждое поколѣніе требуетъ объясненія великихъ писателей прошлаго въ *своемъ* свѣтѣ, въ *своемъ* духѣ, подъ *своимъ* угломъ зрѣнія". Сколько могу судить, это — сплошное недоразумѣніе. Чтобы его исправить, нужно сперва установить самый объектъ, о которомъ идетъ рѣчь. Терминъ *художественная* критика уже ясно указываетъ намъ, что, напр., Плиній Младшій сюда не относится, далѣе указываемая г. Мережковскимъ перспектива цѣлаго ряда грядущихъ поколѣній заставляетъ насъ устранить тѣхъ поэтовъ или вообще художниковъ, которые не создали великихъ, геніальныхъ художественныхъ образовъ, или, по меньшей мѣрѣ, образовъ, настолько значительныхъ, что имъ можно предсказать нѣкоторую долговѣчность, хотя бы на нѣсколько поколѣній; наконецъ, какъ я уже упомянулъ, нужно имѣть въ виду не самихъ художниковъ, а только ихъ произведенія, даже отдѣльные образы *). Отграничивъ область фактовъ, съ которыми мы имѣемъ дѣло, мы получаемъ рядъ художественныхъ образовъ, начиная, скажемъ, отъ Эсхила, „Прометея" и кончая важнѣйшими созданіями Л. Н. Толстого, — образовъ, отличающихся огромною долговѣчностью, растущихъ (или имѣющихъ шансы расти) вмѣстѣ съ человѣчествомъ, — рядъ *постоянныхъ* „сказуемыхъ", пониманіе и значеніе которыхъ расширяется и углубляется (или будетъ расширяться и углубляться) съ вѣками. Спрашивается: что отсюда слѣдуетъ въ отношеніи художественной критики?

*) Послѣднее особливо примѣнимо къ Гомеру.

Я думаю, что отсюда прежде всего вытекаетъ необходимость строгой *объективной, а никакъ не субъективной*, критики. Ибо, очевидно, „ростъ“ образа, измѣненіе его пониманія, увеличеніе его обобщающей силы, углубленіе его смысла, вообще его *движеніе* во времени, въ сознаніи человѣчества требуетъ возможно точнаго, научнаго изученія *направленія* этого движенія, *причинъ* такой долговѣчности, изслѣдованія тѣхъ *качествъ* образа, въ силу которыхъ его интересъ не только сохраняется, но еще увеличивается, психологическаго анализа измѣняющагося пониманія образа и повышающейся оцѣнки его. Все это можетъ сдѣлать только объективная критика, которая прежде всего старается опредѣлить размѣры обобщающей силы образа, указать, на какой именно порядокъ явленій эта сила простирается и на какой не простирается, дабы устранить всякій произволъ въ пониманіи и истолкованіи образа.

Любопытно, что весьма удачный образчикъ такой *объективной* критики далъ намъ самъ г. Мережковскій въ статьѣ о Сервантесѣ, которая принадлежитъ къ числу лучшихъ въ книгѣ. А что касается *субъективной* критики (которую г. Мережковскій называетъ психологической, какъ будто и объективная не можетъ быть таковой же), то ея непригодность прекрасно иллюстрируется статьею о Пушкинѣ, гдѣ мы ясно видимъ, до какого *субъективнаго произвола* въ истолкованіи образовъ можно дойти этимъ путемъ.

Обратимся сперва къ статьѣ о Сервантесѣ. Вотъ какъ поясняетъ здѣсь г. Мережковскій понятія вѣчности и роста художественнаго образа. „Возьмемъ для примѣра образъ Прометея въ знаменитой трагедіи Эсхила. Для насъ, людей IX-го вѣка, образъ этотъ связанъ по неразрывной ассоціаціи,—съ идеей протеста свободной человѣческой личности противъ подавляющаго религіознаго авторитета. Но, спрашивается, доступна ли была подобная идея античному греку времени мараѳонской битвы? Конечно, нѣтъ“. — И далѣе: „Весьма вѣроятно, что черезъ нѣсколько столѣтій другія поколѣнія читателей найдутъ въ Эсхиловомъ Прометеѣ новое, еще недоступное намъ философское содержаніе и они будутъ правы съ своей точки зрѣнія“. Творцы такихъ все расширяющихся образовъ сами, конечно, не сознавали будущаго значенія своихъ созданій. Г. Мережковскій прекрасно поясняетъ это примѣромъ Сервантеса, о которомъ можно сказать буквально, что онъ, когда писалъ Донъ-Кихота, не вѣдалъ, что творилъ. Ему и въ голову не приходило, что образы Ламанчскаго рыцаря и его вѣрнаго оруженосца станутъ общечеловѣческими типами, „вѣчными спутниками“. Все это прекрасно развито въ статьѣ г. Мережковскаго, и тутъ, конечно, пока нѣтъ еще никакой *субъективной* критики. Ея нѣтъ также и въ дальнѣйшемъ, гдѣ весьма обстоятельно и, какъ мнѣ кажется, вполнѣ вѣрно проанализированы различныя стороны образовъ Донъ-Кихота и Санчо Панса (общечеловѣческія, національныя (черты времени) и также выяснены тѣ особенности этихъ типовъ, въ силу коихъ они и стали „вѣчными спутниками“. Такую критику нельзя назвать иначе, какъ *объективною*, потому что она основана на *объективныхъ данныхъ*: на анализѣ самихъ образовъ, на опредѣленіи ихъ значенія, какъ типовъ, на изслѣдованіи того, какъ понимались они самимъ Сервантесомъ и какъ *должно* понимать ихъ въ наше время. Вотъ если бы г. Мережковскій, оставивъ въ сторонѣ эти объективныя основанія, занялся анализомъ собственныхъ ощущеній, вызываемыхъ въ немъ данными образами; если бы онъ преслѣдовалъ задачу объяснить намъ, почему и въ какой мѣрѣ они ему нравятся или не

нравятся, да еще далъ бы имъ чисто личное, произвольное истолкованіе, — вотъ тогда-то и вышла бы критика *субъективная*.

Къ сожалѣнію, таковую мы и находимъ въ статьѣ о Пушкинѣ.

Извѣстно, что излюбленная идея г. Мережковскаго это — идея борьбы и чередованія во всемірной исторіи двухъ противоположныхъ міросозерцаній, двухъ душевныхъ укладовъ: аскетическаго - христіанскаго и жизнерадостнаго языческаго („эллинскаго"). Эта мысль принадлежитъ къ числу, если не счастливыхъ и не особенно плодотворныхъ, то, по крайней мѣрѣ, заманчивыхъ и удобныхъ для группировки и освѣщенія нѣкоторыхъ культурныхъ явленій. Съ извѣстной осторожностью она *можетъ быть* проводима и защищаема. Ее выдвигали неоднократно. Вспомнимъ хотя бы аналогичную мысль Гейне, что всѣ люди дѣлятся психологически на два типа: „эллиновъ" и „іудеевъ". Такъ вотъ и Пушкина г. Мережковскій изучаетъ съ точки зрѣнія этой теоріи „двухъ началъ". Пріемъ, безспорно, *субъективный*, не чуждый значительнаго *произвола*. Произволъ здѣсь состоитъ въ томъ, что критикъ подгоняетъ поэзію Пушкина подъ догму своей философіи исторіи. Основныя черты этой послѣдней изложены въ главѣ III-ей: „Эти два непримиримыхъ или непримиренныхъ начала, два міровыхъ потока — одинъ къ Богу, другой отъ Бога вѣчно борются и не могутъ побѣдить другъ друга. Только на послѣднихъ вершинахъ творчества и мудрости — у Платона и Софокла, у Гете и Леонардо-да-Винчи,—титаны и олимпійцы заключаютъ перемиріе, и тогда предчувствуется ихъ совершенное сліяне въ, быть можетъ, недостижимой на землѣ гармоніи..." — „Поэзія Пушкина представляетъ собою рѣдкое во всемірной литературѣ, а въ русской единственное явленіе, гармоническаго сочетанія, равновѣсія двухъ началъ, — сочетанія, правда, безсознательнаго, по сравненію, напр., съ Гете".

Вся статья о Пушкинѣ представляетъ собою искусный, доходящій до виртуозности, подборъ мѣстъ и чертъ изъ произведеній Пушкина, долженствующій показать, что нашъ великій поэтъ безсознательно совмѣщалъ въ себѣ тѣ два начала. Мы находимъ здѣсь Пушкина, какъ „язычника" и Пушкина — „галилеянина". Мы находимъ здѣсь цѣлый рядъ неожиданныхъ сближеній, которыя, благодаря блестящему изложенію и искусному развитію основной мысли, при бѣгломъ чтеніи, проскальзываютъ незамѣтно; но стоитъ только на минуту остановиться на нихъ, чтобы ихъ произвольность и несостоятельность стали очевидными. Таково, напр., сближеніе Онѣгина въ одно и то же время съ героями Байрона, съ Печоринымъ, съ Раскольниковымъ, съ Алеко и съ Кавказскимъ Плѣнникомъ (стр. 457). Выходитъ настоящая фантасмагорія. Въ фантастическомъ освѣщеніи г. Мережковскаго мы перестаемъ узнавать давно-знакомыя лица, которыя, казалось намъ, такъ ясны, такъ строго выдержаны, такъ рѣзко опредѣлены геніальнымъ поэтомъ. Мы хорошо знали Татьяну,—но мы не подозрѣвали, что эта „уѣздная барышня", а потомъ великосвѣтская дама нѣкоторымъ образомъ сродни Жаръ-Птицѣ и Бабѣ-Ягѣ и, съ одной стороны уподобляется: Цыгану, а съ другой — Тазиту „Татьяна изъ того сумеречнаго, древняго міра, гдѣ родились Жаръ-Птица Иванъ Царевичъ, Баба-Яга, — „тамъ чудеса, тамъ лѣшій бродитъ... тамъ Русью пахнетъ". Единственный другъ Татьяны — старая няня, которая нашептала ей сказки волшебной старины. Подобно Цыгану, она почерпаетъ великую покорность и простоту сердца въ тихомъ созерцаніи тихой природы, подобно Тазиту, дикая и чужая въ родной семьѣ — она,

какъ пойманный олень, „все въ лѣсъ глядитъ, все въ глушь уходитъ“. Такія выраженія въ знаменитомъ письмѣ Татьяны, какъ:

„То въ высшемъ суждено совѣтѣ.
То воля неба — я твоя...
. . . . . .
Я знаю, ты мнѣ посланъ Богомъ...“

даютъ поводъ г. Мережковскому къ слѣдующему опредѣленію любви Татьяны: „Любовь — тайна и чудо. Татьяна отдается любви какъ смерти и року. Начало любви въ Богѣ (причемъ г. Мережковскій наивно подчеркиваетъ въ цитатѣ изъ „письма“ слова: „ты мнѣ посланъ Богомъ“ и „молитвой услаждала тоску волнуемой души“).

Въ истолкованіи г. Мережковскаго мы не узнаемъ не только Онѣгина, Татьяну и другихъ персонажей Пушкина,—мы не узнаемъ также и самого Пушкина. Вмѣсто геніальнаго поэта съ обширнымъ, глубокимъ и необычайно-яснымъ умомъ мы видимъ какого-то туманнаго символиста который создалъ блѣдные символы неясныхъ идей.

Такъ нельзя анализировать и истолковывать художественные образы. Такія нанизыванія на одну нитку различныхъ типовъ изъ-за случайнаго или только кажущагося сходства какой-либо черты, какъ сопоставленіе Онѣгина съ Раскольниковымъ, Татьяны съ Тазитомъ и т. д., ничего не объясняютъ, а только путаютъ, затемняютъ дѣло.

Чтобы покончить съ упреками, ограничусь еще однимъ пунктомъ: это — отношеніе г. Мережковскаго къ „черни“, „толпѣ“, „демократіи“. Говоря объ извѣстномъ стихотвореніи „Поэтъ и чернь“, г. Мережковскій становится на сторону „поэта“, — онъ вполнѣ оправдываетъ гордое, презрительное отношеніе „поэта“ къ „черни“ представителями которой являются, по его мнѣнію, не только Добролюбовъ, Чернышевскій и Писаревъ, но также и Л. Н. Толстой. Не будемъ придирчивы и согласимся понимать „чернь“ въ фразеологіи г. Мережковскаго только какъ нѣкій символъ матеріалистическаго, утилитарнаго отношенія къ искусству. Но и при такомъ пониманіи, все, что говоритъ намъ авторъ на эту тему, производитъ крайне непріятное впечатлѣніе, приблизительно такое же, какое всегда производило на меня стихотвореніе „Поэтъ и чернь“. Я — горячій почитатель Пушкина и признаю его однимъ изъ величайшихъ, всемірныхъ геніевъ искусства; я очень высоко ставлю его и какъ человѣка,—и при всемъ томъ я считаю рѣшительно невозможнымъ оправдать *гордыню*, продиктовавшую поэту упомянутое стихотвореніе, ложное по самой идеѣ или основному мотиву и, кстати сказать, совсѣмъ не поэтическое. Я — горячій почитатель Гейне, но не могу одобрить его горделивыхъ заявленій что, молъ, мы — поэты „милостью Божьею“, и толпа не можетъ насъ судить. Г. Мережковскій, повидимому, вообще раздѣляетъ этотъ культъ поэта свыше“ и это презрѣніе къ „толпѣ“. Но гордыня, о которой мы, говоримъ, особливо непріятно рѣжетъ ухо, когда мы слышимъ ея выраженіе изъ устъ великаго поэта, какъ Пушкинъ, который тѣмъ и великъ, что былъ геній всеобъемлющій и ничто человѣческое не было ему чуждо въ числѣ всего прочаго, человѣческаго не должно было быть ему чуждо и такое движеніе души „простыхъ смертныхъ“:

„Нѣтъ, если ты небесъ избранникъ,
Свой даръ, божественный посланникъ,
Во благо намъ употребляй:
Сердца собратьевъ исправляй“ и т. д.

Да оно, конечно, и не было чуждо Пушкину, что самъ онъ засвидѣтельствовалъ въ стихотвореніи „Памятникъ". — „Поэтъ и чернь" это — lapsus, неосторожное выраженіе невольнаго чувства огорченія и отчужденности отъ общества, не понимающаго поэта. Такое чувство легко и часто возникаетъ у выдающихся дѣятелей мысли, поэтовъ, ученыхъ, публицистовъ, философовъ. Оно принадлежитъ къ числу тѣхъ неизбѣжныхъ, но безплодныхъ чувствъ, выраженіе которыхъ нежелательно, ибо ничего, кромѣ недоразумѣній и огорченій, изъ этого выраженія не выходитъ. Повидимому, самъ г. Мережковскій склоняется къ мнѣнію, что это чувство и связанныя съ ними мысли лучше не высказывать. Но *какъ* говоритъ онъ объ этомъ? Вотъ какъ: „... Жаль, что эти слова слышитъ чернь. *Ея звѣриныя уши не созданы для откровенности геніевъ* *). Не должно объ этомъ говорить на площадяхъ: надо уйти въ святое мѣсто".

Пора, давно пора представителямъ высшей мысли—поэтамъ, ученымъ, философамъ—перестать считать себя „жрецами", „избранниками", и т. п. Всѣ мы люди, всѣ мы человѣки... Поэтъ, философъ, ученый — только *работники мысли*.

Но гг. поэты еще любятъ выдѣлять себя изъ круга прочихъ „избранниковъ", воображая, что служатъ какому-то особому, высшему началу, именуемому *красотою*. Размѣръ рецензіи не позволяетъ мнѣ вдаваться здѣсь въ разсмотрѣніе этого вопроса. Скажу только, что считаю эту „красоту" миѳомъ, и думаю, что миѳологію и фразеологію „красоты" давно пора изгнать изъ „эстетики" и изъ критики. Художникъ вообще, поэтъ въ частности—такой же, въ существѣ дѣла, *работникъ мысли*, какъ и ученый или философъ, а вовсе не „жрецъ" „красоты". Художественные образы и художественное выраженіе чувствъ (въ лирикѣ и въ музыкѣ) это—*умственный трудъ*, цѣнность котораго зависитъ не отъ ощущенія „красоты", а отъ его качества и его пригодности для удовлетворенія высшимъ духовнымъ потребностямъ развивающейся и осложняющейся умственной жизни человѣчества.

Всѣ эти разногласія мои съ г. Мережковскимъ нисколько не мѣшаютъ мнѣ признавать его книгу цѣннымъ вкладомъ въ нашу критическую литературу. Къ числу сильныхъ сторонъ и достоинствъ, кромѣ тѣхъ, о которыхъ было упомянуто въ началѣ рецензіи, нужно отнести разносторонность историко-литературныхъ интересовъ автора, его замѣчательную эрудицію и широту историческаго воззрѣнія.

Д. Овсянико-Куликовскій.

Дж. Ст. Милль. *Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми примѣненіями къ общественной философіи. Переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія Е. И. Остроградской подъ редакціей пр.-доц. О. И. Остроградскаго. Кіевъ—Харьковъ, 1899 г. 866 стр. Ц. 3 р.*

„Основанія политической экономіи" Джона Стюарта Милля пользуются въ русской публикѣ широкою популярностью; многіе изучаютъ политическую экономію по сочиненію Милля. Лежащее передъ нами новое изданіе Милля является въ общей сложности уже четвертымъ, тогда какъ, напр.,

---

*) Курсивъ мой.

превосходный трактатъ учителя Милля, Дав. Рикардо, представляющій не только замѣчательное экономическое изслѣдованіе, но и прекрасный collegium logicum, до сихъ поръ еще не увидѣлъ второго изданія. Несомнѣнно, популярности Милля много способствовало то обстоятельство, что Н. Г. Чернышевскій избралъ именно его трактатъ для популяризаціи политико-экономическихъ знаній въ русскомъ обществѣ. Но не надо забывать, что Чернышевскій былъ совершенно не знакомъ съ произведеніями новѣйшей политической экономіи и во многомъ вполнѣ раздѣлялъ взгляды классической политической экономіи. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытно сравнить отношеніе Чернышевскаго къ Миллю, въ общемъ весьма сочувственное, съ отношеніемъ къ Миллю гораздо менѣе знающаго и талантливаго писателя Эккаріуса, писавшаго о Миллѣ почти въ одно время съ Чернышевскимъ. (Сочиненіе Эккаріуса много лѣтъ спустя было издано въ Цюрихѣ: „Eines Arbeiters Widerlegung der natienäl-ökonomischen Lehren Iohn Stuart Mill". Von. G. Eccarius. Zürich, 1888). Однако, уже Чернышевскій замѣтилъ основной недостатокъ Милля. Онъ очень остроумно сравниваетъ Милля съ человѣкомъ, который, рѣшившись уѣхать изъ Петербурга, колеблется, куда ему бы поѣхать, въ Берлинъ или Казань, и порѣшивъ, наконецъ, что въ Берлинъ, конечно, гораздо благоразумнѣе ѣхать, все-таки уѣзжаетъ въ Казань. И дѣйствительно, во всѣхъ частяхъ своего ученія Милль является чистѣйшимъ эклектикомъ, во что бы то ни стало стремящимся усѣсться между двухъ стульевъ, примирить непримиримое. Умъ Милля, точно маятникъ, колеблется: примкнетъ сначала къ одной точкѣ зрѣнія, отойдетъ затѣмъ къ противоположной и въ концѣ концовъ остановится всегда посрединѣ.

Въ виду указанной выше широкой популярности Милля, мы нѣсколько подробнѣе остановимся на разборѣ его сочиненія. Интересуетъ насъ здѣсь не историческое мѣсто ученія Милля, а вопросъ, насколько это ученіе соотвѣтствуетъ современному состоянію экономической науки. Оговариваемъ это, чтобы насъ не могли упрекнуть въ игнорированіи законовъ исторической перспективы.

Главное достоинство трактата Милля заключается въ живости его изложенія и жизненности его содержанія. Милль сумѣлъ освободиться отъ сухой абстрактности своего учителя Рикардо. Милль оживилъ и одухотворилъ абстракціи Рикардо тѣмъ, что привелъ ихъ въ соприкосновеніе съ жизнью. Онъ постоянно дѣлаетъ экскурсіи въ соціальныя и политическія науки, онъ подчеркиваетъ сильное вліяніе нравовъ, обычаевъ, привычекъ и т. д.

Милль принадлежитъ къ числу талантливѣйшихъ учениковъ школы Смита-Рикардо. Весь трактатъ Милля проникнутъ духомъ этой школы, хотя авторъ по многимъ важнымъ вопросамъ дополняетъ и нѣсколько видоизмѣняетъ положенія своихъ учителей.

Обратимся сначала къ вопросу о цѣнности, этому краеугольному камню всякой экономической системы.

Представители классической политической экономіи, какъ извѣстно, уже очень близко подходили къ теоріи трудовой цѣнности, настолько близко, что напр., Зиберъ—впадая, быть можетъ, въ нѣкоторое преувеличеніе – находитъ, что въ этой области Марксу лишь оставалось сказать Б, послѣ того, какъ классики сказали А. Уже Адамъ Смитъ училъ, что мѣновая цѣнность продукта обусловливается количествомъ труда, затраченнаго на его производство. Но считая, что рабочая плата представляетъ полную цѣнность труда, что трудъ рабочаго вполнѣ оплачивается, онъ, конечно, не

могъ объяснить явленія прибыли, оставаясь на точкѣ зрѣнія своей трудовой теоріи, не знавшей неоплаченнаго труда, создающаго прибавочную цѣнность. Въ силу этого Адамъ Смитъ долженъ былъ признать, что законъ трудовой цѣнности приложимъ лишь къ до-капиталистическимъ отношеніямъ. „Адамъ,—говоритъ Марксъ о Смитѣ,—опредѣляетъ цѣнность товара временемъ, которое заключено въ немъ, однако онъ относитъ реальность этого опредѣленія къ временамъ до Адама“ (К. Марксъ: „Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономіи“. Москва, 1896 г. Стр. 34). Гораздо болѣе послѣдовательно и точно придерживается точки зрѣнія трудовой теоріи Давидъ Рикардо. Рикардо уже примѣняетъ эту теорію и къ капиталистическимъ отношеніямъ. Но, однако, ни одному изъ представителей классической школы не удалось устранить противорѣчія теоріи трудовой цѣнности съ фактомъ образованія прибыли, остающимся полною загадкою, разъ мы признаемъ, какъ это дѣлали классики, что заработная плата выражаетъ цѣнность всего труда. Стало быть прибыль создается не трудомъ? Но вѣдь прибыль входитъ составною частью въ цѣнность, слѣдовательно, и цѣнность не цѣликомъ создается трудомъ. Отожествленіе цѣнности труда съ рабочей платой заводило всѣхъ классиковъ и въ томъ числѣ и виднѣйшаго изъ нихъ—Рикардо—въ густую сѣть противорѣчій, и въ концѣ концовъ приводило вмѣсто трудовой теоріи къ теоріи издержекъ производства. Изъ нихъ только Рикардо какъ-то инстинктивно угадывалъ различіе между рабочей силой и трудомъ. Считая, что издержки производства въ концѣ концовъ сводятся къ рабочей платѣ, рабочая же плата выражаетъ цѣнность труда, они невольно должны были придти къ заключенію, что издержки производства опредѣляютъ цѣнность труда. Кромѣ того, самое явленіе цѣнности не могло быть ими понято, такъ какъ они стояли на точки зрѣнія товарнаго фетишизма, раскрытіе котораго составляетъ величайшую заслугу Маркса. Для классиковъ цѣнность — это естественное, природное свойство товаровъ. Имъ совершенно было чуждо пониманіе цѣнности какъ историческаго явленія, какъ выраженія общественнаго отношенія людей въ процессѣ производства. Марксъ впервые устранилъ этотъ фетишизмъ, показавъ, что здѣсь дѣло не въ неизмѣнной природѣ производства, а въ преходящихъ общественныхъ отношеніяхъ.

Таково въ общихъ чертахъ наслѣдіе, доставшееся Дж. Ст. Миллю отъ его учителей. Раздѣляя многія изъ этихъ воззрѣній и стоя совершенно на такой же методологической точкѣ зрѣнія, Милль, однако, вкусилъ уже отъ древа критики и сомнѣнія и онъ уже не защищаетъ вполнѣ этихъ воззрѣній, онъ, по своему обыкновенію, съ одной стороны, признаетъ, что они справедливы, но, съ другой, сознаетъ, что они отчасти и несправедливы. И онъ не сумѣлъ освободиться отъ фетишиской точки зрѣнія, онъ, напр., находитъ возможнымъ разсматривать вопросъ о производствѣ внѣ всякой зависимости отъ общественныхъ условій и отношеній данной эпохи и для него производство есть не общественныя отношенія людей между собою, а отношеніе человѣка къ силамъ природы. Вполнѣ въ духѣ фетишиста онъ говоритъ: „Подъ цѣною вещи мы будемъ подразумѣвать ея денежную стоимость; подъ цѣнностью же, или мѣновою цѣнностью,—ея общую покупательную силу, власть, которую обладаніе вещью даетъ надъ продажными товарами вообще“ (391 стр.). Мы уже видѣли, что представители классической школы назамѣтно подмѣняли понятіе „трудъ“ понятіемъ „издержки производства“. И Милль въ этомъ отношеніи оказался вѣрнымъ ученикомъ Рикардо, онъ приводитъ рядъ предметовъ, подлежащихъ различнымъ законамъ цѣнности. Общимъ закономъ, опредѣляющимъ цѣнность всѣхъ

товаровъ у него является „трудность полученія“ (см. 396 стр.),—отсюда ужъ рукой подать къ теоріи издержекъ производства. И Милль дѣйствительно все время путается между теоріей трудовой цѣнности и теоріей издержекъ производства. Въ одномъ мѣстѣ онъ прямо говоритъ: „Мы можемъ признать общимъ правиломъ, что вещи имѣютъ наклонность обмѣниваться другъ на друга по такой цѣнности, которая даетъ возможность каждому производителю покрывать издержки производства съ обыкновенной прибылью; другими словами, по той цѣнности, которая даетъ всѣмъ производителямъ одинаковый процентъ прибыли на ихъ издержки“ (стр. 405). Здѣсь ужъ нѣтъ ни атома теоріи трудовой цѣнности; здѣсь авторъ опять впадаетъ въ роковое отожествленіе труда съ издержками производства. На стр. 409 онъ прямо заявляетъ: „Издержки производства вещи для ея производителя или цѣлаго ряда производителей состоятъ въ трудѣ, израсходованномъ на ея производство“. На стр. 410 Милль высказываетъ мнѣніе, что „цѣнность товаровъ зависитъ главнымъ образомъ, а можетъ быть и исключительно“ отъ „*количества* труда, необходимаго, для ихъ производства“. Но черезъ одну страницу мы уже читаемъ: „Рикардо выражается такъ, какъ будто цѣнность товара зависитъ единственно отъ того *количества* труда, которое необходимо для его производства и доставленія на рынокъ. Но такъ какъ для капиталиста стоимость производства заключается не въ трудѣ, а въ заработной платѣ, и такъ какъ заработная плата можетъ быть и выше, и ниже при одномъ и томъ же количествѣ труда, то казалось бы, что цѣнность продукта не можетъ опредѣляться исключительно количествомъ труда, а должна обусловливаться вмѣстѣ и количествомъ труда, и размѣромъ вознагражденія, и что цѣнности отчасти должны зависѣть отъ величины заработной платы“ (411 стр.). Здѣсь, по крайней мѣрѣ, Милль выражается въ сослагательномъ наклоненіи—„казалось бы“. Но черезъ двѣ страницы онъ уже въ изъявительномъ наклоненіи пишетъ: „*Плата* за трудъ, необходимый для производства разныхъ товаровъ, имѣетъ совершенно такое же вліяніе на ихъ цѣнность, какъ и относительное *количество* труда“ (413 стр.). Если цѣнность товара опредѣляется количествомъ труда, то какимъ же образомъ эта же цѣнность зависитъ отъ того, какъ будетъ вознагражденъ этотъ трудъ? Считать, что плата за трудъ обусловливаетъ величину цѣнности, какъ это дѣлаетъ Милль, это все равно, что считать, что величина клада обусловливается тѣмъ, какъ подѣлятъ его между собой его искатели. Мы узнаемъ, далѣе, отъ Милля, что стоимость нѣкоторыхъ товаровъ опредѣляется полезностью (стр. 396), а бываютъ случаи, когда цѣнность „всецѣло регулируется потребностями или желаніями покупателя“ (397 стр.), „трудностью достиженія“ (397 стр.) и т. д. И съ подобнаго рода путаницей, съ подобной попыткою примирить совершенно непримиримое мы встрѣчаемся на каждомъ шагу отдѣла о цѣнности въ „Основаніяхъ политической экономіи“ Дж. Ст. Милля. Обратимся къ другимъ отдѣламъ, посмотримъ, не сумѣлъ ли въ нихъ авторъ отдѣлаться отъ безграничнаго эклектизма, сбивающаго съ толку автора а за нимъ и читателя.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что, считая трудъ рабочаго цѣликомъ оплаченнымъ въ рабочей платѣ, классики-экономисты не могли, конечно, объяснить явленія прибыли съ точки зрѣнія трудовой теоріи цѣнности. И дѣйствительно, всѣмъ имъ и ихъ послѣдователямъ пришлось искать объясненіе прибыли внѣ теоріи трудовой цѣнности. Милль не только не сумѣлъ разрѣшить это противорѣчіе, но, по своему обыкновенію еще болѣе запуталъ его. Въ самомъ началѣ главы о прибыли Милль го-

воритъ: „Подобно тому, какъ заработная плата рабочаго есть вознагражденіе за трудъ, такъ и прибыль капиталиста, по вѣрному выраженію Синьора, есть, собственно говоря, вознагражденіе за воздержаніе“ (360 стр.). Если даже признать вѣрнымъ это замѣчаніе Милля, то и тогда оно, собственно говоря, намъ ровно ничего не объясняетъ. Можно воздерживаться отъ потребленія лишь того, что *уже* произведено. Воздержаться отъ потребленія прибыли капиталистъ можетъ, конечно, лишь тогда, когда эта прибыль уже произведена, когда она уже существующій фактъ. Стало быть, ссылка на воздержаніе рѣшительно ничего не объясняетъ въ процессѣ образованія цѣнностей, не говоря ужъ о всей двусмысленности самого понятія воздержанія. Въ другомъ мѣстѣ Милль какъ будто уже подходитъ къ истинному пониманію явленія прибыли: „Людямъ, не посвященнымъ въ дѣло, кажется, будто бы прибыль въ предпріятіи зависитъ отъ цѣнъ. Они думаютъ, что производитель или торговецъ получаетъ свою прибыль, продавая свои товары дороже, чѣмъ они стоютъ ему. Всю прибыль люди склонны считать результатомъ покупки и продажи. Они пологаютъ, что производитель потому только можетъ получать какую-нибудь прибыль, что есть покупщики на его товаръ. Спросъ, потребители, рынокъ на товары—вотъ причина доходовъ капиталиста. Только лишь продажей своихъ товаровъ онъ возвращаетъ свой капиталъ и увеличиваетъ его. Но это значитъ судить лишь по внѣшнему виду объ экономическомъ механизмѣ общества“ (370 стр.). Милль совершенно не замѣчаетъ, въ какомъ рѣзкомъ противорѣчіи стоитъ это утвержденіе съ его теоріей цѣнности. Въ главѣ о цѣнности (см. въ особенности стр. 405) онъ именно доказываетъ, что „вещи имѣютъ наклонность обмѣниваться другъ на друга по такой цѣнности, которая даетъ возможность каждому производителю покрывать издержки производства съ обыкновенною прибылью“. Но вѣдь это именно и значитъ, что „производитель или торговецъ получаетъ свою прибыль, продавая свои товары дороже, чѣмъ они стоютъ ему“, вѣдь это именно и значитъ считать прибыль „результатомъ покупки и продажи“, т. е. придерживаться того взгляда на прибыль, который на 370 стр. Милль совершенно справедливо признаетъ характернымъ для „людей, не посвященныхъ въ дѣло“, судящихъ „лишь по внѣшнему виду объ экономическомъ механизмѣ общества“.

„Причина прибыли та, что трудъ производитъ больше, чѣмъ требуется на его содержаніе“,—говоритъ Милль (стр. 371). Однако, это утвержденіе не такъ близко къ теоріи Маркса, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда; нѣсколькими строками ниже Милль, измѣняя „форму теоремы“, говоритъ: „Причина, почему капиталъ приноситъ прибыль, состоитъ въ томъ, что пища, одежда, матерьялы и орудія существуютъ дольше того времени, которое потребовалось на производство ихъ“. Помимо всего, у Милля выходитъ, что прибыль порождается природою производства, а не опредѣленнымъ общественнымъ отношеніемъ людей въ процессѣ производства. Прибыль получится лишь тогда, когда данной общественной организаціи рабочій принужденъ будетъ трудиться сверхъ времени, необходимаго на удовлетвореніе потребностей трудящагося.

Милль считаетъ, что величина прибыли, подобно величинѣ заработной платы, вліяетъ на величину цѣнности. Мы можемъ относительно этого повторить лишь сказанное нами относительно заработной платы: считать, что величина доли рабочаго и доли капиталиста вліяетъ на величину цѣнности продукта, это все равно, что считать, что величина оборота какого-

либо акціонернаго предпріятія зависитъ отъ того, какъ распредѣлены акціи между акціонерами.

Ученіе Милля о капиталѣ страдаетъ такою же невыдержанностью точки зрѣнія, вызываемой тѣмъ, что и здѣсь капиталъ разсматривается имъ внѣ связи съ общественными отношеніями данной эпохи. Для Милля капиталъ составляютъ „всѣ вещи", предназначенныя „для снабженія производительнаго труда всѣмъ необходимымъ" (стр. 53).

Очень много мѣста отводитъ Милль ученію о деньгахъ. Здѣсь онъ въ общемъ стоитъ на точкѣ зрѣнія Адама Смита, сущность которой сводится къ тому, что деньги являются такимъ же товаромъ, какъ и всѣ другіе товары, онѣ служатъ лишь удобнымъ орудіемъ въ процессѣ обращенія товаровъ. Изъятіе денегъ изъ современнаго экономическаго механизма ничего бы не измѣнило и только создало бы рядъ техническихъ затрудненій. Всякій, знакомый съ современной политической экономіей, замѣтитъ въ этихъ словахъ полнѣйшее непониманіе характернѣйшей черты современнаго экономическаго строя. Современный капиталистическій строй совершенно не мыслимъ безъ существованія общаго эквивалента. Какъ справедливо замѣтилъ Марксъ („Капиталъ". Рус. пер. подъ редакціей П. Струве, стр. 42), основной недостатокъ классической политической экономіи заключается въ томъ, что ей не удалось вывести форму цѣнности, что она всецѣло была поглощена анализомъ величины цѣнности. Отсюда понятна путаница взглядовъ представителей ея на деньги, эту завершенную форму общаго эквивалента. У Милля, по обыкновенію, нѣсколько мнѣній на этотъ счетъ: „Деньги сами по себѣ не удовлетворяютъ потребностей: цѣнность ихъ для каждаго заключается въ удобной формѣ, съ помощью которой онъ получаетъ свои доходы всѣхъ видовъ" (7—8 стр.). „Деньги полезны въ такомъ же родѣ, какъ удобныя дороги. Но *считать ихъ богатствомъ будетъ такою же ошибкой*, какъ считать шоссе, которое можетъ быть самой удобной дорогой къ вашему дому или землѣ, за самый домъ или землю" (8 стр.). Итакъ, считать деньги богатствомъ, это значитъ дѣлать грубую ошибку, но... но на той же страницѣ мы читаемъ: „Деньги, будучи орудіемъ для удовлетворенія важныхъ общественныхъ и частныхъ потребностей, *справедливо считаются богатствомъ*". (Курсивъ вездѣ нашъ). У Милля имѣется на этотъ счетъ еще и третье мнѣніе, отводящее уже деньгамъ весьма большое значеніе. И здѣсь, стало быть, та же обычная безконечная путаница противорѣчій. И такъ повсюду.

Трактатъ Милля во многихъ отношеніяхъ замѣчательный трактатъ и мимо него не пройдетъ, конечно, никто, изучающій политическую экономію въ ея историческомъ развитіи, но для изученія основныхъ положеній современной политической экономіи сочиненіе Милля мало пригодно. Обильными цитатами мы показали, насколько основныя положенія Милля рѣзко противорѣчатъ современному состоянію науки и сколько путаницы и безвыходныхъ противорѣчій у самого Милля. Человѣка, хорошо знакомаго съ политической экономіей, эти противорѣчія не запутаютъ, приступающаго же къ изученію политической экономіи они могутъ окончательно сбить съ толку и въ результатѣ онъ можетъ вынести не знаніе, а лишь головокруженіе.

П. Берлинъ.

Фр. А. Ланге. *Исторія матеріализма и критика его значенія въ настоящее время. Переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія Н. Н. Страхова. Спб., 1897 г. X+747 стр. Ц. 1 р. 50 к.*

За послѣдніе годы въ русскомъ образованномъ обществѣ замѣчается сильное повышеніе интереса къ философіи, нѣкогда съ презрѣніемъ отвергавшейся въ качествѣ сплошной „метафизики". Издается теперь одинъ спеціальный философскій журналъ и нѣсколько богословско-философскихъ, функціонируютъ два философскихъ общества, появляются и расходятся переводныя и оригинальныя книги философскаго характера, словомъ—выражаясь языкомъ древняго писателя—„нынѣ и въ домѣхъ, и на путяхъ, и на торжищахъ иноци и мірстіи вси сонмятся, вси о философіи пытаютъ". Въ виду этого, какъ нельзя болѣе кстати г. Пантелѣевъ выпустилъ поразительно дешевое изданіе извѣстнаго, прямо классическаго сочиненія Ланге—1 р. 50 к. за 47 печатныхъ листовъ убористаго шрифта! (нѣмецкое „дешевое" изданіе Ланге стоитъ 5 руб.). Умно и тепло написанная книга Ланге является превосходнымъ пособіемъ для самообразованія по философіи. Въ рамкахъ „Исторіи матеріализма" авторъ затрагиваетъ важнѣйшія и труднѣйшія проблемы морали, общежитія теоріи познанія. Оперируя богатѣйшими данными науки, авторъ, а за нимъ и читатель, не теряется въ нихъ, не подавляется ими, благодаря тому, что всѣ они мастерски сгруппированы и освѣщены съ той „точки зрѣнія идеала", къ которой всегда поднимается авторъ.

Ланге одинъ изъ крупныхъ представителей того философскаго „поворота къ Канту", который наложилъ неизгладимую печать на все развитіе новѣйшей философіи въ Германіи. Въ нѣмецкомъ оригиналѣ сочиненіе Ланге появилось въ эпоху господства въ Германіи философскаго матеріализма. Опираясь на Канта и Шопенгауэра, Ланге блестяще разъ на всегда доказалъ философскую несостоятельность матеріализма, претендующаго лечь въ основу міросозерцанія, онъ показалъ, что послѣдовательное развитіе основоположеній матеріализма ведетъ къ его разложенію. Исходя изъ кантовской теоріи познанія, Ланге показываетъ, что восприниманіе матеріи обусловлено нашею физико-психическою организаціей, что, воспринимая матерію, мы вмѣстѣ съ этимъ воспринимаемъ и наше „я". Матерія есть наше представленіе. „Весь нашъ *опытъ* обусловленъ нѣкоторою духовною организаціей, которая принуждаетъ насъ испытывать то, что мы испытываемъ, думать такъ, какъ мы думаемъ, между тѣмъ какъ другой организаціи тѣ же самые предметы могутъ показаться иначе, и вещь въ себѣ не можетъ быть представима ни для какого конечнаго существа" (330 стр.). Подвергая строгой критикѣ матеріализмъ съ теоретико-познавательной стороны, Ланге однако вовсе не отрицаетъ значенія матеріализма какъ метода изслѣдованія. Естествоиспытатель долженъ руководиться матеріалистической философіей, со всею ея наивностью чувственнаго вѣрованія.

Не менѣе отрицательно, чѣмъ къ матеріализму, относится Ланге къ догматическому идеализму. Самъ Ланге склоняется къ идеализму, опирающемуся на эмпирическія данныя. Онъ горячо отстаиваетъ точку зрѣнія идеала. Подобно Канту, Ланге изгоняетъ метафизику изъ теоретической философіи, но водворяетъ ее въ практической. Міръ дѣйствительности и міръ „цѣнностей", міръ эмпиріи и міръ трансцендентнаго находятся въ философіи Ланге въ полной и ненарушимой гармоніи.

Не можемъ не пожелать этой прекрасной книгѣ самаго широкаго распространенія, ибо сѣетъ она „разумное, доброе, вѣчное“...

П. Берлинъ.

П. Кампфмейеръ. *Очерки изъ исторіи нѣмецкой культуры. (Geschichte der modernen Gesellschfatsklassen in Deutschland). Перев. А. Гердъ, подъ редакц. Петра Струве. Изд. редакціи журнала „Образованіе“. Спб. 1898 г. Ц. 60 коп.*

Книжка Кампфмейера—одинъ изъ хорошихъ образчиковъ современной популярно-научной литературы въ Германіи. Лѣтъ 30 тому назадъ германскій „пророкъ труда“ мечталъ о союзѣ науки съ работниками. Союзъ этотъ осуществился: наука, доступная раньше небольшому кружку избранныхъ умовъ, спустилась на землю съ своихъ аристократическихъ высотъ и сдѣлалась въ наши дни почти общедоступной. (Одинъ изъ примѣровъ: „народные университеты“ въ Старомъ и Новомъ свѣтѣ). Конечно, подъ словомъ „наука“ не должно разумѣть что-либо единое, цѣльное: въ научной области всегда шла борьба мнѣній и направленій, школъ и теорій. Въ большинствѣ случаевъ подъ абстрактной оболочкой идейной борьбы таилась вѣчная борьба общественныхъ силъ и партій,—реальные интересы этихъ партій и придавали страстность и жизнь научной полемикѣ. Въ наше время европейская наука, въ лицѣ своихъ оффиціальныхъ представителей (академиковъ, профессоровъ etc.) всецѣло служитъ интересамъ господствующаго класса Европы—буржуазіи. (Отсюда—оффиціальную науку справедливо называютъ буржуазной). Характерная черта буржуазной науки—доведенная до крайности спеціализація: каждая отрасль знанія дробится на кусочки и каждый такой отдѣлъ науки представляетъ изъ себя цѣлую спеціальность, требующую для своего изученія *всего человѣка*, всѣхъ его силъ.

Попытка позитивизма, а потомъ эволюціонной теоріи—синтезировать громадный подавляющія матерьялъ фактовъ науки обнаружила, съ одной стороны, мощь буржуазнаго генія въ области естествознанія, а съ другой,—его бессиліе,—рѣшить важнѣйшія проблемы соціологіи и историческаго развитія; а такъ какъ эти проблемы составляютъ содержаніе послѣдней, высшей главы нашего знанія о мірѣ, то неудивительно, что безъ разрѣшенія ихъ оказался немыслимымъ и синтезъ этого знанія.

Сознательная или безсознательная боязнь прикоснуться къ существу общественныхъ отношеній, внушенная узкимъ классовымъ интересомъ,—мѣшала генію буржуазіи подняться на требуемую высоту мысли. Задача была рѣшена съ блестящимъ успѣхомъ геніемъ демократіи. Марксъ и Энгельсъ совершили цѣлый переворотъ въ общественной и исторической наукѣ,—ихъ трудами заложенъ прочный фундаментъ для дальнѣйшаго развитія этой науки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, намѣченъ планъ синтетической философіи будущаго. Плодотворная идея „діалектическаго матеріализма“ привлекаетъ все больше и больше ученыхъ силъ подъ свое знамя, но главная цѣль современной демократической науки—не отвлеченная истина, а служеніе насущнымъ потребностямъ даннаго момента: народныя массы въ Европѣ проявляютъ небывалую жажду знанія и наука идетъ навстрѣчу этимъ запросамъ массъ, создавая разностороннюю, популярно-научную литературу.

Сравнительно высокій умственный уровень европейскихъ массъ позволяетъ популяризатору говорить съ своей аудиторіей не прибѣгая къ дѣтской логикѣ и таковому же языку.

Современный европейскіе популяризаторъ передаетъ читателю квинтъэссенцію многотомныхъ ученыхъ трудовъ, оставаясь на высотѣ научной мысли.

Къ категоріи такихъ популяризацій слѣдуетъ отнести и книжку П. Кампфмейера. Обширный матеріалъ, которымъ онъ пользуется, связанъ имъ общей идеей историческаго развитія на почвѣ эволюціи производственныхъ отношеній. Въ сжатомъ изложеніи на 168 стр. онъ даетъ цѣльную, мѣстами очень живую, яркую картину культурной исторіи нѣмецкаго народа.

Человѣку, хорошо ознакомленному съ современной исторической литературой, Кампфмейеръ, конечно, новаго ничего не сообщитъ, но для массы читателей, у которыхъ нѣтъ времени изучать капитальные историческіе труды вродѣ „Исторіи XVIII столѣтія", Шлоссера и „Исторіи германскаго народа", К. Лампрехта, П. Кампфмейеръ написалъ очень интересную и полезную книгу.

В. Котовичъ.

К. Шраммъ. *Основы экономической науки. Перев. съ нѣмецк. Н. К. Изданіе Н. Березина и М. Семенова. Спб. 1899 г. Цѣна 50 коп.*

Заглавіе этой книжки не соотвѣтствуетъ ея содержанію, такъ какъ она представляетъ собой не болѣе, какъ популярный очеркъ трудовой теоріи цѣнности. Потребность въ такого рода книгахъ очень велика въ настоящее время, а между тѣмъ мы не можемъ назвать на русскомъ языкѣ почти ни одной книги, которая совмѣщала бы научныя достоинства съ достаточной популярностью изложенія. Единственное исключеніе представляетъ книга А. Богданова: „Краткій курсъ экономической науки", но и она, къ сожалѣнію, не лишена многихъ недостатковъ, изъ которыхъ главными являются — слишкомъ конспективный ея характеръ и упрощенное пониманіе многихъ вопросовъ. Въ частности, ученіе о цѣнности изложено у г. Богданова далеко не удовлетворительно. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, что разбираемая книжка можетъ восполнить этотъ послѣдній недостатокъ книги г. Богданова. Есть популярность двоякаго рода: популярность изложенія и популярность мышленія. Если первая безусловно желательна, то вторая можетъ быть оправдана только въ исключительныхъ случаяхъ. Вотъ такимъ упрощеннымъ пониманіемъ и страдаетъ въ обѣихъ книгахъ изложеніе ученія о цѣнности, тогда какъ это не вызывается необходимостью и не оправдывается важностью вопроса. Правда, такое же упрощенное пониманіе можно встрѣтить и въ „Курсахъ" нашихъ гг. профессоровъ, но это свидѣтельствуетъ только о недостаточномъ пониманіи ими теоріи цѣнности Маркса, которую они излагаютъ. Самый важный пунктъ теоріи цѣнности Маркса—анализъ товарнаго фетишизма — почти совершенно не затрагивается. Безъ выясненія этого пункта невозможно вполнѣ отчетливое пониманіе цѣнности, этой основной категоріи современнаго экономическаго строя. За исключеніемъ этого пункта ученіе

о цѣнности изложено въ разбираемой книжкѣ вполнѣ удовлетворительно, чего нельзя сказать про книгу г. Богданова. Въ книгѣ Шрамма, далѣе отсутствуетъ опредѣленіе самого предмета экономической науки и вслѣдствіе этого неправильно выяснено различіе между производительнымъ и непроизводительнымъ трудомъ. Авторъ говоритъ: „Если производительныхъ рабочихъ назвать рабочими, производящими товары, а всѣхъ другихъ—рабочими, оказывающими услуги, то различіе между этими двумя группами становится гораздо яснѣе“ (стр 6). Послѣ такого „опредѣленія“ остается совершенно непонятнымъ, зачѣмъ же устанавливается самое подраздѣленіе труда на производительный и непроизводительный.—Вмѣсто анализа товара авторъ даетъ неточное юридическое опредѣленіе этого понятія. Вообще 1-я глава вполнѣ неудовлетворительна. На почвѣ неяснаго представленія о самомъ предметѣ политической экономіи авторъ очень пространно разсуждаетъ о „цѣнности услугъ“, забывъ остроумное замѣчаніе Маркса, что категорія услуги „оказываетъ политико-экономамъ „услугу“ для объясненія того, что ими непонято“ („Капиталъ“. II. 348). И хотя авторъ ссылается при этомъ на Лассаля и знакомъ съ Марксомъ, но очевидно, что не понимаетъ въ достаточной степени ни того, ни другого такъ какъ, повидимому, полагаетъ, что „услуги“ создаютъ цѣнность. Было бы гораздо лучше, если бы вмѣсто разсужденій объ „услугахъ“ авторъ полнѣе изложилъ ученіе о прибавочной цѣнности, которое у него изложено слишкомъ кратко, неполно и неясно. Совершенно отсутствуетъ ученіе объ интенсивности и производительности труда, о рабочемъ днѣ и заработной платѣ. Изложеніе въ общемъ довольно популярно, хотя мѣстами совершенно неясно.

Б. Авиловъ.

К. Головинъ. *Наша финансовая политика и задачи будущаго. Ц. 2 руб.*

Г. Головинъ написалъ довольно объемистую книгу, посвященную такимъ жгучимъ вопросамъ, какъ наша финансовая политика, съ одной стороны, и наше экономическое положеніе, съ другой. Собственно говоря, заглавіе книги не соотвѣтствуетъ ея внутреннему содержанію: г. Головинъ предпочелъ болѣе узкій терминъ для характеристики круга явленій, далеко выходящихъ изъ предѣловъ „финансовой“ политики въ тѣсномъ и научномъ значеніи этого понятія. Впрочемъ, какъ бы то ни было, а книга г. Головина заслуживаетъ самаго внимательнаго отношенія не только со стороны спеціалиста, но и со стороны такъ наз. „большой публики“: авторъ желаетъ опредѣлить основную тенденцію нашей финансовой политики—мы пользуемся его терминомъ—не только въ настоящее время, но и показать ее преемственность и эволюцію за періодъ съ 1887 г. по 1898 г. Кромѣ этой цѣли онъ задается и другой—еще болѣе интересной и широкой, а именно желаетъ выяснить, насколько эта политика соотвѣтствуетъ дѣйствительному развитію страны, ея реальнымъ нуждамъ и потребностямъ и, само собою разумѣется, не можетъ сдѣлать этого, не выяснивши своего собственнаго отношенія къ экономическому развитію Россіи, а также и своихъ идеаловъ этого развитія. Впрочемъ, г. Головинъ обладаетъ удивительною осторожностью, очень нерѣдко переходящую даже въ отсутствіе

своей собственной точки зрѣнія; онъ высказывается на протяженіи слишкомъ ста первыхъ страницъ такъ неопредѣленно, что положительно затрудняешься, къ какой группѣ и къ какому классу лицъ нужно отнести автора этой безусловно интересной книги, и между тѣмъ на этихъ ста страницахъ авторъ разбираетъ такіе жгучіе, породившіе такую горячую полемику вопросы, какъ, напримѣръ,—*золотое обращеніе*, сельско-хозяйственный кризисъ, покровительственная система и т. п. Правда, чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ и, перешагнувъ сотую страницу, мы начнемъ встрѣчать въ разсужденіяхъ г. Головина уже чисто „аграрныя" бревна, но, тѣмъ не менѣе, въ общемъ, авторъ скорѣе предпочитаетъ постановку вопроса, чѣмъ его окончательнее рѣшеніе.

Всю свою книгу авторъ раздѣлилъ на четыре отдѣла, причемъ первый посвященъ „нашему государственному хозяйству за періодъ съ 1887—1897 гг.", второй—„экономическому упадку центра и его причинамъ" третій—„истиннымъ задачамъ нашей финансовой политики" и, наконецъ, четвертый трактуетъ „сословные вопросы". Уже одного этого, болѣе чѣмъ краткаго перечня содержанія книги г. Головина достаточно для высокой степени напряженности нашего интереса, жаждущаго поскорѣй уяснить себѣ такіе вопросы, какъ взаимоотношеніе государства, промышленнаго класса и землевладѣльческаго, да еще въ сферѣ столь жгучихъ вопросовъ, каковы вопросы денежнаго обращенія, промышленной политики и т. п.

Прежде всего г. Головинъ даетъ очеркъ дѣятельности министерства финасовъ за время управленія имъ И. А. Вышнеградскимъ, причемъ этотъ періодъ онъ характеризуетъ слѣдущимъ образомъ: „Основною чертою разсматриваемаго шестилѣтія служило стараніе обезпечить за Россіей активный разсчетный балансъ. Покойный министръ прекрасно сознавалъ, что лишь при этомъ условіи могло быть возстановлено свободное обращеніе звонкой монеты, къ которому онъ не переставалъ стремиться, какъ профессіональный финансистъ". Затѣмъ, Вышнеградскій исключилъ изъ своей системы займы, а старался пріобрѣсти средства у себя дома съ помощью возвышенія налоговъ. И онъ сдѣлалъ это въ очень широкихъ размѣрахъ. Налоги на керосинъ, спички, повышеніе акциза на водку, табакъ, увеличеніе гербовыхъ, поземельныхъ и торговыхъ сборовъ,—все это и еще многое другое было пущено въ ходъ въ цѣляхъ накопленія будущаго размѣннаго фонда.

Въ этомъ же періодѣ былъ совершенъ цѣлый рядъ конверсій на сумму 758,8 мил. руб., наконецъ прибѣгалось и къ займу, правда, неудавшемуся, такъ какъ реализовать удалось лишь $^3/_5$ всей суммы—и въ виду этого г. Головинъ находитъ, что „нельзя финансовой политикѣ Вышнеградскаго отказать въ послѣдовательности и стройности. Объединяющей идеей служила бududущая реформа денежнаго обращенія и средства къ ея осуществленію обнаруживали умѣлую ловкость опытнаго дѣлового человѣка. Впрочемъ, г. Головинъ находитъ въ этой финансовой системѣ и оборотную сторону, заключавшуюся въ забвеніи лишь одного—внутренняго хозяйства страны. Нельзя не согласиться, что ошибка эта немаловажная и г. Головинъ совершенно напрасно полагаетъ, во-первыхъ, что „податной винтъ" при Вышнеградскомъ дѣйствовалъ слабѣе, чѣмъ при его преемникѣ, и, во-вторыхъ, что косвенные налоги имѣютъ „всѣ преимущества" по сравненію съ налогами прямыми и, въ особенности, съ прогрессивно-подоходнымъ обложеніемъ. Наоборотъ, управленіе министерствомъ финансовъ Вышнеградскимъ, непосредственно послѣ управленія Бунге,—смѣло можно характеризовать наибольшимъ напряженіемъ „податного винта",

даже по сравненіи съ управленіемъ г. Витте, такъ какъ Вышнеградскій дѣйствовалъ въ сторону наименьшаго сопротивленія, т. е. въ сторону увеличенія налоговъ съ тѣхъ слоевъ населенія, которые совершенно не представлены въ общей системѣ нашего управленія. Обратная пропорціональность обложенія—это въ замѣчательной мѣрѣ наслѣдіе системы Вышнеградскаго и теперь только съ большимъ трудомъ, отчасти съ помощью „огосударствленія" народнаго, вѣрнѣе, національнаго хозяйства, отчасти съ помощью переложенія податного бремени на плечи болѣе состоятельныхъ слоевъ, удается ослаблять „всѣ преимущества косвенныхъ налоговъ"—въ дѣлѣ ускоренія разоренія наиболѣе неимущихъ классовъ. Такое отношеніе г. Головина къ финансовой политикѣ Вышнеградскаго отчасти нужно приписать присущему этому автору свойству, о которомъ мы говорили выше, т. е. свойству крайне неопредѣленно высказывать свой собственный взглядъ, что въ данномъ случаѣ является уже совсѣмъ излишнею осторожностью, такъ какъ самъ авторъ находитъ „неудивительнымъ, что втихомолку подготовлялся экономическій упадокъ русскаго центра, давшій себя знать такъ ярко въ голодную годину".

Переходя затѣмъ къ характеристикѣ періода дѣятельности министерства финансовъ за время управленія имъ г. Витте, г. Головинъ дѣлается нѣсколько болѣе откровеннымъ. Прежде всего онъ характеризуетъ ее какъ продолженіе политики Вышнеградскаго, лишь нѣсколько измѣненной отступленіями, вызванными толчкомъ, даннымъ производительнымъ силамъ Россіи политикой С. Ю. Витте (23 стр.). Отмѣчая политику торговыхъ договоровъ, предпринятую съ цѣлью оживить нашъ сбытъ заграницу, онъ отмѣчаетъ и уменьшеніе активовъ торговаго баланса въ нашу невыгоду и, какъ слѣдствіе изъ этого уменьшенія, рождается необходимость прибѣгать къ займамъ въ цѣляхъ компенсаціи уменьшенія актива баланса.

Г. Головинъ вовремя задается вопросомъ: нужно ли стремиться къ выполненію программы Вышнеградскаго, ставившей себѣ цѣлью покрытіе чрезвычайнаго бюджета, не прибѣгая къ займамъ?—точно также вовремя онъ отмѣчаетъ „скромность", „граничащую съ лицемѣріемъ" и заключающуюся въ томъ, что смѣтныя предположенія сознательно понижаются и, такимъ образомъ, въ концѣ бюджетнаго года всегда получается крупный переборъ, на много % превышающій смѣтныя предположенія и даже дѣйствительное поступленіе года. Въ общемъ же анализъ росписи и порядка ея составленія сдѣланъ г. Головинымъ вполнѣ умѣло.

Давая окончательную оцѣнку совершившейся денежной реформы, г. Головинъ находитъ, что она стоитъ прочно только до тѣхъ поръ, пока въ Европѣ „все спокойно", и пугаетъ тѣмъ, что „не то будетъ, однако, въ случаѣ какихъ-либо серьезныхъ затрудненій, могущихъ вынудить западные рынки къ усиленной реализаціи цѣнностей, которая поставитъ передъ нами двѣ непріятныя альтернативы: обратно купить наши бумаги, уплативъ за нихъ золотомъ, или отказаться отъ покупки и тѣмъ вызвать у себя дома такое паденіе всѣхъ биржевыхъ цѣнностей, которое окажется для нашего капитала истинной и долго непоправимой катастрофой". Намъ кажется этотъ взглядъ невѣрнымъ и вотъ именно почему: во-первыхъ, всякое денежное обращеніе покоится на нормальномъ теченіи дѣлъ, и, во-вторыхъ, ни одна система не можетъ предохранить отъ кризисовъ. Англія прекрасный примѣръ тому. Серьезныя замѣшательства могутъ быть вызваны только европейской войной, а это такое обстоятельство, которое произведетъ полную пертурбацію во всѣхъ отношеніяхъ, и строить

денежную реформу примѣнительно этому случаю абсолютно невозможно. Во всякомъ случаѣ частичные денежные или промышленные кризисы при современной системѣ денежнаго обращенія у насъ будутъ ощущаться нисколько не сильнѣе, чѣмъ въ Западной Европѣ.

Признаемся, мы не понимаемъ г. Головина, когда онъ въ заключеніе I-го отдѣла говоритъ о возможности сохранить „вѣрность" кредитнаго рубля серебряному и тѣмъ сдѣлать земледѣльческій кризисъ менѣе чувствительнымъ. Это безусловно невѣрно и Россія совсѣмъ не такъ изолирована отъ всемірнаго рынка, чтобы можно было утверждать, будто бы дальнѣйшее пониженіе цѣнности серебрянаго рубля на международномъ рынкѣ и сохраненіе паритета съ кредитнымъ руб. внутри страны не вызвало бы никакихъ перемѣнъ. Нѣтъ, внутренняя Россія не стала бы повиноваться своему собственному мѣрилу и стала бы вывозить не товаръ, съ цѣлью получить больше обезцѣненныхъ серебряныхъ рублей—и обмѣнять ихъ на кредитные рубли, которые въ свою очередь или мѣнялись бы на заграничный товаръ, или бы на золото. Несомнѣнно, очень многіе получили бы крупные барыши отъ этой продажи денегъ, но этотъ барышъ былъ бы, во-первыхъ, чисто временнымъ, а, во-вторыхъ, спекулятивнымъ. и намъ кажется, что г. Головинъ понимаетъ это, такъ какъ говоритъ о компенсаціи обезцѣненія хлѣба паденіемъ цѣны на серебро, но понимать и сказать вслухъ—двѣ вещи разныя.

Впрочемъ, мы только отдадимъ дань справедливости г. Головину, если скажемъ, что его критика нашего финансоваго хозяйства крайне интересна, и, навѣрно, прочтется со вниманіемъ каждымъ, мало-мальски интересующимся русскими финансами.

Отдѣлъ II-ой, посвященный „экономическому упадку центра и его причинамъ", составленъ довольно полно. Многія замѣчанія безусловно правильны, но мы поставили бы его ниже I-го отдѣла, такъ какъ никакихъ оригинальныхъ мыслей г. Головинъ въ этомъ отдѣлѣ не высказываетъ, становясь, скорѣе, шаблоннымъ и примыкая къ обычнымъ аграрнымъ ламентаціямъ, находя даже помощь дворянскаго банка „запоздалою" (92) въ виду существовавшихъ раньше неблагопріятныхъ условій земельнаго кредита. „Доблестное сословіе", несомнѣнно, будетъ благодарно за тѣ „теплыя и прочувствованныя" слова, которыя сказалъ г. Головинъ въ его пользу.

Какъ человѣкъ безусловно „умѣренный и аккуратный", г. Головинъ сожалѣетъ объ „установленіи за послѣднее время представленія о мнимомъ (?!) антагонизмѣ интересовъ земледѣлія и промышленности" — и, конечно, онъ правъ, такъ какъ антагонизма между этими двумя, исчерпывающими человѣческую дѣятельность, отраслями народнаго хозяйства нѣтъ—но къ сожалѣнію, антагонизмъ *между промышленниками и землевладѣльцами* — совсѣмъ не мнимый и чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить хотя бы дебаты по поводу все той же денежной реформы; мы могли бы остановиться на этомъ предметѣ нѣсколько дольше, если бъ размѣры замѣтки рецензента не суживали намъ границъ, а потому мы просто на просто отсылаемъ читателя къ книгѣ г. Головина, прочтя которую, онъ убѣдится, что антагонизмъ, имъ отрицаемый, проступаетъ достаточно ярко и въ немъ самомъ.

Характеристика нашего сельскаго хозяйства иногда дѣлается подъ перомъ г. Головина похожею на приговоръ этому „хозяйничанью"—но, въ общемъ, этотъ отдѣлъ слабѣе другихъ, такъ какъ „лѣкарства", рекомендуемыя г. Головинымъ, не соотвѣтствуютъ истощенному организму его паціентовъ. У насъ меліораціонный кредитъ роковымъ образомъ превра-

щается въ деморализаціонный—и нужно ждать новой жизни на руинахъ старой.

Говоря, въ IV-омъ отдѣлѣ, о сословныхъ вопросахъ, г. Головинъ впадаетъ въ нѣкоторое противорѣчіе и, считая „дворянскій вопросъ прежде всего вопросомъ экономическимъ", онъ, тѣмъ не менѣе, полагаетъ, „что экономическими мѣрами дворянскій вопросъ не можетъ быть, однако, исчерпанъ вполнѣ (203)—и на сцену выступаютъ: учрежденіе въ провинціяхъ пансіоновъ „для благородно-рожденныхъ", поднятіе значенія земской службы, число переходовъ съ которой въ одно изъ министерствъ можно „пересчитать по пальцамъ" (204), законы о недробимости дворянскихъ имѣній и т. п., проекты. Впрочемъ, помощь гг. дворянамъ нужна не въ видѣ „только подачекъ, не въ видѣ скидки какого-нибудь (??!) полупроцента (?) платежей дворянскому банку—она должна коснуться самаго корня вопроса: несоотвѣтствія между рентою и капитальною стоимостью земли, чтобы, съ одной стороны, поднять средства къ жизни ея владѣльца, съ другой,—отнять у него поводъ къ ея отчужденію" (202).

Этотъ, быть можетъ, нѣсколько непонятный періодъ станетъ значительно яснѣе, если вспомнить предыдущія страницы книги г. Головина, на которыхъ онъ горько жалуется на „слабость" характера „доблестнаго сословія", никакъ не могущаго устоять противъ соблазна „книжки чековъ" чумазаго; какъ только эта книжка зашелеститъ своими листками—такъ и прощай „дворянское гнѣздо", оно моментально отчуждается—и вотъ противъ этого-то протестуетъ г. Головинъ, стремясь законодательнымъ путемъ закрѣпить землю за дворянами.

Послѣднія страницы своей книги г. Головинъ посвящаетъ критикѣ Положеній 19 февраля, находитъ ихъ устарѣвшими, несоотвѣтствующими условіямъ современнаго экономическаго развитія Россіи и требующими коренного пересмотра. Многія изъ замѣчаній г. Головина любопытны въ этомъ его резюме и нельзя не согласиться съ требованіями реорганизаціи современныхъ порядковъ деревни, хотя конечно, мы лично, стремясь къ этой реорганизаціи, держимся въ то же время совсѣмъ другой точки зрѣнія, высказывать которую здѣсь не время и не мѣсто.

Мы настоятельно рекомендуемъ читателямъ эту интересную книгу, могущую сдѣлаться въ извѣстной части нашего общества настольною и которую знать поэтому положительно необходимо.

А. В.

Изъ области знанія и жизни.

Германскіе и швейцарскіе университеты.—Въ Германіи на 50 милліоновъ жителей 21 университетъ съ 40.000 студентовъ и $2^1/_2$ тысячами профессоровъ и преподавателей. Самымъ большимъ, какъ по числу студентовъ, такъ и профессоровъ, является въ настоящее время университетъ Берлинскій, число слушателей котораго достигаетъ 11.000 при 400 проф. и препод. Берлинскій университетъ еще сравнительно очень молодъ, онъ основанъ въ 1809 году, между тѣмъ какъ многіе маленькіе университеты, столь характерные для старой Германіи, основаны въ XIV-мъ (Гейдельбергъ), XV-мъ (Фрейбургъ, Тюбингенъ, Грейсвальдъ, Вюрцбургъ) и XVI-мъ столѣтіяхъ (Іена).

Второе мѣсто по числу студентовъ и преподавателей занимаетъ университетъ Мюнхенскій (4.104 студента и 186 препод.). Его можно назвать тоже молодымъ университетомъ,—онъ *перенесенъ* изъ маленькаго городка Ландсхута въ 1826 году.

Столичные университеты развиваются за послѣднюю четверть вѣка съ необычайной быстротой, но это развитіе не ослабляетъ провинціальныхъ стариковъ, остающихся до сихъ поръ наиболѣе характерными для нѣмецкой университетской жизни. Въ каждомъ маленькомъ университетѣ есть свои свѣтила съ міровыми именами, есть своя „школа". Ученыя свѣтила маленькихъ университетовъ обыкновенно доступнѣе свѣтилъ Берлина или Мюнхена; связь между учеными и студентами въ провинціи тѣснѣе и крѣпче, чѣмъ въ столицахъ уже по одному тому, что въ маленькихъ университетахъ гораздо меньше слушателей, чѣмъ въ университетахъ большихъ городовъ; такъ, напр., въ знаменитой Іенѣ въ 1899 году (зимній семестръ) было всего 707 студентовъ (изъ нихъ 194 медика).

Сравнительно небольшое число студентовъ отражается обыкновенно благопріятно на занятіяхъ. „Учиться", напр., медицинѣ, особенно въ первые семестры, несравненно удобнѣе въ Іенѣ, Тюбингенѣ или Фрейбургѣ, чѣмъ въ Берлинѣ, Мюнхенѣ и Лейпцигѣ.

Правда, клиническаго „матерьяла" въ столицахъ больше, чѣмъ въ городкахъ съ двумя, тремя десятками тысячъ жителей, но въ Берлинѣ приходится смотрѣть на этотъ „матерьялъ" издали, въ Іенѣ же желающіе легко могутъ изучать больныхъ подъ руководствомъ профессоровъ и ассистентовъ. Особенно удобно заниматься въ маленькихъ университетахъ анатоміей, гистологіей, патологической анатоміей и т. д.

Конечно, не всѣ кафедры заняты въ маленькихъ университетахъ выдающимися учеными и учителями, но нѣмецкіе студенты почти никогда не проходятъ весь курсъ въ одномъ и томъ же университетѣ: они перекочевываютъ изъ университета въ университетъ, знакомясь съ различными „школами", съ различными „методами", и имъ удается почти по каждой спеціальности прослушать курсъ у выдающагося профессора.

До сихъ поръ мы имѣли въ виду, главнымъ образомъ, начинающихъ медиковъ, которымъ горячо рекомендуемъ Іену, Фрейбургъ и Гейдельбергъ, но маленькіе университеты представляютъ, по нашему мнѣнію, много удобствъ и для всѣхъ другихъ категорій студентовъ.

Что станетъ дѣлать зоологъ въ Берлинѣ или Лейпцигѣ, когда Геккель читаетъ въ Іенѣ, Вейсманъ—во Фрейбургѣ и Бючли въ Гейдельбергѣ? По философіи въ Берлинѣ въ настоящее время, правда, Паульсенъ, но зато въ Іенѣ талантливый кантіанецъ Либманъ, а въ Гейдельбергѣ—извѣстный Куно Фишеръ. Не малое значеніе имѣетъ и то, что маленькіе университетскіе города находятся въ самыхъ живописныхъ и здоровыхъ мѣстностяхъ Германіи. Іена лежитъ въ Тюренгенѣ въ красивой Заальской долинѣ, Фрейбургъ и Гейдельбергъ въ Шварцвальдѣ. Какая масса чудныхъ прогулокъ! Ежедневно можно отдыхать среди горъ и лѣсовъ, успокоивая свои нервы послѣ тяжелыхъ картинъ анатомическаго театра и клиникъ.

Жить въ маленькихъ университетскихъ городахъ очень удобно и можно устроиться довольно дешево. Надо замѣтить, что комнаты и столъ въ сѣв. и средней Германіи (Киль, Кенигсбергъ, Эрлангенъ, Іена) нѣсколько дешевле, чѣмъ въ южной (Гейдельбергъ, Фрейбургъ).

Человѣкъ съ потребностями русскаго студента можетъ сносно жить въ Іенѣ, напр., на 30 р. въ мѣсяцъ, не считая платы за лекціи и практическія занятія. Пишущій эти строки платилъ въ Іенѣ за хорошую свѣтлую комнату въ два окна 14 марокъ въ мѣсяцъ, т. е. около 7 р.; во Фрейбургѣ такая же комната стоитъ марокъ 18—20 (9—10 рублей). Обѣдъ въ Іенѣ (у „Heyne" противъ „Burschenschaftdenkmal") можно имѣть за 60 пфениговъ, т. е. 28 коп. (супъ, мясо, компотъ), во Фрейбургѣ за такой же обѣдъ надо заплатить пфениговъ 80 (38 коп.).

Кофе утромъ—20—25 пфен. (около 10 коп.). Одного обѣда, конечно, очень „легкаго" мало и вечеромъ на ужинъ приходится тратить еще коп. 20.

Лекціи и занятія въ Германіи обходятся довольно дорого, *особенно для медиковъ.* При правильныхъ занятіяхъ медику въ годъ (2 семестра) приходится уплатить за лекціи и практическія занятія рублей около полутораста. За право держать докторскій экзаменъ кромѣ того приходится уплатить не менѣе 300 марокъ (тоже около 150 р.).

Не дешево обходятся и книги, такъ что *въ общемъ* самому скромному студенту надо имѣть въ учебные мѣсяцы не менѣе 50 руб. (жизнь, лекціи, книги). Надо при этомъ, впрочемъ, не забывать, что въ Германіи въ университетахъ очень длинныя каникулы. Лѣтній семестръ начинается въ концѣ апрѣля и продолжается до конца іюля (3 мѣсяца); зимній начинается въ концѣ октября и продолжается до начала марта ($4^1/_2$ мѣсяца); изъ лѣтняго семестра надо выкинуть 10 дней троичныхъ каникулъ; изъ зимняго двѣ недѣли рождественскихъ праздниковъ. Такъ что въ общемъ каникулы продолжаются почти полгода, но зато во время семестровъ занятій въ университетѣ очень много. Аудиторіи заняты нерѣдко съ 7 часовъ утра до 8 вечера.

Во время каникулъ студенты не только отдыхаютъ и путешествуютъ, но и читаютъ по своимъ спеціальностямъ; во время семестровъ читать некогда.

Отношеніе профессоровъ къ студентамъ въ общемъ простое, хорошее; къ своимъ учительскимъ обязанностямъ большинство профессоровъ относятся крайне серьезно. Иностранцы встрѣчаютъ у нихъ радушный пріемъ.

У пишущаго эти строки остались самыя лучшія воспоминанія о профессорахъ Furbringer'ѣ (анатомія, Іена), Bäumler'ѣ (внутр. бол., Фрейбургъ), Haeckel'ѣ (зоологія, Іена), Schultze (акушерство. Іена), Ziegler'ѣ (патологія Фрейбургъ) и т. д.

Маленькая Швейцарія не уступаетъ Германіи, какъ въ *относительномъ* числѣ университетовъ, такъ и въ постановкѣ университетскихъ занятій.

Въ Швейцаріи—7 университетовъ съ $4^1/_2$ тыс. студентовъ и 675-ью профессорами и преподавателями.

Въ Женевѣ и Лозаннѣ лекціи читаются по-французски, въ остальныхъ университетахъ по-нѣмецки.

Нѣмецко-швейцарскіе университеты въ постановкѣ занятій представляютъ какъ бы копіи съ германскихъ университетовъ. Швейцарія очень часто обмѣнивается университетскими преподавателями съ Германіей. Лучше всего обставлены въ Швейцаріи медицинскіе факультеты,—въ Цюрихѣ, Базелѣ и Бернѣ они не уступаютъ лучшимъ германскимъ. Особенно удобно учиться въ тихомъ Базелѣ, гдѣ много прекрасныхъ профессоровъ-учителей и немного слушателей. Въ распоряженіи университета находится прекрасно устроенный госпиталь; „практиковать" на старшихъ курсахъ приходится очень часто; профессора знаютъ студентовъ такъ же близко, какъ учителя гимназистовъ.

Жить въ Швейцаріи нѣсколько дешевле, чѣмъ въ южной Германіи.

W. P.

Робертъ Бунзенъ. $^4/_{16}$ августа тихо скончался въ Гейдельбергѣ знаменитый химикъ Робертъ Бунзенъ, которому человѣчество обязано, между прочимъ, открытіемъ (въ 1860 году) спектральнаго анализа; впрочемъ, славу этого открытія Бунзенъ раздѣляетъ съ другимъ знаменитымъ нѣмецкимъ ученымъ Кирхгофомъ (Kirhhoff), что отнюдь не поселило между великими учеными никакой вражды, а, напротивъ, скрѣпило ихъ взаимнымъ уваженіемъ.

Открытіе спектральнаго анализа, произведшаго переворотъ въ цѣломъ рядѣ наукъ (физикѣ, химіи, астрономіи, физіологіи и т. д.), открывшаго человѣчеству новые міры, составляетъ, конечно, самую выдающуюся заслугу Бунзена, но и помимо спектральнаго анализа, химія и физика обязаны ему развитіемъ многихъ своихъ отдѣловъ, обогащенныхъ его остроумными и необычайно точными работами. Извѣстные бунзеновскій гальваническій элементъ и бунзеновская горѣлка (вѣрный другъ всякаго хоть немного занимавшагося химіей) представляютъ въ сущности самую незначительную часть результатовъ его научной дѣятельности.

Бунзенъ былъ не только знаменитымъ ученымъ, но и замѣчательнымъ человѣкомъ. Это былъ чистый типъ нѣмецкаго ученаго въ лучшемъ значеніи этого слова. Науку онъ любилъ горячо и неизмѣнно, не разставаясь съ ней съ юныхъ лѣтъ до глубокой старости. Семьи у него не

было, и онъ всю жизнь прожилъ холостякомъ, сохранивъ, по словамъ его друзей, *цѣломудріе души и тѣла*. Но это отнюдь не сдѣлало его сухимъ и черствымъ, напротивъ, онъ относился съ любовью не только къ наукѣ, но и къ своимъ многочисленнымъ ученикамъ. Однимъ изъ любимѣйшихъ его учениковъ былъ извѣстный гейдельбергскій химикъ Викторъ Мейеръ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ прервавшій самоубійствомъ свою блестящую ученую карьеру. На своихъ лекціяхъ Мейеръ нерѣдко разсказывалъ о необычайной неустрашимости своего учителя Бунзена во время работъ со взрывчатыми веществами. Не разъ Бунзенъ подвергался опасности и спасался какъ бы чудомъ.

Отдавая себя наукѣ, Бунзенъ все же интересовался и общественной жизнью, выказывая себя сторонникомъ свободы и справедливости. Въ противоположность гейдельбергскому ученому, философу Куно Фишеру, Бунзенъ горячо стоялъ за допущеніе женщинъ въ университеты.

Къ отличіямъ всякаго рода, которыхъ онъ получилъ не мало за 63 года своей профессорской дѣятельности, Бунзенъ относился съ полнымъ равнодушіемъ. Являясь ко двору, онъ обыкновенно забывалъ одѣвать свои звѣзды и кресты, что противорѣчило этикету. Его экономка рѣшила класть ему ордена въ брюки, которые онъ одѣвалъ при фракѣ, но это не помогало.

— Ваше превосходительство, гдѣ ваши ордена? — шутливо спросилъ его одинъ изъ профессоровъ на вечерѣ у баденскаго герцога.

Бунзенъ на минуту задумался, затѣмъ сунулъ руку въ лѣвый карманъ брюкъ и, вынувъ горсть орденовъ, спокойно переложилъ въ правый карманъ.

— У меня ихъ еще много, сказалъ ученый при общемъ смѣхѣ.

Въ заключеніе упомянемъ еще объ одной характерной чертѣ. Бунзенъ пользовался очень часто фотографіей для своихъ научныхъ работъ (по фотохиміи), но онъ никогда не снимался, несмотря на просьбы друзей и учениковъ.

Нескромные фотографы снимали Бунзена впрочемъ, очень часто во время его ежедневнаго путешествія въ „Grand Hôtel“, гдѣ онъ обѣдалъ въ теченіе 37 лѣтъ.

W. P.

Провинціальныя картинки.

Санитарныя условія г. Одессы.

Недавно въ Одессѣ громадный думскій залъ былъ залитъ электрическимъ свѣтомъ; съ эстрады, изъ-за стола, покрытаго краснымъ сукномъ и украшеннаго монументальнымъ письменнымъ приборомъ и кучей фраковъ и ослѣпительныхъ крахмаловъ по сторонамъ, гремѣли патетическія и историческія рѣчи; дамы и кавалеры хлопали и руками, и глазами, и ушами, видимо уже воображая себя на томъ военномъ аванпостѣ, съ которымъ кто-то тамъ сравнилъ Одессу въ борьбѣ съ инфекціонными болѣзнями.

А всего въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ этого блестящаго собранія, отъ этого массивнаго зданія, полнаго воздуха, свѣта, со всѣми „послѣдними" словами отопленія, вентиляціи и пр.,—ночлежки мрачно зіяли своими рѣшетчатыми окнами, заражая даже уличный воздухъ своими міазмами; на грязныхъ нарахъ копошились сотни грязныхъ тѣлъ, которымъ негдѣ было даже умыться, ибо на ночь воду въ ночлежкахъ запираютъ для усиленія ея напора въ богатыхъ кварталахъ; негдѣ было напиться, ибо вотъ уже почти годъ санитарное попечительство порта тщетно борется съ портовымъ начальствомъ изъ-за питьевыхъ крановъ на площади.

Санитарная филантропія — вещь, понятно, весьма добродѣтельная, хотя иногда противъ нея протестуютъ не только хозяева и домовладѣльцы, но даже сама мелкая квартирная братія, „въ интересахъ которой", особенно развиваютъ ее—съ одной стороны, а иногда, какъ мы видѣли выше, и тѣ учрежденія, которыя должны бы принимать мѣры къ насажденію ея—съ другой... Поэтому разговоры о канализаціи, замощеніи, древонасажденіи—сами по себѣ, а исполненіе ихъ—само по себѣ. И потомъ эта, такъ сказать, общественная санитарія—особь-статья, а внутренняя, домашняя, квартирная санитарія—особь-статья.

Самое большее, чего достигли въ этомъ отношеніи наши санитарныя попечительства (и то далеко не всѣ), это—извѣстное вниманіе (но не воздѣйствіе) къ ночлежкамъ, артельнымъ помѣщеніямъ и спальнямъ рабочихъ при разныхъ мастерскихъ и особенно пекарняхъ. Кромѣ этого, попечительства заняты улицами и дворами. Домашняя же обстановка жилищъ рабочихъ и всей остальной бѣдноты обходится и здѣсь благоразумнымъ молчаніемъ, ибо „невозможно прать противъ рожна". А между тѣмъ это-то и есть главный виновникъ тѣхъ пертурбацій въ нашихъ городахъ, которыя отражаются уже не только на бѣднотѣ.

„Большіе города,—говорилось въ „Вѣдомостяхъ Одесскаго Градоначальства",—при неизбѣжной скученности населенія изобилуютъ во множествѣ такими жилыми помѣщеніями, въ которыхъ недостаточное количество воздуха, отсутствіе свѣта, правильнаго отопленія, представляютъ обычное явленіе, не вызывающее, къ сожалѣнію, со стороны населенія мѣръ борьбы".

Причины обычнаго явленія намъ извѣстны, конечно, хорошо; домовладѣльческая жадность, для которой, чѣмъ больше вбито въ домъ народа, тѣмъ лучше; лѣнь подлежащихъ инстанцій, которымъ достаточно кивнуть пальцемъ для какихъ-нибудь крановъ, „двойная бухгалтерія" тѣхъ, кто на словахъ готовъ распинаться за народное здравіе, вопить объ оздоровленіи жилищъ, а въ то же время запираетъ воду въ ночлежкахъ и рабочимъ, пятый уже разъ пытающимся достать себѣ маленькій кусочекъ земли для постройки дешевыхъ жилищъ, преподноситъ ироническіе отказы,—все это знаетъ всякій.

Совершенно справедливо, что въ цифрахъ нашей заболѣваемости и смертности „довольно значительную долю жертвъ приходится отнести на счетъ именно этихъ ненормальныхъ условій жизни". И не только даже „довольно" значительную, но и главную, ибо эти условія вліяютъ на всю нашу заболѣваемость и смертность. И тѣмъ болѣе, дѣйствительно, важно обратить вниманіе на санитарныя прорѣхи именно въ указанной выше средѣ. Если для болѣе состоятельныхъ классовъ внѣшняя санитарія, дѣйствительно, имѣетъ свое значеніе, то для бѣдноты, при ея домашней обстановкѣ, она можетъ сойти совсѣмъ на нуль.

Понятно, отъ уличной санитаріи даже крупному буржуа не много пользы, разъ для него законы санитаріи и гигіены въ домашнемъ быту не писаны. Стоитъ вспомнить нашу обычную комбинацію спаленъ въ заднихъ комнатахъ, рядомъ съ кухней, vis-a-vis—выгребной ямы, съ маленькими окнами во дворъ, мягкую мебель и ковры, загромождающіе жилыя комнаты, пустую-

щія лучшія комнаты въ роли пріемныхъ и залъ, темные обои и тяжелыя портьеры въ „строгихъ“ кабинетахъ, чтобы согласиться съ этимъ.

Но здѣсь человѣкъ лишь не хочетъ измѣнить всю эту обстановку, хотя можетъ.

Ту же обстановку, о которой идетъ рѣчь, конечно, необходимо измѣнить. И пока поэтому мы дадимъ лишь нѣкоторое понятіе о ней, воспользовавшись данными одесской переписи 1892 г., собранными одесскимъ городскимъ статистикомъ г. Бориневичемъ. Богатый статистическій матеріалъ этотъ не разрабатывается почти никѣмъ. Лишь недавно г. Бориневичъ далъ докладъ о школьномъ образованіи въ Одессѣ. Нѣкоторыя цифры можно найти въ газетахъ. Теперь въ „Извѣстіяхъ Одесской Городской Думы“ появился очеркъ, посвященный санитарнымъ условіямъ мелкихъ квартиръ.

На этотъ послѣдній мы и будемъ опираться.

„Большое количество мелкихъ квартиръ — конечно, лучшій показатель наплыва бѣдняковъ“. И само собой, ихъ, какъ и въ другихъ городахъ, всего больше по окраинамъ. Слободка Романовка почти совсѣмъ не имѣетъ квартиръ больше, чѣмъ въ 3 комнаты. Квартиры въ 1 комнату составляютъ тамъ 86,7% всего числа квартиръ въ участкѣ. Въ Пересыпскомъ участкѣ эти однокомнатныя квартиры составляютъ 74,2%; въ Михайловскомъ—70,1%; въ Петропавловскомъ—65,7%. Между тѣмъ, въ центральныхъ участкахъ цифра вообще всѣхъ мелкихъ квартиръ составляетъ на 20—30% общаго числа ихъ. Самый высокій процентъ мелкихъ квартиръ въ этой части города—44%—даетъ Херсонскій участокъ. Надо замѣтить, что въ центрѣ города квартиры вообще дороже и, слѣдовательно, даже въ мелкихъ изъ нихъ помѣщается болѣе состоятельный людъ.

И вотъ, при такомъ-то изобиліи мелкихъ квартиръ на окраинахъ въ нихъ и таятся всяческія „красоты“.

„Красота“ первая—скученность обитателей. Въ Петропавловскомъ и Михайловскомъ участкахъ на каждую квартиру въ одну комнату приходится по 4,3 человѣка. Въ Пересыпскомъ участкѣ приходится по 4,2 чел. Слободка-Романовка даетъ 3,6 чел. на комнату. Правда, въ однокомнатныхъ квартирахъ Херсонскаго участка живутъ тоже по 3.6 человѣка, а Александровскій участокъ даетъ полныхъ 4. Но не надо опять забывать, что эти квартиры больше, выше, лучше, свѣтлѣе, теплѣе, и обитатели ихъ гораздо состоятельнѣе. Въ этихъ центральныхъ кварталахъ бѣднота уходитъ не въ квартиры, а въ подвалы, и заполняетъ ихъ уже въ несмѣтномъ количествѣ, не стѣсняясь никакими

ужасами. Этотъ суррогатъ жилья теперь прямо „необходимъ“ для тѣхъ бѣдняковъ, которымъ приходится жить въ центральной части города. Поэтому въ центрѣ Одессы такъ и много подваловъ.

Въ Бульварномъ участкѣ, гдѣ квартиръ въ одну комнату всего меньше, подвальныхъ помѣщеній имѣется 22,3% всѣхъ однокомнатныхъ квартиръ и 14,2%—двухкомнатныхъ. Въ Александровскомъ участкѣ подвалы составляютъ 21% однокомнатныхъ квартиръ; въ Херсонскомъ—20,5%.

На окраинахъ же подваловъ меньше. Въ Петропавловскомъ участкѣ ихъ 13,3% однокомнатныхъ квартиръ; въ Михайловскомъ—9,2%. На Слободкѣ-Романовкѣ ихъ лишь 7% и на Пересыпи—3,9%. Можно даже принять за правило, что чѣмъ дальше отъ центра города, тѣмъ больше однокомнатныхъ квартиръ—но чѣмъ больше послѣднихъ, тѣмъ меньше въ ихъ числѣ подваловъ.

Все это, и даже цифра 4,3 человѣка на комнату для скученности—еще не такъ характерны. Но она предстанетъ въ полномъ блескѣ, если мы скажемъ, что и въ центрѣ, и на окраинахъ есть десятки квартиръ, гдѣ на комнату приходится по 10—15 и по 20, даже по 25 и 30—и еще больше человѣкъ. Въ Бульварномъ участкѣ надо отмѣтить 3 квартиры—въ одну комнату съ 87-душнымъ населеніемъ, 2 квартиры съ 64 душами народа. Въ Александровскомъ участкѣ есть 2 квартиры съ 32 человѣками и 4 съ населеніемъ въ 122 чел. Въ Херсонскомъ—въ 1-ой квартирѣ 17 человѣкъ и 2 квартиры съ 59 чел. Въ Петропавловскомъ есть 15 квартиръ съ 256 чел. и 6 квартиръ съ населеніемъ въ 137 чел. Какъ бы ни была велика комната, но для 30 и даже 32 человѣкъ она будетъ все же мала. Распространяться о томъ, какъ спятъ, ѣдятъ, живутъ такія гнѣзда людей, вѣроятно, излишне. Обстановка здѣсь хуже ночлежекъ,—и этимъ сказано все.

Вторая „красота“ это—освѣщеніе. Въ Одессѣ есть даже не десятки, а уже сотни квартиръ совсѣмъ безъ оконъ, вѣроятно въ видахъ особаго приспособленія человѣка къ жизни въ темнотѣ. Въ Бульварномъ участкѣ такихъ квартиръ 45; въ Александровскомъ—109; въ Херсонскомъ—39; въ Петропавловскомъ—67; въ Михайловскомъ—43; въ Пересыпскомъ—19. Это соотвѣтствуетъ почти 1.000 человѣкъ, которые никогда не видятъ дневного свѣта въ своихъ квартирахъ и, конечно, не настолько состоятельны, чтобы всегда поддерживать въ нихъ искусственное освѣщеніе.

Вообще, бѣдняки центра, какъ можно видѣть и по этимъ цифрамъ, насчетъ свѣта обставлены даже хуже, чѣмъ на окраинахъ. Хозяева пускаютъ въ оборотъ каждую щель, каждую под-

воротню. Отъ этого въ Одессѣ такъ мало даже парадныхъ подъѣздовъ. Вѣрно такъ же мало свѣта въ квартирахъ. Если комната освѣщается чрезъ двойную галлерею и дверь, или чрезъ крышу „верхнимъ свѣтомъ", она уже не входитъ въ число безоконныхъ. И оттого же, наконецъ, здѣсь такая масса мелкихъ квартиръ всего съ однимъ окномъ, хотя бы и упирающимся въ стѣну. Въ Бульварномъ участкѣ однокомнатныхъ квартиръ съ однимъ окномъ 49,1% общаго числа ихъ; въ Александровскомъ—36,6%; въ Херсонскомъ—34,5%. Въ Петропавловскомъ же участкѣ такихъ квартиръ всего 27%; въ Михайловскомъ—24,6%; на Пересыпи—19,8%; на Слободкѣ-Романовкѣ—12%. Словомъ, чѣмъ дальше отъ центра города, тѣмъ больше оконъ въ квартирахъ, хотя не мѣшаетъ замѣтить, что размѣръ ихъ тамъ гораздо меньше...

Еще меньше, впрочемъ, свѣту въ такихъ квартирахъ, гдѣ одно окно приходится на двѣ комнаты, одна изъ которыхъ, значитъ, опять совсѣмъ темная. Въ Бульварномъ участкѣ такихъ квартиръ 6,3% общаго числа ихъ; въ Херсонскомъ—3%; въ Петропавловскомъ—2,4%; въ Михайловскомъ—4,1%. Между тѣмъ, въ такихъ квартирахъ общая норма живущихъ доходитъ до 5 человѣкъ на комнату. Ergo—половина обитателей этихъ квартиръ и здѣсь никогда не видитъ дневного свѣта въ своихъ помѣщеніяхъ. А это пахнетъ уже не одной тысячью, а, по крайней мѣрѣ, десяткомъ тысячъ народу, живущаго въ такой обстановкѣ, въ такой ужасной не только тѣснотѣ, но и темнотѣ.

„Красота" третья—отопленіе—еще лучше. Громадный процентъ мелкихъ квартиръ совсѣмъ не имѣетъ печей. Въ среднемъ по городу *безъ печей 33,4%* однокомнатныхъ квартиръ, отапливаемыхъ лишь при помощи жаровенъ, таганцевъ или другихъ приспособленій, мало помогающихъ дѣлу и разводящихъ лишь копоть, дымъ и угаръ. О вентиляціи ими воздуха, понятно, нечего и говорить.

Въ отдѣльности, въ Бульварномъ участкѣ ихъ 36,6%; въ Александровскомъ—29,8%; въ Херсонскомъ—26,1%; на Слободкѣ-Романовкѣ—25,6%; въ Петропавловскомъ участкѣ—31,9%; въ Михайловскомъ—28,7%; на Пересыпи—56,9%. Эта послѣдняя является самымъ несчастнымъ участкомъ, ибо тамъ даже двухкомнатныхъ квартиръ безъ печей—14,4%. Въ Михайловскомъ участкѣ ихъ 9,6%. Въ центрѣ же послѣднихъ не больше 5,7% въ Бульварномъ участкѣ, и цифра эта въ Херсонскомъ участкѣ доходитъ даже до 4,2%.

То же самое можно отмѣтить даже для трехкомнатныхъ квартиръ. Въ Бульварномъ, Александровскомъ и Херсонскомъ

участкахъ процентъ такихъ квартиръ безъ печей колеблется между 0,6 и 2,2°/₀°/₀, и въ среднемъ составляетъ лишь 1,4°/₀. А на окраинахъ эти колебанія идутъ между 1,9 и 5,1°/₀°/₀, что въ среднемъ даетъ около 4°/₀.

„Красота" четвертая это—почти полное отсутствіе воды—особенно въ однокомнатныхъ квартирахъ. Въ центрѣ еще есть немного однокомнатныхъ квартиръ и съ водой. Въ Бульварномъ участкѣ ихъ около 13°/₀; въ Александровскомъ—5,7°/₀; въ Херсонскомъ—6,5°/₀. Но за чертой „Внѣшняго Бульвара" процентъ ихъ падаетъ почти до 0. На Пересыпи онъ составляетъ всего 0,4%; на Слободкѣ-Романовкѣ даже—0,2%.

Квартиры о двухъ и трехъ комнатахъ въ отношеніи воды обставлены лучше. Въ Бульварномъ участкѣ двухкомнатныхъ квартиръ съ водопроводными кранами—35,5°/₀, а трехкомнатныхъ даже 68,3°/₀. Но не надо забывать, что эти квартиры тамъ стоятъ уже 300—350—400 рублей въ годъ, даже не считая иногда отопленія. А это предполагаетъ окладъ жалованья въ 1.200—1.500 р. или капиталъ, не меньше 20—25 т. рублей.

Въ Александровскомъ участкѣ двухкомнатныхъ квартиръ съ водопроводомъ—26,8°/₀; трехкомнатныхъ—58,3°/₀; въ Херсонскомъ двухкомнатныхъ—22,1°/₀, трехкомнатныхъ—69,2°/₀; въ Петропавловскомъ—вода имѣется въ 22,5°/₀ двухкомнатныхъ квартиръ и въ 53,5°/₀ трехкомнатныхъ.

Но и здѣсь бѣднѣйшія окраины далеко отстаютъ отъ богатаго центра. Въ Михайловскомъ участкѣ изъ всѣхъ двухкомнатныхъ квартиръ вода проведена лишь въ 7,1°/₀ и изъ трехкомнатныхъ въ 22,9°/₀. На Пересыпи такихъ двухкомнатныхъ квартиръ—1,8°/₀ и трехкомнатныхъ—14,3°/₀. На Слободкѣ же Романовкѣ даже въ трехкомнатныхъ квартирахъ вода имѣется лишь въ 2,7°/₀ общаго числа ихъ.

Резюмируя все это, мы видимъ, что въ среднемъ въ квартирахъ бѣдняковъ живетъ по 4 человѣка въ комнатѣ. Больше трети этихъ квартиръ освѣщена однимъ окномъ. Такая же часть квартиръ лишена отопленія. Пятая часть однокомнатныхъ квартиръ помѣщена въ подвалахъ, гдѣ въ грязи, въ сырости, въ темнотѣ, среди міазмовъ живетъ болѣе 26.000 человѣкъ. Почти для всѣхъ квартиръ можно констатировать отсутствіе правильной вентиляціи, что, въ соединеніи со всѣмъ предыдущимъ, оказываетъ на обитателей ихъ еще болѣе губительное дѣйствіе. Большинство мелкихъ квартиръ не знаютъ даже такихъ необходимыхъ приспособленій, какъ водопроводъ.

По переписи 1892 года въ однокомнатныхъ квартирахъ жило

131.500 человѣкъ; въ двухкомнатныхъ 65.900 человѣкъ и въ трехкомнатныхъ 41.700 человѣкъ. Всего почти 240.000 человѣкъ, почти $^3/_5$ всего населенія Одессы. И эти $^3/_5$ живутъ въ указанной выше обстановкѣ!..

Мы не будемъ подбирать здѣсь особенныхъ иллюстрацій. Но вотъ, напр., общее описаніе одного изъ нашихъ рабочихъ окраинныхъ районовъ — Пересыпи по одному санитарному докладу. „Пересыпь представляетъ собой громадную низменную площадь, равную 3.670 десятинамъ. Но подъ поселеніемъ занято всего около 215 десятинъ, на которыхъ живетъ около 22.000 человѣкъ, а затѣмъ къ нимъ примыкаютъ поля орошенія съ одной стороны, свалки городскихъ нечистотъ—съ другой, участки для закапыванія отбросовъ съ бойни—съ третьей, живодерня и могильникъ для палыхъ животныхъ съ четвертой,—солончаки—съ пятой... Не правда-ли—прекрасная обстановочка...

Почва Пересыпи—песокъ и ломаныя ракушки. А верхній слой ея на $1^1/_2$—2 аршина состоитъ изъ навоза, мусора, отбросовъ, содержимаго сорныхъ ящиковъ, выгребныхъ ямъ, костей палыхъ животныхъ и пр. Ко всему этому присоединяется горечь и соль подпочвенныхъ водъ внизу и засоренныхъ дождевыхъ канавъ—наверху. По отношенію къ другимъ частямъ города Пересыпь представляетъ углубленіе, куда сверху стекаетъ и сбрасывается все. На самой Пересыпи дворы—ниже уровня улицъ, и въ нихъ стекаетъ все уже оттуда. И такъ какъ канавы не дѣйствуютъ, то можно представить, что получается при застаиваніи такихъ водъ.

Сплавныя трубы не въ лучшемъ состояніи, а почва до того пропитана ихъ содержаніемъ, что даже на $1^1/_2$—2 саженяхъ отдаетъ рѣзкимъ зловоніемъ, такъ что не знаешь, очень ли печально то, что сплавъ имѣется всего въ $2^1/_2$% всѣхъ дворовъ. Остальныя обходятся „такъ“... Почвенныя воды разносятъ содержимое дворовыхъ ямъ всюду подъ почвой. Помои и отбросы поливаютъ и покрываютъ улицы сверху...

Заводы на Пересыпи растутъ все сильнѣе и сильнѣе. Въ 1858 г. ихъ было всего 2. До 1869 г. прибавилось еще 2. До 1879—5. До 1889—11. До 1896 г. вновь устроено 45 заводовъ. И въ одномъ 1997 году — 10. И всѣ они лишь довершаютъ страшное засореніе почвы. Одни кожевенные заводы выпускаютъ ежедневно до 35.000 ведеръ грязной воды и даютъ въ почву ежегодно до 100.000 пудовъ всякихъ отбросовъ, не считая извести. Имъ ревностно помогаетъ бойня, заводы клееварный, газовый, маргариновый, кишечный и пр. Нѣтъ ничего мудренаго, что среди этой убійственной обстановки, среди

грязи и вони, незамощенныхъ дворовъ, а часто и цѣлыхъ улицъ, въ этой пыли, которая, носясь постоянно надъ Пересыпью, проникаетъ даже въ городъ, разнося зачастую бактеріи всякихъ инфекціонныхъ болѣзней,—живутъ только тѣ люди, которымъ негдѣ больше жить. Ни хозяевъ, ни управляющихъ, ни даже крупныхъ мастеровъ вы здѣсь не найдете. Почти всѣ 960 дворовъ Пересыпи заняты рабочимъ населеніемъ.

Само собой, внутренняя обстановка мѣстныхъ жилищъ вполнѣ соотвѣтствуетъ внѣшней. Вездѣ грязь, зловоніе, сырость, тѣснота. Первые этажи почти вездѣ промокли насквозь. Объясняется это очень просто — слишкомъ близки подпочвенныя воды. Что до вторыхъ этажей, то, добавимъ отъ себя, ихъ такъ мало, что даже, въ случаѣ ихъ сухости, они не мѣняютъ картины. По приблизительному разсчету на дворъ приходится 25—30 человѣкъ населенія, но есть дворы и съ 50-ю и даже съ сотней жильцовъ. Есть цѣлые ряды домовъ, гдѣ хозяева сдаютъ для жилья такія помѣщенія, которыя самими переселенцами зовутся „каютами". „Каюта—"это нора или щель, безъ оконъ, съ плетенымъ потолкомъ, размѣромъ въ $^1/_2$ или $^3/_4$ кубической сажени, иногда даже безъ половъ, вся пропитанная прѣлью, грязью и міазмами. Со стѣнъ сбѣгаютъ ручьи воды. И даже въ нихъ живетъ иногда по нѣсколько человѣкъ „каютниковъ".

Результаты всего этого рѣзко отражаются какъ на болѣзненности, такъ и на смертности. Въ 1897 г. остро-заразныхъ заболѣваній на Пересыпи было зарегистрировано 603 случая. Изъ нихъ на одинъ брюшной тифъ приходился 191 случай. Если раздѣлить Пересыпь на отдѣльные районы, по степени ихъ загрязненія, то получимъ въ первомъ наиболѣе загрязненномъ районѣ—брюшного тифа 10,4‰, дизентеріи 4,4‰ и остальныхъ остро-заразныхъ болѣзней 14,6%. Въ среднемъ районѣ,—при близости врача,—брюшного тифа будетъ отмѣчено 11‰, дезинтеріи—5,2‰, остальныхъ инфекцій—22,4‰. Въ слѣдующемъ же, наименѣе загрязненномъ, брюшной тифъ составляетъ 4,4‰, дезинтерія—4,4‰, остальныя инфекціи—10,2‰.

Что касается смертности, то, при средней нормѣ по Одессѣ въ 21—23 на 1.000, Пересыпь давала:

Въ 1874 г.	52	‰
„ 88—91 г.	32,9	„
„ 91—93 „	29,07	„
„ 94 „	28,9	„
„ 97 „	30,2	„
„ 98 „	27,7	„

Немногимъ лучше обстоитъ дѣло и въ другихъ окраинныхъ районахъ, и даже во многихъ центральныхъ кварталахъ, гдѣ ютится бѣднота. На совѣщаніи санитарныхъ врачей 1897 года было отмѣчено уже не мало этихъ пунктовъ. Такова Шалашная улица, возлѣ стараго базара, гдѣ живутъ исключительно бѣдняки; таковы артельные подвалы по Тираспольской улицѣ и въ громадныхъ домахъ Прокудина, гдѣ рабочіе набиваются какъ сельди въ бочки; таковы многіе дома по Госпитальной улицѣ, гдѣ въ домъ вбивается по 100 и по 150 квартиръ цѣною въ 5—3 и 2 рубля, и гдѣ въ мизернѣйшихъ конуркахъ живетъ по 4—5 человѣкъ, снимающихъ тамъ углы. Вотъ почему сравненіе даже однихъ тифозныхъ заболѣваній по участкамъ въ 1898 г. даетъ изъ 14.750 всѣхъ заболѣваній въ Александровскомъ участкѣ на брюшной тифъ лишь 74 случая, а изъ 17.500 заболѣваній Бульварнаго участка даетъ всего 18 случаевъ, тогда какъ въ Петропавловскомъ участкѣ изъ 36.600 заболѣваній на брюшной тифъ приходится 381 случай; на Слободкѣ-Романовкѣ изъ 14.770 заболѣваній имъ отмѣчено 174 случая, и на Пересыпи—изъ 11.233 заболѣваній (эта цифра значитъ, что въ населеніи Пересыпи болѣе половины больныхъ)—брюшной тифъ зарегистрированъ въ 342 случаяхъ.

То же самое повышеніе болѣзнности по окраинамъ можно установить и для дифтерита 1898 г.:

Бульварн. участокъ далъ . . .	13	случаевъ.
Александровскій	69	„
Петропавловскій	90	„
Слободка Романовка	180	„
Пересыпь	75	„

Возрастаніе болѣзненности и именно отъ инфекціонныхъ болѣзней, и самыхъ губительныхъ изъ нихъ, по мѣрѣ отдаленія отъ центра къ окраинамъ выражено очень ясно и не требуетъ комментаріевъ, особенно въ сопоставленіи съ предыдущей картиной условій существованія бѣдноты въ центрѣ и на окраинахъ.

Мы могли бы указать еще на нѣкоторыя данныя, дополняющія эту картину, въ рядѣ спеціальныхъ обслѣдованій артельныхъ помѣщеній, сдѣланныхъ въ нѣкоторыхъ попечительствахъ, съ картиной всякихъ заболѣваній, угараній и пр., или любопытнаго изслѣдованія положенія дворниковъ, живущихъ въ такихъ условіяхъ, что смертность между ними повышена почти въ $1^1/_2$ раза сравнительно съ общей нормой, а обстановка ихъ жилищъ въ подвалахъ, въ сараяхъ, подъ лѣстницами, безъ оконъ и воздуха,

въ сырости и темнотѣ едва ли лучше иногда, чѣмъ у пресловутыхъ „каютниковъ“, тѣмъ болѣе, что у дворниковъ даже ночью нѣтъ покоя,—и т. п.

За неимѣніемъ мѣста мы оставимъ однако и это, и въ видѣ послѣдней черты наиболѣе ярко оттѣняющей всю картину, приведемъ лишь данныя изъ доклада Бориневича о санитарной обстановкѣ у населенія въ Одессѣ. И, кажется, это будутъ самыя жестокія цифры.

Свѣтъ и вода — въ квартирахъ:

	Часть окна на 1 человѣка.	% оконъ во дворъ.	% квартиръ съ водой.
Кв. въ 1 комнату	0,5	82%	1%
„ 2 „	0,6	72%	3%
„ 3 „	0,8	68%	20%
„ 4 и 5 „	1,2	64%	54%
„ 6 и 7 „	1,6	58%	82%
„ 8, 9 и 10 „	1,9	53%	94%
„ 11 „	2,3	55%	95%
„ 12 „ и болѣе	2,5 и бол.	56%	97%

Чѣмъ меньше квартиры, тѣмъ болѣе онѣ лишены свѣта и въ нихъ на 1 человѣка свѣта приходится въ 5 разъ менѣе, чѣмъ въ большихъ квартирахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ меньше квартира, тѣмъ меньше въ ней свѣжаго воздуха, потому что большинство такихъ квартиръ выходитъ окнами во дворъ, крайне рѣдко имѣя хоть одно изъ нихъ на улицу. Наконецъ, такія квартиры въ 1, 2, 3, комнаты крайне недостаточно снабжены даже водою. Соединеніе такихъ условій даетъ въ результатѣ повышенную заболѣваемость и смертность, что видно изъ другихъ цифръ.

Канализація, водопроводы и смертность:

	% домовъ съ отливами.	% кварт. съ водопров.	Смертн. на 1.000.	% дѣтей ко всѣмъ ум.
Бульварн. уч.	87	45	17	38
Александр.	78	33	19	45
Херсонскій.	79	40	21	43
Петропавл.	53	16	28	55
Молдаванск.	16	5	28	60
Пересыпь.	3	2	29	61
Слоб.-Романовка.	12	1	35	64

ЛАБОРИ.

Выводъ ясенъ. Чѣмъ меньше въ извѣстномъ районѣ развита канализація, чѣмъ меньше квартиръ съ водой, тѣмъ сильнѣе смертность. Нѣкоторая перестановка цифръ въ первомъ столбцѣ нисколько не нарушаетъ общаго вывода. И особенно сильно усиленіе смертности, по мѣрѣ недостатка воды, отражается на дѣтяхъ.

Тоже самое въ отношеніи къ количеству на человѣка свѣта и воздуха можно было бы приблизительно найти и при сопоставленіи со смертностью числа оконъ на человѣка въ квартирѣ и процента ихъ, выходящихъ во дворъ. Но мы не будемъ уже дѣлать этихъ вычисленій и кончимъ, напомнивъ лишь еще разъ, что въ такихъ антисанитарныхъ условіяхъ, какъ показываютъ всѣ вышеприведенныя цифры,—живетъ почти $^3/_5$ населенія Одессы.

Ал. О. Недолинъ.

Хроника внутренней жизни.

I. Съѣздъ молочныхъ хозяевъ въ Ярославлѣ.—Спеціализація сѣверныхъ губерній на производствѣ и обработкѣ молочныхъ продуктовъ.—Артельныя мечтанія піонеровъ молочнаго дѣла и дѣйствительность.

II. Временныя правила объ отбываніи воинской повинности воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній за учиненіе скопомъ безпорядковъ.—Мнѣніе „Новаго Времени".

III. По поводу дѣла Тальмы,—Признанія Old Gentleman'a.—Нѣчто о вѣяніяхъ и „беллетристической психологіи" въ обвиненіи.

26-го іюля въ Ярославлѣ собрался съѣздъ молочныхъ хозяевъ Ярославской и Вологодской губерній, довольно подробные отчеты о засѣданіяхъ котораго помѣщаетъ на своихъ страницахъ „Сѣверный Край". Созванный по инициативѣ мологскаго уѣзднаго земства при содѣйствіи и подъ благосклоннымъ покровительствомъ министерства земледѣлія, уполномоченный котораго и принимаетъ весьма дѣятельное участіе въ его преніяхъ и работахъ, съѣздъ этотъ представляетъ собою явленіе, имѣющее далеко не мѣстное только значеніе. Происходящія на немъ пренія и принимаемыя имъ резолюціи представляютъ значительный интересъ, такъ какъ въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отражаются воззрѣнія и интересы сѣверныхъ хозяевъ,—ихъ желанія, ихъ мечты, ихъ иллюзіи и,—наконецъ, степень достигнутаго ими, подъ вліяніемъ уроковъ суровой дѣйствительности, пониманія тѣхъ условій, къ которымъ имъ поневолѣ приходится такъ или иначе приспособляться.

Въ дореформенную эпоху въ сѣверныхъ губерніяхъ и крестьянское, и помѣщичье хозяйство, поскольку послѣднее велось на мѣстѣ, мало чѣмъ отличалось по типу и характеру отъ хозяйства среднихъ, нечерноземныхъ губерній, а потому, въ виду малаго природнаго плодородія почвы и суроваго климата, не могло похвастаться особою производительностью. Благодаря этому обстоятельству здѣсь издавна развился промысловый отходъ крестьянскаго населенія, а, слѣдовательно, и оброчная

система. При господствѣ натуральнаго хозяйства почти во всей странѣ, при дореформенныхъ условіяхъ транспорта, при оторванности отъ мірового рынка, такой способъ хозяйничанья былъ, конечно, единственно возможнымъ. Спеціализація сельскаго хозяйства цѣлыхъ обширныхъ районовъ на производствѣ какихъ-либо товаровъ, производство которыхъ наиболѣе выгодно по мѣстнымъ условіямъ, сдѣлавшая значительные успѣхи въ наше время, въ дореформенную эпоху едва намѣчалась и обусловливалась исключительно климатическими и почвенными различіями сѣвера и юга, производившихъ одинаково зерновые хлѣба, но только различныхъ видовъ. При слабомъ, зачаточномъ развитіи товарнаго производства соціально-экономическія условія, быстро двинувшія такую спеціализацію хозяйства въ пореформенную эпоху, тогда почти не оказывали никакого вліянія на строй и систему сельскаго хозяйства. Сѣверъ Россіи, не будучи въ состояніи прокормить наличное населеніе своимъ хлѣбомъ, высылалъ его избытокъ на промыслы въ другія губерніи и въ города, и помѣщику не было основанія ломать голову надъ пріисканіемъ менѣе выгодныхъ способовъ эксплуатаціи принадлежавшей ему земли, потому что его излишнія „души“ недурно промышляли на сторонѣ и давали недурной и вѣрный оброкъ.

Съ освобожденіемъ крестьянъ положеніе землевладѣльца сѣверныхъ губерній должно было измѣниться особенно быстро и рѣзко. Лишенный дарового труда и вовлеченный съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ довольно быстро въ круговоротъ мірового обмѣна, сѣверный землевладѣлецъ рѣзко ощутилъ сравнительную невыгодность производства зерна, какъ товара, въ своей мѣстности, и мы видимъ, что наиболѣе чуткіе и приспособленные хозяева сѣвера еще съ начала шестидесятыхъ годовъ начинаютъ переходить къ молочному хозяйству. Вскорѣ за піонерами послѣдовала вся масса, и въ настоящее время нашъ сѣверъ можно признать страною молочнаго скотоводства. Эту эволюцію сѣвернаго хозяйства прекрасно характеризуетъ на страницахъ „Русскихъ Вѣдомостей“ Л. Ф. Пантелѣевъ. „Лѣтъ сорокъ тому назадъ,—пишетъ онъ,—въ Вологодскомъ краѣ (я разумѣю западные уѣзды—Вологодскій, Грязовецкій и Кадниковскій) у тамошнихъ помѣщиковъ существовала такая сельско-хозяйственная формула: „скотъ намъ ничего не даетъ кромѣ удобренія, доходъ же получаемъ только отъ земли“. Эта формула, конечно, сыграла свою роль при надѣлѣ крестьянъ землей. Но съ конца 60-хъ годовъ здѣсь начинаетъ развиваться улучшенное маслодѣліе и сыровареніе, и вскорѣ старая формула была замѣнена другой: „весь доходъ отъ скота; земля, что даетъ, то и беретъ обратно на свою обработку“ *).

Эта ломка стараго хозяйственнаго строя, относясь къ концу 60-хъ и къ 70-мъ годамъ, т. е. къ медовому мѣсяцу народническихъ увлеченій „артельнымъ духомъ“ русскаго народа, не могла не дать почвы для цѣлаго ряда попытокъ вовлечь въ нее и крестьянское хозяйство и организовать маслодѣліе и сыровареніе крестьянъ на артельныхъ началахъ. Изъ этихъ попытокъ, однако, ничего не вышло, т. е. артели,

*) „Русск. Вѣд.“, № 204, 1899 г.

гдѣ онѣ были организованы, или распались, или обратились въ простыя товарищества мелкихъ капиталистовъ; но тѣмъ не менѣе зажиточные крестьяне также примкнули къ общему движенію и стали приспособлять свое хозяйство къ новымъ условіямъ. „Новаторомъ въ молочномъ дѣлѣ,—пишетъ въ цитированной уже статьѣ г. Пантелѣевъ,—какъ извѣстно, былъ Н. В. Верещагинъ. Вначалѣ много толковали объ организаціи крестьянскихъ артелей на манеръ швейцарскихъ, но дѣйствительность пошла другимъ путемъ, совершенно раціональнымъ. За улучшенное маслодѣліе, а также вываркy сыра, прежде всего принялись, конечно, помѣщики. Цѣны стояли хорошія, до 18-ти р. за пудъ свѣжаго масла (тогда выдѣлывали парижское) и около 14-ти р. за соленое (такъ называемое голштинское). Не ограничиваясь своимъ молокомъ, помѣщики стали скупать его у крестьянъ, платя вначалѣ не дороже 25 к. за пудъ. И дѣла помѣщиковъ шли отлично. Но вскорѣ тѣ изъ крестьянъ, которые были позажиточнѣе, имѣли, напримѣръ, не менѣе трехъ коровъ, сообразили, что приготовленіе голштинскаго масла—дѣло не особенно хитрое и что имъ выгоднѣе, вмѣсто продажи молока, самимъ выдѣлывать масло. Сбытъ былъ легокъ,—по осени являлись скупщики и разсчитывались наличными деньгами, а то можно было продать въ Вологдѣ, гдѣ уже съ давнихъ поръ нѣкоторыя фирмы занимались покупкой масла и доставкой его въ Петербургъ“.

Такимъ образомъ развитіе маслодѣлія и молочнаго хозяйства сразу же пошло чисто капиталистическимъ путемъ. Понятно поэтому, что на описанномъ вовлеченіи зажиточнѣйшихъ крестьянъ въ этотъ процессъ дѣло остановиться не могло. „Проведеніе желѣзной дороги отъ Ярославля до Вологды,— продолжаетъ г. Пантелѣевъ,— открыло новый крупный рынокъ для вологодскихъ молочныхъ продуктовъ — Москву; тамъ фирма Бландова явилась главнымъ центромъ, куда направлялись вологодское масло и сыръ. Казалось, наступилъ золотой вѣкъ для вологодскихъ помѣщиковъ. Но по-времени у нихъ явились конкурренты по части скупа молока — это опять же изъ среды крестьянъ болѣе зажиточные и предпріимчивые. Цѣна на молоко стала переходить за 30 коп., между тѣмъ какъ цѣна на молочные продукты пошла подъ-гору. Виноватъ оказался маргаринъ; одно время здѣсь только и разговора было, что о вредѣ маргарина. По отношенію къ послѣднему правительствомъ были приняты довольно строгія мѣры, а цѣна на вологодское масло не только не поправилась, но еще болѣе пала. Репутація вологодскаго масла подорвана нашими крестьянами, — говорили помѣщики: — крестьяне плохо его приготовляютъ и сбываютъ за что угодно. Но цѣна пала не только на масло, а также и на сыръ, и притомъ на послѣдній до такой степени, что сыровареніе, одно время сильно шедшее въ-гору, въ настоящее время почти совершенно прекратилось. Тутъ нельзя было завинить ни маргаринъ, ни крестьянъ, потому что послѣдніе никогда не выдѣлывали сыра. Пришлось искать виновниковъ гдѣ-нибудь подальше; и вотъ начались толки о конкурренціи Сибири и даже Австраліи. Я, разумѣется, говорю о ходячихъ мнѣніяхъ: для людей, ближе стоящихъ къ дѣлу, давно было извѣстно, что цѣны на вологодское масло прежде зависѣли отъ требованія на Лондонъ, а теперь на Лондонъ и Копенгагенъ, причемъ послѣдній играетъ двоякую роль: частью сбываетъ въ Лондонъ, частью распредѣляетъ въ Данія, которая свое лучшее масло

экспортируетъ, а недостачу для внутренняго потребленія покрываетъ импортомъ. Между тѣмъ извѣстно, что цѣна на масло на западно-европейскихъ рынкахъ за послѣднія 20 лѣтъ постепенно понижалась. Однако, несмотря на паденіе цѣнъ на вологодское масло, цѣна на молоко изъ года въ годъ продолжала повышаться, такъ какъ съ распространеніемъ сепараторовъ и постановки дѣла на капиталистическомъ началѣ здѣшнее маслодѣліе вступило въ новую фазу развитія. Не приходите въ изумленіе отъ этого оборота, такъ какъ суть дѣла сводится къ слѣдующему. Мало того, что крестьяне почти прекратили продажу молока помѣщикамъ,—послѣдніе теперь сами въ большомъ числѣ продаютъ свое молоко маслодѣламъ, вышедшимъ частью изъ среды крестьянъ, частью изъ торговыхъ людей. Цѣна на молоко поднялась до 40, 42-хъ и даже 50-ти коп. за пудъ, причемъ по большей части возвращается 30 ф. такъ называемаго „обрата“ (молоко изъ-подъ сепаратора). Прежде изъ пуда молока въ среднемъ вырабатывалось немного болѣе $1^1/_4$ ф. масла, теперь же, благодаря сепараторамъ, не менѣе $1^1/_2$ ф. и даже $1^3/_4$ ф. У всѣхъ новыхъ маслодѣловъ имѣются сепараторы и механическія маслобойки“.

При подобной постановкѣ дѣла, само собою понятно, что экономически слабѣйшіе производители молока, т. е. бѣднѣйшіе изъ зажиточныхъ крестьянъ, поставляющихъ молоко маслодѣламъ, попадаютъ къ послѣднимъ, какъ къ скупщикамъ продукта, въ полную зависимость. По отношенію къ нимъ въ широкихъ размѣрахъ практикуется расплата не наличными деньгами, а разнымъ крестьянскимъ товаромъ изъ лавочекъ, имѣющихся почти у каждаго маслодѣла, и притомъ, конечно, по сильно повышеннымъ цѣнамъ (на 25 проц. и болѣе). На этой же почвѣ создается при случаѣ и ростовщическій кредитъ. Эти явленія еще болѣе ухудшаютъ шансы борьбы бѣднѣйшихъ производителей молока съ ихъ болѣе обезпеченными конкуррентами и ускоряютъ процессъ капитализаціи не только обработки молочныхъ продуктовъ, но и ихъ производства, т. е. всего крестьянскаго хозяйства сѣверныхъ губерній.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ концентрація обработки молочныхъ продуктовъ въ рукахъ капиталистовъ въ связи съ паденіемъ цѣнъ на нихъ на міровомъ рынкѣ, отдѣляя тѣмъ самымъ дальнѣйшую обработку сырья отъ его производства въ сельскомъ хозяйствѣ и вырывая, такимъ образомъ, изъ рукъ землевладѣльцевъ крупную предпринимательскую прибыль, воспоминанія о которой еще такъ свѣжи въ ихъ памяти, вызываетъ съ ихъ стороны цѣлый рядъ жалобъ и ламентацій и создаетъ недовольство. При такихъ условіяхъ для успѣшной конкурренціи на міровомъ рынкѣ съ продуктами болѣе культурныхъ странъ Запада становится необходимымъ поднять уровень техники не только по обработкѣ молочныхъ продуктовъ,—въ этомъ направленіи и такъ достигнуто сравнительно многое,—но и по самому ихъ производству въ сельскомъ хозяйствѣ, т. е. по улучшенію содержанія и кормленія скота, его породы, а, слѣдовательно, и всего строя хозяйства. Но подобныя вещи не падаютъ готовыми съ неба и не даются въ руки легко и безъ борьбы и неудачъ. На почвѣ такого измѣненія техники терпятъ неминуемое крушеніе наиболѣе отсталыя и экономически слабыя хозяйственныя единицы и оно знаменуетъ собою крупный этапъ въ процессѣ капитализаціи сельскаго хозяйства. Неумѣніе или невозможность приспособиться къ

новымъ условіямъ невольно располагаетъ хозяевъ-неудачниковъ къ идеализаціи старыхъ, отжившихъ отношеній, и на такой почвѣ создаются новыя или воскресаютъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ старыя идеологіи, сулящія возможность остановить неуклонное теченіе жизни и примирить въ общей гармоніи непримиримые интересы и стремленія. Зато люди, преуспѣвающіе и при новыхъ условіяхъ, успѣвшіе,—благодаря ли наличности необходимаго капитала, или благодаря большей хозяйственной сметкѣ,—приспособить къ нимъ свое хозяйство, обнаруживаютъ обыкновенно мало склонности къ мечтательности и, сознавая прекрасно свои реальные интересы, болѣе склонны къ совершенно осязательнымъ вожделѣніямъ по части всякихъ прямыхъ и косвенныхъ поощреній и воспособленій.

Оба эти настроенія хозяевъ, сказываясь болѣе или менѣе опредѣленно во всяческихъ съѣздахъ и собраніяхъ послѣдняго времени, наложили свой отпечатокъ и на работы Ярославскаго съѣзда. Въ результатѣ получается то, чего и можно было ожидать заранѣе, т. е. много хорошихъ словъ на тему о поднятіи молочнаго хозяйства бѣднѣйшихъ крестьянъ, объ огражденіи ихъ отъ эксплуатаціи маслодѣловъ и т. д., а въ резолюціяхъ съѣзда почти полное отсутствіе указаній на какія-либо практическія мѣры, хоть сколько-нибудь пригодныя къ осуществленію этой цѣли, рядомъ съ поражающимъ изобиліемъ пожеланій разныхъ льготъ и воспособленій, прежде всего полезныхъ, конечно, для крупныхъ, преуспѣвающихъ хозяевъ.

Въ первомъ же засѣданіи съѣзда, когда онъ еще не успѣлъ приступить къ разработкѣ отдѣльныхъ пунктовъ программы, уже сказалась указанная двойственность. Такъ, г. ярославскій губернаторъ, открывая съѣздъ въ качествѣ его почетнаго предсѣдателя, между прочимъ указалъ на губительность для хозяйства бѣднѣйшихъ крестьянъ „установившагося у большинства маслодѣловъ обычая“ платить за молоко не деньгами, а товаромъ. „Отсутствіе всякаго контроля,—говорилъ онъ *),—надъ порядкомъ отпуска крестьянамъ товара, а также и надъ его доброкачественностью нейтрализуетъ всѣ тѣ положительныя стороны, которыми развитіе скотоводства должно отражаться на крестьянскомъ хозяйствѣ. Усилія всѣхъ просвѣщенныхъ дѣятелей сѣвера направлены въ настоящее время къ пріисканію способовъ устранить это зло, и я не сомнѣваюсь, что и члены настоящаго съѣзда обратятъ на эту задачу свое особое вниманіе, посвятятъ ея разрѣшенію свой опытъ и свои знанія и сумѣютъ намѣтить тотъ путь, по которому дальнѣйшее развитіе молочнаго хозяйства будетъ обращено уже исключительно на пользу земледѣлія“.

Послѣдняя задача, т. е. обращеніе дальнѣйшаго развитія молочнаго хозяйства, по возможности, исключительно на пользу земледѣлія, какъ увидимъ ниже, дѣйствительно сильно занимала членовъ съѣзда; что же касается первой, т. е. борьбы съ системой расплаты за молоко товаромъ, то она или ограничилась произнесеніемъ прочувствованныхъ рѣчей или даже признавалась ненужной и нежелательной въ интересахъ „мелкихъ маслодѣловъ“. По крайней мѣрѣ г. А. Н. Крюковъ, представитель министерства земледѣлія, выразилъ мнѣніе, что предложенное однимъ изъ

*) „Сѣверн. Край“, № 225.

предшествовавшихъ ораторовъ (г. Бормосовымъ) ходатайство объ изданіи закона, воспрещающаго уплату товаромъ за молоко, нежелательно, ибо „частные хозяева имѣютъ право на существованіе, а безъ уплаты товаромъ не могутъ обойтись мелкіе маслодѣлы“.

Характернымъ является также то обстоятельство, что „артельный принципъ“, вообще не нашедшій особенно многочисленныхъ и ретивыхъ защитниковъ въ средѣ членовъ съѣзда, вѣроятно умудренныхъ опытами цѣлаго ряда земскихъ и неземскихъ начинаній по части его насажденія въ сѣверныхъ губерніяхъ,—былъ принятъ подъ особое покровительство тѣмъ же г. Крюковымъ *). По его мнѣнію, „отрицать пригодность артели“ для цѣлей надлежащей организаціи маслодѣлія нѣтъ достаточныхъ основаній, потому что артельныя сыроварни, учрежденныя въ Рыбинскомъ уѣздѣ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, до сихъ поръ существуютъ. Не нужно отказывать въ земской поддержкѣ сельскимъ обществамъ, если они сами желаютъ учредить артель; а что такое желаніе со стороны крестьянъ возможно, тому доказательствомъ имѣющіяся при немъ заявленія двухъ обществъ, желающихъ устроить заводъ на артельныхъ основаніяхъ, но затрудняющихся оборудованіемъ заводовъ“.

Въ концѣ концовъ съѣздъ единогласно присоединился по этому вопросу къ мнѣнію князя Д. И. Шаховского, полагавшаго, что „съ одной стороны, артельная организація маслодѣлій представляется наиболѣе желательной, а съ другой,—для повсемѣстнаго устройства артелей встрѣчается не мало препятствій, еще недостаточно изученныхъ. Даже и относительно настоящаго положенія дѣлъ въ артеляхъ

---

*) Другимъ горячимъ защитникомъ „артельнаго принципа“ выступилъ К. Х. Риффесталь, докладъ котораго о недостаткахъ существующей системы маслодѣлія былъ прочитанъ на съѣздѣ секретаремъ послѣдняго. Назначенный министерствомъ земледѣлія въ началѣ 90-хъ годовъ главнымъ инструкторомъ маслодѣлія и молочнаго хозяйства въ Вологодской губ., г. Риффесталь давно уже пропагандируетъ образованіе артелей маслодѣловъ по примѣру его родины (Даніи). Но при этомъ не надо забывать, что датская артель представляетъ собою не болѣе, какъ союзъ мелкихъ фермеровъ, основанный на чисто капиталистическихъ началахъ. Всѣ участники отвѣчаютъ за долги предпріятія пропорціонально участію въ его прибыляхъ, а послѣднія распредѣляются пропорціонально количеству доставленнаго молока. При этомъ самое содержаніе и кормленіе скота довольно подробно регламентируется уставами датскихъ артелей маслодѣловъ, а нарушеніе установленныхъ правилъ больно бьетъ нарушителя по карману, подвергая его, въ крайнихъ случаяхъ, исключенію изъ артели, сопряженному съ потерей прибылей, но не освобождающему его отъ отвѣтственности за ея долги и отъ обязательства дѣлать извѣстные денежные взносы. Эта-то регламентація, удобную форму для которой въ Россіи онъ усматриваетъ въ сельской общинѣ, повидимому и соблазняетъ г. Риффесталя, ибо въ ней онъ видитъ залогъ техническаго прогресса молочнаго хозяйства, современные успѣхи, котораго кажутся ему, какъ любителю своего дѣла, слишкомъ медленными и ничтожными. „Лишь на крѣпкой, устойчивой почвѣ артельнаго маслодѣлія,—говоритъ онъ,—съ обезпеченнымъ по наивысшимъ цѣнамъ сбытомъ молока возможно будетъ серьезно взяться за улучшеніе и расширеніе скотоводства среднихъ и сѣверныхъ губерній Россіи“.

мы слышимъ разнорѣчивыя мнѣнія. Между тѣмъ, какъ наиболѣе горячіе сторонники артелей утверждаютъ, что существованіе ихъ прочно обезпечено и приноситъ уже значительную пользу населенію, скептики утверждаютъ, что они влачатъ жалкое существованіе и близки къ погибели. Представляется поэтому вполнѣ умѣстнымъ просить губернскія земства изучить положеніе существующихъ артелей на мѣстѣ черезъ своихъ агентовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ устроить нѣсколько артелей въ наиболѣе подходящихъ мѣстахъ губерніи при помощи мѣстныхъ развитыхъ лицъ, пользующихся довѣріемъ населенія или же наемныхъ руководителей".

Такимъ образомъ вопросъ объ артеляхъ былъ, пока что, отложенъ ad calendas graecas, и съѣздъ могъ перейти къ другимъ, болѣе существеннымъ вопросамъ, не отказавъ однако же и артелямъ въ приличномъ случаю сочувствіи. Характерно все-таки это одобренное собраніемъ благопожеланіе объ устройствѣ земствомъ нѣсколькихъ артелей при помощи „развитыхъ лицъ" или „наемныхъ руководителей". Здѣсь единовременно сказывается и какая-то разочарованность и вмѣстѣ съ тѣмъ нежеланіе или, пожалуй, даже невозможность для многихъ членовъ съѣзда взглянуть дѣйствительности прямо въ лицо. На съѣздѣ уже не слышно бодрыхъ рѣчей добраго стараго, хотя и не очень отдаленнаго времени объ организаціи „народнаго производства" и о борьбѣ съ „капитализаціей" маслодѣлія, но старое слово „артель", совершенно измѣнившее свое значеніе, звучитъ тѣмъ не менѣе такъ сладко и заманчиво, что отъ повторенія его нѣтъ возможности воздержаться.

Несомнѣнно, многіе изъ членовъ съѣзда знакомы съ результатами новѣйшихъ попытокъ вологодскаго губернскаго земства и инструктора министерства земледѣлія г. Риффесталя по части насажденія маслодѣльныхъ артелей въ губерніи, и результаты эти не могутъ не дѣйствовать расхолаживающимъ образомъ на самыхъ пламенныхъ поборниковъ артельнаго принципа. Такъ, ассигновавъ, если не ошибаемся, въ 1894 году, 45.000 руб. на ссуды маслодѣльнымъ артелямъ и поставивъ необходимымъ условіемъ выдачи ссуды утвержденіе устава желающей получить ссуду артели правительствомъ, губернское земство до сихъ поръ не могло выдать ни одной ссуды, потому что первый же уставъ артели, посланный въ Петербургъ на утвержденіе, „вернулся оттуда черезъ два года, весьма измѣненный и съ поясненіемъ, что только тѣ уставы будутъ утверждаемы, которые будутъ соотвѣтствовать выработанному нормальному уставу". Измѣнить первоначально установленныхъ условій выдачи ссудъ артелямъ губернское земство, очевидно, не пожелало или не сочло возможнымъ, охотниковъ хлопотать о согласованіи уставовъ вологодскихъ артелей съ „нормальнымъ" уставомъ и объ ихъ утвержденіи не находилось, и земскій кредитъ продолжалъ оставаться нетронутымъ. Впрочемъ, вологодское уѣздное земство выдало одному лицу (г. Ендаурову) ссуду въ 3.000 руб. на образованіе артели подъ его личной отвѣтственностью. Такимъ образомъ земскій кредитъ артелямъ на практикѣ свелся къ выдачѣ 3.000 руб. благонадежному и, очевидно, состоятельному лицу, извѣстному земству, пожелавшему „организовать" артель. Но 9 артелей образовалось все-таки и безъ участія земства. Одна изъ нихъ уже распалась, а 8 остальныхъ, повидимому, влачатъ довольно жалкое существованіе, насколько можно судить по количеству вырабатываемаго ими масла и, главное, по той платѣ, которую получали

артельщики за молоко *). Въ среднемъ въ артельныхъ маслодѣльняхъ выдавалось по 41,38 коп. за 1 пудъ молока, тогда какъ „капиталистическія“ маслодѣльни платили не менѣе 40 коп. и до 50. Но помимо этого, не зная даже подробно условій образованія этихъ артелей и ихъ порядковъ, мы можемъ смѣло утверждать на основаніи того, что намъ извѣстно изъ исторіи ихъ „насажденія“, что онѣ не въ состояніи осуществить даже самыхъ скромныхъ надеждъ своихъ творцовъ и учредителей въ смыслѣ созданія базиса для прочнаго, а главное — массоваго улучшенія крестьянскаго скотоводства, и въ лучшемъ случаѣ могутъ лишь послужить орудіемъ для болѣе быстраго обогащенія своихъ членовъ и выдѣленія ихъ изъ массы крестьянства въ особую группу, которая и безъ артелей прекрасно приспособляетъ свое хозяйство къ требованіямъ молочнаго рынка, а поэтому, вѣроятно, въ лицѣ опять таки экономически сильнѣйшихъ своихъ представителей перейдетъ и къ улучшеннымъ способамъ кормленія и содержанія скота и къ улучшенію самой его породы.

Что это такъ, свидѣтельствуетъ на страницахъ того же „Сѣвернаго Края“ г. „Старый маслодѣлъ“, горячій сторонникъ „артельнаго начала“, котораго, слѣдовательно, нельзя заподозрить въ желаніи сгустить краски въ изображеніи процесса разслоенія крестьянства подъ вліяніемъ развитія въ краѣ маслодѣлія. „Кто видалъ и знаетъ современную деревню, — пишетъ онъ, — да припомнитъ деревню 40—50 лѣтъ тому назадъ, тотъ поразится ихъ различіемъ. Въ старыхъ деревняхъ дома всѣхъ хозяевъ были однообразныя и по наружному виду, и по внутренней отдѣлкѣ: теперь же рядомъ съ лачугами стоятъ расписанныя хоромы, рядомъ съ нищими живутъ богачи, рядомъ съ униженными и оскорбленными — пирующіе и ликующіе. Въ прежнія времена мы часто встрѣчали такія селенія, гдѣ не было ни одного бобыля, теперь же въ каждой деревнѣ ихъ не менѣе пяти, а то и цѣлый десятокъ. И надо правду сказать — маслодѣліе много повинно въ такомъ превращеніи деревни. За 30 лѣтъ маслодѣліе многихъ обогатило, выкрасило ихъ дома, многіе крестьяне — поставщики молока за періодъ развитія маслодѣлія, увеличили свое благосостояніе, завели болѣе скота, цѣльными обществами и въ одиночку накупили земель, но еще больше ихъ обѣднѣло, въ деревняхъ появились бобыли и нищіе“ **).

Понятно, что бобылей и нищихъ, не имѣющихъ не только молочнаго скота, но и тощей телушки, не обогатятъ никакія артели, которыя не „про нихъ и писаны“; не спасутъ артели и бѣднѣйшихъ изъ поставщиковъ молока, имѣющихъ одну-двухъ коровенокъ, потому что они не могутъ, по недостатку капитала, поставить свое хозяйство въ уровень съ тѣми требованіями, которыя и теперь уже, какъ увидимъ ниже, повелительно диктуетъ міровой рынокъ. Остаются, слѣдовательно, въ качествѣ возможныхъ участниковъ жизнеспособныхъ артельныхъ маслодѣленъ сравнительно зажиточные крестьяне, которымъ „артели“, при извѣстныхъ условіяхъ, дѣйствительно могли бы помочь упрочить ихъ благосостояніе и тѣмъ быстрѣе перевести бѣднѣйшихъ ихъ конкуррентовъ въ разрядъ „бобылей и нищихъ“. Но вѣдь не такихъ результатовъ ожидаютъ отъ артелей мечтательно настроенные члены съѣзда,

*) Интересующагося болѣе подробными данными читателя отсылаемъ къ цитированной уже статьѣ г. Пантелѣева.

**) „Сѣверн. Край“, № 223.

не могущіе однако не видѣть полной вѣроятности ихъ наступленія. Этимъ-то обстоятельствомъ и объясняется, на нашъ взглядъ, та половинчатость и раздвоенность настроенія, которая неизмѣнно овладѣваетъ даже наиболѣе народолюбивыми членами съѣзда, какъ только рѣчь заходитъ объ артеляхъ или объ иныхъ способахъ поднятія хозяйства бѣднѣйшихъ поставщиковъ молока.

Зато при обсужденіи общихъ мѣръ, направленныхъ къ поднятію техники маслодѣлія, къ изученію рынковъ сбыта, улучшенію условій транспорта молочныхъ продуктовъ и т. п., обнаруживается полная опредѣленность и ясность мнѣній и желаній гг. членовъ съѣзда. Возбуждаемые при этомъ вопросы не откладываются, не сдаются въ комиссіи, а рѣшаются тутъ же быстро, опредѣленно и къ общему удовольствію. Мы не станемъ останавливаться подробно на преніяхъ и резолюціяхъ съѣзда по этимъ вопросамъ, отмѣтимъ только, что въ нихъ сильно звучитъ обычная для нашихъ землевладѣльцевъ нота надежды и ожиданія содѣйствія и помощи извнѣ, со стороны всевозможныхъ вѣдомствъ, а въ данномъ случаѣ, главнымъ образомъ, понятно, со стороны министерства земледѣлія. Надо, впрочемъ, отдать справедливость съѣзду въ томъ отношеніи, что его пожеланія и ходатайства не выходятъ изъ предѣловъ возможнаго, не стремятся никого „обуздывать“ и „регулировать“, не направлены къ выпрашиванію прямыхъ подачекъ и въ этомъ отношеніи весьма выгодно отличаются отъ нѣкоторыхъ ходатайствъ и прожектовъ, зародившихся на тучномъ черноземѣ юго-востока. Вмѣстѣ съ тѣмъ на съѣздѣ возникъ вопросъ и объ образованіи союза землевладѣльцевъ, и въ этомъ нельзя также не видѣть растущаго въ ихъ средѣ самосознанія. Вопросъ, правда, не былъ поставленъ на баллотировку и не нашелъ выраженія въ резолюціяхъ съѣзда въ виду сравнительной незначительности числа съѣхавшихся хозяевъ (54 чел.), но мы думаемъ, что г. Ивашкевичъ выразилъ не свое только настроеніе, когда сказалъ во время дебатовъ: „Мы сваливаемъ все на людей, все просимъ то редактора газеты, то министерство, чтобъ для насъ сдѣлали то или другое. Пора бы перейти къ *самостоятельному* разрѣшенію практическихъ вопросовъ“.

Ярославскій съѣздъ молочныхъ хозяевъ именно потому и представляетъ значительный интересъ, что его резолюціи и пренія, по сравненію съ резолюціями съѣздовъ хозяевъ другихъ русскихъ областей, представляются гораздо болѣе „самостоятельными“. Въ нихъ сквозитъ, повторяемъ, болѣе развитое самосознаніе, болѣе глубокое пониманіе своихъ интересовъ, почти совершенно очищенное отъ сословной скорлупы. Но такъ какъ гг. ярославскіе и вологодскіе хозяева сами по себѣ врядъ ли представляютъ особую расу, существенно отличную отъ той, къ которой принадлежатъ ихъ собратья другихъ россійскихъ губерній, то объясненія этому явленію приходится искать въ особыхъ условіяхъ сѣвернаго хозяйства, въ его рѣзкой спеціализаціи на производствѣ молочныхъ продуктовъ и въ сравнительно быстромъ приспособленіи его къ требованіямъ мірового рынка.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, при рапортѣ, отъ 29 іюля 1899 года, за № 9763, представилъ Правительствующему Сенату, во исполненіе Высочайшаго повелѣнія для обнародованія во всеобщее свѣдѣніе, нижеслѣдующія временныя правила, вы-

работанныя въ особомъ совѣщаніи министровъ: внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія, земледѣлія и государственныхъ имуществъ, финансовъ, военнаго и управляющаго министерствомъ юстиціи, и удостоившіяся, 29 іюля сего года, Высочайшаго утвержденія.

ВРЕМЕННЫЯ ПРАВИЛА

объ отбываніи воинской повинности воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній, удаляемыми изъ сихъ заведеній за учиненіе скопомъ безпорядковъ.

Ст. 1. Воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, за учиненіе скопомъ безпорядковъ въ учебныхъ заведеніяхъ или внѣ оныхъ, за возбужденіе къ такимъ безпорядкамъ, за упорное, по уговору, уклоненіе отъ учебныхъ занятій и за подстрекательство къ таковому уклоненію, подлежатъ, на основаніи изложенныхъ ниже правилъ, удаленію изъ учебныхъ заведеній и зачисленію въ войска для отбыванія воинской повинности, хотя бы они имѣли льготу по семейному положенію, либо по образованію, или не достигли призывнаго возраста, или же вынули по жеребью нумеръ, освобождающій отъ службы въ войскахъ.

Примѣчаніе. Мѣра сія не освобождаетъ виновныхъ въ совершеніи преступныхъ дѣяній, подлежащихъ преслѣдованію на основаніи существующихъ узаконеній, отъ отвѣтственности въ установленномъ порядкѣ.

2. Для разсмотрѣнія дѣлъ о проступкахъ, указанныхъ въ предыдущей (1) статьѣ, при каждомъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній учреждается особое совѣщаніе, въ составѣ предсѣдателя и членовъ педагогической коллегіи, коей дѣйствующимъ уставомъ учебнаго заведенія предоставлена дисциплинарная власть, и представителей отъ министерствъ военнаго, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи.

Въ совѣщаніяхъ, учрежденныхъ при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, предсѣдательствуютъ попечители мѣстныхъ учебныхъ округовъ, а въ случаѣ необходимости одновременнаго, въ предѣлахъ того же округа, дѣйствія нѣсколькихъ совѣщаній — особо назначенныя для сего министромъ лица. Предсѣдательствованіе въ совѣщаніяхъ при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ другихъ вѣдомствъ поручается подлежащими министрами особо назначеннымъ ими лицамъ.

3. Особыя совѣщанія приступаютъ къ разбирательству дѣлъ, указанныхъ въ статьѣ 2, по непосредственнымъ распоряженіямъ подлежащихъ министровъ.

4. Особое совѣщаніе постановляетъ опредѣленіе по выслушаніи словесныхъ или по разсмотрѣнію представленныхъ, до открытія засѣданія, письменныхъ объясненій обвиняемаго. Неявка обвиняемаго по вызову и непредставленіе имъ своевременно письменныхъ объясненій не останавливаютъ постановленія о немъ опредѣленія совѣщанія.

5. Постановляя опредѣленіе объ удаленіи обвиняемаго изъ учебнаго заведенія, особое совѣщаніе, съ тѣмъ вмѣстѣ, указываетъ обязательный для удаляемаго срокъ службы въ войскахъ, въ размѣрѣ одного или двухъ лѣтъ.

Совѣщанію предоставляется назначать срокъ службы въ размѣрѣ трехъ лѣтъ тѣмъ изъ удаляемыхъ, кои принимали особо вредное въ безпорядкахъ участіе.

6. Опредѣленіе особаго совѣщанія представляется подлежащему министру, коимъ постановляется окончательное по дѣлу рѣшеніе.

Рѣшеніе министра обжалованію не подлежитъ.

7. Подлежащій, на основаніи рѣшенія министра, зачисленію въ войска для отбыванія воинской повинности (ст. 1) передается немедленно въ распоряженіе военнаго начальства.

8. Подлежащій, зачисленію въ войска (ст. 7), оказавшійся, по медицинскомъ освидѣтельствованіи, неспособнымъ къ службѣ въ строю, опредѣляется на должности нестроевыя.

9. Военному министру предоставляется всеподданнѣйше ходатайствовать передъ Его Императорскимъ Величествомъ объ освобожденіи отъ военной службы нижнихъ чиновъ, кои, будучи зачислены въ войска на основаніи настоящихъ правилъ, отбыли воинскую повинность въ теченіе не менѣе годичнаго срока и, по засвидѣтельствованію начальства, отличались, во время прохожденія службы, одобрительнымъ поведеніемъ и ревностнымъ исполненіемъ служебнаго долга.

10. Проступки (ст. 1) исправно отбывшихъ службу въ войскахъ, на основаніи настоящихъ правилъ, предаются полному забвенію, и лицамъ этимъ предоставляется поступать въ учебныя заведенія и на государственную службу на общемъ основаніи.

Обсуждая въ № 8414 означенныя „Временныя правила“, „Новое Время“ высказываетъ слѣдующее: „Нечего и говорить, что правительствомъ принята исключительная мѣра съ цѣлью предупредить повтореніе такихъ же стачекъ, какія происходили прошлою весною въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Учащейся молодежи поставлена дилема: или, подчиняясь дисциплинѣ учебной, отказаться отъ дѣйствій „скопомъ“, или же проходить гораздо болѣе суровую и строгую школу военной дисциплины.

„Нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что новая мѣра выработана въ особомъ совѣщаніи шести министровъ: внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія, земледѣлія и государственныхъ имуществъ, финансовъ, военнаго и управляющаго министерствомъ юстиціи. Въ вѣдѣніи всѣхъ этихъ министровъ находятся всѣ высшія учебныя заведенія различныхъ типовъ, и не можетъ возникать ни малѣйшаго сомнѣнія въ рѣшимости правительства примѣнять исключительныя „Временныя правила“ во всей ихъ полнотѣ и строгости, если только повторятся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и внѣ ихъ безпорядки, совершаемые учащимися „скопомъ“, или обнаружится „упорное, по уговору, уклоненіе отъ учебныхъ занятій“. Въ этихъ случаяхъ каждое отдѣльное вѣдомство будетъ примѣнять „Временныя правила“ согласно рѣшеніямъ „особаго совѣщанія“, учреждаемаго при всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ съ участіемъ представителей министерствъ военнаго, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, причемъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи о какой бы то ни было борьбѣ вѣдомствъ.

„Полагаемъ, что стачки не составляютъ органической черты въ жизни универ-

ситетовъ. На первой стачкѣ, разыгравшейся прошлой весной, можно было бы и покончить съ этимъ нововведеніемъ, принесшимъ столько горя и страданій многимъ юношамъ, множеству семействъ и всему образованному обществу. Какъ и учащаяся молодежь, общество въ массѣ своей испытывало глубокія нравственныя муки во время послѣдней смуты.

„Не должно быть новыхъ жертвъ, должна начаться новая жизнь въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Благодаря другимъ мѣрамъ, выработаннымъ на совѣщаніяхъ попечителей учебныхъ округовъ, дана новая почва, на которой могутъ развиться и новые, лучшіе порядки. Все зависитъ отъ такта профессоровъ, инспекціи и самой учащейся молодежи. Впервые разрѣшено образованіе студенческихъ кружковъ съ образовательными и эстетическими задачами, профессорамъ предоставлена почетная роль направить эти кружки учащейся молодежи, поставить ихъ на ноги, разумѣется, не для политической агитаціи, которая будетъ на руку только врагамъ молодежи, врагамъ просвѣщенія. Читая не по-канцелярски циркуляры министра народнаго просвѣщенія, написанные обычнымъ слогомъ оффиціальныхъ документовъ, мы видимъ въ нихъ явное отраженіе стремленій правительства не только упорядочить университетскую жизнь, но также обновить и освѣжить ея основы. За предѣлами студенческихъ стачекъ—гдѣ нѣтъ мѣста и примѣненію исключительныхъ „Временныхъ правилъ“—остается широкое поле, на которомъ и учебное начальство, и профессорская колегія могутъ оказать искреннюю и дѣятельную помощь учащейся молодежи въ ея стремленіяхъ къ гуманности, къ всестороннему развитію. Тѣмъ противнѣе и вреднѣе кажутся намъ нѣкоторыя разсужденія нашихъ лже-консерваторовъ. „Давно пора признать,—увѣряетъ князь Мещерскій,—что слова: гуманность, развитіе—это пустыя фразы въ примѣненіи къ нашей (очень характерно здѣсь это словечко: *нашей*) школѣ. Школѣ никакой гуманности не нужно. Ей нужны свѣтъ Христовъ, просвѣщающій всѣхъ, и теплота этого свѣта прежде всего“. Христіанство и гуманность, по мнѣнію кн. Мещерскаго, предметы несовмѣстимые. Въ такое изувѣрство, кажется, еще никто не впадалъ. Не существовало бы и самыхъ гуманныхъ основъ просвѣщенія, если бъ современное просвѣщеніе и вся вообще современная гражданственность не были созданы на основахъ христіанскаго ученія. „Школѣ никакой гуманности не нужно“,—это звучало бы совершенно ясно и вразумительно въ устахъ полковника Скалозуба, потому что его педагогическіе запросы нисколько не двусмысленны. Онъ радовался слуху, что въ школахъ „будутъ лишь учить: разъ, два!—а книги сохранять такъ, для большихъ оказій“. Но кн. Мещерскій не обладаетъ откровенной прямолинейностью Скалозуба: отрицая „гуманность и развитіе“, онъ притворяется, будто желаетъ для русскаго юношества „душевнаго и нравственнаго воспитанія“. Какое же это душевное и нравственное воспитаніе безъ гуманнаго развитія? Можетъ быть, кн. Мещерскій разгадалъ эту загадку путемъ самонаблюденія, но въ педагогіи вопросъ рѣшается не противопоставленіемъ христіанства и гуманности, а тѣснѣйшимъ союзомъ ихъ.

„Пустыя и жалкія слова, способныя раздражать тѣхъ, кому нужно доброе слово успокоенія, обнаруживаютъ только растерянность публициста передъ тѣми мѣрами правительства, которыми создается новая почва для болѣе тѣснаго общенія и сбли-

женія учащейся молодежи и съ профессорами, и съ учебнымъ начальствомъ. А такое сближеніе должно повести,—мы въ томъ твердо увѣрены,—къ удовлетворенію нравственныхъ и матеріальныхъ нуждъ учащейся молодежи".

Въ томъ же духѣ высказываются также „Московскія Вѣдомости" и „Гражданинъ", хотя „Новое Время" почему-то и дѣлаетъ въ приведенной статьѣ попытку отмежеваться отъ послѣдняго.

Въ № 216 „Новостей" отъ 8 августа помѣщено подъ краснорѣчивымъ заголовкомъ „Невинно-осужденный" короткое сообщеніе о томъ, что въ Пензѣ розысканъ и сознался въ совершеніи преступленія настоящій убійца генеральши Болдыревой, за убійство которой былъ осужденъ, приговоренъ къ каторжнымъ работамъ и сосланъ на Сахалинъ молодой Александръ Тальма.

Въ свое время процессъ Тальма возбуждалъ не меньшіе толки и не менѣе волновалъ общественную совѣсть, чѣмъ процессъ братьевъ Скитскихъ *), и лаконическое сообщеніе „Новостей", которое никѣмъ пока не опровергнуто и въ истинности котораго, слѣдовательно, нѣтъ, повидимому, основаній сомнѣваться, невольно вызываетъ на нѣкоторыя размышленія.

Судебныя ошибки возможны, конечно, всегда и вездѣ, и до сихъ поръ человѣчество не создало, да и не создастъ, вѣроятно, еще очень и очень долго, такихъ формъ процесса, которыя представляли бы абсолютную гарантію непогрѣшимости судебнаго приговора. Но, по мѣрѣ повышенія цѣнности отдѣльной человѣческой личности, въ общественное сознаніе, а затѣмъ и въ положительное законодательство все болѣе и болѣе проникало убѣжденіе въ необходимости, именно въ виду неизбѣжнаго несовершенства человѣческаго правосудія, лучше поступиться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ отвлеченнымъ правомъ государства на наказаніе преступника, чѣмъ рисковать возможностью судебной ошибки во вредъ обвиняемому. Изъ этого основного принципа современнаго правосудія вытекаетъ цѣлый рядъ весьма важныхъ и общепризнанныхъ правилъ процесса и процессуальныхъ правъ обвиняемаго и защиты. При этомъ самый объемъ подобныхъ правъ обыкновенно бываетъ тѣмъ больше по законамъ данной страны, чѣмъ больше уважается въ ней личность вообще. Такъ, англійскій и американскій процессъ съ самаго момента привлеченія обвиняемаго къ слѣдствію окружаетъ его, въ противоположность нашему и французскому процессу, всѣми тѣми гарантіями, которыя въ нашемъ процессѣ считаются необходимыми лишь во время судебнаго слѣдствія. Какъ бы то ни было, но всевозможныя процессуальныя правила и права представляютъ, конечно, сколько-нибудь серьезную гарантію справедливости приговора въ вышеуказанномъ относительномъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ огражденія отдѣльнаго лица отъ возможности несправедливаго осужденія, а не достиженія абсолютной истины въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ,—лишь при томъ условіи, если судъ и общество, принимающее въ настоящее время и пря-

*) Мы не касались и не касаемся въ нашей „Хроникѣ" дѣла Скитскихъ въ виду того, что въ одной изъ ближайшихъ книжекъ „Жизни" должна появиться статья другого нашего сотрудника, посвященная этому глубоко интересному съ общественной точки зрѣнія процессу.

мое, и косвенное участіе въ отправленіи уголовнаго правосудія, въ достаточной мѣрѣ проникнуты уваженіемъ къ правамъ отдѣльной личности и не склонны, подъ вліяніемъ негодованія, возбуждаемаго тѣмъ или инымъ преступленіемъ, или подъ вліяніемъ иныхъ временныхъ и случайныхъ причинъ, забывать о важности, именно съ государственной и общественной точекъ зрѣнія, неукоснительнаго соблюденія вышеуказаннаго принципа и допускать отступленія отъ него на практикѣ.

Къ сожалѣнію, довольно скоро послѣ введенія у насъ судебной реформы извѣстная часть общества, и, надо сказать, довольно вліятельная, подъ вліяніемъ недовольства пореформенными порядками вообще, выбившими ее изъ обычной колеи, начала открыто мечтать о возвратѣ къ порядкамъ добраго стараго времени. Извѣстная часть прессы, служившая выразительницей этихъ вожделѣній, начала все усиливающуюся кампанію противъ всѣхъ нововведеній начала царствованія Императора Александра II, и новые судебные порядки служили одно время мишенью для самыхъ яростныхъ и неумолимыхъ нападокъ. Нельзя сказать, чтобы нападки эти не находили извѣстнаго сочувственнаго отклика въ административныхъ сферахъ. Одно время можно было опасаться, что наиболѣе цѣнные принципы судебныхъ уставовъ перестанутъ существовать даже на бумагѣ. Къ счастью, опасенія эти не оправдались, но пережитый новымъ судомъ періодъ острой борьбы за самое свое существованіе не могъ не наложить на него своей печати. Крики и вопли противниковъ суда присяжныхъ о слабости его репрессіи побуждали нѣкоторыхъ, можетъ быть убѣжденныхъ его сторонниковъ, всемѣрно заботиться объ ея усиленіи во имя спасенія самого института, и само собою понятно, что такія заботы шли вразрѣзъ съ интересами отдѣльной личности и вносили въ отправленіе правосудія чуждые ему элементы. Обвиненіе во что бы то ни стало—сдѣлалось девизомъ прокурорскаго надзора; обвинительныя тенденціи усилились въ средѣ коронныхъ судей; слѣдователи изъ самостоятельныхъ лицъ судейскаго званія, разслѣдующихъ преступленія, обратились въ послушныхъ помощниковъ прокуратуры по собиранію уликъ обвиненія.

Вотъ эта-то атмосфера падающаго уваженія къ правамъ отдѣльной личности и стремленія къ усиленію уголовной, да и всяческой иной репрессіи во имя якобы общегосударственныхъ интересовъ и могла только создать условія, породившія судебную ошибку въ дѣлѣ Тальмы.

Для характеристики отношенія къ подобнымъ вопросамъ извѣстной части общества и печати даетъ прекрасный матеріалъ фельетонъ г. Old Gentleman'а, который первымъ отозвался на замѣтку „Новостей" на страницахъ „Россіи". Разсказавъ о томъ, какъ уже послѣ осужденія Александра Тальмы онъ по просьбѣ его дяди, полковника Тальмы, занялся подробнымъ изученіемъ дѣла, причемъ искренно убѣдился въ полной невиновности осужденнаго, особенно же послѣ личнаго свиданія съ нимъ, г. Old Gentleman продолжаетъ: „По возвращеніи изъ острога, я немедленно телеграфировалъ о бесѣдѣ своей съ Тальмой въ „Новое Время", высказалъ свое убѣжденіе въ его непричастности къ убійству Болдыревой и сѣлъ писать статью съ анализомъ этого дѣла. Къ сожалѣнію, „Новое Время" было слишкомъ предубѣждено въ пользу состоявшагося приговора и, полагаясь на его непогрѣшимость, слишкомъ твердо стояло на виновности Александра Тальмы. Статью мою въ защиту

послѣдняго оно не пожелало помѣстить и увѣдомило меня телеграммою, что всякіе дальнѣйшіе шаги въ этомъ направленіи будутъ напрасны. Для полковника Тальмы этотъ отвѣтъ газеты, на вліятельную распространенность которой онъ сильно разсчитывалъ, былъ очень тяжелымъ ударомъ, а у меня онъ отнялъ единственное оружіе которымъ я могъ быть полезенъ осужденному".

Но, какъ оказывается изъ словъ самого же автора нѣсколькими строками ниже, отказъ „вліятельной" газеты, повидимому вообще со свойственною ей чуткостью къ истинѣ довольно твердо отстаивающей справедливость состоявшихся надъ невинно-осужденными людьми приговоровъ, не связывалъ ему рукъ окончательно. „Хотѣлъ было я,—продолжаетъ онъ, — заняться дѣломъ г. Тальмы въ отдѣльной брошюрѣ, издавъ ее въ Петербургѣ, или, если цензурныя условія оказались бы неподходящими, за-границею, но обстоятельства сложились такъ, что мнѣ не удалось исполнить своего намѣренія". Конечно, обстоятельства бываютъ разныя,—но въ данномъ случаѣ г. Old Gentleman еще нѣсколькими строками ниже весьма обязательно поясняетъ мотивы, побудившіе его отказаться отъ своего намѣренія—и, надо сказать-что мотивы эти имѣютъ большое сходство съ руководящими „принципами" „вліятельной газеты", въ которой онъ въ то время работалъ. „Скажу прямо и откровенно,—пишетъ онъ, — встрѣтившее меня въ Петербургѣ всеобщее, прямо стихійное какое-то предубѣжденіе противъ Тальмы мало-по-малу стало охлаждать меня къ затѣянному дѣлу сомнѣніями, понятными каждому публицисту: а вдругъ, молъ, и вирямъ судебной ошибки не было, и мы имѣемъ дѣло не съ невинностью, но лишь съ ловко разыгрываемымъ притворствомъ? Словомъ, сталъ уже вліять скверный, столь свойственный русскому интеллигенту страхъ—„не влетѣть бы въ исторію".

Да, и именно на фонѣ этой боязни „влетѣть въ исторію" и этого страха передъ собственнымъ убѣжденіемъ создаются тѣ кадры безпринципныхъ людей, которые такъ легко потомъ группируются вокругъ всего „вліятельнаго" въ данный моментъ. На почвѣ подобной принципіальной рыхлости и выростаютъ тѣ пышные плоды всевозможныхъ случайныхъ вѣяній, созрѣвающіе порой тогда, когда уже и вѣяніе-то само успѣло отойти въ область преданія, но тѣмъ не менѣе пугающіе своей величиной и формой мирнаго обывателя, которому по волѣ судебъ приходится вкушать отъ нихъ.

Но оставимъ однако г. Old Gentleman'а и вскормившую его „вліятельную газету" и вернемся къ дѣлу Тальма. Кто слѣдилъ за нимъ, тотъ помнитъ, конечно, поразительную неполноту и неясность фактическихъ уликъ обвиненія. Для всякаго юриста и даже просто для человѣка, хоть сколько-нибудь знакомаго теоретически съ основными принципами современнаго правосудія, передъ лицомъ котораго всякій обвиняемый считается порядочнымъ человѣкомъ, пока не доказано противное, и имѣетъ значеніе лишь тотъ матеріалъ, который строго провѣренъ на судѣ,—обвинительный приговоръ казался невѣроятнымъ. Таково было и „общественное мнѣніе", поскольку оно успѣло сложиться. Тотъ же г. Old Gentleman совершенно справедливо говоритъ: „Никто тогда во всей Пензѣ не вѣрилъ, чтобы Тальма былъ убійцею генеральши Болдыревой: всѣмъ была очевидна случайность и недостаточность выставленныхъ противъ него уликъ, всѣ ждали, что судъ надъ Тальмою

окажется простою формальностью и молодой человѣкъ сойдетъ со скамьи подсудимыхъ съ гордо поднятою головою, безъ малѣйшихъ затрудненій, не прилагая къ тому никакихъ усилій съ своей стороны: „такъ нелѣпо обвиненіе противъ него“.

Но разсуждавшіе такимъ образомъ люди упустили изъ виду одно обстоятельство, очень характерное, однако, для процессовъ послѣдняго времени, а именно—изобиліе собраннаго матеріала о жизни и нравахъ „Болдыревскаго дома“. Этотъ-то матеріалъ, не имѣвшій прямого отношенія къ дѣлу, и погубилъ обвиняемаго, такъ какъ изъ него талантливое обвиненіе, въ лицѣ г. Громницкаго, прямо заявивъ въ началѣ обвинительной рѣчи о негодности и недостаточности фактическихъ уликъ, создало блестящій этюдъ по беллетристической психологіи, имѣвшій столь роковое значеніе для Тальмы. Я употребилъ терминъ „беллестристическая психологія“ потому, что въ дѣлѣ Тальмы, какъ и вообще въ подобныхъ же дѣлахъ, богатыхъ данными изъ жизни среды, въ которой жилъ обвиняемый, обыкновенно по необходимости отрывочными и не полными, для творческой фантазіи сторонъ открывается такой же широкій просторъ, какъ и въ сферѣ художественнаго творчества. На основаніи нѣкоторыхъ несомнѣнныхъ данныхъ такого рода прокуроръ или защитникъ создаютъ передъ присяжными извѣстный типъ, болѣе или менѣе, въ зависимости отъ степени талантливости своего творца, подкупающій своею жизненностью. И дѣйствительно, этотъ типъ, какъ жизненное обобщеніе, можетъ быть очень правдивъ; вѣроятность совершенія преступленія человѣкомъ такого типа, если онъ созданъ прокуроромъ, и невѣроятность, если онъ созданъ защитникомъ, выступаютъ рельефно и ярко. Но именно поэтому-то обвинительная власть и должна пользоваться, по нашему мнѣнію, подобнымъ пріемомъ съ крайнею осторожностью.

Къ сожалѣнію, какъ сказано, процессы послѣдняго времени, подъ вліяніемъ указаннаго выше стремленія къ усиленію уголовной репрессіи, даютъ нерѣдко картину не только беллетристическаго обвиненія на судѣ,—это еще куда бы ни шло, потому что обвинительная беллетристика, при прочихъ равныхъ условіяхъ, могла бы быть уравновѣшена беллетристикой защитительной,—но и беллетристическаго слѣдствія и обвинительнаго акта. Между тѣмъ въ теченіе всего слѣдствія и вплоть до приготовительныхъ къ суду распоряженій положеніе обвиняемаго въ смыслѣ возможности для него борьбы не съ фактическими даже уликами, а съ тѣми часто едва уловимыми оттѣнками въ освѣщеніи его прошлой жизни, которые, однако, на судѣ иногда, къ сожалѣнію, играютъ рѣшающую роль,—совершенно безпомощно. Да и послѣ врученія ему обвинительнаго акта и приглашенія или назначенія защитника—въ этомъ отношеніи положеніе его становится немногимъ лучше. Сплошь и рядомъ судъ признаетъ не имѣющими отношенія къ дѣлу показанія свидѣтелей, на которыхъ ссылается обвиняемый именно съ цѣлью возстановить правильное освѣщеніе его прошлой жизни, его дѣйствій и поступковъ, которые неправильно освѣщены въ обвинительномъ актѣ, на предварительномъ слѣдствіи или въ показаніяхъ свидѣтелей, вызываемыхъ обвиненіемъ. Между тѣмъ какъ для того же суда безусловно обязательно исполнить всякое требованіе прокуратуры о вызовѣ свидѣтелей, хотя бы и не имѣющихъ къ дѣлу дѣйствительно никакого отношенія.

При такихъ условіяхъ расширеніе сферы судебнаго разслѣдованія при недо-

статкѣ уликъ на прошлую жизнь обвиняемаго, нося по необходимости односторонній характеръ, является серьезной опасностью для правосудія и служитъ однимъ изъ главныхъ источниковъ судебныхъ ошибокъ нашего времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно и не согласно съ духомъ закона. Отмѣняя первый оправдательный приговоръ по дѣлу Ольги Палемъ, Сенатъ высказался совершенно ясно именно въ этомъ смыслѣ. А если недопустимо расширеніе сферы судебнаго разслѣдованія въ интересахъ защиты, пользующейся, по необходимости, лишь тѣмъ, что дало предварительное слѣдствіе, веденное, конечно, не въ ея интересахъ, то тѣмъ болѣе недопустимо расширеніе сферы разслѣдованія въ интересахъ обвиненія, особенно же на предварительномъ слѣдствіи.

Вотъ съ этимъ-то зломъ, являющимся продуктомъ извѣстныхъ вѣяній, отошедшихъ, въ главномъ, какъ можно думать послѣ окончанія работъ комиссіи по пересмотру законоположеній по судебной части, въ область преданія, и надо въ настоящее время покончить круто и рѣшительно. Нельзя говорить обвиняемому: ты виновенъ, потому что тогда-то и тогда-то совершилъ неблаговидные поступки, за которые, впрочемъ, мы тебя не судимъ, потому что у тебя, чуть не до седьмого колѣна, были предки, не отличавшіеся кристальной добродѣтелью; потому что, наконецъ, ты жилъ и выросъ въ средѣ, подозрительной для насъ. А такая логика при построеніи обвиненія, какъ въ обвинительныхъ актахъ, такъ и въ обвинительныхъ рѣчахъ, повторяемъ, въ теченіе послѣдняго времени пустила глубокіе корни.

Иностранное обозрѣніе.

Распаденіе союза демократическихъ партій въ Бельгіи.—Человѣкъ, поборовшій смерть и безуміе.—Покушеніе на Лабори.

Говоря въ предыдущемъ обозрѣніи объ имѣвшей мѣсто въ нѣкоторыхъ странахъ коалиціи демократическихъ партій противъ клерикально-реакціонныхъ, мы отмѣтили, что, по нашему мнѣнію, эта новая группировка партій непрочна и скоро уступитъ мѣсто другой. Вызванная чрезмѣрной требовательностью реакціи, она должна скоро образумить послѣднюю, которая неизбѣжно рѣшится пойти на нѣкоторыя уступки. Болѣе умѣренные элементы демократической коалиціи удовлетворятся этими уступками, тогда какъ менѣе умѣренные, по самому положенію своему, не смогутъ найти ихъ достаточными. Временнымъ коалиціямъ, такимъ образомъ, долженъ наступить конецъ, или, въ лучшемъ случаѣ, довѣріе между ихъ разнородными элементами должно быть сильно подорвано.

Къ большому сожалѣнію нашему, высказанное нами мнѣніе уже начинаетъ оправдываться событіями. Наиболѣе тѣсное и полное объединеніе демократическихъ партій состоялось въ Бельгіи—и тамъ же обнаружились первые признаки раскола.

Какъ читатель помнитъ изъ отчета нашего въ обозрѣніи о бельгійскихъ событіяхъ, клерикальная партія вынуждена была, подъ дружнымъ и энергичнымъ напоромъ оппозиціи, пойти на уступки. Избрана была комиссія, которой поручено было разсмотрѣть всѣ проекты избирательной реформы. И съ самаго же начала работъ этой комиссіи, какъ только отъ оппозиціи правительству нужно было перейти къ положительнымъ предложеніямъ, между различными элементами оппозиціи обнаружились разногласія. Дѣло въ томъ, что при существующемъ избирательномъ правѣ больше всего страдаютъ либералы и прогрессисты. Введеніе же пропорціональнаго представительства должно увеличить прежде всего число депутатовъ этихъ партій. Поэтому либералы и прогрессисты готовы удовлетвориться введеніемъ этого пропорціональнаго представительства, между тѣмъ какъ соціалисты требуютъ введенія и всеобщаго, и равнаго голосованія. Когда министерство Ванденпееребома внесло свой „шулерскій“ проектъ и нельзя было еще предвидѣть, что оно такъ скоро вынуждено будетъ сдаться, вся оппозиція опубликовала

манифестъ, въ которомъ требовала распущенія палаты и назначенія общихъ выборовъ, причемъ общимъ лозунгомъ выставлялась отмѣна § 47 конституціи, т. е. установленіе всеобщаго и равнаго голосованія, комбинированнаго съ пропорціональнымъ представительствомъ. Но вотъ министерство Ванденпееребома сдается. Избирается комиссія 15-ти. Въ рядахъ клерикальной партіи обнаруживается расколъ. Между тѣмъ какъ меньшинство требуетъ непримиримой борьбы съ оппозиціею, огромное большинство клерикаловъ, напуганное рѣшительными и побѣдоносными дѣйствіями крайней оппозиціи и возможностью династическаго кризиса, настаиваетъ на необходимости примиренія съ умѣренными либералами на почвѣ введенія пропорціональнаго представительства и, пожалуй, всеобщей воинской повинности безъ права замѣстительства, разсчитывая, такимъ образомъ, расколоть оппозицію и избѣгнуть необходимости согласиться на всеобщее и равное избирательное право. И сейчасъ же часть либераловъ и прогрессистовъ измѣняетъ своимъ союзникамъ и переходитъ на сторону „благоразумныхъ" клерикаловъ. Либеральныя и прогрессистскія ассоціаціи одна за другою вотируютъ резолюціи, въ которыхъ рекомендуютъ принять первыя уступки клерикаловъ, „надѣясь", что за первыми уступками „послѣдуютъ" другія и что пропорціональное представительство неизбѣжно (почему?) повлечетъ за собою и всеобщее, и равное голосованіе.

Такимъ образомъ расколъ между демократическими партіями *въ странѣ*—уже совершившійся фактъ. И если онъ не обнаружился съ такою же силою и въ *палатѣ депутатовъ*, то благодаря лишь тому обстоятельству, что либеральные и прогрессистскіе депутаты, избранные, за небольшими исключеніями, при поддержкѣ соціалистическихъ голосовъ, не рѣшаются до поры до времени открыто порвать со своими союзниками.

Что показываетъ, что концентрація демократическихъ партій сильно расшатана, это то, что за принятіе уступокъ клерикаловъ высказались такіе искренніе и испытанные демократы, какъ Роланъ, главный редакторъ „Reforme", и извѣстный Поль Жансонъ, игравшій такую видную роль въ борьбѣ за избирательную реформу 1894 г.

При такихъ-то условіяхъ начались работы парламентской комиссіи. Расколъ клерикальной партіи, въ которой обнаружились три различныхъ направленія (правительственное—съ введеніемъ частичнаго и безсовѣстнаго пропорціональнаго представительства, примирительное—съ распространеніемъ пропорціональнаго представительства на всю страну, группа Весте, требующая замѣны выборовъ по спискамъ одноименными выборами), расколъ въ оппозиціи. Такимъ образомъ, не оказалось большинства ни для одного предложенія—и всѣ они были отвергнуты. Наибольшее число членовъ комиссіи высказалось за пропорціональное представительство, но и это послѣднее было отвергнуто 8 голосами противъ 7-ми. Г. Весте даже не рѣшился внести свой проектъ на разсмотрѣніе комиссіи; внесенный его приверженцемъ проектъ двуименныхъ выборовъ получилъ 3 голоса противъ 13-ти; столько же голосовъ получилъ и проектъ Ролана. Но скандальнѣе всѣхъ проектовъ провалился проектъ правительства, о которомъ мы говорили въ предыдущемъ обозрѣніи: за него не было подано ни одного голоса, противъ голосовало 8, а 8 воздержалось.

Послѣ такого удара министерству Ванденпееребома оставалось лишь подать въ отставку, что оно не замедлило сдѣлать. Мѣсто его, послѣ довольно продолжительныхъ переговоровъ, занялъ кабинетъ де-Сметъ де-Нейера. Съ послѣднимъ наши читатели знакомы уже: о немъ пришлось говорить нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, когда онъ покинулъ кабинетъ Ванденпееребома, не желая раздѣлить съ нимъ отвѣтственность за законопроектъ о частичномъ примѣненіи пропорціональнаго представительства. Не то, чтобы его возмущала циничная реакціонность этого законопроекта,—для этого онъ слишкомъ ярый и слишкомъ видный клерикалъ,—но онъ гораздо болѣе ловкій политикъ, чѣмъ его предшественникъ, и лучше его умѣетъ считаться съ обстоятельствами. Насъ нисколько не удивило бы, если бы г. Сметъ де-Нейеръ взялъ на себя миссію подготовить почву для клерикально-либеральнаго компромисса. Окруживъ себя сотрудниками, которые всѣ, безъ исключенія, признаютъ необходимость примѣненія ко всей странѣ пропорціональнаго представительства, новый министръ-президентъ обѣщаетъ „справедливо“ распредѣлить избирательные округа и, кромѣ того, высказывается за введеніе всеобщей воинской повинности съ отмѣною права замѣстительства, — все такіе пункты, которые давно уже занимаютъ почетное мѣсто въ программѣ либераловъ. Между клерикалами и либералами стоятъ теперь только школьный и коммунальный вопросы. А послѣ пережитаго кризиса настроеніе клерикальной партіи таково, что она постарается найти modus vivendi и на почвѣ этихъ вопросовъ.

Доказательствомъ этому можетъ, между прочимъ, служить и поведеніе г. Ванденпееребома. Одинъ изъ самыхъ видныхъ шефовъ клерикальной партіи, онъ недавно лишь былъ увѣренъ, что его партія можетъ разсматривать оппозицію, какъ quantité négligeable. Энергичныя дѣйствія Вандервельда и товарищей раскрыли ему глаза на дѣйствительное положеніе вещей, и онъ, который на почвѣ своего законопроекта вчера только чуть не довелъ страну до революціи, выступилъ въ палатѣ, тотчасъ по прочтеніи де-Сметомъ министерской декларации, ярымъ противникомъ своего собственнаго законопроекта и столь же ярымъ приверженцемъ общаго примѣненія пропорціональнаго представительства. „Вся наша партія,—сказалъ онъ,—должна объединиться вокругъ новыхъ министровъ; послѣдніе найдутъ во вчерашнихъ министрахъ самую солидную и самую вѣрную опору“. Изъ всей клерикальной партіи противъ новаго министерства выступаетъ лишь группа г. Весте.

При такихъ условіяхъ почти не подлежитъ сомнѣнію, что проектъ новаго министерства о пропорціональномъ представительствѣ пройдетъ въ палатѣ, несмотря на оппозицію небольшой части правой, соціалистовъ и либераловъ, и прогрессистовъ, партіи которыхъ стоятъ за принятіе проекта, но которые не желаютъ отдѣлиться отъ соціалистовъ, изъ опасенія лишиться поддержки ихъ голосовъ на предстоящихъ выборахъ. И дѣйствительно, послѣ предварительнаго обсужденія законопроекта въ секціяхъ палаты послѣднія высказались за него большинствомъ 65-ти голосовъ противъ 49-ти при 17-ти воздержавшихся.

Весь интересъ борьбы сосредоточивается теперь на вопросѣ о распущеніи палаты и назначеніи общихъ выборовъ.

Во всякомъ случаѣ надо отмѣтить, что борьба, начатая съ такимъ блескомъ, борьба, которая, повидимому, должна была закончиться полною побѣдою оппозиціи, теперь, послѣ измѣны либераловъ, можетъ закончиться лишь частичною побѣдою. Но она сохраняетъ свой интересъ—и мы будемъ отмѣчать всѣ ея фазисы на страницахъ нашего журнала.

* * *

Объединеніе французскихъ „демократовъ“ не отличалось искренностью и прочностью, какъ мы отмѣтили въ предыдущихъ обозрѣніяхъ, даже въ тотъ моментъ, когда оно состоялось. Благодаря все еще не ликвидированному дѣлу Дрейфуса, оно пока остается въ силѣ, но каждый день обнаруживаетъ новыя жизненныя разногласія между „союзниками“. Обнаруживаются эти разногласія, главнымъ образомъ, благодаря присутствію въ министерствѣ г. Мильерана. Послѣднему, какъ бы ни относиться принципіально къ факту его вступленія въ министерство Вальдека-Руссо, надо отдать справедливость: онъ очень серьезно относится къ своей задачѣ и старается, чтобы его случайное пребываніе въ министерствѣ оставило прочные слѣды. Изъ проведенныхъ имъ административнымъ порядкомъ (путемъ декретовъ) реформъ отмѣтимъ пока двѣ: во-1-хъ, онъ выдѣлилъ въ своемъ министерствѣ все, что относится къ области труда, въ отдѣльный „департаментъ труда“, подготовивъ такимъ образомъ почву для созданія давно требуемаго во Франціи министерства труда; во-2-хъ, онъ отмѣнилъ королевскій ордонансъ 1837 г., регулировавшій сдачу съ торговъ государственныхъ, коммунальныхъ и департаментскихъ работъ, и сдѣлалъ *обязательнымъ* для *государства* и *факультативнымъ* для *департаментовъ* и *муниципалитетовъ* внесеніе въ контракты съ предпринимателями нѣкоторыхъ условій труда для занимаемыхъ ими рабочихъ: нормальныхъ (соразмѣрно существующимъ въ данной мѣстности) рабочаго дня и заработной платы, обязательнаго недѣльнаго отдыха въ 24 часа и пр. Вопросъ этотъ обширный и чрезвычайно важный для Франціи, и нашъ парижскій корреспондентъ посвятилъ ему отдѣльную статью. Отмѣтимъ только, что этотъ декретъ г. Мильерана освобождаетъ генеральные совѣты и муниципалитеты въ чрезвычайно обширной области департаментскихъ и коммунальныхъ работъ отъ опеки префектовъ и министерства внутреннихъ дѣлъ и удачно разрѣшаетъ конфликты, возникавшіе со времени муниципальнаго закона 1884 г. между муниципалитетами и центральной властью. Освободившись отъ опеки, муниципалитеты крупныхъ городовъ Франціи, находящіеся въ рукахъ передовыхъ партій, получатъ возможность примѣнить, наконецъ, выработанную ими въ послѣдніе годы „муниципальную программу“, во многомъ напоминающую программу нѣкоторыхъ англійскихъ муниципалитетовъ (см. переведенную и на русскій яз. книгу C. Hugo. „Städteverwaltung etc. in England“).

Эти и нѣкоторыя другія распоряженія г. Мильерана вызываютъ ожесточенныя нападки со стороны оппортунистской печати, и, повторяемъ, лишь благодаря продолжающейся агитаціи на почвѣ дѣла Дрейфуса, не разорванъ еще „противоестественный“ союзъ между гг. Вальдекомъ-Руссо и Мильераномъ.

Опять дѣло Дрейфуса! Мы думали, посвятивъ ему почти все наше іюньское обозрѣніе, что намъ не придется больше возвращаться къ нему. Но инциденты, происходящіе въ настоящее время въ Реннѣ, и опубликованные въ послѣднее время документы настолько поучительны, что мы не находимъ возможнымъ обойти ихъ молчаніемъ.

Прежде чѣмъ перейти къ событіямъ въ Реннѣ, намъ хочется обратить вниманіе читателя на докладъ министерства колоній о пребываніи Дрейфуса на Чортовомъ островѣ. Во-первыхъ, это очень любопытная страница изъ исторіи пенитенціарныхъ учрежденій конца XIX в.; во-вторыхъ, этотъ документъ, послѣ многихъ другихъ документовъ по дѣлу Дрейфуса, лишній разъ подчеркиваетъ необходимость гласности и контроля общественнаго мнѣнія, и это нужно подчеркивать всегда, когда приходится говорить о дѣлѣ Дрейфуса, потому что это самый крупный урокъ, данный этимъ дѣломъ не одной только Франціи, но и всему человѣчеству, а это человѣчество, право же, слишкомъ волновалось по поводу этого дѣла, слишкомъ интересовалось имъ, чтобы оно прошло для него совершенно безслѣдно. Къ тому же, развѣ въ одной Франціи возможны факты, которые раскрываетъ намъ докладъ французскаго министерства колоній?

Въ обращеніи съ Дрейфусомъ, какъ и во всемъ его дѣлѣ, нужно отмѣтить два періода. Первый длится до сентября 1896 г., т. е. до тѣхъ поръ, пока поиски его родныхъ остаются тщетными; второй — съ момента открытія Пикаромъ „petit bleu“ до приговора кассаціоннаго суда. И въ теченіе перваго періода съ нимъ обращались съ по-истинѣ безчеловѣчной жестокостью, но эта жестокость была, такъ сказать, нормальная, согласная съ уставомъ. Но нельзя безъ ужаса и содроганія читать ту часть доклада, которая относится ко второму періоду. Больного, измученнаго, разбитаго постоянными лихорадками, болѣзнью сердца, безсонницей, кошмарами, нравственной пыткой невинно-осужденнаго, его держали въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ въ его клѣткѣ, въ цѣпяхъ, за высокими заборами, не допускавшими ни одного луча солнца въ его сырую клѣтку, а сырость, при тамошнемъ климатѣ, самый страшный, самый безпощадный врагъ европейцевъ. Его письма къ роднымъ, какъ и письма послѣднихъ къ нему, задерживались. Когда онъ проситъ прислать доктора,—директоръ отказываетъ ему въ этомъ, находя, что этотъ полумертвый человѣкъ не нуждается въ медицинской помощи. Онъ получалъ изъ Европы ящики съ консервами,—посылки задерживались. Желѣзныя кольца цѣпей врѣзывались ему въ руки и ноги; утромъ цѣпи снимали, и раны за день нѣсколько заживали, но вечеромъ ихъ вновь накладывали, растравляя пораненія. И это въ теченіе долгихъ, долгихъ дней... За что? за что? Сами палачи признаютъ, что заключенный въ теченіе всѣхъ пяти лѣтъ не нарушилъ ни одного пункта ихъ варварскаго устава. Это министръ колоній, человѣкъ съ высшимъ образованіемъ, профессоръ парижскаго юридическаго факультета, недавно путешествовавшій по Россіи, г. А. Лебонъ, уступая требованіямъ Дрюмоновъ, Рошфоровъ и другихъ антисемитовъ и націоналистовъ, рѣшилъ добить слишкомъ энергично боровшагося со смертью страдальца, подъ предлогомъ, что принимаетъ мѣры противъ возможнаго бѣгства... Но все это еще пустяки въ сравненіи съ ужасной ночью 6 іюня 1897 г., о которой повѣ-

ствуетъ намъ оффиціальный докладъ. Стражники Дрейфуса имѣли приказъ убить его, если бы было произведено нападеніе на Чортовъ островъ, съ цѣлью освободить заключеннаго. И вотъ, 6 іюня, подъ-вечеръ, показалось на горизонтѣ небольшое судно, повидимому, направлявшееся къ Чортову острову. По приказанію директора пенитенціарныхъ учрежденій острововъ Спасенія, въ судно стали стрѣлять; послѣ нѣкотораго времени оно повернуло въ другую сторону и скрылось. Впослѣдствіи оффиціально установлено было губернаторомъ Гвіаны, что капитанъ судна никакихъ преступныхъ замысловъ не имѣлъ. Но дѣло не въ этомъ. Тревога, вызванная на Чортовомъ островѣ появленіемъ судна, продолжалась около двухъ часовъ,— и въ теченіе всего этого времени Дрейфусъ съ минуты на минуту ждалъ смерти. Разбуженный пушечными выстрѣлами, онъ вскочилъ на постели и увидѣлъ подлѣ себя стражника съ револьверомъ въ рукѣ, готоваго, при первомъ *активномъ* движеніи заключеннаго, выстрѣлить въ него, согласно полученному приказу...

Да и можно ли удивляться жестокости палачей, которые увѣрены были, что ихъ дѣянія не дойдутъ до свѣдѣнія общественнаго мнѣнія, если въ самой Франціи, въ Реннѣ, когда раненый Лабори лежалъ одинъ на набережной, болѣе 20 человѣкъ прошло мимо него, и въ томъ числѣ священники и интеллигентные люди, и ни одинъ изъ нихъ не подошелъ къ раненому, чтобы оказать ему какую-нибудь помощь?... Покушеніе на Лабори — кульминаціонный пунктъ борьбы на почвѣ дѣла Дрейфуса. Мы далеки отъ мысли приписать это покушеніе главнымъ противникамъ Дрейфуса, но мы не можемъ забыть, что hic fecit cui prodest, а гг. генералы, безъ сомнѣнія, были очень рады освободиться отъ безпощаднаго допроса Лабори, прекрасно изучившаго дѣло во всѣхъ его подробностяхъ.

Впрочемъ, по существу дѣло отъ этого не измѣнится. До сихъ поръ были выслушаны всѣ главные свидѣтели противъ Дрейфуса, и ни одинъ изъ нихъ не принесъ ни одного объективнаго доказательства его виновности. Единственный документъ, на который они всѣ ссылались, это частное письмо австрійскаго военнаго атташе, но этотъ послѣдній заявилъ телеграммою въ редакцію „Figaro“, что это письмо подложное. Теперь нѣтъ уже никакого сомнѣнія, что Дрейфусъ будетъ оправданъ. На значеніи этого оправданія мы теперь не будемъ останавливаться, потому что достаточно говорили объ этомъ въ предыдущихъ обозрѣніяхъ.

Е. С.

Письмо въ редакцію.

Милостивый Государь,
Господинъ Редакторъ!

Не откажитесь привести въ вашемъ изданіи списокъ болѣе крупныхъ пожертвованій, полученныхъ мною въ теченіе іюля мѣсяца въ пользу населенія Самарской губерніи, пострадавшаго отъ неурожая.

Отъ графа Л. Н. Толстого въ теченіе іюня мною получено—2.241 руб. (съ прежде поступившими—8.880 руб.), отъ редакціи „Русскихъ Вѣдомостей"—1.025 руб. 39 коп., отъ М. О. Меньшикова—800 руб., изъ г. Вильны, отъ дамскаго Кружка по сбору пожертвованій въ пользу голодающихъ—700 р., отъ профессора С. С. Корсакова чрезъ Н. В. Якушкина — 100 р., чрезъ В. Г. Короленко и редакцію „Русскаго Богатства"—50 руб., отъ профессора В. Е. Якушкина—50 руб., отъ редакціи „Недѣли" — 300 руб., отъ редакціи „Россіи"—800 руб., отъ редакціи „Курьера"—200 руб., отъ д-ра М. Е. Ліона—50 руб., отъ редакціи „Одесскихъ Новостей"—200 руб., отъ издателя „Нивы" А. Ф. Маркса—200 руб., отъ редакціи „Крымскаго Курьера"—337 руб., отъ управляющаго Кіевской конторой Государственнаго Банка—117 руб. 10 коп., отъ редакціи „Астраханскаго Листка"—355 руб., отъ управляющаго Подольской казенной палатой—52 руб. 45 коп., отъ Ант. Павл. Чехова—25 руб., отъ Кружка таганрогскихъ дамъ—500 руб., отъ А. Ф. Сластіона — 45 руб., отъ редакціи газеты „Жизнь и Искусство" — 50 руб., чрезъ ту же редакцію отъ механиковъ мануфактурной компаніи Зингеръ—173 р. 43 к., изъ г. Кадникова отъ драматической труппы Общества трезвости—40 руб., отъ О. И. Логиновой—70 руб. 25 коп., пожертвованные разными лицами, проживающими при Ново-Сергіевкѣ, отъ редакціи „Подольскихъ Вѣдомостей"—36 руб., изъ г. Калуги, отъ калужскихъ чествователей Пушкина—66 руб., отъ В. В. Телѣжинскаго—100 руб. (вторично), изъ Воронежа отъ лицъ, сочувствующихъ помощи пострадавшимъ отъ неурожая,—25 руб., отъ Е. П. Свѣшниковой, изъ г. Твери—40 руб., отъ пассажировъ поѣзда № 4, прибывшаго въ Самару 5 іюня,—86 руб. 31 коп., переданные неизвѣстной дамой жандармскому вахмистру Ефимову, изъ г. Конотопа—55 руб., собранные за завтракомъ въ день столѣтней годовщины рожденія А. С.

Пушкина, изъ г. Бѣлозерска, отъ А. Г. Надпорожской—20 руб., вырученные отъ спектакля на Пушкинскомъ праздникѣ, отъ Бердянской земской управы — 66 руб. 71 коп., отъ редакціи „Забайкальскихъ Областныхъ Вѣдомостей"—26 руб., изъ г. Кизляра, отъ Кружка сочувствующихъ голодающимъ — 35 руб., отъ офицеровъ 116 Мал ояросла вскаго полка—59 руб., отъ редакціи „Смоленскаго Вѣстника"—55 руб., отъ начальницы Ялтинской женской гимназіи—23 руб., отъ служащихъ Орловскаго бюро М.-Курской жел. дороги—21 руб., отъ г. Краснопѣвцева, изъ Листвянъ—25 руб., отъ А. С. Зонова—25 руб., отъ служащихъ въ контролѣ сборовъ М.-Казанской жел. дороги—35 руб. 50 коп., изъ Ташкента черезъ г-жу А. А. Уреніусъ—151 руб. 35 коп., отъ редакціи газеты „Кіевское Слово"—100 руб. и тюкъ съ вещами, пожертвованными въ пользу голодающихъ, отъ Я. А. Инбера, изъ Одессы—25 руб., отъ Е. П. Кузьминой изъ Анапы—23 руб. 75 к. и ящикъ съ бѣльемъ и платьемъ, отъ Конотопской земской управы—20 р. 34 к., отъ чиновъ удѣльнаго вѣдомства, чрезъ редакцію газеты „Сѣверный Кавказъ"—40 руб. и друг.

Принося всѣмъ этимъ лицамъ и учрежденіямъ душевную благодарность за оказанное содѣйствіе и довѣріе, я покорнѣйше прошу ихъ прекратить дальнѣйшую высылку ко мнѣ пожертвованій въ виду того, что въ половинѣ іюля закрываются всѣ столовыя Самарскаго Частнаго Кружка, а къ 1 августа я надѣюсь вполнѣ закончить свою дѣятельность по оказанію и всѣхъ другихъ видовъ помощи населенію, пострадавшему отъ неурожая. Уже и теперь столовыя Кружка постепенно закрываются; съ цѣлью же обезпечить крестьянскія семьи на время полевыхъ работъ до новаго хлѣба, во многихъ мѣстахъ производится выдача продуктовъ натурою. Лица, работавшія по устройству столовыхъ и по уходу за больными, заканчиваютъ свою дѣятельность и разъѣзжаются по домамъ, унося въ душѣ самыя разнообразныя впечатлѣнія отъ всего видѣннаго и пережитаго ими въ мѣстахъ голодовки. Многія изъ этихъ лицъ сдѣлали въ высшей степени существенныя и интересныя наблюденія, собрали чрезвычайно цѣнныя свѣдѣнія и матеріалы какъ о нуждѣ населенія, такъ и о способахъ помощи, оказываемой земствомъ, частными организаціями и „Краснымъ Крестомъ", о слабыхъ сторонахъ этой дѣятельности, о цѣлесообразности и продуктивности разныхъ видовъ помощи, оказываемой народу во время голодовки, объ отношеніи народа къ этимъ видамъ помощи и т. д.

Было бы крайне желательно, чтобы всѣ эти наблюденія и матеріалы, полученные путемъ непосредственнаго и живого изученія народной жизни, не пропали безслѣдно для русскаго общественнаго сознанія. *Какъ* это сдѣлать—я не знаю, но сдѣлать это необходимо, тѣмъ болѣе необходимо, что исторія послѣдняго десятилѣтія явно доказываетъ, что голодовки перестали уже являться у насъ чѣмъ-то исключительнымъ и рѣдкимъ, а, наоборотъ, становятся почти хроническимъ явленіемъ, чуть не ежегодно повторяющимся то въ томъ, то въ другомъ концѣ Россіи.

А. Пругавинъ.

ОТЧЕТЪ

конторы редакціи журнала „Жизнь“.

Послано, для пострадавшихъ отъ неурожая 1898 г. Ланшевскаго уѣзда Казанской губ., О. В. Ломоносовой остававшіяся въ редакціи по сбору пожертвованій въ пользу голодающихъ 68 р. 32 к.

Въ 7-омъ № „Жизни“, вкрались слѣдующія опечатки:
Въ статью К. Бальмонта и въ „Трагедію“ Марло.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
175	7 сн.	теперь мнѣ	теперь. Мнѣ
177	1 сн.	башней?	башней!
188	4 сн.	получившаго	получившимъ
189	6 св.	вѣдааетъ	вѣдаетъ
195	14 сн.	хотя бы сырую, за лопатку баранины	за лопатку баранины, хотя бы сырую.
198	4 сн.	Пути въ нихъ,	Въ нихъ пути,
205	6 св.	чувственъ, такъ	чувствененъ,

Въ статью П. Нежданова: „Трудовая теорія цѣнности и законъ равной нормы прибыли“:

294	2 св.	магическій	логическій
302	3 св.	какъ я показалъ тамъ	какъ я показалъ тамъ съ помощью Маркса

НОВЫЯ КНИГИ,

ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА:

„Вѣстникъ Новгородскаго Земства“. Годъ изданія первый. № 1 (іюль) 1899 г. Новгородъ, 1899 г.

Дѣло объ убійствѣ Комарова. Судебный отчетъ „Полт. Губ. Вѣд.“. Полтава, 1899 г. Ц. 25 к.

Ф. А. Патенко, проф. судебной медицины. Дѣло объ убійствѣ секретаря полтавской дух. консисторіи А. Я. Комарова, съ судебно-медицинской стороны. Изд. П. Д. Шидловскаго. Харьковъ, 1899 г.

Проф. А. Н. Красновъ. Основы землевладѣнія. Вып. IV, часть I-ая: Географія растеній. Законы распредѣленія растеній и описаніе растительности земного шара. Харьковъ, 1899 г. Ц. 2 р. 40 к.

Г. Н. Гетчинсонъ. Очерки первобытнаго міра. Переводъ съ англійскаго З. Н. Журавской. Съ приложеніемъ библіографическаго указателя книгъ и статей по исторіи мірозданія. Изд. Акц. общ. печ. дѣла „Издатель“. Спб., 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

А. Богдановъ. Основные элементы историческаго взгляда на природу. Изд. Акц. общ. печ. дѣла „Издатель“. Спб., 1899 г. Ц. 2 р.

Н. И. Зиберъ. Очерки первобытной экономической культуры. Изд. 2-е, исправленное, акц. общ. печ. дѣла „Издатель“. Спб., 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.

А. Кролюпицкій. Опытъ методики элементарнаго курса исторіи. Изд. Акц. общ. печ. дѣла „Издатель“. Спб., 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Т. Роджерсъ. Исторія труда и заработной платы въ Англіи съ XIII по XIX вѣкъ. Переводъ съ англійскаго В. Д. Каткова. Изд. Акц. общ. печ. дѣла „Издатель“. Спб., 1899 г. Ц. 3 р.

К. Елцова. Въ чужомъ гнѣздѣ. Романъ. Изд. Акц. общ. печ. дѣла „Издатель“. Спб., 1899 г.

Н. И. Игнатьева. Басни и притчи разныхъ странъ. Спб., 1899 г. Ц. 30 к.

Врачъ I. О. Коварскій. Какъ вскармливать дѣтей до 3-хъ лѣтняго возраста. Настольная книга для матерей. Вильна, 1899 г.

D-r Hans Hirschkron. Болѣзни желудка и кишекъ, ихъ причины, предупрежденіе и лѣченіе. Съ приложеніемъ діэтетической поваренной книжки и алфавитнаго указателя легко и трудно перевариваемыхъ веществъ. Популярное изложеніе. Пер. съ нѣмецкаго. Изд. Русской книжной торговли А. Г. Сыркина. Вильна, 1899 г. Ц. 50 к.

Д-ръ Генрихъ Нуссбаумъ. О вліяніи душевной дѣятельности на болѣзненные процессы. Переводъ съ польскаго д-ра М. Розенталя. Изд. Русской книжной торговли А. Г. Сыркина. Вильна, 1899 г. Ц. 50 к.

Д. Н. Жбанковъ и **Вл. И. Яковенко.** Тѣлесныя наказанія въ Россіи въ настоящее время. Москва, 1899 г. Ц. 80 к.

Отчетъ Полтавской общественной библіотеки за 1898 г. (годъ 4-ый). Полтава, 1899 г.

В. Н. Соловьевъ. Въ Стамбулъ и Элладу. Казань, 1899 г.

В. М. Соколовъ. Историческій обзоръ народнаго образованія въ Богородицкомъ уѣздѣ тульской губерніи. Тула, 1899 г.

К. Каутскій. Аграрный вопросъ. Изданіе В. Н. Головкина. Харьковъ, 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

АНТОНЪ ЧЕХОВЪ.

Антонъ Павловичъ Чеховъ.

(Окончаніе).

III.

Счастье г. Чехова настолько поразительно, что по поводу первыхъ же его произведеній поднялся довольно интересный литературный разговоръ объ отцахъ и дѣтяхъ, ихъ распряхъ и раздорахъ, взаимномъ непониманіи и недовѣріи. Дѣти будто бы отказались отъ всѣхъ завѣтовъ отцовъ, отцы же продолжали стоять на стражѣ этихъ завѣтовъ, продолжали писать и говорить,—много писать и говорить, но—увы!—гласъ ихъ былъ уже гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и передъ ними,—какъ о томъ не разъ заявлялъ г. Михайловскій,—лишь поле, усѣянное мертвыми костями...

О поле, поле! Кто жъ тебя усѣялъ мертвыми костями?

Но вмѣсто того, чтобы задать себѣ этотъ законнѣйшій, а пожалуй и интересный вопросъ, отцы сенаторы ворчали и даже очень ворчали, хотя, разумѣется, не всѣ. Шелгуновъ, напр., съ присущей ему мягкостью и даже нѣжностью старался обратить нераскаянныхъ грѣшниковъ на путь истины, жалѣлъ ихъ, заводилъ съ ними постоянно серьезные и чуткіе разговоры и, какъ говорятъ, послѣдніе годы своей жизни пользовался дѣйствительно серьезнымъ вліяніемъ, хотя, какъ кажется, изъ этого вліянія не вышло ровно ничего. Г. Скабичевскій—тотъ поступалъ еще проще, еще добродушнѣе и все присматривался—долго, очень долго, какъ Чичиковъ къ Плюшкину, но и до сей поры, если не ошибаюсь, такъ и не могъ рѣшить, кто же собственно передъ нимъ—мужикъ или баба. Прочтетъ книгу журнала, посмотритъ, что тамъ пишутъ, и сейчасъ къ письменному столу: „а ну-ка, разскажемъ содержаньице“. И онъ все разсказывалъ и разсказывалъ: и про морского змія, и про Илью Богатыря.

Больше всѣхъ выражалъ свое неудовольствіе г. Михайловскій. Его „Изъ дневника читателя“, особенно же „Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ“ почти сплошь—одно неудовольствіе. И такіе-то они и сякіе—эта обычная тема замѣтокъ и писемъ.

Я самъ думаю, что такихъ и сякихъ было очень много. Но, во-первыхъ, когда же было ихъ очень мало, а во-вторыхъ, едва ли это удобно поражать всѣхъ безъ разбора въ чаяніи, что ужъ тамъ высшія силы разберутъ, кто праведникъ, кто грѣшникъ и каждому воздадутъ должное.

А что г. Михайловскій недостаточно разбиралъ, слишкомъ настроилъ себя на извѣстный ладъ и, такъ сказать, увлекся правилами суздальской критики—безусловно приверженной къ одному тону и одной краскѣ—это очень недурно доказывается его отношеніемъ къ Чехову, которому онъ какъ будто постоянно говоритъ: „насъ, братъ, не проведешь... знаемъ мы васъ, представителей новой мозговой линіи и новаго угла души". И вообще „что хорошаго можетъ придти изъ Назарета?"

По поводу сборника „Хмурые люди" г. Михайловскій писалъ между прочимъ: „Признаться сказать, я началъ читать книжку съ конца, заинтересовавшись оригинальнымъ заглавіемъ послѣдняго разсказа „Шампанское", потомъ прочиталъ въ безпорядкѣ все остальное"... „Въ разсказѣ „Шампанское" я остановился на слѣдующихъ хорошенькихъ строчкахъ: „Два облачка уже отошли отъ луны и стояли поодаль съ такимъ видомъ, какъ будто шептались о чемъ-то такомъ, чего не должна знать луна. Легкій вѣтерокъ пробѣжалъ по степи, неся глухой шумъ ушедшаго поѣзда". Въ разсказѣ „Почта" опять хорошенькія строки въ томъ же вкусѣ: „Колокольчикъ что-то прозвякалъ бубенчикамъ, бубенчики ласково отвѣтили ему. Тарантасъ взвизгнулъ, тронулся, колокольчикъ заплакалъ, бубенчики засмѣялись". Или вотъ еще въ разсказѣ „Холодная кровь": „Старикъ встаетъ и вмѣстѣ со своей длинной тѣнью осторожно спускается изъ вагона въ потемки". Какъ это въ самомъ дѣлѣ мило, и такихъ милыхъ штришковъ много разбросано въ книжкѣ, какъ, впрочемъ, и всегда въ разсказахъ г. Чехова. Все у него живетъ: облака тайкомъ отъ луны шепчутся, колокольчики плачутъ, бубенчики смѣются, тѣнь вмѣстѣ съ человѣкомъ изъ вагона выходитъ. Эта своего рода, пожалуй, пантеистическая черта очень способствуетъ красотѣ разсказа и свидѣтельствуетъ о поэтическомъ настроеніи автора. Но, — странное дѣло, — несмотря на готовность автора оживить всю природу, все неживое и одухотворить все неодушевленное, отъ его книжки жизнью все-таки не вѣетъ"...

Все это, быть можетъ, очень хорошо и даже отличается огромной критической проницательностью, но, мнѣ кажется, на основаніи доказательствъ, приведенныхъ въ этой тирадѣ, и трехъ случайныхъ фразъ, вырванныхъ изъ разныхъ разсказовъ, я имѣю полное право сдѣлать лишь тотъ выводъ, что, во-первыхъ, г. Михайловскій началъ читать „Хмурыхъ людей" не съ начала, а съ конца, а во-вторыхъ, что у г. Чехова попадаются хорошенькія строки. И ничего больше.

Заключеніе этой тирады уже совершенно неожиданно: ... „отъ книжки г. Чехова все-таки жизнью не вѣетъ. И это отнюдь не потому, что онъ взялся изобразить хмурыхъ людей... *Нѣтъ, не въ хмурыхъ людяхъ тутъ дѣло, а, можетъ быть, именно въ томъ, что г. Чехову все едино—что человѣкъ, что его тѣнь, что колокольчикъ, что самоубійца*".

Это уже серьезно и какъ мнѣ это напоминаетъ превосходное опредѣленіе косвенныхъ уликъ, сдѣланное Щедринымъ. „Что такое косвенная улика"?—спрашиваетъ

прокурора Миша Нагорновъ.—„Это такой признакъ преступленія, который хотя самъ по себѣ не имѣетъ *никакого* значенія, но будучи сопоставленъ съ другими, тоже не имѣющими *собственнаго* значенія признаками, будучи разсматриваемъ, такъ сказать, въ связи съ цѣлымъ рядомъ такого же рода не имѣющихъ никакого значенія признаковъ, составляетъ *совершеннѣйшее* доказательство".

Я говорю, впрочемъ, не о справедливости или несправедливости приговора г. Михайловскаго, а лишь о „странности" и „случайности" его аргументаціи, о поражающей произвольности выбраннаго имъ критическаго пріема. Точно такимъ же пріемомъ можно свести на нѣтъ не только Чехова, но и Пушкина, и Тургенева, и, horribile dictu, самого Щедрина, что, впрочемъ, и было сдѣлано Писаревымъ. Какая на самомъ дѣлѣ масса „милыхъ штришковъ и у Пушкина, и Тургенева, какая масса „остротъ для остротъ" у Салтыкова, а у Пушкина, напр., гг. гастрономы нашли даже цѣлыя меню обѣдовъ. Но заключать на основаніи этого, что великій поэтъ былъ, по преимуществу, гастрономическимъ писателемъ—право неосторожно.

Однако, очевидно, что не „облачко" и „колокольчики" такъ уже больно поразили г. Михайловскаго, а что-то другое, но что именно, онъ такъ и не высказалъ. Онъ просто на просто произноситъ свой приговоръ на основаніи косвенныхъ уликъ, такъ какъ приступилъ къ чтенію Чехова съ полнымъ недовѣріемъ и заранѣе опредѣлившейся точкой зрѣнія. Немудреная и слишкомъ уже прямолинейная эта точка зрѣнія.

„Г. Чеховъ пока единственный дѣйствительно талантливый беллетристъ изъ того литературнаго поколѣнія, которое можетъ сказать о себѣ, что для него существуетъ только дѣйствительность, въ которой ему суждено жить, и что „идеалы отцовъ и дѣдовъ надъ нимъ безсильны". И я не знаю *зрѣлища болѣе печальнаго, чѣмъ этотъ даромъ пропадающій талантъ*". „Г. Чеховъ, дѣйствительно, пописываетъ, а читатель его почитываетъ". „Г. Чеховъ и самъ не живетъ въ своихъ произведеніяхъ, а такъ себѣ гуляетъ мимо жизни и, гуляючи, ухватитъ то одно, то другое"... Въ концѣ концовъ Чеховъ превращается въ какой-то почти „механическій аппаратъ" и это послѣ „Степи", „Иванова" и „Скучной исторіи", такъ понравившейся самому г. Михайловскому, о чемъ онъ сообщаетъ все въ той же статьѣ...

Вообще это какая-то запутанная статья. Съ одной стороны, „дѣйствительно талантливый беллетристъ" и самая пріятная ошибка по поводу „Скучной исторіи"; съ другой—„Холодная кровь" Чехова, его „пописываніе", вызывающее почитываніе, и даромъ пропадающій талантъ, и „механическій аппаратъ" и разныя другія жалкія слова... Разберемся однако въ центральномъ пунктѣ статьи г. Михайловскаго.

Очевидно, что тутъ дѣло не столько въ Чеховѣ, сколько въ поколѣніи, къ которому онъ принадлежитъ. „Это поколѣніе можетъ сказать про себя, что для него существуетъ только дѣйствительность, въ которой ему суждено жить"... И развѣ ничего больше? О! Я мало, очень мало могу сказать въ защиту литературнаго поколѣнія 80-хъ годовъ. Я самъ принадлежу къ нему и до точности знаю, чѣмъ оно было. Я отъ души радъ, что оно прошло, похоронено, забыто. У меня звучатъ еще въ ушахъ его дикіе возгласы, его требованія бить лежачаго до смерти, его хвасто-

ство безпринципностью и даже безнравственностью. Съ какой-то удивительной наглостью люди объявили во всеуслышаніе, что имъ надо только жрать и жрать что они просто на просто негодяи, но даровитые и талантливые негодяи. Я помню и г. Волынскаго, и г. Дѣдлова, и молодцовъ „Новаго Времени", радостно выплясывавшихъ какой-то дикій танецъ на развалинахъ литературной этики и приличія, помню и предложеніе, сдѣланное г. Дѣдловымъ молодежи, „дать съ юныхъ же лѣтъ клятву, что мы будемъ исполнительными чиновниками и только".—Но развѣ это все?

Самъ г. Михайловскій знаетъ, что не все, и говоритъ объ этомъ... въ той же статьѣ и основываясь на произведеніи... „почти механическаго аппарата" Чехова. Читайте сами, если забыли:

„Талантъ долженъ время отъ времени съ ужасомъ ощущать тоску и тусклость „дѣйствительности", долженъ ущемляться тоской по тому, „что называется общей идеей или богомъ живого человѣка". Порожденіе такой тоски и есть „Скучная исторія". Оттого такъ хорошъ и жизненъ этотъ разсказъ, что въ него вложена авторская боль. Я не знаю, конечно, надолго ли посѣтило это настроеніе г. Чехова и не вернется ли онъ въ непродолжительномъ времени опять къ „Холодной крови" и распущенности картинъ, „въ которыхъ даже самый искусный аналитикъ не найдетъ общей идеи". Теперь онъ, во всякомъ случаѣ, сознаетъ и чувствуетъ, что „коли нѣтъ этого, то, значитъ, нѣтъ и ничего". И пусть бы подольше жило въ немъ это сознаніе, не уступая наплыву мутныхъ волнъ дѣйствительности. Если онъ рѣшительно не можетъ признать своими общія идеи отцовъ и дѣдовъ,—о чемъ, однако, слѣдовало бы подумать,—и также не можетъ выработать свою собственную общую идею, надъ чѣмъ поработать все-таки стоитъ,—то пусть онъ будетъ хоть поэтомъ тоски по общей идеѣ и мучительнаго сознанія ея необходимости."

По своему темпераменту эти строки превосходны, но нѣсколько комично, что онѣ вызваны произведеніемъ „Холодной крови" г-на Чехова, а увѣщанія и пожеланія обращены все къ тому же „пописывающему" и „почти механическому аппарату"—г-ну Чехову! Ну что на самомъ дѣлѣ можетъ восчувствовать механическій аппаратъ, какія увѣщанія и пожеланія разогрѣютъ холодную кровь и откуда эта *тоска по общей идеѣ* (идеалѣ, вѣрнѣе) у человѣка, который вмѣстѣ съ цѣлымъ поколѣніемъ можетъ сказать про себя, что для него существуетъ только дѣйствительность, въ которой ему суждено жить, и ничего больше?

Тоска по общей идеѣ—это очень большія слова. Это значитъ—тоска по идеалу, тоска по цѣльности міросозерцанія, по цѣльности *натуры*, въ которой умъ не вступалъ бы въ постоянную борьбу съ чувствомъ и, наоборотъ, въ которой различныя настроенія не играли бы между собой въ чехарду, по такой жизни, наконецъ, когда человѣкъ не видитъ ежеминутно оскорбленнымъ свое сердце и свое пониманіе. И чтобы восчувствовать такую тоску, мало быть хотя бы и дѣйствительно талантливымъ беллетристомъ... И развѣ мы не знаемъ многихъ дѣйствительно талантливыхъ беллетристовъ и поэтовъ, никогда никакой тоски не ощущавшихъ и радостно припадавшихъ къ „подножію ногъ" всякаго сильнаго мерзавца?

Страшно много опустилъ г. Михайловскій въ своей оцѣнкѣ Чехова и, прежде

всего, конечно, не потому, чтобы у него не доставало критической проницательности, а благодаря своему предвзятому взгляду на литературную эпоху 80-хъ годовъ, которую онъ взялъ да и похерилъ всю сразу, и какому-то своему упорному недовѣрію ко всякимъ новымъ силамъ, не получившимъ его благословенія. Но нехорошо, въ концѣ концовъ, быть человѣкомъ, полагающимъ, что онъ всю истину носитъ у себя въ жилетномъ карманѣ—всю и всякую истину—и философскую, и соціологическую, и эстетическую, и этическую, и политическую, и экономическую, и что „все это у него написано".

Литературная эпоха 80-хъ годовъ была во многихъ отношеніяхъ пренапаскуднѣйшая,—я объ этомъ уже говорилъ и повторять того же самаго не буду. Было въ избыткѣ и наглости, и самодовольства, но смѣшно и странно не видѣть, что это была въ то же время и *критическая* эпоха очень немалаго значенія. Пусть критика происходила въ темнотѣ и сумбурѣ, но все же происходила критика. Многое старое, прежнее достигло своей полноты и художественной законченности, какъ, напр., Съ народническимъ идеализмомъ и народнической романтикой случилось то же самое: ея столпы пошатнулись, ослабѣли и горькое чувство какой-то своей ненужности, какой-то ошибки своей прежней вѣры въ преувеличенномъ даже видѣ овладѣло ими. Настало время азартнаго исканія новаго слова, но не все азартнаго и самонадѣяннаго, а часто тоскливаго.

Но „слово", повторяю, искалось въ „темнотѣ и сумбурѣ" и тоскливое его исканіе постоянно заглушалось торжествующими возгласами патріотическихъ каннибаловъ. Къ тому же часто оно было робко и неумѣло и само какъ-то не вѣрило въ себя и осуществленіе своихъ затаенныхъ думъ. Но отрицать его значитъ то же самое, что отрицать такіе очевидные факты какъ толстовское движеніе, какъ тоску по общей идеѣ Чехова и многое имъ подобное.

Я скажу, что критика той эпохи была уже слишкомъ односторонне-критической, т. е. источникомъ ея была не сознанная или просто на просто признанная правда истины, а духовная неудовлетворенность завѣтами отцовъ и дѣдовъ, часто прямо смутное, но все же настойчивое недовольство ими и тѣмъ, что еще наканунѣ они, эти завѣты, высказывались такъ властно и повелительно.

Эта критика стремилась прежде всего установить полную духовную независимость и свободу человѣка и такое стремленіе не разъ и не два принимало уродливую форму. Для одного „полная духовная свобода и независимость" означала: „наплевать мнѣ на все"; для другого—„хочу быть прохвостомъ и мерзавцемъ и буду имъ въ веселіи духа своемъ"; для третьяго поставить себѣ такой вопросъ значило поставить на карту все свое земное благополучіе.

Оттого-то такъ ярко выступаютъ на сцену преобладающія двѣ черты эпохи—ея разнузданность и тоскливость.

Но, очевидно, что эта тоскливость ничего не имѣла, да и не могла имѣть общаго ни съ удовлетворенностью дѣйствительностью, ни тѣмъ менѣе съ преклоненіемъ передъ ней. Эта удовлетворенность и это преклоненіе совсѣмъ изъ другой оперы—оперы ликовавшихъ и праздноболтавшихъ.

Однако и на „дѣйствительность" постепенно вырабатывалась особенная точка

зрѣнія. Дѣло въ томъ, что въ завѣтахъ отцовъ и дѣдовъ ей отводилось совсѣмъ-совсѣмъ скромное мѣсто; ее третировали очень и очень презрительно, смотрѣли на нее свысока, водили въ затрапезномъ платьѣ и увѣряли, что отдѣлаться отъ нея такъ же легко, какъ сбросить сапогъ съ ноги. Стоитъ лишь искренне хотѣть, глубоко и самоотверженно вѣрить,—все же остальное приложится само собой. Дѣйствительность—это мерзость запустѣнія, и все, даже на водѣ вилами писанное, лучше ея.

Чтобы, такъ сказать, уязвить дѣйствительность, въ пику ей зачастую приводилось извѣстное двустишіе Пушкина:

„Тьмы низкихъ истинъ намъ дороже
Насъ возвышающій обманъ...“

Г. Михайловскій очень, повидимому, любитъ эти стихи и даже теперь нѣтъ-нѣтъ да и припомнитъ ихъ, кому въ похвалу, кому въ прославленіе. И не спорю—стихи хорошіе, такъ какъ всегда и во всемъ хорошо то, что возвышаетъ человѣка, и скверно все, что принижаетъ или унижаетъ его. Но, въ зависимости отъ точки зрѣнія, это въ то же время и опасные стихи. Такъ какъ, понимая ихъ буквально, мы немедленно наталкиваемся на вопросъ: въ какой именно дозѣ допустимъ возвышающій обманъ и сколько обмановъ можетъ имѣть человѣкъ въ своемъ обиходѣ? Одинъ, сто, тьму? Слѣдуетъ другой вопросъ: въ какой мѣрѣ пользоваться этимъ обманомъ и гдѣ доподлинная граница его примѣненія. Если, напр., позволительно думать, что всѣ люди любятъ меня и желаютъ мнѣ счастья, то позволительно ли держаться той же точки зрѣнія, когда равнодушно проходятъ мимо твоихъ умирающихъ дѣтей, когда насилуютъ твою жену или при чемъ-нибудь подобномъ? Еще вопросъ: не дѣйствительно ли страшная трагедія, когда человѣкъ, жившій возвышающимъ обманомъ, какимъ-нибудь образомъ вдругъ да пойметъ, что это онъ точно жилъ обманомъ, въ которомъ столько же истины, сколько воды въ камнѣ?..

Нѣтъ, это опасные стихи и, главное, Пушкинъ хотѣлъ сказать ими совершенно другое, чѣмъ то, что говорятъ наши славные и неславные публицисты. Онъ совсѣмъ не имѣлъ въ виду дѣйствительность вообще, а лишь дѣйствительность свѣтскихъ отношеній, не истину вообще, а лишь истину свѣтской общепринятой морали и приличій. И ничего больше.

Передъ поколѣніемъ 80-хъ годовъ дѣйствительность, по стеченію различныхъ обстоятельствъ, говорить о которыхъ здѣсь не мѣсто, предстала во всей своей огромности и могуществѣ. Собственно говоря, она и всегда „предстояла“, но сила вѣры людей въ самихъ себя и помощь изъ другого, высшаго, чѣмъ они, источника закрывала это величіе дѣйствительности. Теперь же оказалось, что вѣры въ самихъ себя нѣтъ или, по крайней мѣрѣ, она въ угнетеніи, вѣра же на помощь изъ другого источника одинаково поколеблена. Отсюда растерянность мысли, непрочность настроенія, импрессіонизмъ въ искусствѣ, мелочность научныхъ изслѣдованій и пр. и пр.

Открывалось нѣсколько исходовъ. Надо было или прилѣпиться къ дѣйствительности со всѣмъ безобразіемъ, которое она въ себѣ заключала, приспособить свой желудокъ къ той пищѣ, которую она давала, не мечтать нисколько объ острой

приправѣ идеаловъ и въ заключеніе ликовать, или уйти въ самого себя, или же тоскливо всматриваться въ тусклую и сѣрую жизнь, тоскливо слѣдить за прихотливой и капризной игрой свѣта и тѣней въ окружающей обстановкѣ, страннымъ, безсмысленнымъ даже распредѣленіемъ счастья и несчастья, удачъ и неудачъ среди людей, случайными драмами, случайными комедіями, случайнымъ смѣхомъ и одинаково случайными слезами. Настали во истину сумерки просвѣщенія и въ нихъ-то, мнѣ кажется, надо искать объясненія особаго колорита первыхъ произведеній Чехова, а никакъ не въ его „холодной крови" или „механизмѣ" его творчества. Какъ нельзя болѣе естественна и нѣкоторая его растерянность и случайность избираемыхъ темъ. Но была тоска, было исканіе, и это, даже по православному эстетическому кодексу г-на Михайловскаго, очень и очень много значитъ.

Эту тоску и исканіе г. Михайловскій увидѣлъ только въ „Скучной исторіи", какъ же не увидѣлъ онъ ее въ драмѣ „Ивановъ" или въ излюбленномъ художественномъ пріемѣ г. Чехова изображать стеченіе мельчайшихъ жизненныхъ обстоятельствъ, откуда происходятъ, однако, ужасающія драмы, — этого я, откровенно говоря, не понимаю. Вѣдь въ тѣхъ же „Хмурыхъ людяхъ" есть разсказъ („Спать хочется"), о томъ какъ тринадцатилѣтняя дѣвчонка Варька, состоящая въ нянькахъ у сапожника и не имѣющая минуты покоя, убиваетъ порученнаго ей грудного ребенка потому, что именно онъ мѣшаетъ ей спать... Откуда, наконецъ, это почти постоянное, глубоко-грустное впечатлѣніе почти всѣхъ разсказовъ — даже юмористическихъ — г-на Чехова?..

Отчего же, — спрашиваетъ г. Михайловскій, — вы, г. Чеховъ, постоянно разсказывая намъ о такихъ ужасахъ, не плачете, какъ плакалъ, напр., Гаршинъ?

Оттого, вѣроятно, что у г-на Чехова глаза не на слезливомъ мѣстѣ... Или — говоря безъ шутокъ—оттого, что онъ художественная натура по преимуществу, т. е. такая, для которой жизнь природы и людей—столько же матеріалъ любви и ненависти, сколько и интереса. Плакалъ ли, напр., Пушкинъ, описывая драмы крѣпостного права и при томъ такими рѣзкими штрихами, какихъ не было ни до него, ни послѣ? Нѣтъ, не плакалъ. Плакалъ ли когда-нибудь Гете? Кажется, тоже нѣтъ, даже въ „Вертерѣ". Вообще сомнѣваюсь, чтобы дѣйствительно художественная натура всегда плакала въ минуты вдохновенія: тутъ интересъ страстный, захватывающій интересъ творчества поглощаетъ всѣ остальные.

Все-таки, полагаю, важны не слезы, а серьезное отношеніе къ жизни, ея пониманіе.

IV.

По поводу драмы „Ивановъ" г. Михайловскій говоритъ между прочимъ: „Въ „Ивановѣ", комедіи, не имѣвшей, *къ счастью*, успѣха и на сценѣ, г. Чеховъ явился пропагандистомъ двухъ вышеприведенныхъ „дѣтскихъ" тезисовъ: „идеалы

отцовъ и дѣдовъ надъ нами безсильны"; „для насъ существуетъ только дѣйствительность, въ которой намъ суждено жить и которую мы потому и признали! Эта проповѣдь была уже даже и не талантлива, да и какъ можетъ быть талантлива идеализація отсутствія идеаловъ. Не везетъ г. Чехову на большія вещи"... „Ивановъ" — опять пропаганда тусклаго, сѣраго, умѣреннаго и аккуратнаго житія" и т. д.

Привожу этотъ отзывъ главаря одной — по старой памяти — еще очень и очень вліятельной части нашей литературы, просто въ видѣ иллюстраціи того непониманія, которое встрѣчали и все еще продолжаютъ встрѣчать драматическія произведенія Чехова въ нашей литературѣ.

Другой критикъ, уже гораздо позже, пишетъ:

„По общему приговору театральныхъ рецензентовъ, въ Чеховѣ мало драматическаго таланта. Его пьесы мѣстами растянуты, мѣстами въ нихъ ведутся совершенно ненужные разговоры (напримѣръ, въ „Дядѣ Ванѣ" передъ рѣшительнымъ моментомъ пьесы есть какая-то газетная передовица насчетъ обезлѣсенія и несомнѣнной пользы раціональнаго лѣсного хозяйства!); вообще же, въ нихъ слишкомъ мало дѣйствія, а то дѣйствіе, которое есть, происходитъ гдѣ-то за кулисами (напримѣръ, въ „Чайкѣ"). Спорить съ гг. театральными рецензентами у меня нѣтъ ни малѣйшей охоты; замѣчу отъ себя, и то въ самой общей формѣ, что пьесы Чехова отличаются не столько трагическимъ, сколько ноющимъ характеромъ: подчасъ чувствуешь, точно несчастный въ любви комаръ жужжитъ у тебя надъ ухомъ на протяженіи двухъ-трехъ актовъ. Ей-ей скучновато. Но это — ничего; все же у Чехова есть идея, есть настроеніе".

Вообще можно сказать, что репутація Чехова-драматурга гораздо ниже его репутаціи какъ беллетриста. Въ то время, какъ его разсказы и повѣсти выдерживаютъ одно изданіе за другимъ, пьесы за два года не могутъ дождаться и второго. Съ образцовой сцены онѣ снимаются очень скоро („Ивановъ"); случился и прямой провалъ („Чайки"). Говоря о нихъ, критика впадаетъ въ скучный, нравоучительный тонъ, увѣряетъ, что Чеховъ берется не за свое дѣло, что его назначеніе писать и писать повѣсти и разсказы, а пьесы писать не слѣдъ, что беллетристъ вообще не можетъ быть хорошимъ драматургомъ, что и Золя терпитъ постоянныя неудачи на сценѣ, что и самъ Тургеневъ, на-ряду съ геніальными „Отцами и дѣтьми", создалъ блѣдный „Мѣсяцъ въ деревнѣ", что „Плоды просвѣщенія" и „Власть тьмы" ниже всего написаннаго Толстымъ и пр. и пр. Отъ „Чайки" критика пришла даже въ прямое негодованіе и, забывши дѣйствительное свое назначеніе, ограничилась какими-то нечленораздѣльными звуками вродѣ: „бредъ... галлюцинація... ничего не понимаю"... и бѣдная „Чайка", какъ я выше замѣтилъ, провалилась (1896 г.). Съ большимъ удовольствіемъ вспоминаю, что и тогда мнѣ было жаль двукратной гибели бѣдной птицы, безжалостно загубленной въ пьесѣ литераторомъ Тригоринымъ, а на сценѣ — актерами образцовой труппы. Провалъ казался окончательнымъ, почему удивило извѣстіе, что „Чайка", возобновленная въ Москвѣ нынѣшней зимою, встрѣтила какъ разъ обратное отношеніе къ себѣ, вызвала къ себѣ

вниманіе и даже восторги и стала, пожалуй, гвоздемъ сезона, хотя, разумѣется, и не въ такой степени какъ „Царь Ѳедоръ Іоанновичъ“ въ Петербургѣ. Но вѣдь въ пьесѣ Чехова очень немного мѣста для декоративныхъ эффектовъ, и требуетъ она очень и очень многаго какъ отъ исполнителей, такъ и отъ созерцающей публики. Въ столицѣ я, по крайней мѣрѣ, не знаю актера, который съ легкимъ сердцемъ и будучи въ твердомъ умѣ и здравой памяти могъ бы взяться за роль Треплева: до того она сложна и до того *интеллигентна*. Также сложны и также интеллигентны „Ивановъ“ и „Дядя Ваня“ — причина, какъ видите совершенно основательная, чтобы ставить ихъ какъ можно рѣже, а пожалуй, и совсѣмъ не ставить... По этой части все, вообще говоря, обстоитъ благополучно.

Прежде чѣмъ приступлю къ частному разбору пьесъ Чехова, считаю нужнымъ замѣтить, что излюбленнымъ его типомъ, къ которому онъ относится съ большой и очевидной симпатіей, является типъ русскаго талантливаго неудачника. Варьируетъ онъ его съ большимъ мастерствомъ, ставя въ разныя положенія — то общественнаго дѣятеля („Ивановъ“), то развивая драму на преимущественно („Чайка“) или даже исключительно („Дядя Ваня“) психологической почвѣ. Этотъ типъ—общее звено всѣхъ пьесъ и, мнѣ кажется, что, удѣляя ему столько вниманія, Чеховъ поступаетъ совершенно справедливо. Не говоря уже о томъ, что, съ извѣстной точки зрѣнія, всѣ мы, русскіе люди, даже крупнѣйшіе изъ насъ — неудачники, но просто съ точки зрѣнія русской литературы типъ неудачника очень и очень важный, который одно поколѣніе, какъ какое-нибудь проклятое наслѣдіе, передаетъ другому „для дополненія и исправленія“. Но исправляется онъ плохо. Всѣ эти Онѣгины, Чацкіе, Печорины, Бельтовы, Рудины, Райскіе, Карамазовы (Дмитрій, Иванъ), Раскольниковы, Каренины (Анна) и пр. и пр. что иное, какъ не натуры высшей чувствительности и высшихъ требованій, для которыхъ не нашлось мѣста на жизненномъ пиру?.. Превосходную характеристику даютъ талантливымъ натурамъ Щедринъ и Добролюбовъ, которую и напомню:

„Одни изъ нихъ занимаются тѣмъ, что ходятъ въ халатѣ по комнатѣ и отъ нечего дѣлать посвистываютъ; другіе проникаются желчью и дѣлаются губернскими мефистофелями; третьи барышничаютъ лошадьми или передергиваютъ въ карты; четвертые выпиваютъ огромное количество водки; пятые перевариваютъ на досугѣ свое прошедшее и съ горя протестуютъ противъ настоящаго... Общее у всѣхъ этихъ господъ, во-первыхъ, „червякъ“, во-вторыхъ, то, что „на жизненномъ пирѣ“ для нихъ не случилось мѣста, и, въ-третьихъ, необыкновенная размашность натуры. Но главное—червякъ. Этотъ глупый червякъ причиною тому, что наши Печорины слоняются изъ угла въ уголъ, не зная, куда преклонить голову; онъ познакомилъ ихъ ближайшимъ образомъ съ помѣщиками Полежаевымъ, Сопиковымъ и Храповицкимъ. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что Печорины водятся исключительно между молодыми людьми. Старый, заиндевѣвшій чиновникъ или помѣщикъ не можетъ сдѣлаться Печоринымъ: онъ на жизнь смотритъ съ практической стороны, а на тернія или неудобства ея — какъ на неизбѣжныя и неисправимыя. Это блохи и клопы, которые до того часто и много его кусали, что сдѣлались не врагами, а скорѣе добрыми знакомыми его. Онъ ни вникаетъ въ причины вещей, а принимаетъ ихъ

такъ, какъ онѣ есть, не задаваясь мыслію о томъ, какими бы онѣ могли быть, если бы... и т. д. Молодой человѣкъ, напротивъ того, начинаетъ уже смутно понимать, что вокругъ него есть что-то неладное, разрозненное, неклеящееся; онъ видитъ себя въ странномъ противорѣчіи со всѣмъ окружающимъ, онъ хочетъ протестовать противъ этого, но, не обладая никакими живыми началами, необходимыми для примиренія, остается при одномъ зубоскальствѣ или псевдотрагическомъ настроеніи" (Щедринъ).

Печоринскія замашки и претензіи на талантливость натуры являются всегда, какъ уже замѣтилъ Г. Щедринъ, въ молодомъ поколѣніи, обладающемъ сравнительно большею свѣжестью силъ, болѣе живою воспріимчивостью чувствъ. Подвергаясь разнообразнымъ вліяніямъ, молодые люди находятся въ необходимости сдѣлать, наконецъ, выборъ между ними. Начинается внутренняя работа, которая въ иныхъ исключительныхъ личностяхъ продолжается безостановочно, идетъ живо и самостоятельно, съ строгимъ разграниченіемъ внутреннихъ органически-естественныхъ побужденій отъ внѣшнихъ вліяній, дѣйствующихъ болѣе или менѣе насильственно. Но подобныя личности представляютъ исключеніе, тѣмъ болѣе рѣдкое, чѣмъ ниже стоитъ образованность всего общества. Самая же большая часть людей, начинающихъ работать мыслью въ обществѣ мало образованномъ, оказывается слабою и негодною, чтобы устоять противъ ожидающихъ ихъ препятствій. Съ самаго появленія своего на бѣлый свѣтъ, въ самые первые впечатлительные годы жизни — люди новаго поколѣнія окружены все-таки средою, которая не мыслитъ, не движется нравственно, о мысли всякаго рода думаетъ, какъ о дьявольскомъ навожденіи и безсознательно-практически гнетъ и ломаетъ волю ребенка. Это второе обстоятельство — противодѣйствіе начальнаго воспитанія и всей окружающей среды— идеямъ времени, которому уже принадлежитъ новое поколѣніе, и приводитъ къ паденію большую часть талантливыхъ натуръ. Возникли у нихъ кое-какія требованія, которымъ прежняя среда и прежняя жизнь не удовлетворяютъ: надобно искать удовлетворенія въ другомъ мѣстѣ. Но для этого надо много продолжительныхъ усилій, надо долго плыть противъ теченія. Между тѣмъ корабль давно уже стоитъ на мели, и балластъ грузно лежитъ внизу. Талантливыя натуры, замѣтивъ, что все около нихъ движется,—и волны бѣгутъ, и суда плывутъ мимо,—рвутся и сами куда-нибудь; но снять корабль съ мели и повернуть по-своему они не въ силахъ, уплыть одни далеко отъ своихъ — боятся: море невѣдомое, а пловцы они плохіе. Напрасно кто-нибудь, болѣе ихъ искусный и неустрашимый, переплывшій на противный берегъ, кричитъ имъ оттуда, указывая путь спасенія: плохіе пловцы боятся броситься въ волны и ограничиваются тѣмъ, что проклинаютъ свое малодушіе, свое положеніе, и иногда, заглядѣвшись на бѣгущую мимо струю или ободренные крикомъ, вылетѣвшимъ изъ капитанскаго рупора, вдругъ воображаютъ, что корабль ихъ бѣжитъ, и восторженно восклицаютъ: „пошелъ, пошелъ, двинулся"! Но скоро они сами убѣждаются въ оптическомъ обманѣ и опять начинаютъ проклинать или погружаться въ апатичное бездѣйствіе, забывая простую истину, что имъ придется умереть на мели, если они сами не позаботятся снять съ нея корабль и, прежде

всего,—хоть помочь капитану и его матросамъ выбросить балластъ, мѣшающій кораблю подняться *).

Мимоходомъ замѣчу, характеристика Щедрина и Добролюбова относятся къ тому же времени, къ самому расцвѣту нашей жизни.

Добролюбовъ весь на сторонѣ талантливыхъ натуръ и въ гибели ихъ винитъ исключительно „среду". „Намъ скажутъ, — продолжаетъ онъ,—отчего же эта среда не оказываетъ такого же вліянія на другихъ, отчего же именно на талантливыя натуры она дѣйствуетъ такъ гибельно? Отвѣтъ простъ: эти натуры, *по своей впечатлительности, забѣгаютъ дальше другихъ, часто захватываютъ больше, чѣмъ сколько могутъ вынести, и при этомъ чаще другихъ встрѣчаютъ противодѣйствіе*". Талантливыя натуры Добролюбовъ противоставляетъ „дѣтямъ милымъ и благонравнымъ", которыя наслаждаются спокойствіемъ блаженнаго невѣдѣнія. Это простые исполнители. „Въ ученьи, службѣ, въ жизни—они всегда исправны, что имъ прикажутъ, то они сдѣлаютъ, что дадутъ выучить—выучатъ, до какихъ границъ позволятъ дойти, до тѣхъ дойдутъ"!..

Талантливыя натуры—это какія-то роковые, заранѣе обреченные на гибель неудачники. Ихъ губитъ все—ихъ собственная талантливость, неподдержанная волей и энергіей характера, ихъ слабодушіе, ихъ лѣнь и, наконецъ, водка... Первые успѣхи на жизненномъ поприщѣ внушаютъ имъ самонадѣянность, по своей впечатлительности они преувеличиваютъ эти первые свои успѣхи и думаютъ, что „всегда такъ будетъ". Они совершенно забываютъ, что ихъ сторожатъ уже зависть и всевозможныя неожиданныя препятствія, которыя и пожрутъ всѣ ихъ начинанія. Для настойчивой, упорной борьбы у нихъ нѣтъ силъ, нѣтъ внутреннихъ средствъ и ихъ банкротство наступаетъ такъ же скоро, какъ и ихъ первыя удачи.

„Для талантливыхъ натуръ, вообще говоря, нѣтъ еще почвы въ молодомъ, только начинающемъ жить сознательною жизнью обществѣ, любящемъ спокойствіе и, по преданію, нетерпящемъ новшества". Къ этому въ концѣ концовъ сводится взглядъ Добролюбова.

Я уже замѣтилъ выше, что свою характеристику, основанную на типахъ изъ „Губернскихъ очерковъ" Щедрина, онъ писалъ 40 лѣтъ тому назадъ и, очевидно, лишь съ цѣлью опредѣлить, насколько „талантливыя натуры полезны или безполезны для молодого общества"? Психологіей ихъ онъ интересовался сравнительно мало, больше успѣшностью ихъ работы и, видя что успѣховъ отъ „талантливыхъ натуръ" ожидать такъ же трудно, какъ отъ коровы жеребенка, рѣшилъ, что изъ обоихъ намѣченныхъ имъ разрядовъ людей „оба хуже". „Но все же талантливыя натуры даютъ несравненно больше хорошихъ надеждъ,—заканчиваетъ онъ,—чѣмъ убитыя существа безъ всякихъ стремленій. Онѣ, по крайней мѣрѣ, не будутъ имѣть такого парализующаго вліянія на дѣятельность слѣдующихъ за ними поколѣній, потому что въ нихъ есть уже хотя смутное предчувствіе истины, хоть робкое, слабое оправданіе молодыхъ порывовъ"... А пока же они должны вымирать...

---

*) Добролюбовъ, Соч. т. 1.

40 лѣтъ — время не малое, но — странное дѣло! — если судить по пьесамъ Чехова, основныя черты талантливыхъ натуръ—остаются все тѣми же. Онѣ одинаково порывисты, страстно впечатлительны, захватываютъ дѣла больше, чѣмъ сколько могутъ выполнить, быстро утомляются, такъ какъ никакой твердости характера, никакой силы для борьбы съ препятствіями они выработать не успѣли и попрежнему убираютъ себя изъ жизни или самоубійствомъ, или водкой... Отъ ихъ работы остается ровно ничего: „пустыня мертвая и небеса надъ ней“,—та же тусклая сѣрая жизнь, съ ея случайными и роковыми хитросплетеніями.

Конечно, талантливыя натуры Чехова не совсѣмъ то же самое, что у Щедрина, и характеристика Добролюбова ихъ не покроетъ. Онѣ во всякомъ случаѣ ближе къ талантливымъ человѣкамъ Тургенева — всѣмъ этимъ Рудинымъ, Гамлетамъ, Базаровымъ и Неждановымъ, чѣмъ къ кому-нибудь другому. Но и тутъ есть самостоятельныя и оригинальныя черты, отмѣтить которыя, какъ кажется, не лишнее.

Дѣло вотъ въ чемъ. Я искренно убѣжденъ, что вопросъ о роли талантливыхъ натуръ въ жизни, успѣшности и безуспѣшности ихъ работъ, ихъ судьбѣ вообще, вопросъ очень серьезный. Это не матеріалъ для состраданія или сожалѣнія, или вздоховъ—это въ скрытомъ видѣ своемъ огромная проблема „свободы и необходимости“, которая всегда способна раздѣлить, да и не разъ дѣлила смежныя между собою поколѣнія. Кромѣ вопроса — что дѣлать, иные моменты съ особенной настойчивостью выдвигаютъ на сцену вопросъ—что я могу сдѣлать, долженъ ли я вообще дѣлать что-нибудь и не все ли равно — стану ли я огородъ городить, ходить въ департаментъ на службу, созерцать кончикъ собственнаго носа или производить цѣнности. Въ болѣе широкомъ своемъ видѣ это вопросъ о роли личности въ исторіи, вопросъ трудный и нерѣшенный даже профессоромъ Карѣевымъ, хотя тотъ и старался, — ахъ какъ старался рѣшить его! и что-то много и много писалъ объ этомъ.

Талантливая натура потому и называется талантливой натурой, что у ней больше силы, чѣмъ у натуры обыденной, лишенной инициативы, идущей всегда по проторенной колеи и даже не подозрѣвающей, что изъ нея можетъ выйти. Но если эта талантливая натура, несмотря на свою большую силу, ровно ничего не *можетъ* сдѣлать, если ея работа уподобляется вращенію бѣлки въ колесѣ, если въ концѣ концовъ безразлично, *жили*-ли на данномъ меридіанѣ талантливыя натуры или просто были натыканы осиновые колы—то какая же моя роль, мое предназначеніе—роль и предназначеніе обыденнаго смертнаго?

Всякій, отрицающій какую бы то ни было „роль личности въ исторіи,—прежде всего наталкивается на вопросъ о герояхъ и геніяхъ. Всякій, признающій эту роль, начинаетъ съ указанія на героевъ и геніевъ, т. е. тѣхъ же иниціаторовъ, тѣхъ же талантливыхъ натуръ, но съ большими средствами, чѣмъ послѣднія.

Этого вопроса не минуешь, все равно о чемъ бы вы ни заговорили — нравственности, экономикѣ, политикѣ.

Совсѣмъ оригинально и совсѣмъ въ духѣ опредѣлившаго его времени рѣшаетъ его Чеховъ.

V.

Я уже замѣтилъ, что талантливые неудачники Чехова особенно близки къ лишнимъ людямъ Тургенева и отличаются такой же мягкостью характера, такой же женственностью натуры, такой же готовностью къ безсмысленному даже—съ общественно-экономической точки зрѣнія — самопожертвованію, какъ и эти послѣдніе. Это прежде всего нѣжные люди, хрупкія организаціи, артистическія натуры, съ дѣтской потребностью ласки и утѣшенія, съ постоянной готовностью ныть, жаловаться на свою судьбу, но не на людей,—чему мѣшаетъ ихъ самолюбіе,—глубоко честные, но безъ всякой выдержки, хватающіеся за револьверъ или стаканъ водки всякій разъ, какъ жизнь требуетъ отъ нихъ рѣшительнаго поступка. Это совсѣмъ не работники, эти люди мгновеннаго героизма съ ясно выраженными болѣзнями воли, растерянным міросозерцаніемъ и какимъ-то органическимъ испугомъ передъ жизнью. Всякій коренной восьмидесятникъ узнаетъ въ нихъ самого себя, вслухъ, разумѣется, выругаетъ, въ душѣ пожалѣетъ, а отчасти пожалуй и одобритъ: въ нихъ есть несомнѣнно и душевная красота и стремленіе къ духовной полнотѣ личности. Это доподлинные продукты общественной эволюціи въ тяжелую минуту растерянности и нарожденія новыхъ началъ, это люди тоскливаго исканія прежде всего. Они такъ плотно приросли къ своей обстановкѣ, что по необходимости чувствуютъ себя чужеземными растеніями во всякой другой. Плоть отъ плоти и кость отъ костей своего времени, они могутъ быть симпатичны и ярки лишь при особомъ освѣщеніи эпохи: только это освѣщеніе можетъ открыть всѣ ихъ достоинства, оправдать ихъ недостатки и соединить въ одно гармоническое цѣлое ихъ неясныя и кажущіяся угловатыми или безсмысленными черты. Чтобы сдѣлать ихъ понятными, отчасти даже привлекательными для другого времени, для другихъ людей, выросшихъ въ другихъ условіяхъ общественности и другихъ ея интересахъ, критика должна стать прежде всего исторической и критикъ—обратиться прежде всего въ историка. Точка зрѣнія Добролюбова вполнѣ приложима къ нимъ, какъ къ работникамъ, но не покрываетъ ихъ. Какъ работники, они рѣшительно никуда не годятся и все хорошее, что можетъ быть сказано о нихъ, сводится къ тому, что „они по крайней мѣрѣ не будутъ имѣть такого парализующаго вліянія на дѣятельность слѣдующихъ за ними поколѣній, потому что въ нихъ есть уже хоть смутное предчувствіе истины, хоть робкое, слабое оправданіе молодыхъ порывовъ“ *). Конечно, никогда не будутъ они гонителями, никогда мракобѣсами, никогда идеалъ мертвой жизни не станетъ ихъ идеаломъ, никогда они не ударятъ лежачаго. Въ нихъ много того, что завѣщано намъ лучшими представителями романтизма, не выродившагося, но нарождавшагося—много уваженія къ личности человѣка, несомнѣнно честное, любовное и братское отношеніе къ ней... Но въ то же время какъ просто и легко ихъ осмѣять, назвать, напр., гамлетизированными поросятами или какимъ-нибудь другимъ одинаково эффектнымъ терминомъ, поставить надъ ними крестъ и счесть всѣ расчеты поконченными. Думаю

*) Добролюбовъ т. I, ст. 423.

однако, что это неправильно, такъ какъ исторія не имѣетъ права съ пренебреженіемъ отбрасывать отъ себя подлинные свои документы. Герои же пьесъ Чехова несомнѣнно подлинные документы, къ тому же это не окаменѣлости самодовольства и самоудовлетворенія, эти, повторяю, люди тоскливаго исканія.

Теперь почти не говорятъ о болѣзняхъ воли. Десять, пятнадцать лѣтъ только объ этомъ въ сущности и говорили. Всѣ вопросы вырожденія сводились преимущественно къ вопросу о вырожденіи воли. Жаловались на скуку, усталость, утомленіе, на отсутствіе желаній, на децентрализацію личности—растерянность ея мыслей, противорѣчивость ея настроеній и ихъ капризность. Это и у насъ, и на Западѣ. Искали жизненнаго элексира для излѣченія новой такой страшной болѣзни, и думали найти его въ полномъ индивуализмѣ, который, освободивъ личность отъ всѣхъ общественныхъ и семейныхъ узъ и обязанностей, облегчитъ ея земную юдоль, сбросивъ съ ея усталыхъ плечъ такую во истину тяжелую ношу. Этотъ индивидуализмъ въ крайнемъ своемъ выраженіи, напр., въ философіи Ницше, былъ въ сущности крикомъ отчаянія по тому всесильному и всемогущему человѣку, герою, Uebermensch'у, который пришелъ бы и отнялъ твою волю, всю цѣликомъ, безъ остатка, и повелъ бы за собой, все равно куда, лишь бы повелъ и избавилъ отъ мукъ растерянности. Это былъ крикъ раба, свыкшагося и сжившагося со своими цѣпями до такой степени, что считалъ ихъ частью себя, которому какъ будто внезапно сняли цѣпи и пустили на волю, и, проклиная упавшія цѣпи и бывшаго господина, рабъ умѣлъ просить... только новыхъ цѣпей и новаго господина...

Превосходно представлены въ пьесахъ Чехова на память людямъ болѣзни воли и крайняго индивидуализма въ пьесахъ Чехова.

VI.

По богатству и разнообразію содержанія, по глубинѣ затронутыхъ психологическихъ мотивовъ лучшей пьесой всего сборника я считаю „Дядю Ваню". Дядя Ваня типичнѣйшій изъ героевъ Чехова. Онъ нейрастеникъ, онъ слабоволенъ, онъ талантливая натура, онъ неудачникъ, онъ, наконецъ, рабъ. *Кому*, зачѣмъ отдалъ онъ свои силы, свои способности, свой умъ, на кого истратилъ свой запасъ чувства и *зачѣмъ* онъ сдѣлалъ все это—вотъ вопросы драмы, скромно названной „сценами".

Разсказать содержаніе сценъ очень трудно: въ нихъ переплетаются нѣсколько интригъ, изъ которыхъ каждая могла бы послужить матеріаломъ для отдѣльной драмы. Выдѣлю лишь то, что относится къ главному герою—дядѣ Вани, да и то передамъ возможно коротко.

Дядя Ваня, вмѣстѣ со своей племянницей Соней, управляетъ собственнымъ имѣніемъ на началахъ полнаго самоотреченія; онъ отказываетъ себѣ рѣшительно во всемъ, даже самомъ необходимомъ, усчитываетъ каждую копейку, каждый пукъ соломы, каждую ложку конопляннаго масла, потому что деньги нужны мужу его умершей сестры (отцу Сони), великолѣпному профессору Серебрякову, человѣку большой начитанности, осиноваго ума, дубоватыхъ чувствъ, самодовольному дятлу своей спеціаль-

ности, который въ данную минуту гоститъ въ имѣніи, страдаетъ подагрой и изводитъ всѣхъ своими жалобами и капризами—больше же всего свою вторую жену Елену Андреевну, молодую красавицу. Совсѣмъ безнадежно влюбленъ въ нее бѣдный неудачникъ дядя Ваня. Чудной въ художественномъ отношеніи сценой открывается второе дѣйствіе пьесы и я съ удовольствіемъ привелъ бы его цѣликомъ, но, сберегая мѣсто, ограничусь лишь разговоромъ великолѣпнаго профессора со своей молодой женой:

Серебряковъ. Когда я постарѣлъ, я сталъ себѣ противенъ. Да и вамъ всѣмъ должно быть противно на меня смотрѣть.

Елена Андреевна. Ты говоришь о своей старости такимъ тономъ, какъ будто всѣ мы виноваты, что ты старъ.

Серебряковъ. Тебѣ же первой я противенъ.

[Елена Андреевна отходитъ и садится поодаль].

Серебряковъ. Конечно, ты права. Я не глупъ и понимаю. Ты молода, здорова, красива, жить хочешь, а я старикъ, почти трупъ. Что жъ? Развѣ я не понимаю? И, конечно, глупо, что я до сихъ поръ живъ. Но погодите, скоро я освобожу васъ всѣхъ. Недолго мнѣ еще придется тянуть.

Елена Андреевна. Я изнемогаю... Бога ради молчи.

Серебряковъ. Выходитъ такъ, что, благодаря мнѣ, всѣ изнемогли, скучаютъ, губятъ свою молодость, одинъ только я наслаждаюсь жизнью и доволенъ. Ну, да, конечно!

Елена Андреевна. Замолчи! Ты меня замучилъ!

Серебряковъ. Я всѣхъ замучилъ. Конечно.

Елена Андреевна [сквозь слезы]. Невыносимо! Скажи, что ты хочешь отъ меня?

Серебряковъ. Ничего.

Елена Андреевна. Ну, такъ замолчи. Я прошу.

Серебряковъ. Странное дѣло: заговоритъ Иванъ Петровичъ или эта старая идіотка, Марья Васильевна,—и ничего, всѣ слушаютъ, но скажи я хоть одно слово, какъ всѣ начинаютъ чувствовать себя несчастными. Даже голосъ мой противенъ. Ну, допустимъ, я противенъ, я эгоистъ, я деспотъ,—но неужели я даже въ старости не имѣю нѣкотораго права на эгоизмъ? Неужели я не заслужилъ? Неужели же, я спрашиваю, я не имѣю права на покойную старость, на вниманіе къ себѣ людей?

Елена Андреевна. Никто не оспариваетъ у тебя твоихъ правъ [окно хлопаетъ отъ вѣтра]. Вѣтеръ поднимается, я закрою окно... Сейчасъ будетъ дождь. Никто у тебя твоихъ правъ не оспариваетъ.

Серебряковъ. Всю жизнь работать для науки, привыкнуть къ своему кабинету, своей аудиторіи, къ почтеннымъ товарищамъ—и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, очутиться въ этомъ склепѣ, каждый день видѣть тутъ глупыхъ людей, слушать ничтожные разговоры... Я хочу жить, люблю успѣхъ, люблю извѣстность, шумъ, а тутъ—какъ въ ссылкѣ. Каждую минуту тосковать о прошломъ, слѣдить за успѣ-

хами другихъ, бояться смерти... Не могу! Нѣтъ силъ. А тутъ еще не хотятъ простить мнѣ моей старости.

Елена Андреевна. Погоди. Имѣй терпѣніе: черезъ пять-шесть лѣтъ и я буду стара.

Не правда ли превосходно выдержанная сцена, послѣ которой съ какимъ-то ужасомъ спрашиваешь себя: какъ, да неужели же такому истукану, такому бездушному истукану, который къ тому же глупъ и не отъ подагры даже, а просто волею Божіей глупъ—отдаютъ свои силы, свою жизнь и Елена Андреевна, и дядя Ваня, и Соня? Да что это за притча такая, что за навожденіе? Гипнозъ? Но изъ трехъ рабовъ только дядя Ваня, какъ рабъ по преимуществу, подверженъ ему; остальныя отъ него въ большей или меньшей степени свободны. Тутъ большая психологическая загадка.

Наконецъ, великолѣпному профессору приходитъ въ голову мысль, что ему надо отправиться на новое лѣченіе, такъ какъ въ деревнѣ таланты его остаются втунѣ. Не колеблясь, онъ задумываетъ продать имѣніе и созываетъ для объясненія своей воли семейныхъ. Происходитъ центральная сцена всей пьесы, одна изъ лучшихъ и сильнѣйшихъ современнаго драматическаго репертуара.

Войницкій (дядя Ваня). Постой. Мнѣ кажется, что мнѣ измѣняетъ мой слухъ. Повтори, что ты сказалъ.

Серебряковъ. Деньги обратить въ процентныя бумаги и на излишекъ, какой останется, купить дачу въ Финляндіи.

Войницкій. Не Финляндія... Ты еще что-то другое сказалъ.

Серебряковъ. Я предлагаю продать имѣніе.

Войницкій. Вотъ это самое. Ты продаешь имѣніе, превосходно, богатая идея. А куда же дѣваться мнѣ со старухой-матерью и вотъ съ Соней?

Серебряковъ. Все это своевременно мы обсудимъ. Не сразу же.

Войницкій. Постой. Очевидно, до сихъ поръ у меня не было ни капли здраваго смысла. До сихъ поръ я имѣлъ глупость думать, что это имѣніе принадлежитъ Сонѣ. Мой покойный отецъ купилъ это имѣніе въ приданое для моей сестры. До сихъ поръ я былъ наивенъ, понималъ законы не по-турецки и думалъ, что имѣніе отъ сестры перешло къ Сонѣ.

Серебряковъ. Да, имѣніе принадлежитъ Сонѣ. Кто споритъ? Безъ согласія Сони я не рѣшусь продать его. Къ тому же я предполагаю сдѣлать это для блага Сони.

Войницкій. Это непостижимо, непостижимо! Или я съ ума сошелъ, или... или...

Марія Васильевна. Жанъ, не противорѣчь Александру. Вѣрь, онъ лучше насъ знаетъ, что хорошо и что дурно.

Войницкій. Нѣтъ, дайте мнѣ воды [пьетъ воду]. Говорите, что хотите, что хотите!

Серебряковъ. Я не понимаю, отчего ты волнуешься. Я не говорю, что мой проектъ идеаленъ. Если всѣ найдутъ его негоднымъ, то я не буду настаивать [пауза].

Войницкій. Имѣніе чисто отъ долговъ и не разстрачено только благодаря

моимъ личнымъ усиліямъ. И вотъ, когда я сталъ старъ, меня хотятъ выгнать отсюда въ шею!..

Серебряковъ. Я не понимаю, чего ты добиваешься!

Войницкій. 25 лѣтъ я управлялъ этимъ имѣніемъ, работалъ, высылалъ тебѣ деньги, какъ самый добросовѣстный приказчикъ, и за все время ты ни разу не поблагодарилъ меня. Все время—и въ молодости, и теперь—я получалъ отъ тебя жалованья пятьсотъ рублей въ годъ—нищенскія деньги!—и ты ни разу не догадался прибавить мнѣ хоть одинъ рубль!

Серебряковъ. Иванъ Петровичъ, почемъ же я зналъ? Я человѣкъ не практическій и ничего не понимаю. Ты могъ бы самъ прибавить себѣ сколько угодно.

Войницкій. Зачѣмъ я не кралъ? Отчего вы всѣ не презираете меня за то, что я не кралъ? Это было бы справедливо и теперь я не былъ бы нищимъ!

Марія Васильевна [строго]. Жанъ!

Телѣгинъ [волнуясь]. Ваня, дружочекъ, не надо, не надо... я дрожу... Зачѣмъ портить хорошія отношенія? [цѣлуетъ его]. Не надо.

Войницкій. Двадцать пять лѣтъ я вотъ съ этою матерью, какъ кротъ, сидѣлъ въ четырехъ стѣнахъ... Всѣ наши мысли и чувства принадлежали тебѣ одному. Днемъ мы говорили о тебѣ, о твоихъ работахъ, гордились тобою, съ благоговѣніемъ произносили твое имя; ночи мы губили на то, что читали журналы и книги, которыя я теперь глубоко презираю!

Телѣгинъ. Не надо, Ваня, не надо... Не могу...

Серебряковъ [гнѣвно]. Не понимаю, что тебѣ нужно?

Войницкій. Ты для насъ былъ существомъ высшаго порядка, а твои статьи мы знали наизусть... Но теперь у меня открылись глаза! Я все вижу! Пишешь ты объ искусствѣ, но ничего не понимаешь въ искусствѣ! Всѣ твои работы, которыя я любилъ, не стоятъ гроша мѣднаго! Ты морочилъ насъ!

Серебряковъ. Господа! Да уймите же его, наконецъ! Я уйду!

Елена Андреевна. Иванъ Петровичъ, я требую, чтобы вы замолчали! Слышите?

Войницкій. Не замолчу! [загораживая Серебрякову дорогу]. Постой, я не кончилъ! Ты погубилъ мою жизнь! Я не жилъ, не жилъ! По твоей милости, я истребилъ, уничтожилъ лучшіе годы своей жизни! Ты мой злѣйшій врагъ!

Телѣгинъ. Я не могу... не могу... Я уйду... [въ сильномъ волненіи уходитъ].

Серебряковъ. Что ты хочешь отъ меня? И какое ты имѣешь право говорить со мною такимъ тономъ? Ничтожество! Если имѣніе твое, то бери его, я не нуждаюсь въ немъ!

Елена Андреевна. Я сію же минуту уѣзжаю изъ этого ада! [кричитъ]. Я не могу дольше выносить!

Войницкій. Пропала жизнь! Я талантливъ, уменъ, смѣлъ... Если бы я жилъ нормально, то изъ меня могъ бы выйти Шопенгауэръ, Достоевскій... Я зарапортовался! Я съ ума схожу... Матушка, я въ отчаяніи! Матушка!

Марія Васильевна [строго]. Слушайся Александра!

Эта сцена легко можетъ показаться читателю странной. Дядя Ваня захлебывается, говоритъ глупости и ведетъ себя какъ сумасшедшій. Но при чтеніи пьесы никакого страннаго впечатлѣнія не получается. Дядя Ваня — возмутившійся рабъ, собака, до крови выпоротая и оскалившая зубы на своего хозяина. Вся сцена— истерическій припадокъ человѣка, вдругъ почувствовавшаго всю тяжесть цѣпей и язвы, оставленныя ими на его тѣлѣ. Это мгновенный порывъ послѣ того, какъ вопросъ: „да на кого же, да на что же истратилъ я свою жизнь“?—вошелъ въ сознаніе человѣка. И этотъ вопросъ наполнилъ его ужасомъ и злобой.

Дядя Ваня говоритъ глупости и о сюртукахъ, и о конопляномъ маслѣ, и объ отказѣ отъ имѣнія, и о выплаченныхъ долгахъ... Совсѣмъ другое его интересуетъ и не трудно видѣть, что моментомъ, опредѣлившимъ его самосознаніе, была его неудачная любовь къ женѣ великолѣпнаго профессора. Безъ этой любви онъ продолжалъ бы зубрить статьи объ искусствѣ и питаться кашей на конопляномъ маслѣ. Но будь онъ хладнокровнѣе, онъ просто спросилъ бы великолѣпнаго профессора: „кто ты такой, чтобы всѣми здѣсь распоряжаться; что есть въ тебѣ кромѣ осиноваго самодовольства, что подчинило насъ“?..

Дядя Ваня—идеалистъ, сколокъ стараго идеализма съ новыми болѣзненными наслоеніями. Онъ всегда страдалъ жаждой самопожертвованія и ему казалось, что, отдавши свою жизнь успѣхамъ науки и ихъ живому воплощенію въ лицѣ идіота Серебрякова, онъ совершитъ нѣчто существенное. Онъ до того загипнотизировалъ себя этой идеей, что ничто до самаго рѣшительнаго момента не могло даже пробудить его къ дѣйствительности. „Не правда ли, превосходный ананасъ?“—спрашиваетъ гипнотизеръ у паціента, давая ему жевать картофельную шелуху. „О, да— превосходнѣйшій, сочный, ароматный“,—отвѣчаетъ паціентъ, съ наслажденіемъ жуя всякую дрянь... „Не правда ли, васъ заинтересовала моя послѣдняя статья о пяткѣ Венеры Милосской“?—спрашиваетъ Серебряковъ у дяди Вани... „О, да!“—и несчастный человѣкъ идетъ въ свою комнату, чтобы вызубрить статью наизусть.

Но, конечно, чтобы такъ легко и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ радостно подчиниться гипнозу—надо быть рабомъ по своей натурѣ, надо страдать и полнымъ отсутствіемъ критики (черта чисто русская) и дефектомъ воли.

Какъ и слѣдовало ожидать, сумасбродство дяди Вани закончилось однимъ взрывомъ. Правда, потомъ онъ пытался и застрѣлиться, и отравиться, но кончилось дѣло тѣмъ, что бѣдный рабъ снова согнулъ свою спину надъ конторскими счетами, утерявшими уже въ глазахъ его всякій смыслъ. Да и вся жизнь утеряла всякій смыслъ, и напрасно старается возстановить его въ заключительной сценѣ Соня—тоже экзальтированно-самоотверженная натура.

Дядя Ваня [Сонѣ, проведя рукою по ея волосамъ]. Дитя мое, какъ мнѣ тяжело! О, если бы ты знала, какъ мнѣ тяжело!

Соня. Что же дѣлать, надо жить! [Пауза]. Мы, дядя Ваня, проживемъ длинный, длинный рядъ дней, долгихъ вечеровъ; будемъ терпѣливо сносить испытанія, какія пошлетъ намъ судьба; будемъ трудиться для другихъ и теперь, и въ старости, не зная покоя, а когда наступитъ нашъ часъ, мы покорно умремъ и тамъ за гробомъ мы скажемъ, что мы страдали, что мы плакали, что намъ было горько, и Богъ

сжалится надъ нами, и мы съ тобою, дядя, милый дядя, увидимъ жизнь свѣтлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и на теперешнія наши несчастья оглянемся съ умиленіемъ, съ улыбкой—и отдохнемъ. Я вѣрую, дядя, я вѣрую горячо, страстно... [становится передъ нимъ на колѣни и кладетъ голову на его руки; утомленнымъ голосомъ]. Мы отдохнемъ!

[Телѣгинъ тихо играетъ на гитарѣ].

Соня. Мы отдохнемъ! Мы услышимъ ангеловъ, мы увидимъ все небо въ алмазахъ, мы увидимъ, какъ все зло земное, всѣ наши страданія потонутъ въ милосердіи, которое наполнитъ собою весь міръ, и наша жизнь станетъ тихою, нѣжною, сладкою, какъ ласка. Я вѣрую, вѣрую... [вытираетъ ему платкомъ слезы]. Бѣдный, бѣдный дядя Ваня, ты плачешь... [сквозь слезы]. Ты не зналъ въ своей жизни радостей, но погоди, дядя Ваня, погоди... Мы отдохнемъ... [обнимаетъ его]. Мы отдохнемъ!

[Стучитъ сторожъ].

[Телѣгинъ тихо наигрываетъ; Марія Васильевна пишетъ на поляхъ брошюры; Марина вяжетъ чулокъ].

Соня. Мы отдохнемъ!

Занавѣсъ медленно опускается.

Надъ чѣмъ? Надъ невыплаканными слезами, надъ загубленною жизнью...

Если бы не тонъ пьесы, тонъ, въ которомъ слышатся слезы и жалость,—можно было бы всю эту пьесу принять за сатиру на самопожертвованіе. Дядя Ваня, Соня, Елена Андреевна—какіе-то дикари, питающіе своей кровью деревяннаго истукана, истекающіе уже отъ крови и готовые въ какомъ-то экстазѣ наносить себѣ все новые и новые удары.

Но совсѣмъ не сатиру писалъ Чеховъ, а драму, въ которой лучше, чѣмъ въ какой-нибудь другой его пьесѣ, отразилась вся растерянность міросозерцанія породившей его эпохи, вся глубина ея тоскливаго пессимизма и невѣрія, вся испуганность передъ дѣйствительностью — этой паутиной изъ миріады случайностей и неразгаданныхъ тайнъ.

Человѣкъ не удовлетворенъ жизнью, но онъ склонился передъ ней, потому что всякая вѣра въ себя, въ свои силы, въ возможность сдѣлать что-нибудь исчезла въ душѣ его. И онъ чувствуетъ себя слабымъ и растеряннымъ и надѣваетъ первое попавшееся ярмо, чтобы не страдать ужаснѣйшимъ изъ страданій — муками одиночества...

Не все ли равно, какое ярмо надѣть на себя? Развѣ между однимъ ярмомъ и другимъ есть какая-нибудь разница? И чѣмъ хуже или лучше Серебряковъ другихъ Серебряковыхъ, всякой серебряковщины вообще?

Въ одномъ изъ самыхъ послѣднихъ своихъ разсказовъ „Крыжовникѣ“ Чеховъ говоритъ то же самое, что и въ „Дядѣ Ванѣ“: смысла жизни нѣтъ, счастья нѣтъ и не должно быть, есть что-то роковое въ торжествѣ пошлости и тупого самодовольства... но, все же, нужно добро, нужно самопожертвованіе.

Содержаніе его очень просто. Крошечный канцелярскій служитель задумалъ во что бы то ни стало стать хотя бы подъ старость помѣщикомъ, и десятки лѣтъ

откладываетъ копейку къ копейкѣ. Мечталъ онъ о разныхъ сельскихъ идилліяхъ, но во всѣ его разнообразныя мечты о грядущемъ благополучіи, какъ необходимый элементъ, входилъ кустъ крыжовника. „Онъ чертилъ планъ своего имѣнія, и всякій разъ у него на планѣ получалось одно и то же: a) барскій домъ, b) людская, c) огородъ, d) крыжовникъ“. Наконецъ, блаженныя мечты осуществились. „Перемѣна жизни къ лучшему, сытость, праздность развиваютъ въ русскомъ человѣкѣ самомнѣніе самое наглое. Николай Ивановичъ, который когда-то въ палатѣ боялся даже для себя лично имѣть собственные взгляды, теперь говорилъ однѣ только истины, и такимъ тономъ, точно министръ: „образованіе необходимо, но для народа оно преждевременно; тѣлесныя наказанія вообще вредны, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ они полезны и даже необходимы“. Онъ былъ совсѣмъ счастливъ. Вечеромъ, когда мы пили чай, кухарка подала къ столу полную тарелку крыжовнику. Николай Ивановичъ засмѣялся и минуту смотрѣлъ на крыжовникъ полными слезъ глазами, положилъ въ ротъ одну ягоду, поглядѣлъ на меня съ торжествомъ ребенка и сказалъ: „какъ вкусно“. Было жестко и кисло.

„Особенно тяжело было ночью. Мнѣ постлали постель въ комнатѣ рядомъ съ спальней брата, и мнѣ было слышно, какъ онъ не спалъ и какъ вставалъ и подходилъ къ тарелкѣ съ крыжовникомъ и бралъ по ягодкѣ. Я соображалъ: какъ, въ сущности, много довольныхъ, счастливыхъ людей! Какая это подавляющая сила“!

И здѣсь, въ „Крыжовникѣ“, какъ и повсюду у Чехова, торжество пошлости и тупого самодовольства, и тутъ счастье, заключающееся въ кругозорѣ, ограниченномъ фразами о тѣлесномъ наказаніи и собственнымъ крыжовникомъ! А что же для тѣхъ, кто больше и выше? Тѣмъ Чеховъ не даетъ счастья и представляетъ однѣ неудачи. Прекрасно выразился одинъ изъ его героевъ:

— „Павелъ Константинычъ, — проговорилъ онъ умоляющимъ голосомъ, — не успокаивайтесь, не давайте усыплять себя, дѣлайте добро! Пока молоды, сильны, бодры, не уставайте дѣлать добро! Счастья нѣтъ и не должно быть, а есть жизнь, и если она имѣетъ смыслъ и цѣль, то смыслъ этотъ и цѣль вовсе не въ нашемъ счастьи, а въ чемъ-то болѣе разумномъ и великомъ. Есть жизнь, есть нравственный законъ, высшій для насъ законъ... Дѣлайте добро“!

Во истину это какой-то героическій пессимизмъ, какъ у Ибсена, какъ и у Ницше—этихъ двухъ властителей душъ 80-хъ годовъ... Добро—для добра, жертва—для жертвы подъ санкціей условнаго „если жизнь имѣетъ смыслъ и цѣль“... а то и совсѣмъ „безъ ничего“...

VII.

Перехожу къ „Чайкѣ“. Это тоже интересная пьеса.

Въ центрѣ ея стоятъ двѣ фигуры—одна, сравнительно поддающаяся сценической обработкѣ—фигура героини Нины, наивной и экзальтированной провинціалки, галлюцинирующей славой, вѣнками и апплодисментами; другая—требующая отъ актера очень и очень большой вдумчивости. Это фигура Треплева. Исполнитель его роли имѣетъ дѣло съ интеллигентнымъ самолюбцемъ, который много и

много скрываетъ въ себѣ, очень неохотно выставляетъ на показъ свои душевныя муки, не произноситъ ни одного монолога... Какъ бы символизируя эту черту его характера, эту стыдливость и застѣнчивость, Чеховъ заставляетъ своего героя даже застрѣлиться за сценой, а не на глазахъ зрителей.

Треплевъ—сынъ извѣстной провинціальной актрисы, которую онъ самъ очень мѣтко характеризуетъ, говоря: „Моя мать—психологическій курьезъ. Безспорно талантлива, умна, способна рыдать надъ каждой книжкой, отхватить себѣ всего Некрасова наизусть, за больными ухаживаетъ какъ ангелъ, но попробуй похвалить при ней Дузе! Ого-го! Нужно хвалить только ее одну, нужно писать о ней, кричать, восторгаться ея необыкновенной игрой въ „Dame aux camelias“, или въ „Чадѣ жизни“, но такъ какъ здѣсь въ деревнѣ нѣтъ этого дурмана, то вотъ она скучаетъ, злится, и всѣ мы ея враги, всѣ мы виноваты; затѣмъ она суевѣрна, боится трехъ свѣчей, тринадцатаго числа. Она скупа. У нея въ Одессѣ, въ банкѣ, семьдесятъ тысячъ—это я знаю навѣрное. А попроси у нея взаймы, она станетъ плакать“.

По этой „жестокой“ характеристикѣ можно было бы подумать, что Треплевъ видитъ свою мать насквозь и очень мало ее любитъ. На самомъ дѣлѣ это совсѣмъ не такъ: любитъ онъ ее страстно, но онъ до глубины души обиженъ ея постояннымъ невниманіемъ и холодностью съ себѣ. Мать забросила его въ деревню къ дядѣ, не думаетъ и даже не вспоминаетъ о немъ, если только онъ не на глазахъ у нея. Возлѣ сцены и амурныхъ приключеній сосредоточивается вся ея жизнь, и какое ей дѣло до сына, до его неудовлетвореннаго самолюбія и тоски? Разъ навсегда признала она его человѣкомъ безъ дарованія, хотя и съ претензіями, неудачникомъ, и, какъ всякая сила, считаетъ себя въ правѣ относиться къ нему — воплощенной слабости—полупрезрительно и насмѣшливо. Каждымъ своимъ словомъ она старается унизить его, хотя дѣлаетъ это не по жестокости, а только по легкомыслію. Его страстной любви къ себѣ она какъ будто не замѣчаетъ: въ сущности такая любовь и не нужна ей, такъ какъ она не волнуетъ ее и не даетъ никакихъ сильныхъ ощущеній. И немудрено, что Треплевъ ожесточается порою, и въ одну изъ такихъ минутъ ожесточенія мы только что слышали его. Вѣдь онъ тоже „сынъ своей матери“ и унаслѣдовалъ все ея самолюбіе.

„Я люблю мать,—продолжаетъ онъ,—сильно люблю; но она ведетъ безтолковую жизнь, вѣчно носится съ этимъ беллетристомъ, имя ея постоянно треплютъ въ газетахъ—и это меня утомляетъ, иногда же просто во мнѣ говоритъ эгоизмъ обыкновеннаго смертнаго; бываетъ жаль, что у меня мать извѣстная актриса, и, кажется, будь это обыкновенная женщина, то я былъ бы счастливѣе. Дядя, что можетъ быть отчаяннѣе и глупѣе положенія: бывало, у нея сидятъ въ гостяхъ сплошь все знаменитости, артисты и писатели, и между ними только одинъ я — никто, и меня терпятъ только потому, что я ея сынъ. Кто я? что я? Вышелъ изъ третьяго курса университета по обстоятельствамъ, какъ говорится, отъ редакціи независящимъ, никакихъ талантовъ, денегъ ни гроша, а по паспорту я—кіевскій мѣщанинъ. Мой отецъ вѣдь кіевскій мѣщанинъ, хотя даже былъ извѣстнымъ актеромъ. Такъ вотъ, когда, бывало, въ ея гостиной всѣ эти артисты и писатели обращали на

меня свое милостивое вниманіе, то мнѣ казалось, что своими взглядами они измѣряли меня,—я угадывалъ ихъ мысли и страдалъ отъ униженія"...

Самолюбіе Треплева особенное, такъ сказать, квалифицированное. Онъ чувствуетъ себя униженнымъ и оскорбленнымъ; какой-то внутренній голосъ постоянно твердитъ ему: „въ тебѣ есть силы, много силъ", но добиться ихъ признанія онъ пока не въ состояніи: что-то роковое и стихійное повергло его въ ничтожество, затоптало его въ грязь, властно захлопнуло передъ нимъ всѣ двери, ведущія къ славѣ и счастью; онъ напрасно стучится въ нихъ: повидимому, двери заперты наглухо. Ни одно изъ двухъ діаметрально-противоположныхъ чувствъ, наполняющихъ его измученную душу,—ни честолюбіе, ни преданность не находятъ себѣ удовлетворенія. Онъ жаждетъ материнской ласки, а ему отвѣчаютъ презрительной холодностью; какъ всякій самолюбецъ, онъ ищетъ власти надъ жизнью, и вмѣсто этого жизнь властвуетъ надъ нимъ, не признавая его, не считаясь съ его волей, и идетъ своимъ ходомъ, издали маня и чаруя, быть можетъ, обманчивыми, но все же блестящими огнями.

Во что бы то ни стало онъ хочетъ „выбиться". Какъ натура художественная, онъ обращается къ искусству, какъ самолюбецъ, онъ хочетъ произвести въ немъ полный переворотъ. Прежнія формы устарѣли, ихъ надо отбросить какъ ветошь. Онъ не признаетъ современнаго театра съ его стремленіемъ изображать дѣйствительность и жизнь, какъ она есть. Онъ думаетъ, что жизнь надо изображать не такъ, какъ она есть въ дѣйствительности, а какъ она представляется въ мечтахъ. Онъ сочиняетъ маленькую символическую пьеску, которую и ставитъ на домашней сценѣ.

Во время представленія происходитъ маленькая характерная сцена: Треплевъ замѣчаетъ, что собранныя имъ лица (между ними и мать) начинаютъ во время представленія шептаться и болтать о постороннихъ предметахъ. Онъ выходитъ изъ себя и приказываетъ немедленно же опустить занавѣсъ и убѣгаетъ въ темень сада, чтобы выплакать это новое горе.

Но вы жестоко ошибаетесь, если по всѣмъ этимъ чертамъ и штрихамъ станете считать его самолюбцемъ и только. Не столько ради удовлетворенія тщеславія нужны ему и апплодисменты и слава, а чтобы поднять униженное свое человѣческое достоинство, чтобы быть дѣйствительно равнымъ съ равными, чтобы заслужить признаніе, что и ты — человѣкъ...

А неудачи продолжаютъ сыпаться на его бѣдную голову:

Онъ любитъ Нину, дочь сосѣда-помѣщика, наивную экзальтированную дѣвушку, мечтающую о карьерѣ актрисы, о славѣ и апплодисментахъ. Сначала она какъ будто отвѣчаетъ взаимностью, но стоитъ только на горизонтѣ мирной и захолустной деревенской жизни появиться такому свѣтилу, какъ извѣстный литераторъ Тригоринъ, и дѣтская привязанность Нины исчезаетъ. Она ѣдетъ за нимъ въ Москву и тамъ— старая исторія: Тригоринъ, конечно, скоро разлюбилъ ее, бросилъ, вернувшись къ прежнимъ привязанностямъ, и бѣдная дѣвочка съ ребенкомъ на рукахъ обречена на грустную участь третьеразрядной провинціальной актрисы. Здѣсь надо отмѣтить одну любопытную черту, быть можетъ даже черточку: Треплевъ прекрасно

видитъ съ самой же первой минуты, что Тригоринъ ухаживаетъ за Ниной и что та, въ свою очередь, сильно увлекается имъ. Но онъ не думаетъ даже вступать въ борьбу за женщину, безъ которой, по его же собственнымъ словамъ, онъ „не можетъ жить". Онъ просто отстраняется, затаиваетъ глубоко въ душѣ всѣ страданія, молчитъ, избѣгаетъ встрѣчъ, даетъ всему роману дойти до конца и ничѣмъ, ничѣмъ не вмѣшивается: онъ только пробуетъ застрѣлиться, но неудачно. Отчасти онъ слишкомъ самолюбивъ, чтобы бороться за Нину, отчасти онъ сознаетъ себя слишкомъ уже приниженнымъ.

Онъ видитъ себя въ положеніи приговореннаго къ смерти, но хочетъ, чтобы все кончилось какъ можно скорѣе, чтобы исчезла всякая надежда. Часто въ полномъ мракѣ жизни человѣкъ находитъ больше утѣшенія и покоя, чѣмъ въ обманчивомъ, тревожномъ полусвѣтѣ...

Какъ бы то ни было, онъ остается одинъ, совершенно одинъ, и, переломивъ себя огромнымъ усиліемъ воли, принимается за работу. Онъ начинаетъ писать разсказы и повѣсти, и, какъ бы насмѣхаясь надъ нимъ, жизнь посылаетъ ему успѣхъ. Его печатаютъ, его читаютъ, о немъ говорятъ, но успѣхъ явился слишкомъ поздно, чтобы залѣчить прежнія глубокія раны. Нину онъ любитъ попрежнему, съ тою же страстью, съ тою же преданностью, но Нина гдѣ-то далеко отъ него. Онъ, впрочемъ, слѣдитъ за нею и знаетъ даже, что въ эту минуту (4-й актъ пьесы) она въ ближайшемъ городишкѣ на постояломъ дворѣ, больная отъ горя и неудачъ, съ больнымъ ребенкомъ, почти нищая.

Нина является къ нему совершенно неожиданно, ночью. Происходитъ сцена, одна изъ самыхъ сильныхъ сценъ пьесы:

Треплевъ [растроганный]. Нина! Нина! Это вы... вы... Я точно предчувствовалъ, весь день душа моя томилась ужасно [снимаетъ съ нея шляпу и тальму]. О, моя добрая, моя ненаглядная, она пришла! Не будемъ плакать, не будемъ.

Нина. Здѣсь есть кто-то.

Треплевъ. Никого.

Нина. Заприте двери, а то войдутъ.

Треплевъ. Никто не войдетъ.

Нина. Я знаю, Ирина Николаевна здѣсь. Заприте двери...

Треплевъ [запираетъ правую дверь на ключъ, подходитъ къ лѣвой]. Тутъ нѣтъ замка. Я заставлю кресломъ [ставитъ у двери кресло]. Не бойтесь, никто не войдетъ.

Нина [пристально глядитъ ему въ лицо]. Дайте, я посмотрю на васъ [оглядываясь]. Тепло, хорошо... Здѣсь тогда была гостиная. Я сильно измѣнилась?

Треплевъ. Да... Вы похудѣли и у васъ глаза стали больше. Нина, какъ-то странно, что я вижу васъ. Отчего вы не пускали меня къ себѣ? Отчего вы до сихъ поръ не приходили? Я знаю, вы здѣсь живете уже почти недѣлю. Я каждый день ходилъ къ вамъ, по нѣскольку разъ стоялъ у васъ подъ окномъ, какъ нищій.

Нина. Я боялась, что вы меня ненавидите. Мнѣ каждую ночь все снится, что вы смотрите на меня и не узнаете. Если бы вы знали! Съ самаго пріѣзда я все ходила тутъ... около озера. Около вашего дома была много разъ и не рѣшалась войти. Давайте сядемъ [садятся]. Сядемъ и будемъ говорить, говорить. Хорошо здѣсь:

тепло, уютно... Слышите—вѣтеръ? У Тургенева есть мѣсто: „Хорошо тому, кто въ такія ночи сидитъ подъ кровомъ дома, у кого есть теплый уголокъ“. Я — чайка... Нѣтъ, не то [третъ себѣ лобъ]. О чемъ я? Да... Тургеневъ... „И да поможетъ Господь всѣмъ безпріютнымъ скитальцамъ“... Ничего [рыдаетъ].

Треплевъ. Нина, вы опять... Нина!

Нина. Ничего, мнѣ легче отъ этого... Я уже два года не плакала. Вчера поздно вечеромъ я пошла посмотрѣть въ саду, цѣлъ ли нашъ театръ. А онъ до сихъ поръ стоитъ. Я заплакала въ первый разъ послѣ двухъ лѣтъ и у меня отлегло, стало яснѣе на душѣ. Видите, я уже не плачу [беретъ его за руку]. И такъ, вы стали уже писателемъ... Вы — писатель, я — актриса... Попали и мы съ вами въ круговоротъ... Жила я радостно, по-дѣтски—проснешься утромъ и запоешь; любила васъ, мечтала о славѣ, а теперь? Завтра рано утромъ ѣхать въ Елецъ въ третьемъ классѣ... съ мужиками, а въ Ельцѣ образованные купцы будутъ приставать съ любезностями. Груба жизнь!

Треплевъ говоритъ ей, что не переставалъ ее любить, что любитъ ее попрежнему. Опять призракъ возможнаго личнаго счастья мелькаетъ передъ нимъ, даже въ образѣ этой несчастной полусумасшедшей дѣвушки! Вѣдь въ душѣ онъ добръ, безконечно добръ: онъ нашелъ бы въ себѣ силы простить случайный грѣхъ и заблужденіе, забыть прежнія муки, вдохнуть новую жизнь въ обездоленное существо.

Нина рѣшительно отказывается. Въ эту минуту она почти бредитъ:

Нина. Зачѣмъ вы говорите, что цѣловали землю, по которой я ходила? Меня надо убить [склоняется къ столу]. Я такъ утомилась! Отдохнуть бы... отдохнуть! [поднимаетъ голову]. Я—чайка... Не то. Я—актриса. Ну, да! [услышавъ смѣхъ Аркадиной и Тригорина, прислушивается, потомъ бѣжитъ къ лѣвой двери и смотритъ въ замочную скважину]. И онъ здѣсь... [возвращаясь къ Треплеву]. Ну, да... Ничего... Да...

„Онъ не вѣрилъ въ театръ, все смѣялся надъ моими мечтами, и мало-по-малу я тоже перестала вѣрить и пала духомъ... А тутъ заботы любви, ревность, постоянный страхъ за маленькаго... Я стала мелочною, ничтожною, играла безсмысленно... Я не знала, что дѣлать съ руками, не умѣла стоять на сценѣ, не владѣла голосомъ. Вы не понимаете этого состоянія, когда чувствуешь, что играешь ужасно. Я—чайка. Нѣтъ не то. Помните, вы подстрѣлили чайку? Случайно пришелъ человѣкъ, увидѣлъ и отъ нечего дѣлать погубилъ... Сюжетъ для небольшого разсказа... Это не то... [третъ себѣ лобъ]. О чемъ я?.. Я говорю о сценѣ. Теперь ужъ я не такъ... Я уже настоящая актриса, я играю съ наслажденіемъ, съ восторгомъ, пьянѣю на сценѣ и чувствую себя прекрасной. А теперь, пока живу здѣсь, я все хожу пѣшкомъ, все хожу и думаю, думаю и чувствую, какъ съ каждымъ днемъ растутъ мои душевныя силы... Я теперь знаю, понимаю, Костя, что въ нашемъ дѣлѣ все равно, играемъ мы на сценѣ или пишемъ—главное ни слава, ни блескъ, не то, о чемъ я мечтала, а умѣнье терпѣть. Умѣй нести свой крестъ и вѣруй. Я вѣрую, и мнѣ не такъ больно, и когда я думаю о своемъ призваніи, то не боюсь жизни“...

Нина уходитъ. Треплевъ бросается къ своему письменному столу, рветъ рукописи и потомъ застрѣливается. Онъ понялъ, что теперь для него дѣйствительно все кончено, такъ какъ всю свою жизнь, по примѣру дяди Вани, былъ рабомъ „никого“ и ничего...

VIII.

Въ „Ивановѣ“ мы видимъ тоже неудачника, съ тѣми чертами характера, которыя Чеховъ настойчиво придаетъ этому типу,—самоотверженностью и такимъ глубокимъ сознаніемъ своего собственнаго ничтожества и ненужности, что оно заставляетъ Иванова застрѣлиться, какъ заставило сдѣлать то же Треплева, а бѣднаго дядю Ваню усадило за подсчетъ пшена и конопляннаго масла.

Пьеса „Ивановъ“ возбудила особенную антипатію г-на Михайловскаго и онъ назвалъ ее „идеализаціей сѣренькой, тусклой жизни“. Въ ней, замѣчу, есть все, что угодно, кромѣ того, что своевременно указалъ г. Михайловскій.

Ивановъ—нейрастеникъ и, какъ больной человѣкъ, часто непріятенъ. Опозорить его какъ работника—очень легко. Когда-то, въ дни моей юности, я писалъ по поводу этого „не-героя“:

„Ивановъ не только неудачникъ, онъ, хуже того, нытикъ, который всѣмъ и каждому готовъ раскрыть душу свою и разъяснить съ полной обстоятельностью, что онъ дожилъ до полнаго равнодушія, что въ сердцѣ у него — торричелліева пустота, что онъ ничего и никого не любитъ и т. д. Ивановъ такъ много ноетъ, что мнѣ, по крайней мѣрѣ, онъ кажется надоѣдливымъ, и хотя всѣ говорятъ, что онъ уменъ, я—простите—рѣшительно не вѣрю этому. Дѣйствительно умный человѣкъ не станетъ ежемгновенно говорить о своей тоскѣ и своихъ страданіяхъ: онъ сумѣетъ уйти въ себя, замкнуться въ своихъ мукахъ, быть можетъ, даже уйдетъ въ монастырь, въ интеллигентную колонію, застрѣлится, наконецъ, — но не станетъ другимъ портить жизнь. Ивановъ, правда, застрѣливается, но уже въ самомъ концѣ пьесы, въ самую крайнюю минуту, передъ тѣмъ, какъ онъ сознательно готовится совершить величайшую пошлость — жениться на молоденькой дѣвушкѣ и сдѣлать ее своей сидѣлкой,—но предварительно цѣлыхъ четыре акта онъ ноетъ. О чемъ? Послушаемъ его, хотя это немножко длинно:

„У меня былъ рабочій Семенъ, котораго ты помнишь. Разъ, во время молотьбы, онъ хотѣлъ похвастать передъ дѣвками своею силой: взвалилъ себѣ на спину два мѣшка ржи и надорвался. Умеръ скоро. Мнѣ кажется, что я тоже надорвался. Гимназія, университетъ, потомъ хозяйство, школы, проекты... Вѣровалъ я не такъ, какъ всѣ, женился не такъ, какъ всѣ, горячился, рисковалъ, деньги свои, самъ знаешь, бросалъ направо и налѣво, былъ счастливъ и страдалъ, какъ никто въ уѣздѣ (!). Все это, Паша, мои мѣшки. Взваливалъ себѣ на спину ношу, а спина-то и треснула. Въ 20 лѣтъ мы всѣ уже герои, за все беремся, все можемъ, а къ тридцати уже утомляемся, никуда не годимся. Чѣмъ, чѣмъ ты объяснишь такую утомляемость? Впрочемъ, можетъ быть, это не то... Не то, не то“!..

„Г. Чеховъ очень серьезно смотритъ на своего героя. Но спросите себя, не пустопорожнія ли слова говоритъ тотъ. Попробуйте изъ его монолога точно и ясно опредѣлить эти „два мѣшка ржи“, взваленныхъ на спину? „Гимназія, университетъ,—говоритъ Ивановъ,—потомъ хозяйство, школы, проекты“. Дѣйствительно, наша гимназія пудиковъ пять вѣсомъ, но, „въ университетѣ, школахъ, хозяйствѣ и проектахъ“—я не нахожу ничего, объясняющаго переутомленіе и усталость „Вѣ-

ровалъ я не такъ, какъ всѣ“,—продолжаетъ онъ,—но какъ именно, мы не знаемъ. „Женился онъ тоже не такъ, какъ всѣ“. Въ этомъ есть крошечная правда: женился онъ на красавицѣ-еврейкѣ, которая беззавѣтно его полюбила. Но что тутъ особеннаго? Посмотрите, однако, какъ настойчиво онъ повторяетъ, что поступалъ, думалъ, вѣрилъ и пр. *не такъ, какъ всѣ*. Слишкомъ ужъ много самолюбія въ этихъ словахъ!“

Отъ этихъ словъ я теперь отказываюсь и я бы не повторилъ ихъ, хотя и другимъ тономъ, если бы мнѣ пришлось писать объ Ивановѣ даже какъ о работникѣ. Но *только* съ этой мѣркой (хотя законность ея неоспорима и сегодня, и вчера, и завтра) очень трудно подходить къ героямъ Чехова: она ихъ не покрываетъ. Чехова интересуетъ прежде всего человѣкъ, а насколько онъ „общественно полезенъ и необходимъ“—это для него „un peu du grecque“. Конечно, Ивановъ слишкомъ много ноетъ, и это непріятно. Но это объясняется его болѣзнью. Конечно, онъ съ безумной неразсчетливостью тратилъ свои средства и силы—но это простительно. Просто жаль въ концѣ концовъ эту жертву времени, жертву глухой и душной жизни...

Какъ бы то ни было вотъ до чего дошелъ Ивановъ: „Я, — говоритъ онъ,— утомился, не вѣрю, въ бездѣльи провожу дни и ночи. Не слушаются ни мозгъ, ни руки, ни ноги. Имѣніе идетъ прахомъ, лѣса трещатъ подъ топоромъ. Ничего я не жду, ничего мнѣ не жаль, душа дрожитъ отъ страха передъ завтрашнимъ днемъ... А исторія съ Саррой (женой)? Клялся въ вѣчной любви, пророчилъ счастье, открывалъ передъ ея глазами будущее, какое не снилось даже ей и во снѣ. Она повѣрила... И что же? Я разлюбилъ ее. Какъ? Почему? За что? Что же со мною? Въ какую пропасть толкаю я себя? Откуда во мнѣ эта слабость? Что сталось съ моими нервами. Стоитъ только больной женѣ уколоть мое самолюбіе или не угодитъ прислуга, или ружье дастъ осѣчку, какъ я становлюсь грубъ, золъ, непохожъ на себя. Просто хоть пулю въ лобъ“... Ясно, все-таки, что у человѣка были идеалы, жилъ Богъ въ душѣ — но гдѣ они, что упразднило ихъ? Ивановъ, очевидно, переутомился. Но отчего переутомился онъ? Оттого ли, что „былъ счастливъ, какъ никто въ уѣздѣ“, оттого ли, что слишкомъ много работалъ, устраивая школы, чиня мосты, слѣдя въ земской больницѣ, чтобы умывальники и мѣдные тазы блестѣли какъ жаръ-птица, или же, наконецъ, что увидѣлъ какъ мала, а пожалуй, и безплодна его работа? Быть можетъ, онъ ошибался преувеличивая и малость, и безплодность своей работы—не въ этомъ дѣло: важно, что тѣмъ или другимъ путемъ онъ пришелъ къ такому печальному выводу. А разъ человѣкъ пришелъ къ нему — пиши пропало, особенно такой человѣкъ какъ Ивановъ, съ его огромнымъ самолюбіемъ, его несомнѣнными талантами. Не спорю: очень вѣроятно, что „Ивановъ захватилъ слишкомъ много дѣла“ — но вѣдь не такое уже это большое преступленіе: его и простить можно. А „свиныя рыла“, окружающія его, какъ и вообще всѣхъ героевъ Чехова, не прощаютъ. Эти „рыла“ радуются, торжествуютъ и развѣ найдетъ среди нихъ усталый, бѣдный человѣкъ хоть каплю участія?

Когда пріятель на монологъ Иванова даетъ реплику: „тебя, братъ, среда заѣла“, — тотъ только брезгливо отмахивается. А напрасно. Только самолюбіе запрещаетъ принять такое объясненіе; для того же, кто хорошо знакомъ съ жизнью

нашей провинціи, особенно же съ захолустьемъ, это „глупое, старое и пошлое“ выраженіе „среда заѣла“ не глупо, не старо и не пошло. Это лишь alte Geschichte, когда, какъ говоритъ Щедринъ: „человѣкъ пылаетъ, а ему — шишъ“.

Какъ бы на зло, по злой прониі жизни — отмѣчать которую, удивительно, какъ любитъ г. Чеховъ — въ дни разыгравшейся нейрастеніи, судьба подвергаетъ Иванова одному испытанію за другимъ. Онъ не выдерживаетъ и стрѣляется.

Все-таки: гдѣ же тутъ идеализація сѣренькой жизни?.. Неужели гибель Иванова это идеализація отсутствія всякихъ идеаловъ?..

IX.

Я не стану разбирать фигуры остальныхъ неудачниковъ и неудачницъ Чехова, напр., д-ра Астрова и Сони въ „Дядѣ Ванѣ“, Нины въ „Чайкѣ“, жены Иванова въ „Ивановѣ“ — это заняло бы слишкомъ много мѣста. Достаточно отмѣтить лишь тотъ бросающійся въ глаза фактъ, что у своихъ героинь-неудачницъ, обрисованныхъ съ особенной любовью, Чеховъ еще рѣзче подчеркиваетъ стремленіе и способность къ самопожертвованію и ихъ готовность гибнуть безъ слезъ и жалобъ, даже безъ косыхъ взглядовъ. Въ этомъ есть героизмъ, но, разумѣется, не тотъ радостный и торжествующій героизмъ, который вселяетъ вѣру въ жизнь, рисуя въ перспективѣ побѣду, свободу и счастье, а героизмъ, выросшій въ душной и чахлой обстановкѣ, не говорящей ни о чемъ, кромѣ безконечнаго терпѣнія. О, конечно, намъ хотѣлось бы, намъ нужно совершенно другое и Чеховъ никакъ не учитель жизни: онъ просто огромная художественная сила, въ превосходныхъ образахъ изобразившая намъ томленіе и муки своей эпохи. Нѣтъ, не о холодной крови приходится тутъ говорить, не объ идеализаціи сѣренькой и тусклой жизни, а о чемъ-то другомъ, совсѣмъ этимъ обѣимъ вещамъ постороннемъ, объ этомъ страшномъ и пугающемъ могуществѣ „дѣйствительности“, которое въ ужасѣ и трепетѣ удержало цѣлое поколѣніе, разбило его надежды и даже лучшихъ его представителей заставило уйти самихъ въ себя или совсѣмъ отстраниться отъ жизни...

Одинъ изъ героевъ Чехова называетъ поколѣніе 80-хъ годовъ „обреченнымъ“. Это несомнѣнно взглядъ самого автора, взглядъ, который вы слышите и въ словахъ, и въ тонѣ, и въ выборѣ темъ и сюжетовъ. Люди этого поколѣнія, обреченные на рабство духа, могли или примириться со своею участью и найти даже многія рабскія радости,—первая изъ которыхъ—служеніе похотямъ своимъ,— или истратить всю силу свою на терпѣніе—но тѣхъ и другихъ одинаково должна была преслѣдовать мысль о собственномъ ничтожествѣ и безсиліи. Какое уныніе должно было царить въ такой атмосферѣ и какъ ярко передъ мыслящимъ умомъ выступала вся безцвѣтность, вся случайность и произвольность, вся безтолковость жизни, утерявшей свою идею, свое будущее. Что какъ не уныніе, какъ не при-

знаніе своей обреченности слышится хотя бы даже въ этихъ вотъ, на первый взглядъ, такихъ хладнокровныхъ словахъ:

„Стихійные элементы жизни—ея главные элементы. Животный организмъ обладаетъ способностью быстро приспособляться, привыкать и принюхиваться къ какой угодно атмосферѣ, иначе человѣкъ долженъ былъ бы каждую минуту чувствовать, какую неразумную подкладку имѣетъ часто его разумная дѣятельность и какъ еще мало осмысленной правды и увѣренности въ такихъ отвѣтственныхъ и страшныхъ по результатамъ дѣятельностяхъ, какъ педагогическая, юридическая и литературная“...

Настроеніе не могло не быть „хмурымъ“, настроеніе этихъ людей, подавленныхъ непосильной работой и огромностью пошлой стороны окружающей жизни. Г. Михайловскій не разсмотрѣлъ и этого основного мотива въ сборникѣ „Хмурые люди“ и рѣшилъ, что для Чехова жизнь—это куча бирюлекъ, откуда онъ крючкомъ своего почти механическаго творчества вытаскиваетъ то одну, то другую. Какъ на самомъ дѣлѣ все просто...

Ни одно поколѣніе не было такъ далеко отъ исторической идеи, какъ поколѣніе 80-хъ годовъ. Здѣсь столкнулись и перепутались десятки самыхъ противорѣчивыхъ настроеній и происходила грандіозная пляска мертвыхъ. Та идея, которой жили отцы и дѣды,—идея народничества и обновленія жизни мужикомъ была упразднена самимъ ходомъ жизни.

Чехова не разъ обвиняли за презрительное, а то и прямо клеветническое отношеніе къ народу, мужику. Это не такъ. Ни презрѣнія, ни клеветы. Но, конечно, онъ не идеализируетъ мужика, не относится къ нему какъ къ совершенно особой категоріи, не вѣритъ въ его обновляющую роль. Но и это его невѣріе было общимъ и оно типично, до послѣдней степени типично, какъ и все, что вышло изъ-подъ его пера. Это-то невѣріе, не замѣненное никакой другой вѣрой или просто даже признаніемъ, и создало то тоскливое ощущеніе пустоты, оно-то и заставило броситься въ область самыхъ отвлеченныхъ нравственныхъ началъ (добро для добра, самопожертвованіе ради самопожертвованія),—что лучше всего доказываетъ, какъ растерялся человѣкъ и какъ необходима ему какая-нибудь историческая нить—эта нить Аріадны, безъ которой онъ все равно затеряется въ лабиринтѣ противорѣчій.

Андреевичъ.

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ и подписчиковъ.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи должна быть приложена почтовая марка.

2) Стихотворенія и рукописи объемомъ менѣе печатнаго листа не возвращаются. Рукописи, не принятыя редакціею, размѣромъ болѣе листа, сохраняются **шесть мѣсяцевъ.** *Для обратнаго полученія рукописей должны быть приложены почтовыя марки въ размѣрѣ стоимости пересылки подъ* **заказной** *бандеролью.*

3) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются по усмотрѣнію редакціи. Авторы, не желающіе печатать своихъ произведеній съ редакціонными поправками благоволятъ оговаривать это въ рукописяхъ.

4) Личныя объясненія по дѣламъ редакціи и выдача гонораровъ по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 2 до 4 ч. дня.

5) При перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо** *прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его №. Безъ указанія прежняго адреса перемѣна адреса или доплата* **не можетъ быть произведена.**

6) За перемѣну адреса уплачивается 35 к. почтовыми марками.

7) Контора редакціи отвѣчаетъ на запросы только въ томъ случаѣ, если **оплаченъ** *отвѣтъ.*

8) Контора для пріема подписки и объявленій открыта ежедневно, за исключеніемъ праздниковъ, отъ 11 до 5 ч. дня.

Главная контора и редакція журнала „Жизнь" переведены въ домъ № 20, по Знаменской улицѣ.

Продолжается подписка на второе полугодіе 1899 г.

(съ 1 іюля 1899 г. по 1 января 1900 г.).

НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„ЖИЗНЬ“.

Съ января 1899 г. журналъ выходитъ при обновленномъ составѣ редакціи и сотрудниковъ ежемѣсячными книжками въ размѣрѣ отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ. Въ каждой книжкѣ помѣщаются иллюстраціи, отпечатанныя на отдѣльныхъ листахъ.

Всѣ новые **полугодовые подписчики** 1899 г. получатъ начало повѣсти ***М. Горькаго:*** *„Ѳома Гордѣевъ“* и начало романа ***Ренэ Базена:*** *„Умирающая земля“*.

Новые полугодовые подписчики, желающіе получить романъ ***Гемфри Уордъ:*** *„Хельбекъ изъ Баннисдэля“*, переведенный подъ редакціей ***Л. Я. Гуревичъ***, доплачиваютъ 50 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой на годъ . . .	7 р.
„ „ „ „ „ 1/2 года .	4 „
За границу на годъ	10 „
„ „ „ 1/2 года	6 „

ГОДОВАЯ ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ, за израсходованіемъ всѣхъ полныхъ годовыхъ комплектовъ, ПРЕКРАЩЕНА.

Главная контора: С.-Петербургъ, Знаменская ул., 20.

Редакторъ-издатель ***Д. М. Остафьевъ.***
Редакторъ ***М. С. Ермолаевъ.***

Дозв. ценз. Спб., 20 августа 1899 г. Тип. Спб. акц. общ. печ. дѣла Е. Евдокимовъ. Троицкая, № 18.